

АНДРЭ
НОРТОН

фантастические романы

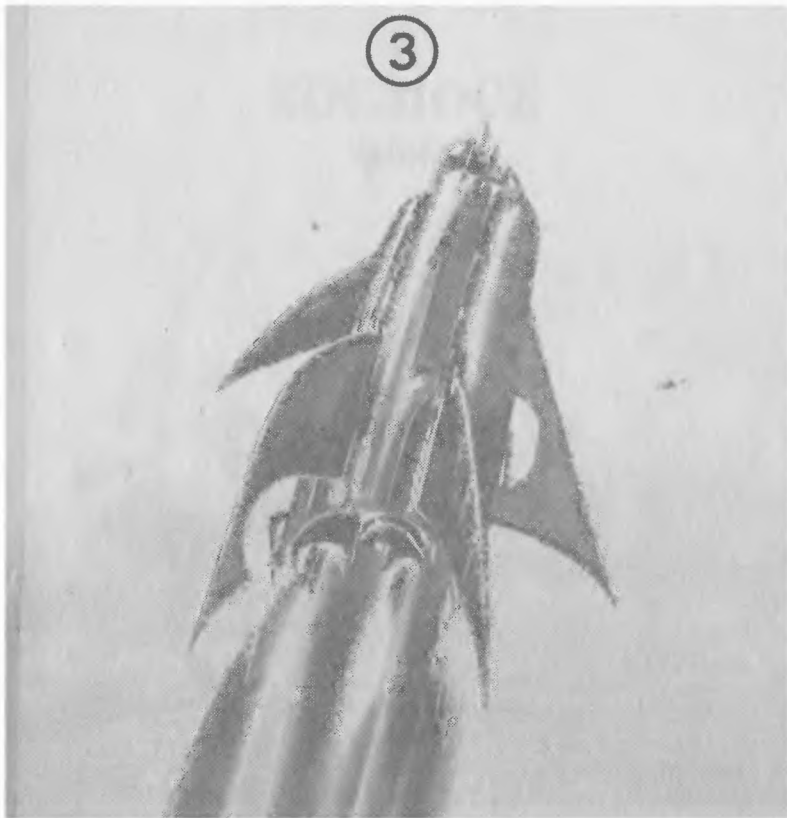
королева солнца

АНДРЭ НОРТОН
КОРОЛЕВА СОЛНЦА

3

Художник А.В. Вальдман

Нортон А.

Н83 Королева Солнца. Романы: Пер. с англ.-М.: МП
"Центрполиграф", 1991. — 478 стр.

В третью книгу серии "Осирис" вошли романы американской писательницы Андре Нортон, завоевавшей популярность благодаря своему самому известному произведению "Саргассы в космосе", написанному в 1955 году и ставшему первым в цикле романов "Королева Солнца".

ISBN

ББК 84,7/США/

© Состав, оформление МП "Центрполиграф", 1991

**САРГАССЫ
В
КОСМОСЕ
КНИГА I**

САРГАССЫ В КОСМОСЕ

КНИГА I

1. "КОРОЛЕВА СОЛНЦА"

Худощавый, очень молодой человек в необмятой форме Торгового флота попытался вытянуть затекшие ноги. «На кого они рассчитывали, когда проектировали эти вагоны? — с некоторым раздражением подумал он. — Они, верно, воображали, будто в их межконтинентальных подземках станут ездить одни кролики». В который уж раз он пожалел, что не смог позволить себе взять место на самолете. Но ему стоило только ощупать свой тощий кошелек, чтобы вспомнить, кто он и что он: Дэйв Торсон, новичок в Космофлоте, без корабля и без протекции.

В кошельке были подъемные, положенные выпускнику Школы, и жиденькая пачка мятых кредиток — все, что удалось выручить за вещи, которые не берут с собой в космос. Остался у него только небольшой чемодан, вмещавший все его пожитки, и еще тонкая металлическая бляха, на которой вырезаны и выбиты непонятные ему значки. Эта бляха была его пропуском в будущее, в светлое будущее, как твердо решил Дэйв.

Впрочем, не забывая, что до сих пор тебе тоже везло. Все-таки не каждый мальчишка из федерального приюта получает путевку в Школу и десять лет спустя становится помощником суперкарга, готовым к назначению на космический корабль. Тут он вспомнил о последних неделях в Школе, о свирепых экзаменах и содрогнулся. Основы механики, введение в астрогацию, а потом — экзамены по специальности: обработка грузов для перевозок, техника погрузки, торговые операции, галактические рынки, внеземная психология и прочее, и прочее... Все это он втискивал в свой мозг, и временами ему казалось, что в голове у него ничего нет, кроме каких-то кусочков и обрывков, которые он уже никогда больше не сможет увязать в разумное целое. Мало того, что учиться было трудно, — угнетали также эти новые веяния в системе распределения выпускников.

Дэйн хмуро устался на спинку сиденья перед собой. Большинство курсантов принадлежали к семьям работников Торгового флота, они уходили в него корнями. Похоже, что работники Торгового флота превращаются в закрытую касту. Сыновья уходят в Космофлот вслед за отцами и братьями, и человеку без связей все труднее становится получить путевку в Школу. Ему повезло...

Взять, например, Сэндза. У него все служат в «Интерсолар» — два старших брата, дядя, двоюродный брат. И он никогда и никому не дает забыть об этом. А ведь стоит выпускнику получить назначение на корабль большой компании вроде «Интерсолар», и он обеспечен до конца дней своих. Компании держат в руках все регулярные рейсы между планетными системами. Их космолетчики всегда спокойны за свое место, им дают возможность приобретать акции своей компании, а когда приходит пора оставить космос, обеспечивают пенсией или предоставляют административную должность, если они хоть как-то проявили себя. Ребятам вроде Сэндза достаются самые сливки Торгового флота — «Интерсолар», «Комбайн», «Денеб-Галактик», «Фолворт-Игнести»...

В дальнем конце обтекаемого вагона телевизионная реклама восхвалила импортные товары «Фолворт-Игнести». Дэйн, помаргивая, глядел на экран, но ничего не видел и не слышал. Все решит Психолог. Дэйн снова пощупал кошелек: опознавательный жетон в потайном кармашке был в целости и сохранности.

Реклама потускнела и сменилась красной надписью. Дэйн дождался легкого толчка, возвестившего об окончании двухчасового пути, и поднялся. Он с облегчением выбрался наружу и извлек свой чемодан из груды багажа в багажном вагоне.

Большинство пассажиров было из Торгового флота, но лишь немногие щеголяли эмблемами больших компаний. В основном это были бичкомеры, или вольные торговцы, люди, которые по вздорности характера или по каким-либо иным причинам не прижились в мощных организациях и кочевали с одного корабля-аутсайдера на другой, люди, стоящие на самой нижней ступени в иерархии Торгового флота.

Взвалив чемодан на плечо, Дэйн поднялся в лифте и вышел под палящее южное солнце. На бетонной полосе, огораживающей изрытое и обожженное взлетное поле, он задержался, разглядывая ряды стартовых установок. Тупоносые межпланетные торговцы, совершающие рейсы на Марс и в пояс астероидов, а также корабли для полетов на спутники Сатурна и Юпитера его интересовали мало. Звездолеты — вот что ему было нужно. Они возвышались вдаль, их гладкие бока лоснились от

предохранительной смазки, и пыль чужих миров еще лежала, быть может, на их опорных стабилизаторах...

— Ба, да это Викинг! Что, Дэйн, высматриваешь себе кораблик получше?

Дэйн стиснул зубы, но когда он повернулся, лицо его вновь было спокойным и непроницаемым.

Артур Сэндз явно строил из себя старого космического волка, и это, как с удовольствием отметил Дэйн, выглядело весьма забавно в сочетании с его сверкающими ботинками и новехонькой формой. Но все же манеры Сэндза, как всегда, возбудили в нем скрытое раздражение. Вдобавок с Артуром были его обычные подпевалы — Рики Уорэн и Хэнлаф Баута.

— Только что прибыл, Викинг? Надо понимать, судьбы ты еще не пытал? Мы тоже. Пошли погибать вместе.

Дэйн колебался. Менее всего ему улыбалось предстать перед Психологом в компании с Артуром Сэндзом. Снисходительная самоуверенность этого типа действовала ему на нервы. Сэндз явно рассчитывал на самый лучший кусок, а школьный опыт показал, что Сэндз всегда получает то, на что рассчитывает. Дэйн же давно привык сомневаться в своем будущем. И если сейчас ему выпадет незавидный жребий, то лучше пусть это произойдет без свидетелей. Однако он понимал, что отделаться от Артура невозможно, и покорно отправился сдавать чемодан в камеру хранения.

Они, конечно, прибыли самолетом, подумал он. Артур со своими присными не привык себе в чем-нибудь отказывать. А интересно, почему это они до сих пор не были у Психолога? Что они здесь делали целый час? Решили истратить свое последнее свободное время на прогулочку? Неужели... Дэйн ощутил легкое замирание сердца. Неужели им тоже не по себе, неужели они тоже боятся ответа машины?

Впрочем, от этой мысли ему тотчас пришлось отказаться: когда он снова присоединился к ним, Артур разглагольствовал на свою излюбленную тему.

— Машина, видители ли, беспристрастна! Все это детские сказки, которыми пичкают в Школе. Слыхали мы эту болтовню — человек, мол, назначается на должность, которая соответствует его характеру и его таланту, корабль-де должен обслуживаться идеально притертым экипажем... Все это мыльные пузыри! Если «Интерсолар» хочет заполучить себе парня, она его получит, и никакой Психолог не сможет всучить ей того, кого она не хочет! А это все разговоры для сопляков, не знающих, где у корабля нос и где корма... или для тех, у кого ума не хватает подыскать себе хорошее местечко. Меня вот не засунут на край света, на какой-нибудь заморенный торговец...

Рики и Хэнлаф с восторгом внимали каждому его слову. Но Дэйн не желал слушать такие разговоры. Вера в неподкупность Психолога была единственным, за что он цеплялся последние дни, когда Артур и ему подобные важно расхаживали по Школе, совершенно убежденные, что быстрое продвижение им обеспечено.

Он всегда предпочитал верить официальному утверждению, что реле и импульсы машины не подвержены воздействию извне, что судьба всякого, кто обращается к машине за назначением, решается совершенно объективно. Ему хотелось верить, что, когда он бросит в машину свой опознавательный жетон, электронному Психологу будет безразлично, что он сирота, что у него нет родственников в Торговом флоте, что кошелек его тощ и не может повлиять на его судьбу, и решение будет зависеть только от его знаний, от школьной характеристики, от его характера и способностей.

Но семена сомнений были брошены, неуверенность росла, и по мере приближения к залу назначений он шагал все медленней и медленней. Впрочем, он ни за что на свете не дал бы заметить свое беспокойство Артуру и его прихвостням.

Упрямая гордость толкнула его вперед, и он первым из четверых сунул свой жетон в щель машины. Пальцы его непроизвольно дернулись вдогонку, но жетон уже исчез, и Дэйн, справившись с собой, уступил место Артуру.

Электронный Психолог представлял собой всего-навсего ящик, куб сплошного металла — таким он по крайней мере казался сейчас выпускникам. «Насколько легче было бы ждать, — подумал Дэйн, — если бы мы своими глазами могли наблюдать, что происходит внутри этого сундука, как машина оценивает, сравнивает, комбинирует значки и насечки на наших жетонах, пока не подберет нам подходящие корабли из тех, что прибыли сюда в порт и подали заявки на помощников суперкарго».

Длительные перелеты, когда маленький экипаж закупорен в звездолете, почти без отдыха и без развлечений, приводили в прошлом к страшным трагедиям. На лекциях по истории Торгового флота, которые читались в Школе, рассказывали о таких случаях. Потом появился Психолог и стал с беспристрастной объективностью распределять нужных людей на нужные корабли в соответствии с их профессиональной подготовкой и составом экипажа, так чтобы их деятельность протекала с наибольшей отдачей и в наиболее благоприятной обстановке. В Школе никто не рассказывал курсантам, как работает Психолог, как он читает значки на жетонах, но известно было, что решение

машины фиксируется на жетонах, что оно окончательно и обжалованию не подлежит.

«Так нас учили, — думал Дэйн, — в это я всегда верил, и разве это может быть неправдой?»

Мысли его были прерваны медным звоном в недрах машины — это вернулся один из жетонов, на его поверхности появилась новая надпись. Артур схватил его и мгновение спустя торжественно заорал:

— «Звездный скороход!» «Интерсолар»!.. Я знал, малыш, ты не подведешь старину Артура! — Он покровительственно хлопал машину по плоской крышке. — Ну, ребята, говорил я вам, что для меня он постарается?

Рики энергично закивал, а Хэнлаф даже позволил себе шлепнуть Артура по спине. Волшебник Сэндз вновь сотворил чудо.

Следующие два медных удара раздались почти одновременно, и два жетона, звякнув, выпали из машины один на другой, Рики и Хэнлаф схватили их. Лицо Рики разочарованно вытянулось.

— «Марс — Земля инкорпорэйтед»... — прочитал он вслух. — «Искатель приключений»...

Дэйн видел, как дрожат его пальцы, запикивающие жетон в кармашек на поясе. Не будет у Рики ни дальних звезд, ни великих подвигов, а уготовано ему незавидное местечко в системе околосолнечных сообщений, где так много конкурентов и так мало надежд на славу и богатство.

Зато Хэнлаф был в восторге.

— «Воин Денеба!» «Комбайн»! — вскричал он, не слушая несчастного Рики.

Артур, ослабившись, протянул ему руку.

— Давай пять, враг мой! — сказал он. Он тоже не обращал внимания на Рики, словно его бывший приятель перестал существовать.

— Держи, конкурент! — отвечивал Хэнлаф. Его обычного раболепия как не бывало.

Ему поразительно повезло. «Комбайн» был мощной компанией, настолько мощной, что последние два года она с успехом бросала вызов самой «Интерсолар». Она выхватила из-под носа у «И-С» правительственный контракт на почтовые перевозки и сумела завладеть концессией на эксплуатацию рейсов в одной из планетных систем. Вполне вероятно, что отныне Артур и его бывший подпевала никогда больше не встретятся по-приятельски, но сейчас главным для них была их общая удача, а все прочее пока не имело никакого значения.

А Дэйн все ждал. Может, жетон там где-нибудь заело? Может,

пойти поискать кого-нибудь из администрации и спросить, что делать? Ведь он бросил жетон первым, а тот не возвращается. Вот и Артур это заметил...

— Так-так, а для Викинга кораблика-то все нет! Видно, не просто подобрать корыто по твоим редкостным талантам...

«А может, это и на самом деле так? — несмело подумал Дэйн. — Может, сейчас в порту нет корабля, который нуждался бы в специалисте моего типа? Тогда что же — мне придется торчать здесь и ждать, пока такой корабль прибудет?»

Артур словно читал его мысли. Его торжествующая ухмылка превратилась в издевательский оскал.

— Что я вам говорил, ребята? — провозгласил он. — У Викинга не нашлось нужных людей. А не сходить ли тебе за чемоданчиком, парень? Устроишься здесь где-нибудь в уголке и подождешь денек-другой, пока Психолог не разродится.

Хэнлаф нетерпеливо дернулся. Теперь он чувствовал себя совершенно независимым, и Артур ему был не указ.

— Я подышаю с голоду, — объявил он. — Пошли пожрем... а потом поищем свои корабли...

Артур помотал головой.

— Подождем еще минуту. Я хочу посмотреть, достанется ли ему какой-нибудь кораблик... или такого вообще нет в порту?..

Дэйн терпел. Только это ему и оставалось — делать вид, будто ничего особенного не происходит, а на Артура и его банду ему наплевать. Но что все-таки случилось? Работает машина или жетон просто затерялся где-то в ее таинственных потрохах? Если бы не Артур с его подлыми шуточками, он бы давно побежал за помощью.

Рики был уже в дверях, он словно чувствовал, что теперь в этой компании ему не место, что несчастливое назначение навсегда превратило его в парию. Хэнлаф тоже повернулся, чтобы уходить, но тут медный удар прозвучал в четвертый раз. Дэйн ринулся к машине одновременно с Артуром, но оказался быстрее. Он выхватил жетон из-под самых пальцев наглого счастличика.

Священного значка — символа крупной компании — на жетоне не было, это Дэйн увидел сразу же. Значит... значит, он обречен всю жизнь прозябать в солнечной системе... та же унылая судьба, что у Рики?

Нет, здесь есть звездочка, она дарует Галактику... а вот и название звездолета... не компании, правда, но все-таки звездолета... «Королева Солнца». Никогда прежде Дэйн не считал себя тугодумом, но сейчас он не сразу понял, что произошло.

Если названия компании нет, а есть только название корабля, значит... Вольный торговец! Один из бродяг и гончих

псов космоса, что рыщут по звездным тропинкам, которыми большие компании пренебрегают, ибо тропинки эти слишком новые, слишком опасные и не сулят верной прибыли. Да, это тоже отряд Торгового флота, и непосвященные находят в них некую романтику. Но у Дэйна на миг упало сердце. Для честолюбивого человека вольная торговля — это почти наверняка тупик. Даже преподаватели в Школе, говоря об этом предмете, старались ограничиться лишь самыми необходимыми сведениями. Слишком часто вольная торговля оборачивалась игрой со смертью, гибелью от страшных болезней, войнами с чужими враждебными племенами. Слишком часто вольные торговцы рисковали не только прибылью и кораблем, но и головой. Вот почему в иерархии Космофлота эта профессия считалась самой незавидной. Да что там говорить, любой выпускник с радостью предпочел бы судьбу Рики назначению на вольный торговец!

Дэйн был ошеломлен и потому забыл об осторожности. Рука Артура протянулась через его плечо и выхватила жетон.

— Вольный торговец! — проорал Сэндз на весь порт.

Рики остановился в дверях и обернулся. Хэнлаф коротко заржал, Артур залился смехом.

— Так вот ты у нас каков, Викинг? Ты будешь космическим викингом... Колумбом звездных дорог... бродягой далеких пространств! А умеешь ли ты обращаться с бластером, приятель? Не пойти ли тебе подзубить правила контакта с внеземными племенами? Ведь с земными племенами вольные торговцы встречаются нечасто. — Он повернулся к Хэнлафу и Рики. — Пошли, ребята! Закатим Викингу роскошный обед, ведь он, бедняга, до конца жизни обречен теперь сидеть на концентраторах.

Он ухватил Дэйна за руку. Вырваться ничего бы не стоило, но надо было сохранить лицо и не утратить достоинство, и Дэйн пошел за ним, подавив ярость.

Шуточки Артура вызвали у него упрямое стремление отыскать в своем положении что-нибудь хорошее. В первую секунду, когда он прочел на жетоне свою судьбу, он был совершенно подавлен, но теперь настроение его вновь поднялось. Пусть вольный торговец не считается фигурой в Космофлоте, пусть лишь немногие из них гордо расхаживают по крупным портам, где гораздо чаще можно увидеть служащих крупных компаний. Но никто не станет отрицать, что на окраинах космоса сколочено немало состояний и что вольные торговцы не из тех, кто теряется.

В Торговом флоте не было строгих кастовых разграничений, космолетчики различались не по рангам, а по месту службы. Огромная столовая в порту была открыта для любого посетителя

в форме Космофлота. Большие компании имели здесь собственные залы, где их служащие расплачивались талонами. Транзитники же и новички, не приписанные еще к определенному кораблю, устраивались обычно за столиками поблизости от входа.

Дэйн первым сел за свободный столик и сразу нажал на клавишу автокассы. Хотя он и вольный торговец, но дает этот банкет он, и даже если этот шикарный жест будет стоить ему половины всех его капиталов, это лучше, чем съесть хоть один кусок, оплаченный Артуром.

Они набрали на диске заказ и посидели, озираясь по сторонам. Из-за столика неподалеку поднялся человек с молнией инженера-связиста в петлице. Два его сотрапезника продолжали методично жевать, а он направился к выходу. У него было лицо восточного типа, но чрезмерно широкая грудная клетка выдавала в нем марсианского колониста второго или третьего поколения.

Те двое, что остались за столом, были в ранге помощников. Один носил значок штурмана, у другого в петлице красовалась шестеренка механика. Он-то и привлек внимание Дэйна.

Помощник суперкарго подумал, что никогда ему не пришлось видеть такой дерзкой красивой физиономии. Жесткие черные волосы были подстрижены коротко, но заметно было, что они выются. Тонко очерченное лицо покрыто космическим загаром, темные глаза прикрыты тяжелыми веками, а углы слишком ярких для мужчины губ искривлены едва заметной цинично-веселой усмешкой. Это был типичный телевизионный герой-космопроходец, и он сразу не понравился Дэйну.

Зато сосед этого красавца, негр, был скроен грубо, словно вытесан из гранитной глыбы. Он что-то оживленно рассказывал, между тем как механик вяло отвечал ему односложными словами.

Вскоре Дэйн отвлекся от них, потому что Артур вновь выпустил свое ядовитое жало.

— «Королева Солнца»! — провозгласил он, излишне громко, по мнению Дэйна. — Вольный торговец! Да, Викинг, нюхнешь ты жизни, это уж точно. Одно утешение — нам можно будет общаться с тобой по-прежнему... конкурент из тебя, сам понимаешь...

Дэйну удалось выжать из себя подобие улыбки.

— Какой ты добрый, Сэндз! Теперь мне не на что жаловаться — до меня снизошел служащий «Интерсолар»...

Рики прервал его.

— А ведь это опасно — вольная торговля, — произнес он.

Артур нахмурился. Опасности всегда присуще некое очарование. Он поспешил возразить:

— Брось, Рики! Неужели ты воображаешь, будто все эти вольные непременно имеют дело с новыми мирами? Многие сидят на регулярных рейсах между планетками победнее, где большим компаниям делать нечего. Вот увидишь, придется нашему Дэйну мотаться взад-вперед между двумя городишками под куполами... там ему даже нос из скафандра нельзя будет высунуть...

«А тебе этого, видно, очень хочется, — сказал Дэйн про себя. — Того, что со мной уже случилось, тебе недостаточно». Несколько секунд он размышлял, почему это Сэндзу доставляет такое удовольствие жалить его.

— Да, ты прав... — поспешно согласился Рики. Но Дэйн перехватил его взгляд и заметил в глазах у Рики какую-то тоску.

Артур театральным жестом поднял кружку.

— За Торговый флот! — провозгласил он. — Да сопутствует удача «Королеве Солнца»! Ведь удача тебе ох как пригодится, Викинг!

Дэйн вновь почувствовал себя уязвленным.

— Не знаю, не знаю, Сэндз, — возразил он. — Бывало, что вольные торговцы делали большие дела. А риск...

— Вот то-то и оно, старик, риск! А кости падают то так, то эдак. На одного вольного торговца, который чего-то добился, приходится сотня таких, которым нечем оплатить стоянку в порту. Да, старик, жалко, что ты не обзавелся знакомствами среди сильных мира сего.

И тут Дэйн решил, что с него хватит. Он откинулся на спинку стула и поглядел на Артура в упор.

— Я отправляюсь туда, куда меня назначил Психолог, — сказал он ровным голосом. — Все эти разговоры насчет ужасов вольной торговли ничего не стоят. Походим сначала годик в космосе, Сэндз, а потом поговорим...

Артур расхохотался.

— Точно! Я — годик в «Интерсолар», ты — годик на своем разбитом корыте. Ставлю десять против одного, Викинг, что, когда мы встретимся в следующий раз, у тебя не будет ни гроша и мне придется заплатить за твой обед. А теперь, — он поглядел на часы, — теперь я намерен взглянуть на свой «Звездный скоростной». Кто со мной?

Очевидно, послушные Рики и Хэнлаф. Во всяком случае, ушли они все вместе. А Дэйн остался сидеть за столиком, приканчивая отличный обед, уверенный, что пройдет много времени, прежде чем ему доведется снова попробовать что-либо

подобное. Он надеялся, что вел себя достойно, хотя Сэндз безмерно надоел ему.

Но он недолго оставался в одиночестве. Кто-то придвинул стул Рики и сел напротив.

— Ты на «Королеву Солнца», приятель?

Дэйн резко поднял голову. Опять Артуровы шуточки? Но перед ним сидел негр, помощник штурмана с соседнего столика, и при виде его открытого лица Дэйн немного оттаял.

— Только что назначен, — сказал он и протянул через стол свой жетон.

— Дэйн Торсон, — прочитал вслух помощник штурмана. — А меня зовут Рип Шэннон... Рипли Шэннон, если тебе угодно, чтобы я представился по всей форме. А это, — он поманил телевизионного героя, — это Али Камил. Мы оба с «Королевы». Ты, значит, помощник суперкарго, — заключил он полувопросительно.

Дэйн кивнул и поздоровался с Камилем, надеясь, что скованность, которую он ощущал, не очень заметна на его лице и в голосе. Ему показалось, что Камил смотрит на него откровенно оценивающим взглядом и при этом, кажется, думает, что Дэйн — не находка.

— Мы как раз собираемся на корабль, — сказал Рип. — Пойдешь с нами?

От него веяло такой дружеской простотой, что Дэйн тут же согласился. Они вышли из столовой, уселись в кар и покатались через взлетное поле к стартовым установкам звездолетов, маячившим вдаль. Рип болтал без умолку, этот здоровяк нравился Дэйну все больше и больше. Шэннон был старше, в скором времени ему предстояло, вероятно, перейти на самостоятельную работу; он рассказал Дэйну кое-что о «Королеве» и ее экипаже, и Дэйн был искренне благодарен ему.

По сравнению с гигантскими суперкосмолетами компаний «Королева» была сущим лилипутом. Экипаж ее состоял всего из двенадцати человек, и каждому приходилось выполнять больше одной обязанности — жесткой специализации на борту вольного торговца не бывает.

— Сегодня мы уходим с грузом к Наксосу, — пояснил Рип. — А оттуда... — он пожал плечами. — Кто знает — куда?

— Во всяком случае, не к Земле, — сухо вставил Камил. — Так что попрощайтесь с домом надолго, Торсон. На эту дорожку мы попадем теперь нескоро. Мы и сейчас-то здесь только потому, что подвернулся особый груз, такое случается раз в десять лет.

Дэйну показалось, что красавчик старается запугать его.

Кар обогнул первую из исполинских стартовых башен. Вот

они, корабли компаний, в собственных доках — иглоподобные носы вонзаются в небо, вокруг кишат люди, идет погрузка. Дэйн не мог оторвать глаз от этих гигантов, но он не повернул головы, когда кар свернул влево и покатился к другому ряду стартовых установок. Кораблей здесь было мало, всего полдюжины, и они были гораздо меньше по размерам — вольные торговцы, готовые к взлету. И Дэйн не очень удивился, когда кар затормозил возле трапа самого потрепанного из них.

Но была в голосе Рипа любовь и неподдельная гордость, когда он объявил:

— Вот она, приятель, «Королева Солнца», лучший торговец на звездных трассах. Она настоящая леди, наша «Королева»!

2. РАСПРОДАЖА МИРОВ

Дэйн вошел в служебную каюту суперкарго. Здесь, в окружении кассет с микропленкой, проекторов и прочей аппаратуры, необходимой каждому опытному торговцу, восседал за столом человек, совершенно непохожий на суперкарго, каким представлял его себе Дэйн. Преподаватели, читавшие в Школе лекции по торговому делу, были людьми гладкими, холеными и внешне мало отличались от преуспевающих земных администраторов. В них не было ничего от космоса.

Что же касается суперкарго Дж. Ван Райка, то о принадлежности его к Космофлоту говорила не только форменная одежда. Это был огромный мужчина, не жирный, но чрезвычайно плотный. У него были белесые редеющие волосы и широкое лицо, скорее красное, чем загорелое. Заполняя каждый дюйм своего мягкого кресла, он глядел на Дэйна с сонным безразличием, и с таким же сонным безразличием разглядывал Дэйна большущий полосатый кот, развалившийся тут же на столе.

Дэйн отдал честь.

— Помощник суперкарго Торсон прибыл на борт, сэр! — отчеканил он лихо, как учили в Школе, и положил на стол свой опознавательный жетон.

Однако его новый начальник не шевельнулся.

— Торсон... — прогудел он глубоким басом, исходящим, казалось, из самых недр его огромного туловища. — Первый рейс?

— Да, сэр.

Кот сощурился и зевнул, а Ван Райк все глядел на Дэйна оценивающим взглядом.

— Явитесь к капитану, он вас зачислит, — сказал он наконец.

И это было все. Несколько ошарашенный, Дэйн поднялся в

секцию управления. В узком коридоре его нагнал какой-то офицер, и ему пришлось прижаться к стене, чтобы освободить проход. Это был тот самый инженер-связист, который обедал за одним столиком с Рипом и Камиллом.

— Новенький? — коротко бросил он на ходу.

— Да, сэр. Я должен...

— Каюта капитана выше, — сказал связист и скрылся.

Дэйн, не торопясь, пошел следом. «Королеву» действительно не назовешь гигантом межзвездных трасс — на ней не было того комфорта и разных новейших приспособлений, которыми славились корабли компаний. Но даже новичок заметил бы, что на борту «Королевы» царит идеальный порядок. Да, у нее обшарпанные борта, и снаружи она выглядела потрепанной и несколько помятой, но зато внутри придраться было не к чему: сразу видно, что корабль находится в хороших руках. Дэйн поднялся на следующую палубу и постучал в полуоткрытую дверь. Нетерпеливый голос приказал войти, и он вошел.

На мгновение он растерялся — ему почудилось, что он попал в музей космозоологии. Стены тесной каюты были увешаны огромными фотографиями. И чего только не было на этих фотографиях! Внеземные животные, которых он видел и о которых только слышал, перемежались здесь с чудищами, словно бы выскочившими из тяжелых кошмаров. А в небольшой клетке, которая покачивалась под низким потолком, сидело голубое существо — немыслимая помесь попугая и жабы, если только бывают жабы о шести ногах, две из которых с клешнями. Когда Дэйн вошел, существо просунуло голову между прутьями клетки и хладнокровно плюнуло в него.

Потрясенный Дэйн стоял столбом, пока его не привел в себя скрипучий окрик:

— Ну, в чем дело?

Дэйн поспешно отвел взгляд от голубого чудища и увидел сидящего под клеткой человека. Грубое лицо капитана Джелико было изуродовано шрамом, идущим через щеку. Такие шрамы остаются после ожога от бластера. Из-под фуражки с капитанской кокардой торчали седые волосы, а глаза были такие же холодные и властные, как выпученные глазки обитателя клетки.

Дэйн опомнился.

— Помощник суперкарго Торсон прибыл на борт, сэр! — доложил он и снова предъявил свой жетон. Капитан нетерпеливо выхватил жетон у него из пальцев и спросил:

— Первый рейс?

Дэйн вновь был вынужден ответить утвердительно, хотя ему очень хотелось бы сказать: «Десятый!»

В этот момент голубое животное испустило душераздирающий вопль, и капитан, откинувшись в кресле, звонко шлепнул ладонью по дну клетки. Животное замолчало и принялось плевать. Капитан бросил жетон в рекордер бортжурнала и нажал кнопку. Официальное зачисление состоялось. Дэйн позволил себе немного расслабиться. Теперь он был членом экипажа «Королевы», теперь уж его не вышвырнут.

— Старт в восемнадцать ноль-ноль, — сказал капитан. — Идите устраивайтесь.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Дэйн.

Справедливо полагая, что приказ быть свободным получен, он отдал честь и с радостью покинул зверинец капитана Джелико — хоть там был всего один живой экспонат.

Спускаясь в грузовой отсек, он размышлял, откуда, из какого странного мира взялось это голубое существо и чем оно могло полюбить капитану — настолько, что тот всюду таскает его за собой. По мнению Дэйна, в этой твари решительно не было ничего такого, что могло бы вызвать симпатию.

Груз, который «Королеве» предстояло доставить на Наксос, был уже на борту: проходя мимо трюма, Дэйн заметил, что грузовой люк опечатан. Таким образом, служебных обязанностей в этом порту у Дэйна больше не было. Он направился в маленькую каютку, которую указал ему Рип Шэннон, и переложил свои нехитрые пожитки в шкаф.

Новое жилище показалось ему роскошным, он никогда не имел такого. В Школе у него были только подвесная койка и шкафчик. Так что, когда прозвучал сигнал приготовиться к старту, Дэйн был совершенно доволен жизнью, и никакие артуры сандзы не могли бы испортить ему настроение.

С остальными членами экипажа Дэйн познакомился уже в космосе. В рубке управления, помимо капитана, нес вахту Стин Вилкоккс, тощий шотландец лет тридцати с небольшим. Он был штурманом «Королевы», а до поступления в Торговый флот работал помощником штурмана в Службе изысканий. Кроме того, в секцию управления входили инженер-связист марсианин Тап Я и помощник Вилкоккса Рип.

Инженерная секция тоже состояла из четырех человек. Начальником там был Иоганн Штоц, молчаливый молодой человек, ничем, видимо, не интересовавшийся, кроме своих двигателей. Из рассказов Рипа Дэйн заключил, что Штоц был своего рода гениальным механиком и мог бы подыскать себе место получше, чем стареющая «Королева», но предпочел остаться и принять вызов, который она бросала его искусству. Помощником у Штоца был элегантный, даже фатоватый Камил. Впрочем, при всем его зазнайстве и напускной небрежности Камилу под

таким начальником, как Штоц, вполне удавалось справляться со своими обязанностями — «Королева» не несла мертвого груза. Остальные двое в штате инженерной секции представляли собой нечто вроде звездной пары гигант — карлик.

Впечатление они производили поразительное. В роли гиганта выступал Карл Кости, громоздкий, похожий на медведя мужчина, неуклюжий на вид, но в работе точный и надежный, как узел прекрасно налаженного механизма. Вокруг него, словно муха вокруг быка, вертелся малорослый Джаспер Викс. Лицо у него было худое и настолько выбеленное венерианскими сумерками, что даже космическое излучение не могло придать ему естественный коричневый цвет.

Коллеги Дэйна располагались на грузовой палубе и являли собой весьма разношерстную компанию. Во-первых; здесь обитал сам Ван Райк, начальник, столь компетентный в делах своей секции, что временами казался Дэйну не человеком, а вычислительной машиной. Дэйн пребывал в состоянии постоянного благоговения перед ним, ибо, по-видимому, не было на свете таких тонкостей вольной торговли, которых бы Ван Райк не изучил в совершенстве, а любое новое сведение, достигавшее его ушей, навсегда оставалось в непостижимой кладовой его памяти. Было у него и слабое место — горделивая уверенность в том, что он, Ван Райк, ведет свой род из глубин веков, из тех времен, когда корабли бороздили только воды и только одной планеты, и что он принадлежит к фамилии, все представители которой занимались торговлей от дней паруса до дней звездолетов.

В штате секции состояли еще два человека, имевшие к грузам лишь косвенное отношение: врач Крэйг Тау и кокстюард Фрэнк Мура. С врачом Дэйн иногда встречался во время работы, а Мура был так занят у себя на камбузе, что экипаж редко его видел.

У нового помощника суперкарго работы оказалось выше головы. Скорчившись на крошечном пятачке, отведенном ему в служебной каюте грузового отсека, он трудился по многу часов в день, изучая документацию. Время от времени Ван Райк учинял ему неофициальные, но безжалостные экзамены, и каждый раз Дэйн с ужасом обнаруживал в своих познаниях зияющие провалы. Через несколько дней он уже только робко удивлялся, почему это капитан Джелико вообще пустил его на борт, согласившись с решением Психолога. Было ясно, что сейчас от него, Дэйна, при его потрясающем невежестве пользы гораздо меньше, чем хлопот.

Впрочем, Ван Райк был не только машиной, перерабатывающей сведения и цифры. Он был еще знатоком легенд и великолепным рассказчиком, и, когда он принимался излагать в

кают-компания очередную историю, все слушали его как зачарованные. Например, только от него можно было во всех подробностях услышать жуткую легенду о «Новой Надежде». Этот корабль, набитый беженцами, стартовал с Марса во время восстания и был замечен в космосе только столетие спустя. «Новая Надежда» вечно падает в пустоту, ее мертвые носовые огни зловещи и багровы, наглухо задраены аварийные люки... Никто не пытался подняться на борт «Новой Надежды», никто не пытался отвести ее в порт, потому что видели ее только те корабли, которые сами терпели бедствие, и выражение «увидеть "Новую Надежду"» стало синонимом несчастья.

Еще были «шепчущие», о них существовало множество легенд. Их призывные голоса слышат космонавты, которые слишком долго скитаются в пространстве... Знал Ван Райк и всех героев звездных троп. Так, он рассказывал о Сэнфорде Джонсе, первом человеке, решившемся на межзвездный перелет. Его исчезнувший корабль внезапно вынырнул из гиперпространства неподалеку от Сириуса через триста лет после старта с Земли. Пилот, высохший в мумию, еще сидел перед покрытой изморозью панелью управления. А теперь Сэнфорд Джонс принимает на борт своей призрачной «Кометы» всех космонавтов, погибших на посту... Да, немало нового из истории космических полетов узнал Дэйв от своего начальника!

Полет к Наксосу был самым обычным. Да и сама эта окраинная планета была слишком похожа на Землю, чтобы возбудить любопытство. Впрочем, увольнительной Дэйв все равно не получил. Ван Райк поставил его старшим на разгрузку, и вот тут-то оказалось, что Дэйв не зря столько времени корпел над грузовой документацией: найти любой груз в трюме ему теперь ничего не стоило.

Ван Райк с капитаном уехали в город. От их нюха, от их умения заключать сделки зависел очередной рейс «Королевы». Корабли вольных торговцев не мешкают в портах дольше, нежели необходимо для того, чтобы разгрузиться и найти новый груз.

На следующий день после обеда Дэйв оказался без дела. Чтобы хоть как-то скоротать время до старта, он в компании Кости слонялся у входного люка. За взлетным полем раскинулся провинциальный городок, окруженный с трех сторон рядами деревьев с густой красно-желтой листвой. В городок никто не пошел — погрузку могли объявить в любую минуту, а портовые грузчики сегодня не работали, отмечали какой-то местный праздник. Поэтому Дэйв и Кости одновременно увидели наемный кар, который на полной скорости мчался через ракетодром прямо к «Королеве».

Подлетев к кораблю, машина затормозила, подняла тучу пыли, пошла юзом и остановилась в метре от трапа. Ван Райк еще не успел выбраться из-за руля, а капитан Джелико уже взбежал по трапу и оказался перед люком.

— Всем собраться в кают-компанию! — бросил он Кости.

Дэйн быстро оглядел поле, готовый увидеть по крайней мере целый полицейский отряд: так возвращаются, когда необходимо срочно удирать. Однако на поле ничего примечательного по-прежнему не было, а его шеф поднимался по трапу со своим обычным достоинством. При этом он насвистывал какой-то мотивчик — верный признак того, как уже было известно Дэйну, что, с точки зрения Ван Райка, все обстоит прекрасно. Какие бы новости ни собирался сообщить капитан, суперкарго явно считал эти новости добрыми.

Несколько минут спустя Дэйн втиснулся в кают-компанию и, как самый младший и новичок, скромно пристроился у дверей.

Собрались все, от врача Тау до обычно отсутствующего Муры. Все внимательно смотрели на капитана, который сидел во главе стола, нетерпеливо поглаживая кончиками пальцев шрам на щеке.

— Ну, капитан, какое сокровище плывет нам в руки на этот раз?

Это Стин Вилкокс задал вопрос, вертевшийся у всех на языке.

— Аукцион! — выпалил Джелико, словно не в силах более сдерживать себя.

Кто-то присвистнул, кто-то шумно перевел дух. Дэйн заморгал. Он был слишком зелен, чтобы понять сразу, о чем идет речь. Но, когда смысл происходящего дошел и до него, его охватило горячее возбуждение. Аукцион Службы изысканий!.. Вольному торговцу такой случай выпадает, быть может, только раз в жизни, на таких-то аукционах и сколачивают состояния.

— Кто будет участвовать? — спросил механик Штоц. Сузив глаза, он в упор глядел на Джелико с видом прокурора.

Капитан пожал плечами.

— Те же, кто всегда. Но в распродажу идут четыре планеты класса «дельта»...

Дэйн быстро прикинул в уме. Большие компании автоматически закупают классы «альфа» и «бета»... За класс «гамма» будет драка... А вот четыре штуки класса «дельта»... четыре новооткрытые планеты... Обычно федеральные цены на такие планеты вольному торговцу по карману. Полная монополия на право торговли в течение пяти или десяти лет — мы сможем

стать богачами, если нам повезет... Вот только сумеет ли «Королева» наскрести нужную сумму?

— Сколько у нас в сейфе? — спросил Тау, обращаясь к Ван Райку.

— Когда мы получим чек за последний груз, — ответил тот, — и оплатим стоянку, у нас будет... Да, а как у нас с провиантом, Фрэнк?

Некоторое время маленький стюард что-то подсчитывал, шевеля губами. Потом он сказал:

— Мне нужна тысяча... тогда будет прочный запас... если рейс не на самую окраину...

— Ну, Ван, — сказал Джелико, — откиньте эту тысячу. Сколько мы тогда потянем?

Суперкарго не нуждался в гроссбухе, чтобы ответить на этот вопрос. Все цифры, в том числе и эти, он хранил в своей удивительной памяти.

— Двадцать пять тысяч, — сказал он. — Может, наскребу еще сотен шесть...

Наступило молчание. Да, соваться на аукцион с такой суммой не имело смысла. Тишину нарушил Вилкокс.

— А чего ради они проводят аукцион здесь? Ведь Наксос — не административный центр.

Действительно странно, подумал Дэйв. Никогда раньше он не слышал, чтобы аукцион устраивали на планете, которая не является столицей хотя бы сектора.

— История простая, — объяснил капитан Джелико. — Пропал изыскатель «Римболд». Все корабли Службы изысканий получили приказ немедленно свернуть дела и выйти на поиски. «Гризволд» шел куда-то проводить аукцион и, получив приказ, направился сюда. Просто Наксос оказался к нему ближе всего... Так что в смысле законности тут все в порядке.

Короткие толстые пальцы Ван Райка забарабанили по столу.

— Здесь есть агенты больших компаний, — сообщил он. — А вот вольных торговцев всего два, кроме нас. Если до шестнадцати часов не прибудет еще кто-нибудь, на нас троих придется четыре планеты. Компаниям класс «дельта» не нужен — их агенты имеют четкий приказ не торговаться за него.

— Послушайте, сэр, — сказал Рип. — Эти двадцать пять тысяч... Сюда входит наше жалованье?

Ван Райк отрицательно покачал головой, и тут до Дэйва дошло, что имеет в виду Рип. На мгновение он испугался. Поставить на кон жалованье за целый рейс — да разве так можно? С другой стороны, у него, конечно, не хватит смелости голо-совать против...

— Сколько же получится вместе с жалованьем? — тихо и без выражения спросил Тау.

— Около тридцати восьми тысяч.

— Все равно не густо, — заметил Вилкокс с сомнением.

— А вдруг повезет? — возразил Тан Я. — По-моему, надо попробовать. Не получится — останемся при своих...

Провели голосование и единогласно решили, что экипаж «Королевы» присоединяет свое жалованье к основному капиталу, а предполагаемая прибыль будет поделена пропорционально вкладу, который делает каждый. Ван Райк при всеобщем одобрении был назначен покупщиком. Но оставаться в стороне от событий никто не пожелал. Капитан Джелико согласился нанять сторожа для корабля, и весь экипаж в полном составе отправился пытаться судьбу.

Сумерки здесь наступали рано. В городе, вдали от взлетного поля, пропахшего испарениями горючего, воздух был напоен ароматом цветущих растений, даже слишком сильным для обоняния землянина. Город был типичным поселением окраинного мира и весь светился яркими огнями шумных ресторанчиков. Но экипаж «Королевы» двинулся прямо к рыночной площади, где должен был происходить аукцион...

Там, на шаткой платформе из пустых ящиков, уже стояли несколько человек — двое в сине-зеленой форме Службы изысканий, один местный горожанин в куртке из грубой кожи и один в черном с серебром мундире Космической полиции. Наксос был всего-навсего малонаселенным окраинным городком, но формальности соблюдались здесь строжайшим образом.

Перед платформой гудела толпа. Далеко не все были в желтой форме Торгового флота, был кое-кто и из горожан, пришедших поглазеть на редкое зрелище. Переносные фонари давали мало света, и Дэйну пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть опознавательные значки соперников. Да, здесь был агент «Интерсолар», а немного левее поблескивало тройное кольцо эмблемы «Комбайн».

В первую очередь в распродажу шли планеты класса «альфа» и «бета». Эти миры тоже были только недавно открыты Службой изысканий, но уровень цивилизации на них был высок, и они, возможно, сами уже занимались торговыми операциями в своих планетных системах. Большие компании стремились иметь дело именно с такими планетами. Планеты класса «гамма» — с более отсталыми цивилизациями — представляли для космической торговли больше риска, и компании дрались за них с меньшим азартом. Что же касается класса «дельта» — миров с самым примитивным уровнем разумной жизни или вообще лишенных разумной жизни, то компании не интересовались

ими вовсе, и это оставляло известные возможности для «Королевы».

— Коуфорт здесь... — услышал Дэйн слова Вилкокса, обращенные к капитану, и уловил досадливое восклицание в ответ.

Дэйн взгляделся в шумную толпу. Кто-то из этих людей без всяких значков и нашивок был легендарным Коуфортом, князем вольных торговцев, которому баснословно везло во всем — настолько, что имя его стало притчей во языцех на звездных трассах.

Один из офицеров Службы изысканий подошел к краю платформы, и толпа затихла. Все взгляды были устремлены на плоский ящик, где лежали опечатанные пакеты; в каждом пакете — микрофильм с координатами и описанием новооткрытой планеты.

Пошел класс «альфа». Таких планет было всего три, и агент «Комбайн» вырвал у «Интерсолар» две из них. Однако «Интерсолар» взял реванш на классе «бета» — их было две, и обе достались ему. «Денеб-Галактик», специализирующаяся на отсталых мирах, завладела четырьмя планетами класса «гамма». И тогда объявили класс «дельта»...

Экипаж «Королевы» протиснулся в первые ряды и теперь стоял под самой платформой рядом с экипажами других вольных торговцев.

Рип ткнул Дэйна пальцем под ребро и одними губами прошептал: «Коуфорт!»

Знаменитый вольный торговец оказался на удивление молодым. Он был больше похож на молодцеватого офицера Космической полиции, чем на торговца; Дэйн отметил, что он носит при себе бластер, и бластер этот так ловко прилажен к его бедру, словно Коуфорт никогда с ним не расстается. В остальном же, хоть молва и приписывала ему несметные богатства, он ничем внешне не отличался от прочих вольных торговцев. Он не щеголял ни браслетами, ни кольцами, ни серьгой в ухе, как это делают иные преуспевающие любители внешнего эффекта, а куртка его была такой же затрапезной и поношенной, как у капитана Джелико.

— Четыре планеты класса «дельта»... — голос офицера вернул Дэйна к происходящему. — Номер первый. Минимальная цена Федерации — двадцать тысяч...

Экипаж «Королевы» дружно вздохнул. Тут и пытаться не стоило. При такой высокой минимальной цене они вылетели бы из игры, едва успев начать. К удивлению Дэйна, Коуфорт тоже не стал повышать, и номер первый достался какому-то торговцу за пятьдесят тысяч.

Однако, когда объявили номер второй, Коуфорт точно про-

снулся и стремительно оторвался от конкурентов, повысив цену почти сразу до ста тысяч. Считалось, что содержимое пакетов заранее узнать невозможно, но тут многим пришло в голову: не получил ли Коуфорт какого-либо доброго совета?..

— Номер третий, класс «дельта», минимальная цена Федерации — пятнадцать тысяч...

Вот это уже похоже на дело! Дэйн был уверен, что Ван Райк станет повышать. И Ван Райк действительно повышал до тех пор, пока Коуфорт не перекрыл его одним прыжком, подняв цену с тридцати до пятидесяти тысяч. Теперь оставался единственный шанс. Экипаж «Королевы» сбился в плотную кучку за спиной Ван Райка, словно подпирая его в последней схватке не на жизнь, а на смерть.

— Номер четвертый, класс «дельта», минимальная цена Федерации — четырнадцать тысяч...

— Шестнадцать! — взревел Ван Райк, заглушив последние слова офицера.

— Двадцать... — это был не Коуфорт, а какой-то незнакомый темнолицый человек.

— Двадцать пять... — Ван Райк наступал.

— Тридцать... — быстро отозвался темнолицый.

— Тридцать пять! — провозгласил Ван Райк с такой уверенностью, будто в его распоряжении были капиталы Коуфорта.

Темнолицый уже не торопился с ответом.

— Тридцать шесть... — осторожно сказал он.

— Тридцать восемь!

Это было последнее, что мог предложить Ван Райк, но ответа не последовало. Мельком Дэйн заметил, как Коуфорт передает чек и получает свои два пакета. Офицер повернулся к темнолицему, но тот помотал головой. Наша взяла!

Несколько секунд экипаж «Королевы» еще не верил в свою удачу. Потом Камил испустил радостный вопль, а степенный Вилкокс принялся в восторге лупить по спине капитана Джелико. Ван Райк выступил вперед и принял покупку. Они пробрались сквозь толпу, втиснулись в кар, и у всех на уме было одно — скорее добраться до «Королевы» и узнать, что же они купили.

3. КОТ В МЕШКЕ

И вот они снова в кают-компании, в единственном помещении корабля, где экипаж мог собраться вместе. Тан Я установил на столе проектор, а капитан Джелико вскрыл пакет и извлек из него крошечный ролик микропленки. Ролик вставили

в проектор, изображение отфокусировали прямо на стене, потому что экрана не было, а экипаж ждал, и казалось, все перестали дышать.

— Планета Лимбо, — загудел в кают-компании ровный голос какого-то усталого чиновника Службы изысканий, — единственная годная для обитания из трех планет системы желтой звезды...

На стене появилось плоское изображение — схема планетной системы с солнцем в центре. Солнце было желтое — возможно, на планете такой же климат, как на Земле! Дэйн обрадовался. Может быть, повезло — по-настоящему повезло. Рип, силевший рядом, заерзал.

— Лимбо... — пробормотал он. — Ох, ребята, несчастливое это название, чует мое сердце...

Дэйн не понял его. Слово «лимбо»^{*} ничего ему не говорило. Многие планеты на торговых путях носили диковинные имена — любые, какие взбрели на ум работникам Службы изысканий.

— Координаты... — голос принялся сыпать цифрами, которые Вилкокс поспешно записывал. Прокладывать курс к Лимбо предстоит ему.

— Климат сходен с климатом средних широт Земли. Атмосфера... — снова ряд цифр, которые на сей раз касались Тау. Дэйн уловил только, что атмосфера пригодна для дыхания.

Изображение на экране сменилось. Теперь они как бы повисли над Лимбо и разглядывали планету через иллюминаторы корабля. И при виде этого зрелища кто-то вскрикнул от возмущения и ужаса.

Ни с чем нельзя было спутать эти серо-коричневые язвы, изуродовавшие материки планеты. Это была проказа войны — войны столь разрушительной и страшной, что никто из землян не смог бы представить ее себе в подробностях.

— Планета-пепелище! — прошептал Тау, а капитан в ярости закричал:

— Это подлое жульничество!

— Постойте! — гаркнул Ван Райк, заглушив их обоих. Его огромная лапа протянулась к верньерам проектора. — Надо посмотреть поближе. Вот здесь, чуть к северу...

Шар на экране стремительно надвинулся, края его исчезли, как будто корабль пошел на посадку. Было очевидно, что давняя война обратила материки в пустыню, почва была выжжена и переплавлена в шлак, возможно, до сих пор ядовитый и радиоактивный. Но суперкарго не ошибся: на севере среди чудо-

^{*} Лимбо (англ.) — преддверие ада. — Прим. перев.

вицных рубцов тянулась зеленая, со странным оттенком поло-са. Это могла быть только растительность.

Ван Райк с облегчением перевел дух.

— Кое-что еще сохранилось, — объявил он.

— Да, кое-что, — с горечью отозвался капитан Джелико. — Ровно столько, сколько нужно, чтобы мы не могли обвинить их в жульничестве и потребовать наши деньги назад.

— Может, там что-нибудь осталось от Предтеч? — робко, словно боясь, что его засмеют, предположил Рип.

Капитан пожал плечами.

— Мы не археологи, — сказал он резко. — Чтобы заключить с археологами контракт, нужно куда-то лететь, на Наксосе их нет. А лететь мы никуда не можем, потому что у нас нет денег, чтобы внести залог за новый груз...

Он очень точно сформулировал всю безнадежность их положения. Они получили право на торговлю с планетой, где не с кем было торговать. Они заплатили за это право деньгами, которые были необходимы для закупки груза. Теперь им некуда было податься с Наксоса. Они поставили все на кон, как и полага-ется вольным торговцам. Они рискнули — и проиграли.

Только суперкарго сохранял хладнокровие. Он все еще тща-тельно изучал изображение Лимбо.

— Не будем вешать нос, — спокойно предложил он. — Служ-ба изысканий не продает планет, которые непригодны для эксплуатации...

— Большим компаниям, конечно, не продает, — заметил Вилкокс. — Но кто будет слушать жалобы вольного торговца... если это не Коуфорт?

— И все-таки я повторяю, — продолжал Ван Райк тем же ровным голосом, — нам надо познакомиться с нею поближе...

— Вот как? — в глазах капитана тлели огоньки затаенной злости. — Вы хотите, чтобы мы отправились туда и сели там на мель? Планета сожжена дотла... Нам остается наплевать на нее и забыть. Вы отлично знаете, что на планетах, где дрались Предтечи, никогда не бывает жизни...

— Да, — согласился Ван Райк. — Большинство таких планет — просто голый камень. Но Лимбо как будто получила непол-ную порцию. В конце концов, что мы знаем о Предтечах? Почти ничего! Они исчезли за сотни, а может, и за тысячи лет до того, как мы выбились в космос. Это была великая раса, они владели многими планетными системами и погибли в войне, оставив после себя мертвые планеты и мертвые солнца. Все это я знаю. Но, возможно, Лимбо попала под удар уже в самом конце войны, когда их мощь была на исходе. Мне приходилось видеть другие сожженные планеты — Гадес и Ад, Содом и Сатану — это просто

груды пепла. А на Лимбо вот сохранилась растительность. И раз ей попало меньше, чем прочим, есть надежда что-нибудь там найти...

«Убедил, — подумал Дэйн, увидев, как изменилось выражение лиц у собравшихся вокруг стола. — Быть может, это потому, что все мы не хотим верить в свою неудачу, хотим надеяться, что еще сумеем отыграться».

Один лишь капитан Желико упорно стоял на своем.

— Нам больше нельзя рисковать, — сказал он. — Мы можем заправить корабль горючим только на один рейс — на единственный рейс. Если это будет рейс к Лимбо, а товара там не окажется... — Он хлопнул ладонью по столу. — Сами понимаете, что это значит для нас. Конец тогда нашим полетам.

Стин Вилкокс хрипло откашлялся, и все посмотрели на него.

— Может быть, удастся как-то уладить дело со Службой изысканий?

Камил с горечью рассмеялся.

— Где это видано, чтобы Федерация возвращала деньги, на которые уже наложила лапу?

Никто не ответил. Потом капитан Желико поднялся из-за стола — тяжело, словно его крепкое тело утратило упругость.

— Завтра утром мы с ними поговорим, — сказал он. — Пойдете со мной, Ван?

Суперкарго пожал плечами.

— Ладно. Только я не думаю, что из этого что-нибудь выйдет.

— Черт бы их побрал, — выругался Камил. — Теперь все пропало...

Дэйн снова стоял у входного люка. Снаружи была ночь, слишком, пожалуй, светлая, потому что у Наксоса было две луны. Он знал, что Камил обращается не к нему. И действительно, через секунду отозвался Рип.

— Я, приятель, никогда не считаю, что дело — дрянь, пока не вляпаюсь по самые уши. Ван правильно говорит — на этой планете кое-что уцелело. Ты же видал снимки Ада и Содома. Груды пепла, как говорит Ван. Теперь возьми эту Лимбо: там все-таки есть зелень... А вдруг мы наткнулись бы там на какое-нибудь барахло Предтеч, представляешь?

— Гм... — Али задумался. — И такая находка принадлежала бы нам?

— Это должен знать Ван, это по его части. погоди ка... — Тут Рип заметил Дэйна. — Вот у Торсона спросим. Слушай, Дэйн, если бы нашли какое-нибудь оборудование Предтеч, могли бы мы претендовать на него по закону?

Дэйн был вынужден признаться, что не знает. Впрочем, ответ на этот вопрос можно будет поискать в фильмотеке суперкарго, где собраны все законы и правила.

— Только я не думаю, чтобы такой вопрос когда-нибудь поднимался. Ведь от Предтеч никогда ничего не оставалось, кроме пустых развалин... Планеты, где должны были стоять их крупные сооружения, сожжены начисто...

Камил прислонился к краю люка и уставился на мигающие огоньки города.

— Интересно, на что они были похожи? — проговорил он. — Все гуманоиды, с которыми мы до сих пор сталкивались, были потомками земных колонистов. А негуманоиды так же мало знают о Предтечах, как и мы. Если потомки Предтеч и существуют, мы пока их не встретили. И потом... — Он помолчал. — Возможно, это и к лучшему, что мы ничего не нашли из их оборудования. Ведь всего десять лет, как кончилась война в кратерах...

Наступила тягостная пауза. Дэйн понял, что имел в виду Камил.

Земляне сражались, сражались яростно, беспощадно. Марсианская война в кратерах была лишь последней вспышкой бесконечной борьбы, которую Земля вела со своими колониями в космосе. Федерация с трудом удерживала состояние мира, работники Торгового флота из сил выбивались, чтобы сохранить это состояние навечно и не дать разразиться новому, еще более убийственному конфликту, который грозил истребить Космофлот и, возможно, вообще положить конец нынешней непрочной цивилизации.

И если бы в этой последней схватке было пущено в ход оружие Предтеч — или даже только сведения о таком оружии попали бы в злые руки, — может быть, и Солнце превратилось бы тогда в мертвую звезду, вокруг которой кружились бы выжженные до плаха миры...

— Да, если бы мы нашли их оружие, была бы беда, — сказал Рип, словно отвечая на его мысли. — Но ведь у Предтеч было не только оружие. И, быть может, именно на Лимбо...

Камил выпрямился.

— ...именно на Лимбо они оставили тебе целый склад, набитый торкскими алмазами и ламгримскими шелками... или чем-либо в этом роде. Не думаю я, чтобы капитан горел желанием слетать и поискать его. Нас двенадцать человек, и у нас один звездолет. Как ты полагаешь, сколько времени нам понадобится, чтобы прочесать всю планету? А ты не забыл, что наши флиттеры тоже жрут горючее? Может, тебе улыбается застрять на какой-нибудь планете вроде этого Наксоса и заделаться

фермером, чтобы добывать себе хлеб насущный? Вряд ли тебе это по нраву!

Дэйн внутренне согласился, что ему это уж во всяком случае не по нраву. Ведь если «Королева» действительно надолго застрянет в порту, ему даже не выплатят жалованья, на которое он смог бы продержаться, пока не устроится на другой корабль. И весь экипаж в таком положении.

Потом Дэйн лежал без сна на своей узкой койке и размышлял о том, как быстро рухнули все надежды. Эх, если бы только Лимбо не была планетой-пепелищем... или хотя бы средств у них хватило слетать туда и посмотреть... Дэйн вдруг вскинулся. Ведь остается еще тот торговец, который повышал против Ван Райка на аукционе! Может, удастся уговорить его взять Лимбо с хорошей скидкой?

Только вряд ли... Вряд ли он захочет взять планету-пепелище даже за полцены. Слишком уж велик риск. Кому захочется заводить дело при таких шансах? Разве что у человека есть резервный капитал, как у Коуфорта, например...

Но Коуфорт этой планетой не интересовался...

Утром угрюмый экипаж потянулся по одному в кают-компанию. Никто не смотрел в конец стола, где мрачный капитан Джелико прихлебывал из чашки особый напиток, который Мура обычно готовил лишь в торжественных случаях. Сейчас никакого торжественного случая не было, но стюард, по-видимому, решил, что команду следует подбодрить.

Появился готовый к визиту в город Ван Райк — облегающий мундир, застегнутый до подбородка, на голове офицерская фуражка с кокардой. Джелико крикнул и поднялся, оттолкнув свою чашку. При этом он глядел столь сурово, что никто из присутствующих не рискнул пожелать ему успеха.

Дэйн спустился в пустой трюм и произвел кое-какие измерения. Он решил подготовиться на тот случай, если им повезет и «Королеву» зафрахтуют. Трюм состоял из двух отделений — огромного помещения, занимавшего треть корабля, и маленькой кладовой, расположенной палубой выше и предназначенной для хранения особо ценных и нестандартных грузов.

Кроме того, была еще крошечная каморка, где на стеллажах и в ящиках хранились «товары для контакта»: небольшие безделушки, заводные куклы, украшения из стекла, проволоки из никелированного металла — все для привлечения дикарей и наивных туземцев. Тренируясь в знании товарного каталога, Дэйн полез по стеллажам. Ван Райк уже дважды водил его сюда, но Дэйн все еще не утратил первоначального чувства изумления перед разнообразием и качеством этих товаров, знаниями и воображением суперкарго, собравшего всю эту коллекцию. Здесь

были подарки для вождей и царьков, были и диковинки, поглазеть на которые наверняка сбежится от мала до велика все население любой туземной деревушки. Конечно, запасы такого товара были строго ограничены, но вещицы были подобраны с такой тщательностью, с таким глубоким пониманием психологии — как человеческой, так и не гуманоидной, что покупатели у «Королевы» были обеспечены на любой отсталой планете.

Впрочем, на Лимбо все это было бы ни к чему. На таком пепелище не могла уцелеть никакая разумная жизнь. Если бы там хоть кто-нибудь уцелел, изыскатели сообщили бы об этом, цена планеты возросла бы... а возможно, ее и вовсе сняли бы с торгов до тех пор, пока правительственные служащие не изучат ее основательнее.

Стараясь отогнать неприятные мысли, Дэйн заставил себя углубиться в осмотр «товаров для контакта». Из терпеливых разъяснений Ван Райка, подкрепленных практическими примерами, Дэйн уже знал, в каких случаях предлагаются те или иные товары. Насколько он понял, зачастую в ход шли и вещицы, изготовленные членами экипажа.

Жизнь на корабле во время длительных перелетов однообразна — управление переключается на автоматику и обязанности команды сведены к минимуму. Скука и безделье вызывают космические мании, и труженики галактических трасс быстро поняли, что спастись можно, лишь заняв каким-нибудь делом голову и руки. Спасение было в хобби, в любом хобби.

Капитан Джелико, например, увлекался ксенобиологией, причем это его увлечение было далеко не любительским. Он не имел возможности держать свои коллекции на борту (исключение делалось только для любимцев вроде голубого хубата, обитавшего в клетке в капитанской каюте), но стереофото, которые он делал, наблюдая жизнь на иных мирах, принесли ему определенную известность среди натуралистов-профессионалов. Стин Вилкокс, чьи дни проходили в возне с однообразными математическими вычислениями, пытался переводить свои формулы на язык музыки. Но самое странное хобби было у врача Тау. Тау коллекционировал магические приемы лекарей и знахарей отсталых племен и пытался найти рациональное зерно, лежащее в основе инопланетных мумбо-юмбо.

Дэйн взял в руки одно из творений Муры — стеклопластовый шар, в котором плавало какое-то странное насекомое с радужными крыльями, совсем живое на вид. Внезапно скользнувшая по обшивке тень заставила его вздрогнуть. Это был Синдбад, корабельный кот. Он мягко вскочил на ящик и уселся там, разгладывая помощника суперкарго.

Из всех земных животных чаще всего сопровождали чело-

века в космосе кошки. Они переносили ускорения, невесомость и прочие неудобства перелетов с такой легкостью, что это вызвало появление довольно странных легенд. Согласно одной из них, *Domestica felinus* не является аборигеном Земли, кошачье племя — это все, что осталось от давно забытого вторжения на Землю из космоса, и теперь на звездолетах оно возвращается в свой золотой век.

Впрочем, Синдбад и его собратья на других кораблях не даром ели свой хлеб. Зачастую вместе с грузом на борт проникали грызуны, причем не только земные мыши и крысы, но и странные твари с чужих планет. Неделями и даже месяцами они не давали о себе знать, а потом вдруг принимались хозяйничать в каком-нибудь укромном уголке трюма. Вот тут-то за них и принимался Синдбад. Где и как он их ловил — оставалось неизвестным, но тела убитых он регулярно представлял на рассмотрение Ван Райку, и надо сказать, тела эти зачастую выглядели весьма жутко.

Дэйн протянул руку. Синдбад лениво обнюхал его пальцы и мигнул. Он уже признал этого нового человека. Все было правильно, Дэйн находился здесь по праву. Синдбад потянулся, легко соскочил с ящика и отправился вокруг комнаты с очередным обходом. У одного из тюков он остановился и принялся обнюхивать его столь проникновенно, что у Дэйна возникла мысль: а не вскрыть ли этот тюк и не дать ли коту проинспектировать его поосновательнее. Но тут далекий удар гонга заставил обоих насторожиться, и Синдбад, никогда не пропускавший мимо ушей призыва к трапезе, торопливо выскользнул из комнаты, предоставив Дэйну следовать за собой более степенным шагом.

Ни капитан, ни суперкарго еще не возвращались, и атмосфера в кают-компании оставалась напряженной. Все вздрогнули, когда над дверью мигнула сигнальная лампа, связанная с входным люком. Кто-то чужой ступил на трап. Если в порту, кроме вас, стоят еще два вольных торговца, всякий фрахт надлежит считать даром небес.

Поэтому Стин Вилкокс мгновенно вылетел в коридор, а Дэйн отстал от него всего на секунду. В отсутствие Джелико и Ван Райка Вилкокс замещал капитана «Королевы», а Дэйн исполнял обязанности суперкарго.

В метре от трапа стоял кар. Водитель оставался за рулем, а какой-то высокий, тощий, загорелый до черноты человек уверенно поднимался по трапу к входному люку.

На нем была потертая куртка грубой кожи, фразбордовые брюки и высокие сапоги — обычное обмундирование пионера на новооткрытой планете. Однако вместо широкополой шляпы,

какую носят пионеры, на голове у него был метапластовый шлем со съёмным козырьком и с наушниками коротковолнового радиотелефона. Такие шлемы носят работники Службы изысканий.

— Капитан Джелико? — Голос у незнакомца был жесткий, начальственный — голос человека, привыкшего отдавать приказы, которым повинуются без рассуждений.

Штурман покачал головой.

— Капитан в городе, сэр.

Незнакомец остановился и принялся барабанить пальцами по своему широкому, с карманами поясу. Ясно было, что отсутствие капитана на борту «Королевы» рассердило его.

— Когда он будет?

— Не знаю, — холодно сказал Вилкокс. Видимо, незнакомец ему не понравился.

— Свободны для фрахта? — внезапно спросил тот.

— Вам лучше поговорить с капитаном, — уже совсем холодно отозвался Вилкокс.

Пальцы принялись отбивать дробь на поясе еще быстрее.

— Прекрасно. Я поговорю с вашим капитаном. Где он? Это вы мне можете сказать?

К «Королеве» приближался еще один кар. Это возвращался Ван Райк. Вилкокс тоже его увидел.

— Вы узнаете это через минуту. Вот наш суперкарго...

— Так... — Незнакомец быстро повернулся. Движения его были легкие и отточенные.

Дэйн следил за ним с нарастающим интересом. Этот человек представлял для него загадку. У него была одежда пионера и движения тренированного бойца. В памяти Дэйна всплыла картина: Школа, спортивная площадка, жаркий летний полдень... подсекающий взмах руки, характерный наклон плеча... Да ведь этот тип — форсблейдер! И притом — опытный форсблейдер! Но как же так... это же нарушение закона, частным лицам не разрешается обучаться форсблейду...

Ван Райк обогнул кар незнакомца, вылез из-за руля и обычным своим тяжелым шагом стал подниматься по трапу.

— Кого-нибудь ищите? — осведомился он у незнакомца.

— Ваш корабль свободен для фрахта? — снова спросил тот. Лохматые брови Ван Райка дрогнули.

— Для хорошего фрахта свободен любой торговец, — спокойно ответил он и, словно не замечая нетерпения незнакомца, повернулся к Дэйну. — Торсон, — сказал он. — Поезжайте в «Зеленую птичку» и попросите капитана Джелико вернуться на корабль.

Дэйн сбежал по трапу и уселся в кар, на котором приехал Ван

Райк. Включив сцепление, он оглянулся. Незнакомец вслед за Ван Райком вступил на борт «Королевы».

«Зеленая птичка» оказалась не то кафе, не то рестораном. Капитан Джелико сидел за столиком у дверей и беседовал с тем самым темнолицым, который торговался с ними за Лимбо на аукционе. Разговор, видимо, шел к концу. Когда Дэйн вошел в сумрачный зал, темнолицый решительно покачал головой и встал. Капитан не сделал попытки удержать его. Он только медленно передвинул вправо свою пивную кружку, осторожно и задумчиво, словно это было бог весть какое ответственное дело.

— Сэр... — Чтобы привлечь внимание капитана, Дэйн осмелился положить руку на стол.

Капитан Джелико поднял на него угрюмые холодные глаза.

— Да?

— На «Королеву» явился какой-то человек, сэр. Он справляется о фрахте. Мистер Ван Райк послал меня за вами...

— Фрахт!

Пивная кружка опрокинулась и со стуком упала на пол. Капитан Джелико швырнул на стол местную монетку и бросился к выходу. Дэйн устремился следом.

Усевшись за руль, Джелико с места взял сумасшедшую скорость. Но в конце улицы он сбросил газ, и, когда кар подкатил к «Королеве», никакой посторонний наблюдатель не смог бы догадаться, что водитель спешит.

Через два часа экипаж снова собрался в кают-компании послушать новости. Капитан говорил, а незнакомец сидел рядом с ним во главе стола.

— Это доктор Салзар Рич, археолог, один из федеральных специалистов по Предтечам. Оказывается, ребята, Лимбо сгорела не дотла. Доктор сообщил мне, что в северном полушарии изыскатели обнаружили какие-то довольно обширные развалины. Он фрахтует «Королеву», чтобы переправить туда свою экспедицию...

— И это никоим образом не ущемляет наших прав, — сказал Ван Райк, добродушно улыбаясь. — Так что у нас тоже будет возможность поработать.

— Когда старт? — осведомился Иоганн Штоц.

Джелико повернулся к археологу.

— Когда вы будете готовы, доктор Рич?

— Как только вы разместите мое оборудование и моих людей, капитан. Доставить сюда снаряжение я могу немедленно.

Ван Райк поднялся.

— Торсон, — позвал он. — Пойдемте готовиться к погрузке... Можете взять свое снаряжение, доктор!

4. ВЫСАДКА НА ЛИМБО

За последующие несколько часов Дэйн узнал об укладке грузов больше, чем за все время обучения в Школе. Кроме того, выяснилось, что на корабле надо еще найти место не только для Рича, но и для трех его помощников.

Снаряжение пошло в большой грузовой трюм. Всю эту работу взяли на себя сотрудники Рича: доктор объявил, что в его грузе находятся тонкие и хрупкие инструменты и он ни в коем случае не позволит швырять их как попало наемным портовыми грузчиками.

Однако, когда дело дошло до размещения груза в трюме, Ван Райк без обиняков дал доктору понять, что этим будет заниматься команда и что команда способна управиться без посторонней помощи. Так что Дэйн вместе с Кости потели, черты-хались и таскали, а Ван Райк руководил ими и сам не упускал случая подставить плечо, пока весь груз не был размещен в строгом соответствии с механикой распределения веса при взлете. Затем люк был задраен до прибытия на Лимбо.

Выбравшись из трюма, они обнаружили в малом грузовом отсеке Муру, который прилаживал там подвесные койки для помощников Рича. Удобств никаких не было, но археолога еще до подписания контракта уведомили, что на «Королеве» нет специальных кают для пассажиров. Впрочем, никто из вновь прибывших не жаловался.

Эти люди, как и их руководитель, являли собой тип людей, совершенно новый для Дэйна. Все они на вид были крепкие и выносливые, какими и надлежало быть, по представлениям Дэйна, людям, которые занимаются поисками следов исчезнувших цивилизаций на иных мирах. Один из них даже не был, собственно, человеком — зеленоватая кожа и голый череп выдавали в нем ригелианина. У него было странное, не по-человечески гибкое тело, но одет он был совершенно так же, как и прочие. Дэйн всячески старался не слишком на него таращиться, но удержаться было трудно.

Кто-то тронул его за руку. Он обернулся и увидел Муру.

— Доктор Рич поместился в вашей каюте, — сказал стюард. — Вам придется перебраться в кладовую... Пойдемте!

Слегка уязвленный тем, что его так бесцеремонно выселили, Дэйн последовал за Мурой в свое новое обиталище, которое располагалось во владениях кока-стюарда. Эти владения состояли из камбуза, холодильных камер, а также гидропонической оранжереи, предмета забот не только Муры, но и врача Тау, отвечающего за внутреннюю атмосферу корабля.

— Доктор Рич пожелал быть рядом со своими людьми, — объяснил на ходу Мура. — Он специально это оговорил...

Дэйн покосился на маленького стюарда. Ему показалось, что в последней фразе Муры содержится какой-то намек.

Любопытный человек этот Мура. Он был японец, а Дэйн еще со школьных времен помнил, какая страшная судьба постигла Японские острова много лет назад. Вулканические извержения, сопровождавшиеся приливной волной огромной силы, за два дня и одну ночь уничтожили целый народ, так что Япония, стертая с лица земли, просто перестала существовать.

— Сюда, — сказал Мура. Они дошли до конца коридора, и Мура движением руки пригласил Дэйна войти.

Стюард не пытался как-нибудь украсить свое жилище, поэтому его идеально чистая каюта производила несколько унылое впечатление. Впрочем, на откидном столике покоился шар из стеклопласта, и в самом центре его, удерживаемая какой-то волшебной силой, висела земная бабочка. Крылья ее, словно инкрустированные драгоценными камнями, были распростерты, и она казалась на удивление живой.

Перехватив взгляд Дэйна, Мура наклонился и легонько постучал ногтем по верхушке шара. И как бы в ответ на это яркие крылышки дрогнули — мертвая красавица ожила и чуть сдвинулась с места.

Дэйн перевел дух. Он уже видел один такой шар на складе и знал, что Мура собирает и заключает в шары насекомых сотен миров. Еще один шар занимал почетное место в каюте Ван Райка. Он изображал сценку из жизни подводного мира: стайка сверкающих точно самоцветы рыб-мух укрывалась в зарослях выющихся водорослей, а к ней подкрадывалось странное существо с двумя ногами и двумя руками, да еще с крыловидным плавником и длинным злоеющим жалом. А инженер-связист был счастливым обладателем шара с городом эльфов — вереница серебристых башен, между которыми порхают призрачные жемчужные существа.

— Всякому свое, верно? — Мура пожал плечами. — Способ занять время. Как всякий другой.

Он взял шар, завернул его в кусок материи и спрятал в ящичек с перегородками, выстланными ватой. Затем откатил дверь в следующее помещение и показал Дэйну его новое жилище.

Это была вспомогательная кладовая, которую Мура освободил от припасов и оборудовал подвесной койкой и рундучком. Здесь было не так удобно, как в собственной каюте, но и не хуже, чем в тех каморках, где Дэйну приходилось ютиться во время учебных полетов на Марс и на Луну.

Измотанный Дэйн сразу улегся спать и старта не слышал. Когда он проснулся, корабль находился в космосе. Он спустился в кают-компанию, и там его настиг предупреждающий сигнал. Дэйн вцепился в стол, мучительно глотая слюну, борясь с приступом головокружения, которое всегда поражает людей в момент перехода в гиперпространство. Наверху, в рубке управления, Вилкокс, капитан и Рип должны были чувствовать то же самое, но они не могли оставить свой пост до тех пор, пока переход не завершится.

Ни за что на свете не стал бы штурманом, в сотый раз подумал Дэйн. Ни за какие коврижки. Конечно, основную работу выполняют бортовые вычислительные машины, но ведь одна ничтожная ошибка в расчетах — и корабль может занести неизвестно куда или даже выбросить из гиперпространства не рядом с планетой-целью, а внутрь ее. Дэйн знал теорию гиперперехода, он мог бы проложить курс, но, честно говоря, сомневался, что ему хватило бы мужества ввести корабль в гиперпространство и вывести обратно.

Он все еще хмуро глядел в стену, погруженный в не слишком лестные для себя мысли, когда появился Рип.

— Ну, парень... — помощник штурмана с глубоким вздохом повалился на стул. — Вот мы и снова прорвались, и снова не рассыпались на кусочки!

Дэйн изумился. Сам-то он не был штурманом, ему-то позволительно было сомневаться. Но почему у Рипа такой вид, словно у него гора с плеч свалилась? Может, что-нибудь было не в порядке?

— Что произошло? — спросил он.

Рип махнул рукой.

— Да ничего не произошло. Просто на душе всегда легче, когда переход позади. — Он засмеялся. — Эх, парень, ты думаешь, нам там не страшно? Да мы боимся этой штуки побольше, чем ты. Тебе-то хорошо, лети себе, пока не сядем, и никаких забот...

Дэйн немедленно оцетинился.

— То есть как это — никаких забот? А наблюдение за грузом, а продовольствие, а вода?.. Что толку от твоего перехода, если произойдет отравление воздуха?..

Рип кивнул.

— Верно, верно, все мы не зря деньги получаем. Но должен тебе сказать... — Он вдруг замолчал и оглянулся через плечо, чем очень удивил Дэйна. — Слушай, Дэйн, тебе когда-нибудь раньше доводилось видеть археологов?

Дэйн помотал головой.

— Откуда? Это же мой первый рейс. А в Школе нам почти

ничего не говорили об истории... разве только об истории Торгового флота...

Рип нагнулся через стол к Дэйну и понизил голос почти до шепота.

— Понимаешь, меня всегда интересовали Предтечи, — сказал он. — Я разобрался в Хаверсоновских «Путешествиях» и одолел «Службу изысканий» Кэйгеля. Это, между прочим, две самые фундаментальные работы на эту тему. И вот сегодня я завтракал вместе с доктором Ричем и могу поклясться, что он никогда ничего не слышал о Башнях-близнецах!

Дэйн тоже никогда ничего не слышал о Башнях-близнецах и не понял, почему это так волнует Рипа. Видимо, озадаченное выражение лица выдавало его, и Рип поспешил объяснить:

— Понимаешь, Башни-близнецы — это самый значительный след Предтеч из всех, обнаруженных до сих пор Службой изысканий. Находятся они на Корво, стоят посреди кремниевой пустыни, похожи на два гигантских, высотой в двести футов пальца, указывающих в небо. Насколько удалось установить специалистам, пальцы эти литые и сделаны из какого-то материала, очень прочного, но не из камня и не из металла... Рич очень ловко увильнул, но я совершенно уверен, что он никогда об этом не слышал.

— Но если это такая знаменитая штука... — начал было Дэйн, и тут вдруг до него дошло, что может означать невежество доктора Рича.

— Да-да, почему наш доктор понятия не имеет о самой важной находке по его специальности? Тут возникают кое-какие вопросы, не так ли? Хотел бы я знать, навел ли капитан о нем справки, прежде чем заключить контракт...

На этот вопрос Дэйн ответить мог.

— Документы у него в порядке, — сказал он. — Мы носили их в Космическую полицию. Они дали разрешение на экспедицию, иначе нас бы просто не выпустили из Наксоса...

Рип признал, что это верно — не выпустили бы. Правила работы ракетодомов на планетах Федерации были достаточно строги и обеспечивали по крайней мере девяностопроцентную уверенность в том, что лица, прошедшие процедуру проверки, располагают подлинными удостоверениями и действительно имеют разрешение на вылет. А на периферийных планетах, особенно привлекательных для браконьеров и преступников, Космическая полиция удваивала свою бдительность.

— И все-таки о Башнях-близнецах он ничего не знает, — упрямо повторил помощник штурмана.

С точки зрения Дэйна, эти слова звучали достаточно веско. Ведь невозможно служить с человеком на одном звездолете и

при этом не узнать его так близко, как никогда не способны узнать друг друга люди, обитающие в обычных условиях цивилизации. Если уж Рип утверждает, что доктор Рич — не тот, за кого себя выдает, значит, он в этом действительно убежден, и Дэйн верил ему полностью.

— А что говорится в законах относительно следов Предтеч? — спросил Шэннон после паузы.

— Очень мало. Торговцы никогда еще не находили ничего существенного и не заявляли прав на свои находки...

— Значит, если мы найдем что-нибудь стоящее, нам не на что будет сослаться как на прецедент?

— Видишь ли, — сказал Дэйн, — отсутствие прецедента — это палка о двух концах. Изыскатели пустили Лимбо на продажу, так? Значит, можно считать, что Федерация утратила права на эту планету... Здесь, понимаешь, получается такая юридическая путаница...

— Отменный казус, — прогудел над их головами Ван Райк. — Тот самый казус, о котором мечтает половина всех законников в мире. Процесс по такому казусу тянулся бы годами, тянулся бы до тех пор, пока обеим сторонам все это не осточертело или они не почили бы в бозе. И вот именно поэтому мы совершаем наш перелет с федеральным открытым листом в сейфе.

Дэйн усмехнулся. Он мог бы догадаться, что такой матерый волк в торговле, как его шеф, конечно же, предусмотрел все, что лежит в пределах человеческих возможностей. Открытый лист на любые находки! Все, что они найдут на Лимбо, принадлежит им и только им!

Однако Рипа все еще одолевали сомнения.

— А на какой срок открытый лист? — спросил он.

— Как обычно — год и один день. Надо полагать, изыскатели не так уверены в возможности что-нибудь там обнаружить, как наши пассажиры.

— А вы сами как думаете, сэр? — спросил Дэйн. — Найдем мы там что-нибудь?

— Я никогда не загадываю наперед, когда речь идет о новой планете, — невозмутимо отвечивал Ван Райк. — В нашем деле полным-полно ловушек. И если человек возвращается домой с целой шкурой, звездолет у него в порядке, а в кармане — кое-какая прибыль, значит, боги глубокого космоса были добры к нему. О большем мечтать не стоит.

Во время перелета сотрудники Рича держались обособленно, питались они собственными продуктами, из тесного своего помещения почти не выходили, да и к себе никого не приглашали. Мура сообщал, что они только и делают, что либо спят, либо

играют в какую-то сложную азартную игру, которой их обучил ригелианин.

Доктор Рич столовался вместе с командой «Королевы» и появлялся в кают-компании, когда народу там было немного, причем эти немногие всегда оказывались работниками инженерной секции, и непонятно было, случайно так получалось или доктор намеренно выбрал себе в сотрапезники инженеров. Под предлогом необходимости изучить будущую арену своих действий он попросил в свое распоряжение микрофильм о Лимбо. Пользоваться микрофильмом ему разрешили, однако всякий раз, когда он располагался с проектором, рядом оказывался суперкарго, а суперкарго, по глубокому убеждению Дэйна, видел и замечал все, каким бы рассеянным и задумчивым он ни казался.

Как и было рассчитано, «Королева» вышла в обычное пространство неподалеку от Лимбо. Орбита Лимбо имела размер орбиты Марса, а две другие планеты этой системы располагались так далеко от местного солнца, от зоны тепла и света, что представляли собой ледяные, совершенно безжизненные миры. Когда «Королева» вышла на посадочную орбиту, проходящую через атмосферу, где корабль должен был погасить скорость до скорости посадки, инженер-связист включил все обзорные экраны. И те, кто не стоял на вахте, смотрели смутные очертания нового мира.

Сначала были видны только уродливые серо-коричневые шрамы ожогов на лике планеты, но корабль, опускаясь под углом, пробивал все новые слои атмосферы, и вот на экранах появились зеленые полосы растительности, маленькие моря — или, быть может, большие озера — доказательства того, что планета-пепелище не совсем мертва.

День сменился ночью, затем снова наступил день. Если бы Лимбо была обычной отсталой планетой, они в соответствии с инструкцией избрали бы для посадки какую-нибудь пустынную местность, произвели бы тайную разведку на флиттерах и только после этого вступили бы в открытый контакт с обитателями планеты. Но на Лимбо, по-видимому, не было разумной жизни, так что для посадки можно было выбирать любое удобное место.

Через гиперпространство корабль провел Вилкоккс, посадку же на поверхность планеты должен был осуществить сам капитан Джелико. И теперь он маневрировал, отыскивая посадочную площадку с таким расчетом, чтобы опустить корабль на самом краю выжженной пустыни в непосредственной близости от покрытой зеленью полосы.

Это была хитрая посадка, не из тех, на какие способен любой

новичок — на чистый ракетодром по лучу локатора. Но «Королеве» не впервой было совершать сложные посадки, и Джелико осторожно опускал ее, управляя огненными струями, пока она не встала на грунт с хрустом и скрежетом, не столь уж громкими, как можно было бы ожидать.

— На грунте! — прозвучал в репродукторах сильный голос капитана.

И сейчас же Штоц откликнулся:

— Двигатели в норме!

— Распорядок прибытия стандартный! — объявил капитан. Голос его обретал обычную силу.

Дэйн отстегнул ремни и отправился за приказаниями к Ван Райку. Однако в дверях служебной каюты суперкарго уже стоял доктор Рич.

— Когда можно будет выгрузить оборудование? — нетерпеливо спросил он.

Ван Райк еще только отстегивал предохранительные ремни. Он с удивлением воззрился на археолога.

— Вы собираетесь разгружаться?

— Разумеется. Как только вы раздراите люки...

Суперкарго водрузил на голову форменную фуражку.

— Не так быстро, доктор, — сказал он. — Мы — на новой планете.

— Но здесь же нет туземцев. И изыскатели не обнаружили здесь ничего опасного...

Нетерпение доктора быстро превращалось в откровенное раздражение. Похоже было, что за время перелета он так разжег в себе жажду деятельности, что теперь боялся упустить хоть мгновение.

— Спокойно, спокойно, доктор, — невозмутимо отозвался суперкарго. — Мы здесь действуем по приказу капитана. Да и рисковать не стоит — что бы там ни утверждали изыскатели.

Он локтем нажал вызов интеркома.

— Рубка слушает, — отозвался голос Тана.

— Суперкарго — рубке. Что снаружи?

— Обзор не закончен, — ответил Тан. — Коллектор еще в работе.

Доктор Рич стукнул кулаком по косяку.

— Коллектор! — рявкнул он. — У вас же есть отчет Службы изысканий! Что вы возитесь с коллектором?

— Именно поэтому все мы живы-здоровы, — заметил Ван Райк. — В нашем деле бывает риск разумный и риск неразумный. Так вот, мы предпочитаем рисковать разумно.

Он опустился в кресло, а Дэйн прислонился к стене. Ясно было, что спешить с разгрузкой не придется. Доктор Рич, сде-

лавшись похожим на капитанова голубого Хубата — он только что не плевался, зарычал и умчался к своим людям.

— Да, — проговорил Ван Райк и щелкнул пальцем по обзорному экрану. — Не очень-то приятная картина...

Вдали виднелась иззубренная гряда серо-коричневых скал, кое-где вершины были покрыты снегом. Подножие гряды напоминало рваное полотнище — так оно было изрыто узкими извилистыми лощинами, поросшими бледной, чахлой зеленью. Даже при солнечном свете эти места выглядели тоскливо. Слово в дурном сне, подумал Дэйн.

— Вывод коллектора: условия снаружи пригодны для жизни, — объявил вдруг голос из репродуктора.

Ван Райк снова нажал клавишу.

— Суперкарго — капитану. Прикажете готовиться к разведке?

Ответа он не услышал, потому что в каюту вновь ворвался доктор Рич и, оттолкнув его, заорал в микрофон:

— Капитан Джелико, говорит Салзар Рич! Я требую, чтобы мое оборудование было выгружено немедленно, сэр! Немедленно!

Наступила тишина. Дэйн в благоговейном ужасе подумал даже, что капитан от негодования лишился дара речи. Никому не дано «требовать» чего-либо от капитана звездолета, даже Космическая полиция может всего лишь «просить».

— А по какой причине, доктор Рич? — К изумлению Дэйна, капитан говорил совершенно спокойно и невозмутимо.

— По какой причине?! — Рич, навалившись животом на стол суперкарго, шипел и плевался в микрофон. — Да по той простой причине, что только в этом случае я успею разбить лагерь до темноты!..

— На западе — развалины, — прервал его размеренный голос Тана.

Все трое взглянули на экран. Инженер-связист, завершая круговой обзор, перевел детектор на запад, и теперь они видели перед собой сожженную равнину, в которой неведомое оружие Предтеч прорубило страшные шрамы до самого скального основания. Шрамы эти были наполнены застывшим стекловидным шлаком, и солнце отражалось в нем неподвижными слепящими бликами. А у самого горизонта громоздился хаос каких-то строений, уходящий краем в нетронутую полосу земли.

На унылом, однообразном фоне развалины эти казались единственным цветным пятном, россыпью ярко-красного, желтого, пронзительно-зеленого и голубого. До них было миль двадцать, они выглядели необычайно эффектно, и все трое смотрели на них не отрываясь. Доктор Рич заговорил первым

— потому, наверное, что почувствовал себя в своей стихии.

— Там! — он нетерпеливо ткнул пальцем в экран. — Мой лагерь будет там! — Он резко повернулся к микрофону. — Капитан Джелико! Я хочу разбить лагерь около этих развалин! Как только ваш суперкарго соблаговолит начать разгрузку...

Он все-таки добился своего — через несколько минут Ван Райк уже снимал пломбы с грузового люка. Доктор нетерпеливо топтался рядом, а в коридоре позади него собрались остальные археологи.

— Теперь мы управимся сами, Ван Райк, — сказал он, но суперкарго легонько отстранил его плечом.

— Нет, доктор, благодарю вас. «Королева» разгружается только под надзором моей секции!

И Ричу пришлось уступить, хотя он так и шипел от злости, пока Дэйн при помощи крана извлекал из недр «Королевы» и опускал на грунт краулер с радарным управлением. Затем под надзором Дэйна началась разгрузка. Ригелианин забрался в краулер и, переключив его на ручное управление, повез первую партию груза к развалинам. Оттуда машина вернулась за второй партией сама, по лучу корабельного радара.

Рич с двумя археологами отправился вторым рейсом, и Дэйн остался с последним членом экспедиции, угрюмым молчаливым человеком. Несмотря на откровенное неудовольствие этого субъекта, Дэйн принялся складывать чемоданы и саквояжи — по-видимому, личный багаж археологов — в одну груды, чтобы потом их было удобнее грузить на краулер. В том, что произошло дальше, виноват был не он. Археолог сам уронил потрепанный чемодан. Чемодан грохнулся, зацепился замком о камень и раскрылся.

С приглушенным воплем археолог бросился захпихивать обратно вывалившиеся вещи. Он действовал очень проворно, но Дэйн успел заметить толстую книгу, которая выпала из стопки белья.

Знакомая книга! Солнце слепило глаза, и Дэйн прищурился, всматриваясь. Но было поздно — археолог уже затягивал чемодан ремнем. И все-таки Дэйна не покидала уверенность, что точно такую же книгу он уже видел однажды в рубке управления, на столе у Вилкокса. «Странно, — подумал он. — Зачем археологу таскать с собой свод программ для бортовой вычислительной машины?»

5. ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

Сумерки на Лимбо были необычайно плотные, словно тьма здесь обладала осязаемой материальностью. Дэйн старательно задрал внешний грузовой люк. Пустой краулер, вернувшийся из последнего рейса, он оставил под открытым небом на выжженной земле рядом со стабилизаторами «Королевы». Экипаж принял все меры предосторожности, необходимые на неизвестной планете: трап был втянут, плюзовые люки наглухо задрены. Теперь экипаж был огражден от чужого мира гладкой непроницаемой броней, пробить которую могло разве что самое совершенное и современное оружие. Любой корабль Торгового флота мог при необходимости превратиться в неприступную крепость.

Погруженный в свои мысли Дэйн поднимался с палубы на палубу, пока не добрался до каютки Рипа в секции управления. Помощник штурмана сидел, сторбившись, на откидном стуле с Т-камерой в руках.

— Я нащелкал полную пленку этих развалин, — возбужденно сказал он Дэйну, остановившемуся в дверях. — А этот Рич — настоящая крыса, можешь мне поверить. Прямо удивительно, как это Синдбад упустил его...

— Что он еще натворил?

— Понимаешь, эти развалины, — Рип ткнул пальцем в стенку, — это самая крупная находка за всю историю поисков Предтеч. Так он подгрел их под себя, будто это его собственность. Он, понимаешь, объявил капитану, что запрещает нам даже близко подходить к развалинам... мол, вторжение неспециалистов слишком часто приводило к гибели ценных находок!.. Неспециалисты, видишь ли! — Рип чуть не рычал от ярости, и Дэйн впервые за их знакомство увидел, что это такое — разозленный Рип.

— Ну и пусть его, — рассудительно сказал Дэйн. — Их ведь всего четверо, не смогут же они подгрести под себя всю планету. А мы сейчас начнем регулярную разведку, правильно я говорю? Кто нам не велит самим найти классные развалины? Не может быть, чтобы здесь ничего не осталось, кроме этого города. А по закону никто не помешает нам копать в развалинах, которые мы сами найдем.

Лицо Рипа просветлело.

— Правильно, дружище! — сказал он и отложил Т-камеру.

— Во всяком случае, — произнес Камил из коридора за спиной Дэйна, — нашего милого доктора не упрекнешь в бездейственности! Он так устремился к своим развалинам, словно бо-

ялся, как бы кто-нибудь не опередил его в последнюю секунду. Довольно странная фигура наш милый доктор, а?

Рип тут же поделился своими подозрениями:

— Он ничего не знает о Башнях-близнецах...

— А его рыжий ассистент, — добавил Дэйн, — таскает в чемодане свод программ для вычислителя.

Дэйн был очень рад, что и у него есть что сказать, а тем более — в присутствии Камилы. Тишина, наступившая после его сообщения, польстила его самолюбию. Но Камил, как всегда, не упустил случая подколоть его.

— И каким же образом сей поразительный факт дошел до вашего сведения? — осведомился он.

Дэйн решил пренебречь слабым, но достаточно неприятным ударением на слове «вашего».

— Он уронил чемодан, книга вывалилась, и он в панике принялся засовывать ее обратно.

Рип потянулся к шкафчику и извлек из него толстый том в водонепроницаемом переплете.

— Такая?

Дэйн покачал головой.

— Нет. У той обложка была с красной полосой. Такая, как в рубке у Вилкокса.

Камил тихонько свистнул, а у Рипа широко раскрылись глаза.

— Но ведь этот же полный свод! — воскликнул он. — Такой свод может быть только у штурмана. А когда штурман увольняется, книга хранится в сейфе у капитана, пока не подпишет контракт новый штурман. По федеральным законам на корабле может быть только один экземпляр такого свода. Когда корабль списывают, полный свод подлежит уничтожению.

Камил засмеялся.

— Не будь таким наивным, друг мой. Как же тогда по-твоему летают браконьеры и контрабандисты? Высасывают программы из пальца? Я ничуть не сомневаюсь, что этими сводами, которые считаются давно сожженными, всю торговлю на черном рынке.

Рип помотал головой.

— Нет-нет. Им бы негде было взять новые программы. Мы такие программы получаем на каждой планете, когда регистрируем прибытие. Как по-твоему, зачем Вилкокс тащит свой том в портовую регистратуру всякий раз, когда мы куда-нибудь прибываем? Эту книгу посылают прямо в местное отделение Службы изысканий, и там в нее впечатывается новая информация. А подсунуть какую-нибудь другую книгу вместо законной не удастся — они это мигом засекут!

— Мой бедный наивный ребенок, — насмешливо растягивая слова, проговорил Камил. — Каждый раз, когда Федерация в своем идеалистическом вакууме вырабатывает новый закон, на сцене немедленно появляется какой-нибудь ловкач, который будет день и ночь ломать голову, как бы этот закон обойти. Я не знаю, как именно это делается, но ставлю свою долю в нашей нынешней аванюре, что это так. Раз Торсон видел книгу с красной полосой у того парня, значит, это делается и сейчас, здесь, на Лимбо.

Рип вскочил.

— Надо сказать Стину...

— Что сказать? Что Торсон видел, как из сундука этого землекопа вывалилась книга, похожая на свод программ?.. Вы ведь не подобрали ее, Торсон, не листали ее?

Дэйн был вынужден признать, что нет, не подобрал и не листал. Тогда Камил взялся за него как следует. Какие у него доказательства, что у сотрудника экспедиции был именно запретный свод программ? Стин Вилкокс болтовни не терпит, ему подавай факты. Книжки у Дэйна на руках нет, предъявить ее он не может, и Вилкокс ему, конечно, просто не поверит.

— Так что, милый мой, — Камил снова повернулся к Рипу, — нечего нам играть в отважных федеральных агентов и юных космических полицейских и приставать к старшим, пока в наших чумазных ручках не будет доказательств поувесистее.

Рип снова уселся. Его убедили. Дэйна тоже.

— Ну, хорошо, — сказал Рип, поразмыслив. — Но ты вот говоришь: «Пока не будет доказательств поувесистее». Значит, ты все-таки и сам считаешь, что с доктором Ричем не все в порядке?

Камил пожал плечами.

— На мой взгляд, он самый настоящий мошенник. Но это лишь мое личное мнение, и я намерен держать язык за своими прекрасными белыми зубками до тех пор, пока не почувствую, что действительно могу убедить власть предержащих. А сейчас у нас будет своих дел по горло. Через час нам предстоит тянуть жребий, кто с кем полетит на разведку.

«Королева» несла на себе два разведывательных флиттера. Это были маленькие летательные аппараты, рассчитанные на экипаж из двух, а если потесниться — то из трех человек. Пока Дэйн занимался выгрузкой экспедиционного оборудования, работники инженерной секции тщательно подготовили обе машины, чтобы завтра прямо с утра две разведывательные группы могли приступить к работе.

Ни один огонек не мерцал в угрюмом мраке лимбеанской ночи, так что экипаж «Королевы» вскоре потерял интерес к

пустым обзорным экранам, которые связывали корабль с внешним миром. Сразу после ужина была устроена жеребьевка. Состав групп определялся тройственной структурой экипажа: в каждую группу должен был войти один человек из инженерной секции, один из рубки управления и один из разношерстной команды Ван Райка.

Будь у него выбор, Дэйн попросился бы в одну группу с Рипом. Но судьба рассудила иначе, и Дэйн получил как раз то, чего желал меньше всего. Вытащив свой билетик, он обнаружил, что его товарищами по группе будут Камил и Тан. Командиром группы выпало быть инженеру-связисту, но капитан Джелико по каким-то своим соображениям оставил его на «Королеве» и заменил врачом Тау.

Весьма расстроенный этой неудачей, Дэйн вернулся в свою прежнюю каюту. Из любопытства он наскоро в ней пошарил в надежде обнаружить что-нибудь забытое загадочным доктором. В телевизионном боевике неустрашимый герой Дэйн непременно нашел бы секретные планы... чего? Он понятия не имел — чего, и ему вдруг вспомнились исполненные здравого смысла рассуждения Камилы.

Тогда он принялся думать о Камиле, стараясь понять, откуда у него такая неприязнь к помощнику механика. В какой-то степени эта неприязнь была вызвана броской внешностью и изысканными манерами Камилы. Сам Дэйн еще не вышел из того возраста, когда не знают, куда девать руки, и натываются на мебель. В Школе на плацу инструкторы всегда приводили его в пример, рассказывая, как не следует выполнять строевые упражнения. Он заглянул в зеркальце на стене каюты и не обнаружил в своей физиономии ничего чарующего. Да, физически Камил был одарен всем, чего был лишен Дэйн.

Вдобавок помощник суперкарга сильно подозревал, что и по остроте ума Камил тоже оставляет его далеко позади. Он, Дэйн, был похож на бульдога, действующего медленно, но верно. А Камил скакал легко и быстро, как кузнечик. «И всегда по верному пути — вот в чем вся беда, — подумал Дэйн с невеселой усмешкой. — Он бы нравился мне гораздо больше, если бы хоть разок дал маху. А то ведь всегда и во всем он до отвращения прав. Ладно. Психолог решил, что я больше всего подхожу именно этому кораблю и именно этому экипажу. Но это вовсе не значит, что мне должен нравиться каждый член команды. Машина тоже не всемогуща. Во всяком случае, с большинством людей я могу поладить, об этом я догадался еще в Школе».

В конце концов, придя к выводу, что утро вечера мудренее, Дэйн заснул. А проснувшись рано утром, он думал уже только о том, как это здорово, что он сейчас полетит в разведку.

Капитан Джелико настолько пошел навстречу пожеланиям доктора Рича, что даже исключил из задач разведки обследование района развалин. Но, с другой стороны, он дал обеим группам самые недвусмысленные инструкции: в случае обнаружения новых следов Предтеч доложить об этом ему, капитану, лично и ни в коем случае не по радио, потому что радиопередача может быть перехвачена в лагере Рича.

Дэйн надел на голову шлем с коротковолновым радиотелефоном и затянул на поясе широкий ремень, к которому были прицеплены моток тонкого, но прочного троса, фонарик и сумка с набором полевых инструментов. Они не думали, что покидают «Королеву» надолго, однако под сиденья флиттера уложили пакеты концентраторов, полевые аптечки, полные фляги, а также ящики с «товарами для контактов», хотя, по мнению Дэйна, вряд ли эти товары могли здесь пригодиться.

Камил сел за пульт управления, а Дэйн и Тау втиснулись на одно сиденье у него за спиной. Помощник механика нажал кнопку на пульте, и гнутый колпак обтекателя надвинулся, закрыв кабину. Флиттер мягко снялся с борта «Королевы» и взял круто к северу по курсу, проложенному для них капитаном Джелико и Ван Райком.

Солнце было уже высоко. Лучи его высекали блики в реках стеклянного шлага и пробуждали к жизни чахлую зелень, рваной бахромой выстилавшую лощины у подножия скалистого хребта. Дэйн включил автоматическую кинокамеру.

Когда флиттер достиг зеленой полосы и внизу потянулись редкие скопления кустарника, Камил для удобства наблюдения снизился и уменьшил скорость. Но нигде не было видно никаких признаков жизни — ни на земле, ни в воздухе.

Они пролетели до конца первой лощины, затем Али свернул вправо и свечой взмыл над зубчатым гребнем голой черной скалы в поисках нового клочка плодородной почвы. Они обследовали вторую лощину и опять не увидели ничего, кроме редкого кустарника и разбросанных островков зеленой травы.

Третья лощина оказалась интереснее. По дну ее струился извивающийся ручей, растительность здесь была не только гуще, но и темнее — не такая чахлая и бледная. И там было еще что-то. Дэйн и Тау одновременно закричали:

— Снижайся!

— Вон там!

Камил с ходу проскочил это место, но тут же сбросил скорость и по дуге вернулся обратно. Дэйн и Тау, прижавшись лицами к прозрачному пластику обтекателя, жадно смотрели вниз, ища глазами это необычное пятно среди кустарника.

Вот оно! Дэйн понял, что не ошибся. Это было возделанное

поле — крошечный огороженный участок правильной формы. Собственно, его даже нельзя было назвать полем. Ограда из камешков и прутьев обрамляла каких-нибудь четыре квадратных фута почвы.

Крохотные растеньица были высажены на этом участке прямыми рядами. Их желтые папоротникоподобные листья непрерывно трепетали как бы от порывов ветра, хотя на кустарнике рядом не дрожал ни единый листок.

Камил дважды облетел вокруг этого «поля», а потом, включив двигатель, перешел в планирование вдоль лощины в сторону выжженной равнины. Они миновали еще три таких поля, довольно далеко отстоящих друг от друга, а затем пролетели над местом, где лощина расширялась и три или четыре поля располагались рядом. Все они были заключены в ограды и казались тщательно ухоженными, но нигде не было видно ни тропинок, ни строений, ни следов тех, кто сеял, возделывал и будет собирать урожай.

— Возможно, конечно, — проговорил Тау, нарушая молчание, — мы имеем здесь дело с флоральной, а не фаунальной цивилизацией...

— То есть, по-твоему, эта морковка сама себе построила ограду и сама себя высеяла... — начал Али.

Но у Дэйна уже был готовый ответ. Как-никак он был специалистом по контактам, и в него достаточно крепко вколотили идею о том, что, когда имеешь дело с внеземной цивилизацией, мыслить надлежит широко и свободно, не отвергая без тщательного рассмотрения никаких, даже самых диких гипотез.

— Может, это своего рода детские ясли, — проговорил он. — Может, взрослые особи посеяли здесь свои семена...

Али только презрительно фыркнул, но Дэйн решил не раздражаться.

— Нельзя ли нам сесть? — спросил он. — Надо бы поглядеть на это вблизи... Только сесть надо подальше от полей, — добавил он на всякий случай.

— Слушайте, вы, торговец стекляшками, — произнес Али сквозь зубы. — Я вам не новичок зеленый и не кретин...

«Поделом мне, — честно признал Дэйн. — У Камилы есть опыт, а я впервые в разведке. Черт меня дернул соваться куда не следует...» Он прикусил язык и молчал все время, пока Али вел флиттер, снижаясь по спирали к голой скалистой площадке, расположенной достаточно далеко и от ручья, и от полей.

Тау связался с «Королевой» и сообщил о сделанном открытии. В ответ последовал приказ осторожно осмотреть лощину и поискать еще какие-нибудь признаки разумной жизни.

Врач оглядел утесы, окружавшие место посадки, и сказал:
— Может быть, в пещерах...

Но пока они пешком пробирались к ложине вдоль голых черных скал, они не обнаружили ни одной трещины, трещины, ни одной щели, достаточно глубокой, чтобы там могло укрыться животное размером хотя бы с Синдбада.

— Они могли спрятаться, увидев флиттер, — заметил Али.
— Возможно, они даже сейчас следят за нами.

Дэйн настороженно огляделся вокруг, всматриваясь в стены утесов, в скопления кустарника, в заросли высокой жесткой травы.

— Они должны быть маленькие, — пробормотал он вполголоса. — Уж очень маленькие у них поля.

— Все-таки это, наверное, растения, — отозвался Тау.

Но Дэйну не хотелось с ним соглашаться.

— До сих пор, — медленно проговорил он, — мы вошли в контакт с восемью негуманоидными расами. Слиты — пресмыкающиеся, арвасы — что-то вроде кошек, фиффтоки — моллюски, из прочих три отличны от нас химически, а кандойды и мимсисы — насекомые. Но разумные растения...

— ...вполне возможны, — закончил за него Тау.

Они очень тщательно обследовали ближайшее поле. Растеньица достигали в высоту двух футов; кружевная листва их непрерывно трепетала. Они были старательно прорежены, и между ними не было ни стебелька сорной травы. Ни плодов, ни семян разведчики не обнаружили, а когда наклонились, чтобы рассмотреть растения вблизи, то почувствовали сильный пряный запах. Али принюхался.

— Гвоздика?... Корица?... Может быть, это плантация лечебных трав?

— Почему же именно лечебных?

Дэйн присел на корточки. Странно. Эти миниатюрные плантации были заботливо обработаны, но не было между ними никаких тропинок, и непонятно было, как неизвестные фермеры к ним подходят. Подходят?... Быть может, в этом-то все и дело... Может, они крылатые? Он произнес это вслух.

— Ну, разумеется, — сказал Али с обычным ехидством. — Племя летучих мышей. И выходят они наружу только ночью. Именно поэтому нас не встречает здесь торжественная делегация...

«Ночной образ жизни? Что ж, это вполне возможно, — подумал Дэйн. — Значит, надо установить здесь пост и оставить на ночь наблюдателя. Впрочем, если фермеры выходят на работу в полной темноте, наблюдать их будет очень трудно. Сейчас мы можем сделать только одно: укрыться где-нибудь поблизости

и подождать до вечера. Возможно, они действительно не показываются только потому, что испугались нас и прячутся».

Дэйн и Тау залегли в тени высокой скалы, а Камил увел флиттер на вершину утеса, так что снизу его видно не было. Однако шли часы, а в долине ничего не менялось. Душистые растения продолжали трепетать, а их дикие братья неподвижно кучились вдоль ручья.

Животный мир Лимбо не отличался ни разнообразием, ни обилием. Кроме пробы воды и образцов растительности, Тау удалось заполучить лишь окрашенное под цвет почвы насекомое, похожее на земного жука. Он упрятал его в коробку, чтобы отвезти на «Королеву» для основательного исследования. Спустя час еще одно насекомое с тусклыми крупными крыльями пронеслось над водой. А животные, птицы и пресмыкающиеся так и не появлялись.

— На этом пепелище, — вполголоса пояснил Тау, — могли уцелеть только самые низшие существа...

— А как же плантации? — возразил Дэйн. Все это время он ломал голову, чем можно соблазнить таинственных лимбеанцев, если они вообще когда-нибудь появятся. Задача не из легких, тем более что он понятия не имел об их природе. Например, если их зрение отличается от человеческого, то для них не годятся ярко раскрашенные безделушки, которые пользуются таким успехом у примитивных гуманоидных племен. А если у них иная область слуховой чувствительности, бесполезными окажутся музыкальные ящики, так хорошо зарекомендовавшие себя при установлении контакта с кандойдами... Дэйн был склонен принять за отправную точку обоняние. Растения на плантациях пахли, причем, пожалуй, слишком сильно даже для человеческого носа с его слабой чувствительностью. Единственное, что сейчас можно было с уверенностью сказать о коренных обитателях планеты, — это то, что они не лишены обоняния. Попробовать в качестве приманки запахи, пряные запахи... Это может сработать. Он сказал Тау:

— Эти растения сильно пахнут. Нет ли у вас в аптеке чего-нибудь с таким же запахом? У нас есть душистое мыло с Гаратоля, но оно вряд ли подойдет...

Тау улыбнулся.

— Ищете приманку? Да, запах, возможно, их приманит. Только лучше пошарить не в аптеке, а в кладовых у Муры. Взять у него по щепотке разных пряностей...

Дэйн прислонился спиной к скале. Как это он об этом не подумал? Пряности употребляются в кулинарии — разумеется, у Муры найдется что-нибудь подходящее для народа, который

выращивает эти пахучие травы. Значит, придется вернуться на «Королеву»...

— И вот что, — продолжал Тау. — Сегодня, надо думать, с контактом у нас ничего не получится. По-видимому, они ведут ночной образ жизни, и наблюдательный пост надо оборудовать соответственно. А пока — пойдемте...

Тау был командиром группы, и решения принимал он. Дэйну обрадовался, ему хотелось поскорее заняться подготовкой к контакту. Они помахали Камилу, чтобы он спустил флиттер, связались по радио с «Королевой» и получили приказ возвращаться.

Капитан и суперкарго приняли их в рубке, выслушали Тау и позволили Дэйну высказаться по поводу пряностей. Когда Дэйн закончил свою вдохновенную речь, капитан повернулся к Ван Райку.

— Что скажете, Ван? Вы когда-нибудь пользовались пряностями для контакта?

Суперкарго пожал плечами.

— Для контакта годится что угодно, лишь бы оно привлекало туземцев. Можно попробовать и пряности — наряду с обычным набором.

Джелико сказал в микрофон:

— Фрэнк, поднимитесь ко мне. Захватите образцы всех пряностей, какие у вас есть. Образцы всего, что сильно и хорошо пахнет.

Два часа спустя Дэйн уже оценивал дело рук своих, стараясь по возможности быть строго объективным. Он нашел широкий плоский камень на полпути между двумя плантациями. На камне разложил образцы товаров — украшения, маленькие игрушки, поделки из металла, сразу бросающиеся в глаза, музыкальный ящик, устроенный так, что, если взять его в руки, он начинает играть. И наконец, он поставил на камень три пластиковые чашки с пряными смесями, накрытые легкой тканью.

В кустах неподалеку был замаскирован нацеленный на камень телепередатчик. Дэйну, Тау и Камилу предстояло провести ночь перед экраном во флиттере на вершине утеса.

Дэйн все еще немного недоумевал, как это ему доверили такое важное дело. Но он уже понимал справедливость закона «Королевы»: ты задумал — ты и выполняй. Успех или провал всецело зависит от тебя. И Дэйну было немного не по-себе, когда он забирался во флиттер, чтобы подняться на вершину утеса.

6. ЗЛОВЕЩАЯ ЛОЩИНА

Снова на них навалился плотный мрак лимбеанской ночи. У этой планеты не было спутника, а холодные иголочки звезд не способны были сделать ночь сколько-нибудь светлее. Даже на экране тьма казалась непроглядной, хотя телекамера внизу была оборудована сверхсветосильной оптикой.

Тау потянулся, нечаянно задев Дэйна. Они были одеты в двойные зимние куртки, температура в закрытом флиттере была почти комнатная, и все-таки холод снаружи добирался до них. Они поделили ночь на три вахты, так что двое, свободные от дежурства, могли попытаться вздремнуть. Впрочем, Дэйну было не до сна. Он таращил глаза во тьму, окутывающую флиттер непроницаемым покрывалом.

Он не догадался засечь время, когда увидел первую вспышку — острый огненный луч, прорезавший небо на западе. Он вскрикнул. Дежуривший у экрана Али вскинул глаза, проснулся Тау.

— Вон там, глядите! — крикнул Дэйн. — Вон там!

Они не могли разглядеть его руки, но в этом уже не было нужды. Тьму озарила новая вспышка, потом еще одна, потом сразу несколько, а потом все исчезло, и ночь сделалась еще темнее, чем прежде.

— Палят из бластеров, — проговорил Али. Он уже включил передатчик и отстукивал сообщение на «Королеву».

На мгновение Дэйна охватила паника. Но он тут же сообразил, что стреляют далеко к западу от того места, где стоит «Королева», так что это не нападение на их корабль.

Али доложил капитану, что они только что наблюдали, видимо, какое-то далекое сражение. С корабля вспышек не заметили, все было спокойно вокруг «Королевы», в том числе и в развалинах за пустошью, где располагался лагерь Рича.

— Нам оставаться здесь? — спросил Али напоследок.

Ответ последовал немедленно: да, оставаться, если только на них не нападут. Теперь особенно важно выяснить, что же все-таки представляют собой аборигены Лимбо.

Но на экране телевизора по-прежнему смутно виднелся камень с разложенными на нем товарами, и больше ничего.

Теперь они несли вахту по двое: один следил за экраном, другой — за западным горизонтом. Но вспышки больше не разрывали ночи. Если там и происходил бой, то он уже кончился.

Была очередь Дэйна дежурить перед экраном, и, по его расчетам, уже близился рассвет, когда что-то впервые шевельнулось возле камня. Это движение было едва заметным, и в первый момент Дэйн решил, что ошибся. Но вот на черном фоне кус-

тарника справа от камня возникло нечто такое странное, что Дэйн не поверил глазам. Совершенно машинально он включил регистрирующий киноаппарат.

И вовремя. Удивительное существо было не только почти бестелесно, оно передвигалось с поразительной быстротой, искажавшей его и без того жуткие очертания. Дэйн что-то видел, в этом он был вполне уверен. Но он хоть убей не мог бы сказать, что это было или на что оно было похоже.

Тау и Камил дышали ему в затылок, а сам он вперился в экран, подстерегая малейший намек на движение там, внизу. Но вот наступил рассвет, тьма быстро редела, а они так ничего и не увидели больше, кроме листвы кустарника, колеблемой утренним ветром. То, что прошло мимо камня, не заинтересовалось выставкой товаров. Оставалось положиться на пленку киноаппарата.

Солнце Лимбо поднялось над горизонтом. Иней, покрывший за ночь вершины утесов, быстро исчезал. Но лоцина оставалась пустынной — ночной гость больше не появлялся.

Прибыл второй флиттер со сменой. Рип подошел поговорить с зевающими во весь рот товарищами.

— Удалось что-нибудь? — спросил он.

— Да, что-то, кажется, засняли на пленку, — отозвался Дэйн.

Он чувствовал, что радоваться, пожалуй, пока еще рано. Этот неясный призрак мог и не быть владельцем плантации. Возможно, просто какое-нибудь животное случайно проскользнуло мимо.

— Капитан приказал вам перед возвращением обследовать район, где стреляли, — сообщил Рип, обращаясь к Тау. — Решения принимайте сами, только не впутайтесь во что-нибудь серьезное.

Врач кивнул. Али включил двигатель, и они поднялись в воздух. Внизу раскинулся уже знакомый пейзаж — узкие лоцины, кое-где крошечные квадратики плантаций. Флиттер, завывая, шел совсем низко, но никаких признаков жизни, кроме растительности, видно не было. Они пролетели к западу миль пять, и вдруг перед ними открылась ужасная картина.

Над тлеющим кустарником еще поднимался дым, огненные удары высоковольтных бластеров исхлестали землю и камень, прорубили черные просеки в густой зелени, но не это было самым страшным.

Трупы...

Три обгоревших трупа скрючились в расселине, словно в попытке спрятаться от ударов оружия, которого эти существа не понимали. Да, совсем недавно это были живые существа, хотя теперь они походили на уродливые обуглившиеся головешки.

Али пролетел еще немного вперед над ложиной. Ничего живого. Тогда он развернулся, чтобы сесть рядом с расселиной. Выскочив из флиттера, они двинулись через каменную россыпь и тут же наткнулись на четвертую жертву.

Этот тоже был настигнут огнем, но умер не сразу. Смертельно изувеченный, он еще пытался бороться за жизнь, заполз в узкую трещину между скал и там цеплялся за стенки, пытаясь вскарабкаться наверх, но смерть настигла его, и бессильное тело выкатилось наружу.

Тау опустился на колено рядом со скорченным трупом.

А Дэйн глянул только один раз и тут же зажмурился. Его замутило. Воздух был наполнен отвратительным смрадом, и это был не только запах горелой зелени. Впрочем, главное Дэйн успел заметить.

Это был не человек. Ничего подобного Дэйн никогда не видел и ни о чем подобном не слышал. Это существо — оно было нереально, невозможно! Дэйн огромным усилием воли заставил себя вновь открыть глаза и смотреть.

Существо это было жуткое, как порождение болезненного бреда. Тело его, изуродованное ожогами, состояло из двух шарообразных образований, одно вдвое меньше другого. Чего-нибудь похожего на голову не было вовсе. От большого шара тянулись две пары тонких четырехсуставчатых отростков, вероятно, очень гибких. Из меньшего шара торчала еще пара отростков. Второй сустав каждого оканчивался щупальцами, а щупальца переходили в пучки тонких, словно волосы, нитей. Шары соединялись между собой столь же тонкой, прямо осиной талией. Дэйн так и не смог заставить себя принять участие в детальном обследовании, которым немедленно занялся Тау, но, во всяком случае, он не заметил у существа ни глаз, ни ушей, ни рта.

Особенно странно выглядели шары, из которых состояло тело. Они были серовато-белого цвета и полупрозрачные. Сквозь поверхность отчетливо просвечивала красноватая структура, служившая существу чем-то вроде скелета, и другие органы, к которым Дэйн не захотел присматриваться.

— Великий Космос! — вскричал Али. — Да его же видно насквозь!

Он преувеличивал, но не слишком. Лимбеанцы — если это был лимбеанец — были прозрачнее любого существа, с которым землянам приходилось встречаться раньше. Теперь Дэйн был уверен, что на пленке, отснятой ночью, окажется точно такое же полупрозрачное существо.

Али обошел тело, разглядывая след огненных ударов, загнавших существо в трещину. Затем он осторожно прикоснулся

пальцем к черному маслянистому пятну на скале и поднес палец к носу.

— Да, это бластер.

— Думаете — Рич?..

Али, прищурясь, смотрел вдоль лощины. Лощина эта, как и все остальные, начиналась у подножия гор и должна была проходить не слишком далеко от развалин, где расположились археологи.

— Но... почему? — снова спросил Дэйн, не дождавшись ответа.

Может быть, лимбеанцы напали на Рича и его людей? Дэйн никак не мог в это поверить. Изувеченное тело, над которым сейчас трудился Тау, выглядело таким жалким, таким беззащитным. В нем не было и намека на угрозу.

— В этом-то и вопрос, — сказал Али.

Тяжело ступая, он миновал расселину, где лежали остальные обгорелые трупы, и спустился к берегу ручья: по этой лощине тоже протекал ручей, и вдоль него тоже тянулись маленькие плантации.

И тут на мягкой почве Дэйн увидел следы. Это были не следы ног, а две глубокие параллельные борозды, безжалостно разворотившие маленькие «поля». Дэйн остановился как вкопанный.

— Краулер! — сказал он. — Но ведь наши краулеры...

— ...находятся там, где им положено, — закончил Али. — Один стоит под «Королевой», а другой — в трюме. А поскольку Рич не мог провезти сюда собственный краулер в своем чемоданчике, приходится допустить, что Лимбо совсем не так уж безжизненна, как нас уверяют изыскатели. — Он постоял на берегу ручья, затем присел на корточки, рассматривая борозды в грязи. — Странные у него борозды...

Дэйн тоже наклонился, всматриваясь. Гусеницы оставили ясные отпечатки шириной около четырех дюймов. Дэйн умел управляться с краулерами, это ему полагалось по долгу службы. Если понадобится, он сумеет даже произвести небольшой ремонт. Но отличить одну машину от другой по отпечаткам гусениц он не смог бы. Тут он полностью полагался на Али.

Последующие действия помощника механика показались Дэйну совершенно загадочными. Стоя на коленях, Камил извлек из сумки рулетку и принялся измерять расстояние между колеями. Некоторое время Дэйн молча наблюдал за ним, потом не вытерпел.

— Что-нибудь не то? — спросил он.

Сначала ему показалось, что Али не намерен отвечать. Но тот присел на корточки, стер грязь с рулетки и посмотрел на Дэйна снизу вверх.

— У стандартного краулера должны быть четыре—два—восемь, — сказал он наставительно. — У ракетного кара — три—семь—восемь. У броневика — пять—семь—двенадцать.

Сами по себе эти числа мало что говорили Дэйну, но он понял, что имеет в виду Камил. Весь машинный парк в пределах Федерации был полностью стандартизирован. Это позволяло унифицировать запасные части в ремонтных мастерских на разных планетах. Али назвал параметры трех главных типов наземных механизмов, которые использовались на большинстве планет, входящих в Федерацию. Впрочем, броневик, оборудованный лучеметом, был боевой машиной и применялся, как правило, только военными и полицией, если не считать первооткрывателей, которые использовали лучемет, чтобы пробивать просеки в непроходимых лесах или зарослях джунглей.

— А здесь, значит, ни то, ни другое и ни третье? — догадался Дэйн.

— Вот именно. Здесь — три—два—четыре. И это тяжелая машина... или перегруженная. Ракетный кар или краулер без груза не оставляют такой колеи.

Али инженером, ему и карты в руки.

— Так что же это за машина? — спросил Дэйн.

Али пожал плечами.

— Не стандарт. Низкая, узкая, иначе она не прошла бы здесь, может нести изрядный груз. Но у нас такой машины нет.

Дэйн оглядел утесы, громоздящиеся по сторонам лоцины.

— Она могла уйти только вдоль ручья, — проговорил он. — Либо вверх, либо вниз.

Али поднялся на ноги.

— Я пойду вниз, — объявил он. Затем взглянул на Тау, поглощенного своей работой над трупом. — Его теперь за уши не оттянешь, пока не закончит. — Он передернулся от отвращения — то ли показного, то ли истинного. — Вообще мне кажется, что не следует торчать здесь слишком долго. В разведке надо пошевеливаться.

Дэйн повернулся.

— Я пойду вверх по ручью, — твердо сказал он. Нечего Камилу командовать, тут они на равных. И он, не оглядываясь, двинулся в путь, шагая между колеями.

Дэйн настолько увлекся, отставая перед всем миром свое право на самостоятельные действия, что совершил ошибку, непростительную для любого разведчика. Он начисто забыл включить радиотелефон в своем шлеме и шел навстречу неизвестности, не имея никакой связи с остальными членами группы.

Сейчас он думал только о колеях, которые вели его вверх по ручью к подножию горного хребта. Лощина постепенно сужалась, вершины утесов все чаще загораживали солнце, отбрасывая пурпурные тени.

Два больших насекомых с кружевными крыльями пронеслись низко над ручьем и взмыли в холодное небо.

Растительность стала чахлой и редкой, плантации больше не попадались. Дно лощины под ногами стало ощутимо наклонным. Лощина превратилась в ущелье, извивающееся между скалистыми стенами, и Дэйн шел очень осторожно. Ему нисколько не улыбалось, обогнув какой-нибудь выступ, столкнуться лицом к лицу с обладателем бластера.

Он был убежден, что доктор Рич имеет ко всему этому какое-то отношение. Но откуда у него взялся краулер? Может, доктор бывал на Лимбо раньше? Или, быть может, он здесь нашел и разграбил аварийный склад изыскателей? Но ведь Али говорил, что эта машина не относится к стандартному типу.

Колея оборвалась внезапно, и Дэйн, остановился как вкопанный, не веря своим глазам. Она уходила прямо в глухую скалу, исчезая у ее подножия, как если бы машина прошла сквозь камень.

Дэйн быстро напомнил себе, что самый поразительный факт должен иметь некое логическое объяснение, причем вовсе не обязательно из области телевизионных «силовых стен» и прочих фантастических штучек. Колеи уходят в скалу — это либо обман зрения, либо открытие, и остается только выяснить, какое именно.

Скрипя каблуками по песку и гравию, Дэйн подошел к каменной преграде на расстояние вытянутой руки. И тогда, еще не сознавая, что происходит, он ощутил что-то странное, какую-то дрожь. Здесь было очень тихо, в этом каменном тупике, замыкавшем лощину, не было ветра, не шуршали кусты. И тем не менее в воздухе ощущалось некое беспокойство, какая-то еле уловимая вибрация на самом пороге человеческой способности воспринимать звуки и движение.

Повинуясь импульсу, он приложил ладони к каменной стене и сразу ощутил э т о — через его ладони в мускулы и кости полились пульсирующие толчки, словно исходящие из самого тела планеты. Тогда он принялся шарить пальцами по шероховатой поверхности, внимательно обследуя каждый ее дюйм, но не нашел ни малейшей трещинки, никаких следов двери, никакого источника этого тяжелого тап-тап-тап, которое било его по нервам. Пульсация была неприятной, в ней таилась угроза, и Дэйн вдруг резко отдернул руки, испугавшись, что попадает под гипноз этого тупого ритма. Теперь он оконча-

тельно уверился в том, что Лимбо — не безжизненный, мертвый мир, как это казалось на первый взгляд.

Тут он впервые вспомнил, что у него нет связи с другими членами группы, и поспешно включил радиотелефон. И сразу же в наушниках зазвенел голос Тау:

— Вызываю Али... Вызываю Торсона... Отвечайте... Отвечайте!..

В голосе врача была такая тревога, что Дэйн сейчас же бросился прочь от стены, крича на ходу:

— Я Торсон, нахожусь в конце лоцины! Имею доложить...

Но врач нетерпеливо перебил его:

— Возвращайтесь к флиттеру! Али, Торсон, возвращайтесь к флиттеру!

— Торсон возвращается, — крикнул Дэйн и со всех ног побежал вниз по лоцине. И пока он спешил, оскользаясь на камне и щелбне, голос Тау продолжал звать Али, а помощник механика все не откликался.

Тяжело дыша, Дэйн наконец добежал до места, где они расстались с Камиллом. Врач, увидев его, замахал рукой, подзывая к флиттеру. «Где Али?», «Где Камил?», — крикнули они одновременно и уставились друг на друга.

Дэйн ответил первым.

— Он сказал, что пойдет вниз по ручью... по следам этих гусениц... Я пошел вверх...

— Значит, это был он... — Тау нахмурился, повернулся на пятках и оглядел лоцину. Здесь, у воды, зелень разрослась особенно густо, кустарник стоял стеной, в которой ручей пробил нечто вроде туннеля.

— А что случилось? — спросил Дэйн.

— Кто-то окликнул меня по радиотелефону, окликнул и сразу же замолчал...

— Не я. Мой радиотелефон был выключен, — ляпнул Дэйн, не подумав. Он тут же прикусил язык, сообразив, что наделал. Разведчик не имеет права выключать радиотелефон, это знает любой пригодишник. А он, Дэйн, нарушил это правило в первой же своей разведке! Дэйн почувствовал, что щеки его загорелись, но не стал ни извиняться, ни объясняться. Он совершил проступок и готов был понести наказание.

— С Али что-то случилось, — сказал Тау. Не произнес больше ни слова, он забрался в кабину флиттера. Притихший Дэйн последовал за ним.

Флиттер рывком взвился в воздух — Тау был не таким искусным пилотом, как Камилл. Флиттер пошел над лоциной очень низко и на самой малой скорости. Дэйн и Тау напряженно всматривались, но не видели ничего, кроме выжженных полос,

оставленных бластером, густой зелени, россыпью щебня и торчащих скал.

Следы краулера тоже были видны, и Дэйн коротко рассказал все, что ему удалось узнать. Лицо Тау было угрюмо.

— Если мы не найдем Али, — сказал он, — придется сообщить на «Королеву».

До Дэйна вдруг дошло, что ему страшно не хочется сознаться перед собой еще в одном упущении. Упущение это было гораздо серьезнее, чем промах с радиотелефоном. Он должен был настоять на том, чтобы держаться вместе, не разбредаться в разные стороны, хоть лощина и казалась пустынной и безопасной.

— Здесь происходит что-то очень скверное, — продолжал Тау. — Из бластеров стреляли преступники...

Дэйн хорошо знал, как беспощадны законы Федерации, когда речь идет о контактах с аборигенами иных миров. В Школе ему пришлось зазубривать на память соответствующие параграфы из Свода законов. Защищаться от нападений инопланетян не возбранялось, но только защищая свою жизнь, торговец имел право применить против негуманоида бластер или какое-нибудь другое оружие. Только защищая свою жизнь... Не одобрялось даже применение гипноизлучателей, хотя, как правило, торговцы вооружались ими, отправляясь на неисследованные планеты, населенные варварскими племенами.

Экипаж «Королевы» ступил на землю Лимбо без оружия и должен был оставаться безоружным до тех пор, пока их жизнь или их корабль не окажутся под угрозой. А здесь, в лощине, кто-то бил из бластера по живым существам просто из гнусной прихоти, утоляя какую-то садистскую ненависть к инородцам.

— Ведь не может быть, чтобы напали они, эти шарообразные...

Тау покачал головой, его загорелое лицо стало жестким.

— У них вообще нет оружия. По всему видно, что на них напали без предупреждения, просто взяли и скосили их... чтобы позабавиться.

Тау зашнуровался и не стал продолжать. Картина, которую он нарисовал, была слишком отвратительна для человека, воспитанного в традициях Торгового флота.

Лощина под нами расширилась и широким веером влилась в равнину. Али нигде не было. Он исчез, словно прошел сквозь каменные стены утесов. Каменные стены!.. Дэйн вспомнил стену, в которую ушел след краулера, и прилип к ветровому стеклу, вглядываясь в скалистые обрывы. Но нет, там не было никаких следов.

Флиттер пошел на снижение и сел.

— Надо доложить на «Королеву», — сказал Тау. Не вставая с места, он потянулся к ключу бортового передатчика.

7. ЕЩЕ ОДИН КОРАБЛЬ

Тау начал выстукивать вызов, когда скрежещущий вой, грозный и странно знакомый, поднял их на ноги. Это был не ураган — здесь, на краю выжженной пустыни, не происходило ничего, что могло бы нарушить извечное молчание мертвой планеты. Более опытный Тау первым понял, что это такое.

— Звездолет! — крикнул он.

Дэйн был новичком в Космофлоте, но ему было понятно: если корабль идет на посадку с таким раздирающим ревом, значит, дело его плохо. Он схватил Тау за плечо.

— Что с ним?

Лицо врача побелело под загаром. Прикусив нижнюю губу, он как зачарованный глядел в небо. Сквозь нарастающий свист и скрежет он прокричал на ухо Дэйну:

— Спускается слишком быстро!.. Не может затормозить!..

И тут они его увидели. Темное пятно стремительно прорезало утреннее небо и исчезло за зубчатым хребтом на северном горизонте.

Вой затих. Наступила тишина. Тау медленно покачал головой.

— Разбился. Не сумел погасить скорость.

— Что это за корабль? — спросил потрясенный Дэйн. Темное пятно пронеслось так быстро, что он не различил силуэта.

— Слава богу, для пассажирского лайнера он слишком мал. По крайней мере я надеюсь, что это был не лайнер...

Да, крушение пассажирского лайнера было бы сущим кошмаром. Дэйн отлично это понимал.

— Какой-нибудь грузовой корабль... — Тау снова сел и застучал ключом. — Должно быть, потерял управление, когда вошел в атмосферу...

Он связался с «Королевой» и доложил обо всем случившемся. Ответ последовал незамедлительно. Им было приказано оставаться на месте и дожидаться второго флиттера, который придет с оборудованием для полевого госпиталя. Затем второй флиттер, взяв на борт Тау, отправится в горы и попытается отыскать место аварии, чтобы оказать помощь, если кто-нибудь там остался в живых. Дэйн, Мура и Кости займутся поисками Камила.

Второй флиттер появился через несколько минут. Мура и

Кости выскочили из него, едва он коснулся грунта, а Тау поспешно вскарабкался на их место. Флиттер сейчас же по спирали взмыл в небо и лег на курс к иззубренному хребту, за который упал звездолет.

— Вы видели, как он падал? — спросил Дэйн.

Мура покачал головой.

— Не видели. Только слышали. Потерял управление.

Широкое лицо Кости сочувственно сморщилось.

— Они, должно быть, здорово треснулись. Такой удар — наверное, никого в живых не осталось. Однажды на Джуно я видел примерно такую же посадку — дрянь дело, все погибли. А этот, должно быть, потерял управление еще раньше, чем пошел на посадку. Он даже не пытался тормозить, падал точно кусок железа.

Мура тихонько присвистнул.

— Может, чумной корабль...

Дэйн вздрогнул. Чумной корабль... Жуткий призрак на космических трассах. Блуждающий склеп с мертвым экипажем, заразившимся неизвестной болезнью на неведомой планете и избравшим смерть в отдаленных пустынях космоса, чтобы не занести инфекцию на обитаемые миры. Перед Службой охраны солнечной системы стояла незавидная задача перехватывать эту дрейфующую смерть и либо посылать ее в очищающие недра звезд, либо уничтожать каким-либо другим способом. А здесь, за пределами цивилизованного мира, такой блуждающий склеп мог носиться в пространстве годами и даже столетиями, прежде чем игра случая не бросит его в сферу притяжения какой-нибудь планеты и не разобьет о ее поверхность.

Впрочем, люди «Королевы» знали, что к чему, они не полезут в разбитый корабль очертя голову. И вообще место крушения могло оказаться в тысяче миль отсюда, далеко за пределами радиуса действия флиттера. И там будет Тау — кто-кто, а уж он-то знает, что с чумой шутики плохи.

— А как Али? Он пропал? — спросил Кости.

Дэйн подробно рассказал о том, что произошло в лощине, не утаив и собственной оплошности. К его огромному облегчению, ни Мура, ни Кости не стали тратить время на упреки, а сразу приступили к делу. Мура предложил план.

— Пусть Кости поднимется на флиттере и летает над нами. Мы с вами пойдем пешком. Может быть, есть следы, которые вы не заметили с воздуха.

Так они и сделали. Флиттер на самой малой скорости кружил над их головами, а Дэйн и Мура двигались по зловещей лощине пешком, прорубаясь ножами сквозь густые заросли. Они обнаружили место, где гусеницы краулера соскользнули со скалис-

того выжженного массива и впервые врезались в рыхлую почву плодородной полосы.

Здесь Мура остановился и оглядел равнину. Пестрых развалин отсюда видно не было, но краулер, несомненно, появился с той стороны, затем с неизвестной целью прошел по ложине к горам и... исчез там, пройдя сквозь сплошную каменную стену.

— Из лагеря Рича?.. — предположил Дэйн.

— Может — да, может — нет, — уклончиво ответил Мура. — Вы говорили, по мнению Али, это была нестандартная машина?

— Но... — Дэйн разинул рот. — Не может же быть, что это сами Предтечи...

Мура засмеялся.

— Говорят, в космосе все возможно, верно? Нет, я не думаю, чтобы древние владыки космоса оставили здесь своих потомков. Но они могли оставить здесь другое — и это другое кто-то здесь использует. Хотел бы я знать побольше о развалинах...

Что ж, возможно, Рип был недалеко от истины, когда несколько дней назад утверждал, будто на какой-нибудь планете могло сохраниться оборудование легендарных Предтеч. И, быть может, кто-то наткнулся здесь, на Лимбо, на склад этого оборудования? Но тогда обретало силу мрачное предостережение Али — о том, что оборудование Предтеч в руках землян может стать угрозой всему человечеству.

Они старательно обыскивали устье лощины, а флиттер все кружил над их головами. Дэйн на ходу вскрыл пакет с полевым рационом и принялся жевать безвкусную каучуковую массу, которая по идее должна была снабдить его молодой организм всеми необходимыми калориями и витаминами, такую неаппетитную и совсем не похожую на настоящую еду.

Он прорубался сквозь колючие кусты, продирался через путаницу ветвей и вдруг очутился на крошечной полянке, со всех сторон окруженной шипастой растительностью. Под ногами был толстый слой опавшей листвы.

Дэйн замер. Грязный коричневый ковер был местами продран. Из-под разворошенных листьев выглядывала отвратительная зеленая слизь, и от нее поднималась нездоровая гниlostная вонь.

Дэйн опустил на четвереньки. Он не был следопытом, но даже ему было ясно, что здесь происходила какая-то драка — и притом совсем еще недавно, потому что грязь даже не успела подсохнуть. Дэйн огляделся. Да, идеальное место для засады. И если Камил выпшел отсюда... и пошел туда...

Стараясь не наступать на следы, Дэйн пересек поляну. Так и есть. На кустарнике виднелись следы ножа, многие ветки были

обрублены. Здесь прошел человек, вооруженный обычным походным ножом.

Прошел здесь... а здесь его поджидал кто-то... или что-то.

Лимбеанцы? Или хозяева странного краулера, которые жгли лимбеанцев из бластера?

В одном Дэйн был уверен: на Камила напали именно здесь — напали, скрутили и уволокли. Куда? Он тщательно оглядел кустарник, но нигде больше не обнаружил никаких следов. Все выглядело так, словно охотник, овладев добычей, испарился вместе с нею.

В кустарнике затрещало, и Дэйн резко обернулся, выхватив гипноизлучатель. Но это был Мура — его славное 'загорелое лицо появилось среди листвы. Дэйн махнул ему рукой, и Мура вышел на поляну. Объяснять ему ничего не пришлось, он сам все понял с первого взгляда.

— Они сцапали его здесь, — сказал Дэйн уверенно.

— Да, но кто или что такое эти «они»? — возразил Мура и тут же задал вопрос, на который невозможно было ответить: — И как они отсюда ушли?

— Их краулер, например, прошел прямо через скалу...

Мура повернулся ногой слой опавшей листвы.

— Ничего похожего на люк, — объявил он серьезно, как будто ожидал все-таки обнаружить что-либо в этом роде. — Остается одно... — Он ткнул пальцем в небо, где нарастал рокот флиттера: Кости сделал круг и возвращался к ним.

— Но мы бы увидели... услышали... — запротестовало было Дэйн, но тут же усомнился в собственных словах. Ведь если Али попытался звать на помощь, сам он был на другом конце лощины, да и до Тау отсюда было по крайней мере две мили поворотов, выступов и густого кустарника.

— Что-нибудь поменьше наших флиттеров, — размышлял вслух Мура. — Вполне возможно. Ясно одно: Камила они утащили, и, чтобы отбить его, мы должны узнать, кто они и где находятся.

Он снова стал продираться сквозь кустарник, и Дэйн последовал за ним. Они вышли на открытую скалистую площадку и помахали флиттеру. Кости посадил машину и сразу же спросил:

— Нашли?

— Нашли место, где его захватили, — ответил Мура, усаживаясь перед радиопередатчиком.

Дэйн обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на эту зловещую лощину. Но то, что он увидел у горизонта, сразу заставило его забыть и о лощине, и об утесах, обступивших ее. Оказывается, пока они шарили в кустарнике, солнце скрылось. Небо затягивало облаками — и не только облаками. Не стало

больше видно и голых, покрытых снегом горных пиков, которые совсем недавно вырисовывались на фоне бледного неба. Словно оно обвалилось, это белесое выпцветшее небо, и закрыло собой горизонт. Там, где были горы, теперь клубился туман, такой плотный, что ничего не было видно, как будто художник замазал белой краской неудавшийся пейзаж. Дэйн никогда не видел ничего подобного. И туман надвигался с необычной быстротой, на глазах пожирал милю за милей. Не хватало еще затеряться в этом молоке!..

— Смотрите! — Он подбежал к флиттеру и схватил Муру за руку. — Посмотрите, что делается!

Кости сдавленно выпругался по-венериански, а Мура только послушно поднял глаза. Вся местность к северу от лощины уже скрылась в тумане. Более того — от вершин утесов, обступивших лощину, клубами поднимался серовато-желтый пар, он полз по каменным склонам, размывая очертания скал. И земляне произвольно сбились в кучку, ощущая озноб и от этого зрелища, и от холода, наступившего с исчезновением солнца.

Писк рации заставил их опомниться. На «Королеве» заметили туман и предлагали обоим флиттерам немедленно возвращаться.

А туман сгущался все быстрее. Клубы пара над лощиной сливались, образовывали гряды облаков, и облака эти начали опускаться, затрудняя всякую видимость.

Кости обеспокоенно произнес:

— Плохо дело, эта штука надвигается слишком быстро. Можно, конечно, идти по радару, но я предпочел бы обойтись без этого...

К тому времени, когда они поднялись в воздух, туман уже заливал лощину и грозно выбросил первые щупальца на изрытую поверхность выжженной равнины. В этом было что-то зловещее, твердь исчезла, ее заливали грязные крутящиеся волны, и вот уже ничего не было видно внизу, кроме неясного, грозного движения бесформенных клубов.

Кости уводил флиттер на полной скорости, но они не пролетели и мили, как он вынужден был убавить скорость. Туман встал стеной, он оседал липкими каплями на ветровом стекле. становился все плотнее.

Правда, они не рисковали заблудиться. Флиттер шел по пеленгу с «Королевы». Но теперь вокруг кипело сплошное море тумана. Они не видели ничего, и только жужжание радарной системы связывало их с родным кораблем.

— Надеюсь, наши ребята успели выбраться, — проговорил Кости.

— Если не успели, — отозвался Мура, — им лучше сесть и переждать.

Жужжание радара становилось все громче, и Кости снова убавил скорость.

— Как бы нам не врезаться в нашу старушку, — пробормотал он.

В этом тумане не было ни расстояний, ни направлений. Может, они летели сейчас на высоте десять тысяч футов, а может, скользили в каком-нибудь ярде над поверхностью скалистой равнины. Кости сторбился над панелью управления, обычно добродушное лицо его было искажено, глаза перебегали с циферблатов на ветровое стекло и обратно...

Потом они увидели корабль — темную тень, возникшую из белесой мглы. Кости повел флиттер на снижение и с мастерской точностью посадил его на хрустнувший щебень. Все кончилось, но он не торопился вылезать. Сначала он вытер лицо тыльной стороной ладони. Мура наклонился вперед и похлопал великана по плечу.

— Отличная работа, — сказал он.

— А как же иначе! — ухмыльнулся Кости.

Они выбрались из флиттера и, прежде чем направиться к смутной громаде «Королевы», повинувшись какому-то внутреннему чувству, взяли за руки. Рука товарища в твоей руке — это было нужно не только для того, чтобы не потеряться в тумане, это давало ощущение безопасности и уверенности, в котором так нуждался каждый из них. Грозный враждебный туман подавлял их. Пока они шли, жирная влага оседала на шлемах и стекала крупными каплями на лица и плечи.

Они поднялись по трапу, перешагнули порог люка и остановились, охваченные блаженным теплом ярко освещенного шлюзового отсека. К ним кинулся бледный и встревоженный Джаспер Виск.

— А, это вы... — разочарованно произнес он.

Кости захохотал.

— А кого ты ждал, мальчи? Мистера дракона с такой вот пастью? Конечно, это мы, и мы очень рады, что это мы...

— Что-нибудь случилось? — прервал его Мура.

Виск подошел к открытому люку, выглянул.

— Второй флиттер... — сказал он. — Он не отзывается уже целый час. Капитан приказал им возвращаться, как только мы заметили туман... В отчете изыскателей сказано, что эти туманы могут стоять несколько дней... но в это время года их обычно не бывает.

Кости присвистнул, а Мура, прислонившись спиной к стене, принялся отстегивать шлем.

— Несколько дней...

Дэйн почесал в затылке. Несколько дней в этом супе! Тут уж остается одно — сидеть и надеяться на лучшее. А если им еще пришлось совершить в горах вынужденную посадку... Теперь он понимал, почему Викс так мается у люка. Да, полет над плоской равниной — легкая прогулка по сравнению с испытаниями, которые выпали на долю экипажа второго флиттера.

Они поднялись в рубку, чтобы доложить капитану. Но капитан слушал их вполуха. Он то и дело посматривал на Тан Я, который сидел за пультом бортовой радиостанции, напряженно вслушиваясь в эфир, готовый в любой момент выйти на связь. Капитана тоже можно было понять. Где-то там, в таинственных просторах Лимбо, затерялся уже не только Али — затерялись Рип, Тау и Стин Вилкокс — треть экипажа «Королевы».

— Опять! — с досадой проговорил Тан. Он сморщился и обеими руками оттянул от ушей наушники. И сейчас же в рубке стал слышен шум, рвущийся через мембраны. Поначалу его можно было принять за жужжание пеленгатора, но тон его все повышался, пока не перешел в визг, от которого заныло в ушах.

Дэйн вслушивался в этот визг и вдруг уловил в нем что-то знакомое, какую-то скрытую пульсацию, знакомый ритм... да-да, тот самый ритм, который он ощутил, приложив ладони к шершавой стене в зловещей лощине. Значит, есть некая связь между этим шумом в эфире и вибрацией далекой скалы!

Визг оборвался так же внезапно, как и начался. Тан вновь надвинул наушники и стал ждать вызова — либо рации пропавшего флиттера, либо радиотелефона Али.

— Что это было? — спросил Мура.

Капитан Джелико пожал плечами.

— Мы знаем не больше вас. Возможно, какой-то сигнал... он повторяется весь день через равные промежутки времени.

— Приходится признать, — пробасил Ван Райк, остановившись в дверях рубки, — что мы на Лимбо не одни. И вообще на Лимбо много такого, чего сразу не заметишь.

Тут Дэйн решил поделиться своими подозрениями.

— Археологи... — начал было он, но капитан бросил на него выразительный взгляд, и помощник суперкарго замолчал на полуслове.

— Пока нам ничего не известно, — холодно сказал капитан. — Ступайте, ребята, поешьте и отдохните...

Глубоко уязвленный Дэйн поплелся вслед за Мурой и Кости вниз, в кают-компанию. По дороге они прошли мимо каюты капитана. Из-за двери было слышно, как дико визжит в своей клетке Хубат. «Мне сейчас самому в пору так визжать», — подумал Дэйн с горечью. И даже горячая еда, ничуть не похожая на

резиновую жвачку, которой он питался накануне, не могла поднять его настроение.

Однако та же еда оказала самое благотворное влияние на настроение Кости.

— Плохо вы знаете Рипа! — восклицал он во всеуслышание. — Это же головастый парень! И мистер Вилкокс тоже знает, что к чему. Наверняка они где-нибудь уютненько устроились, сидят себе и ждут, пока эта штука не рассеется. Кому же придет в голову вылезать в такой туманище?..

«Хорошо бы, если так, — подумал Дэйв. — А вдруг на Лимбо живут люди, которые знают все причуды местного климата, знают эти туманы и умеют ими пользоваться... например, как прикрытием... А этот радиощум... может, это пеленг, и по этому пеленгу их отряды крадутся сейчас сквозь мглу... и направляются эти отряды сюда, к «Королеве»!»

8. ПЛЕННИКИ ТУМАНА

После обеда все свободные члены экипажа собрались у входного люка. Они, конечно, предпочли бы находиться где-нибудь поближе к рубке управления и бортовой радиостанции, но присутствие там капитана совершенно исключало такую возможность. Поэтому лучшее, что им оставалось, это торчать у открытого люка, таращить глаза в затянутое серое мглой пространство и напряженно прислушиваться, не раздастся ли наконец урчание моторов флиттера.

— Они же толковые ребята, — в двадцатый раз повторял Кости. — Не станут они рисковать своей головой, пробираясь через это дерьмо. Вот Али — другое дело. Его спалили раньше, чем все это началось.

— Может быть, это браконьеры? — предположил Виск.

Великан задумался.

— Браконьеры? М-да... Но что браконьерам делать на Лимбо, скажи, пожалуйста. Что-то я не видел здесь мехов и драгоценных камней. — Он повернулся к Дэйву: — Как насчет этих мертвых тварей в лощине, Торсон? Могут браконьеры у них чем-нибудь поживиться?

— Оружия у них не было... и одежды тоже, насколько я мог судить, — сказал Дэйв рассеянно. — А на плантациях у них растут пряности; я таких никогда не видел...

— А это не наркотики? — спросил Виск.

— Если и наркотики, то это что-то новое. Тау их тоже не знает... — Дэйв поднял голову и прислушался. Он был почти уверен... ага, вот снова! — Тише! — Он схватил за рукав Кости

и подтащил к люку. — Прислушайся... Слышишь? А теперь?

Туман был настолько плотен, что казалось, будто наступила ночь. Даже сигнальный огонь на носу «Королевы» не мог рассеять эту тьму. Туман странно искажал звуки, дробил и множил урчание моторов, и можно было подумать, что целая армада флиттеров приближается к «Королеве» одновременно со всех сторон.

Дэйн стремительно повернулся и, рванув рубильник, включил огни вдоль трапа. Даже самое слабое мерцание могло помочь блуждающему в тумане флиттеру определить место посадки. Викс исчез. Было слышно, как он гремит каблуками по коридору, спеша сообщить новости в рубку управления. В ту же минуту туман вокруг «Королевы» осветился. Это вспыхнул сверхмощный прожектор — маяк, который невозможно было не заметить с флиттера.

Темное тело пронеслось рядом с кораблем — так близко, что Дэйн отпрыгнул, уверенный, что оно врежется в трап. Урчание мотора слабело, удаляясь, потом вновь стало нарастать, превратилось в рокот, и темный силуэт вновь вынырнул из тумана, теперь уже совсем низко.

Флиттер сел со страшным скрежетом. Видимо, туман все же помешал пилоту правильно определить высоту. У подножия трапа появились три фигуры, смутные и размытые в тумане. Никого нельзя было узнать, пока они поднимались к люку, и вдруг раздался знакомый сочный бас Рипа:

— Ах, черт меня побери! — Он задержался перед порогом и ласково похлопал ладонью по обшивке корабля. — До чего же славно снова увидеть нашу старушку!.. Бог ты мой, как славно!

— Как же это вам удалось добраться? — спросил Дэйн.

— А что было делать? — отозвался помощник штурмана. — В горах не сидешь. Эти горы — сплошные вершины и пропасти... так, во всяком случае, они выглядят. Мы вышли на пеленг, но тут... Слушайте, что это здесь за помехи? Мы дважды теряли пеленг, никак не могли настроиться...

Стин Вилкокс и Тау медленно шли следом. Врач едва держался на ногах, волоча за собой походную аптечку. Вилкокс только крикнул в ответ на приветствие, растолкал встречающих и направился прямо в рубку управления. А Рип задержался.

— Что с Али? — спросил он.

Дэйн рассказал ему про полянку в кустарнике.

— Но как же они?..

— Непонятно. Разве что взмыли прямо в небо. Флиттер посадить там негде. Но ведь краулер-то прошел сквозь скалу! Нет, Рип, на этой планете что-то не так...

— От развалин лощина далеко? — помощник штурмана произнес это жестким, резким тоном.

— Ближе, чем от «Королевы». Мы их не видели из-за тумана, но, возможно, пролетели над ними...

— А с Али вам так и не удалось связаться?

— Тан все время пытается. Да и мы не отключались, пока не вернулись сюда.

— Вероятно, они сразу же отобрали у него шлем, — сказал Рип. — Я бы на их месте сделал то же. Иначе он бы помог нам запеленговать их...

Дэйн вдруг увидел некую возможность.

— Слушай, а нельзя запеленговать сам радиотелефон? Если он не выключен, конечно...

— Не знаю. Только расстояние, наверное, очень уж велико. Надо спросить у Тана... — И Рип побежал наверх, в рубку управления.

Дэйн взглянул на часы и быстро пересчитал корабельное время на время Лимбо. Была ночь. Ночь и туман. Даже если Тан сумеет поймать шум радиотелефона Али, все равно сейчас нельзя высунуть носа из корабля.

Инженер-связист был не один. В рубке собрались все офицеры «Королевы», а сам Тан опять сидел, отведя от ушей наушники. И в рубке снова звучал визг — снова где-то за пеленой тумана работала какая-то гигантская заглушка.

Когда вошли Рип и Дэйн, Вилкокс рассказывал:

— Вот это самое. В точности на нашей рабочей частоте. Я взял два пеленга. Но понимаете, — он пожал плечами, — тут атмосферные помехи, да и определить было трудно в тумане... Точно ли — не знаю. Могу сказать только, что источник находится где-то в горах...

— А это не статические разряды? — спросил капитан Джелико.

— Наверняка нет! И я уверен, что не передача... Возможно, чей-то пеленг. А больше всего похоже на помехи от крупной работающей установки...

— И что это может быть за установка? — спросил Ван Райк.

Тан снял наушники и положил их на пульт рядом с собой.

— Очень большая, — сказал он. — Что-нибудь вроде Центрального Мозга у нас на Земле.

Все ошеломленно замолчали. Установка типа ЦМ на этой опустошенной планетке! Такое не сразу переваришь. Впрочем, Дэйн заметил, что в осведомленности Тана никто не усомнился.

— Что ей здесь делать? — спросил изумленный Ван Райк. — Как ее здесь можно использовать?

— Давайте лучше думать, кто ее использует, — возразил Тан.

— Не забывайте, они захватили Камила. Так что они, наверное, многое знают о нас, а вот мы о них не знаем ничего.

— Браконьеры... — произнес Джелико, однако по тону его было ясно, что он сам этому не верит.

— Браконьеры с установкой типа ЦМ? Может быть, конечно... — откликнулся Ван Райк, и в голосе его чувствовалось сомнение. — Но все равно мы не можем выйти на разведку, пока туман не рассеется...

Трап втянули, и корабль снова перешел на обычный распорядок. Но Дэйн не верил, чтобы кто-нибудь спал в эту ночь. Он думал, что и сам не заснет, однако усталость, накопившаяся за последние двадцать четыре часа, в конце концов сморила его и понесла от одного сна к другому: он все время догонял Али, сначала по извилистым лощинам, а потом между огромными, как башни, узлами ЦМ, и все никак не мог догнать убегающего помощника механика.

На его часах было девять, когда он утром спустился в шлюзовую камеру. Люк снова был открыт настежь. Снаружи было по-прежнему темно, словно стояла глубокая ночь, может быть, лишь чуть-чуть светлее. Густой туман все еще окутывал корабль.

Внизу на трапе стоял Рип. Он машинально взялся за поручень, но сейчас же отдернул руку и принялся вытирать ладонь о штанину — по поручню крупными маслянистыми каплями стекала осевшая влага. Дэйн спустился по скользким ступенькам и встал рядом с ним.

— И не думает проясняться, — заметил он.

— Кажется, Тан поймал пеленг! — выпалил Шэннон. — Рацию Али! — Он снова схватился за поручень и жадно уставился в сторону развалин, словно пытался усилием воли пробуравить взглядом груды серой ваты, завалившей все вокруг.

— С какого направления? — спросил Дэйн. — С севера?

— Нет! С запада!

Значит, все-таки с запада... где развалины, где лагерь Рича... Значит, все правильно — Рич и впрямь имеет какое-то отношение к тайнам Лимбо.

— Сегодня рано утром, — продолжал Рип, — помехи исчезли и слышимость минут на десять сделалась хорошей. Тан присягать бы не стал, но уверен, что поймал жужжание включенного радиотелефона.

— Далековато все-таки... до развалин, — пробормотал Дэйн. Но он знал, что, если уж инженер-связист что-нибудь сказал, значит, так оно и есть. Тан Я никогда не фантазировал.

— Что же мы теперь будем делать? — спросил Дэйн.

Огромные лапы Рипа сжали поручень.

— А что мы можем сделать? — сказал он беспомощно. — Не брести же наудачу — авось выйдем на развалины... Вот если бы они включили передатчик...

— А они что, не включают? Они же должны держать с нами связь... Мог бы ты вести флиттер по пеленгу их передатчика?

— Мог бы, — сказал Рип, — если бы они нам что-нибудь сообщали. Но они не выходят в эфир. Всю ночь Тан вызывал их через каждые десять минут. Нарочно вызывал на аварийной частоте, чтобы они точно знали, что это мы, а не кто-нибудь другой. Но они так и не отозвались.

Да, без пеленга флиттер до развалин не доведешь. И все же какую-то радию там засекли — возможно, радию Али — и совсем недавно.

— Я попробовал выйти, — сказал Рип, указывая в туман. — Хорошо, что догадался привязаться тросом, а то бы заблудился через несколько шагов...

Дэйн в этом не сомневался. Но лихорадочное нетерпение, мучившее Рипа, передалось и ему. Невозможно же сидеть, сложа руки, когда появилась наконец какая-то надежда выручить Али! С ума можно сойти... Он спустился по скользкому трапу, нашел трос, который Рип привязал к поручню, и, крепко взявшись за него, двинулся в серую мглу.

Туман каплями оседал на его куртке, стекал по лицу, оставляя на губах странный металлический привкус. Дэйн осторожно, шаг за шагом продвигался вперед.

И вдруг впереди замаячил какой-то темный силуэт. Дэйн, крадучись, приблизился и смущенно хихикнул, обнаружив, что это всего лишь краулер — тот самый, который проделал несколько рейсов к развалинам и обратно, перевоза оборудование Рича.

К развалинам и обратно!

Дэйн стиснул трос в кулаке. А что, если...

Быстро перебирая руками по тросу и поминутно спотыкаясь — так торопился, — он вернулся к трапу. Если его надежда оправдается, проблема решена. Можно будет найти лагерь и застать археологов врасплох. Они, конечно, ничего подобного сейчас не ожидают.

Рип ждал его на трапе. По лицу Дэйна он сразу понял, что у того есть какая-то идея, но вопросов задавать не стал, а просто поспешил за ним по пятам.

— Где Ван Райк? — спросил Дэйн на ходу. — Или капитан?

— Капитан спит, — ответил Рип. — Тау заставил его прилечь. А Ван Райк, наверное, у себя в каюте.

Дэйн устремился на грузовую палубу. «Ах, если бы все получилось так, как я задумал! Это была бы настоящая удача —

первая удача с тех пор, как мы связались с этой проклятой планетой...»

Суперкарго возлежал на своей койке, заложив руки за голову. Дэйн в нерешительности остановился на пороге, но голубые глаза Ван Райка были открыты и тотчас же уставились на него. Дэйн начал с места в карьер:

— Кто-нибудь пользовался краулером последние два дня, сэр?

— Насколько мне известно, нет, — ответил суперкарго. — А что такое?

— Значит, — дрожа от возбуждения, произнес Дэйн, — значит, им пользовались здесь только для перевозки оборудования доктора Рича?

Ван Райк сел. Он не только сел, но потянулся за ботинками и обулся.

— Так ты полагаешь, автонастройка у него сохранилась? Возможно, сынок, вполне возможно!

Он уже натягивал куртку. Тут до Рипа дошло.

— Проводник до самого лагеря! — с восторгом вскричал он.

— Будем надеяться, — сдержанно произнес Ван Райк.

Снова вернулись к краулеру — на этот раз во главе с самим суперкарго. Приземистый грузовоз по-прежнему стоял между стабилизаторами «Королевы» в том же положении, в каком его оставил Дэйн, — уставив тупой нос на запад. Да, автонастройка на лагерь, видимо, сохранилась. Когда двигатель включили, краулер медленно пополз по своим старым следам, и, если бы Дэйн, нагнав его, не заглушил потом, он так полз бы и полз, невзирая ни на какие туманы, через выжженную пустошь до того места, где Рич выгрузил свое оборудование. Это был идеальный проводник. Людям «Королевы» оставалось лишь следовать за ним.

Суперкарго не сказал ни слова. Он только повернулся и пошел обратно к «Королеве». Шагая следом за ним, Дэйн пробормотал:

— Эх, нам бы хоть один ручной лучемет...

— Тогда уж лучше резонатор, — возразил Рип.

Дэйн испуганно покосился на него. Лучеметом не обязательно убивать — им можно пригрозить или проломить стену укрепления. Но резонатор... Акустические волны невидимы, от них нет защиты, и они буквально разрывают людей на части. И если Рип заговорил о резонаторе, значит, он считает, что настоящее сражение неизбежно. Впрочем, все это пустые разговоры. «Королева» — послушный закону торговый корабль, на ней нет ни лучеметов, ни резонаторов.

Ван Райк поднялся в секцию управления и постучал в дверь

капитанской каюты, из-за которой доносились пронзительные вопли Хубата. Джелико откатил дверь. Лицо у него было усталое и хмурое. Он раздраженно стукнул по клетке голубого чудовища и поздоровался с суперкарго. Однако на этот раз встряска не оказала обычного действия — Хубат завизжал еще громче.

Суперкарго спросил, разглядывая его:

— Давно он у вас так бесится, капитан?

Джелико бросил на своего любимца яростный взгляд и вышел в коридор подальше от шума.

— Почти всю ночь. — Он задвинул дверь, стало тише. — По-моему, он сошел с ума. Не понимаю, что с ним стряслось?

— У него слуховой порог, кажется, выше ультразвука?

— Значительно. А почему... — Капитан проглотил свое «почему». Глаза его сузились. — Вы имеете в виду эти чертовы радиопомехи? Полагаете, они связаны с акустикой?

— Не исключено. Он орет, когда помехи прекращаются?

— Это можно проверить. — Джелико сделал было движение, чтобы вернуться в каюту, но Ван Райк остановил его.

— Сейчас есть дело поважнее, капитан.

— А именно?

— Мы знаем, как добраться до лагеря Рича.

И Ван Райк принялся рассказывать капитану о краулере. Джелико внимательно слушал, прислонившись к стене, лицо его было бесстрастно, словно Ван Райк зачитывал ему список принятых на борт грузов. Когда суперкарго закончил, капитан только проговорил неторопливо:

— Ну что ж, может быть, и получится...

Снова экипаж собрался в кают-компании. Отсутствовал только Тан, оставшийся в радиорубке. В руке у капитана Джелико был серебряный стерженок, прикрепленный к поясу длинной цепочкой.

— Мы обнаружили, — начал он без всякого вступления, — что управление грузового краулера по-прежнему настроено на лагерь Рича. Таким образом, краулером можно воспользоваться как проводником...

Это заявление было встречено общим шумом, в котором можно было разобрать вопрос: когда начнем? Джелико постучал стерженьком по столу, и шум прекратился.

— Жребий, — сказал он.

Мура уже приготовил все для жребия — нарезал соломку, сложил в кружку и встряхнул.

— Тан останется на рации, — объявил капитан. — Жребий будут тянуть десять человек. Пойдут пятеро, — те, кто вытягивает короткие соломинки...

Стюард пошел по кругу, держа кружку выше уровня глаз

сидящих людей. Каждый вытаскивал соломинку и не глядя зажимал ее в кулаке. Потом все одновременно раскрыли ладони.

Короткая! Дэйна бросило в жар — то ли от радости, то ли от волнения. А кто еще? Он оглядел стол. Рип! У Рипа тоже короткая! И в замасленных пальцах Кости тоже зажата короткая соломинка. Четвертую показал Стин Вилкоккс, а пятую и последнюю — Мура.

Командиром будет Вилкоккс — это хорошо. На молчаливого штурмана можно положиться полностью. И надо же, как странно распорядилась судьба. Короткие соломинки достались как раз тем, без кого «Королева» на крайний случай может обойтись. Если мы все пропадем, корабль и без нас сумеет уйти с Лимбо. Дэйн постарался отогнать от себя мрачные мысли.

Капитан Джелико недовольно фыркнул, обнаружив, что сам он в экспедицию не попал. Он поднялся, подошел к стене справа от себя и вставил серебряный стержень в какое-то отверстие. Дверца секретного сейфа со скрежетом распахнулась. Видно, ее давно не открывали.

Внутри на подставке стояли бластеры — целая шеренга ручных бластеров! Под ними висели кобуры и зловец поблескивали полные обоймы. Это был арсенал «Королевы», вскрыть его мог только капитан и только тогда, когда считал положение чрезвычайно серьезным.

Один за другим Джелико извлекал бластеры и передавал Штоцу. Тот тщательно осматривал каждый бластер, шелкал и клал перед собой на стол. Пять бластеров, пять кобур, пять патронташей с комплектом обойм. Затем капитан закрыл сейф и запер его серебряным стерженьком, с которым — по законам Федерации — не имел права расставаться ни днем ни ночью. Он вернулся к столу и оглядел пятерых избранников судьбы. Каждый из них умел пользоваться бластером, как и всякий вольный торговец, так что объяснять было нечего. Капитан сделал приглашающий жест.

— Разбирайте, ребята, — сказал он. — Это все ваше!

Он ничего больше не добавил — и без того было ясно, что, по его мнению, дело им предстояло опасное.

9. ОХОТА ВСЛЕПУЮ

Снова Дэйн облачился в полевое обмундирование. Застегивая шлем, он дал себе торжественную клятву впредь ни при каких обстоятельствах не выключать радиотелефон. Никто так и не упрекнул его за оплошность в лощине, а ведь он думал, что отныне его будут держать подальше от настоящего дела. И вот,

пожалуйста, никто не оспаривал его права идти в поход, ему предоставили новую возможность отличиться — просто потому, что он вытащил короткую соломинку. Что ж, он приложит все силы, чтобы оправдать доверие.

За бортом по-прежнему не было ни дня ни ночи. Был только туман. Они плотно поели и спустились по трапу в серые сумерки, которые, судя по показаниям часов, следовало называть полуденными.

Рип шагал впереди. Ощущая у бедра непривычную тяжесть бластера, Дэйн шел вслед за Вилкоксом. Кости и Мура уже хлопотали у краулера.

На плоской платформе маленькой машины было место только для одного человека, от силы для двух. Бортов у платформы не было вовсе, держаться на ее скользкой поверхности было не за что, а потому решили, что все пойдут пешком, привязавшись тросами к корме.

Кости запустил двигатель, и краулер пополз вперед, дробя гусеницами гравий и обломки пористого камня. Двигался он со скоростью пешехода, и поспевать за ним не составляло труда.

Дэйн оглянулся. «Королевы» уже не было видно. Только слабое сияние еще мерцало где-то сверху — это был прожектор, который в обычных условиях виден на расстоянии многих миль. Вот тогда-то Дэйн по-настоящему понял, что значит сейчас потеряться, и ухватился за трос, проверяя, хорошо ли он привязан.

Человек, который вел краулер через пустошь в первый раз, выбирал самый удобный путь. Дорога под ногами была достаточно ровной, только раз они попали на реку застывшего шлака, где было очень скользко, и пришлось основательно попотеть.

Однако довольно скоро они обнаружили еще одну особенность тумана. Звуки! Они так и не смогли понять, что это за звуки. То ли многократное и усиленное эхо их собственных шагов и хруста гусениц, то ли какие-то другие, естественные шумы. Несколько раз Кости внезапно глушил двигатель, и они замирали, прислушиваясь. Им казалось, что они окружены, что какой-то другой отряд скрыто следует за ними во мраке, готовясь напасть. Но стоило им остановиться, как звуки исчезали, так что в конце концов по общему молчаливому согласию они решили пренебречь этими слуховыми галлюцинациями и двинулись вперед уже без остановок, видя лишь несколько дюймов грунта у себя под ногами да смутную тень на месте ближайшего соседа.

Влага, стекающая по шлемам, пропитывала одежду. Она неприятно пахла, и собственная кожа казалась Дэйну липкой и нечистой. Он попытался вытереть лицо, но только размазал маслянистую жидкость еще сильнее.

В остальном же все шло хорошо. Краулер уверенно и беспрепятственно двигался вперед. Его электронная память работала безотказно. Так они оставили позади уже три четверти пути через пустошь, когда в тумане вдруг послышался новый звук, и звук этот явно не был эхом их собственного движения.

Топот! Кто-то бежал во мгле, совсем недалеко.

Очень странный топот, подумал Дэйн. Какой-то дробный. Как будто у бегущего больше двух ног. Он стал медленно поворачивать голову, стараясь определить, с какой стороны доносится топот. Но определить направление было невозможно. Непонятно было даже, догоняют их эти шаги или, наоборот, убегают от них. Тут трос подергали, и приглушенный голос Рипа спросил:

— Что это там?

— Не знаю, — отозвался Дэйн. Топот затих. Может, это был шаровидный лимбеанец?

Из тумана впереди выступило какое-то обширное темное пятно, и сейчас же раздался чей-то крик. Дэйн вздрогнул. Башмаки его съехали с гравия и песка на что-то гладкое. Теперь он стоял на плите мостовой, а темное пятно оказалось обвалившейся стеной древнего строения. Пустошь кончилась. Они достигли развалин.

— Торсон! Дэйн!

Это кричал Рип, и Дэйн поспешил откликнуться. Трос больше не натягивался — значит, краулер стоял. Дэйн осторожно двинулся вперед и наткнулся на Рипа. Рип стоял, склонившись над лежащим Вилкоксом.

Оказывается, Вилкокс оступился и попал ногой в трещину. Перелома не случилось, но острый камень пропорол ему икру, а нога застряла.

Вчетвером они подняли штурмана, посадили на платформу краулера и перевязали рваную рану, из которой хлестала кровь. Идти Вилкокс больше не мог, а потому остался на платформе возле пульта управления.

Прошло полчаса, прежде чем они снова двинулись в путь. Вилкокс сидел с бластером наготове, а остальные шагали рядом с краулером, по обе стороны от него. Вокруг вырастали стены, целые кварталы каких-то диковинных строений, но никаких следов лагеря землян видно не было.

Здесь, среди руин древней и чуждой жизни, у Дэйна снова появилось ощущение, будто кто-то следит за ними из тумана, чьи-то глаза, для которых эти неверные сумерки не помеха. Гусеницы краулера больше не хрустели по щебню, стояла жутковатая тишина. По гладким стенам стекала вода, там и тут она скапливалась в большие лужи. Жидкость в этих лужах была

гнилая, скверная, от нее тянуло дурным металлическим запахом.

Вскоре они достигли места, где здания, видимо, не пострадали. Крыши и стены охраняли вечный мрак внутри, и становилось страшно при одной только мысли заглянуть в эти зловонные склепы.

Поскрипывая гусеницами по осевшим плитам мостовой, краулер продолжал бодро двигаться вдоль улицы. По-видимому, стены как-то задерживали туман: Дэйн обнаружил, что различает уже не только фигуры своих товарищей, но и их лица. И еще он заметил, что все они то и дело опасливо оглядываются и косятся на черные провалы.

Рип вдруг вытащил фонарик и включил его. Луч света упал на темное пятно у ближайшей стены. Вилкокс остановил краулер. Рип нагнулся над своей находкой, и Дэйн подошел к нему.

Рип принюхался, посапывая словно ищейка, разбирающая запутанный след.

— Что тут у тебя? — спросил Дэйн. Пятно как пятно, ничего особенного.

Луч фонарика заскользил по мостовой, как будто Рип искал еще что-то. В круге света появился какой-то желтоватый комочек. Рип рассматривал его очень внимательно, но рукой не касался. Дэйн нагнулся.

— Крэкс... — произнес Рип.

Дэйн отшатнулся.

— Ну да?

— Понюхай, — посоветовал Рип.

Но Дэйн не стал следовать этому совету. Чем меньше имеешь дело с крэксом, тем лучше.

Рип выпрямился и подошел к краулеру.

— Кто-то здесь выплюнул жвачку крэкса, — сообщил он. — Совсем недавно... возможно, сегодня утром.

— Я же говорил — браконьеры! — сказал Кости.

— Так... — Вилкокс стиснул рукоять бластера. Крэкс был наркотиком, объявленным вне закона по всей Галактике.

Человек, жуящий крэкс, обретал — ненадолго — невероятно быструю реакцию, сверхчеловеческую способность владеть собой, необычайную ясность мышления. Потом следовала жестокая расплата. Но под действием наркотика человек становился вдвое хитрее, вдвое быстрее, вдвое сильнее любого нормального человека. Встретиться с таким противником было бы страшно.

Они тщательно обыскали все вокруг, но, кроме выплюнутой жвачки, не нашли никаких следов. Словно никто до них не ходил этим путем с тех пор, как забытая война разрушила город. Если

доктор Рич и начал свои раскопки, то место его работ еще предстояло отыскать.

Вилкокс пустил краулер малым ходом, и группа двинулась дальше. Теперь все держали бластеры наготове.

— Интересно... — Дэйн взгляделся в изломанную линию крыш. — Тебе не кажется, что туман редет? — спросил он Рипа.

— Да, уже давно. И это очень неплохо... Гляди-ка, гляди!

Мостовую пересекала расселина, и будь туман погуще, из нее получилась бы настоящая яма-ловушка. Она могла бы с легкостью поглотить и краулер и всех, кто его сопровождал. Впрочем, краулер помнил о ней. Он неторопливо повернул и полез в обход через гору щебня, так что Вилкоксу пришлось засунуть бластер в кобур и обеими руками вцепиться в пульт управления, чтобы не упасть. Краулер вскарабкался на вершину груды и стал сползать по противоположному склону в лавине потреженного щебня.

Шум при этом стоял такой, что люди Рича не могли не услышать его. Вилкокс остановил краулер, и все бросились в укрытия. Некоторое время они ждали, но тянулись минуты, а ничего не происходило. Вилкокс приказал двигаться дальше.

— Да нет их здесь, — заявил Кости, вылезая из укрытия.

— И, наверное, довольно давно, — согласился Рип. — Я так и знал, что он не археолог.

— А как же насчет рации Али? — спросил Дэйн. Все-таки Тан принял этот слабый пеленг именно со стороны развалин. Впрочем, может быть, только с направления на развалины.

Краулер дополз до места, где расселина была до краев заполнена обломками, образовавшими нечто вроде моста. Прочность этого моста вызывала сомнение, но краулер уже проходил здесь, и не один раз, так что имело смысл рискнуть.

Штурман включил двигатель и железными пальцами вцепился в пульт. Краулер, приседая и раскачиваясь, пополз по обломкам. Был момент, когда его гусеница сорвалась в рытвину и он сильно накренился на левый борт, едва не сбросив Вилкокса в пропасть, но все обошлось.

Когда машина переползла на ту сторону, пошел Кости. Держась обеими руками за трос, он мелкими шажками двигался по самой середине насыпи, и пот стекал у него из-под шлема, смывая со щек слизь осевшего тумана. Остальные медленно пробирались следом, проверяя каждый свой шаг. Идти было особенно неприятно потому, что дна пропасти ни справа, ни слева видно не было.

Когда опасное место осталось позади, краулер снова набрал скорость и вывернул на свой изначальный курс. Туман явно редел, и, хотя он не исчез совсем, видимость значительно

улучшилась. Теперь они видели все вокруг по крайней мере на полквартала.

— У них были надувные палатки, — задумчиво сказал Дэйн.

— И полевая энергостанция.

— Ну? — сказал Рип раздраженно. — Где же все это?

С того момента, как он нашел жвачку крэкса, его хорошее настроение испарилось.

— Лагерь они разбили не в городе, — уверенно сказал Дэйн.

Здесь, среди развалин, было нехорошо. Все здесь было чужое, жуткое, давящее. Дэйн никогда не считал себя особенно чувствительным человеком, но эти развалины его угнетали. Остальные, по-видимому, чувствовали себя не лучше. Маленький Мура не произнес ни слова с тех пор, как они вступили в город. Он брел за краулером, держась за свой трос, и все время озирался, словно ожидая, что вот-вот нечто бесформенное и ужасное ринется на них из тумана. Да кто же решится разбить здесь палатку, спать здесь, есть, работать, жить среди запахов, пропитывающих эти спаленные, разрушенные здания — здания, в которых, наверно, никогда не обитало ни одно человекоподобное существо?

Краулер вел их сквозь лабиринт строений, а потом уцелевшие кварталы остались позади и по сторонам вновь потянулись полуразрушенные стены, груды земли, щебня и обломков.

Вдруг Вилкокс торопливым ударом по клавише остановил его. Это движение штурмана было столь красноречиво резким, что все мгновенно, не дожидаясь приказа, залегли.

Впереди, за пеленой тумана, виднелась надувная палатка. Ее гладкие вздутые стены блестели от осевшей влаги. Вот он наконец лагерь Рича!

Но Вилкокс не спешил приближаться к нему. Хотя ничто, кроме некоторых косвенных подозрений, не говорило против археолога, штурман вел себя так, словно находится перед лицом противника.

Он приладил ларингофон и подтянул ремень шлема. Но не голосом, а жестом он приказал окружить палатку. Дэйн с Рипом поползли вправо, прячась за обломками и кучами щебня.

Когда они проползли примерно четверть окружности, Рип схватил Дэйна за руку и знаком велел остановиться, а сам пополз дальше, заходя противнику в тыл.

Дэйн осторожно приподнял голову. Палатка стояла посередине довольно обширного пространства, тщательно расчищенного от щебня и мусора. Можно было подумать, что археологи подготовили здесь стоянку для флиттеров или для краулеров. Но не видно было никаких следов археологических раскопок. Дэйн плохо представлял себе археологические работы — только

по кино и по рассказам Рипа, но одно было ясно: то, что было перед ним, более всего напоминало не научную станцию, а полевой штаб крупного отряда первопроходцев или изыскателей. Может быть, палатка действительно оставлена изыскателями?

Затем в поле его зрения появился краулер. Вилкокс восседал на платформе в такой позе, что посторонний наблюдатель никак не заподозрил бы в нем раненого. Краулер с хрустом двигался прямо к палатке, но там по-прежнему никто не подавал никаких признаков жизни.

Дэйн — да и Вилкокс, судя по выражению его лица, — никак не ожидали, что краулер не остановится перед палаткой, а обогнет ее и устремится куда-то дальше. Тогда Вилкокс остановил машину, и в наушниках Дэйна прошелестел его шепот:

— Вперед, но осторожно...

Они с четырех сторон двинулись к палатке, перебегая от укрытия к укрытию. Из палатки не доносилось ни звука. Мура добежал первым, и его ловкие пальцы быстро нащупали входной клапан. Клапан откинулся, открылся вход, и они заглянули внутрь.

Палатка оказалась всего лишь пустой скорлупой. В ней не было даже внутренних перегородок, даже пол из тиловолокна не уложен — надутые воздухом стены стояли прямо на грунте. И не было в ней ни одного мешка, ни одного ящика из грузов, доставленных «Королевой».

— Фальшивка! — прошипел Кости. — Ее поставили, только чтобы мы...

— Чтобы мы думали, что их лагерь здесь, — закончил за него Вилкокс. — Похоже на то.

— Да, — пробормотал Рип. — Если бы смотрели на эту штуку с флиттера, мы бы решили, что здесь все как надо... Куда же они девались?

Мура снова закрыл клапан.

— Здесь их нет, — объявил он таким тоном, будто сделал открытие. — Но, мистер Вилкокс, краулер, кажется, порывался двигаться куда-то дальше. Возможно, он знает больше, чем мы думаем...

Вилкокс в задумчивости оттянул подбородочный ремень, огляделся. Туман вокруг все рассеивался, хотя и не так быстро, как раньше сгущался. Вероятно, если бы дело не касалось Али, он бы отдал приказ возвращаться на «Королеву». Но теперь, после долгого раздумья, он снова включил двигатель.

Краулер пополз, группа двинулась за ним. Город кончился, стали появляться участки, покрытые растительностью — жесткой травой и чахлым кустарником. Появились каменные рос-

сыпи и огромные валуны — до горного хребта было уже недалеко.

Туман, поредевший было в городе, снова сгустился, и люди старались держаться поближе к краулеру и друг к другу.

У Дэйна вновь появилось ощущение, будто за ними следит кто-то невидимый. Грунт под ногами сделался неровным. Кости мимоходом указал на следы гусениц, отпечатавшихся на участках с мягкой почвой, когда краулер проходил здесь раньше.

А туман становился все плотнее, и они уже ничего не видели, кроме краулера и ближайшего соседа.

— Осторожно! — Рип схватил Дэйна за руку — и вовремя. Еще шаг, и Дэйн с размаху налетел бы на каменный выступ, выросший вдруг из тумана. Они услышали многократно отраженное эхо своих шагов и через несколько минут поняли, что находятся в узком ущелье. Тогда они взялись за руки и растянулись в цепь — фланги цепи уперлись в скалистые обрывы.

И здесь Вилкокс снова остановил краулер. Все это ему очень не нравилось. Двигаясь вслепую по этому ущелью, они легко могли попасть в ловушку. Но, с другой стороны, те, кого они преследовали, вряд ли ожидали, что экипаж «Королевы» решится на поход в таком тумане. Штурману предстояло выбрать, что лучше: прекратить преследование и потерять преимущество внезапности или двигаться дальше с риском попасть в засаду.

Вилкокс был очень осторожен, он был идеальным космическим штурманом, и не в его духе было принимать поспешные решения. Его товарищи знали, что никакие доводы сейчас не помогут, что решение он примет сам, единолично. И все с облегчением вздохнули, когда он вновь включил двигатель.

Но не прошло и нескольких минут, как преследование закончилось самым неожиданным и ошеломляющим образом. На их пути вдруг встала огромная черная скала, краулер ткнулся в нее носом и остановился, а его гусеницы все продолжали скрести грунт, словно стремились вогнать машину в неподвижный камень.

10. РАЗБИТЫЙ КОРАБЛЬ

— Да он лезет сквозь стену! — изумленно сказал Кости.

Вилкокс опомнился и выключил двигатель. Краулер замер, упершись носом в скалу, сквозь которую вела его электронная память.

— Они ввели в автонастройку ложные координаты, — сказал Рип.

Но Дэйн уже видел след гусениц, уходивший в сплошную

скалу. Он обошел Рипа и приложил ладони к осклизлой и влажной поверхности камня. Так и есть!

Он ощутил вибрацию. Как и в лощине, сначала она была слабой, но постепенно усиливалась, и вскоре он почувствовал ее не только в скале, но и в грунте, на котором стоял, и тут ее почувствовали остальные.

— Что за чертовщина! — рявкнул Вилкокс. Он перегнулся через пульт управления и тоже приложил ладони к стене. — Она, должно быть, полая... Это работает установка, о которой говорил Тан!

Именно! Именно та самая установка, о которой Тан говорил, что она мощнее самой мощной вычислительной машины на Земле. И она дает о себе знать не только радиоволнами и ультразвуками, зарегистрированными на «Королеве», но и вибрацией скальных массивов. Но зачем? Какой цели служит эта колоссальная энергия? И как можно провести краулер сквозь глухую каменную стену? Нет, Рип не прав. Если бы эти люди действительно хотели сбить автонастройку краулера, они бы сделали это так, чтобы машина завела нас куда-нибудь в сторону, в глубину пустыни, в никуда...

— Здесь должен быть какой-то секрет... — бормотал Вилкокс, ощупывая каменную поверхность.

Но Дэйн не верил, что штурману удастся найти скрытую кнопку, отпирающую потайную дверь. Дэйн сам пытался сделать это при ярком солнечном свете, и ничего у него не получилось.

Кости прислонился к гусенице краулера.

— Если он и прошел разок через это место, то больше, видно, не хочет. Мы не знаем, как отпереть эти ворота. Здесь нужен хороший заряд торлита.

— Вот это дело! — воскликнул Рип. Он наклонился и принялся ощупывать подножие стены. — Как ты думаешь, сколько понадобится торлита?

Но Вилкокс покачал головой.

— Так дело не делают, — сказал он. — Ну-ка, Кости, подключи свой аккумулятор к моему, попробуем связаться с «Королевой». Может быть, на двойной мощности мы до нее дотянемся.

Кости повиновался.

— Вибрация усиливается, — предупредил Дэйн. Он явственно ощущал это кончиками пальцев, приложенных к стене. — Через помехи вам не пробиться, сэр.

— Пожалуй, — согласился Вилкокс. — Впрочем, эти помехи неустойчивы, подождем перерыва.

Дэйн, ведя рукой по стене, двинулся вправо. Через несколько

шагов он обнаружил устье узкой расселины, до этого скрытое туманом. Держась за шершавый камень, он углубился в нее и сразу обнаружил, что вибрация нарастает. Может быть, вот так, на ощупь, удастся дойти до самой установки? Об этом стоит подумать... А что, если всем отвязаться от краулера, соединить тросы в один... и пройти, держась за этот трос, как можно дальше?.. Он вернулся к краулеру и поделился с Вилкоксом своими мыслями.

— Посмотрим, что скажет капитан, — ответил штурман.

Теперь, когда они стояли на месте, их начал прохватывать озноб. Туман был холодный. «Сколько можно ждать?» — нетерпеливо подумал Дэйн. Но вибрация уже ослабевала, и ясно было, что скоро наступит очередной перерыв. Вилкокс, прижав ладонь к стене, готовился выйти в эфир в первый же удобный момент.

И когда вибрация почти совершенно стихла, он быстро заговорил в микрофон на кодовом языке торговцев. Когда он закончил доклад, наступила томительная тишина. Неизвестно, приняла ли «Королева» их передачу, потому что расстояние было слишком велико даже для радиотелефона на вдвоенном питании. Однако в конце концов сквозь треск разрядов они услышали приказ капитана провести короткую разведку расселины и не позже, чем через час, начать движение обратно к кораблю.

Вилкоксу помогли слезть с краулера, вручную развернули неуклюжую машину и переключили автонастройку на обратный маршрут. Затем из пяти коротких тросов связали два длинных.

Дэйн, не дожидаясь приказа — в конце концов, мысль-то была его, — обвязал конец одного из тросов вокруг пояса. Вторым тросом, невзирая на протесты Рипа, преспокойно завладел Кости.

— Снова началось, — сообщил Мура, стоявший у скалы.

Дэйн приложил ладонь к стене и двинулся вперед. Кости последовал за ним. Они ступили в устье расселины, все еще забитое ватными клочьями тумана.

Было ясно, что здесь никакие краулеры не проходили. Узкая расселина была завалена обломками скал, через которые приходилось перебираться, помогая друг другу. И чем дальше они шли, тем сильнее вибрировали стены.

Когда они остановились передохнуть, Кости стукнул кулаком по скале.

— Вот ведь барабаны, — сказал он. — Бьют и бьют...

Он был прав. В этой непостижимой пульсации было что-то от далекого барабанного боя.

— Знаешь, — продолжал Кости, — на Горби пляшут под такие вот барабаны. Дьявольская штука, слушаешь-послушаешь — и проберет тебя до самых костей, и сам пускаешься в пляс... И здесь тоже... Чувствуешь? Так и дерет по коже. И все кажется, будто там... — он указал в туман, — сидит кто-то и ждет удобной минуты, чтобы прыгнуть тебе на спину...

Передохнув, они пошли дальше. Груды обломков становились все выше, почти все время приходилось карабкаться в гору. Они были уже намного выше уровня равнины и тут наткнулись на удивительную находку.

Придерживаясь за выступ скалы, чтобы удержать равновесие, Дэйн балансировал на гребне очередной насыпи, как вдруг нога его соскользнула, и он кувырком покатился вниз, прежде чем Кости успел подхватить его. Он больно ударился обо что-то, перевернулся и ощутил под ладонями не грубый шершавый камень, а гладкую скользкую поверхность. Что это? Стена здания? Так далеко от города?

— Цел? — окликнул его сверху Кости. — Поберегись, я спускаюсь.

Дэйн отполз в сторону, и Кости съехал вниз по насыпи ногами вперед. Его подкованные ботинки с металлическим звоном ударились о тот же предмет, что остановил падение Дэйна.

— Вот это да! — воскликнул Кости. Он уже стоял на коленях, ощупывая гладкую черную поверхность. — Корабль!

— Что-о?

Дэйн подобрался ближе. Теперь он тоже различал изгиб броневого обшивки и другие знакомые детали. Да, они наткнулись на корабль, и этот корабль потерпел ужасное крушение. Его вогнало в расселину между скалами, словно пробку в бутылку. Если бы Дэйну и Кости вздумалось идти дальше, им пришлось бы перебираться через него. Дэйн поднес микрофон ко рту и сообщил о находке на краулер.

— Тот самый корабль, который разбился вчера? — спросил Вилкокс.

Но Дэйн уже понял, что это не тот:

— Нет, сэр. Этот разбился давно. Его почти завалило щебнем, корпус изъеден ржавчиной. Мне кажется, он лежит здесь уже много лет...

— Ждите нас, мы сейчас будем...

— Краулер здесь не пройдет, сэр. Дорога никуда не годится.

Через некоторое время они пришли все трое. Через самые трудные участки Вилкокса перетаскивали на руках. Его усадили на обломок скалы, и Кости, успевший в поисках люка осмотреть разбитый корпус, доложил:

— Видимо, это разведывательный корабль. Но он какой-то

странный. Не могу определить его тип. Попал сюда давно. Люк, по-моему, должен быть где-то здесь... — Он ткнул носком ботинка в кучу щебня, завалившего корпус. — Можно попробовать откопать.

Рип и Дэйн сходили к краулеру за лопатами и ломами и принялись расчищать завал.

— Ага! Что я вам говорил? — торжествующе вскричал Кости, когда из-под щебня показался верхний край открытого люка.

Но им пришлось перекидать еще немало грунта и камня, прежде чем открылась дыра, в которую можно было пролезть. Разведывательные корабли не отличались скоростью хода, но зато строились с таким расчетом, чтобы запас прочности у него был предельно высок. Они выдерживали там, где лопались корпуса лайнеров и давали трещины даже превосходные грузовые и почтовые корабли больших компаний.

Но этот корабль обладал, по-видимому, совсем уж фантастической прочностью. Чудовищный удар о скалы не разнес его на куски, корпус уцелел, только немного сдвинулись броневые плиты обшивки.

Кости оперся на лопату.

— Никак не могу понять, какого он типа, — пробормотал он, покачав головой, словно это обстоятельство особенно тревожило его.

— Что тут удивительного? — нетерпеливо возразил Рип. — Это уже просто груда ржавого лома...

— Тип корабля всегда можно определить, — с досадой сказал Кости. — Даже если он разбит вдребезги... А здесь ничего не понять, у него все не так...

Мура улыбнулся.

— Я все-таки думаю, Карл, что здесь все так, как надо. Просто ни один современный корабль не выдержал бы такой посадки.

— По-вашему, это старинный корабль? — быстро спросил Вилкокс. — Вам приходилось видеть такой раньше?

Мура снова улыбнулся.

— Да, но не в космосе. Чтобы увидеть такой корабль в космосе, надо было бы родиться лет пятьсот назад. Он похож на охотника за астероидами, класс три. Один такой выставлен на Земле в Музее космонавтики, в космопорте «Восток». Но как он попал сюда... — Мура развел руками.

Дэйн не разбирался в истории космического кораблестроения, но Вилкокс, Кости и Рип поняли, о чем говорит Мура. Штурман тут же возразил:

— Пятьсот лет назад никто ничего не знал о гиперпереходе. Люди были прикованы к своей собственной солнечной системе, никто еще не летал к звездам...

— Если не считать отдельных храбрецов... — поправил его Мура. — Вы же знаете, что в других планетных системах существуют колонии землян, насчитывающие тысячелетнюю историю. О том, как они возникли, известно только по легендам. Одни пересекали космос в состоянии анабиоза, другие умирали в пути от старости, оставив сыновей и внуков, и только их отдаленные потомки достигали новых миров. И, кроме того, в то время уже знали о гиперпереходе и пытались строить первые варианты гиперкораблей. Правда, ни один изобретатель не вернулся на Землю рассказать, вышло у него что-нибудь или нет. Как этот охотник попал на Лимбо, я объяснить не могу. Но готов поклясться, что находится он здесь очень давно.

Кости посветил фонариком в люк.

— Надо слазить туда, — сказал он. — Посмотреть...

Охотник был маленьким тесным корабликом. По сравнению с ним «Королева» показалась бы пассажирским лайнером. Очень скоро Кости вернулся обратно. Оказалось, что он не сумел протиснуть свое огромное туловище в изуродованный дверной проем. И в конечном счете только Дэйну и Муре удалось добраться до отсека, служившего некогда кладовой и жилой каютой.

Осмотревшись, они обнаружили любопытную вещь. В стене зияла огромная дыра, обшивка была испорчена, и это произошло не в результате катастрофы. Оплавленные края дыры свидетельствовали о том, что броню разрезали лучеметом. Обвал засыпал этот борт корабля, и потому отверстие не было видно снаружи. Нетрудно было догадаться и о причине такого вторжения огнем: если не считать груды щебня и земли, насыпавшейся сквозь разрез, отсек был совершенно пуст. От груза остались лишь следы контейнеров на полу.

— Его разграбили! — воскликнул Дэйн, водя фонариком вокруг себя.

Справа находился раздавленный отсек, который был, вероятно, рубкой управления. Там тоже поработали лучеметом, но неизвестные мародеры, видимо, не нашли ничего для себя интересного. Все там было изломано и исковеркано до неузнаваемости.

Мура ощупал края бреша.

— Это сделано довольно давно... вероятно, несколько лет назад. Но много, много позже катастрофы.

— Зачем они сюда лезли?

— Из любопытства... Хотели посмотреть, что есть на борту. Космический разведчик в дальнем перелете может сделать интересные находки. У этого на борту наверняка было что-то ценное, раз он разграблен... А когда груз вытащили, корпус мог

завалиться, а может быть, его сдвинуло землетрясением и совсем засыпало. Но сначала его разграбили...

— А тебе не кажется, что это был кто-нибудь из экипажа? Уцелел, а потом вернулся за своим добром. В конце концов они могли катапультироваться на аварийном боте...

— Нет. Между катастрофой и разграблением прошло слишком много времени. Кто-то другой нашел этот корабль и обчистил до нитки. А потом, я не думаю, чтобы им, — Мура указал в сторону рубки управления, — удалось уцелеть.

Неужели на Лимбо есть разумные обитатели, которые умеют владеть лучеметом? Шаровидные существа... Нет, Дэйн не мог себе представить, чтобы эти странные создания были способны разграбить корабль.

Прежде чем уйти, Мура протиснулся в рубку управления и через некоторое время, пятясь, выбрался обратно.

— Икс-четыре — девяносто пять — тридцать два — шестьсот, — сказал он. — Регистрационный номер, как это ни странно, разобрать еще можно. Запомните его: икс-четыре — девяносто пять — тридцать два — шестьсот!

— А, так это все-таки корабль с Земли!

— Да, я так и предполагал с самого начала. Охотник за астероидами... вероятно, опытный корабль с одним из первых вариантов гипердвигателя. Возможно, частный корабль, построили его два-три человека и рискнули направиться к звездам. Если разобрать эту кучу металла в рубке, можно наверняка найти что-нибудь любопытное для наших механиков. Ради одного этого стоило сюда пробиваться...

— Эй! — проревел снаружи бас Кости. — Что вы там застряли?

Дэйн рассказал в микрофон обо всем, что они увидели, после чего они выбрались из корабля.

— Уже разграблен! — Кости был явно разочарован. — Значит, было что грабить...

— А я хотел бы все-таки знать, кто это сделал, — сказал Рип. — Пусть даже несколько лет назад.

По лицу Вилкокса было видно, что ему тоже хотелось бы это знать. Он с трудом поднялся на ноги.

— Пожалуй, пора на «Королеву», — сказал он. — Пошли.

Дэйн огляделся. Туман в расселине заметно редел, как и в городе. Хотя бы установилась наконец летная погода — можно было бы взять флиттер и как следует прочесать весь район. А то ведь ничего по-прежнему не ясно. Али исчез бесследно, Рич скрылся в каменной скале... теперь этот корабль, разграбленный через много лет после крушения. И вдобавок где-то в недрах

Лимбо работает неведомая сверхустановка, в которой, быть может, и таится самая главная угроза.

Они вернулись к краулеру, и пока устраивали Вилкокса на платформе, туман рассеялся совсем. И тогда стало ясно, что по этому ущелью проходит дорога, которой пользуются очень часто. Это было видно по изрытому гусеницами грунту, по исцарапанным и оббитым стенам ущелья. И еще было ясно, что дорогой этой начали пользоваться задолго до прибытия «Королевы» — многие царапины и борозды выглядели очень старыми.

В отчете Службы изысканий ни слова не говорилось обо всем этом — о развалинах, об установке, о разбитых кораблях... Почему? Может быть, изыскатели здесь работали спустя рукава? Решили, что это планета-пепелище, едва ее обследовали и передали на аукцион как не представляющую интереса...

Группа двинулась в обратный путь. Начал моросить дождь, за воротник, за голенища сапог поползли капли. Все невольно ускорили шаг. Дэйн подумал, что хорошо было бы найти путь покороче, срезать угол и добраться до «Королевы», минуя город. Впрочем, спасибо и на том, что больше нет нужды привязываться к краулеру тросами.

Они снова вступили в развалины, настороженно озираясь по сторонам. Несмотря на то что солнца не было, яркая окраска зданий раздражала глаз. Возможно, у жителей этого города глаза были устроены по-иному, а быть может, раскраска изменилась под действием высокой температуры при чудовищных взрывах, спаливших планету, — так или иначе, эти яркие краски действовали угнетающе.

— Дело не только в цвете, — вдруг громко произнес Рип. — Здесь и форма действует. Все углы и линии какие-то не такие... смотреть на них тошно...

— Их, наверно, перекосило взрывной волной, — сказал Дэйн. Но Мура с ним не согласился.

— Нет, Рип прав. Цвет этот не для наших глаз. И форма тоже. Посмотрите вон на ту башню. Видите? Осталось только три этажа, когда-то она была выше. Продолжите мысленно сохранившиеся линии. Очертания не те. Все не то.

Дэйн понял его. Усилием воображения можно было добавить башне недостающие этажи. Но тогда получалось... У Дэйна закружилась голова. Да, Предтечи были совсем иными, чем мы. Они отличались от нас сильнее, чем любое другое племя, с которым землянам приходилось до сих пор сталкиваться в Галактике.

Он поспешно отвел глаза от башни, болезненно поморщился при виде какого-то немыслимого алого здания и с облегчением остановил взгляд на спокойной окраске краулера и на квадратной

спине Вилкокса, обтянутой желтой выцветшей тканью куртки.

Только теперь он заметил, что штурман сидит в напряженной позе, подавшись вперед и прижимая обеими руками наушники радиотелефона. И все остальные тоже заметили это и насторожились.

11. САРГАССОВА ПЛАНЕТА

Дэйн напряг слух, пытаясь уловить что-нибудь в своих наушниках. Он услышал только слабый щелчок, и это было все. Но радиотелефон Вилкокса был соединен с аккумуляторами Кости, и он должен был слышать больше.

Краулер вдруг остановился, штурман отнял одну руку от наушников и поманил всех к себе. К счастью, в этот момент из-за каких-то причуд лимбеанского эфира радиотелефон принял обрывок передачи. «Оставаться..!» — рывкнул голос капитана, и все снова смолкло.

Вилкокс поднял голову.

— Нам нельзя возвращаться, — произнес он.

— Что-нибудь произошло? — обычным спокойным голосом осведомился Мура.

— «Королева» окружена...

Все заговорили разом:

— Окружена?

— Кем?

— Что случилось?

— Они попытались выйти из корабля и были обстреляны, — сказал Вилкокс. — И почему-то корабль не может оторваться от грунта. Нам приказано держаться подальше, пока они не разберутся что к чему...

Мура оглянулся в сторону лоцин. Последние рваные клочья тумана быстро таяли в сером небе.

— Если мы двинемся через пустошь, — медленно проговорил он, — нас тут же заметят, потому что тумана больше нет. Но мы можем вернуться и пройти по одной из лоцин. Так мы незаметно выйдем на траверз «Королевы», взберемся по склону и посмотрим, что там делается.

Вилкокс кивнул.

— Далее, — продолжал он, — нам запретили пользоваться рацией. Капитан боится, что нас запеленгуют.

Туман рассеялся, но близился вечер, и видимость опять была неважная. Штурман с неудовольствием оглядел окрестности. Ясно, что в темноте двигаться по пересеченной местности вдоль подножия хребта нельзя. Надо ждать утра. Но штурману явно

претило располагаться на ночь в этих малопривлекательных зданиях. Его выручил Мура.

— Есть палатка, — напомнил он. — Ночь можно провести там. Ведь ее поставили для отвода глаз, вряд ли она кому-нибудь понадобится.

Все с облегчением ухватились за эту мысль, и краулер покатился обратно к фальшивому лагерю фальшивых археологов. Они распахнули вход в палатку и закатали краулер внутрь. Когда вход снова задраили, Дэйна вздохнул с облегчением. Стены вокруг были изготовлены руками землян, все знакомо, привычно, ему уже не раз приходилось ночевать в таких палатках. Это ощущение привычного порождало чувство безопасности и независимости от чужого города, нависшего над ними.

Палатка защищала от ветра, и в ней было не так уж неудобно, хотя и холодно. Кости, бесцельно бродивший из угла в угол, раздраженно пнул ногой обломок камня.

— Могли бы оставить здесь хоть обогреватель, — сказал он. — Ведь был же у них обогреватель в лагерном комплекте...

Рип хихикнул.

— Они же не знали, что ты заявишься сюда ночевать!

Кости устался на него, словно собираясь обидеться, но потом тоже расхохотался:

— Да уж, чего-чего, а этого они и предположить не могли. Так что жаловаться нам нечего...

Между тем Мура занялся своими прямыми обязанностями кока. Прежде всего он отобрал у всех полевые рационы и фляжки с водой. Потом каждый получил от него по одному безвкусному кубику синтетици и по несколько глотков воды. Дэйна удивило, как экономно Мура распределяет продукты. Видно, полагает, что они не скоро вернутся на борт «Королевы», и старается растянуть запасы продовольствия на самый долгий срок.

Покончив со скудным ужином, они улеглись на голые камни и тесно прижались друг к другу, чтобы согреться. Снаружи завывал ветер, свистел и визжал, врываясь в трещины обвалившихся стен.

Дэйна одолевала беспокойные мысли. Что происходит с «Королевой»? Если корабль действительно осажден, то почему он не взлетит и не сядет где-нибудь в другом месте? А за ними можно было бы послать флиттеры... Кто или что мешает капитану поступить так?

Остальных, вероятно, мучили те же мысли, но никто не высказал их вслух. Все молчали. Они получили приказ, разработали план действий, и теперь надо было только как следует отдохнуть перед новым походом.

На рассвете осунувшийся Вилкокс поднялся первым и проковылял к краулеру. В серых утренних сумерках он выглядел много старше своих лет, губы его были плотно сжаты. Он вскарабкался за пульт и переключил управление на ручное.

По-видимому, никто так и не уснул. Потому что вслед за Вилкоксом все разом вскочили на ноги и принялись разминаться кто как умел. Обменявшись односложными хрипылыми приветствиями, они быстро съели то, что Мура выделил им на завтрак. Потом все высypали из палатки на знобящий утренний холодок. На горизонте поднималось солнце, которого они не видели так долго, розовые лучи его рассеяли последние клочья тумана. На севере, на фоне ясного неба, громоздились голые скалы.

Вилкокс вывел краулер и направил его на север, туда, где к подножию хребта веером сходились извилистые лоцины. На такой пересеченной местности можно было рассчитывать продвинуться к западу незамеченными. Зато идти было трудно, и штурману пришлось тяжелее всех. Здесь не было дороги, краулер подпрыгивал и раскачивался, и, чтобы не слететь с платформы, Вилкокс уже через полмили сбавил ход, так что краулер пополз медленнее пешехода. В конце концов решили разбиться на две группы. Двое в качестве дозорных высылались вперед, а двое оставались при Вилкоксе. Вокруг все было мертво. Могло показаться, что на всей планете, кроме них, нет ни одного живого существа. На грунте не видно следов, в воздухе не слышно ни звука, и даже насекомых нет — вероятно, они держатся ближе к воде и к растительности.

Дэйн шел в дозорной группе вместе с Мурой, когда стюард, вдруг хмыкнув, остановился и поднял руки, прикрывая глаза от солнца. Впереди ярко отсвечивал в солнечных лучах какой-то предмет.

— Металл! — воскликнул Дэйн. «Неужели мы нашли эту проклятую установку?» — мелькнуло у него в голове.

Он устремился вперед, карабкаясь через осыпи, взобрался на скалистый уступ и оказался рядом с новой находкой. Нет, это не имело никакого отношения к установке Предтеч. Это опять был корабль, причем очень странный корабль. Он был меньше охотника за астероидами и гораздо сильнее разрушен — искорверканная груда металла, объединенная ржавчиной, — и с первого взгляда было ясно, что корабль этот устроен не так, как земные корабли.

Подоспевший Мура остановился рядом, разглядывая обломки.

— Очень старый, — сказал он. — Очень... — Он взялся за

торчащий из груды стержень. Металл распался в ржавую пыль. — Древний. Вряд ли на нем летали земляне.

— А кто же — Предтечи? — взволнованно спросил Дэйн. Корабль Предтеч был бы замечательной находкой. На такую находку сюда мигом слетелись бы работники Службы изысканий и ученые со всей Галактики.

— Нет, он не настолько старый. Иначе от него давно бы уже ничего не осталось. Но до нас в галактическое пространство вышли ригелиане, а еще раньше — исчезнувшая цивилизация в Ангола Два. Может быть, это их корабль. Уж очень он старый...

— Как же он попал сюда? — проговорил Дэйн. — Он явно разбился при посадке. И тот охотник тоже. И вчера один корабль разбился прямо у нас на глазах... А наша «Королева» села благополучно. Непонятно. Ну, одно крушение — еще туда-сюда... А тут целых три!

— Да, есть о чем подумать, — согласился Мура. — Надо бы всем этим заняться как следует. Возможно, разгадка прямо под носом, только у нас не хватает ума ее найти.

Они подождали группу с краулером и дали сигнал остановиться. Вилкокс тщательно определил координаты этого места. Когда у них будет время, они пошлют сюда отряд для подробного обследования обломков. Возраст и внеземное происхождение корабля могут сделать эту находку очень ценной.

— Мне все это напоминает, как сисситы ловят своих пурпурных ящериц, — сказал Кости. — На кожу для башмаков. Они берут кусок блестящей проволоки и присоединяют его к моторчику. Моторчик крутится, проволочка мотается взад-вперед. Ящерица ее увидит — и готово. Сидит и глазеет на эту дурацкую проволоку, так что сисситу остается только взять ее и сунуть в мешок. Может, и здесь, на Лимбо, крутится какая-нибудь проволока — подманивает корабли? Вот было бы здорово...

Вилкокс воззрился на него.

— А ведь в этом что-то есть, — сказал он, теребя микрофон. Видно было, что ему очень хочется сообщить о новой находке на «Королеву». Но он только сказал дозорным:

— Когда будете идти, осматривайте попутно боковые ложины. Если это не отнимает слишком много времени, конечно. Может быть, здесь есть еще разбитые корабли.

После этого каждая пара дозорных не только разведывала путь для краулера, но и бегло осматривала местность вокруг. Не прошло и часу, как Кости и Рип обнаружили еще один корабль.

На этот раз корабль был вполне современный, и определить его тип не составило никакого труда. По какой-то причине страшный удар о поверхность планеты не слишком повредил

его корпус. Он лежал на боку, обшивка прогнулась и треснула в нескольких местах, других повреждений заметно не было.

— Изыскатель! — прокричал Рип, едва краулер оказался в пределах слышимости.

Да, это был корабль изыскателей. Ошибиться было невозможно: на носу корабля красовалась помятая эмблема — скрещенные кометы, известная на галактических трассах не меньше, чем скрещенные мечи Космической полиции.

Вилкокс слез с краулера и, хромая, двинулся вдоль корпуса поврежденного гиганта.

— Люк открыт! — сообщил Рип с верхушки валуна, на который он забрался, чтобы лучше видеть.

Все подняли глаза — из раскрытого люка свисал канат. Это могло означать только одно — часть экипажа уцелела. И, может быть, именно в этом крылось объяснение всех загадок Лимбо. Дэйн попытался припомнить, сколько человек составляют экипаж корабля изыскателей... обычно на таком корабле летает группа специалистов... значит, человек десять — двенадцать... возможно, пятнадцать... Ну, сейчас-то там, конечно, никого не осталось...

Рип спрыгнул с валуна прямо на корпус корабля и, балансируя руками, чтобы не потерять равновесие, побежал к люку. Остальные, кроме Вилкокса, вскарабкались по канату.

Было очень странно спускаться в глубокий колодец, который всегда служил коридором. Лучи фонариков выхватывали из мрака пустые стены, распахнутые двери, какие-то полированные поверхности.

— Этот тоже разграблен! — прогремел в наушниках голос Рипа. — Я иду в рубку управления...

Дэйн плохо представлял себе планировку корабля изыскателей. Поэтому он просто следовал за остальными. У первой же открытой двери он заглянул внутрь и осветил помещение фонариком. По-видимому, здесь когда-то был склад скафандров и исследовательского оборудования. Теперь склад был пуст, крышки контейнеров откинута, дверцы шкафов распахнуты. Может быть, экипаж покинул корабль еще в космосе? Но тогда откуда канат?

— Господи, спаси и помилуй! — снова раздался в наушниках голос Рипа. В этом возгласе прозвучал такой ужас, что Дэйн застыл на месте.

— Что там случилось? — нетерпеливо спросил снаружи Вилкокс.

— Сейчас узнаю, — проворчал Кости.

Через несколько секунд он разразился площадной бранью, в

которой было столько же ярости, сколько ужаса было в восклицании Рипа.

— Да что там происходит? — обозлился Вилкокс.

Дэйн поспешно выбрался из склада и со всех ног помчался вдоль шахты, соединяющей все палубы корабля. Впереди уже бежал Мура, Дэйн нагнал его, и они вместе остановились у рубки управления.

— Мистер Вилкокс, — проговорил Рип. — Мы их нашли. — Голос у него был надтреснутый, словно он разом постарел.

— Кого? — спросил штурман.

— Экипаж...

Дверь в рубку загоразживала огромная туша Карла, и Дэйну ничего не было видно. Рип заговорил снова, и Дэйн опять едва узнал его голос.

— Я... я пойду... пойдём от... отсюда...

— Да, — сказал Кости. — Пойдем.

Они оба повернулись и пошли от рубки, и Дэйну с Мурой пришлось отступать передними, потому что в шахте не разойтись. Так они дошли до люка и выбрались наружу. Рип, согнувшись, отошел к стабилизаторам, и его вырвало.

Лицо Кости тоже позеленело, но он держался. Остальные молчали, не решаясь спросить, что они там увидели. И только когда трясушийся Рип вернулся к люку и сполз к ним по канату, Вилкокс потерял терпение.

— Ну? Что там с ними? — спросил он.

— Убиты! — выкрикнул Рип. И мертвые черные скалы вокруг повторили его крик: «... биты... биты... биты...».

Дэйн оглянулся и успел заметить, что Мура снова полез в люк. Лицо маленького стюарда под шлемом было при этом совершенно спокойно. Все молчали, даже Вилкокс не задавал больше никаких вопросов.

Через несколько минут в наушниках раздался голос Муры:

— Здесь тоже похозяничали мародеры...

«Опять мародеры, — подумал Дэйн. — Да, такой корабль — лакомый кусочек, не то что крошечный охотник. Только почему обязательно мародеры? Это могли быть люди, уцелевшие от прежних крушений, им нужны продукты, материалы, снаряжение. Правда...»

Рип разом покончил с его сомнениями.

— Их сожгли! — проговорил он. — Бластером! В упор!

Бластером? Как тех лимбеанцев в лощине... Да что же это делается здесь, на Лимбо! Откуда эта непонятная жестокость, которая давно забыта цивилизованным миром?.. А у Муры уже была наготове еще одна версия.

— По-моему, это пропавший «Римболд», — сообщил он.

Ну и ну! Тот самый «Римболд», исчезновение которого привело к аукциону на Наксосе и в конечном счете к тому, что все они оказались на Лимбо! Но как его сюда занесло и как он попал здесь в аварию? Ведь это же изыскатель, самый неуязвимый из кораблей Космофлота! За последние сто лет Служба изысканий потеряла не более двух кораблей. Но никуда не денешься, вот он, «Римболд», и не помогли ему ни хитроумные антиаварийные устройства, ни великолепные надежнейшие двигатели, ни мастерство опытейшего экипажа — валяется здесь разбитый, как и все это ржавое старье, которое они нацпи раньше...

Дэйн спустился по канату, Кости последовал за ним. Солнце скрылось в туче, заморосил мелкий дождик. Он уже превратился в ливень, когда Мура возвратился наконец из недр «Римболда». Зрелище, потрясшее Рипа и Кости, не произвело на него, по-видимому, такого ужасного впечатления. Он был спокоен, задумчив, но, кажется, слегка озадачен.

— Помните, Ван рассказывал как-то старую легенду? — сказал он неожиданно. — Легенду об очень давних временах, когда корабли плавали по морям, а не в космосе... На Земле, в ее западном океане, было такое место, где никогда не дули ветры и густо росли морские водоросли. Парусные корабли в этом месте застревали. Трава опутывала их, и они оставались там навсегда. За долгие годы сотни и тысячи кораблей сбились там в одну кучу, так что получился плавучий остров — сотни и тысячи мертвых гниющих кораблей...

Дэйн заметил, что в глазах Рипа появился огонек интереса.

— Да, помню, — проговорил Рип. — Сагово... нет — Саргассово море.

— Совершенно верно, — кивнул Мура. — Так вот, здесь, на Лимбо, тоже что-то в этом роде... Саргассы в космосе... Каким-то образом они захватывают корабли, разбивают их о скалы и оставляют ржаветь здесь навсегда. Для этого, конечно, нужны гигантские мощности: ведь корабль изыскателей — это вам не самодельная скорлупка древности, когда не умели толком ни прокладывать курс, ни строить настоящие двигатели...

— А как же наша «Королева»? — возразил Вилкокс. — Мы совершили самую обычную посадку без всяких неприятностей.

— Вам не приходит в голову, — сказал Мура, — что «Королеве» было разрешено сделать нормальную посадку?.. По некоторым причинам.

Такое предположение действительно могло многое объяснить, но от этой мысли им стало не по себе. Это означало, что «Королева» — лишь пешка в чьей-то игре. В чьей именно? Рича?.. Но в этом случае «Королева» не вольна более распоряжаться своей судьбой...

— Ладно, поехали дальше... — сказал Вилкокс и заковылял к краулеру.

Дозорные теперь больше не искали разбитых кораблей. А их, как подозревал Дэйн, было здесь, вероятно, немало. Догадка Муры овладела его воображением: Саргассы космоса, жадно хватающие межзвездных странников, случайно попавших в пределы досягаемости их зловещих щупалец. Но почему все-таки «Королева» совершенно безболезненно опустилась на эту планету, где все прочие корабли разбились вдребезги? Может, потому, что на борту был Рич и его люди? Тогда кто такой Рич?..

Они переправились через поток, разбухающий от дождя. Вилкокс остановил краулер и сказал:

— По-моему, мы уже на траверзе «Королевы». Давайте-ка посмотримся...

Рип и Мура вскарабкались на ближайший утес. Они не рисковали пользоваться радиотелефоном, и Рип вскоре вернулся и доложил, что «Королеву» уже видно, но можно подойти к ней еще ближе, если продвинуться по ложине примерно с миллю.

Так и сделали. Пока краулер медленно полз, одолевая рытвину за рытвиной, их нагнал Мура со вторым сообщением.

— Оттуда все будет хорошо видно, — сказал он, указывая вперед, на высокую скалу, торчащую среди утесов. — «Королева» стоит с задраенными люками. Вокруг нее какие-то люди, но я не разглядел, сколько их и как они вооружены...

Почти тотчас же вернулся посланный в дозор Кости. Он рассказал, что рядом со скалой, о которой говорил Мура, есть подходящее укрытие, куда можно спрятать краулер.

Укрытие оказалось действительно подходящим — обнаружить здесь краулер было бы невозможно даже с воздуха. Пока Вилкокс и Кости, который смертельно боялся высоты и потому по скалам не лазил, загоняли машину в этот каменный мешок, Мура и Дэйн взобрались на наблюдательный пункт и присоединились к Рипу. Отсюда открывалась вся пустошь, и «Королева» была видна как на ладони — тонкая сверкающая игла на серо-рыжем выжженном грунте.

Рип сидел, опершись спиной о камень, и держал у глаз полевой бинокль. Да, «Королева» была закрыта наглухо. Трап втянут, все люки задраены. Можно было подумать, что она готова к старту в любую секунду. Дэйн достал бинокль, навел его на корабль и так пристально вглядывался, что вскоре холмистая местность запрыгала у него перед глазами.

12. ОСАЖДЕННЫЙ КОРАБЛЬ

Сколько Дэйн ни напрягал зрение, ему удалось разглядеть только одну странную машину и две человеческие фигурки рядом с нею. Он удивился: если это осаждающие, то непонятно, почему их не обстреляют с «Королевы».

— Они даже не прячутся, — сказал он вслух.

— Прячутся, не беспокойся, — уверенно сказал Рип. — Между ними и «Королевой» есть холмик. Только сейчас его отсюда плохо видно, потому что нет солнца. Эх, винтовку бы сюда!

Да, будь у них винтовка с оптическим прицелом, они могли бы снять эти фигурки, хотя расстояние было значительное. Но, к сожалению, они располагали только оружием ближнего боя: почти безвредными гипноизлучателями и бластерами, средством мощным, но непригодным для расстояния свыше ста шагов.

— С тем же успехом ты мог бы пожелать миномет или пушку, — проворчал Дэйн. Он все глядел в бинокль. Мельком он отметил про себя, что оба флиттера убраны, по-видимому, внутрь «Королевы» — их нигде не было видно. За пять минут Дэйну удалось засечь с полдюжины небольших групп противника, вытянувшихся цепочкой вокруг корабля. Четырём из них были приданы краулеры. Машины эти напоминали стандартные краулеры торговцев, но были уже и длиннее — словно специально приспособленные для передвижения по извилистым лощинам и тесным ущельям.

— Кстати о пушках... — напряженным голосом произнес Рип. — Что это у них там такое... вон там, к западу?..

— Где? — быстро спросил Дэйн, послушно наводя бинокль на запад.

— Видишь скалу, похожую на голову нашего Хубата?.. Слева от нее.

Дэйн принялся искать скалу, которая напоминала бы капитанова любимца. Нашел. Ага... А теперь левее... Вот оно! Толстый задранный ствол... Да, они установили там миномет и держат «Королеву» под прицелом, готовые в любую секунду усыпать грунт под ее стабилизаторами градом смертоносных яйцевидных снарядов. Правда, задраенному кораблю снаряды не страшны, но если это будут газовые мины и если на «Королеве» приоткроют люки, чтобы отстреливаться... Да, с минометом шутки плохи...

— Господи! — сказал он. — Эта Лимбо — настоящее змеиное гнездо!

— Вот именно, — сказал Рип. — И мы это гнездо основательно растревожили... Но почему «Королева» не взлетает? Они

могли бы сесть где уютно, а потом подобрать нас. Что они там прилипли?!

— А вам не кажется, — сказал Мура, — что странное поведение «Королевы» как-то связано с нашими находками? Что, если «Королева» попробует подняться, ей конец?

— Я не инженер, — сказал Дэйн, — но я не вижу, из чего они могли бы сбить «Королеву». Для этого понадобилось бы что-нибудь помощнее миномета...

— Разве вы видели следы снарядов на корпусе «Римболда»? — спросил Мура. — «Римболд» просто рухнул с большой высоты. Будто его притянула какая-то сила, которой он не мог сопротивляться. Возможно, те, кто залег там, внизу, владеют секретом этой силы. Но это означало бы, что они господствуют не только на поверхности этой планеты, но и в ее небесах...

— И вы думаете, эта установка?.. — спросил Рип.

— Кто знает, — спокойно произнес стюард. — Очень возможно. — Он продолжал рассматривать в бинокль «Королеву» и все вокруг. — Я не прочь после захода солнца спуститься на пустошь и немножко там пошарить. Неплохо было бы обстоятельно и без помех побеседовать с кем-нибудь из них...

Мура как всегда говорил очень мягко и негромко, но Дэйн понял, что человека, с которым Мура намерен беседовать, ждет незавидная доля.

— Гм... — сказал Рип. — А ведь это можно устроить. И еще можно добраться до «Королевы» и узнать у них, что происходит...

— Может, попробуем связаться с ними сейчас по радио? — предложил Дэйн. — Расстояние небольшое, слышно будет хорошо...

— Ты видишь шлемы у этих типов? — сказал Рип. — Так вот, ставлю все свое жалованье, что они сидят на нашей частоте. Стоит нам заговорить, и они нас тут же запеленгуют. А местность они знают гораздо лучше нас. Тебе что — захотелось поиграть с ними в прятки в темноте?

Нет, этого Дэйну решительно не хотелось. Но расстаться с мыслью о радио было очень трудно. Ведь это так просто — вызвать капитана и поговорить с ним... И тогда не надо было бы всю ночь ползать по пустоши, рискуя жизнью. Но еще в Школе им много раз говорили: в вашем деле нет простых и коротких путей, ваше благосостояние, целостность вашего корабля и самой вашей шкуры будут зависеть прежде всего и при любых обстоятельствах от вашей сообразительности, от вашего умения мгновенно принимать решения в минуту опасности. Сейчас именно такая минута — на кон поставлен его корабль и его шкура.

— По крайней мере мы теперь точно знаем, — сказал Рип, — что против нас не только доктор со своей отборной троицей.

— Да, — согласился Мура, не отрываясь от бинокля. — Противник явно превосходит нас числом. Здесь их человек пятнадцать...

— И, наверное, это еще не все, — сказал Рип. — Но кто же они такие, черт бы их побрал...

— Там что-то готовится, — прервал его Мура. Он весь подался вперед.

Дэйн торопливо поднял бинокль. Стюард был прав. Один из осаждавших, не скрываясь, смело шел к «Королеве» и размахивал белой тряпкой — древним знаком перемирия.

Минуту или две казалось, что «Королева» не собирается вступать в переговоры. Но потом верхний люк распахнулся, и в проеме появился капитан Джелико.

Человек с белым флагом остановился в нерешительности. Сумерки уже сгустились, видно было плохо, но зато с неожиданной отчетливостью в наушниках зазвучали голоса. Рип был прав — эти гангстеры действительно сидели на корабельной частоте.

— Ну что, капитан, образумились?

— Это все, зачем вы пришли? — скрипучий голос капитана нельзя было спутать ни с каким другим. — Я объявил вам свое решение еще вчера.

— Вы здесь будете сидеть, пока не сдохнете с голоду, капитан. А если попытаете взлететь...

— Нам не взлететь, а вам не войти!

— Воистину так, — заметил Мура. — С их средствами ворваться в корабль невозможно, а взрывать его — бессмысленно.

— Вы думаете, им нужен именно корабль? — спросил Дэйн. Рип фыркнул.

— Это же ясно. Они не дают ему подняться, хотят заполучить целеньким. Держу пари, что Рич затащил нас сюда только для того, чтобы завладеть «Королевой».

Между тем переговоры продолжались.

— Не забывайте о продовольствии, капитан, — мурлыкал в наушниках голос гангстера. — Мы можем сидеть здесь хоть полгода, если понадобится. А вы — нет. Не будьте ребенком. Мы предложили вам честную сделку. Вы же сидите в галоше. Всю наличность вы утروхали на аукционе. Что же, мы предлагаем вам нечто лучшее, чем эти ваши торговые права. И будьте уверены, мы своего добьемся, терпения у нас хватит...

Может быть, у парламентария и хватило бы терпения, но у какого-то из его дружков терпение уже истощилось. Блеснула вспышка винтовочного выстрела, и капитан Джелико исчез —

то ли упал, то ли отпрянул в глубь шлюза. Люк захлопнулся.

Наблюдатели на скале замерли. Парламентер явно растерялся — очевидно, он никак не ожидал такого подвоха от своих подручных. Потом он отшвырнул предательский белый флаг и бросился за ближайший камень, а оттуда ползком и перебежками вернулся на свое место.

— Кому-то там не хватило терпения, — заметил Мура. — Переусердствовал. Плохо ему придется. Уничтожил последнюю надежду на возможные переговоры.

— Как вы думаете, капитана не ранило? — спросил Дэйн.

— Э, старик знает все эти фокусы, — беспечно отозвался Рип.

— Его не проведешь... Но теперь он лучше помрет с голоду, чем сдас корабль. Такими штучками наших не запугаешь.

Мура опустил, наконец, бинокль.

— Ну, а тем временем, — сказал он, — нам надо проверить наше дельце. В темноте можно, конечно, добраться до корабля, но как в него попасть? Вряд ли нам ночью спустят трап по первой же просьбе. Особенно после этого выстрела.

«Да, проскользнуть мимо часовых противника и добраться до корабля было бы нетрудно, — подумал Дэйн, глядя в бинокль. — Укрытых и скрытых подступов достаточно. И потом гангстеры, вероятно, даже и не подозревают, что мы находимся у них за спиной. Все их внимание сосредоточено на «Королеве». Но Мура прав — трап нам не спустят...»

— Надо подумать... — пробормотал Мура. — Надо хорошенько подумать...

— Слушайте, а ведь мы здесь находимся как раз на уровне рубки управления, — сказал вдруг Рип. — Нельзя ли придумать какой-нибудь сигнал?.. Предупредить их, что мы посылаем человека?..

Дэйн готов был идти к кораблю. Он прищурился, соединяя воображаемой линией верхушку их скалы с носом корабля.

— Надо спешить, — заметил Мура. — Ночь надвигается быстро...

Рип взглянул на небо. Оно было затянуто свинцовыми тучами. Солнце уже зашло, стало почти темно.

— Я придумал, — сказал Рип. — Давайте накроемся куртками и будем сигналить фонариком. Тогда снизу свет не увидят, а на «Королеве», быть может, обратят внимание...

Стюард без лишних слов растегнул ремень и принялся стягивать с себя куртку. Дэйн торопливо последовал его примеру. Потом они, трясаясь от холода, растянули куртки шалашиком, и Рип, присев на корточки между ними, принялся мигать фонариком, подавая сигнал бедствия на кодовом языке торговцев.

Было очень маловероятно, что именно сейчас кто-нибудь в рубке управления смотрит именно в их сторону. А если и смотрит, то обратит ли внимание на эту слабую искорку во тьме?

Вдруг на «Королеве» вспыхнул штормовой маяк — в темное небо ударил, озарив плотные тучи, столб желто-голубого света. Через несколько секунд он потускнел и принял красноватый оттенок. Мура с облегчением вздохнул.

— Они приняли сигнал, — сказал он.

— Откуда вы знаете? — спросил Дэйн. Сам он ничего не понял.

— Они включили штормовой маяк. Видите, он снова потемнел. Да, сигнал они приняли, — Мура натягивал куртку. — Теперь надо сообщить обо всем Вилкоксу и составить донесение на «Королеву» по всем правилам. Даже односторонняя связь может дать нам преимущество...

Они спустились к краулеру. Рассказать новости было делом недолгим.

— Но они же не могут ответить нам, — возразил Вилкокс. — Они бы не стали включать прожектор, если бы у них было другое средство дать нам знать, что они приняли ваш сигнал...

— Мы пошлем туда кого-нибудь. А сейчас передадим им, что он выходит и они должны ждать его и принять на борт, — живо сказал Рип.

Было видно, что Вилкоксу этот план не очень по душе. Но они обсудили его тщательно, пункт за пунктом, и ни к какому другому решению не пришли.

Мура встал.

— Скоро совсем стемнеет. Нужно решать немедленно, потому что подниматься на скалу лучше все-таки засветло. Итак, кто идет и когда? Уж это-то мы можем им просигнализировать...

— Шэннон, — сказал Вилкокс. — Вот когда пригодятся твои кошачьи глаза. На Балдуре ты, помнится, видел в темноте не хуже, чем Синдбад... Согласен попытаться?.. Выйдешь... — он посмотрел на часы, — скажем, в двадцать один ноль-ноль... Будет совсем темно, и бандиты, наверное, уже начнут клеветать носом на постах...

Ответа не требовалось — достаточно было взглянуть на сияющую физиономию Рипа. Пока они взбирались на утес, он все время мурлыкал про себя какую-то песенку.

— Когда прибудете на борт, — заметил Мура, — не забудьте сказать им, чтобы они просигналили нам маяком. Хотелось бы знать, что у вас все в порядке.

— Обязательно, дружище! — Хорошее настроение вновь вернулось к Рипу — впервые после ужасного открытия в рубке «Римболда». — А за меня не беспокойтесь. Это будет просто

веселая прогулка по сравнению с тем, что было на Балдуре...

Но Мура был очень серьезен.

— Недооценивать противника опасно, — сказал он. — Ведь вы не новичок, Рип, и все знаете. В нашем положении нельзя бессмысленно рисковать.

— Все будет в порядке, дружище! Я проскользну мимо них как змея. Они ничего не услышат.

На вершине утеса Дэйн и Мура снова сняли куртки и снова дрожали от сырости и холода, пока Рип передавал сообщение на безмолвную осажденную «Королеву». Ответного сигнала на сей раз не последовало, но они были уверены, что после первой передачи за их скалой из рубки ведется постоянное наблюдение.

Мура и Дэйн остались на своем посту, а Рип вернулся к краулеру, дожидаясь назначенного часа. Когда он исчез из виду, Дэйн принялся строить из камней стенку для защиты от ветра.

Греться они могли только друг о друга, и они скорчились за каменной стенкой, набираясь терпения на долгие часы, пока не вспыхнет сигнал, означающий, что Рип благополучно добрался до цели.

— Огни, — пробормотал Мура.

Луч прожектора «Королевы» по-прежнему сиял в ночи. Но Мура говорил о другом: внизу, на темной пустоши, замерцали слабые огоньки, обозначая кольцо вокруг «Королевы».

— Тем лучше для Рипа, — сказал Дэйн. — Ему будет легче ориентироваться...

— Не думаю, — возразил Мура. — Они сейчас настороже. Вероятно, между постами пустят дозорных.

— Вы думаете, они догадались о нас и сейчас подстерегают Рипа?

— Возможно и так. Но уж, во всяком случае, они готовы к любым действиям капитана... Послушайте, Торсон, вы ничего не чувствуете? Под нами... в скале?

Ну конечно! Дэйн почувствовал все тот же пульсирующий ритм. Он ощущался здесь слабее, чем в ущелье за развалинами, но зато теперь не утихал ни на минуту. Видимо, установка была включена на полную мощность.

— Вот что держит нашу «Королеву» на грунте, — сказал Мура.

Разрозненные кусочки мозаики постепенно складывались в единую картину. Очевидно, в распоряжении гангстеров находилась чудовищная установка, способная притягивать к Лимбо корабли из космоса. Капитан, верно, еще не знает об удивительных свойствах планеты, а гангстеры хотят захватить «Королеву» в целости и сохранности. Поэтому они вынуждены не-

прерывно держать установку под напряжением, иначе корабль взлетит, и его придется разбить, как и все остальные...

— В таком случае у нас только один выход, — медленно сказал Дэйн. — Найти эту установку и...

— Взорвать ее? Да... Если Рип доберется благополучно, мы этим и займемся.

— «Если»?.. Вы думаете, он может не добраться?

— Вы еще новичок в Космофлоте, Торсон... Когда человек полетает годик-другой, он становится очень скромным и осторожным. Он начинает понимать, что земное понятие «удача» тесно связано с успехами и поражениями. Мы никогда не можем с уверенностью предсказать, какой план действий окажется удачным. Всегда кое-что остается неучтенным, всегда имеются факторы, которые нам неподвластны. Возьмем Шеннона... У него много преимуществ: необычайно острое ночное зрение — мы узнали об этом сравнительно недавно, когда оказались примерно в таком же положении, — большой опыт, настойчивость и хладнокровие. Кроме того, сейчас он неплохо изучил местность и расположение постов противника... Так что, пожалуй, у него процентов восемьдесят на успех. Но остаются еще двадцать против... Поэтому и он и мы должны быть готовы к любым неожиданностям. Пока не увидим сигнала о том, что он добрался благополучно...

Эти бесстрастные рассуждения обескуражили Дэйна. Было в них что-то от скептицизма Камилла, только они были еще более убедительны, точны и безжалостны... Камилл... Где он сейчас?.. Держат ли его на одном из этих постов? Или уволокли в недра планеты, к этой таинственной установке?..

— Как вы думаете, что они сделали с Камиллом? — спросил он Муру.

— Для них он источник информации — о нас и о наших намерениях... Поэтому его, конечно, доставили к главарю. Я думаю, он жив и будет жив, пока он им нужен...

В этом ответе таился злобный намек, и Дэйн вдруг вспомнил о судьбе экипажа «Римболда».

— Эти изыскатели... — сказал он. — Рип не ошибся? Их действительно сожгли бластером?

— Да, он не ошибся, — бесстрастно произнес Мура, и от этого кажущегося спокойствия смысл сказанного стал еще страшнее.

Наступило молчание. Они сидели неподвижно и только изредка меняли положение, когда затекала рука или нога. Луч прожектора на равнине по-прежнему упирался в ночное небо.

Было очень холодно, и тем не менее клонило в сон — пульсирующий ритм вибрации убаюкивал. Чтобы не заснуть, Дэйн твердил про себя целые главы из «Правил погрузки», которые

он вызубрил за время перелета. Эх, сидеть бы сейчас в уютном отсеке Ван Райка, в тепле и безопасности, изучать документацию на прибывший груз да готовиться к предстоящему разговору с контрагентом...

Тихий свист донесся из тьмы внизу — Рип предупреждал, что выходит. Дэйн схватился за бинокль, но, конечно, ничего не увидел в темноте.

После этого часы потянулись как дни. Дэйн упрямо таращился на луч маяка, пока у него не заболели глаза. Ничего не менялось, и ничего не происходило. Потом Мура заворочался рядом, под прикрытием куртки слабо засветился фонарик, и Дэйн спросил:

— Сколько прошло?

— Четыре часа, — отозвался Мура.

Четыре часа... Вдвое, втрое более чем достаточно, чтобы добраться до «Королевы»... даже если делать крюк и пережидать, когда пройдут дозорные... Видимо, сработали те двадцать процентов, о которых говорил Мура. Рип не прошел.

13. НАПАДЕНИЕ И ТУПИК

Приближался рассвет. Небо на востоке посветлело. Прожектор на «Королеве» так и не мигнул, и надеяться на это больше не приходилось.

Не в силах оставаться в бездействии, Дэйн выбрался из укрытия и прошелся вдоль обрыва, чтобы осмотреться. Утес, на котором они расположились, разделял две вытянутые наподобие языков лощины. В одной находились сейчас Вилкокс и Кости, а другую они еще не обследовали.

В этой необследованной лощине Дэйн заметил ручеек. Он уже знал, что жизнь на Лимбо жалась к воде — где вода, там жизнь. Берега ручья заросли травой и кустарником, были там и крохотные плантации — Дэйн насчитал их штук десять.

Только на этот раз на плантациях работали. Два лимбеанца медленно двигались между рядами растений, разрыхляя почву вокруг корней своими нитевидными щупальцами. Их шаровидные тела колыхались при каждом движении.

Вдруг они замерли. У них не было ни голов, ни глаз, и Дэйну было непонятно, что они сейчас делают, но можно было догадаться, что они прислушиваются или смотрят на что-то.

Показалось еще трое лимбеанцев. Они несли длинный шест, с которого свисало какое-то животное величиной с кошку. Охотники подошли к фермерам и бросили шест. В бинокль было видно, как все они стали в круг, сплетя щупальца.

На плечо Дэйна легла рука. Он вздрогнул и обернулся. Перед ним, приложив палец к губам, стоял Мура.

— Тихо, — сказал стюард шепотом. — Сюда направляется какой-то краулер...

Лимбеанцы снова на секунду замерли и вдруг с необычайной скоростью бросились врассыпную. Берег ручья опустел.

В утренней тишине послышался хруст гравия и щебня под гусеницами, и в лощину вкатился краулер. Камил оказался прав — это была нестандартная машина. Она была узкая и очень длинная, и корпус ее при движении как-то странно изгибался — словно на шарнирах.

За пультом управления сидел человек. Лицо его закрывал козырек шлема, а одет он был так же, как Рич и его люди.

Пальцы Муры стиснули плечо Дэйна. Но Дэйн и сам заметил легкое движение в кустарнике. Потом между кустами проскользнул лимбеанец, прижимая к своему верхнему шару увесистый булыжник. За ним последовал второй тоже с булыжником.

— Достанется ему... — едва слышно прошептал Мура.

Краулер неспешно катился вперед, хрустя гусеницами по гравию и расплескивая воду ручьев. Вот он достиг первой плантации, гусеницы сокрушили низенькую ограду и пошли давить высаженные растения.

Лимбеанцы, скрытые кустарником, легко неслись за краулером, не отставая ни на шаг. Каждый нес булыжник или обломок скалы — судя по всему, ловушка должна была вот-вот захлопнуться.

Разъяренные владельцы плантаций нанесли удар, когда машина подмяла под себя третье поле. Град очень точно направленных камней обрушился на краулер и на водителя. Один булыжник попал прямо в шлем — водитель сдавленно охнул, приподнялся и повалился на пульт. Машина вильнула, наехала одной гусеницей на выступ скалы и угрожающе накренилась.

Дэйн и Мура торопливо скатились с утеса. Водитель, несомненно, заслужил то, что получил, но он был человеком, и они не могли позволить негуманоидам расправиться с ним. Лимбеанцы исчезли, но Дэйн и Мура приняли все меры предосторожности: добежав до краулера, они прежде всего окатили окружающий кустарник из гипноизлучателей. Затем Дэйн подхватил обмякшее тело водителя и поволок его за скалу, подальше от кустов, где при необходимости они могли бы выдержать новую атаку лимбеанцев. Мура прикрывал его с гипноизлучателем наготове.

Впрочем, нового нападения не последовало. Может, подействовал гипноизлучатель, а может, их напугало появление еще двух землян, но только лимбеанцы больше не обнаруживали

себя. Лощина теперь казалась совершенно пустой — остались только Мура с Дэйном да распростертое у их ног тело.

— Попробуем взобраться?.. — Дэйн кивнул в сторону утеса.

Мура усмехнулся.

— Попробуйте, — сказал он. — Но мне кажется, только любитель крэкса мог бы туда вскарабкаться с такой ношей на плечах...

Дэйн опомнился. Конечно, Мура был прав. Подъем на утес был нелегким делом даже со свободными руками, а втащить туда грузную тушу было бы совсем уж невозможно.

Между тем контуженный водитель застонал и пошевелился. Мура опустил на одно колено и прежде всего отстегнул у него кобуру с бластером, которую тут же подвесил к собственному поясу. Затем ослабил подбородочный ремень, стащил с водителя треснувший шлем и принялся деловито хлестать по небритым щекам.

Это подействовало. Гангстер заморгал и приподнялся; Мура, рванув за воротник, помог ему сесть.

— Пора идти, — сказал стюард. — Ну-ка...

Вдвоем они поставили гангстера на ноги и повели в обход утеса к укрытию, где находились Вилкоккс и Кости.

Гангстер ничего не соображал, он только старался удерживать равновесие. Тем не менее Мура крепко держал его за руку, и Дэйн догадывался, что стюард готов в любой момент применить один из приемов вольной борьбы, в которой он не имел себе равных на борту «Королевы».

Сам Дэйн то и дело оглядывался, ему очень не хотелось стать мишенью для точно брошенного булыжника. Рассуждая логически, лимбеанцы должны были принять их за союзников этого мерзавца, так что теперь, видимо, не осталось никакой надежды установить с ними торговые отношения.

Но не могли же они бросить человека на растерзание негуманоидам!..

Гангстер сплюнул кровь и сказал, обращаясь у Муре:

— Вы что — люди Омбера? Я не знал, что вас тоже сюда вызвали...

Лицо Муры не дрогнуло.

— Дело слишком важное, — сказал он. — Вызвали многих...

— Кто меня так долбанул? Эти проклятые твари?..

— Да, туземцы. Они забросали вас камнями.

Гангстер яростно оскалился.

— Их давно надо всех зажарить!.. Стоит появиться в этих холмах, и они так и норовят проломить тебе череп... Надо снова дать им понюхать бластера... Только догнать их трудно, больно быстро бегают...

— Это верно, — подтвердил Мура. — А теперь сюда.

Он подтолкнул пленника к повороту во вторую лощину. Но тот впервые, по-видимому, заподозрил неладное.

— А зачем туда? — спросил он, переводя взгляд с Муры на Дэйна. — Это же не сквозная лощина...

— У нас там краулер, — объяснил Мура. — Я думаю, в вашем состоянии лучше ехать, чем идти.

— А?.. Да, пожалуй... Башка у меня так и гудит... — Он поднял свободную руку и, морщась, ощупал шишку над правым ухом.

Дэйн перевел дыхание. Мура был великолепен. Теперь кажется можно будет доставить этого дылду на место без драки.

Продолжая крепко держать пленника за руку, Мура обогнул огромную грудку бульжников, и через минуту они оказались в пещере, где им навстречу поднялись Вилкокс и Кости. Тут гангстер увидел краулера и понял все. Он весь напрягся и остановился так внезапно, что Дэйн по инерции налетел на него. Свободная рука гангстера дернулась к поясу, но кобуры не нашла.

— Кто вы такие? — хрипло спросил он.

— Здесь, приятель, спрашиваем мы! — прогудел Кости, нагибаясь и оглядывая его с ног до головы. — Это ты нам сейчас скажешь, кто ты такой!

Гангстер повернулся было в надежде увидеть подмогу, но Мура резким движением кисти вновь поставил его лицом к Кости и Вилкоксу.

— Да, — мягко сказал стюард. — Мы очень хотели бы знать, кто вы такой?

Их было всего четверо, и, возможно, именно поэтому пленник обнаглел.

— Ага! — торжествующе объявил он. — Вы с того корабля!..

— С одного из кораблей, — поправил его Мура. — На этой планете много, очень много кораблей.

Эти слова подействовали так, словно он с размаху ударил пленника по лицу. Дэйн в порыве вдохновения добавил:

— Например, есть корабль изыскателей...

Пленник пошатнулся. Зеленоватая бледность покрыла его испачканное кровью лицо. Он закусил губу, словно для того, чтобы удержать рвущийся крик.

Вилкокс присел на гусеницу краулера, извлек свой бластер и положил его на колено, уставив дуло прямо в живот пленнику.

— Да, здесь немало кораблей, — произнес он. Если бы не желваки, вздувшиеся на его скулах, можно было подумать, что он ведет светскую беседу. — Как вы думаете, с какого из них мы?

Но пленник еще не был сломлен.

— Вы с этого... с «Королевы Солнца»... — проворчал он.

— С чего вы взяли? — быстро спросил Мура. — На других кораблях живых не осталось, а?.. Будет лучше, если вы нам расскажете все, дружок.

— Давай, выкладывай! — Кости надвинулся на помятого гангстера и навис над ним. — Выкладывай, красавчик, но береги наше время и свое здоровье!.. А будешь запираяться, у нас терпение лопнет, понял?..

Пленник понял. Понял угрозу, таившуюся в тихом голосе Муры. Увидел угрозу в огромных волосатых лапах Кости...

— Кто вы такой и что здесь делаете? — снова начал Вилкокс.

— Меня зовут Лэв Снолл, — мрачно ответил гангстер. — И если вы с «Королевы Солнца», то знаете, что я здесь делаю... И ничего у вас не выйдет — мы будем держать ваше корыто столько, сколько нам вздумается...

— Да что вы говорите? — растягивая гласные, насмешливо произнес Вилкокс. — Значит, вы будете держать этот корабль, что стоит на равнине, сколько вам вздумается? Какими же веревками вы его удержите?

Пленник оскапился в издевательской усмешке.

— Нам веревки и не нужны, — сказал он. — Нам сама планета помогает... Когда нам надо, она у нас в мышеловку обращается...

Вилкокс повернулся к Муре.

— У него что — сотрясение мозга?

Мура кивнул.

— Что-то вроде... — сказал он. — В точности судить не могу — я не медик, но мозги ему встряхнуло основательно...

И Снолл попал в расставленные сети.

— Если вы думаете, что я чокнутый, так вы ошибаетесь... Вы же не знаете, что мы здесь нашли! Мы нашли машину Предтеч, и она все еще действует! Она может притягивать корабли прямо из космоса и бьет их о камни!.. Пока она работает, вашей «Королеве» нипочем не подняться. Будь она даже полицейским дредноутом... Да мы бы и с дредноутом смогли управиться, это нам раз плюнуть!

— Занятные сведения! — сказал Вилкокс. — Значит, у вас есть какая-то машинка и она может вытягивать корабли прямо из космоса? Это здорово! А кто вам это сказал? «Шепчущие»?..

Снолл побагровел.

— Говорю вам, я не псих!

Кости положил руки ему на плечи и силой усадил на камень.

— Да, да, конечно... — издевательски-успокоительно загудел он. — Все так и есть... Большая такая машина, и управляют ею Предтечи... Она протягивается в космос и делает вот так... —

кулак Кости рывком сжался перед самым носом гангстера, точно он поймал муху.

Но пленник уже немного оправился.

— Хотите верьте, хотите нет, дело ваше, — сказал он. — Вот увидите, что будет, если ваш дубина-капитан попробует взлететь. Ничего хорошего не получится... А там вскорости и вас всех похватают...

— Вы полагаете, нас так легко схватить? — спросил Вилкоккс, вздернув левую бровь. — Мы здесь уже довольно давно, а нас до сих пор так и не обнаружили.

Снолл озадаченно оглядел их.

— Что вы мне заливааете?.. — сказал он наконец. — Вы же с «Королевы»... На вас форма торговцев...

— Но вы в этом не совсем уверены, не так ли? — вкрадчиво осведомился Мура. — Ведь может оказаться, что мы совсем с другого корабля, который вы зацапали этой своей ловушкой. Почему вы так уверены, что ни один экипаж не уцелел? Может статься, что уцелевшие до сих пор бродят по окрестностям.

— Если и так, то недолго им осталось бродить!.. — вырвалось у Снолла.

— О да, вы умеете с ними раздельваться! С помощью вот этих штучек! — Вилкоккс поднял бластер. — Как вы разделились с экипажем «Римболда»!..

— Меня там не было! — сипло сказал Снолл. Несмотря на утренний холодок, лицо его покрылось испариной.

— А мне кажется, все вы — преступники, — возразил Вилкоккс все тем же светским тоном. — Кстати, вы уверены, что за вашу голову не назначена награда?

Тут пленник не выдержал. Он рванулся бежать, и только железная рука Кости удержала его на месте.

— Да, да, да!!! — истерически завопил он. — Да, назначена! Ну и что? Что вы можете сделать? Хотите убить безоружного? Нате! Убивайте!..

Торговцы умели быть жестокими, когда этого требовало время и обстоятельства, но Дэйн превосходно знал, что Вилкоккс ни за что на свете не причинит вреда безоружному человеку, даже если за голову этого человека назначена награда и он поставлен Космической полицией вне закона, как преступник и убийца. Но тут в разговор снова вступил Мура.

— Убивать? Зачем? — спокойно сказал он. — Мы вольные торговцы, и вы прекрасно знаете, что это значит. Быстрая смерть от бластера — слишком легкий способ перейти в мир иной. Но здесь, за пределами Федерации, на необжитых мирах, мы научились кое-каким приемам... Вы меня понимаете, Лэв Снолл?

Стюард не строил угрожающей физиономии, его лицо оставалось добродушным и приветливым, но Снолл поспешно отвел взгляд. Он громко проглотил слюну.

— Вы не посмеете... — хрипло проговорил он без всякой уверенности в голосе.

По-видимому, он понял наконец, что люди, которые стояли перед ним, гораздо опаснее, чем он думал вначале. В уголовном мире о вольных торговцах ходили самые недобрые слухи. Их считали не менее жестокими, чем Космическую полицию, но торговцы вдобавок еще не были ограничены никакими уставами и наставлениями. И Снолл поверил, что этот маленький человек с приветливым лицом ни перед чем не остановится.

— Что вам от меня нужно? — спросил он.

— Правду, — сказал Вилкоккс.

— Я вам сказал всю правду, все как есть... Там, в горах, мы нашли установку Предтеч... Она действует на корабли, когда они заходят в луч... или в поле... я не знаю... Не знаю, как она там работает. Ее никто не видел, кроме самых головастых ребят, которые знают толк в разных там рациях...

— Почему же «Королева» села благополучно? — спросил Кости.

— Да потому, что эта штука была исключена. Ведь у вас на борту был Салзар...

— А кто такой Салзар? — спросил Мура.

— Салзар. Гарт Салзар. Он первый разобрался, что за штуку мы здесь нашли. А когда сюда подвалили изыскатели, Салзар велел нам всем попрятаться... Он знал, что, если эту планету выставят на аукцион, нам каюк. И тогда он схватил какую-то помятую посудину, которую мы кое-как залатали, и кинулся на Наксос. А там сами знаете, что получилось... Он задурил вам головы и привел сюда ваш корабль... хороший корабль, пустой, нам как раз такой был нужен, чтобы переправлять добычу...

— Добычу? А сами вы как сюда попали? Крушение?

— Крушение потерпел здесь Салзар. Десять или двенадцать лет назад. Он отделался легко и пошел здесь шарить со своими ребятами... Ну, нашли они эту машину и стали в ней копать, покуда не научились включать и выключать. А когда сюда прибыли изыскатели, его как раз не было и машина была выключена — чтобы не разбить его, когда вернется...

— Жаль, что не разбили. Где машина? — спросил Вилкоккс.

Снолл помотал головой.

— Этого я не знаю... — Кости придвинулся к нему, и он завопил: — Да ей же богу, не знаю! Только сам Салзар и его ребята знают, где она и как работает!

— А сколько их? — спросил Кости.

— Салзар и еще трое или четверо... Она в горах... где-то вон там... — он ткнул трясущимися пальцами в сторону горного хребта.

— По-моему, ты знаешь больше... — начал Кости, но Дэйн прервал его:

— А что Снолл делал на краулере? Этого он тоже не знает?..

Мура, поправляя подбородочный ремень, опустил глаза и сказал:

— Мне кажется, мы допускаем некоторую оплошность. Следовало бы выставить наблюдателя: может быть, в лощине появятся друзья Снолла...

Снолл молча рассматривал носки своих ботинок.

— Я погляжу, — сказал Дэйн и побежал к утесу.

На первый взгляд на пустоши со вчерашнего вечера ничего не изменилось. По-прежнему неприступной крепостью возвышалась на равнине «Королева» с задраенными люками, по-прежнему копошились вокруг нее гангстеры. Но по направлению к утесу двигался еще один диковинный краулер. Позади водителя сидели двое гангстеров, а между ними Дэйн с замиранием сердца увидел человека в желтой форме Торгового флота.

Лица его Дэйн не мог разглядеть даже в бинокль, но это, конечно, был Рип. И пока Дэйн смотрел, стало совершенно очевидно, что краулер идет к устью той самой лощины, где Снолл попал в засаду.

Вот он случай — не только освободить Рипа, но и пробить изрядную брешь в рядах противника! Дэйн подполз к краю утеса и, не осмеливаясь крикнуть, принялся яростно размахивать руками, стараясь привлечь внимание своих товарищей внизу. Его сразу заметили. Вилкокс и Мура кивнули, а Кости немедленно уволок Снолла в глубь пещеры. Тогда Дэйн вернулся на свой пост и стал с нарастающим возбуждением ждать, когда краулер войдет в лощину.

14. ИЕРИХОНСКАЯ ТРУБА

Мура вскарабкался на утес и присел рядом с Дэйном.

— По-моему, сейчас самое время перенять тактику у наших шарообразных союзников, — сказал он. — Вы хорошо бросаете камни, Торсон?

Он пошарил вокруг себя, нашел булыжник величиной с кулак, затем прицелился и швырнул. Булыжник описал правильную дугу и с треском разлетелся, ударившись о скалистый

выступ. Дэйн понял все выгоды такой тактики. Огонь бластеров не разбирает, где друг, где враг, и может убить или покалечить Рипа. А умело брошенный камень не только способен сбить человека с ног, но и маскирует нападающих — естественно предположить, что в засаде сидят лимбеанцы.

Кости обогнул подножие утеса и укрылся под площадкой, где сидел Мура. Дэйн спустился вниз, пересек лощину и, торопливо набрав бульжников, спрятался в расселине на высоте человеческого роста.

Они едва успели занять позицию, как в лощине появился краулер. Скрежеща гусеницами по щебню, он выкатился из-за поворота и стал с треском продираться сквозь кустарник. Но, выбравшись из кустов, водитель резко затормозил. Видимо, его радиотелефон был включен, потому что в наушниках Дэйна вдруг громко прозвучали его слова:

— Гляди-ка! Это же машина Снолла! Какого черта!..

Один из гангстеров, охранявших Рипа, прыгнул с платформы и направился было к перевернутой машине. И в этот момент Мура дал сигнал. Здоровенный бульжник треснул гангстера по шлему, и тот, потеряв равновесие, ухватился обеими руками за гусеницу. Дэйн сейчас же швырнул в него второй камень и еще один бросил в водителя.

Все они разом заорали, и Рип немедленно вмешался в события. Руки у него были связаны за спиной, но он всем телом бросился на второго охранника, и оба они повалились с платформы. Водитель включил двигатель, краулер рванулся вперед под градом камней.

Первый гангстер, спотыкаясь, догнал машину и вскарабкался на платформу, второй все еще боролся с Рипом. Ему удалось наконец повалить Рипа на спину, и он, оскалившись, потащил из кобуры бластер. В то же мгновение лицо его превратилось в кровавую кашу, и он, дико вскрикнув, опрокинулся навзничь. Первый гангстер обернулся на крик.

— Кранер! Эти твари убили Кранера!.. Да не останавливайся!.. Черт с ним, с этим торговцем!.. Гони, пока до нас не добрались!..

И водитель погнал. Краулер быстро уходил вверх по лощине в сторону гор. Непонятно, почему гангстеры даже не воспользовались бластерами — видимо, их совершенно ошеломило неожиданное нападение и гибель одного из своих и они думали только о спасении. Через минуту они уже скрылись за поворотом, и тут Кости выскочил из своего укрытия и побежал к Рипу, Дэйн — за ним.

Шэннон лежал на боку, руки его были неестественно вывернуты за спину и скручены. Один глаз, окруженный огром-

ным черным синяком, не открывался, разбитые губы кровоточили.

— Здорово, брат, тебя отделали... — пробормотал Кости, разрезая веревки.

— Они... подстерегли меня... — невнятно произнес Рип, еле шевеля окровавленными губами. — Я уже почти добрался... И тут они меня сцапали. Они держат «Королеву» каким-то лучом...

Дэйн просунул руку Рипу под плечи и помог ему сесть. Тот застонал и вскрикнул от боли, прижимая ладонь к боку.

— Что там у тебя еще? — спросил Кости и протянул руку, чтобы расстегнуть на Рипе куртку. Но Рип отстранил его.

— Сейчас все равно ничего нельзя сделать... Мне сломали ребро... или два... Этот луч притягивает корабли...

— Мы уже знаем, — сказал Дэйн. — Мы здесь взяли пленного. Он вел вон тот краулер. Он нам все рассказал. Может, он нам еще пригодится... Ты можешь идти?

Подошел Мура.

— Да, пора уходить, — сказал он. — Радиотелефоны у них были включены, так что, возможно, вся их банда уже знает о нападении.

Поддерживая Рипа, они вернулись в укрытие, где их ждал Вилкокс.

— Ты ничего не знаешь о Камиле? — спросил Кости.

— Али у них, это точно, — ответил Рип. — Мне кажется, он там, где их главная группа. У них здесь много народу. Они, если захотят, смогут держать «Королеву», пока она не заржавеет.

— Об этом мы уже знаем от Снолла, — мрачно сказал Вилкокс. — Правда, он клянется, что не знает, где эта установка. По-моему, врет.

Тут связанный Снолл принялся извиваться и мычать сквозь кляп, видимо пытаясь сказать, что не соврал.

— В конце этой лоцины есть вход в их казармы и складские помещения, — сказал Рип. — Наверное, где-нибудь там и находится установка.

Дэйн ткнул извивающегося Снолла носком сапога.

— А нельзя обменять этого типа на Али? Или, на худой конец, заставить его показать место?

— Сомневаюсь, — ответил Рип. — Это зверье, а не люди. Плевали они на вашего Снолла.

Налитые кровью глаза над кляпом выразили полное согласие с этим утверждением. Снолл ни на грош не верил в товарищеские чувства своих приятелей. Они и пальцем не пошевелинут, чтобы спасти его, если речь не пойдет об их собственной шкуре.

— Итак, нас пятеро. Из них двое — калеки... — раздумчиво

произнес Вилкокс. — Как ты думаешь, Шэннон, сколько всего этих типов может быть в горах?

— Наверное, не меньше сотни, — ответил Рип. — И помо-ему, эта банда очень неплохо организована.

Наступило молчание. Потом Кости решительно сказал:

— Если мы будем здесь сидеть, то просто подохнем с голоду без всякого толку. Я за то, чтобы рискнуть. Должно же нам когда-нибудь повезти!..

— Пусть Снолл покажет нам, куда идти, — предложил Дэйн.

— По крайней мере хоть что-нибудь узнаем...

— Если бы только у нас была связь с «Королевой»! — Вилкокс с досадой стукнул себя по колену кулаком.

— Солнце высоко, — сказал Мура. — Можно попытаться.

Он сходил к брошенному краулеру и отвинтил никелированную металлическую пластину, служившую спинкой водительского сиденья. С помощью Дэйна он втащил это импровизированное зеркало на вершину утеса. Там они установили зеркало и, поймав солнечный луч, бросили его через полторы мили, отделявшие их от «Королевы».

— Я думаю, должно получиться, — улыбнулся Мура. — Это не хуже наших фонариков. И если только у гангстеров нет глаз на затылке, они ничего не заметят.

Но сначала надо было покончить с другими приготовлениями. Все собрались возле краулера Снолла. Машина оказалась в порядке. Надо было только стащить ее со скалы и приладить соскочившую гусеницу. И пока Вилкокс, Рип, Кости и пленник оставались у краулера, Дэйн и Мура вернулись на утес, где им пришлось немало попрыгать, прежде чем удалось дважды передать на «Королеву» свое сообщение.

Теперь оставалось только ждать какого-нибудь сигнала, означающего, что сообщение получено, — до тех пор они не могли действовать.

И они дождались, когда Дэйн совсем уже потерял надежду. Круглые иллюминаторы на бортах «Королевы» засверкали вспышками. Над постом, расположенным между утесом и «Королевой», взвился столб дыма, раздался грохот. Да, сообщение было получено, и теперь капитан Джелико отвлекал на себя внимание противника, давая группе Вилкокса возможность произвести неожиданный и отчаянный налет на штаб-квартиру Рича.

На краулере Снолла нашлось место для всех. Кости сел за пульт управления, а связанного пленника втиснули между Дэйном и Мурой. В отличие от краулера торговцев на платформе этой машины были поручни, за которые было очень

удобно держаться, когда краулер, кренясь и подпрыгивая, двинулся по изрытому дну лощины.

Дэйн внимательно следил за кустарником, покрывавшим склоны. Он не забыл нападения лимбеанцев. Возможно, эти существа действительно вели ночной образ жизни, но могло быть и так, что они до сих пор сидели в засаде, готовые напасть на любую небольшую группу землян.

Лощина извивалась и делалась все уже. Краулер полз теперь почти все время по дну ручья, вода временами заплескивалась на платформу. Этой дорогой, по-видимому, так же часто пользовались, как и тесным ущельем за развалинами города, — на выступах скал виднелись царапины, гравий по берегам потока был изрыт гусеницами.

Ручей вдруг распался на несколько водопадиков, вливавшихся в небольшой мелкий водоем, а за водоемом на пути краулера поднялась, перегораживая лощину, сплошная отвесная стена. Кости остановил краулер, выдернул кляп изо рта Снолла и требовательно спросил:

— Ну, умник, что надо сделать, чтобы проехать дальше?

Снолл, облизывая распухшие губы, смотрел на него с вызовом. Он был связан, беспомощен, но самоуверенность почему-то вернулась к нему.

— Сами догадайтесь, если вам надо, — ответил он.

Кости вздохнул.

— Время тратить неохота, дружок, — сказал он. — Но будь уверен: если мне надо чего-нибудь от тебя добиться, то я добьюсь...

Он не успел договорить: в дюйме от его уха просвистел камень, и в тот же миг другой камень попал Сноллу по спине, так что тот взвыл от боли.

— Лимбеанцы! — крикнул Дэйн.

Он выхватил гипноизлучатель и повел им по стенам лощины, откуда, как ему показалось, летели камни.

Огромный булыжник с треском ударился в корпус машины, и Вилкокс, обхватил Рипа, перевалился с ним прямо в воду, стараясь укрыться за гусеницами. Мура уже стоял по колено в воде и спокойно, как ни в чем не бывало, с деловитой аккуратностью поливал из гипноизлучателя зеленую стену кустарника.

И тут Кости совершил ошибку. Чтобы дать пленнику возможность поскорее добраться до укрытия, он разрезал на нем веревки. Но вместо того, чтобы соскочить с платформы и бежать, Снолл рванулся к панели управления и с размаху стукнул кулаком по какой-то клавише. Стены ущелья огласились высоким пронзительным воем. От этого воя у всех заныли зубы, и Дэйн едва удержался от того, чтобы не зажать уши руками.

И тут произошло невероятное: монолитная стена, запиравшая лощину, вдруг разверзлась, открыв широкий проем во тьму. Ошеломленные торговцы не успели опомниться, как Снолл со всех ног кинулся в этот проем.

С нечленораздельным ревом Кости рванулся за ним. Дэйн спрыгнул с платформы и побежал вслед за Кости. Он нырнул в темноту и сразу ослеп после яркого солнечного света, но продолжал бежать, слыша впереди буханье ботинок Кости и отдаленный топот Снолла. Гангстер оказался прекрасным бегуном.

Пробежав десяток шагов по прямому коридору, Дэйн опомнился. Он позвал Кости, и его голос гулким эхом отдался где-то в глубине туннеля. Кости не остановился, он продолжал преследовать Снолла.

Дэйн в нерешительности оглянулся назад. Стоит ли разделяться? Может, сходить и привести сюда краулер?.. Или все-таки бежать за Кости?.. Он еще успел заметить, как в туннель из озаренной солнцем лощины неторопливо вошел Мура, и вдруг — к ужасу Дэйна — проход снова закрылся — не стало солнечного света, не стало внешнего мира...

— Дверь! — завопил Дэйн и с энергией, с которой он только что преследовал Снолла, устремился туда, где еще недавно был выход. Железная рука Муры остановила его.

— Не надо волноваться, — сказал стюард. — Никакой опасности нет. Вилкоксу и Шэннону ничто не грозит. У них есть гипноизлучатели, и они знают, как отпереть скалу... если понадобится. Но где же Карл? Куда он девался?

Спокойный тон Муры сразу отрезвил Дэйна. Маленький японец вел себя так уверенно, что Дэйну стало стыдно за свой страх.

— Он побежал за Сноллом...

— Будем надеяться, что он его догонит. Здесь, в пещере, я предпочел бы иметь Снолла под рукой. Кроме того, если Снолл успеет предупредить своих, нам будет совсем худо.

Тут только Дэйн заметил, что в туннеле довольно светло. Сумеречный свет струился от гладких стен и от потолка.

Они зашагали вперед и вскоре обнаружили, что туннель круто сворачивает влево. Дэйн прислушался в надежде уловить топот бегущих, но через некоторое время услышал чьи-то размеренные шаги. Навстречу им шел Кости, лицо его выражало разочарование.

— Где Снолл? — спросил Дэйн.

Кости скривил лицо:

— Сбежал. Проскочил сквозь одну из этих проклятых стен...

— Далеко? — спросил Мура и, не дожидаясь ответа, устремился вперед.

— Там был проход, — рассказал Кости. — Он проскочил, и стена закрылась у меня перед носом... Теперь нам его не догнать. Разве что мы притащим эту свистульку с краулера...

Они остановились перед глухой стеной, превратившей коридор в тупик. Дэйн потрогал стену. Это был не камень. Стена была из того же материала, что и здания разрушенного города.

— Здесь?.. — спросил Мура, постучав пальцем по гладкой поверхности. Кости угрюмо кивнул. — Ни щели, ни зазора...

Глухая вибрация, к которой они уже настолько привыкли, что почти ее не замечали, мерно сотрясала пол под ногами. Эта вибрация, узкий коридор, сумеречный свет — Дэйн физически ощущал, что они попали в ловушку.

— Похоже, что мы влипли, — прогудел Кости. — Как насчет того, чтобы вернуться в лощину? Где Вилкокс и Шэннон?

Дэйн рассказал. Он тоже надеялся, что Вилкокс догадается включить эту иерихонскую трубу, отворяющую стены. Почти бессознательно, просто для того, чтобы быть поближе к выходу, он двинулся обратно. Вот поворот, где они свернули из главного туннеля. А где же туннель? Туннеля не было. От него осталась ниша глубиной в метр.

Не веря своим глазам, Дэйн постучал костяшками пальцев в это новое препятствие. Нет, это не галлюцинация. Прочная, сплошная стена. Позади послышался сдавленный крик. Дэйн обернулся и увидел, что в нескольких шагах воздвигается еще одна стена, грозя запереть коридор, где находились его товарищи.

Не помня себя, Дэйн ринулся в оставшуюся узкую щель. Он бы, наверное, не успел, но Кости со всей силой ухватился за край надвигающейся стены и на несколько мгновений задержал ее движение. Только на несколько мгновений...

Послышался щелчок, и они оказались заперты со всех сторон.

— Ловко они нас, — проговорил Кости. — Теперь им остается только прийти сюда и взять нас голыми руками.

Мура пожал плечами.

— Во всяком случае, мы теперь можем не сомневаться, что Снолл поднял тревогу, — сказал он.

Стюард был совершенно спокоен. Кости начал выстукивать стены, словно надеясь найти скрытый механизм, приводящий их в движение.

— Не трудитесь, — сказал ему Мура. — Они, конечно, управляют дистанционно... Как ни забавно, но эти типы, вероятно, воображают, что держат нас в руках.

— А на самом деле — нет? — с надеждой спросил Дэйн.

— Сейчас посмотрим... Итак, наружный вход управляется

акустическим устройством. Тан считает, что акустические шумы установки лежат главным образом в ультразвуковой области. Исходя из этого, можно попытаться подобрать ключ к этому капкану...

Он расстегнул куртку и принялся шарить во внутреннем нагрудном кармане, где торговцы обычно носят свои ценности. Наконец он извлек белую трубочку из слоновой кости. Трубочка была не более трех дюймов длиной.

Кости перестал стучать.

— А, — сказал он. — Знаменитый манок!

— Совершенно верно. Этой трубочкой я приманивал бабочек на Кармули. А здесь попробуем применить ее для других целей.

Он приложил манок к губам и подул в него. Но они не слышали ни звука. Слабая надежда, мелькнувшая было у Кости, уступила место разочарованию.

— Ничего не выйдет, — сказал он.

— Вы слишком нетерпеливы, Карл, — улыбнулся Мура. — У меня здесь десять ультразвуковых тонов. Пока я опробовал только один. Вот когда и остальные откажут, будем говорить о неудаче.

Последовали томительные минуты тишины. Ничего не происходило.

— Пустая затея, — покачал головой Кости.

Но Мура не обратил на него внимания. Время от времени он опускал свою дудочку, отдыхал немного, а потом снова принимался дуть в нее. Дэйн был уверен, что все десять тонов уже давно опробованы, но стюард, видимо, не унывал.

— Было уже больше десяти, — сердито заявил Кости.

— Сигнал, который открыл проход в лошине, состоял из трех тонов, — терпеливо пояснил Мура. — Возможно, такая же комбинация применена и здесь.

Кости уселся на пол, всем своим видом показывая, что не желает участвовать в этой бесполезной затее. Дэйн опустился на корточки рядом с ним. Но терпение Муры, казалось, было неистощимо. Прошел час, потянулся второй... Интересно, как сюда проникает воздух, подумал Дэйн. Видимо, как и свет, через стены. Дышится легко.

— Эта дудка ничем нам не поможет, — сказал наконец Кости со злобой. — Смешно же надеяться каким-то паршивым манком одолеть эту... — он с размаху стукнул кулаком в стену коридора.

И стена медленно сдвинулась, открыв узкую темную щель высотой в человеческий рост.

15. ЛАБИРИНТ

— Есть! — радостно воскликнул Дэйн, улыбаясь Муре, а Кости немедленно вцепился в край щели, изо всех сил стараясь расширить ее. Стена подавалась туго.

— А все-таки это выход не туда... — упрямо пропыхтел он.

— Да, это выход не в тот коридор, — согласился Мура. — Но это выход из ловушки, и пренебрегать им не стоит. Кроме того, судя по вашим усилиям, Карл, этим выходом давно не пользовались. Поэтому для нас он удобнее. Видимо, мне удалось наткнуться на сочетание тонов, которое здесь редко применяют.

Он тщательно обтер манок и спрятал его во внутренний карман.

Как ни тужился Кости, но расширить щель ему удалось лишь ненамного. Мура пролез в нее без труда, а Дэйну и особенно Кости пришлось протискиваться. Был момент, когда казалось, что Кости вообще застрянет. Только сняв с себя ремни со снаряжением и кобурой и сбросив куртку, гигант сумел, обдирая кожу, пробраться к товарищам.

Они оказались в новом коридоре, более узком, чем прежний. Стены здесь тоже излучали сумеречный свет, но пол под ногами был покрыт слоем тончайшей пыли.

Мура достал фонарик и посветил вперед. Всюду лежала пыль, и на ней не было никаких следов. Вероятно, этим коридором очень давно никто не проходил — быть может, с тех самых пор, как Предтечи оставили свою горную питатель.

— Эй, — испуганно вскрикнул Кости.

Они оглянулись. Проход исчез, они снова были отрезаны.

— Опять нас поймали! — хрипло сказал Кости. Но Мура покачал головой.

— Не думаю. Просто сработал какой-то автомат. Мы прошли, и дверь закрылась... Да, этим коридором не пользуются. Скорее всего Рич и его приятели даже не знают о его существовании. Что ж, посмотрим, куда он нас приведет.

И Мура бодро зашагал вперед. Коридор шел параллельно главному туннелю. Стены были совершенно гладкие, но Дэйн подумал, что в них может таиться множество дверей, и каждая настроена на определенное сочетание ультразвуковых сигналов. Впрочем, проверять это не было ни времени, ни желания.

— Ветер... — негромко сказал Мура.

Дэйн уже и сам ощутил встречное движение воздуха. Холодного воздуха. Чуть сдобренного запахами зелени.

Они устремились вперед и скоро обнаружили в стене квадратное отверстие, из которого с шуршащим гулом била воздушная струя.

— Вентиляция! — сказал Кости. Он вытащил фонарик и сунул голову и плечи в черную дыру. — Здесь можно пролезть, — сообщил он, света в темноту фонариком.

— Ладно, запомним, — заметил Мура. — Но сначала давайте дойдем до конца коридора.

Через двадцать минут они уперлись в стену. На этот раз Кости не упал духом.

— Ну, Фрэнк, достань-ка свою дудку, — сказал он. — Пусть этот сезам откроет нам путь...

Но Мура не торопился доставать манок. С фонариком в руке он обследовал преграду. Перед ним была не гладкая поверхность — дело рук Предтеч, а грубый, шершавый камень.

— Эта стена вряд ли послушается моей дудки, — сказал Мура. — Здесь конец пути.

— Но должен же коридор куда-нибудь вести, — возразил Дэйн.

— Да, — согласился Мура. — В стенах коридора наверняка много ходов, которых мы не видим. Но мы не знаем комбинаций звуков, чтобы их открыть. По-моему, не стоит тратить время на поиски этих комбинаций. Лучше вернемся к воздухопроводу. Если он снабжает воздухом целую систему ходов, возможно, он приведет нас к другому коридору.

Они вернулись к вентилятору. Как и сказал Кости, вентиляционная труба была достаточно велика, чтобы по ней можно было ползти.

Один за другим они залезли в трубу и на четвереньках поползли в темноту, навстречу потоку воздуха. Пыли здесь совершенно не было.

Впереди полз Мура с фонариком в руке. Гладкий пол под ними мерно вибрировал — установка продолжала работать.

Стюард вдруг выключил фонарик и хрипло прошептал:

— Впереди свет...

Когда глаза Дэйна привыкли к темноте, он тоже увидел этот свет — бледный сероватый квадрат. Вентиляционная труба кончалась.

Но когда они подползли поближе, оказалось, что выход забран металлической решеткой. Ячейки ее были достаточно велики, чтобы просунуть руку. Мура прильнул лицом к решетке, и впервые за все время у него вырвалось что-то вроде изумленного возгласа. Дэйн похлопал стюарда по спине, как бы напоминая, что им с Кости тоже хочется посмотреть.

Мура прижался к стене, и Дэйн занял его место. За решеткой открывалось огромное пустое пространство. Казалось, что пустота заполняет всю внутренность горы. Ни свода, ни противоположной стены гигантского помещения не было даже видно,

а все дно его — сколько хватало глаз — занимало самое поразительное сооружение, какое Дэйн когда-либо видел.

Сначала Дэйну показалось, что под ним что-то вроде невообразимо огромных пчелиных сотов. Но ячейки сильно различались по форме и размерам. Некоторые были шестиугольные, некоторые же представляли собой неправильные восьмиугольники; одни были полностью замкнуты, другие соединялись проходами. Чем дольше смотрел Дэйн, тем отчетливее возникало у него представление о колоссальном лабиринте, видимом сверху. Но этот лабиринт был проходим! Его можно было пройти поверху, по широким, метровой толщины, стенам, разделявшим ячейки. «Так и придется сделать, — подумал Дэйн. — Пути назад все равно нет...» Он попытался, давая место у решетки Кости.

Кости глянул и крикнул от изумления.

— Для чего все это? — спросил он. — Здесь же нет никакого смысла!

— Да, по нашим понятиям смысла здесь нет, — согласился Мура. — Но построено это на совесть и, следовательно, с какой-то целью. Никто не стал бы строить такое сооружение просто так.

Дэйн протянул руку через плечо Кости и потряс решетку.

— Это придется выломать, — сказал он.

— А потом что? — спросил Кости. — Крыльев-то у нас ведь нет...

— А потом мы спустимся вниз, на стены — они достаточно широкие, и по ним можно идти...

Некоторое время Кости молчал. Затем он оцупал металлические прутья.

— Придется повозиться, — пробормотал он и принялся извлекать из сумки инструменты.

Так, в согнутом положении, они и поели, достав еду из неприкосновенного запаса. Серый свет в пещере не тускнел и не становился ярче, и время суток можно было определить только по часам. Казалось, что это полночь — а часы показывали середину дня.

Кости проглотил свою порцию синтепищи и вновь принялся за работу. Полтора часа спустя он отложил инструменты.

— Ну-ка, — пробормотал он и, взявшись за решетку обеими руками, без особых усилий вытолкнул ее наружу. Проход был открыт. Но вопреки ожиданиям Дэйна, Кости не полез сквозь отверстие. Вместо этого он отполз, пропуская Муру и Дэйна. Мура просунул в отверстие голову, потом оглянулся.

— Слишком высоко для меня, — сказал он. — Около двух метров. Вам придется мне помочь.

Он закинул руки назад, и Дэйн крепко взял его за кисти. Потом стюард ногами вперед сполз в отверстие. Когда он повис, Дэйн заскользил вслед за ним, но Кости обхватил его за ноги.

— Все в порядке, — сообщил Мура и отбежал по стене вправо.

Дэйн просунул ноги в отверстие, готовясь к спуску.

— Счастливого пути, — сказал Кости из темноты.

Голос у него был какой-то странный, и Дэйн остановился.

— То есть как?

— То есть дальше вы пойдете без меня, парень, — грустно и спокойно сказал Кости. — У меня голова не так устроена, чтобы ходить по стенам. Два шага, и я скovyрнусь вниз...

Дэйн совершенно забыл об этой слабости гиганта. Но что делать? Единственный путь отсюда — по стенам, а идти по стенам Кости не может. Но не оставлять же его здесь одного?..

— Слушай, парень, — продолжал Кости. — Вы идите. Если найдете выход, я уж как-нибудь доползу до него. А пока вы будете искать, я буду только мешать. Так что разумнее мне остаться.

Может быть, оно было и разумнее, но Дэйн не мог на это согласиться. Впрочем, Кости не дал ему даже возразить. Он ухватил его за руки и спустил вниз. Дэйн не успел опомниться, как ноги его коснулись стены. Затем Кости разжал руки. Дэйн беспомощно обернулся к Мура.

— Кости остался. Говорит, ему здесь не пройти.

Мура кивнул.

— Да, сейчас бы он не смог здесь пройти. Но если мы найдем выход, мы вернемся и заберем его. Без него мы пойдем быстрее, и Кости это понимает...

Все еще чувствуя себя предателем, Дэйн неохотно последовал за стюардом, который с кошачьей легкостью и ловкостью ступал по плоской поверхности, направляясь к центру лабиринта. Стены были метров шесть высотой, помещения и коридоры, которые они образовывали, были совершенно пусты. Можно было подумать, что за много веков сюда не ступала человеческая нога, но Мура вдруг негромко вскрикнул и направил луч фонарика вниз, в глубину узкого прохода.

Свет упал на кучу белых костей, на голый череп с пустыми глазницами. Нет, по крайней мере одно существо побывало в этом лабиринте и осталось здесь навсегда.

В луче фонарика темнело какое-то тряпье, тускло поблескивала пряжка из никелированного металла.

— Узник... — проговорил Мура. — Да, в этом лабиринте человек может бродить до самой смерти и так и не найдет выхода...

— Вы думаете, он лежит здесь с того самого времени... —

неуверенно произнес Дэйн, затрудняясь сказать, когда именно произошла катастрофа на Лимбо и был разрушен город.

— Нет. Ведь это был человек, такой же, как и мы. Конечно, он лежал здесь давно, но он не из тех, кто строил этот лабиринт...

И они пошли дальше, переходя со стены на стену. Одни стены уводили их от направления на центр, а другие возвращали — изгибались, ломались, сближались, расходились. Оба они внимательно смотрели вниз. Дэйн уже понял, что пространство, занятое удивительным сотоподобным сооружением, гораздо больше, чем казалось из воздухопровода. Площадь лабиринта составляла, вероятно, несколько квадратных миль. Несколько квадратных миль причудливо изломанных стен, огораживающих пустоту.

— Должна же быть какая-то цель... — бормотал Мура на ходу. — Какая-то задача... Но какая? Все линии какие-то неправильные... как у построек в городе... Это — сооружение Предтеч, но для чего оно?..

— Тюрьма? — предположил Дэйн. — Вы же сами сказали, человеку отсюда вовек не выбраться. Здесь и тюрьма, и способ казни.

— Нет, — сказал Мура. — Слишком все это велико. Люди не станут строить таких зданий только для того, чтобы управляться с преступниками. Для свершения правосудия существуют более простые и экономичные способы.

— А может, Предтечи были не люди, — возразил Дэйн.

— Может быть, не такие люди, как мы... но что мы понимаем под словом «люди»? Мы называем людьми разумные существа, которые в той или иной степени способны властвовать над окружающей природой и над своей судьбой. В этом смысле Предтечи были, несомненно, людьми, и никто не убедит меня, что они построили эту громадину только для того, чтобы держать здесь своих преступников и казнить их.

Ни Дэйн, ни Мура не боялись высоты, но тем не менее не решались идти слишком быстро. Дэйн обнаружил, что нельзя долго смотреть под ноги — начинала кружиться голова, подташнивало и приходилось останавливаться, заирать голову и некоторое время отдыхать, глядя в безликую серую пустоту вверх. И все время они ощущали вибрацию, биение пульса могучей машины, скрытой где-то во чреве горного хребта, в гигантских подземельях этой фантастической крепости, частью которой, и немаловажной, видимо, был этот лабиринт. А неправильные, как выразился Мура, линии лабиринта порождали в душах людей тревогу и страх.

Второй труп они обнаружили часа через два. На этот раз луч

фонарика вырвал из темноты форменную куртку с эмблемой Службы изысканий.

— Не знаю, что строили Предтечи, — угрюмо сказал Дэйн, — но теперь-то ясно: это определенно тюрьма.

— Смотрите, он здесь уже несколько месяцев, — сказал Мура, но Дэйн не стал смотреть. — Возможно, он с «Римболда»... А может, с какого-нибудь другого корабля...

— Кораблей здесь погибло много, — сказал Дэйн, — так что держу пари, что и трупов здесь хватает.

— Что верно, то верно, — сказал Мура, поднимаясь с колен. — Ну что ж, помочь этому бедняге мы уже не можем... Пошли.

Дэйн только того и ждал. Он рванулся было вперед, но стюард вдруг поднял руку и громко скомандовал:

— Стоп!

Дэйн послушно остановился. Стюард напряженно прислушивался к чему-то. И тогда Дэйн тоже услышал: топот ног, клацканье магнитных подков по камню. Звук был такой, словно идущий пошатывался и спотыкался на ходу. Мура постоял, потом свернул вправо и быстро пошел обратно в том направлении, откуда они пришли.

Звуки шагов вдруг затихли, и Мура завертелся на месте, как охотничий пес, потерявший след. Он сделал несколько неуверенных шагов по одной стене, вернулся и пошел по другой, светя фонариком в тьму под ногами.

Потом он стоял и ждал, пока снова не послышался звон магнитных подковок. Теперь это были медленные, с большими перерывами шаги, будто идущий совсем выбился из сил. Еще один бедняга блуждает по лабиринту. Если бы только найти его... Дэйн бросился туда, откуда, как ему казалось, доносился шум шагов узника.

Но в этом лабиринте звук был очень неверным ориентиром. Стены отражали и заглушали его, так что определить можно было только самое общее направление. Мура и Дэйн двигались параллельно, стараясь держаться так, чтобы между ними оставалось не больше двух помещений. Теперь они шли медленно, освещая каждый уголок внизу.

Наконец на дне шестиугольной комнаты со стенами неравной длины Дэйн заметил какое-то движение. Он посветил. Узник стоял, пошатываясь; голова его была опущена, он держался рукой за стену.

— Сюда! — позвал Дэйн стюарда.

Человек сделал несколько неверных шагов, наткнулся на другую стену и со стоном упал ничком. Он лежал на дне глубокого колодца, а Дэйн глядел на гладкие стены и думал, как же спуститься вниз, чтобы помочь ему.

Подбежал Мура, двигаясь с такой легкостью, словно всю жизнь только и делал, что бегал по стенам лабиринтов. Теперь распростертое тело освещали два фонарика, и в их свете они отчетливо увидели, что человек внизу одет в изодранную желтую куртку Торгового флота. Это был вольный торговец, такой же, как они сами. Они не были уверены, заметил ли он свет фонариков, но он вдруг застонал и перевернулся на спину. Видимо, его зверски и умело избивали — лицо у него было опухшее, покрыто синяками и запекшейся кровью. Дэйн, может, и не узнал бы его, но Мура не колебался ни секунды.

— Али!

Возможно, Камил услышал этот возглас, а возможно, огромным усилием воли заставил себя очнуться — он снова застонал и попытался разглядеть их сквозь заплывшие веки, а потом произнес что-то неразборчивое, еле шевеля разбитыми губами.

— Али! — позвал его Мура. — Мы здесь. Вы меня слышите?

Задирая к ним черное лицо, Камил с трудом произнес:

— Кто?.. Не вижу...

— Мура и Торсон! — стараясь говорить отчетливо, ответил стюард. — Вы меня понимаете? Мура и Торсон!

— Ничего не вижу... ослаб... голоден...

— Как же мы спустимся? — спросил Дэйн. Если бы у них были тросы! Но они остались на краулере...

Мура отстегнул свой ремень.

— У нас два ремня, — сказал он.

— Но их же не хватит!..

— Да, не хватит, но мы посмотрим...

Стюард соединил ремни пряжками и сказал:

— Вам придется спустить меня туда. Удержите?

Дэйн с сомнением огляделся. Зацепиться на стене было совершенно не за что. Если стюард его перевесит, они вместе свалятся вниз. Но иного выхода не было.

— Постараюсь...

Он лег на живот, вцепился левой рукой и носками ботинок в закраины стены и намотал конец ремня на правую руку. Тем временем Мура вытащил бластер и отрегулировал разрядное устройство.

— Ну, я пошел, — сказал он и стал спускаться.

Когда он повис, Дэйн стиснул зубы, мускулы в плечах нестерпимо заныли, хрустнули суставы. Затем жаркая вспышка опалила ему лицо, и он поспешно закрыл глаза и отвернулся. Нос и глотка наполнились едкими испарениями. Теперь он понял, что задумал Мура — стюард выжигал бластером ступеньки в стене.

16. СЕРДЦЕ ЛИМБО

Внезапно тяжесть в руке исчезла. Дэйн с облегчением перевел дух и поглядел вниз. На гладкой поверхности стены он увидел вертикальный ряд щелей — черных, остывших вверх и все еще раскаленных, багрово светящихся внизу. Онемевшие пальцы разжались, и ремни упали на пол.

Когда последние ступеньки остыли и тоже почернели, Дэйн натянул перчатки и полез вниз. Спускаться было нетрудно. Правда, Мура вырезал последнюю ступеньку примерно на высоте человеческого роста, но это уже было не страшно.

Мура распаковал походную аптечку и начал обрабатывать избитое лицо Али.

— Свет, пожалуйста! — нетерпеливо бросил он Дэйну через плечо. — Возьмите фонарик и посветите мне.

Дэйн светил, пока стюард оказывал Али первую помощь. Вскоре Али разлепил веки, страшная опухоль чуть опала. Его накормили и дали глоток тонизатора. Улыбаться он еще не мог, но когда заговорил, в голосе его послышались нотки обычной иронии:

— Откуда вы взялись? Прилетели на флиттере?

Мура поднялся на ноги, поглядел в серую пустоту над головой и серьезно ответил:

— Нет. Но флиттер бы здесь пригодился.

— Да, что верно, то верно... — проговорил Али. Говорить ему было трудно, но он упрямо продолжал: — Я уж думал, мне конец... Когда этот подлец Рич засунул меня сюда, он сказал, что умный человек выход отсюда найдет, а дурака не жалко... Но, по моему, тут никакой ум не поможет, если у тебя нет крыльев...

— А что у них здесь? — спросил Дэйн. — Тюрьма?

— И тюрьма, и еще кое-что... Вы знаете, что происходит на этой планете? — голос Али задрожал от возбуждения. — Они нашли здесь установку Предтеч — она до сих пор работает! Захватывает любой корабль в пределах досягаемости, и все они разбиваются. После этого банда Рича обирает их до нитки...

— Да, мы знаем, — сказал Дэйн. — Этой установкой они пригвоздили нашу «Королеву». Стоит только ей подняться, как она попадет в их сети.

— Ах, вот оно что... — проговорил Али. — То-то машина теперь работает у них без передышки... Я подслушал один разговор — еще до того, как меня сюда бросили, — они спорили, сможет ли она работать так долго без перерыва. Думаю, обычно она включается и выключается автоматически, по какой-то программе... Но они в ней не разбираются... А ключ ко всему — где-то здесь, в этом проклятом лабиринте...

— Установка здесь, в лабиринте? — переспросил Мура и огляделся, словно ожидал, что стены лабиринта тут же откроют ему свои секреты.

— Либо вся установка, либо какая-то важная ее часть... — подтвердил Али. — Через лабиринт до нее можно добраться. Только мы не знаем дороги... Я уже давно здесь брожу и дважды слышал человеческие голоса — один раз совсем рядом, за стеной. Но мне так и не удалось найти правильный путь... — Али вздохнул. — Господи, я уж совсем подыхал, когда вы вдруг свалились на меня прямо с неба.

Дэйн застегнул ремень, достал бластер и, отрегулировав разрядник на малое напряжение, принялся вырезать недостающие ступени в стене.

— Ничего, — сказал он. — Сейчас мы ее поищем...

— Вы поищите, — сказал ему Мура. — Вы отправитесь искать и найдете. При этом избегайте всякого риска. Али пока не может пройти поверху. Вы найдете тот путь, о котором говорит Али, а затем вернетесь и покажете нам дорогу. Мы пойдем низом...

Это было разумно. Дэйн кивнул и присел на корточки, дожидаясь, когда остынут раскаленные ступеньки. Мура рассказал Али обо всем, что произошло с того момента, как его схватили. Али в свою очередь принялся рассказывать о том, что с ним стряслось.

— Они поджидали меня в засаде. Их было двое, и они разом напали на меня... — Он откровенно стыдился собственной неосмотрительности. — У них до черта летательных аппаратов. Что аппараты! Великий Космос, да Лимбо — это склад техники Предтеч! Рич со своей бандой пользуется этими машинами, а сам не знает ни их назначения, ни как они действуют! Эти горы — настоящая сокровищница!.. Ну ладно... Когда я очнулся, меня везли связанного на таком червяке-краулере, вы, верно, их видели... Потом у меня был небольшой разговор с Ричем и несколькими его опытными палачами... — Али не вдавался в подробности, но на лице его сохранились красноречивые следы этой встречи. — Затем они отпустили несколько острот, и меня впахнули сюда, и с тех пор я так и ходил кругами по этим коридорам... Но вот что главное: Лимбо — то самое, за чем Федерация охотится многие годы. Техника Предтеч, новенькая, с иголочки... Если мы когда-нибудь отсюда выберемся...

— Да, прежде всего нужно отсюда выбраться, — прервал его Мура. — А еще прежде нам надо отыскать установку...

Дэйн посмотрел вверх, на край стены.

— А как я вас найду?

— По пеленгу. И кроме того... — Мура достал фонарик, поставил его на пол рефлектором вверх и включил на малую

мощность. — Когда заберетесь, посмотрите. По-моему, видно будет хорошо.

Цепляясь за края выжженных ступенек, Дэйн забрался на стену и выпрямился. Да, узкий луч фонарика бил прямо в зенит, совершенно так же, как луч маяка на «Королеве». Дэйн помахал рукой Али и Муре и пустился в путь. Стены изгибались, уводя его то вправо, то влево, но он все время держался направления на центр лабиринта, где, как полагал Али, находилось сердце установки. Он внимательно следил за коридорами лабиринта, но ему так и не удалось заметить ни одного, который не кончался бы тупиком. Возможно, некоторые из этих тупиков можно было бы открыть ультразвуковым свистком, но для постороннего глаза все они казались одинаковыми и непроходимыми.

Потом Дэйн заметил, что вибрация под ногами усиливается. Видимо, он приближался к источнику этого ритмичного биения. Вдруг впереди показалось странное сияние, подсвечивающее серую мглу. Это был не прожектор, сияние скорее напоминало излучение стен в коридорах, но оно было гораздо сильнее. Он замедлил шаги и стал ступать с особенной осторожностью, боясь выдать себя клацаньем магнитных подков.

Прежде всего он увидел двойную стену, огораживающую обширное пространство овальной формы. Стены отстояли примерно на метр друг от друга. Дэйн рискнул перепрыгнуть на внутреннюю стену, опустился на четвереньки и, осторожно вытянув шею, заглянул внутрь овального зала. То, что ему открылось, поразило его.

Там были машины — огромные башнеподобные чудища, заключенные в блестящие металлические кожухи. А треть поверхности стены напротив занимал пульт управления — россыпь циферблатов, клавиш, кнопок, мерцающих ламп и в центре широкий экран, напоминающий главный видеозэкран на «Королеве». Но экран этот был совершенно черный, и голубые искры зигзагами пробегали по нему сверху вниз.

В зале было три человека, все трое глядели на экран. Дэйн узнал Салзара Рича и ригелианина, который прибыл вместе с ними на «Королеву». Третьего, сидевшего перед экраном в кресле, положив руки на панель с клавиатурой, Дэйн никогда раньше не видел.

«Вот оно, гнусное сердце Лимбо, превратившее планету-пепелище в угрозу для этого уголка космоса!.. И пока это сердце бьется, «Королева» находится в опасности, и мы ничего не можем сделать. Впрочем, так ли уж мы беспомощны?.. — По спине Дэйна пробежал холодок возбуждения. — Ведь Рич управляет машиной, хотя толком в ней не разбирается. А в опытных руках

она может стать безвредной... Что, если попытаться подсмотреть, как это делается, и освободить «Королеву» из плена?»

Дэйн лег на живот и подполз поближе к собравшимся. Голубые огоньки продолжали мелькать на экране, и тройка гангстеров сосредоточенно и с беспокойством следила за ними. Они не трогали ни клавиш, ни кнопок, только смотрели на экран и молчали.

Несколько минут Дэйн лежал, распластавшись на стене, и вдруг в глубине лабиринта послышался топот бегущих ног. Дэйн приподнял голову и увидел еще одного гангстера — он выскочил из кривого коридора в многоугольную комнату, примыкавшую к внешней стене овального зала. Перед стеной гангстер остановился и, задрав голову, заорал что было мочи, так что голос его гулким эхом отдался в глубине пещеры:

— Салзар!

Рич вздрогнул от неожиданности, протянул руку и нажал какую-то кнопку сбоку панели. Стены расступились и пропустили вновь прибывшего.

— В чем дело? — с холодным раздражением спросил Рич.

Запыхавшийся гангстер отдувался, мясистое лицо его было багровым.

— Сообщение Алгара, шеф, — проговорил он наконец. — Алгар приближается... и на хвосте у него висит полицейский крейсер...

— Полицейский крейсер? — Человек, сидевший перед экраном, резко повернулся. Челюсть у него отвалилась.

— Вы их предупредили, что машина включена? — спросил Рич.

— Конечно, предупредили. Но он не может больше маневрировать. Либо он сядет, либо его настигнут...

Некоторое время Рич стоял молча, поглядывая на экран. Ригелианин проворчал:

— Сколько раз я говорил, что надо установить радиостанцию здесь!

— А что бы ты делал с радиопомехами?... — начал было человек в кресле.

Но его прервал Рич. Резким повелительным тоном он обратился к посыльному:

— Возвращайся наверх и передай Дженнису, чтобы он сообщил Алгару следующее. Ровно через два часа... — он взглянул на часы, — ровно через два часа мы выключим машину. Выключим ровно на час. За этот час он должен успеть сесть. Неважно, если он при посадке повредит свое старое корыто, — сам-то он спасется, я уверен. Потом мы снова включим машину и разобьем крейсер. Повтори.

— Два часа... Затем выключается на час... Он должен успеть сесть... Затем включается... — отбарабанил посыльный. — Ясно!

Он повернулся, выскочил из зала и затопал, удаляясь по коридору.

На мгновение Дэйну захотелось раздвоиться, чтобы пройти за посыльным к выходу из лабиринта. Но сейчас было гораздо важнее узнать, как Рич будет выключать машину.

— Думаешь, Алгару это удастся? — спросил человек в кресле.

— Двенадцать против двух, что удастся, — отозвался ригелианин. — Алгар — отличный пилот.

— Гм... — с сомнением проговорил человек в кресле. — Ему ведь придется войти в поле и включить тормозные двигатели точно в тот момент, когда мы снимем поле... Рискованная штука.

Рич все смотрел на экран. На черной поверхности появились два новых огонька и тотчас беспорядочно задвигались.

Губы Рича шевелились, словно он отсчитывал про себя секунды, глаза перебегали с часов на экран и обратно. Напряжение в овальном зале возрастало. Человек в кресле сгорбился, не отрывая взгляда от ряда клавиш под руками. Внезапно ригелианин скользящим бесшумным шагом передвинулся к дальнему краю пульта управления, протянул к какому-то рычагу костлявую голубую руку с шестью пальцами.

— Стой! — крикнул вдруг человек в кресле. — Снова сбой!..

Рич грязно выругался. Огоньки на экране заплесали в бешеном танце, и Дэйн почувствовал, что ритм пульсации изменился — машина действительно сбила. Рич прыгнул к клавишной панели.

— Переключай! — рявкнул он. — Живо!

Человек в кресле повернул к нему лоснящееся от пота лицо.

— Не могу! — заорал он. — Мы же не знаем, почему так получается!..

— Уменьши радиус поля, — спокойно посоветовал ригелианин. Из всех троих он один сохранял хладнокровие. — Помните, однажды это помогло...

Человек в кресле нажал на две клавиши. Все устали на экран. Бешеный танец огоньков замедлился, теперь экран выглядел почти таким же, каким его впервые увидел Дэйн.

— Где сейчас проходит верхняя граница поля? — спросил Рич.

— На уровне атмосферы.

— А где корабли?

Человек в кресле взглянул на циферблаты.

— Еще далеко. Они подойдут к пределу досягаемости не раньше чем через час... возможно, через два. Но теперь понадобится время, чтобы восстановить максимальную мощность...

Одно утешение: к проклятому торгашу все это не относится — он-то не взлетит.

Рич достал из кармана маленькую коробочку, отсыпал из нее что-то на ладонь и слизнул языком.

— Приятно слышать, — сказал он, — что у тебя хоть что-то идет как надо.

Голос у него был такой, что у Дэйна мурашки пошли по телу.

— Мы же ничего не знаем об этой машине... — оправдываясь, проговорил человек в кресле. — Мы не умеем ею пользоваться. Начать с того, что ее строили Предтечи...

— Когда ты восстановишь максимальную мощность, — если тебе это удастся, — дай мне знать.

«Часа два, тот сказал, — подумал Дэйн. — За эти два часа я успею привести сюда Мура... а может, и Кости... и Али... Этот рычаг, к которому потянулся ригелианин, — он, наверно, управляет чем-то важным... Если бы нам удалось захватить этот зал и этих людей, мы бы смогли узнать о машине все что нужно... и сделали бы так, чтобы полицейский крейсер сел сразу вслед за пиратом... Что же мне делать?»

За него решил Рич. Продолжая жевать свою жвачку, он направился к тайному выходу.

— Так говоришь, два часа? — сказал он через плечо. — Для всех нас будет куда лучше, если ты сократишь этот срок наполовину. Понял? Я вернусь через час, и будь готов к этому времени дать мне полную мощность.

Коротко кивнув ригелианину, Рич вышел.

Теперь Дэйн был готов идти за ним. Он дал Ричу отойти, а затем двинулся следом. Рич шагал уверенно, сразу было видно, что он отлично знает дорогу. Еще до того, как вдали в сером сумраке засветился луч фонарика Муры, Дэйн уже знал формулу пути к выходу из лабиринта. Два поворота направо, один налево, еще три направо, пропустить один проход. И снова: два поворота направо, один налево и так далее до самого выхода. Рич на глазах у Дэйна проделал этот цикл четыре раза подряд, после чего Дэйн остановился, подождал, когда Рич пройдет вперед, а сам пошел на маяк, к Муре и Али.

Али чувствовал себя гораздо лучше — он уже бодро рассказывал взад-вперед. Дэйн спустился со стены и принялся рассказывать.

— ...Вот так обстоят дела, — закончил он свой рассказ. — Крейсер гонится за пиратом по пятам. Пока они не вошли в атмосферу, ничего не случится, но как только машина наберет максимальную мощность... — он щелкнул пальцами.

— Теперь дело за нами, — сказал Али. — Мы должны во что бы то ни стало выключить эту машину. Полностью.

— Да, — сказал Мура, направляясь к «лестнице». — Но сначала надо доставить сюда Кости... 12

— Как же мы его доставим? — спросил Дэйн. — Он ведь не может ходить по этим стенам. 13

— Когда есть только один выход, человек может сделать все что угодно, — ответил Мура. — Вы оставайтесь здесь. Я приведу Кости. Но сначала, Торсон, покажите мне дорогу к машинному залу.

Дэйн снова вскарабкался на стену и довел стюарда до того места, где в последний раз видел Рича. Там он объяснил Муре формулу движения. Мура улыбнулся своей безмятежной улыбкой.

— Очень просто, не так ли? — сказал он. — А теперь возвращайтесь к Камилу и ждите меня... И не делайте никаких глупостей. Все это очень интересно.

Дэйн послушно вернулся на их временную стоянку. Камил сидел на полу, прислонившись к стене, и глядел на фонарик. Когда Дэйн спустился, клацнув магнитными подковами об пол, помощник механика обернулся к нему.

— Добро пожаловать, — сказал он. — И расскажи мне подробнее об этой установке.

Он учинил Дэйну настоящий допрос, в результате которого Дэйн был вынужден признаться самому себе, что он еще очень плохой вольный торговец, ибо вольному торговцу надлежит глядеть в оба и замечать все. А он, как выяснилось, не заметил почти ничего. Машину он не разглядел из-за стальных кожухов, в пульте управления совершенно не разобрался, потому что следил не за пультом, а за людьми у пульта. Короче говоря, самое интересное от него ускользнуло, и к тому времени, когда Али прекратил допрос, Дэйн снова ощущал собственную неполноценность, с одной стороны, и прежнюю неприязнь к помощнику механика — с другой. 14

— Откуда же она все-таки берет энергию? — недоуменно спросил Али. — У нас нет ничего похожего — решительно ничего! Должно быть, они обогнали нас на многие годы, возможно, на целые поколения. Но ничего, теперь мы их нагоним!..

— При условии, что нам удастся завладеть всем этим, — не без иронии заметил Дэйн. — Ведь мы еще не победили.

— Но и поражения не потерпели! — возразил Али.

Роли их явно переменялись. Теперь Камил строил воздушные замки, а Дэйн их разрушал.

— Нам бы со Штоцем этот зал хоть на два часа! Нет, черт возьми, нам здорово повезло, что мы купили эту Лимбо!..

Было совершенно очевидно: Али и думать забыл, что господином положения пока остается Рич, что «Королева» стоит,

прикованная к грунту, что противник по-прежнему во много раз сильнее их. И чем лучезарнее представлялось Али будущее, тем мрачнее глядел Дэйн на настоящее. Тихий окрик сверху заставил их обоих поднять головы.

— Мура! — Дэйн вскочил на ноги. Мура не оплошал: Кости стоял рядом с ним, держась за его плечо.

— Тише! — сказал Мура. — Поднимайтесь на стену. И побыстрее. Время не ждет.

Али полез первым, тихонько вскрикивая от боли в разбитом теле. Дэйн подобрал фонарик, включил его на полную мощность и полез следом.

— Теперь мы сделаем так, — сказал Мура. Он снова взял на себя роль командира, которую выполнял с тех пор, как они очутились в подземелье. — Кости и Али пойдут низом, по той дороге, где шел Рич. Мы с Торсоном пойдем по стенам. Они ждут Рича. Кости и Али войдут через дверь, а мы нападём сверху. Главная задача: добраться до рычага и выключить машину. И надо сделать все возможное, чтобы они не смогли включить ее снова. А теперь — вперед!

И они двинулись в путь. Кости шел медленно, цепляясь за плечо стюарда, ноги у него подкашивались. Дойдя до дороги, ведущей к машинному залу, они снова сцепили ремни и спустились Кости и Али в проход.

Сияние над машинным залом служило им отличным ориентиром, и они добрались до овальной стены без всякого труда. Здесь Мура дал знак Кости, и тот, подражая давешнему посыльному, заорал во всю глотку:

— Салзар!

Глаза Дэйна были прикованы к ригелианину. Ригелианин поднял голову и уставился круглыми глазами на то место, где должен был открыться проход. Все должно обойтись хорошо: костлявая голубая рука потянулась к кнопке на краю клавишной панели. А за стеной Кости держал наготове бластер, и безоружный Али стоял позади него.

17. СЕРДЦЕ ОСТАНОВИЛОСЬ

Стена сдвинулась, Кости прыгнул в образовавшийся проход, и в тот же миг Мура крикнул со стены:

— Ни с места! Вы под прицелом!

Человек в кресле резко обернулся и уставился на Кости, лицо его сделалось похожим на гипсовую маску. Но ригелианин не растерялся. Его рука с неуловимой быстротой метнулась к какой-то другой клавише. Дэйн выстрелил и попал не в него, а в

пульт рядом с ним. Человек в кресле дико завизжал. Его визгом отдался в лабиринте. Ригелианин упал на пол, но тут же вскочил и прыгнул на Кости.

Гигант отшатнулся, но ригелианин уже вцепился в него, и они повалились, заламывая друг другу руки. Человек в кресле не шевелился — он только всхлипывал и бормотал что-то нечленораздельное.

Тем временем Али, придерживаясь за стену, обогнул зал и приблизился к пулту. Ноги его подкашивались.

— Где этот рычаг? — спросил он, подняв к Дэйну избитое лицо.

— Прямо перед тобой... Вон тот, черный... с каким-то механизмом на рукоятке... — крикнул Дэйн.

При этих словах человек в кресле взглянул вверх и обнаружил на стене двух вольных торговцев. Почему-то их присутствие неожиданно придало ему сил, он схватился за кобуру. И сейчас же разряд бластера прошел воздух у самой его головы, так что его, должно быть, обожгло палящим лучом.

— Руки! — гаркнул Мура и голос его загремел, как у капитана. — Встать! Руки вверх! Живо!

Гангстер послушно поднялся и, наклонившись, уперся руками в экран. Но тут, повернув голову, он увидел, что делает Али, и на лице его появилось выражение ужаса.

— Не надо! — закричал он.

Али не обратил на него никакого внимания. Ухватившись за черную рукоять, он изо всех сил потянул ее на себя. Гангстер снова завизжал, и вдруг наступила тишина. Смолкло гудение машины, прекратилась вибрация, сотрясавшая стены.

Ригелианин вырвался из рук Кости, поскользнулся, упал, а Али уже всем телом повис на рычаге, рычаг сломался, и, увидев это, гангстер, стоявший перед экраном, словно взбесился. Забыв о направленном на него бластере Муры, он с хриплым рычанием, вытянув руки со скрюченными пальцами, рванулся к Али.

Это застало Дэйна врасплох: он следил за ригелианином, которого считал самым опасным из этой компании. Зато Мура не дремал и аккуратно срезал из бластера этого сумасшедшего, прежде чем он успел добраться до горла Али. Гангстер захрипел и повалился ничком. Дэйн был очень рад, что не успел увидеть его обутленного лица.

Ригелианин поднялся на ноги, его змеиные немигающие глаза уставились на Муру и Дэйна, держащих в руках бластеры. Затем он отвел глаза и, не обращая ни малейшего внимания на Кости, принялся засовывать за ремень выбившуюся рубашку.

— Вы приговорили всех нас к гибели, — ровным бесстрастным голосом проговорил он на жаргоне вольных торговцев.

Кости подошел к нему.

— А ну, подними руки и не вздумай выкинуть какой-нибудь фокус, — сказал он.

Ригелианин пожал плечами.

— Теперь уже никакие фокусы не нужны, — сказал он. — Всем нам каюк. Мы в ловушке.

Али ухватился за спинку кресла и сел. Экран над его головой был пуст, мертв.

— И что же это за ловушка? — спросил Мура.

— Вы сломали этот рычаг. Теперь вся система управления машиной разрушена. — Ригелианин прислонился к стене в непринужденной позе. Его чешуйчатое лицо было лишено всякого выражения. — Нам никогда не выбраться отсюда. Сейчас наступит тьма.

И тут впервые Дэйн заметил, что прозрачный серый свет, заполнявший пещеру, как будто померк. Так тускнеют угли в догоревшем костре.

— И вдобавок мы заперты, — безжалостно продолжал ригелианин. — Ключ вы сломали и выйти отсюда теперь невозможно.

Кости расхохотался.

— Нечего разыгрывать перед нами «шепчущего», — прогремел он. — Подумаешь — тьма! А это ты видел? — он достал и включил фонарик.

Ригелианин даже не повернул головы.

— Мы не знаем всех тайн этого подземелья, — сказал он. — Вряд ли ваши фонарики пригодятся вам здесь.

Дэйн сказал Муре:

— Надо бы уходить поскорее... пока светло...

Мура кивнул и обратился к ригелианину:

— Вы смогли бы открыть дверь?

Тот покачал головой. Тогда Кости принялся за дело. При помощи бластера он принялся быстро резать щели в стене. Дэйн приплясывал от нетерпения, ему казалось, что выжженные щели никогда не остынут.

Но вот наконец все они перелезли через стену и двинулись по коридору. Кости тащил ригелианина за собой, связав ему руки его же собственным ремнем. Идти приходилось довольно медленно, потому что даже с помощью товарищей Али едва волочил ноги. А между тем тьма все сгущалась, серое свечение почти исчезло.

Мура включил свой фонарик.

— Будем пользоваться только одним фонариком. Надо беречь аккумуляторы.

Дэйн удивился — ведь аккумуляторы фонариков рассчитаны на несколько месяцев непрерывной работы. Однако через несколько минут ярко-желтый луч света потускнел и сделался бледным, сероватым.

— Он у вас на полной мощности? — спросил Али.

Было слышно, как в темноте позади злорадно фыркнул ригелианин. Мура ответил:

— Да, на самой полной.

Все молчали, но Дэйн чувствовал, что не он один смотрит на бледное пятно света с возрастающим беспокойством. И когда фонарик перестал освещать даже пол под ногами, Дэйн в общем не удивился. Но Кости удивился.

— Что там у вас случилось? — прогудел он. — Темно ведь. Погодите-ка... — и он включил свой фонарик.

Минуты две тьму пронизывал яркий чистый луч, а затем он тоже стал быстро тускнеть, словно что-то в атмосфере жадно опустошало аккумуляторы.

— Любая энергия в этой пещере сейчас вырождается, — сказал ригелианин. — Мы не знаем, почему так происходит, но это как-то связано с работой установки. Исчезает свет, а потом и воздух...

Дэйн торопливо вздохнул полной грудью. Воздух как воздух — холодный, свежий... Возможно, насчет воздуха ригелианин преувеличил, чтобы их припугнуть. Тем не менее все ускорили шаг.

Какое-то время меркнущий свет фонарика еще позволял им следовать путем Рича. Теперь, когда машина не работала, кругом стояла тяжелая тишина, в которой слышалось только эхо от клацанья магнитных подковок. Выдохся фонарик Кости, Дэйн зажег свой. Они шли и шли, из комнаты в комнату, из коридора в коридор, стараясь до последнего использовать умирающий свет. И никто из них не знал, далеко ли еще до выхода.

Когда погас и фонарик Дэйна, Мура отдал новый приказ:

— Взяться за руки!

Дэйн правой рукой ухватил Муру за пояс, а левой вцепился в запястье Али. И они двинулись дальше. Дэйн слышал, как Мура что-то невнятно бормочет, и вскоре понял, что стюард отсчитывает шаги, вырабатывая какой-то свой метод движения по лабиринту, во тьме.

А тьма давила на них, плотная, осязаемая, пропитанная чем-то неизъяснимым, что было свойственно тьме на этой планете. Казалось, они проталкиваются сквозь какую-то вязкую

жидкость, и непонятно было — то ли они продвигаются вперед, то ли топчутся на одном месте.

Дэйн машинально следовал за Мурой, он мог только надеяться, что стюард знает, что делает, и рано или поздно приведет их к выходу из лабиринта. Он пытался и задыхался, словно бежал, хотя шли они не слишком быстро.

— Сколько же миль нам еще переть? — осведомился Кости. Ригелианин снова фыркнул.

— А не все ли тебе равно, торгош? Дверь не откроется — вы ведь сломали машину.

Неужели ригелианин сам верит в это? И если верит, то почему он так спокоен? Или он принадлежит к народу, который считает, что нет разницы между жизнью и смертью?

Мура удивленно хмыкнул, и в следующий момент Дэйн натолкнулся на него. Сейчас же идущие сзади натолкнулись на Дэйна и столпились у него за спиной.

Впереди была стена. Это могло означать только одно: Мура просчитался и где-то свернул в темноте не туда, куда надо. Они заблудились...

— Где мы? — спросил Кости.

— Заблудились, — с холодным ехидством отозвался ригелианин.

Дэйн протянул руку и ощупал стену. Сердце у него заколотилось. Под пальцами была не гладкая скользкая поверхность, а грубый шершавый камень. Нет, Мура не просчитался, он привел их к каменным границам пещеры. И словно подтверждая эту мысль, Мура произнес:

— Это скала. Конец лабиринта.

— А где же выход? — спросил Кости.

— Заперт! — сказал ригелианин. — Заперт навсегда. Вы сломали машину!.. А она управляла всеми входами и выходами.

— Если это так, — впервые подал голос Али, — то что вы делали, когда вам приходилось выключать машину прежде? Сидели взаперти в темноте, пока не включали снова?

Ответа не было. Затем Дэйн услышал в темноте какую-то возню, хрипение, и голос Кости прорычал:

— Когда мы задаем вопросы, змея, надо отвечать... А то плохо будет... Ну? Так что вы делали, когда выключали машину?

Снова возня. Затем хриплый ответ:

— Мы оставались здесь, пока она не включалась снова. Она выключалась ненадолго.

— Она выключалась надолго, когда здесь работали изыскатели, — сказал Дэйн.

— А тогда мы вообще к ней не подходили, — быстро отозвался ригелианин. Что-то слишком быстро.

— Врешь, — сказал Али. — Кто-то должен был оставаться около машины, чтобы включить ее снова. Если бы все двери были закрыты, вы не могли бы сюда войти.

— Я не инженер... — ригелианин утратил свою бесстрастность и свой вызывающий тон. Он просто помрачнел.

— Правильно, — прогудел Кости. — Ты не инженер, ты просто помощник Рича. И если отсюда есть выход, ты его знаешь.

— А как насчет вашей дудочки? — спросил Дэйн у Муры. Молчание стюарда его тревожило.

— Я как раз сейчас ее пробую, — ответил стюард.

— А она не действует, да? — сказал Кости. — Ну-ка, змея, выкладывай!..

Снова началась возня в темноте.

— Если это скала, может, попробуем пробиться бластерами? — предложил Али.

Прорезать скалу! Рука Дэйна легла на кобуру. Бластеры прекрасно режут камень, во всяком случае гораздо легче, чем материал стен... Видимо, эта идея понравилась и Кости, потому что возня прекратилась.

— Только нужно точно выбрать место, — продолжал Али. — Где здесь дверь?

— А это мы выясним сейчас у нашей гадины, верно? — промурлыкал Кости.

Послышалось неразборчивое всхлипывание. Видимо, Кости принял эти звуки за знак согласия, потому что через секунду он уже протискивался мимо Дэйна, волоча за собой пленника.

— Это здесь, да? — прогудел он. — Ну, смотри, если это не здесь...

Ригелианина оттолкнули на Дэйна. Дэйн отпихнул его локтем и выпрямился.

— Это ты, Фрэнк? — гудел Кости. — А ну-ка, отойди в стюардскую... И все отойдите!..

Дэйна опять толкнули. Он попятился вместе с ригелианином и Мурой.

— Да побереги лицо, балда! — крикнул у него за спиной Али. — Начиная с самой малой мощности! Посмотри сначала, как пойдет дело!

Кости захохотал.

— Я играл этими игрушками, сынок, когда ты еще пешком под стол ходил... Сейчас ты посмотришь, на что способен дядя Кости! Ну, счастливого нам старта!

И едва отзвучал этот старинный тост, повторявшийся бесчисленное количество раз в бесчисленных барах, где торговцы праздновали благополучное возвращение на родную планету,

как вспыхнуло яркое пламя. Заслонясь ладонью, Дэйн сквозь прижмуренные веки смотрел, как камень раскаляется докрасна, потом добела, плавится и жидкой струей стекает на пол. Жаркие волны кипящего воздуха заставили их отступить. Один лишь гигант стоял неподвижно, широко расставив ноги, козырек его шлема был надвинут на лицо, а правая рука вздрагивала от отдачи каждый раз, когда новая порция огня вылетала из ствола бластера и вонзалась в разваливающуюся стену.

Раскаленная крошка и брызги расплавленного камня летели во все стороны, ядовитый пар поднимался столбом, обжигая глаза, разъедаая глотки, заставляя сглатывать в кашле. А Кости стоял в этом аду, управлял им как ни в чем не бывало и только время от времени свободной рукой в перчатке сбивал язычки пламени с тлеющих штанин.

— Карл! — крикнул Али. — Осторожней!

Отвернув лицо от нестерпимого жара, Дэйн перехватил взгляд ригелианина, устремленный на Кости. Круглые змеиные глаза его были полны ужаса. Ригелианин попятился и отступил вместе со всеми, но казалось, что он боится не столько этого разверзшегося ада, сколько неподвижной черной фигуры.

Огромная глыба отвалилась от стены и рухнула под ноги Кости. Но тот лишь отступил в сторону, чтобы его не задело, ни на секунду не переставая буравить огнем раскаленный камень. И вдруг все кончилось. Шипение и грохот разрядов прекратились.

— Дело сделано! — раздался приглушенный голос Кости.

Они еще не осмеливались приблизиться к раскаленному проходу, но Кости уже подходил к ним, засовывая бластер в кобуру, потом остановился, сдвинул шлем на затылок и принялся обеими руками хлопать себя по тлеющей куртке. От него распространялся резкий запах горелой ткани, лицо лоснилось от пота.

— А что там? — спросил Дэйн.

Кости сморщил нос.

— Опять какой-то коридор, — сказал он. — И темно, как в угольном мешке... Но из мышеловки-то мы, во всяком случае, выбрались.

Все были охвачены нетерпением, но пришлось ждать, когда остынут и потемнеют раскаленные края прохода. Затем они спустили на лица защитные козырьки, закутали незащищенную голову Али курткой ригелианина и приготовились выходить. Но прежде Кости обратился к пленнику:

— Мы могли бы, конечно, взять тебя с собой, — сказал он, — только боюсь, что ты по пути изжаришься или, чего доброго, начнешь хватать нас за руки, если мы сцепимся с твоими

друзьями... Так что придется оставить тебя здесь до востребования...

Он крепко связал ригелианину ноги, потуже затянул узлы на руках и откатил его в угол, подальше от горячих камней.

Потом они плотным кольцом окружили Али и поспешно проскочили через дыру. Да, там был новый коридор. Опять их окутала тьма, и они тотчас убедились, что фонарики здесь также бессильны, как и в лабиринте. Но коридор этот был по крайней мере гладкий и прямой, и заблудиться в нем было невозможно.

Неторопливо, чтобы Али мог поспевать за ними, они, взявшись за руки, двигались вперед.

— Темно, как у черта за пазухой! — проворчал Кости. — Что у этих Предтеч — глаз не было?..

Дэйн обхватил пошатнувшегося Али за плечи. Видимо, он при этом задел больное место, потому что Али судорожно дернулся, не издав, впрочем, ни звука.

— Коридор кончился, — объявил Мура. — Вышли в туннель... Очень широкий туннель.

— Чем шире дорога, тем важнее место, куда она ведет, — заметил Дэйн.

— Лишь бы подальше отсюда, — пробубнил Кости. — Надоело мне плутать по этим вонючим щелям... Давай, Фрэнк, веди нас!

Они свернули направо и двинулись по туннелю. Теперь они шли рядом. По-прежнему не было видно ни зги, но чувствовалось, что туннель очень широк.

Вдруг впереди послышался отдаленный крик и раздался треск выстрела. Они остановились. Снова выстрел.

— Ложись! — гаркнул Мура, но все уже и без того лежали.

Теперь выстрелы трещали непрерывно. Дэйн лежал, прижимая Али к полу, и силился по звукам определить, что происходит и где стреляют.

— Перепалка какая-то идет... — произнес Кости в перерыве между залпами.

— При чем приближается прямо к нам, — пробормотал Али в самое ухо Дэйну.

Дэйн выгасил бластер, хотя не очень хорошо представлял себе, зачем он это делает. Не палить же, в самом деле, наугад в темноту.

— А-а-а-а!.. — послышалось во мраке. Это был не крик ярости, но вопль смертельно раненного человека. Али был прав — сражение приближалось к ним с каждой минутой.

— К стенам! — скомандовал Мура и опять опоздал — все уже и так ползли к стене.

-с Дэйн вцепился в рваную куртку Али и тащил его за собой. Куртка трещала и расплзалась под пальцами. Они распластались возле стены и замерли, прислушиваясь.

Огненный разряд распорол темноту над их головами, на стене вспыхнуло и сейчас же начало тускнеть багровое пятно. Выстрел из бластера ослепил Дэйна, но он все же успел заметить впереди какие-то темные фигуры.

— Господи помилуй, — вполголоса проговорил Али. — Если они начнут лупить из бластеров, они же нас сожгут!..

Кто-то бежал к ним, бухая сапогами, и Дэйн весь напрягся, сжав рукоятку бластера. Может быть, следовало стрелять на звук, бить по бегущим, пока они еще далеко, но он не мог заставить себя нажать на спуск — слишком прочно вбили в него инструкторы отвращение к кровопролитию без самой крайней нужды.

Тут вспыхнул свет — не серый сумеречный свет, озарявший ранее эти коридоры, а яркий, желтоватый, земной. Мощный луч прожектора прорезал темноту, и на его фоне Дэйн увидел пять черных фигур.

Они больше не отступали, теперь они залегли и готовились дать последний бой своим преследователям.

18. СЧАСТЛИВОГО СТАРТА!

— Именем Федерации, сдавайтесь! — прогремело откуда-то сверху.

— Полиция! — воскликнул Али.

Прекрасно! Значит, крейсер все-таки сел на Лимбо! Хорошо бы теперь понять, где здесь полиция, а где — гангстеры...

Луч прожектора медленно надвигался, затем грохнул выстрел, и прожектор погас. Загремели ответные выстрелы, кто-то вскрикнул.

«Разумнее всего сейчас отступить к лабиринту, — подумал Дэйн. — Переждать, пока все кончится... Чего хорошего — попасть между двух огней...» Но он и не подумал поделиться этой блестящей мыслью с Али. Вместо этого он поднял бластер и выпалил в свод туннеля.

Расчет был правильным — прямо над залегавшими людьми Дэйн уже сообразил, что это и есть гангстеры) в своде вспыхнуло багровое пятно.

Это было неожиданностью для всех. Полицейские перестали стрелять, гангстеры изумленно уставились в потолок — Дэйн прекрасно видел их белые лица и разинутые рты. И вдруг один

из них вскочил и стремглав помчался прочь от освещенного места в глубь туннеля, к лабиринту.

Ему наперерез выскочил Кости. Их было едва видно в потускневшем свете, и все же Дэйи успел заметить, что бегущий, нечеловечески изогнувшись, едва не ускользнул, но Кости успел схватить его за ремень, и оба они упали.

Дэйи снова выпалил вверх, и новая яркая вспышка осветила туннель: Кости лежал на полу, обмякший и неподвижный, а гангстер уже поднимался на четвереньки, готовясь к новому рывку.

Ошеломленный Дэйи — он ожидал увидеть совсем иную картину — не успел еще ничего сообразить, как в ноги гангстеру бросился Али, и гангстер, споткнувшись, снова упал. Тогда Дэйи вскинул бластер и залил огнем всю ширину туннеля на пути к лабиринту.

— Прекратить! — снова загредел голос. — Прекратить стрельбу, иначе мы пустим в ход лучеметы и сотрем всех вас в порошок!..

В ответ послышался яростный звериный рык. На краю огненной лужи прыгало и бесновалось какое-то чудовище, отдаленно напоминавшее человека.

Снова вспыхнул прожектор. Он осветил трех гангстеров, стоявших с поднятыми руками, задержался на секунду на неподвижном теле Кости, выхватил из темноты Муру, бежавшего к нему, а затем Али, который стоял на коленях и мучительно кашлял, прижимая руки к груди.

Все это время Дэйи водил ствол бластера, держа на прицеле жуткую фигуру, прыгающую на фоне красных языков пламени. Он видел дикие глаза, залитую слюной отвисшую челюсть и едва верил тому, что это и есть Салзар Рич, властелин этого богом забытого царства, преступник и убийца, загнанный в ловушку, обезумевший от крэкса, уже почти не человек.

Луч прожектора осветил Рича, он зашипел, начал плевать и вдруг, сжавшись в комок, прыгнул через лужу расплавленного камня.

Пламя обожгло его, он дико взвизгнул, но не остановился, и через мгновение уже был по ту сторону огня и стремительно уходил к лабиринту.

— Торсон, Мура! — раздался грозный оклик.

Дэйи вздрогнул. Ему полагалось бы броситься за беглецом, но он не мог заставить себя прорваться через огонь и в полном мраке преследовать Салзара по коридорам лабиринта. Он обернулся. Свет прожектора ослепил его, и он долго болезненно мигал, прикрываясь рукой, пока не различил наконец перед собой черную с серебром форму Космической полиции и желтые

журтки вольных торговцев. Только тогда он засунул бластер в кобуру.

Несколько часов спустя он сидел за столом в очень странном помещении. Это были личные апартаменты человека, называвшего себя Салзаром Ричем, и комната была битком набита награбленным с кораблей добром, которое, по мнению бывшего хозяина, придавало ей пышность и утонченную роскошь.

Дэйн набивал рот настоящей едой — никаких концентратов — и в полудреме слушал, как Мура отчитывается в своих действиях перед капитаном Джелико, Ван Райком и командиром полицейского крейсера. Дэйн едва боролся с томящей усталостью, ему хотелось просто положить голову на стол и заснуть, но он упрямо сидел и жевал деликатесы, каких не пробовал с тех пор, как покинул Землю.

Люди в черных с серебром мундирах входили и выходили, отдавали рапорта и выслушивали приказания, а Мура все рассказывал, его то и дело прерывали вопросами. Все это было похоже на последнюю серию телебоевика — порок наказан, добродетель торжествует, прибыла полиция, и все теперь в ее надежных руках.

— Никогда еще нам не приходилось наткаться на такое гнусное гнездо, — сказал наконец командир крейсера.

— Мне кажется, — заметил Ван Райк, — здесь будет раскрыта тайна многих исчезнувших кораблей.

Командир вздохнул.

— Придется прочесать все эти холмы, — сказал он. — Возможно, понадобятся и кое-какие раскопки. Только тогда мы сможем считать, что выполнили свой долг. Впрочем, многое выяснится, когда мы разберемся с награбленным... и здесь мы закроем дела многих преступников. Все это благодаря вам, — он встал и отдал честь капитану Джелико. — Я с вами ненадолго прощаюсь, капитан, и буду рад видеть вас у себя... — он взглянул на часы, — скажем, часа через три. Мы устроим небольшое совещание — нужно кое-что обсудить.

Он вышел. Дэйн отхлебнул из кружки и вдруг заметил на ней эмблему Службы изысканий. При виде этих скрещенных комет он вспомнил «Римболд» и поспешно оттолкнул кружку. «Да, здесь, наверное, будут сделаны самые неожиданные находки», — подумал он, оглядывая комнату. И почувствовал облегчение, что не ему придется копаться во всем этом и составлять списки награбленного.

— А как насчет лабиринта? — спросил Ван Райк. — По-моему, туда стоит заглянуть!

Капитан Джелико невесело усмехнулся.

— Так вам и позволит полиция, — сказал он. — Теперь в лабиринт пустят только федеральных экспертов.

При слове «лабиринт» Дэйн встрепнулся.

— Между прочим, туда удрал Рич, — сказал он. — Его еще не поймали, сэр?

— Пока нет, — ответил капитан равнодушно. Судьба пропавшего предводителя гангстеров его явно не интересовала. — Вы сказали, что он — пожиратель крэкса?.. То-то он метался как полоумный...

— Да, сэр, — сказал Мура. — В конце концов он свихнулся. Я все-таки надеюсь, что полиция о нем не забыла. Это весьма опасно — охота за сумасшедшим в лабиринте. Не хотел бы я этим заниматься...

— Да нам и не предлагают этим заниматься, — сказал капитан, поднимаясь. — На то есть полиция. Чем скорее мы уберемся с этой проклятой планеты, тем лучше. Мы — вольные торговцы, а не полицейские...

— Гм... — Ван Райк все еще сидел, развалившись в кресле, попавшем сюда из каюты какого-то несчастного капитана. — Да-да... вольные торговцы... в том-то и дело. Нам ведь жалование не идет.

И Дэйн, уловив выражение его прозрачных голубых глазок, понял, что в отличие от капитана Джелико суперкарго Ван Райк вовсе не торопится покидать Лимбо. У полиции свои заботы, а у него — свои.

Капитан так и не отдал им приказа возвращаться на борт. Вместо этого он принялся беспцельно блуждать по комнате, то и дело останавливаясь, чтобы рассеянно повертеть в пальцах какую-нибудь безделушку из коллекции Рича. Помолчав немного, Ван Райк поглядел на Дэйна и на Муру.

— Отправляйтесь-ка в спальню доктора Рича, ребята, — предложил он благодушно. — Мне кажется, у него должна быть очень мягкая койка.

Все еще недоумевая, почему их все-таки не отослали на «Королеву», куда несколько часов назад перевезли изувеченных Кости и Али, Дэйн последовал за стюардом в спальню Рича. Ван Райк ошибся: там была не койка, а роскошная двуспальная кровать, заваленная одеялами с автоподогревом и пуховыми подушками. Дэйн стащил с себя шлем, расстегнул пояс, содрал с ног осточертевшие сапоги и повалился на ворох одеял. Он еще смутно помнил, как Мура сел на кровать с другой стороны, но тут сон окончательно сморил его.

... Ему снилось, что он в рубке управления «Королевы» и ему надо рассчитать гиперпереход. А напротив сидит Салзар Рич с суровым жестким лицом — такой же, каким он увидел его впер-

вые на Наксосу. Он, Дэйв, должен ввести корабль в гиперпространство, но если он ошибется в расчетах, Салзар Рич сожжет его из бластера... и тогда он будет падать, падать, падать в лабиринт, где что-то страшное и беспощадное уже поджидает его во мраке...

Дэйв открыл глаза и уставился в потолок. Его неудержимо трясло от холода. Влажными непослушными руками он пытался ухватиться за что-нибудь твердое, осязаемое в этом хаосе вещей, которые таяли при его прикосновении. Он не смел ни приподняться, ни повернуть головы, потому что рядом происходило что-то страшное и смертельно опасное.

Он заставил себя дышать глубоко и ровно, хотя нервы его были напряжены до крайности. Слева должен был лежать Мура, но Дэйв не смел даже скосить глаза, чтобы убедиться в этом. Очень медленно, миллиметр за миллиметром, он начал поворачивать голову.

Вот дверь... Из-за двери доносится неразборчивое бормотание голосов — капитан и Ван Райк все еще там... Теперь стена рядом с дверью... огромная стереокартина, какой-то инопланетный пейзаж, угрюмый, мертвый, но по-своему прекрасный... Дэйв осмелел и начал тихонько под одеялом тянуть руку к Муре. Мура надежный человек, он не выдаст себя, когда проснется...

Он медленно тянул руку и медленно поворачивал голову. Край картины... затем портьера — тяжелая, роскошная, затканная сверкающими нитями... нити блестят, режет глаза... и на фоне портьеры — чьи-то широкие плечи...

Салзар!

Дэйв и не подозревал, что у него такая тренированная воля — он не вскрикнул и даже не пошевелился. Впрочем, гангстер не смотрел на кровать. Медленно и бесшумно, скользящими шагами он подкрадывался к двери.

Внешне он снова был человеком, но в темных неподвижных глазах его не осталось ни искры разума. В руках он сжимал какую-то странную трубку, несомненно, оружие — что-то вроде бластера с очень толстым стволом... Он миновал портьеру, голова его заслонила картину... Еще три шага, и он будет у дверей. Но тут Дэйв почувствовал, как горячие пальцы Меры впились ему в запястье. Мура не спал. Мура был готов действовать.

Дэйв тоже был готов действовать. Но как? Он лежал на спине, закутанный в одеяло. Так сразу, прямо с постели, броситься на Салзара невозможно. Но и подпустить его к двери нельзя...

Вдруг Мура, сжав руку Дэйва, резко оттолкнул ее от себя. Это был сигнал, и Дэйву оставалось только надеяться, что он понял этот сигнал правильно. Он весь напрягся и, когда из глотки

Муры вырвался пронзительный нечеловеческий вопль, кубарем скатился на пол.

И сейчас же воздух прорезала молния, и вся кровать разом превратилась в ослепительный костер. Но Дэйн уже вцепился в край паравианского ковра и что было силы дернул его на себя. Салзар не упал, он только пошатнулся и ударился спиной о стену, но успел швырнуть оружие в сторону Дэйна. И в тот же мгновение дверь распахнулась, могучие руки Ван Райка вцепились в Салзара, опрокинули его, сдавили ему горло. Прижатый к широкой груди Ван Райка, гангстер задергался и обмяк. И только тогда Дэйн и Мура поднялись на ноги по обе стороны пылающей кровати.

Комната наполнилась полицейскими, пламя на кровати быстро погасило, Салзара скрутили и уволокли, а Дэйн на подгибающихся ногах кое-как добрался до ближайшего стула и сел — он на всю жизнь возненавидел роскошные мягкие кровати. «Нет, — подумал он. — Дайте мне только добраться до моей коечки на «Королеве»... Больше мне ничего не надо... Правда, не знаю, сумею ли я теперь когда-нибудь заснуть...»

Ван Райк положил на стол захваченное оружие.

— Это что-то новенькое, — заметил он. — Наверное, какая-нибудь игрушка Предтеч. А может, из какого-нибудь разграбленного корабля. Ну, этим займутся федеральные эксперты... Да, что ни говори, а приятно сознавать, что с Салзаром покончено.

— Благодаря вам, сэр! — от души сказал Дэйн.

Ван Райк вскинул брови.

— Благодаря мне?.. Я только закончил дело, и если бы вы не подняли шум, все могло бы обернуться по-другому. Полагаю, это был твой голос, Фрэнк, — сказал он Муре.

Мура зевнул, деликатно прикрывая рот ладонью. Куртка на нем была расстегнута, одежда в беспорядке, но он был холоден и бесстрастен, как всегда.

— Объединенные усилия, сэр, — сказал он. — Если бы не Торсон, я бы не проснулся. И потом, он прекрасно использовал ковер... Меня только удивляет, почему Салзар не сжег сначала нас?

Дэйна передернуло. От вонисторевшей постели его и без того выворачивало наизнанку. Ему нужен был свежий воздух, много свежего воздуха!.. И он просто отказывался думать о том, как все могло обернуться.

Дверь распахнулась, вошел капитан Джелико в сопровождении командира крейсера.

— Это исключено, — говорил он. — Своего Рича вы получили. Что же нам теперь — ждать, когда вы прочешете планету

и раскопаете все корабли, которые он погубил этой своей чертовой машиной?

— Вовсе нет, капитан, — ответил командир крейсера. — Вам совершенно незачем здесь оставаться...

Тут вмешался Ван Райк.

— Мы совсем не торопимся, — сказал он. — Еще не выяснен вопрос о наших торговых и прочих правах. Об этом еще и разговора не было. А ведь у нас есть надлежащим образом оформленный документ, дающий нам право в течение десяти лет вести торговлю с этой планетой, а кроме того — открытый лист на все находки, сделанные здесь, и лист этот действителен добрых двенадцать земных месяцев. В свете всего сказанного мы хотели бы знать: на какую долю обнаруженных здесь ценностей имеет право экипаж «Королевы»?

— Обнаруженные здесь ценности изъяты незаконным образом с кораблей, потерпевших крушение в результате преступных действий... — начал было командир крейсера.

Но Ван Райк мягко прервал его:

— Значительная часть кораблей потерпела здесь крушение отнюдь не в результате преступных действий Салзара, а задолго до его появления. Машина, очевидно, включалась и выключалась автоматически еще со времен Предтеч, то есть многие тысячи лет. А это означает, что Лимбо исторически сложившийся, гигантский склад бесценных сокровищ, не имеющих никакого отношения к преступным действиям Салзара и его шайки. И нам кажется, что мы располагаем неоспоримыми правами на этот склад. Наши люди без всякого труда уже обнаружили здесь два корабля, упавших на планету задолго до появления на ней Салзара Рича. Два корабля за сутки! Значит, здесь их сотни!.. — и он благодушно улыбнулся командиру крейсера.

Капитан Джелико больше не торопился на «Королеву». Он уселся в кресло рядом со своим суперкарго, как на самых обычных торговых переговорах.

Командир крейсера рассмеялся.

— Меня вы в этот спор не втянете, суперкарго, — сказал он. — Разумеется, я могу передать в штаб ваши претензии и протесты. И могу отослать вас на карантинную станцию на Полдаре. И немедленно. И, если понадобится, под конвоем. Однако я не думаю, что Федерация в ближайшее время уступит кому-нибудь права на Лимбо...

— Ну что ж, если Федерация аннулирует законно заключенную сделку, она должна за это заплатить, — сказал Ван Райк. — Я хотел бы только напомнить, что на Полдаре постоянно толчется масса народу из прессы и телевидения... А мы ведь не

полиция, рот нам не заткнешь, никакие законы не запрещают нам отвечать на любые вопросы по поводу приключений на этой планете... И каких приключений! — Он мечтательно закрыл глаза. — Легенда, ставшая реальностью!.. Саргассы в космосе!.. Планета-сокровищница!.. Сокровища погибших кораблей!.. Да сюда слетятся зеваки со всей Галактики!

— Да, — поддержал его капитан Джелико. — И каждый зевака притащит сюда экскаватор. Вы правы, Ван: это будет настоящий бум!

— Правильно! Мы построим здесь роскошные отели... Туристические прогулки с гидами... Распродажа участков под раскопки... Да это золотое дно!

— Ни один человек не сядет здесь без официального разрешения! — отпаривал командир крейсера.

— Ну, тогда я вам не завидую, — сказал Ван Райк. — Вам придется держать здесь половину личного состава полиции... А как ухватаются за эту историю ребята с телевидения!.. Кстати, — Ван Райк в упор посмотрел на командира, — не рассчитывайте, что вам удастся упрятать нас в карантин надолго. Мы немедленно подаем рапорт в Совет вольной торговли — по гиперсвязи, разумеется, чтобы вы не могли заглушить.

На лице командира крейсера появилось обиженное выражение.

— Мы и не собираемся обращаться с вами как с преступниками, — сказал он. — Откуда у вас эта странная идея?

— Так... Кое-какие намеки... По-видимому, мне показалось... Нет, вы не беспокойтесь: мы отправимся в ваш карантин, как и надлежит добрым, честным, послушным закону гражданам Федерации. Но как добрые, честные граждане Федерации мы раструбим об этой истории по всей Галактике... если, конечно, нам не удастся достигнуть с вами разумного соглашения.

Командир крейсера не преминул взять быка за рога:

— А что вы подразумеваете под «разумным соглашением»?

— Подходящая компенсация за потерю торговых прав. Это во-первых. А во-вторых, денежное вознаграждение...

— За что вознаграждение?

Ван Райк принялся загибать пальцы.

— Спасение полицейского крейсера — вы сели невредимыми только потому, что наши люди вывели из строя установку. Это раз. Наши люди нашли «Римболд», который вы безуспешно разыскиваете уже несколько суток. Это — два. Мы передали вам в руки Салзара — в упаковке и перевязанного ленточкой. Я мог бы добавить еще...

Командир крейсера расхохотался.

— Упаси меня бог спорить с вольным торговцем о его правах! Ладно. Я сегодня же отправлю ваши претензии в штаб, а вы пообещаете мне помалкивать на Полдаре...

— Неделю! — сказал Ван Райк. — Мы будем молчать ровно семь земных суток, после чего расскажем ребятам с телевидения наши биографии. Так что передайте своему начальству, чтобы они там пошевеливались. Мы стартуем сегодня, вернее — сегодня вечером, и пойдем прямо на Полдар. Но мы сообщим Совету вольной торговли о том, где и сколько времени будем находиться.

Командир крейсера сдался окончательно.

— Договаривайтесь с начальством сами, — сказал он. — Я умываю руки. Вы даете слово, что пойдете прямо на Полдар?

Капитан Джелико кивнул.

— Конвой не понадобится, — сказал он. — Счастливой охоты, командир.

Распроцавшись с командиром крейсера, вольные торговцы покинули бывшие апартаменты Салзара Рича. Дэйну было немного не по себе. Вообще-то пребыванием на карантинной станции Космической полиции обычно заканчиваются все полеты к новому неизвестному миру. Там корабли и экипаж внимательно осматривают и ощупывают врачи и ученые, чтобы в пределы Федерации не занесли какой-нибудь опасной болезни. Но на этот раз, видимо, придется посидеть подольше. Однако ни капитана, ни Ван Райка это ничуть не огорчало. Напротив, Дэйн давно уже не видел их в таком хорошем настроении.

— Что у вас на уме, Ван? — спросил капитан, стараясь перекричать хруст и треск гравия под гусеницами краулера, на котором они возвращались к «Королеве».

— Я покопался немного в архиве у Салзара, — отозвался Ван Райк. — Вы помните Трэкста Кама, капитан?

— Трэкст Кам... А, он занимался окраинными планетами...

— Занимался, — невесело поправил Ван Райк.

— Вы хотите сказать, он тоже погиб здесь?

— Да. Иначе я не могу представить, как его бортовой журнал попал в лапы к Ричу... У Трэкста, как вы помните, были права на разработку Саргола. Он возвращался оттуда с очередным грузом и разбился здесь...

— Саргол... — повторил капитан Джелико. — Как же, помню: там алмазные копи...

— Да... Права Трэкста на Саргол действительно еще на полтора года. Я думаю, власть преержающие не откажутся уладить с нами дело за счет этих прав. Мы отказываемся от Лимбо, а они отдают нам права Трэкста и весь фрахт на Саргол. Что скажете, капитан?

— Если все получится, это будет лучшей вашей сделкой, Ван... И я думаю, что может получиться. Властям это выгодно. Они от нас отделаются, и мы будем на самой окраине Галактики, где много не поболтаешь...

— Может получиться... — Ван Райк покачал головой. — Вы меня недооцениваете, капитан. Обязательно получится! Саргол и алмазы ждут нас!

Его уверенность вселила надежду в душу Дэйна. Он глядел вперед, поверх спаленной равнины, и не видел ее. Он старался представить себе — как там будет, на Сарголе. Богатая окраинная планета... Алмазные копи... Кажется, Лимбо все-таки принесла им счастье. Месяца через два они будут знать это наверняка.

ЗАЧУМЛЕННЫЙ КОРАБЛЬ

КНИГА II

ЗАЧУМЛЕННЫЙ КОРАБЛЬ

КНИГА II

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

БЛАГОУХАННАЯ ПЛАНЕТА

Дэйд Торсон, помощник суперкарга на “Королеве Солнца”, вольном торговце, стоял под корабельным душем, а Рип Шэннон, помощник штурмана и его наставник в торговых сделках вот уже в течение четырех последних лет, прикладывал комки пахучей мази к спине Дэйна между торчащими лопатками. Тесное помещение было заполнено одуряющим ароматом, и Рип усиленно сопел.

— Ты будешь самым благоухающим землянином, когда-либо ступавшим на почву Саргола. — Свою скороговорку Рип закончил хихиканьем.

Дэйн фыркнул и попытался оценить достигнутое, принимаясь через плечо.

— Чего только не сделаешь ради торговли! — Он решил прокомментировать встретившееся им затруднение. — Растирай хорошо, это вещество способно держаться часами. Вот так. Если Ван прав, эти сарголийцы способны часами сидеть и говорить, говорить... А мы будем слушать, слушать, пока не получим прямой ответ. Тыфу! — Дэйн потряс головой — в небольшом помещении запах, сам по себе приятный, становился одурманивающим. — Мы услышим их слово, даже если...

Темные пальцы Рипа прекратили круговые движения.

— Дэйн, — предупредил он, — не нужно говорить об этой сделке, мы, конечно, заработаем, если сумеем решить задачу...

Но Дэйн внезапно представил себе будущее в мрачном свете.

— Если... — повторил он. — Тут целая галактика “если”, на этом Сарголе. Здесь можно прекрасно отдохнуть на борту корабля, не нужно бегать в поисках приятных запахов, но потом придется вернуться ни с чем к своим родственникам.

Рип поставил на пол баночку с кремом.

— Разные миры — разные обычаи, — повторил он старую

поговорку. — Будь доволен, что пока удалось здесь пристроиться. Тут о многом нужно подумать. — Рип закончил массаж и шлепнул Дэйна. — Теперь ты смазан ровно. Хорошо, что мне смазывать Вана. Потребуется целый час, чтобы его натереть, даже с помощью Фрэнка, чтобы получилось быстрее. Твоя одежда уже, наверное, пропарилась и готова.

Рип открыл длинный шкаф, специально приспособленный для строгой стерилизации одежды, которая при контактах на иных планетах представляет опасность для землян. Оттуда вырвалось удушливое облако того же аромата. Дэйн осторожно натянул форму вольного торговца. Коричневая шелковая ткань была слегка влажной на ощупь. К счастью, Саргол был теплой планетой. Когда Дэйн встанет на ярко-красную почву Саргола, ни один земной запах не должен доноситься до чувствительных ноздрей сарголийцев и вызывать их негодование. Он подумал, что когда-нибудь привыкнет к этой процедуре. В конце концов, впервые приходится проходить такую обработку. Однако Дэйн знал, что все это совершенная глупость. Рип был прав — либо приспосабливайся к обычаям иных миров, либо не торгуй с ними. И, наверное, на других планетах ему придется проделывать и не такие неприятные процедуры.

— Фу! Ну и запах! — Али Камил, помощник начальника инженерной секции, придал своему исключительно правильному и красивому лицу выражение крайнего отвращения и поминал Дэйна в коридор.

Оберегая нервы своих товарищей, Дэйн поторопился выбраться из корабля на трап, который связывал “Королеву” с поверхностью Саргола, но здесь он задержался, ожидая Ван Райка, суперкарго корабля и своего непосредственного начальника. Было раннее утро и теперь, вырвавшись из тесных помещений корабля и обдуваемый легким утренним ветерком, чуть колебавшим сине-зеленые травяные деревья, Дэйн сразу забыл свое раздражение.

В этом районе Саргола не было гор — самым большим возвышением являлись круглые холмы, густо поросшие той же десятифутовой травой, которая покрывала равнины. Из штурманской рубки “Королевы” можно было видеть постоянное колебание травы, так что планета представлялась покрытой морщинистыми, мерцающими и струящимися коврами. К западу находились моря — длинные мелководные пространства, настолько изрезанные цепями островов, что казались мелкими озерами. И именно в районе этих озер находилось то, что привело “Королеву Солнца” на Саргол. По правде говоря, это было открытием другого торговца — Трэкота Кама. Он приобрел права на разработку Саргола, надеясь хорошо заработать, увозя

с благоухающей планеты лучшие парфюмерные товары. Но, кроме этого, он открыл на Сарголе камни корос — алмазы нового типа, появление которых на рынке вызвало настоящую панику среди торговцев драгоценностями. Кам был на верном пути к тому, чтобы стать одним из королей вольной торговли, когда его затянули дьявольские сети пиратов Лимбо, где он и погиб.

Так как они приобрели торговые права на Лимбо, а экипаж “Королевы Солнца” участвовал в уничтожении пиратов и захвате ужасной установки Предтечь, им были подарены права на Саргол и они стали законными наследниками Трэкота Кама. И теперь они прилетели на Саргол с заметками, оставленными Камом, и все сведения, касающиеся сарголийцев, были вбиты им в головы.

Дэйн мрачно сидел на нижней ступеньке трапа, опустив ноги на почву Саргола, нежную, красивую почву с блестящими болотистыми чешуйками. Он не сомневался, что находится под наблюдением скрытых глаз, но делал вид, что не знает этого. Взрослые сарголийцы постоянно держались в стороне от торговцев и только казались совершенно равнодушными к ним. Зато молодежь была откровенно любопытна и не очень скрывала это, не то что пренебрежительные взрослые. Казалось, тут скрывалась возможность контакта и еще более прочных связей.

Дэйн знал, что Ван Райк и капитан Джелико провели уже первые торговые переговоры. Они заняли целый день и не дали никакого результата. В контактах с пришельцами из другого мира сарголийцы, потомки кошачьих, были церемонны, осторожны и совершенно независимы. А ведь Кам чего-то добился, иначе он не вернулся бы из первого рейса с мешком камней корос! Но в его записях, найденных на Лимбо, не было никакого ключа к тому, как преодолеть молчаливое сопротивление сарголийцев. Но терпение — второе “я” каждого торговца, и Дэйн был совершенно уверен в Ван Райке. Раньше или позже, но суперкарго подберет ключ к сарголийцам. И, как бы подслушав его мысли, Ван Райк, в шляпе на светлой голове, в светящейся тунике, облежавшей его мощное тело, сошел по трапу, который раскачивался под его тяжестью. Приблизившись к своему помощнику, он энергично принялся и одобрительно кивнул головой.

— Я вижу, ты смазан и готов.

— Капитан пойдет с нами, сэр?

Ван Райк покачал головой.

— Это наша забота. Терпение, мой мальчик, терпение. — И он зашагал по узкой тропинке в траве к широкой дороге земного типа.

Вновь Дэйн почувствовал присутствие тех же внимательных

глаз, следивших за каждым его движением, но не увидел ни одного сарголийца. В конце концов, бояться нападения нечего. Торговцы находились под постоянной защитой. Это было своего рода "табу", а торговые станции располагались под белым сверкающим щитом мира. Этот мир гарантировался кровавой клятвой вождей всех кланов этого района. Даже в разгар междоусобных войн кровные враги мирно встречались под этой защитой и никто не мог обнажить свой нож-коготь в радиусе двух миль отсюда.

Травяной лес предательски шелестел, но земляне старались не обращать внимания на тех, кто шпионил за ними. Насекомое с крыльями из изумрудно-зеленого газа отделилось от стебля травинки и пролетело над торговцами, как вестник. От красной почвы, взрыхленной их ботинками, мгновенно поднимался острый запах, смешивающийся с благовониями, которые они несли с собой. Дэйн несколько раз сглотнул, но надеялся, что начальник не заметил даже такого проявления волнения, но Ван Райк, вопреки своему обычному сонно-добродушному и блаженному виду, замечал все, что касалось тонкостей и сложностей галактической торговли, иначе ему бы не удалось занять свое место суперкарго.

— Прими успокоительное, — приказал он.

Дэйн засунул руку в полевой подсумок, покраснев и яростно убеждая себя, что ему нет никакого дела до того, какие еще запахи поджидают его сегодня, и что он их не заметит вообще. Он проглотил крошечную таблетку, изготовленную врачом Тау для таких случаев, и постарался занять свой мозг мыслями о предстоящей работе. Если только будет какая-нибудь работа или же еще один день пройдет в бесполезных разговорах, где вежливые слова лишь прикрывают стремление торговцев к прибыли.

— Гууу! — крик, наполовину напоминающий рыдание, наполовину — высокомерное предупреждение, прозвучал за ними.

Походка Ван Райка не изменилась. Он не повернул даже головы и ничем не показал, что услышал этот крик, предупреждающий их о приближении вождей. Он продолжал держаться центра дороги, а Дэйн шел за ним, отступив на шаг, как и подобало представителю более низкого ранга.

— Гууу! — звук, вырвавшийся из глотки сарголийца благодаря его мощным легким, теперь сопровождался топотом множества ног.

Земляне снова не оглянулись, снова не отклонились от центра дороги и не ускорили шаг. Дэйн знал, что только так и надо себя вести. Для кастового сознания сарголийцев вы сохраняете свое превосходство, пока не допустили какой-нибудь

промах. Но уж если этот промах допущен, бесполезно настаивать на новой встрече с вождями.

— Гууу! — пронзительный крик неся по изгибам дороги вслед за ними, как бы не позволяя двум торговцам забыть, где они находятся.

Дэйн страстно хотел повернуть голову, чтобы увидеть хотя бы одного из сопровождающих их туземцев.

— Гууу! — теперь в крике звучала вопросительная нота, а тяжелое топанье ног стихло. Отряд, сопровождающий их, решил, видимо, что их не удастся сбить в сторону.

Ван Райк спокойно шел впереди, и Дэйн выровнял по нему свой шаг. У них не было вестника с мощными легкими, который бы предупреждал об их прибытии, но всем своим видом торговцы показывали, что имеют право находиться там, где хотят. Очевидно, их спокойная уверенность подействовала на тех, кто шел позади. Звук шагов замедлился до спокойной походки и уже только легкое топанье на почтительном расстоянии сопровождало землян.

Поддействовало — сарголийцы оценили их по собственной шкале ценностей и это являлось хорошим предзнаменованием для предстоящих переговоров. Настроение Дэйна повысилось, но он постарался придать своему лицу такую же неподвижность, как у его начальника. В конце концов, это была маленькая победа, а ей предшествовали десять — двенадцать часов вежливых и скрытых маневров.

“Королева Солнца” прижималась как можно ближе к Торговому центру, обозначенному на карте Трэкота Кама, и теперь землянам предстояло еще пять минут ходьбы по середине дороги и перед ними окажется поляна с крупными строениями без крыш, которые использовались сарголийцами как место торговли и мирных переговоров. Здесь же заключались союзы между кланами. В центре поляны находился столб, укрепленный ветвями травяных деревьев, а на столбе был укреплен щит, обещавший не только мирные переговоры, но и три безопасных дня для любого дуэлянта или же кровного мстителя, который сумел добраться до этого столба и положить руку на его обветренную поверхность. Земляне пришли не первыми, и это тоже было хорошим признаком.

Слуги, вассальные воины и младшие родственники четырех или пяти вождей сбились в небольшие группы, но Дэйн сразу заметил, что нигде нет ни носилок, ни одного животного, использовавшегося здесь как земная лошадь. Не прибыл ни один представитель женской половины сарголийских родов. Они не появляются до заключительного торгового договора — на переговорах их представляют отцы, мужья и сыновья.

С видом хозяина своего собственного клана Ван Райк, не обращая внимания на сарголийцев низших разрядов, прошёл прямо к двери помещения. Двое или трое младших воинов встали на ноги. Их сверкающие плащи развевались, как крылья. Но так как Ван Райк даже не взглянул на них, они и не попытались преградить ему путь. Дэйн подумал, что, если сарголийцы хотят произвести впечатление хороших воинов, им это вполне удалось. Их средний рост был близок к шести футам, а их отдаленные кошачьи предки оставили им в наследство лишь некоторые рудименты. Когти на руках и ногах были серого цвета и способны втягиваться; толстые волосы, похожие на плющ, опускались вдоль позвоночника и по бокам мускулистых ног и рук. Волосы в основном рыжевато-коричневого цвета, иногда встречались сине-серые или белые, для земного глаза их широкие лица, теперь повернутые к землянам, были лишены выразительности. Глаза у них оказались большими и слегка раскосыми, оранжево-красного или серо-зеленого цвета. Одеты они были в одежды ярких расцветок с широкими полосами, образующими нечто вроде корсета вокруг тонких талий. Из-за поясов торчали украшенные алмазами рукоятки ножей-когтей, обладание которыми служило признаком совершеннолетия. Плащи огненно-красным цветком свисали с их плеч, подобно крыльям летучих мышей, и от каждого сарголийца при любом движении исходило облако сильного запаха.

Даже по сравнению со сверкающим собранием вассалов, вожди и их помощники, находящиеся внутри помещения, являли собой настоящий разгул красок и запахов. Вожди сидели на деревянных табуретках. Перед каждым находился столик с кубком, обозначающим принадлежность к определенному клану, складная лента с узором — их “торговый щит” — и инкрустированный ящичек с ароматной мазью. Эту мазь вожди использовали как освежающее средство в ходе переговоров. Ветерок играл концами поясов и складками плащей, но все собравшиеся сидели неподвижно. Не начиная переговоров, Ван Райк подошел к табуретке со стоящим перед ней столиком и сел.

Дэйн начал действовать так, как решили заранее. Он поставил на столик перед суперкарго карманную пластмассовую фляжку, сверкающую в ярком свете солнца, как сарголийские алмазы, постелил красивый шелковый платок и, наконец, извлек бутылочку пахучей соли, изготовленной Тау после нескольких часов комбинаций сарголийскими пряностями.

Выполнив долг подчиненного, Дэйн освободился и уселся позади суперкарго прямо на пол, скрестив ноги так, как сыновья, наследники и родственники вождей, расположившихся каждый за своим главой. Вслед за ними появился опоздавший вождь, и

Дэйн увидел, что это Фандор — еще одна удача! Этот клан был маленьким и у него не было значительного влияния. Если бы вот так же медлил Халфер или Вафт, это было бы совсем другое дело. Фандор занял свое место, разместились и его приближенные, и Дэйн, старающийся быть незаметным, решил, что Совет в полном составе. Трэкет Кам указал, что по берегу морей в этом районе живут семь кланов, и на Совете было семь вождей — несомненное доказательство важности Совета, так как некоторые из вождей за пределами зоны мира в данный момент находились в состоянии кровавой вражды. Да, все семеро находились здесь. Однако один стул напротив Ван Райка оставался пустым. Пустой стул — кого же они ждут?

Ответ на этот вопрос был получен незамедлительно. Но не вождь сарголийцев появился в дверном проеме. Самообладание позволило Дэйну остаться на месте даже после того, как он разглядел герб пришельца.

Торговец! И не просто торговец, а представитель компании! Но почему и каким образом? Компании участвуют в крупной игре, а эта планета предоставлена вольным торговцам, независимым скитальцам звездных путей. В соответствии с законами и правами представитель компании не мог находиться здесь. И хотя лицо Дэйна, как и лицо Ван Райка, не дрогнуло, мысли его мчались стремительным галопом. Трэком Кам, как вольный торговец, приобрел права на эксплуатацию Саргола, когда единственным предметом вывоза являлась парфюмерия — товар уж слишком незначительный, чтобы им могли заинтересоваться компании. Но когда были найдены камни, цена Саргола стремительно возросла и большие компании это сразу поняли.

Они, вероятно, узнали о смерти Трэкота Кама, как только патруль отправил свой доклад в штаб. У всех компаний были собственные разведывательные и информационные службы, и, поскольку Кам умер, не оставив наследников, они увидели в этом шанс и тотчас же им воспользовались. Однако — тут челюсти Дэйна сжались — они здесь не получают ничего. Законным торговцем на этой планете был лишь капитан Джелико с "Королевы Солнца". Их права были заверены полицейским патрулем на Лимбо и все, что оставалось сделать представителю "Интерсолар", — это поклониться и как можно быстрее убраться.

Но человек "Интерсолар", казалось, не торопился так поступать. Он с высокомерным видом уселся на свободную табуретку, а юноша в форме его компании поставил перед ним образцы товаров примерно того же типа, что лежали и перед Ван Райком. Но суперкарго ничем не проявил своего удивления.

Один из младших воинов Вафта поднялся и хлопнул в ла-

доши. В помещение вошел сарголиец в богатых одеждах, указывающих на высокое происхождение, но с ошейником, который надевали взятым в плен. В сопровождении того же воина он обошел всех собравшихся, наливая в кубки из своего кувшина пурпурную жидкость. Наследник Вафта попробовал ее перед тем, как предложить ее собравшимся гостям. Когда они остановились перед Ван Райком, сарголиец только дотронулся до фляжки. Это означало, что земляне должны осторожно обращаться с местными продуктами и что они лишь символически попробуют этот напиток в знак начала торговых переговоров. Вафт поднял свой кубок, и все повторили его жест. На быстром языке своего народа он произнес формулу, такую древнюю, что мало кто из сарголийцев смог бы перевести ее на разговорный язык. Они вышли и переговоры были открыты.

Первым заговорил пожилой сарголиец, сидевший слева от Халфера, человек без ножа-ногтя, в темном плаще, который вносил диссонанс в пестроту одежд его товарищей. Он говорил на традиционном торговом языке линго, о котором сарголийцы узнали от Трэкета Кама.

— Под белым, — он указал на щит наверху, — мы собрались поговорить об очень важных вещах. Но мы видим здесь двух инопланетян, хотя каждый клан должен иметь лишь один голос. Скажите, чужеземцы, с кем из вас мы должны разговаривать? — И он перевел взгляд с Ван Райка на представителя “Интерсолар”.

Суперкарго “Королевы” не ответил. Он смотрел на человека компании. Дэйн нетерпеливо ждал, что тот ответит, но у представителя компании уже был готов ответ.

— Это правда, отцы кланов, что здесь у нас два голоса, тогда как по правилам и обычаям он должен быть один. Но этот вопрос мы решим между собой. Разрешите нам удалиться и поговорить друг с другом. Тот же, кто вернется к вам, будет иметь все права для разговора, который больше не будет откладываться.

Вафт ответил прежде, чем это успел сделать приближенный Халфера, первым начавший разговор.

— Лучше бы вы договорились прежде, чем пришли сюда. Идите, пока нет тени от щита, а потом возвращайтесь сюда и говорите только правду. Мы не будем ждать ради удовольствия чужеземцев.

Одобрительный гул встретил эти резкие слова. “Пока нет тени от щита” — значит, до полудня. Ван Райк встал, и Дэйн собрал образцы товаров. С тем же видом превосходства, с каким вошел, суперкарго покинул помещение.

Они уже были на дороге, ведущей к “Королеве”, когда их нагнали представители компании.

— Капитан Грант желает посмотреть ваши права, — начал представитель компании, но Ван Райк прервал его уничтожающим взглядом.

— Если вы, браконьеры, хотите что-то сказать, скажите это на “Королеве Солнца” капитану Джелико! — выпалил он и пошел дальше.

Лицо его противника вспыхнуло, и он прикусил нижнюю губу. Мгновение он колебался, а затем удалился в сопровождении своего помощника. Лишь пройдя половину пути до корабля, Ван Райк снова заговорил:

— Удивляюсь, почему все идет так легко, — пробормотал он. — Клянусь проколотым хвостом эсоло, это не самый счастливый наш день! — И он прибавил шаг.

Глава 2

КОНКУРЕНТЫ

— Стойте, представители “Интерсолар”!

Хотя торговцы, согласно законам и традициям, не использовали личное оружие, за исключением случаев наибольшей опасности, и были вооружены лишь парализующими пистолетами, выстрел из которых лишил противника на некоторое время подвижности и доставлял весьма неприятное ощущение, угрозы таким пистолетом оказалось достаточно, чтобы три человека, подошедшие к трапу “Королевы”, остановились.

Али небрежно держал в руке пистолет, но его глаза цепко следили за ними. У вольных торговцев была такая репутация, что заставляла конкурентов из больших компаний уважать их. Жизнь преподавала вольным торговцам немало суровых уроков, и они их хорошо усвоили. Дэйн, глядя через плечо помощника инженера, понял, что предположение Ван Райка о предстоящих переговорах оправдывается. Они покинули сарголийский центр торговли не более трех четвертей часа назад, а теперь внизу у трапа стояли капитан корабля компании “Интерсолар” и его суперкарго с охранником.

— Я хотел бы поговорить с вашим капитаном, — проворчал офицер “Интерсолара”.

Лицо Али изобразило крайнее отвращение. Это выражение лица вызвало у тех, кому оно предназначалось, самые дурные чувства, таящиеся в глубине души. Дэйн испытал это на себе — он помнил первое знакомство с экипажем “Королевы”.

— Но захочет ли он разговаривать с вами? — возразил Камил. — Стойте там, пока мы это не выясним.

Дэйн должен был исполнять роль гонца к капитану. Он отступил в корабль и взобрался по лестнице в командирскую рубку. Проходя мимо личной каюты капитана Джелико, он услышал приглушенный крик отвратительного капитанского любимца хубата — кошмарной помеси попугая, жабы и рака, одетого в голубые перья и склонного кричать и оплевывать всех входящих. Поскольку хубат в присутствии хозяина вел себя спокойно, Дэйн прошел дальше и в штурманской рубке наткнулся на совещающихся капитана, штурмана и суперкарго.

— Ну? — изуродованная бластером щека капитана Джелико дернулась.

— Внизу капитан корабля компании “Интерсолар” со своим суперкарго, сэр. Они хотят вас видеть.

Рот Джелико был сжат в прямую линию, а глаза смотрели сурово. Инстинктивно рука Дэйна протянулась к рукоятке пистолета, прикрепленного к поясу. Когда у старика такое лицо, гляди в оба.

“Итак, мы будем бороться!” — сказал себе Дэйн, думая о том, какие обязанности предстоит выполнять ему.

— Неужели? — начал Джелико, но оборвал фразу. Он умел подчинять свои чувства железной воле, когда это было необходимо. — Ладно, пусть остаются там, где стоят. Ван, мы пойдем к ним...

Мгновение суперкарго колебался, а его полуприкрытые глаза казались сонными. Можно было подумать, что его не интересует происходящее.

— Верно, сэр, — кивнул он наконец головой.

Ван Райк поднял свое тяжелое тело с маленького стула, на котором сидел, поправил тунику и надел шляпу с таким видом, будто ему предстояло представлять “Королеву” перед собранием вождей всего Саргола. Дэйн поспешил спуститься по лестнице и остановился рядом с Али. Теперь настала очередь человека у трапа задать нетерпеливый вопрос.

— Ну?

Видимо, это было любимое словечко из лексикона всех капитанов.

— Ждите, — ответил Дэйн, не собираясь расшаркиваться перед пришельцами. Пребывание в течение года на борту “Королевы Солнца” наполняло его гордостью за свою работу. Вольный торговец подчиняется только своим командирам и больше никому на целом свете — и даже между звездами, независимо от того, какие правила этикета приняты между компаниями.

Он ожидал, что офицеры “Интерсолара” после такого ответа уйдут. Капитана компании подобное требование ждать какого-то торговца, хотя и вольного, должно было разъярить до пре-

дела... Однако они остались, и это свидетельствовало, что экипаж "Королевы" обладал преимуществом в предстоящей сделке. Некоторое время люди "Интерсолара" кипели внизу от злости. Али, развалившись у входа, поигрывал пистолетом, а Дэйн внимательно всматривался в травяной лес. Носком ботинка он постукивал по обшивке корабля, вопросительно глядя на Али.

— Кошачья награда, — ответил тот на его невысказанный вопрос.

— И что сегодня?

— Сахар, полная столовая ложка, — повернулся к ним помощник инженера. — Два цветных стержня. Так высоко они никогда еще не поднимали цен. Думаю, что они делят всю добычу поровну. Каждый вечер новый мальчишка приносит кота.

Как и все земные корабли, "Королева" в качестве важной составной части экипажа имела кота. Дородный Синдбад до их прибытия на Саргол не доставлял никакого беспокойства. Он исполнял свои обязанности по избавлению корабля от обычных и необычных вредителей быстро, аккуратно и энергично. И когда они прибывали на чужие планеты, он никогда не проявлял желания убежать. Но запахи Саргола, очевидно, одурманили его, лишив достоинства и независимости солидного и немолодого кота. Теперь Синдбад убежал с корабля рано утром, а вечером его, протестующего голосом и когтями, приносил обратно кто-нибудь из туземных мальчишек за определенное вознаграждение. За три дня это была единственная удачная сделка, удовлетворяющая всех, за исключением Синдбада.

Стук башмаков по металлу предупредил о том, что спускаются офицеры "Королевы". Али и Дэйн отошли внутрь коридора, освободив выход для капитана Джелико и Ван Райка. Затем они вновь выглянули наружу, чтобы оказаться свидетелями встречи своих офицеров с офицерами "Интерсолара". Не было сердечных приветствий, иных проявлений гостеприимства, что можно было бы ожидать при встрече землян на этой чужой планете на расстоянии в четверть Галактики от их родной земли, где все они выросли. Джелико и спускавшийся чуть позади Ван Райк остановились на последних ступеньках трапа, так что три представителя компании — капитан, суперкарга и охранник — оказались в невыгодном положении и вынуждены были смотреть на командира "Королевы" снизу вверх, хотя они как представители могущественнейшей компании скорее были склонны презирать вольных торговцев.

Высокая, мускулистая и аккуратная фигура капитана "Королевы" производила впечатление большой силы, находящейся под контролем воли, а его лицо, покрытое густым космическим загаром, свидетельствовало, что это человек быстрых и решительных действий.

тельных действий. Вывод этот подтверждался шрамом от выстрела бластера на щеке. Ван Райка, если бы не его одежда, посторонний наблюдатель мог бы принять за представителя компании высокого ранга, но только до тех пор, пока этот наблюдатель не уловил бы того, что скрывается за казавшимися сонными полуприкрытыми глазами и не услышал бы особой нотки в его спокойном и медлительном голосе. На первый взгляд эти два высших офицера вольной торговой службы были полной противоположностью друг другу, но действовали они как части одного слаженного механизма и служба изысканий на дюжине планет могла бы подтвердить это, опираясь на события прошлого.

Сейчас Джелико с щелканьем сдвинул каблуки своих ботинок и взмахнул рукой перед шлемом — жест, более подходящий для героических Патрульных из известной видеосерии.

— Джелико, “Королева Солнца”, вольный торговец, — резко представился он и добавил: — Это Ван Райк, наш суперкарго.

Лицо капитана “Интерсолара” вспыхнуло.

— Грант, капитан “Дарта”, — он сделал еле заметный знак, который можно было принять за салют. — “Интерсолар”. Келли, суперкарго. — Третьего спутника он не назвал.

Джелико, засунув большие пальцы за пояс, ждал и после некоторого молчания Грант вынужден был начать:

— У нас время только до полудня...

Джелико продолжал ждать. Под его спокойным взглядом капитан компании продолжал, с трудом подбирая слова.

— Они дали нам время до полудня, чтобы собраться...

Раздался спокойный голос Джелико:

— Нам незачем собираться, Грант. Я имею право обвинить вас перед торговой службой в браконьерстве. “Королева Солнца” единственный корабль, который находится на этой планете на законном основании. Если вы немедленно стартуете, я оставляю это без последствий. В конце концов, у меня нет желания тратить время в поисках ближайшего патрульного крейсера.

— Вам не стоит так обращаться с “Интерсоларом”. Мы хотели сделать вам предложение, — вступил в разговор Келли, потому что его командир не мог найти слов от возмущения.

— Вам, представителям “И—С”, — с сарказмом произнес Джелико, — всегда недоставало образования. Советую лучше изучить кодексы и не только те статьи, которые в конце его. Вы можете проверить наши права в Центре. И, думаю, чем скорее вы уберетесь, тем лучше будет для вас, иначе мы обвиним вас в эксплуатации чужой планеты.

Грант овладел собой.

— Мы здесь далеко от Центра, — напомнил он. Это было не только подтверждением факта, и все это поняли. “Королева Солнца” была вольным торговцем, одиноким на чужой планете, а корабль Гранта представлял собой компанию и по его просьбе в любой момент сюда доставят подкрепление, запасы и вообще что угодно.

Дэйн глубоко вздохнул. Компании, очевидно, очень нужен Саргол, если они были готовы идти на нарушение закона. Капитан корабля компании сделал шаг вперед.

— Думаю, мы поняли друг друга, — произнес он.

Ответил ему Ван Райк. Его глубокий голос был далеко разнесен ветром над травяным лесом.

— Ваши предложения?

Видимо, такой ответ на их угрозу подкрепил веру людей “И—С” в безнаказанность действий, а их убежденность в том, что никакой вольный торговец не посмеет противостоять могуществу и власти компании, так и лезла в глаза.

— Мы выкупим ваши права с прибылью для вас, и вы стартуете до назначенного сарголийцами времени.

— А какова прибыль?

— Ну, — пожал плечами Келли, — скажем, десять процентов стоимости последнего груза Кама.

— Как великодушно, не правда ли? — рассмеялся Джелико. — Десять процентов стоимости груза, который не может быть оценен. Банда на Лимбо не оставила записей о своей добыче.

— Мы не знаем, что он привез на Лимбо, — мягко сказал Келли. — Мы имеем в виду груз праностей, доставленных в Аскол.

Теперь рассмеялся Ван Райк.

— Интересно, кто это придумал? — суперкарго вдохнул благоухающий ветер. — Этот человек может принести компании большую прибыль. Интересное предложение...

По тому, какое спокойно-удовлетворенное выражение приняли лица стоящих внизу людей, стало ясно, что люди компании уверены в своей победе. “Королеве” заплатят жалкие гроши, под угрозой возмездия она стартует с Саргола, а “Интерсолар” станет полностью контролировать торговлю камнями корос. А усердие людей, добившихся этого, будет замечено и вознаграждено.

“Интересно, — размышлял Дэйн, — сталкивались ли они когда-нибудь с вольными?.. По их поведению это незаметно”.

Ван Райк порылся в кармане и вытащил оттуда плоский металлический диск, спокойно лежавший на его ладони.

— Это очень интересное предложение, — повторил он. — Я сохраню эту запись как сокровище.

Вид этого диска смыл с лиц людей “Интерсолара” удовлетворенное выражение. Кровь отхлынула от лица Гранта, Келли заморгал, а третий безымянный член отряда потянулся за парализующим пистолетом. Это движение не осталось незамеченным со стороны Дэйна и Али.

— Это вас успокоит, — заметил Джелико, протягивая открытый лист. — права на эту планету, полученные ими от службы.

— Вы бы лучше... — горячо начал капитан компании, но затем вновь взглянул на диск, который держал Ван Райк. Металлопластовый предмет содержал запись его голоса. Грант замолчал.

— Да? — вежливо спросил суперкарго “Королевы Солнца”.

Но Келли взял своего капитана за руку и повел его от корабля, убеждая в чем-то.

— До полудня вы должны стартовать, — бросил им вслед Джелико, затем, обращаясь к суперкарго, добавил: — Не думаю, что они захотят это сделать.

Ван Райк кивнул.

— А что бы вы сделали на их месте? — спросил он. — Не думаю, чтобы Грант испытывал когда-нибудь подобное.

— Со временем успокоится, — ответил Джелико. Казалось, капитан утратил свое недоверие к будущему.

— Это, — Ван Райк снова спрятал диск в карман, — отгонит их на парсек или два. Грант не из тех, кто применяет бластеры. Нужно, чтобы Ганг послушал эфир, тогда мы, возможно, сможем подготовиться к любым сюрпризам, если Грант запросит у кого-нибудь совета и помощи. Не думаю, что они теперь станут вмешиваться в наши дела с сарголийцами, им не захочется отвечать на неудобные вопросы, если мы попросим Патруль задать их им. Итак, — он потянулся и повернулся к Дэйну, — продолжим работу.

Вновь в двух шагах от Ван Райка Дэйн шел к Торговому Центру, где их ожидали вожди сарголийских племен. Им пришлось идти всего пять или шесть минут от корабля, и сарголийцы ничем не выразили интереса к их возвращению, но Дэйн заметил, что теперь был оставлен только один пустой табурет. Сарголийцы ожидали для переговоров только одного земного торговца.

Последовала скучная церемония обмена банальностями, добрыми пожеланиями и приветствиями. Никто не упоминал камни корос или даже пахучую траву — то, что интересовало торговцев. Никто не давал знака, что готов к серьезной торговле — поднятая рука покупателя и поднятая рука продавца означали согласие или несогласие с ценой. Но подобные длительные

переговоры были частью устава Торговой службы, а Дэйн, слушая все эти речи, в то же время внимательно разглядывал окружающих, пытаясь оценить и классифицировать.

Ключом к характеру сарголийцев являлась осторожная независимость. Единственной формой правления, которую они признавали, была семейно-клановая организация. Кровная месть и ожесточенные схватки обычны в их жизни, и каждый мужчина, достигший совершеннолетия, был вооружен и в любой момент мог схватиться с противником, пока не становился "говорящим о прошлом", то есть слишком старым, чтобы владеть оружием. Но вследствие постоянных схваток и войн лишь немногие сарголийцы доживали до подобного состояния. Иногда заключались кратковременные союзы между семьями, обычно тогда, когда у них был общий, но более сильный враг. Только под торговым щитом вожди этих семи кланов встречались без своих воинов.

За час до захода солнца Вафт перевернул свой кубок вверх дном и поставил его на стол. Этот жест тотчас же повторили все вожди. Переговоры на этот день оказались закончены.

И, подумал Дэйн, они не принесли ничего. Что же такое открыл Трэкет Кам, что позволило ему заключить торговую сделку с этими подозрительными существами? Если люди с "Королевы" не узнают этого, они могут провесты все время до истечения прав на эту планету в подобных бесполезных переговорах.

В школе Дэйна учили, что часто торговый контракт с чужой расой требует долгой и терпеливой подготовки. Но между тем, что говорил преподаватель, и тем, что Дэйн испытывал на себе, разверзлась пропасть, и он печально подумал, что ему еще многому предстоит научиться, прежде чем он сможет в любой ситуации вести себя с несокрушимым терпением и самоуверенностью Ван Райка. Казалось, суперкарго нисколько не устал от этих бессмысленных переговоров, и Дэйн знал, что Ван Райку предстоит как минимум полночи, чтобы уже в сотый раз перечитать те короткие записи Трэкота Кама, которые им достались, чтобы попытаться понять, почему и как другой вольный торговец преуспел там, где люди "Королевы" наталкиваются на каменную гору. Как знал Дэйн из записок Трэкота Кама, сбор камней корос был опасным занятием. Хотя здесь, в материковой части планеты, власть сарголийцев неоспорима, совсем иначе обстояло дело в стране мелких морей. Там хозяйничали горпы и следовало постоянно опасаться нападения этих хитрых разумных рептилий, чьи мыслительные процессы были так далеки от мышления и сарголийцев, и землян, что казалось, что никакой контакт с ними вообще невозможен. Собирая камни

корос, приходилось, следовательно, рисковать жизнью ради выгоды, и, вероятно, сарголийцы не видели в этом необходимости. Однако Трэкет Кам сумел привезти полный мешок камней, то есть ему каким-то образом удалось договориться с горпами. Ван Райк избежал по трапу, как будто ему не терпелось заняться записями, но Дэйн задержался и тоскливо поглядел на травяные джунгли. По его мнению, эти ранние вечерние часы были лучшими на Сарголе. Воздух был золотым, ночные ветры еще не поднялись. Дэйну не хотелось менять этот простор на тюремное заключение в корабле. Пока он так размышлял, из отдаленного леса показались два юных представителя разумного населения планеты. Они несли одну из своих охотничьих сетей, которая в этот раз была использована для поимки необычного пленника — подростки пришли за наградой за поимку Синдбада. Дэйн отправился за этим вознаграждением, но, к его изумлению, один из туземцев указал выпученным пальцем-ногтем на трап.

— Идти, — с трудом произнес он на линго.

Изумление, по-видимому, ясно выразилось на лице Дэйна, но мальчишка все равно энергично указал головой и поставил ногу на трап, подтверждая тем самым свое желание. Это желание одного из сарголийцев было тем более удивительным, что до сих пор все они единодушно показывали, что запахи человека непереносимы для настоящего, в их понимании, высшего существа. Однако следовало использовать любую возможность для лучшего понимания туземцев, как бы мала она ни была. Дэйн взял мяукавшего Синдбада и поманил сарголийца:

— Идем.

Только один из них последовал за ним, а второй смотрел на это широко раскрытыми глазами и затем, когда товарищ позвал его, повернул назад в лес. Он не хотел идти в ловушку.

Дэйн поднялся по трапу, не показывая вида, что обращает внимание на поведение сарголийцев, не понуждая оставшегося юнца, когда тот пару раз чуть помедлил. В мозгу помощника суперкарго лихорадочно перелистывался список товаров. Что из этого списка могло бы привлечь юного сарголийца с таким многообещающим любопытством? Если бы он имел время посоветоваться с Ван Райком.

Сарголиец уже был в коридоре и его ноздри широко раздувались, вбирая запахи необычного места. Внезапно голова юнца дернулась, будто попала в одну из охотничьих сетей. Его ноздри поймали совсем незнакомый запах, а глаза встретились с глазами Дэйна. Землянин приветливо кивнул и неторопливо провел юного сарголийца в верхние помещения “Королевы Солнца”.

НАКОНЕЦ КОНТРАКТ

— Что за... — Френк Мура, стюард, кладовщик и кок “Королевы”, отступил на шаг в ближайший проход, когда юный сарголиец влетел в его сектор.

Дэйн, держа в руках Синдбада, шел за своим гостем и успел увидеть, как тот внезапно остановился перед наиболее важной дверью корабля — дверью, которая вела в гидропонный зал, где обновлялся кислород и росли фрукты и овощи, которые весьма разнообразили меню из концентратов. Сарголиец притронулся рукой к гладкой поверхности запертого помещения и вопросительно взглянул на Дэйна. В его взгляде ясно читалась просьба. Руководимый лишь инстинктом, что весьма важно для всех торговцев, Дэйн спросил Муру:

— Френк, можно впустить его туда?

Это было неблагоприятно и, может быть, даже опасно, но каждый член экипажа понимал необходимость установления контакта с туземцами. Мура даже не удосужился кивнуть, а просто просунул между сарголием и дверью и открыл замок. Свежий запах земли и растений, которого так недоставало благоуханиям этой чужой планеты, ударил им в лицо. Юноша остался на месте, высоко подняв голову. Широко раскрытыми ноздрями он ловил незнакомые запахи. Затем он двинулся осторожной, крадущейся походкой, которую унаследовал от предков, по узкому коридору к зеленой массе в дальнем конце помещения.

Дэйн выпустил мяукающего и вырывающегося Синдбада из рук. Это была территория кота, и он очищал ее от захватчиков. А сарголиец нашел то, что искал. Он стоял на цыпочках у одного из растений в состоянии экстаза, и его желтые глаза были полужакрыты. Дэйн в поисках объяснения взглянул на стюарда.

— Френк, что его так заинтересовало?

— Кошачья мята.

— Кошачья мята? — повторил Дэйн. Это название для него ничего не значило, но у Муры была привычка выращивать незнакомые растения и изучать их. — Что это такое?

— Земная трава, один из видов мяты, — кратко объяснил Мура, идя по узкому коридору к туземцу. Он сорвал лист и растер его пальцами.

Дэйн, чье обоняние было ослаблено острыми ароматами, окружавшими его весь день на планете, не почувствовал нового запаха, но юный сарголиец тут же повернулся к стюарду и ши-

роко раскрыл глаза, а кот Синдбад издал скулящий вой, подпрыгнул и сунул голову между рук стюарда.

Наконец-то получилось — они сделали первый шаг!

— Можно дать ему лист или два? — подошел поближе Дэйи и спросил у Муры.

— А почему бы и нет? Я выращиваю его для Синдбада. Для кошки это все равно что табак для курильщика или выпивка для пьяницы.

По поведению Синдбада Дэйи предположил, что растение действует на кошачий организм как стимулятор, подобно алкоголю или никотину. Он осторожно сорвал веточку с тремя листиками и протянул ее сарголийцу. Тот взглянул на Дэйи, схватил подарок, выскочил из сада, будто его преследовали кровные мстители из другого клана, и Дэйи услышал топот его ног на лестнице — очевидно, туземец решил побыстрее убраться с драгоценным подарком. Но помощник суперкарго нахмурился, увидев, что в саду всего лишь пять таких растений.

— Это вся кошачья мята?

Мура взял кота на руки и выпроводил из сада Дэйи.

— Не было нужды выращивать ее в больших количествах. Небольшой порции этой травы хватает надолго для Синдбада. — Он выпустил кота в коридор. — Листья можно высушивать. Думаю, в камбузе есть большой ящик с высохшими растениями.

Это был успех. Неужели найден ключ к торговле драгоценными камнями корос? И все зависит от ящичка с засушенными листьями. Надо сообщить Ван Райку. Но, к большому недоумению Дэйи, суперкарго не проявил никакой радости, когда его помощник изложил ему все подробности своего открытия. Наоборот, тот, кто хорошо знал Ван Райка, понял бы, что тот недоволен. Он выслушал Дэйи и встал. Поманив указательным пальцем помощника, он пошел из своей каюты в кабинет врача Тау.

— Задача для вас, Тау. — Ван Райк опустился на откидное сиденье, предложенное ему врачом. Дэйи остался у входа, теперь уже понимая, что вместо благодарности, которую он ожидал услышать, его ожидает выговор, но причина была ему неясна. — Что вы знаете о растении, которое Мура выращивает в гидропонном саду, он его называет кошачьей мятой? — продолжал суперкарго.

Тау не проявил удивления от этого вопроса — врач корабля вольной торговли вообще ничему не удивлялся. За первые годы службы он исчерпал все свои возможности удивляться и после этого принимал любое происшествие, сколь угодно таинственным оно ни было, просто как реальную действительность. Вдобавок хобби Тау была магия — скрытые знания, используемые

первобытными докторами и знахарями на чужих планетах. У него накопилась целая библиотека рецептов, дополнительных источников знания об определенных результатах опытов с различными веществами. Время от времени он отсылал в Центральную службу доклад, который прочитывался полудюжиной чиновников с поднятыми от удивления бровями, после чего его благополучно забывали. Но это не разочаровывало врача "Королевы".

— Это земная трава из семейства мяты, — ответил он. — Мура выращивает ее для Синдбада. Она оказывает определенное влияние на кошачьих. Френк старался приучить его возвращаться на корабль, позволяя ему кататься на высушенных листьях, и Синдбад с удовольствием проделывал это, но затем снова убежал.

Это кое-что объяснило Дэйну — почему сарголийский мальчик хотел войти в корабль. Запах растения задержался на кошачьей шерсти, сарголиец уловил его и захотел установить источник этого запаха.

— Это наркотик? — спросил Ван Райк.

— В той же степени, что и все остальные растения. В этом смысле чай тоже можно считать наркотиком. У мяты нет особых медицинских свойств. Для кошек она служит стимулятором, они получают от нее удовольствие, катаясь в листьях и поедая их, как мы от выпивки.

— Эти сарголийцы, в некотором роде, тоже кошки, — пробормотал Ван Райк.

— Сарголийцы узнали о существовании кошачьей мяты? — выпрямился Тау.

Ван Райк кивнул на Дэйна, и тот повторил свой рассказ. Когда он закончил, Ван Райк прямо спросил врача:

— Как повлияет кошачья мята на организм сарголийцев?

Только тогда Дэйн понял, что он наделал. Они не проверили влияние растения с чужой планеты на гетаболизм сарголийцев. Что, если он дал туземцам Саргола опасный наркотик, внушил этому юноше пагубную привычку? Дэйн оторопел. Он же мог отравить его!

Тау взял свою фуражку и, после секундного колебания, медицинскую сумку, задав лишь один вопрос Дэйну:

— Есть ли хоть какие-нибудь сведения о том, откуда этот юноша, из какого клана?

И Дэйн, похолодевший от ужаса, был вынужден ответить отрицательно.

— "Что я наделал, как же я не сообразил?" — подумал он.

— Вы сможете найти его? — спросил Ван Райк, игнорируя Дэйна.

— Постараюсь, — пожал плечами Тау. — Сегодня утром я встречался с местными жрецами, которые одновременно являются здесь и лекарями. Они приняли меня хорошо, и при сложившихся обстоятельствах надо попытаться что-нибудь сделать.

В коридоре Ван Райк распорядился:

— Думаю, Торсон, вам лучше всего побыть в каюте, пока мы не выясним, как обстоит дело.

Дэйн отсалютовал. Голос начальника прозвучал как удар хлыста. Много хуже, чем брань. Дэйн проглотил комок в горле и заперся в своей каюте. Происшествие могло положить конец его службе. И он будет счастлив, если у торговцев с “Королевы” вообще не отберут права на Саргол. Как только хоть слабый намек на всю эту историю донесется до людей “Интерсолара”, компания подаст на них рапорт в Центр и добьется, чтобы у них отобрали права. И все это из-за его глупости! Он самонадеянно решил, что добьется успеха там, где капитан и Ван Райк нагнулись на каменную стену. И даже больше, чем будущее “Королевы”, его беспокоила мысль, что он, подарив эту веточку с листьями, принес на Саргол опасный наркотик. Когда он помнеет?

Дэйн лег вниз лицом на свою койку и уныло рисовал в своем воображении длинную вереницу бедствий, которые могут последовать за его необдуманным и поспешным поступком. День и ночь на “Королеве” были искусственными, но свет в каюте не менялся. Он не знал, сколько времени пролежал так, размышляя о своем поступке.

— Дэйн! — ворвался в его кошмар голос Рипа Шэннона, но он не откликнулся. — Тебе приказано явиться к Ван Райку.

Почему такой приказ? Вероятно, чтобы отвести к капитану Джелико... Дэйн встал, посмотрел на себя в зеркало и поправил одежду, избегая смотреть Шэннону в глаза. Рип был одним из тех, кого он тоже подвел, но тот не замечал его настроения.

— Пойдем, сам посмотришь. Половина Саргола собралась там, внизу. Требуют начать торговлю.

Это объяснение было так далеко от того, что он ожидал услышать, что Дэйн вздрогнул, оторвавшись от своих печальных мыслей. Коричневое лицо Рипа широко улыбалось, а черные глаза сверкали. Было ясно, что он в отличном настроении.

— Пошли быстрее, — посоветовал он, — не то Ван Райк испепелит тебя своим гневом.

Дэйн последовал его совету, быстро поднявшись вверх по проходу и проследовав к выходу из корабля. То, что он увидел внизу, ошеломило его. На Саргол опустился вечер, но место действия внизу было освещено. Плавающие факелы выстрои-

лись цепочкой от самого травяного леса, а свет переносных корабельных прожекторов смешался со светом факелов, превратив ночь в день. Ван Райк и Джелико сидели на табуретах лицом к лицу с пятью из семи вождей кланов, с которыми они вели переговоры. За своими вождями толпились сарголийцы низших рангов. Да, здесь были и паланкины, и оргалы — верховые животные, со спины одного из них с помощью двух слуг слезала знатная женщина. Значит, пришли и женщины. Это могло означать только одно — торговля началась. Но торговля чем?

Дэйн опустился в десятифутовую траву. Он увидел Вафта, который протягивал Ван Райку руку, закрытую торговым полотном. Пальцы Ван Райка прикрывал носовой платок. Их руки под складками ткани соприкоснулись. Торговая сделка находилась в начальной стадии. И это была важная сделка, поскольку ее проводил сам вождь. В записках Кама сообщалось, что обычно подобные сделки совершают приближенные вождя. Небольшая кучка камней на табурете рядом с вождем отражала свет прожекторов и факелов. Дэйн глубоко вздохнул. Он слышал описание камней корос и даже видел их фотографии, найденные в бумагах Кама, но все это не давало никакого представления об истинном их виде. Он знал результаты химического анализа этих камней. Они, подобно земному янтарию, были окаменевшей смолой древних растений — возможно, предков травяных деревьев, — долго пролежавшей в соленом растворе мелких морей, где химические процессы привели к превращению смолы в настоящую драгоценность. Здесь были все оттенки розового — от розово-абрикосового до насыщенного розово-лимонного, но одновременно казалось, что в глубине камня светилось нечто серебряное или огненно-золотое. Будто внутри камней вспыхивали сверкающие искры. Но особенно привлекало в этих камнях то, что потертые о кожу и согретые теплом тела они испускали запах, который очаровывал не только туземцев, но и любого жителя Галактики, достаточно богатого, чтобы завладеть этим камнем.

На другой табуретке у правой руки Ван Райка стоял пластмассовый ящик с сухими листьями. Дэйн, стараясь остаться незамеченным, прошел к своему обычному во время торговых операций месту за спиной Ван Райка. Группы сарголийцев продолжали выходить из леса. Слуги и одетые в пестрое воины несли факелы. Несколько в стороне расположилась группа туземцев, которых он раньше не видел. Они собрались группой у воткнутого в землю древка, на верхушке которого был прикреплен белый вымпел, означавший, что это место является временным Центром торговли. Это, несомненно, тоже сарголийцы, но их одежда не была такой пестрой и разнообразной, как у

остальных. Все они были одеты в тусклые длинные накидки коричнево-зеленого оттенка с рукавами. Их одежда напоминала цвет сарголийского неба перед приближением бури.

Это были жрецы. Кам оставил лишь несколько пометок о религии сарголийцев, но жрецы обладали большой властью и то, что они признали земных торговцев, служило весьма хорошим предзнаменованием. В группе жрецов находился один землянин — врач Тау, он с серьезным видом разговаривал с главным жрецом. Дэйн дорого бы заплатил, чтобы подойти к Тау и расспросить его, было ли это собрание вызвано его открытием в саду. Но пока он размышлял об этом, торговое полотнище было снято с рук и Ван Райк через плечо отдал приказание:

— Отмерь две столовые ложки сухих листьев.

Дэйн старательно исполнил приказ. В то же время слуга сарголийского вождя перенес горсть камней с одного табурета на другой и высыпал их перед Ван Райком, который положил их между ног. Вафт встал, но его табурет тотчас же занял другой вождь. Торговое полотнище в полной готовности было обернуто вокруг его запястья. Но в этот момент торговля была прервана, новый отряд появился на поляне. Это были люди в форме Торговой службы. Их одежда выделялась темным пятном на фоне разноцветных одеяний сарголийцев, через толпу которых они прокладывали себе дорогу.

Люди “Интерсолара” здесь! Значит, они не улетели с Саргола! Они не выказывали никакой неловкости, будто именно их права были нарушены вольными торговцами. И Келли, их суперкарго, важной походкой направился к месту торговли. Шум голосов сарголийцев смолк, они немного отступили, оставив два отряда землян лицом к лицу, ожидая развязки событий. Ван Райк и Джелико молчали, предоставляя Келли объяснить причину их появления здесь.

— Вы пошли по кривой дорожке, парни, — усмехнулся Келли, полный торжества. — Статья Шестая, или это слишком сложно для ваших голов?

Третий раздел Кодекса, статья Шестая... Дэйн напрягал память, пытаясь припомнить этот закон Службы. Слова, усвоенные с помощью автоучителя в первый год обучения, мелькали в голове:

“Ни один торговец не имеет права предлагать туземцам наркотики, пищу и питье с других планет, пока не будет доказано, что эти вещества безвредны для туземцев”.

Вот оно что! Представители компании одолели их, и в этом была его, Дэйна, вина. Но если он был так не прав, то почему же Ван Райк организовал торговлю, превратив ошибку в пре-

ступление, за которое они будут отвечать перед Центром и их могут лишить прав на Саргол?

Ван Райк вежливо улыбнулся.

— Четвертый раздел Кодекса, статья Вторая, — сказал он с выражением игрока, открывающего выигрышную карту.

Четвертый раздел, статья Вторая гласила:

“Любое органическое вещество, предлагаемое для торговли, должно быть испытано комиссией опытных медицинских экспертов, в которой представлено равное количество землян и туземцев”.

С лица Келли не сходила презрительная усмешка.

— Ну, — сказал он, — где же ваша экспертная комиссия?

— Тау! — позвал врача Ван Райк. — Не сможете ли вы представить суперкарго Келли своих коллег?

Высокий загорелый врач сказал что-то стоявшему рядом с ним жрецу, и они вместе направились через поляну к месту торговли. Джелико и Ван Райк встали и склонили головы, приветствуя жреца, как это сделал ранее вождь, с которым торговцы договаривались о сделке.

— Чтец облаков и хозяин ветров, — голос Тау звенел, перечисляя титулы сарголийца, — позволь привести пред твои очи суперкарго Келли, слугу торговой компании “Интерсолар”?

Бритый череп и лицо жреца при свете прожекторов оказались серыми. Его сине-зеленые глаза с независимым видом рассматривали отряд компании.

— Я нужен вам? — очевидно, он считал, что глубоко проникает в сущность вещей.

Келли не смутился.

— Эти вольные торговцы распространили среди ваших людей сильный наркотик, который принесет много зла. — Он говорил медленно, подбирая выражения, словно обращался к ребенку.

— Вы уверены в этом? — спросил жрец. — Какого рода зло принесет это растение?

На мгновение Келли растерялся, но быстро нашелся:

— Его не испытывали и поэтому вы не знаете, как оно скажется на сарголийцах.

Жрец нетерпеливо встряхнул головой.

— Мы не лишены рассудка, торговцев. Это растение было испытано и вашими хозяевами секретов жизни, и нашими. В нем нет вреда. Это хорошая вещь, которую необходимо высоко ценить. Мы должны поблагодарить того, кто принес его нам. И кончим этот разговор. — Он плотно запахнул свою одежду и отошел.

— Теперь, — сказал Ван Райк, обращаясь к отряду компании,

— я прошу вас уйти. По законам торговли ваше присутствие здесь незаконно.

Но Келли не утратил своей самоуверенности.

— Вы еще не все выслушали. Доклад об этом уже отправлен в Центр.

— Это ваше право. А пока... — и Ван Райк указал на сарголийцев, которые нетерпеливо зашумели.

Услышав этот гул, Келли оглянулся и сделал единственно возможный вывод. Отряд компании стал удаляться от “Королевы”.

Дэйн схватил Тау за руку и задал ему вопрос, который мучил его с момента выхода из корабля.

— Что случилось? Это связано с кошачьей мятой?

Серьезное лицо Тау несколько прояснилось.

— К счастью для нас, этот мальчи принес листья жрецам. Они попробовали их, и я не заметил никакого вредного воздействия. Но вы хорошо отделались, Торсон. Все могло кончиться гораздо хуже.

Дэйн вздохнул.

— Я знаю это, сэр, — согласился он, — и я постараюсь, чтобы...

Тау слегка улыбнулся.

— Мы все проходим через это. Надеюсь, в будущем...

Но он не успел закончить, как Дэйн прервал его:

— В будущем этого никогда не случится, сэр!

Глава 4

ОХОТА НА ГОРПОВ

Задержка изменила ход торговли. Младший вождь, занявший место Вафта, предложил лишь два камня корос, которые, даже на неопытный взгляд Дэйна, по цвету и качеству были хуже тех, которые предлагал вождь первого клана. Земляне знали, что сбор камней корос — опасное занятие, но они и не предполагали, что запас камней корос так мал. Через десять минут закончилась последняя сделка, и вожди ушли из освещенного круга, пройдя между киями оперения “Королевы Солнца”. Дэйн, обрадовавшись порученному заданию, убрал торговую ткань. Он чувствовал, что далеко еще не вернул себе хорошее отношение Ван Райка. То, что его начальник не обсуждал с ним результатов сделки, было плохим признаком. Капитан Джелико удовлетворенно потянулся. Теперь он был доволен.

— Десять первоклассных камней, около пятидесяти — второго сорта и двадцать или около того — третьего. Вожди завтра отправятся на рыбную ловлю. Вот после этого мы увидим настоящие камни.

— А как с запасами травы?

Дэйна это тоже интересовало. Несомненно, нескольких маленьких растений в саду и ящичка сухих листьев хватит ненадолго.

— Мало, как и следовало ожидать.

Ван Райк нахмурился.

— Но Крейг Тау говорит, что он придумал кое-что.

Жрецы выдернули древко, обозначавшее временное перемирие, и обернули вокруг него белый вымпел, а затем тоже удалились.

Тау подошел к группе у трапа.

— Ван говорит, что у вас есть идея? — окликнул его капитан.

— Мы еще не все использовали. И не сможем использовать, пока не согласятся жрецы.

— Да, больше ошибок допускать нельзя, — согласился Джелико.

Капитан не обращался непосредственно к нему, но Дэйн был уверен, что Джелико имел в виду его. Что ж, не стоило напоминать, он никогда больше не допустит подобной ошибки, капитан может быть в этом уверен. Дэйн принял участие в собрании в кают-компании только потому, что был членом экипажа. Он не мог не выяснить, насколько его ошибка отразилась на отношении к нему и других членов экипажа. И он не мог не поговорить об этом деле с Рипом. Тау расположился рядом с Мурой, своим искусным помощником. Он рассказал, что знал, о свойствах кошачьей мяты и сообщил об ограниченных запасах этого растения на "Королеве". Затем высказал новое предложение:

— Кошачьи на Земле, подобно многим иным млекопитающим, испытывают тягу вот к этому. — Мура протянул небольшую бутылочку.

Тау открыл ее и протянул капитану Джелико. Передавая бутылочку друг другу, каждый член команды почувствовал острый запах. Он был еще острее, чем запах растертых листьев мяты. Дэйну запах не понравился, но спустя мгновение из коридора прибежал Синдбад и совершил непростительный грех, забравшись на стол кают-компании как раз перед Мурой, который взял бутылочку у Дэйна. Кот жалобно замыкал и вцепился в обшлаг Муры. Тот закрыл бутылочку и спустил кота на пол.

— Что это? — пожелал узнать капитан.

— Анисовое масло. Его изготавливают из семян аниса. Это стимулятор, но мы его используем как приправу. Если оно безвредно для сарголийцев, то это будет для них более ценным, чем любой товар, который сможет предложить компания “Интерсолар”. А эта компания со своими неограниченными возможностями и капиталами сможет завалить рынок любым товаром и предлагать его по цене ниже себестоимости, чтобы разорить нас. Их корабль не покинул Саргол, хотя и не имеет права здесь оставаться.

— И вот еще что, — добавил к этой лекции Ван Райк. — Компания торгует или собирается торговать благовониями. Но у них только искусственные вещества... Сильно пахнущие, но синтетические. — Он вынул из кармана две небольшие корочки.

Вдохнув сильный аромат, доносившийся из них, Дэйн определил, что это предмет роскоши, искусственный дорогостоящий предмет, который расходуется по всем цивилизациям Галактики. Ван Райк продемонстрировал всем выправированный на ящичках символ их конкурента — торговую марку “Интерсолар”.

— Сарголийцы предложили мне в обмен эти ящички. Я взял их, лишь бы иметь доказательства, что компания торговала здесь. Но заметьте, их предложили мне вместе с двумя камнями корос... за столовую ложку листьев кошачьей мяты. Так что это значит?

— Сарголийцы предпочитают натуральные продукты искусственным, — ответил первым Мура.

— Да, я тоже так считаю.

— Думаете, в этом и заключается секрет Кама? — предположил штурман Стин Вилкокс.

— Во всяком случае, — заключил Джелико, — он определил это. Если бы мы знали об этом...

Все подумали о том же — о кладовых, заваленных бесполезными товарами. Если бы их предупредили заранее, они захватили бы с собой в двадцать раз больше травы, пользуясь таким успехом, которой так легко торговать.

— Может быть, теперь, когда их торговое сопротивление сломлено, мы сможем предложить и другие вещества, — задумчиво сказал Тан, отвернувшись от своего любимого пульта связи. — Они любят цвет — не предложить ли им несколько рулонов шелка харлианских мотыльков?

Ван Райк утомленно вздохнул.

— Попробуем. Мы попробуем все, что возможно, но делать это следует как можно лучше.

Он размышлял о превратностях судьбы, которая занесла их

на планету, где выгодно торговать, но не снабдила запасами необходимых товаров. Раздался слабый кашель, которым обычно прочищают горло. Джаспер Уикс, маленький слесарь и смазчик механизмов инженерной секции, представитель третьего поколения венерианских колонистов, о присутствии которого другие, более горластые члены экипажа обычно склонны забывать, смутился, увидев, что все глаза обращены на него, и заговорил хриплым голосом:

— Кедр, лаквелевая кора, семена форша...

— Корица, — добавил к этому списку Мура, — предложенная в небольших количествах.

— Естественно! Единственный сейчас вопрос — как много кедра, лаквелевой коры, семян форша и корицы есть у нас на борту? — спросил Ван Райк.

Уикс, казалось, не заметил сарказма. К их удивлению, маленький человек, пробравшись между товарищами, вышел из кают-компании. Они услышали звук его ботинок по узкой лестнице — он спускался в помещение машинной секции. Тан повернулся к своему соседу, Иоганну Штоцу, начальнику инженерной секции “Королевы”.

— Куда он пошел?

Штоц пожал плечами. Уикс был незаметным человеком. Даже в темных помещениях корабля он старался никому не попадаться на глаза. И сейчас все осознали, что мало его знают. Команда услышала звук шагов возвращающегося Уикса. Тот торопливо вошел в кают-компанию и приблизился к столу, за которым сидели Джелико и Ван Райк. У него в руке был стальной сундучок с отдельными пластмассовыми деталями. В таких члены экипажа держали свои ценности. Крепкие замки служили гарантией от любопытства посторонних.

Уикс поставил сундучок на стол и открыл крышку. Новые ароматы прибавились к запахам, заполнявшим кают-компанию. Уикс зачерпнул пригоршню пушистого вещества, которое просачивалось сквозь пальцы подобно мыльной пене. Затем с большой осторожностью он вытащил поддон, разделенный на множество отделений, каждое из которых было с отдельной крышечкой. Команда “Королевы” придвинулась поближе, любопытство у всех возросло.

Дэйн, благодаря высокому росту, имел преимущество перед остальными, хотя широкая спина Ван Райка и мощные плечи капитана несколько прикрывали ему предмет, который всех так интересовал. В каждом отделении поддона находились разные фигуры, видимые сквозь полупрозрачные крышки. Здесь был таинственный обитатель болот Венеры, рядом с ним точное изображение земных животных, марсианская песчаная мышка

во всей своей чудовищной дикости, а также туземные животные и рептилии с полусотни различных планет. Вслед за первым Уикс извлек второй поддон, также заполненный многочисленными странными формами жизни. Когда он снял крышку с одного из отделений и протянул фигурку капитану, Дэйн понял, зачем были принесены эти фигурки.

Большинство из них были вырезаны из сероватой древесины, и Дэйн знал, что, если бы он взял фигурку в руки, она бы почти ничего не весила. Это была лаквеловая кора — благоухающий продукт венерианских растений. Все фигурки лежали в мягком облаке пенистого вещества — семени ароматического растения, которое выращивается в холодных зонах марсианских каналов. Одна или две фигурки на втором подносе были вырезаны из коричнево-красного дерева, и Ван Райк с оценивающим видом понюхал их.

— Кедр, земной кедр, — пробормотал он.

Уикс утвердительно кивнул головой. Глаза его сияли.

— Сейчас я хочу приняться за сандал, из него тоже хорошо вырезать.

Джелико с удивлением посмотрел на стол.

— Все это сделали вы?

Будучи ксенологом-любителем, он больше заинтересовался формами внесемной жизни, нежели материалом, из которого они были сделаны. У каждого на борту “Королевы” было какое-нибудь хобби. Монотонность долгих путешествий в гиперпространстве, когда многочисленные обязанности занимают мало времени, а теснота помещений способствует раздражительности, заставляли искать занятия для мозга и рук. Каюта Джелико была завалена изображениями редких животных и чуждых созданий, которые капитан изучал в их родной обстановке, делая тщательные записи. У доктора Тау была магия, у Муры не только растения, но и миниатюрные пластмассовые шары, внутри которых он заключал причудливых насекомых с чужих миров. Но Уикс никогда раньше не показывал свои работы и теперь наслаждался производимым эффектом, артистически демонстрируя фигурки своим товарищам. Суперкарго снова вернулся к основной теме:

— Вы хотите все это отдать для торговли? — резко спросил он. — Сколько их у вас?

Уикс, доставая третий, а за ним и четвертый поддоны, ответил, не глядя:

— Две сотни. Да, я хочу отдать их, сэр.

Капитан вертел в руках отлично сделанную фигурку астраханского дускорпа.

— Жаль их продавать, — громко сказал он и затем добавил:

— Вафт или Халфер должны оценить их не только по запаху.
— Не беспокойтесь, сэр, — улыбнулся Уикс, — я изготовлю еще. Думаю, что компания не сможет предложить им что-либо подобное, — добавил он с чувством гордости.

— Конечно, не сможет! — ответил Ван Райк.

Так они строили планы на будущее, а затем разошлись спать по каютам. Дэйн знал, что его промах не забыт и не прощен, но он слишком устал, чтобы думать об этом, и уснул тотчас же, будто совесть его была чиста.

Однако на утро выяснилось, что лишь несколько сарголийцев низших рангов явились для торговли и никто из них не предложил ничего ценного. Жрецы в качестве нейтральных судей отправились распределять участки с камнями корос, а воины под руководством вождей были заняты сбором камней. Из полученных крох информации земляне поняли, что сбор камней корос никогда не проводился в таких масштабах. К вечеру подоспела еще одна новость, гораздо более тревожная. На Вафта, вождя одного из двух самых могущественных кланов, напал горп, когда он руководил сбором камней корос на мелководье. Вафт был убит. Необычная активность сарголийцев в районе мелких озер вызвала появление целых полчищ этих разумных и злобных рептилий. Горпы нападали и убивали, прежде чем сарголийцы смогли организовать достаточную защиту от них. В полном молчании горпы сначала перебили часовых сарголийцев, а затем напали на собирателей камней.

Какое-то количество жизней сборщиков и рыбаков должно было быть отдано за камни, сарголийцы предвидели это заранее. Но смерть вождя — это совсем другое дело, и она должна была вызвать далеко идущие последствия. Когда эта новость дошла до сарголийцев, собравшихся вокруг “Королевы”, они немедленно скрылись в травяном лесу и впервые с момента прибытия на Саргол земляне освободились от глаз тайных наблюдателей.

— Что же будет? — спросил Али. — Неужели они прервут с нами торговлю?

— Это было бы большим несчастьем, — согласился Ван Райк.

— Может быть, — предположил Рип, — они считают нас ответственными за происшедшее?

Дэйн, болезненно относившийся ко всем перипетиям торговли с сарголийцами, сам пришел к такому же выводу. Земляне, не зная, какую тактику избрать в подобной ситуации, мудро решили ничего не делать — время покажет. Но, когда на следующий день не явился ни один сарголиец, люди забеспокоились. Вызвала ли смерть Вафта войну между кланами за наследство? У каждого клана свой претендент? Или, что было более

вероятным и опасным, сарголийцы пришли к выводу, что “Королева Солнца” ответственна за случившееся и готовились к “теплому” приему любых торговцев, которые осмелятся к ним явиться?

Поскольку все это было возможным, экипаж “Королевы” не отходил далеко от корабля и пределом их прогулок была опушка травяного леса, из которого за ними могли незаметно наблюдать. Однако вскоре с шумом явился вестник от сарголийцев. Это был молодой воин в блестящем разорванном платье, клочья которого свисали с плеч в знак траура. В одной руке посланец держал погасший факел, а в другой — обнаженный коготь-нож, лезвие которого сверкало в лучах яркого солнца. За ним следовала группа слуг в разорванных плащах и тоже с обнаженными ножами.

Поняв, что это официальный вестник, у подножия трапа его встретили высшие офицеры “Королевы” — капитан, штурман, главный инженер и суперкарго. Плавными фразами на языке линго воин назвался Грофтом, сыном и наследником покойного Вафта. Пока кровь его отца не отомщена, он не может ни занять его место, ни возглавить свою семью, и теперь, по обычаю, он приглашает друзей и союзников покойного Вафта принять участие в охоте на горпов. Такая охота — Дэйн с трудом продавался сквозь церемониальную речь сарголийца, чтобы понять суть, — никогда раньше не проводилась на Сарголе. Бесчисленное множество сарголийцев погибло от когтей этих водяных рептилий, но вожди погибали редко, а теперь клан твердо решил отомстить за смерть своего вождя...

— ... итак, небесные господа, — Грофт приближался к концу своей речи, — мы пришли, чтобы просить вас направить ваших молодых воинов на охоту, чтобы они узнали радость вонзающихся в эту чешуйчатую смерть когтей-ножей и увидели эту рогатую скотину в луже собственной крови.

Дэйну не нужно было намеков со стороны офицеров “Королевы Солнца”, чтобы понять, что это приглашение было крайним нарушением обычаев. Объединившись с сарголийцами в таком набеге, земляне установят с ними связи, подобные родственным, и никакой “Интерсолар” или любой другой контрабандист не сможет нарушить их. Это был такой счастливый случай, о котором они и не мечтали тремя днями раньше.

Грофту звучным голосом ответил Ван Райк. Используя закругленные обороты сарголийской речи, которую все изучили, пользуясь записями Трэкета Кама, он разъяснил.

— Да, земляне с удовольствием примут участие в таком славном и замечательном деле. Они используют всю силу своих рук, чтобы уничтожить всех горпов, каких им удастся встретить.

Грофт должен лишь назвать час, когда они должны будут присоединиться к сарголийцам.

Юный сарголийский наследник поспешил ответить, что нет необходимости в том, чтобы старшие небесные господа затрудняли себя этим делом. По обычаю такая охота — участь младших воинов. Они должны заслужить славу и право стоять перед огнями.

— Пусть, — тут Грофт выпустил коготь-нож на всю длину, указывая на стоящих перед ним землян, — этот, и этот, и тот, пусть они четверо присоединятся к сарголийскому отряду сегодня через час после полудня и все вместе дадут этим скользким и вероломным тварям хороший урок.

Выбор сарголийца, за одним исключением, безошибочно пал на самых младших членов экипажа — Али, Рипа, Дэйна, но четверым он указал на Джаспера Уикса. Возможно, бледность кожи и маленький рост слесаря заставили сарголийца отнести его к младшим из землян. Во всяком случае, Грофт весьма ясно сказал, что он выбирает именно этих людей, и Дэйн знал, что офицеры “Королевы” вряд ли будут подвергать риску так удачно налаженные отношения с туземцами. Ван Райк попросил сделать одну уступку и получил неохотное согласие. Он добился разрешения для людей из корабля пользоваться парализующими пистолетами. Сарголийцы по традиции использовали в борьбе со своими старыми врагами лишь сети и ножи-когти.

— Идите с ними, — отдал последнее распоряжение капитан Джелико, — и будьте с ними до тех пор, пока не перебьете всех горпов, которые, по всеобщим отзывам, очень сильны и хитры. В полную силу используйте ваш разум.

Али улыбнулся, а маленький Уикс затянул пояс с таким щегольством, которого никогда не выказывал. Рип выглядел как обычно — могучая скала, на которую все остальные могут положиться. Он без разговоров принял командование над отрядом людей, присоединившихся к команде Грофта.

Глава 5

ОПАСНЫЕ МОРЯ

Охотники на горпов шли через травяной лес семейными группами, и земляне поняли, что наступило перемирие во всем районе, так как здесь были представители не только клана Вафта. Все сарголийцы были молоды и пребывали в состоянии большого возбуждения. Стало ясно, что охота подготовлена с большим размахом и означает для них не только месть нена-

вистным врагам, но и возможность прославиться и проявить себя.

Травяной лес постепенно редел, стали попадаться открытые пространства и поляны. Наконец лес превратился в отдельные группы деревьев. Теперь земляне шли по колено в огненно-красной траве, напоминавшей земной папоротник. Большинство сарголийцев несли факелы, иногда целые связки их, как если бы охота на горпов должна была состояться ночью. Было, уже действительно поздно, когда они достигли моря.

Вода оказалась металлически-серого цвета, покрытая широкими пурпурными полосами, как если бы художник провел кистью по поверхности моря. Красный песок сверкал золотыми блестками и доходил до самой воды, которая с медлительностью масла лизала линию берега. Вдали возвышались сомкнутыми рядами группы далеких островов, там росли травяные деревья, склонявшиеся под порывами ветра. Нападающие достигли берега в том месте, где его касалась одна из пурпурных полос, и Дэйн заметил, что она оставляет на песке пенистый след. Земляне подошли к воде. Там, где она оказалась чистой от пурпура, они смогли увидеть дно, однако большую часть поверхности воды занимала пурпурная краска, и Дэйн подумал, что горпы используют ее в качестве приманки.

Некоторое время сарголийцы не приближались к морю — месту своей охоты. Только самые молодые члены отряда, многие из которых не достигли совершеннолетия и поэтому не были вооружены когтем-ножом, рассыпались вдоль берега и принялись прилежно собирать дрова, складывая их в гряду на песке. Дэйн, наблюдая за ними, заметил кусок гладкого дерева. Он обратил внимание Уикса на этот отполированный водой предмет — ствол дерева. Глаза того загорелись, и он поднял этот кусок. Остальные собранные обломки оказались кусками травяных деревьев, но этот нечто другое. Среди побелевших обломков он ярко пламенел алым цветом. Уикс вертел его в руках, проводя пальцами по его гладкой поверхности. Даже в таком виде дерево было прекрасно. Уикс остановил сарголийца, притаившего очередную связку дров.

— Что это? — спросил он на линго.

Туземец равнодушно посмотрел на обломок дерева и ответил:

— Танзил. Он растет на островах, — и он сделал широкий жест, указывая на большую часть моря к западу, после чего поторопился уйти.

Уикс теперь сам отправился на поиски вдоль берега, и Дэйн последовал за ним. Через четверть часа, когда их позвали к только что зажженному костру, они подобрали около десяти

обломков танзила разного размера — от трех футов в длину и четырех дюймов в диаметре до маленьких кусочков, не больше авторучки, но все они были гладко отполированы и ярко горели на солнце. Уикс связал их вместе, и они с Дэйном присоединились к остальным, где Грофт объяснял землянам технику охоты на горпов. В двухстах футах от них в море выдавался риф, омываемый водой и покрытый пурпурной пеной. Он образовывал большую дугу и напоминал настоящий волнорез. Это и было место нападения, но сначала надо было так убрать пурпурную пленку, чтобы жители суши и моря оказались бы в этом сражении в равных условиях.

Огонь разгорался и с жадностью поглощал дрова. Юные сарголийцы с зажженными факелами отбегали от костра и, покрутив ими над головой, швыряли их в пурпурную пленку. С воды поднимался огонь и с огромной скоростью пробегал по гребням низких волн. Сарголийцы закашлялись и погрузили свои носы в благоухающие ящики, так как ветер с моря приносил отвратительное зловоние. Когда очищающий огонь погас, воду покрывала лишь слабая серо-металлическая накипь — пурпур исчез. Старшие воины заботливо выбирали из больших связок факелы. Грофт подошел к землянам с четырьмя факелами.

— Воспользуйтесь ими.

— Для чего?

Дэйн недоумевал — небо все еще было освещено солнцем. Он держал свой факел, ожидая, пока сарголийцы объяснят, зачем они нужны. Грофт расставил всех по местам. Передвигаясь с легкостью и проворством, он располагал воинов у расщелины, через которую море врывалось на риф. За ним следовали туземцы, каждый с зажженным факелом в руке, который они швыряли в расщелины. Земляне, менее устойчивые в своих космических башмаках, шли вдоль рифа той же самой дорогой, мокрые от брызг, зажав носы от отвратительного запаха, идущего с моря.

Следуя примеру сарголийцев, они выстроились лицом к морю, но Дэйн не знал, чего они ждут. Кам оставил лишь очень неопределенное описание горпов. Было только ясно, что это рептилии, сообразительные и опасные. Другого земляне о них не знали. Когда воины заняли свои позиции, юные сарголийцы зажигали факелы от костра и бегали вдоль линии своих старших товарищей, подавая им горящие факелы, которые те швыряли в море. Серо-стальная поверхность моря стала теперь желтой, отражая заходящее солнце. В ней, по мере того как факелы сарголийцев зажигали все новые и новые клочья, все более ярко сверкала охра и золото. Дэйн прикрыл глаза от блеска, томи-

тельно глядя в волнующуюся воду и думая, что это волнение предвещает появление тех, на кого они охотились.

Он держал наготове свой парализующий пистолет, так как сарголийцы уже обнажили ножи-когти в правых руках, а в левых — раскрытые и приготовленные к броску сети, которые предназначались для того, чтобы парализовать движения жертвы и облегчить ее убийство. Первое нападение совершилось на выступе рифа, самой опасной позиции, которую ревниво сохранил для себя Грофт. Услышав предупреждающие крики, Дэйн обернулся и увидел, как Грофт кинул свою сеть в море и нанес сильный удар ножом. Когда он поднял руку для второго удара, зеленоватая сукровица сбегала с лезвия ножа на запястье.

— Дэйн!

Голова Торонса дернулась, и он увидел какую-то рябь, приближающуюся прямо к тому месту, где он стоял, но он продолжал ожидать лучшей цели, чем этот движущийся клин. Инстинктивно Дэйн пригнулся к земле, как если бы ожидал удара бластера. Никто из сарголийцев, стоящих рядом, не двинулся, и Дэйн решил, что такова охотничья этика. Каждый должен лицом к лицу встретиться с выбравшим его чудовищем и убить без помощи других. И вот, значит, от его храбрости в течение следующих нескольких минут зависит репутация всех земель в глазах туземцев.

Под металлической поверхностью моря стали заметны очертания какой-то тени, но Дэйн не мог хорошо разглядеть ее из-за искажения в мрачных волнах моря. Он был вынужден ждать. Наконец эта тень придвинулась совсем близко и из воды наполовину вылетело кошмарное чудовище и лягнуло своими зубами длиной не менее ладони человека у самых носков его ботинок. Не сознавая своих действий, Дэйн нажал на спуск пистолета, направив его в этот кошмар из моря. Но, к его величайшему удивлению и ужасу, нападающее существо не упало парализованное обратно в море. Его зубы щелкнули еще раз, зацепив на этот раз концы башмаков и оставив глубокие борозды на материале, который не поддавался самым крепким ножам.

— Задай ему как следует! — подбадривал Дэйна со своего места Рип.

Дэйн вновь и вновь нажимал на спуск, но чудовище раскрывало и закрывало свою лягушачью пасть, полную удивительно острых и ужасных зубов. Оно уже полностью выползло из воды, передвигаясь при помощи множества крабьих лап. Передние конечности, усеянные когтями, находились уже рядом, когда чудовище вдруг остановилось и его отвратительная голова стала поворачиваться из стороны в сторону, защищенная

естественной броней. Горп присел, как бы готовясь к последнему прыжку, тому прыжку, который сбросил бы Дэйна в море. Но этого не произошло. Горп задергался, свернулся и стал похож на громоздкий шар из прочного неразрушимого вещества. Так он и остался лежать.

Сарголийцы с обеих сторон от Дэйна триумфально закричали и придвинулись ближе. Один из них покрутил сеть, видя, что у землянина нет необходимой охотничьей принадлежности. Дэйн энергично кивнул в знак согласия, и крепкие нити сети опутали неподвижную жертву на рифе. Но горп был так хорошо защищен своим панцирем, что не нашлось ни одного незащищенного места для удара ножом-когтем. Воины захватили пленника, но не смогли его убить. Однако сарголийцы были очень довольны. Некоторые из них оставили свои позиции и помогли перетащить чудовище на берег, где оно было прижато к земле рогатками и палками, продетыми сквозь ячейки сети.

Но у охотничьего отряда оказалось слишком мало времени, чтобы радоваться этому подарку судьбы. Горп, убитый Грофтом, и тот горп, которого парализовал Дэйн, шли лишь в авангарде армии, и через мгновение все охотники отбивали нападение. Это была вовсе не легкая работа. Воздух наполнился криками агонии, Дэйн повернулся и успел увидеть сарголийца, которого горпы утащили в море. Уже слишком поздно его спасать! Но Дэйн, балансируя на самой кромке рифа, направил луч своего пистолета в кровавую воду. Даже если бы ему удалось поразить цель, он об этом уже не узнал — и нападающий, и жертва уже скрылись под водой.

Зато Али удалось спасти сарголийца, защищавшего соседний участок рифа. Тяжело раненный сарголиец истекал кровью, и его чуть было не унесло в море. Каждый дрался в одиночку, битва освещалась лишь светом факелов, так как уже опустился вечер.

Догорали последние клочья пурпурной пены. Дэйн прижался к земле и смотрел в воду, ожидая увидеть рябь, которая выдает присутствие очередного врага. На рифе и в воде была такая суматоха, что Дэйн не мог даже приблизительно сказать, успешно ли идет охота. Но количество горпов как будто уменьшилось. От этих мыслей Дэйна отвлек чей-то крик, и он был уверен, что его издал не сарголиец. Он вскочил на ноги. Рип стоял на своем месте, освещенный факелом. Да, помощник штурмана здесь. Али? Нет, помощник инженера тоже цел. Уикс? Но и Уикс цел. Он бежал по рифу, и его поведение выдавало сильную спешку. Вторично раздался крик, так поразивший землян.

— Назад! — кричал Уикс, отчаянно показывая на что-то невидимое на берегу.

Младшие сарголийцы, поддерживающие костер, теперь собрались вместе на самом берегу у воды. Али тоже устремился за Уиксом. Последние метры он преодолел огромными прыжками, безрассудно погружая ноги по колено в воду. Дэйн увидел, как он направил пистолет в центр бьющейся пены. Третий крик перешел в стон, а затем сарголийцы бросили в воду сети и вытащили оттуда темную неподвижную массу. То, что один из горпов все-таки пробрался во внутреннюю часть рифа, произвело на сарголийцев определенное впечатление. После минутного колебания Грофт приказал отступить, что все и сделали, таща свои ужасные трофеи на берег. Дэйн насчитал семь трупов горпов, не считая пленника на берегу, а еще больше их сдохло в воде. Со стороны охотников было убито двое сарголийцев — один из них погиб на глазах у Дэйна и еще один оказался тяжело раненным. Но кто кричал на берегу? Может, кого-то послали с “Королевы Солнца”?

Дэйн побежал по рифу, но прежде, чем он достиг берега, его обогнал Рип. Стонущий человек, лежавший на берегу, не являлся членом экипажа “Королевы”. Разорванная и окровавленная одежда несла на себе герб “Интерсолара”. Али уже обрабатывал его рану, оказывая первую помощь и используя для этого свою аптечку. На все их вопросы неизвестный отвечал упорным молчанием, как будто его и не спрашивали. Земляне помогли сарголийцам соорудить трое носилок. На одни из них, самые большие, положили пленного горпа, все еще свернувшегося и закрытого защитным щитком и сетью. На вторых несли раненого сарголийца, а на третьих — землянина.

— Даставим его на корабль, — решил Рип. — Видимо, он шпионил за нами. — Рип обратился к сарголийцам, чтобы выяснить, где находится корабль компании.

— Они подумают, что это мы виноваты, — заметил Али. — Но ты прав. Если мы отнесем его на “Королеву” и он там умрет, то люди компании скажут, что мы не оказали ему помощь. Пошли скорее! Он, по-моему, очень плох.

В сопровождении проводника-сарголийца, освещавшего дорогу факелом, они торопливо пошли по тропе, поочередно неся носилки. К счастью, корабль “Интерсолара” был ближе к морю, чем “Королева”. Войдя на обожженную огнем дюз поверхность почвы, земляне пустились рысью. Хотя корабль компании был, вероятно, одним из самых маленьких, числившихся в списках “И-С”, он был втрое больше “Королевы” и относился к торговым кораблям экстра-класса. Рядом с ним их собственная “Королева” казалась бы не только маленьким кораблем, но и истерзанным и избитым. Но ни один из вольных торговцев не согласился бы ему изменить и надеть значок компании, даже если бы ему

пообещали службу на только что спущенном со стапелей судне.

Когда выпускники покидают школу космической торговли и получают свою первую должность, его шлют туда, где наиболее подходящ его темперамент, способности и наклонности. Те, кто идет в вольные торговцы, не могут служить на кораблях компаний. С течением времени пропасть между теми, кто живет под постоянным контролем одной из пяти могущественнейших компаний, охватывающих всю Галактику, и теми, кто слишком индивидуален, чтобы служить где бы то ни было, кроме полупромышленных-полуторговых кораблей вольных торговцев, все более углубляется. Вражда обострялась постоянно, соперничество возрастало. Но большие компании соперничали в основном и между собой в борьбе за лакомый кусочек, какими представлялись большие населенные планеты.

Очень редко случалось, что вольные торговцы прихватывали такие планеты, как Саргол, способные привлечь торговых гигантов. Когда отряд с "Королевы" достиг трапа корабля компании, их остановили. Рип потребовал вызвать вахтенного офицера и рассказал ему, как был ранен этот человек. Люди "Интерсолара" подхватили носилки и поторопились с ними на борт своего корабля, не сказав даже слов благодарности за спасение их товарища.

— Ну, вот и все, — пожал плечами Рип. — Пошли быстрее, как бы они не вздумали захлопнуть люки и взлететь.

— Как они вежливы, не правда ли? — саркастически сказал Уикс.

— Чего ж ты хотел от "И-С"? Для них вольные торговцы — это отбросы планет. Пошли туда, где нас ценят.

Вскоре они были у трапа "Королевы" и поднялись, чтобы доложить капитану.

Но на этом последствия охоты на горпов не кончились. Наутро ни один сарголиец не появился для торговли, и это удивило землян. Пришла только делегация, состоящая из пожилых воинов и жрецов, для того чтобы пригласить на похороны Вафта. Обряд должен был предшествовать официальному назначению Грофта на место отца, после того как тот отомстил за него. Из замечаний, оброненных членами делегации, стало ясно, что земляне, присоединившиеся накануне к охотничьему отряду, вели себя в полном соответствии с сарголийскими обычаями.

Было решено, что двое останутся на корабле. Остальные смазались благоухающими пастами, чтобы не давать ни малейшего повода для ухудшения существующих отношений с сарголийцами. После полудня прибыл сарголийский эскорт и стал ждать землян на опушке леса. Мура и Тан вышли всех прово-

доть. Земляне двинулись по дороге в противоположном от Торгового центра направлении.

Впереди с громкими криками бежали вестники-герольды. Сначала они шли через лес, но вскоре достигли открытого пространства шириной в несколько миль. Оно было тщательно очищено от всякой растительности, которая могла бы служить укрытием для подкрадывающегося врага. В центре этого пространства возвышался забор высотой в двадцать футов, сделанный из ярко-красного дерева, которое так заинтересовало Уикса на берегу моря.

Каждый ствол, из которых состоял забор, был заострен к верху. Со стороны поля перед забором уже выкопали широкий ров, через который вел деревянный настил. Проходя по мосту, Дэйн взглянул вниз — во рву было сухо.

Сарголийцы не нуждались в воде для защиты. Дно рва было пурпурного цвета. Дэйн не ошибся. Легковоспламеняющаяся пена, которую сарголийцы принесли с моря, покрывала дно рва слоем в несколько футов. Стоило лишь бросить туда горящий факел и перед нападающими встала бы стена огня. Сарголийцы знали, как использовать ресурсы своей планеты.

Глава 6

ВЫЗОВ НА ДУЭЛЬ

За красным забором размещались многочисленные постройки. Сарголийцы любили одиночество, поэтому даже неженатые воины не хотели жить в бараках, каждый имел свою собственную маленькую спальню. Поселок каждого клана, построенный из глиняных кирпичей и бревен, напоминал соты большого улья. Хотя Вафт возглавлял один из самых больших кланов, в нем насчитывалось всего около двухсот воинов с их многочисленными женами, детьми и пленными слугами. Обычно не все они жили в поселке, но на похороны Вафта собрался весь клан. Этим объяснялось появление новых временных навесов между постоянными строениями поселка.

Земляне были рады, когда их провели через запутанный лабиринт прямо к центру поселка — Большому Залу. Как и Торговый Центр, этот зал представлял собой круглую постройку без крыши, разделенную на секции столбами красного дерева. Каждый столб увенчивался металлической корзиной с горючим материалом и тут не было никаких низких табуретов и торговых столиков. Длинный, узкий стол, имевший разрез у входа, тянулся вдоль круглой стены. В противоположном от входа конце

зала на невысоком помосте находился трон вождя. Хотя похоронный обряд официально еще не начался, земляне увидели, что большинство мест в зале занято.

Их провели вдоль стены и указали места рядом с троном. Ван Райк сел с довольным видом. Стало ясно, что вольных торговцев отнесли к знатым гостям. Они могли надеяться в будущем на хорошую торговлю. Делегации соседних кланов прибывали группами по десять — двенадцать человек и размещались, подобно землянам, тоже группами. Дэйн заметил, что кланы не смешиваются друг с другом, и, как они поняли позже, для подобной предосторожности было достаточно оснований.

— Будем надеяться на нашу адаптацию, — пробормотал Али, с неудовольствием глядя на бесконечные ряды тарелок, которые вносили в зал и расставляли на столе.

Как уже давно поняли вольные торговцы, необходимо не просто попробовать местные напитки — ритуал требовал, чтобы гости откусили “хлеба”. Правда, они готовились к этому и теперь были гарантированы, насколько позволяла медицина, от вредных последствий пищи, непривычной для желудков землян. Одним из результатов подобных происшествий была репутация обжор и стальных желудков, которая укрепилась за вольными торговцами.

Грофт еще не занял освободившееся место вождя. Он стоял в центре круга, образованного столом, и отдавал распоряжения слугам, сновавшим с блюдами. До того магического момента, когда клан признает его вождем, он оставался всего лишь старшим сыном в семье без всякой власти. Пока бесконечные ряды тарелок совершали свой путь к столу, горючее в корзинах на верхушках столбов было зажжено и пламя рассеяло полумрак вечера. Возле каждого сиденья стоял слуга со шкатулкой благоухающей коры, издававшей острый запах, добавлявшийся к другим многочисленным запахам помещения. Земляне время от времени тоже обращались к бутылочкам с нюхательной солью, чтобы предохранить себя, главным образом, от всяких других одуряющих ароматов.

“К счастью, — думал Дэйн, глядя на подготовку к празднику, — дым из корзин уходит вверх. Если бы они находились в помещении крытом, все задохнулись бы. Но понимают ли они, что происходит вокруг?”

Эта мысль была вызвана танцем, начавшимся в центре зала. Их охота на горпов изображалась серией прыжков и различных жестов. Дэйн был уверен, что глаза обманывают его, так как увидел, что нож-коготь танцора-победителя прошел через грудь жертвы-воина в чудовищной маске, изображавшей побежден-

ного горпа. Высшим моментом этого представления стало появление настоящего горпа, того самого, что был парализован лучами пистолета Дэйна. Горп теперь был развязан и пришел в себя, но все еще находился в сети, а его когти оказались залеплены каким-то вязким и плотным веществом. Как только его втащили в зал и оставили посередине, горп освободился от сети, но замазанные когти мешали ему и он прыгал взад-вперед, пока не приблизился к высокому трону. Его страшные челюсти щелкали в воздухе, а из лягушачьей пасти вырывалось яростное змеиное шипение. Хотя горп был полностью во власти своих врагов, он производил впечатление ужасной силы и опасности.

Вид заклятого древнего врага возбудил сарголийцев — воины за столом вскочили и принялись выкрикивать обвинения и оскорбления. Дэйн решил, что живой горп редко попадал в руки сарголийцам, и теперь он внезапно пожалел, что чудище не упало бездыханным в море. Дэйн не испытывал жалости к горпу после того, что видел ночью на рифе, и после слышанных им рассказов, но ему не нравилось свирепое выражение на лицах сарголийцев, их угрожающие жесты и голоса. Конец этим выкрикам положил жрец в темном, похожем на накидку, плаще, образующем тусклое пятно на пестром и разноцветном фоне собравшихся. Он подошел к тому месту, где прыгал горп. Когда жрец остановился перед извивающимся зверем, шум постепенно утих, воины опустили с сиденья и в зале воцарилась тишина.

Грофт подошел и встал рядом со жрецом. Обеими руками он держал кубок с двумя ручками. Это не был изукрашенный кубок, какие стояли перед гостями. Этот сосуд, сделанный из какого-то черного вещества, казался очень древним, во всяком случае, значительно старше не только этого зала, но и всего поселка. Один из воинов, втащивших горпа, подошел к нему, накинул на голову зверя петлю и потянул ее вправо. Жрец неторопливо вынул нож — первое оружие с прямым лезвием, которое Дэйн увидел здесь, на Сарголе. Он сделал единственный надрез на мягкой и незащищенной части горла горпа, и Грофт подставил кубок под кровь, побежавшую из раны.

Горп бешено задергался, обрызгав кровью стол и окружающих его сарголийцев, но они не обратили на это внимания. Все они смотрели на жреца, который долил в кубок другой жидкости из сосуда, принесенного слугой. Он перемешал содержимое кубка и вернул его Грофту. Держа кубок перед собой, молодой вождь подошел к столу и остановился перед троном. В зале наступило молчание, даже горп перестал биться и неподвижно повис в своих путах. Грофт поднял кубок над головой и громко произнес фразу на древнем языке своего клана. Ответом ему

была песнь воинов, которые отныне будут ходить в битву под его знаменем. Эта песнь сопровождалась звоном ножей, ударяемых о стол. Трижды Грофт повторил древнюю формулу и трижды отвечали ему окружающие. Затем во вновь наступившей тишине Грофт поднес к губам кубок, одним глотком выпил его содержимое и перевернул его, показывая, что в нем не осталось ни одной капли. Весь зал потряс торжествующий крик. Сарголийцы вскочили на ноги, размахивая ножами над головой в честь нового вождя, и Грофт впервые сел на трон. Клан получил нового вождя — он занял место отца.

— Представление окончилось? — услышал Дэйн громкий вопрос одного из членов экипажа “Королевы”.

— Еще нет, — последовал разочаровывающий ответ Ван Райка. — Вероятно, они будут праздновать всю ночь. Сейчас все вновь примутся за питье.

— А вместе с напитками придут и новые беспокойства, — пророчески заметил капитан Джелико.

— Клянусь якорной цепью! — воскликнул Рип, и Дэйн повернул голову, чтобы увидеть, что обеспокоило обычно невозмутимого помощника штурмана.

Ему удалось кое-что уразуметь для себя в особенностях жизни туземцев. Молодой воин, всего лишь год назад, вероятно, полувивший право носить нож-коготь, стоял лицом к лицу с пожилым сарголийцем. Плечи и голова старика были мокры, а пустой кубок катился по столу и со звоном ударился о пол. Наступила тишина, а на лицах всех собравшихся появилось выражение нетерпеливого ожидания.

— Вылил всю свою выпивку на соседа, — тихо объяснил Рип. — Это означает дуэль.

— Теперь и здесь? — спросил Дэйн, знавший о таких схватках.

— Вероятно, за такое оскорбление они будут драться до смерти, — заявил Али своим обычным тоном постороннего наблюдателя.

— Молодой воин — дурак! — Это была оценка происходящего, данная Стином Вилкоksom с высоты его пятидесяти лет и огромного жизненного опыта, почерпнутого в большом количестве на различных планетах.

Младший сарголиец прокричал какой-то вопрос своему противнику, тот что-то ответил. Их соседи ожили и проявили большой интерес к происходящему, обсуждая, очевидно, ход их ссоры.

Земляне поняли, что для того, чтобы сарголийский праздник прошел хорошо, необходима хотя бы одна дуэль. Собравшиеся на торжество обычно заключали пари об исходе дуэлей.

— Посмотри на того парня в фиолетовом плаще, — сказал Рип Дэйну. — Видишь, что он положил на стол?

Знатный сарголиец в фиолетовом плаще был не из клана Грофта, он пришел с делегатами из другой семьи. То, что он положил на стол, оказалось небольшим белым яичком, в котором лежал слегка завявший, но так хорошо знакомый землянам лист кошачьей мяты. При этом он объяснил, что победит на дуэли, по его мнению, старший воин. Сосед, которому предлагалось пари, внимательно осмотрел ставку, принял, а затем положил рядом два браслета, усыянных алмазами, шкатулку с ароматическим веществом и перстень. Эта наглядная демонстрация того, как высоко ценят сарголийцы земную траву, заставила Дэйна еще раз пожалеть о том, что они не знали этого раньше. Он взглянул вдоль стола и увидел, что Ван Райк заметил это пари и обратил на него внимание капитана.

Но все подобные сделки были забыты, когда дуэлянты вышли в пространство, образованное круглым столом и освобожденное для них. Они отбросили плащи и разделись до пояса. Каждый держал в правой руке сеть, а в левой — нож-коготь. Земляне никогда не наблюдали борьбы сарголийца с сарголийцем, поэтому они привстали со своих мест, чтобы лучше видеть. Впрочем, так же поступили и остальные собравшиеся. Началась схватка, состоящая из приемов, пришедших из древности, и напоминающая давно забытое на Земле фехтование. Младший сарголиец был быстрее и проворнее, но зато старший обладал несравненно большим опытом. Для земного глаза дуэль была похожа на ритуальный танец. Быстрые уходы от сети были грациозны, и много раз ячейки сети слегка касались кожи бойцов, легко увертывавшихся от ловушки. Дэйн подумал, что старый воин устал. Молодой, очевидно, решил то же самое, но вдруг последовал быстрый прыжок вправо, шквал молниеносных движений, сеть высоко взметнулась и упала, опутав отбивающегося. Молодой воин потерял равновесие. Упав, он тут же попытался встать, но спасения от затягивающихся пут не было.

Крики зрителей приветствовали победителя. Он стоял над поверженным юным воином, готовый вонзить нож в горло или в грудь своего противника. Но оказалось, что победитель не хотел убивать побежденного. Он протянул длинную, покрытую шерстью руку, взял со стола кубок и с удовольствием вылил его содержимое на голову поверженного. Мгновение стояла мертвая тишина, затем вновь послышались приветственные крики, к которым, вздохнув с облегчением, присоединились и земляне.

Юноша был освобожден от сети и, встав на колени, протянул победителю свой нож, который тот вместе со своим засунул себе

за пояс... Из слов окружающих Дэйн понял, что младший воин на время, определенное советом клана, становится рабом своего победителя. Так в целом мирно завершилась эта дуэль, хотя если бы победитель убил побежденного, никто бы не осудил его.

Теперь в центре внимания оказались люди с “Королевы”. Грофт спустился с высокого трона и подошел к тем, кто сопровождал его на охоте. Теперь другого выхода не было — пришлось пить крепкий напиток, который он налил им из своего кубка. Огненная жидкость перехватила дыхание Дэйну, но он мужественно проглотил ее, надеясь, что жгучая, как кислота, жидкость не сожжет ему внутренности. Тонкое лицо Уикса побледнело. Дэйн со злорадством заметил, что у Али колики. Оказалось, что есть на свете вещи, которые могут вывести из себя невозмутимого Камила. К счастью, им не нужно было выпивать содержимое одним глотком, как это делал Грофт, оказалось достаточно одного ритуального глотка, и Дэйн опустился на свое место с облегчением, но и со смутным чувством тревоги за свое будущее.

Грофт вернулся на трон, но течение праздника вновь прервалось, на этот раз неожиданно. Среди слуг проложил себе путь вестник и что-то сказал вождю, который посмотрел на землян и утвердительно кивнул. Дэйн, тошнота у которого возрастала с каждой секундой, ни на что не обращал внимания, пока не услышал восклицания Рипа. Подняв голову, он увидел отряд людей “И-С”, находившийся в центре зала перед троном. Люди с “Королевы” застыли — в облике прибывших было что-то внушающее им беспокойство.

— Что вам нужно, небесные господа? — поинтересовался Грофт, сидевший на троне.

— Мы хотим пожелать тебе от всего сердца самого наилучшего, — ответил Келли цветастыми и гладкими фразами, нравившимися сарголийцам. — А чтобы ты нас не забывал, мы принесли тебе подарки.

По сигналу суперкарга люди “Интерсолара” поставили на пол небольшой сундучок. Грофт, сидя с опущенным на сжатый кулак подбородком, не изменил своей позы.

— Подарки приняты, — ответил он полагающейся по этикету фразой. — И никто не может пожелать мне большей удачи. Плакальщики Черных Ветров знают это.

Но он не пригласил их присоединиться к пирующим. Келли, казалось, не был обескуражен столь холодным приемом и следующими словами он поразил своих конкурентов, хотя те и ждали от него подвоха.

— По законам товарищества, о Грофт, — прогремела его ритуальная фраза, — я от тебя требую удовлетворения.

Али сжал кулаки. Несмотря на увеличивающиеся страдания, Дэйн заметил, как стиснул зубы Ван Райк, как на лице капитана Джелико появилось суровое выражение. Глаза Грофта остановились на людях "Королевы". Хотя он только что выпил с ними чашу дружбы, но свои законы он чтит крепко.

— По праву ножа и сети, — ответил он, — вы имеете право требовать удовлетворения. Кто ваш враг?

Келли повернулся к вольным торговцам.

— Я требую, чтобы эти пришельцы избрали из своей среды бойца, который будет сражаться до крови с моим бойцом.

Сарголийцы были очень возбуждены. Происходящее превосходило все их ожидания, они никогда не видели такой схватки — чужеземец против чужеземца. Гул их голосов напоминал рычание охотящегося зверя. Грофт улыбнулся, и выражение удовольствия на его лице не было ни земным, ни вообще человеческим.

— Четверо из этих воинов принадлежат нашему клану, — сказал он, — но из остальных может быть выбран боец.

Дэйн взглянул на своих товарищей. Али, Рип, Уикс и он сам были избавлены от этого. Остаются Джелико, Ван Райк, Карл Кости — черный гигант, силу которого они испытали раньше, инженер Штоц, врач Тау и Стин Вилкоккс.

Джелико встал на ноги, теперь он сам стал воплощением бойца. В мерцающем свете огней на его щеке дергался рубец.

— Кто ваш боец? — спросил он у Келли.

Тот хмуро улыбнулся. Он был уверен, что поставил своих конкурентов в трудное положение.

— Вы принимаете вызов? — повторил свой вопрос Джелико.

Келли тут же вытолкнул вперед одного из своих людей. Кандидат, выступивший вперед, не был похож на Кости. Им оказался тонкий, стройный, молодой человек, чья самодовольная улыбка говорила, что он тоже доволен затруднительным положением пользующихся дурной славой вольных торговцев. Джелико пристально изучал его, и в это время шум голосов сарголийцев возрос и напоминал гудение осиног гнезда. Отступления быть не могло — отказ от схватки означал потерю уважения в глазах сарголийцев. Келли, несомненно, на это и рассчитывал, Джелико выбрал лучший выход.

— Мы принимаем вызов, — сказал он ровным голосом. — Будучи гостями на празднике у Грофта, мы будем сражаться сарголийским оружием.

В зале прозвучал гул одобрения.

— По обычаю сарголийских воинов, мы выбираем сеть и нож, — закончил он.

Дэйну показалось, что на лице Келли промелькнула тень беспокойства.

— Когда? — подавшись вперед, спросил со своего трона Грофт, даже не скрывая удовлетворения таким замечательным окончанием своего праздника. Он знал, что об этом будут говорить еще долго, долго.

Джелико взглянул на небо.

— Через час после рассвета, вождь. И, с твоего разрешения, мы хотим посоветоваться, чтобы выбрать бойца.

— Мой зал для советов в вашем распоряжении. — И Грофт приказал одному из своих слуг провести туда людей “Королевы”.

Глава 7

ЕСЛИ НЕ БУДЕТ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ...

Утренние ветры прорывались сквозь травяной лес и, вырвавшись на открытое пространство, развеивали плащи сарголийцев. Знатные члены кланов сидели на табуретах, остальные толпились на расчищенном от растительности месте за частоколом. На фоне их разноцветных одежд темные костюмы землян выделялись серыми пятнами на разных концах подготовленной для них временной арены. Во главе экипажа “Королевы Солнца” выступил вперед капитан Джелико. Он, и только он, будет представлять вольных торговцев в предстоящей дуэли. И вот он стоит в свете раннего утра в шортах и башмаках, сняв с себя всю одежду, за которую могла бы уцепиться сеть противника.

Джелико ростом был выше представителя “Интерсолара”, стоявшего перед ним, и гораздо плотнее. Тяжелые мускулы переливались под кожей, бледной там, где ее не затронул космический загар многолетних межзвездных пространств. Каждое его движение было полно скрытой грации и силы человека, который в молодости слыл большим мастером борьбы. В левой руке он держал нож-коготь, подаренный ему самим Грофтом, в правой — затягивающуюся сеть.

На другом конце поля боец “Интерсолара” энергично перемещался взад-вперед, натирая подошвы своих ботинок песком. С явным превосходством он посматривал на своего противника.

Никто из вольных торговцев не позволил себе давать советы Джелико. Капитан лучше всех в экипаже знал обязанности вольных торговцев. А эти обязанности включали широчайшие знания и отточенные навыки. В частности, вольный торговец обязывался владеть всеми видами оружия, начиная с бластера

и кончая рогаткой. Хотя Джелико и не был знаком с оружием сарголийцев — ножом и сетью, но он хорошо знал другие виды оружия и тактические приемы, которые изучил в прошлом. Сейчас здесь не ощущалось привычной атмосферы, столь характерной для поединков сарголийцев. Главное — церемония. Жрецы призывали свои суровые божества, звучали клятвы над оружием. Ставки между зрителями на исход поединка достигали, по мнению Дэйна, небывалых размеров. Большая часть частной собственности сарголийцев в результате этого поединка должна была изменить своих владельцев.

Когда главный жрец подал знак, оба землянина направились к центру поля осторожной и крадущейся походкой космонавтов. Джелико скрутил свою сеть насколько позволял ее объем в тугую веревку. Оружие, незнакомое капитану, представлялось в схватке для него скорее недостатком, чем преимуществом. Но когда противник двинулся Джелико навстречу, пальцы Рипа сжали ладонь Дэйна и помощник штурмана прошептал:

— Он знает...

Дэйн и без подсказки товарища заметил это. Запомнив приемы вчерашних дуэлянтов, он сразу понял значение той изящной грации, с которой боец "И-С" нес свою сеть. Противник Джелико не просто получил короткую инструкцию о пользовании сарголийским оружием — он много тренировался и, судя по его обращению с сетью, представлял большую угрозу для капитана.

Шум вокруг возрастал по мере того, как опытные глаза сарголийцев отмечали эту деталь. Ставки против капитана Джелико поднялись катастрофически высоко, а сердца у членов его команды упали. Только Ван Райк казался невозмутимым. Он время от времени элегантно жестом подносил к носу бутылочку с пахучими солями, в точности повторяя жесты окружающих его обросших шерстью сарголийцев, его как будто ничто не заботило.

Боец "И-С" маневрировал и использовал прием, напавший ухудшенную копию тех, которые несколько раньше продемонстрировал молодой сарголиец. Но, когда он бросил свою сеть, капитана Джелико уже не было на том месте. Он припал на колени и сеть пролетела над его плечом на расстоянии добрых шести футов. Крик одобрения вырвался не только у его товарищей, но и у тех сарголийцев, которые ставили на капитана. Дэйн смотрел на поле и на бойцов сквозь какую-то водянистую пленку. Болезненное ощущение, которое он испытывал после употребления напитка из чаши дружбы, переродилось в кулак, который бил его изнутри, причиняя мучительную боль, но он знал, что должен преодолеть слабость до конца схватки.

Кто-то споткнулся рядом с ним. Он оглянулся и увидел лицо Али, пепельно-серое под космическим загаром, так похожее на его собственное искаженное лицо. Мгновение помощник капитана по инженерной части в поисках поддержки опирался на руку Дэйна, затем с видимым усилием выпрямился. Значит, Дэйн был не один. Он взглянул на Рипа и Уикса и понял, что они тоже больны.

Но через мгновение все это было забыто, осталась только лишь вытоптанная поляна и двое людей, стоящих лицом друг к другу. Противник капитана вновь сделал бросок, и, хотя Джелико не попался, на этот раз сеть задела его руку, оставив на ней следы красной почвы. До сих пор капитан защищался, не прибегая к решительным действиям и внимательно изучая своего противника. Тот несомненно был уверен в том, что выиграет схватку, что ему только остается ждать удобного момента, чтобы его закончить. Дэйн думал, что это займет долгие утомительные часы, и смутно чувствовал, что так же думают и сарголийцы. Один или двое из них что-то гневно кричали Джелико на своем языке.

Конец наступил внезапно. Джелико остушился и упал. Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, боец "И-С" бросился вперед, размахивая сетью. Но он не достиг капитана — во время падения Джелико подобрал под себя ноги и упал не навзничь, а как бы пригнулся к земле. Его туго свернутая сеть взметнулась над землей, охватив голени противника. Капитан дернул свое оружие: представитель команды "И-С" тяжело упал и остался лежать неподвижно.

— Хлыст — боевой прием жителей Ланскоа! — торжествующе прогремел голос Вилкокса над застывшей толпой.

Используя свою сеть как хлыст, Джелико опрокинул своего противника приемом, которого тот никогда раньше не знал. Капитан тяжело дышал, пот струйками стекал по его обнаженному телу, оставляя следы на красной пыли. Он встал и подошел к бойцу "И-С", который так и не двигался и не произносил ни звука. Джелико опустился на колени и стал осматривать своего противника.

— Убей его! Убей! — кричали сарголийцы, в которых проснулась свирепость.

— По нашим обычаям противника не убивают, — сказал Джелико Грофту. — Пусть его друзья унесут его отсюда. — Он взял нож-коготь, который боец "И-С" все еще сжимал в руке, заткнул его за пояс и затем повернулся к отряду компании. — Возьмите его и уходите! — Узда, которой он сдерживал себя в последние дни, готова была вот-вот лопнуть. — Это была ваша последняя игра здесь!

Тонкие губы Келли скривились, как у рычащего зверя, но ни он, ни его люди ничего не ответили. Они подняли на руки своего незадачливого бойца и ушли.

О своем собственном возвращении в безопасное помещение "Королевы" Дэйн сохранил лишь смутное воспоминание. Он совершенно самостоятельно проделал весь путь через травяной лес, но затем его возмущенный желудок взял над ним верх. Последнюю часть пути он прошел, опираясь на руку Ван Райка. Стоны, доносившиеся до него, свидетельствовали о том, что он не одинок в своих страданиях. Дэйну показалось, что прошло много месяцев, прежде чем он пришел в себя и обнаружил, что лежит на своей койке. Он чувствовал сильную слабость, внутри было пусто, как будто он лишился большей части своих внутренних сил, но ему уже не было так плохо, как раньше. Дэйн приподнялся. Каюта проявила непонятную тенденцию медленно поворачиваться направо, как будто он был осью, вокруг которой она вращалась. У него было полное ощущение свободного падения, и ему подумалось, не находится ли "Королева Солнца" в свободном космосе.

Но все это было лишь частью всех тех неудобств, которые цепко держала его память. На полужидкой диете, которую прописал ему и его товарищам Тау и изготовил Мура, он быстро восстанавливал силы, но все еще ощущал слабость и не нуждался в напоминаниях Тау о приеме лекарства. Из всех четверых он болел особенно сильно, а Уикс перенес болезнь легче других. Три дня они не принимали участия в работе экипажа.

— Корабль "Интерсолара" улетел вчера вечером, — сообщил ему Рип, когда они лежали, развалившись на солнце у корабля, наслаждаясь блаженными часами ленивого выздоровления.

Но это сообщение не улучшило настроения Дэйна.

— Не думаю, что они отказались от своего...

— Не пришлось бы им отвечать перед центром, — пожал плечами Рип. — Спасибо Ван Райку и старику, благодаря им мы прогнали этих браконьеров. А сейчас у нас такие прочные отношения с сарголийцами, что никто не сможет их испортить. Грофт просил капитана научить его приему хлыста. Я и не знал, что старик владеет хлыстовой борьбой Ланскоа — это один из труднейших видов борьбы.

— А как идет торговля?

— Кончились товары. — Лицо Рипа омрачилось. — У Уикса появилась идея, но она не принесет нам камни корос. Он убедил Ван Райка погрузить в трюмы это красное дерево, которое его так заинтересовало. К счастью, сарголийцы в обмен на древесину берут обычные товары. Уикс считает, что это дерево можно выгодно продать на Земле. Оно очень прочное, его не берет

стальное лезвие и в то же время легкое, его удобно грузить. Удивительный материал и цвет необычный. Частокол из таких бревен стоит вокруг селения Грофта уже больше сотни лет и нет никаких признаков гниения.

— А где Ван?

— За ним пришли жрецы. Думаю, какие-то переговоры на высшем уровне. Во всяком случае, мы готовы к старту, и знаем, какой груз привезти в следующий раз.

Да, теперь они это знают. Дэйн был уверен в этом, но ему не пришлось бездельничать. Часом позже из леса пришел караван — цепочка кричащих, нагруженных оргалов с низко висящими головами. Они громко жаловались на несправедливость жизни, которая заставила их везти на своих спинах большие красные бревна. Во главе процессии шел Уикс. Дэйн принялся за погрузку по плану, составленному Ван Райком, следя за тем, чтобы длинные алые бревна укладывались в нижний грузовой отсек в полном соответствии с теорией погрузочных работ.

Он понял, что Рип был прав — древесина была очень прочной и неправдоподобно легкой. Несмотря на свою слабость, он без особого труда поднимал и грузил целые бревна. Уикс тоже был прав — эту древесину будет легко продать на Земле. Цвет у нее необычный, прочность — тоже. Очень ценные качества. И хотя стоимость этого груза нельзя сравнивать со стоимостью камней корос, все же необходимо использовать любую возможность для получения прибыли, чтобы окупить рейс на Землю. Синдбад находился в грузовом отсеке, когда в него внесли первое бревно. С обычным любопытством он подошел к бревнам и энергично принялся. Вдруг он остановился и, мяукнув, попятился. Шерсть у него на спине встала дыбом. Отступив к выходу из трюма, он повернулся и исчез. Удивленный Дэйн внимательно осмотрел груз. В ровной поверхности бревен не было ни щелей, ни дупел, но, подойдя поближе, он ощутил резкий запах. Итак, нашелся все-таки на Сарголе запах, который не понравился Синдбаду. Дэйн засмеялся. Может быть, надо попросить Уикса сделать из этого дерева ограду вокруг трапа, это заставит Синдбада оставаться на борту. Запах не казался ему неприятным. Дэйн вновь принялся и с удивлением заметил, что запах стал слабее. Может быть, дерево сильнее пахнет на солнце?

Они уложили груз в нижний трюм в полном порядке и закрыли крышку, прежде чем Ван Райк вернулся со своего свидания с жрецами. Когда суперкарго взошел на борт, его сопровождали несколько жрецов и двое слуг, несших сундучок. Во внешности Ван Райка было что-то такое, что понимали только те, кто его хорошо знал. И этот вид означал недовольство ут-

ренным свиданием. В знак почтения к жрецам капитан Джелико и Стин Вилкокс вышли встретить их у трапа. Дэйн смотрел из люка, понимая, что ему, провинившемуся ранее, не стоит привлекать к себе внимание.

Земляне возражали против чего-то, а сарголийцы упорно на этом настаивали. В конце концов туземцы победили. Вызвали Кости, который внес груз в корабль. Увидев, что груз уже на борту, сарголийцы удалились, но Ван Райк хмурился, а пальцы Джелико отбивали тревожную дробь на поясе, когда он поднимался по трапу...

— Мне это не нравится, — сказал, входя, Джелико.

— Не моя это вина, — угрюмо просопел Ван Райк, — это рискованно, но пришлось на это пойти. — Две глубокие складки пролегли через его лоб. — В конце концов, нельзя научить сас-серала плавать, — фолософски заключил он. — Мы сделали все, что могли.

Но у Джелико был тоже весьма недовольный вид, когда он прошел в штурманскую рубку. Менее чем через час причина недовольства капитана стала ясна всему экипажу. Испытав прелесть иноземных трав, сарголийцы теперь не хотели терять источник их получения. Через полгода на Сарголе должен был состояться ежегодный религиозный праздник Пяти Бурь, и жрецы были уверены, что их влияние и власть несомненно возрастут, если они обеспечат всем получение новых порций земной травы. Поэтому они навязали Ван Райку большую партию камней корос с условием, что камни будут проданы на Земле, а стоимость камней вернется на Саргол в виде семян и трав. Напрасно капитан и суперкарго указывали, что галактическая торговля — дело рискованное и что какая-нибудь случайность может помешать кораблю вернуться на Саргол.

Но жрецы не поддавались убеждениям и на все уговоры соглашались лишь уменьшить цены за свои камни... Они знали от людей компании, что у торговцев есть свой кодекс чести и что, если контракт заключен, он будет выполнен. Они, и только они одни должны получить весь груз "Королевы" в следующий ее прилет. Они упорно добивались своей цели и были уверены, что добьются ее.

Итак, груз камней корос, не принадлежащий еще экипажу, оказался на борту "Королевы", и теперь вольные торговцы уже оказались связанными самыми крепкими узами и должны были в определенный срок вернуться на Саргол. Это не нравилось вольным торговцам, они смутно ощущали, что этот груз принесет несчастье. Но у них не было выбора и им пришлось согласиться, раз уж они не хотели испортить отношения с сарголийцами.

— Хорошо ли рассчитана траектория? — спросил Али Рипа в кают-компании.

— Я четыре раза пересчитывал, — утвердительно кивнул Рип, — а Стин проверял каждый расчет. — Он усталым жестом потер коротко стриженную голову. Вместе со своими товарищами он отправился вниз принимать то, что изготовлял для них Мура по рецепту Тау, но перед этим он провел половину ночи у вычислительных приборов под требовательным взглядом своего начальника. — Если не произойдет несчастного случая, мы совершим рейс за три недели плюс-минус один или два дня.

— Если не произойдет несчастного случая...

Эти слова повисли в воздухе. Тут на отдаленных звездных трассах случалось так много непредвиденного! Могли встретиться самые неожиданные препятствия и выбить корабль из графика. Только на главных звездных трассах огромные пассажирские лайнеры могли придерживаться точного расписания. Вольные торговцы обычно не связывали себя точными сроками.

— Что говорит Штоц? — спросил Дэйн у Али.

— Он утверждает, что машины в порядке и особых неприятностей в пути не будет.

Рип вздохнул.

— Ну что ж, посмотрим. — Он внимательно изучал свой ноготь. — До свидания, — добавил он серьезно. — Если мы вовремя не вернемся на эту планету, я отгрызу свои ногти до ладоней. Ладно, стартуем в шесть. Подтяните ремни, парни. — Он сделал последний глоток из кружки, на лице его появилось блаженство, и он направился на свой пост в штурманской рубке.

Дэйн, свободный от обязанностей до приземления корабля, отправился в свою каюту в предвкушении ночного отдыха до старта. Синдбад свернулся калачиком на его койке. Почему-то кот не обходил, как обычно, корабль перед стартом. Сначала он был в каюте Вана, а теперь оказался у Дэйна, как если бы нуждался в человеческом обществе. Дэйн взял его на руки, и Синдбад принялся тереться головой о подбородок юноши, мурлыкая при этом. Поглаживая кота, Дэйн отнес его в каюту суперкарго. С некоторым колебанием он постучал в дверь и дождался приглашающего ворчания Ван Райка. Суперкарго растянулся на койке. Две глубокие морщины по-прежнему пересекали его лоб, а глаза были закрыты, как будто он собирался спать.

— Синдбад, сэр. Разрешите уложить его здесь?

Ван Райк кивнул, и Дэйн уложил кота в маленький гамак — обычное место кота во время старта. На этот раз, вопреки обыкновению, Синдбад не протестовал. Он забрался в гамак и тут

же уснул. Некоторое время Дэйн размышлял о необычном поведении животного. Должен ли он обратить на это внимание суперкарга? Возможно, что на Сарголе кот попробовал свою “чашу дружбы” и нуждался в помощи Тау?

— Погрузка правильно выполнена?

Вопрос Ван Райка также был необычным. Печать на люке трюма не ставилась до тех пор, пока он не проверил и не перепроверил весь груз.

— Да, сэр, — кратко ответил Дэйн. — Груз — только древесина. Уложена по всем вашим заметкам.

Ван Райк снова кивнул.

— Верхний слой проверил?

— Да, сэр. Какие еще будет приказания?

— Никаких. Стартуем в шесть?

— Да, сэр.

Дэйн вышел, осторожно прикрыв дверь каюты. Означает ли это, что он вновь поднялся в глазах Ван Райка? Саргол оказался для него неудачной планетой. Вначале он совершил эту глупую ошибку, затем заболел, а теперь? Что же теперь? Означает ли его беспокойство, что у него не выдержали из-за болезни нервы, или есть какая-то другая причина? Он мог бы поклясться, что “Королеву” ожидают какие-то неприятности. Но если бы он знал, какие!

Глава 8

НЕОЖИДАННОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ

Они стартовали с Саргола точно в назначенный срок и так же по графику вошли в гиперпространство. Теперь оставалось лишь скучать и надеяться, что Стин Вилкокс проложил курс так, что время ожидания будет минимальным. Но в то же время это путешествие через гиперпространство было некоторым отдыхом. Когда бы Дэйн ни заходил в кают-компанию, он заставлял там своих товарищей за кружкой подкрепляющего напитка, приготовленного Мурой. Обычно все обсуждали время своего возвращения на Землю.

Дэйн, избавившись от последствий своей сарголийской болезни, посвящал все время учению. Придя на “Королеву” сразу после окончания Школы, он быстро понял, что предшествующие десять лет интенсивного обучения были лишь первыми шагами на пути, который ему предстояло пройти, прежде чем он станет таким торговцем, как Ван Райк, если у него, Дэйна, вообще хватит на это мозгов. Пока же ему покровительствовал его

начальник. Дэйн использовал его знание, обращаясь к нему за разъяснениями по поводу запутанных вопросов погрузки и меновой торговли. Однако теперь ему не хотелось консультироваться у суперкарга и он упорно изучал микрофильмы с записями о предыдущих сделках. Дэйн старался не думать о своем будущем. Даже если ему придется расстаться с космосом и обосноваться на Земле, все это пригодится.

На четвертый день корабельного времени пребывания в гиперпространстве Дэйн зашел в кают-компанию и с удивлением обнаружил, что ни там, ни в камбузе нет Муры, а на плите не кипит подкрепляющий напиток. Рип сидел за столом, вытянув длинные ноги, и его обычно веселое лицо казалось печальным.

— Что-нибудь случилось? — Дэйн потянулся за кружкой, но, увидев, что она пуста, поставил на прежнее место.

— Френк заболел.

— Что?!

Болезнь, которой они переболели на Сарголе, была вполне объяснима, но болезнь на борту корабля — это нечто совсем иное.

— Тау изолировал Мура. У него сильная головная боль, а когда он пытается сесть, то теряет сознание. Тау исследует его кровь.

— Может, он съел что-нибудь?

Рип покачал головой.

— Френк не был на празднике — помнишь? И не ел ничего сарголийского, он поклялся в этом Тау. Он вообще не выходил из корабля, а мы все выходили.

Дэйн вспомнил, что все так и было. Действительно, стюард не был на празднике и не ел туземных продуктов, тем самым простейшего и наиболее вероятного объяснения его болезни не находилось.

— А что с Френком? — в дверях стоял Али. — Он вчера говорил, что у него болит голова. А сейчас Тау изолировал его.

— Он потерял сознание. Тау берет пробы его крови, — повторил Рип.

— Но Мура не был на празднике. — Али запнулся, когда смысл сказанного дошел до него. — А как чувствует себя Танг?

— Хорошо. — Инженер-связист, вошедший в кают-компанию, сам ответил на этот вопрос. — А почему ты интересуешься моим здоровьем?

— Френк живет с тобой в одной каюте, — резко бросил Рип.

— Он вел себя как обычно в последнюю ночь?

Танг долго смотрел на Шэннона, затем покачал головой.

— Нет. И он не выходил из корабля. Значит, Тау берет пробы... — и он замолчал.

Никто из них не осмеливался сказать то, о чем думали все.

Дэйн достал принесенный с собой микрофильм и пошел по коридору, чтобы положить его на место. Дверь грузовой секции была приоткрыта, и он с облегчением вздохнул, обнаружив, что Ван Райка там нет. Он сунул микрофильм в нужную ячейку и достал следующий. Синдбад находился тут же, но не в самом гамаке, а на койке суперкарго. Он лениво посмотрел на Дэйна и тихонько мяукнул в знак приветствия. Почему-то на Сарголе кот стал необычайно ленив, как если бы приключения на этой планете отняли у него всю энергию.

— Ты почему не работаешь? — спросил Дэйн, поглаживая пушистую шерсть Синдбада. — Ты собираешься осмотреть груз попозже?

Синдбад шурился. Подобно другим представителям своего рода, он выглядел презрительно скучающим. Когда Дэйн повернулся к выходу, вошел суперкарго. Он не удивился присутствию своего помощника. Напротив, он, указав на микрофильм пальцем и прочитав его название, забрал его у Дэйна и положил на место. Затем принялся изучать названия имевшихся там фильмов. С довольным видом он выбрал один из них и протянул его Дэйну.

— Посмотри, сумеешь ли ты разобраться в этой путанице, — распорядился он.

Плечи Дэйна распрямились, как будто с них сняли большую тяжесть. Прежняя непринужденность еще не вернулась, но он понял, что Ван Райк подобрел к нему. Держа микрофильм, словно это был первосортный камень корос, Дэйн вернулся в свою каюту, вставил его в проекционный аппарат, надел наушники и лег на койку, приготовившись слушать. Он был глубоко погружен в описание сложностей торговли, когда, открыв глаза, увидел в дверях Али. Помощник инженера энергично махнул рукой, и Дэйн снял наушники.

— Что тебе нужно? — вопрос Дэйна был лишен доброжелательности.

— Мне нужна помощь, — коротко ответил Али. — Кости потерял сознание.

— Что?! — Дэйн одним прыжком вскочил с койки.

— Я не могу унести его один, — объяснил Али, гигант был вдвое тяжелее Камила. — Мы должны дотащить его до каюты. А просить о помощи Штоца нельзя.

Дэйн понял причину. Помощник, даже сто помощников могут заболеть, но офицеры должны быть здоровы, для "Королевы" они нужнее. Если на борту инфекция, то пусть она лучше коснется Али и Дэйна, чем Йоганна Штоца с его энциклопедическими знаниями о механике корабля. Кюота Кости нахо-

дилась в нескольких футах от двери Дэйна. Он полусидел-полулежал у стены. Очевидно, он шел в свою каюту, когда начался приступ. Когда Али и Дэйн подхватили его под руки, он застонал и схватился руками за голову. Вдвоем они дотащили его до каюты и уложили на койку. Там он вновь потерял сознание. Дэйн взглянул на Али.

— Тау?

— У меня не было времени позвать его, — и Али принялся развязывать тугие шнурки башмаков Кости.

— Я пойду, — обрадовавшись полученному заданию, Дэйн взлетел по лестнице в верхнюю секцию, пробежал по узкому коридору, ведущему в медицинский кабинет, и постучал в дверь.

После некоторой паузы выглянул Тау Крэйг. Две глубокие морщины прорезали его лицо, начинаясь от уголков рта.

— Кости, сэр, — быстро сообщил свою дурную новость Дэйн. — Он потерял сознание. Мы отнесли его в каюту.

Тау не проявил признаков удивления, и его рука потянулась за медицинской сумкой.

— Вы притрагивались к нему? — спросил он и, увидев утвердительный кивок Дэйна, распорядился: — Оставайтесь в своей каюте, пока я не приду осмотреть вас. Понятно?

Ответить Дэйн уже не успел — врач ушел. Дэйн побрел в свою каюту. Он понимал причину своего домашнего ареста, но внутренне негодовал против него. Не желая сидеть без дела, он опять включил аппарат и надел наушники, но, хотя слова звучали в ушах, он почти ничего не слышал.

Опасности звездных контактов неисчислимы, и смерть бродит по пятам за каждым космонавтом. Для вольных торговцев это был как бы добавочный член команды. Дэйн не мог забыть ужасных легенд, собирать которые было хобби Ван Райка. Тот записывал и хранил в своей каюте космический фольклор. Например, он рассказывал о призрачной “Новой Надежде”, несущей беглецов первого марсианского восстания. Тот корабль взлетел к звездам, но никогда не приземлился — он вечно бродит в космосе с задраенными люками, на нем незримо написано: “Смерть”. В течение столетий его встречали только корабли, терпящие бедствие. И подобные легенды были многочисленны. Были и другие — о зачумленных кораблях, блуждающих с мертвым экипажем. При встрече их расстреливают патрульные крейсеры, чтобы они не могли распространить инфекцию. Чума — худшее, с чем могут столкнуться космонавты.

Дэйн плотно сжал веки, стараясь сосредоточиться на звучащих в ушах голосах, но не мог контролировать ни свои мысли, ни свои чувства. Ощувив прикосновение к своей руке, он так сильно вздрогнул, что опрокинул аппарат. Смущенный, Дэйн

встал перед Тау. Врач приказал ему раздеться до пояса и подверг его такому тщательному осмотру, какой Дэйи не проходил даже в карантинных портах. Осмотр также включал микроскопическое исследование срезов кожи с шеи и плеч. Закончив, Тау с облегчением вздохнул.

— Ну, что ж, у тебя нет... точнее, не обнаруживается пока никаких признаков болезни, — поздравил он, не окончив свою первую фразу.

— А что вы искали?

Немного помолчав, Тау объяснил:

— Здесь, — он дотронулся пальцем до впадины у основания горла Дэйи, затем повернул его и указал на кожу на лопатках, — у Кости и у Муры есть какие-то красные припухлости, как если бы кто-то вводил им наркотик. — Тау сел на откидное сиденье. — Кости общался с туземцами, он мог подцепить что-нибудь...

— Но Мура...

— В том-то и дело! — Тау ударил кулаком о край койки. — Мура не покидал корабля, однако именно он заболел первым. С другой стороны, вы до сих пор здоровы, а ведь вы покидали “Королеву” часто. Здоров и Али, а ведь он был с вами на охоте. Придется подождать. — Врач устало поднялся. — Если почувствуете головную боль, немедленно отправляйтесь в свою каюту и не выходите из нее. Понятно?

Как узнал Дэйи, остальные члены экипажа подверглись такому же осмотру, но ни у одного не было признаков болезни, способных вызвать тревогу. Они находились на пути к Земле, но... И это “но” громко звучало у них в головах... Позволят ли им приземлиться? Тау должен найти ответ, прежде чем они вернутся в обычное пространство в Солнечной системе, или они попадут в такое положение, что нарушенный контракт окажется самой маленькой из неприятностей. Кости и Мура изолировали, несколько человек вызвались ухаживать за ними, и Тау, неспособный находиться одновременно в двух местах, в конце концов решил, что Уикс будет присматривать за своими товарищами из инженерной службы. Следовало также перераспределить обязанности. Тау вместе с Мурой больше не мог ухаживать за гидропонным садом, и этим занялся Ван Райк, а Дэйи оказался на камбузе, и, так как у него не было опыта Муры в приготовлении пищи, скрашивающей их рацион из концентратов, он принялся экспериментировать и через некоторое время ему удалось приготовить жаркое, которое получило одобрение капитана Дже-лико.

Все с облегчением вздохнули, когда через три дня ни один из членов экипажа не заболел этой странной болезнью. Уже стало

обычаем каждое утро, раздевшись до пояса, проходить перед Тау, который выискивал подозрительные пятна, и бдительность врача не ослабевала с течением времени.

А Мура и Кости, казалось, не испытывали страданий. Когда печальный период головных болей кончился, клиенты Тау впали в полубессознательное состояние. Они ели, если пищу клали им в рот, но не узнавали тех, кто ухаживал за ними и не отвечали на вопросы. Между посещениями больных Тау напряженно работал в своей крошечной лаборатории, исследуя пробы крови, перечитывая записи о многочисленных заболеваниях и пытаясь найти причину случившегося, но до сих пор ему ничего не удавалось установить.

Однажды, выйдя из лаборатории, он зашел в кают-компанию и в полном изнеможении подсел к столу. Дэйн протянул ему кружку со стимулирующим напитком типа кофе.

— Я не могу найти! — Врач скорее обращался к столу, чем к повару-дилетанту. — Это нечто вроде яда. Кости выходил из корабля, Мура — нет. Но Мура заболел первым. А мы не везем никаких сарголийских продуктов... Да и на планете мы ничего туземного не ели. Разве что ни тот, ни другой об этом не подозревали? Если бы мне удалось получить ответ! — вздохнув, он положил голову на руки и через секунду уже спал.

Дэйн взял из его руки кружку и присел за другой конец стола. Он не хотел будить Тау, пусть тот хоть немного отдохнет, это ему необходимо после четырех суток напряженной работы. По коридору в гидропонный сад прошел Ван Райк, по пятам за ним брел Синдбад. Но вот кот повернул назад и прыгнул Дэйну на колени. Он принялся тереться головой о руки юноши и лапой трогать его за подбородок, привлекая к себе внимание.

— В чем дело, парень? — Дэйн потрепал уши кота. — Не болит ли у тебя голова?

В следующее мгновение дикая мысль пришла Дэйну в голову. На Сарголе Синдбад почти все время провел вне корабля, а на корабле бывал во всех каютах. Не мог ли он быть разносчиком болезни? Мысль хорошая, но если она верна, то по логике второй жертвой должен стать Ван Райк или он сам — Дэйн. В их каютах, а не у Кости, Синдбад проводил большую часть времени. Кот не проявлял особой симпатии к Кости и никогда не спал в его комнате. Нет, пожалуй, это не объяснение, но все же об этом нужно рассказать Тау. Любое подозрение, каким бы диким оно ни было, следовало проверить.

Всех сбивала с толку последовательность заболеваний. Как установил Тау, у Кости и у Муры не было ничего общего, за исключением того, что они являлись членами одного экипажа. Они жили в разных помещениях, работали тоже в разных, они

не имели одинаковых пристрастий к какой-либо особой пище или питью. Они даже были представителями разных рас. Френк Мура — потомок удивительного народа, жившего на островах архипелага в одном из земных морей. Сто лет назад эти острова были сглажены и поглощены морем. Древнее название этой нации — японцы. А Кости происходил из наиболее населенной части планеты, которая называлась Европой. Нет, абсолютно во всем различались эти жертвы удивительной болезни и совпадало только одно — оба были членами экипажа “Королевы Солнца” и оба родились на Земле.

Тау вздрогнул и выпрямился, оторопело глядя на Дэйна, затем пригладил свои густые черные волосы. Дэйн передал ему кота и в двух словах рассказал о своих подозрениях. Руки Тау задержали Синдбада.

— Что-то в этом есть. — Он выглядел теперь немного бодрее. Жадно проглотив напиток, вторично предложенный Дэйном, он торопливо направился в лабораторию, держа кота под мышкой.

Дэйн прибрал в камбузе, стараясь сохранить все так, как было при Муре. Он не ждал многого от своего открытия, но исследовать кота, конечно, необходимо. В течение следующего часа врач не появлялся, но Дэйна это не беспокоило. Встреваясь он при появлении Али, который спросил его:

— Ты не видел Крэйга?

— Он в лаборатории, — ответил Дэйн.

— Крэйг не ответил на стук в дверь, — возразил Али. — А Уикс говорит, что Тау не заходил сегодня осматривать Карла.

Это привлекло внимание Дэйна. Неужели его догадка оказалась правильной? Может быть, Тау на пороге открытия и поэтому не выходит из лаборатории? Но не зайти к своему пациенту — это не похоже на врача.

— Ты уверен, что его нет в лаборатории?

— Я сказал, что он не ответил на мой стук. Я не открывал дверь. — Говоря это, Али уже шел назад, а следом спешил Дэйн.

Невысказанное объяснение молчания в лаборатории одновременно пришло им на ум. Беспокойство их возросло, когда они, подойдя к лаборатории, услышали оттуда стон. Дэйн распахнул дверь. Тау свешивался со своего стула на пол и держался руками за голову, как бы пытаясь унять боль. Дэйн подхватил врача на руки. Не было необходимости делать подробный осмотр — в углублении на шее Тау краснело предательское пятно.

— Синдбад! — огляделся Дэйн. — Мимо тебя проходил Синдбад? — спросил он у удивленного Али.

— Нет. Я его весь день не видел.

В крошечной каюте кота не оказалось. Спрятаться ему было негде. Чтобы убедиться в этом, Дэйн закрыл дверь, прежде чем

они перенесли врача на его койку. Тау вновь потерял сознание, впадая во вторую, летаргическую стадию болезни. Теперь, очевидно, он не испытывал боли, которая являлась первым признаком болезни.

— Виноват Синдбад! — сказал Дэйн, заканчивая свой доклад капитану Джелико. — Но, однако...

— Да, он больше всего времени проводил в каюте Ван Райка, — пробормотал капитан. — И вы тоже брали его на руки, он спал на вашей койке. Но вы и Ван здоровы. Я этого не понимаю. Как бы то ни было, нужно разыскать кота и изолировать.

Он ничего не разъяснил слушающим его с угрюмым видом людям. Без Тау — их единственной надежды — найти средство от болезни невозможно, и будущее рисовалось космонавтам в самом мрачном свете.

Отыскивать Синдбада не потребовалось. Дэйн, направившись в свою секцию, обнаружил кота перед дверью каюты Ван Райка. Кот не сводил глаз с щели под дверью. Дэйн схватил его. К его удивлению, Синдбад принялся отчаянно вырываться, царапаясь и кусаясь. Казалось, кот сошел с ума, и Дэйн с трудом донес его до помещения торговой секции.

Закрыв за собой дверь, он услышал крик Синдбада, который требовал, чтобы его выпустили. Сильно испарянный, Дэйн отправился на поиски помощи, но смутное подозрение заставило его задержаться у двери Ван Райка. Когда на его стук никто не отозвался, он распахнул дверь.

Ван Райк, полузакрыв глаза, лежал на койке. Вид суперкарго слишком хорошо был знаком экипажу "Королевы". И Дэйн знал, что он увидит на теле суперкарго красные пятна чумы.

Глава 9

ЧУМА

Джелико и Стин Вилкоккс пытались разобраться в скудных записях, сделанных Тау перед болезнью. Но врач, очевидно, не нашел подтверждения тому, что Синдбад является переносчиком болезни. Тем не менее капитан приказал изолировать кота. Это оказалось трудной задачей — Синдбад караулил у дверей кладовой, куда его закрыли, и готов был броситься наутек каждый раз, как только ему приносили пищу. Однажды он пробежал почти весь коридор, прежде чем Дэйн загнал его в угол и вернул на место.

Дэйн, Али и Уикс взяли на себя заботы о четверых больных, оставив свои основные обязанности старшим офицерам кораб-

ля, а Рип к своим обязанностям добавил и наблюдение за гидропонным садом. Состояние Муры, первого заболевшего, не изменилось. Он был в полубессознательном состоянии и глотал пищу, если ему клали ее в рот, не замечая окружающих. Кости, Тау и Ван Райк вели себя точно так же. По утрам все члены экипажа по-прежнему осматривали друг друга в поисках следов болезни, и, когда в следующие два дня никто не заболел, у них появилась слабая надежда. Однако она угасла, когда Али сообщил о том, что заболел Штоц. Еще один безвольный пациент прибавился к четверым и было неизвестно, как он заразился. Синдбад изолирован, и в течение нескольких дней Штоц не общался с ним, но тем не менее и он заболел.

Уикс, Али и Дэйн, находившиеся в постоянном контакте с больными, а Дэйн к тому же несколько раз бравший кота на руки, оставались здоровыми. Этот факт, несомненно, имел бы какое-либо значение, как думал Дэйн, если бы кто-нибудь из них обладал медицинскими знаниями. Тау не мог не думать над этим. По всем правилам они должны были заболеть в первую очередь, но этого не случилось. И Вилкоккс отметил это в бортовом журнале. У них стало привычкой следить друг за другом, ожидая внезапных признаков болезни. Космонавты не удивились, когда в кают-компанию вошел, шатаясь, Танг с бледным и искаженным от боли лицом. Рип и Дэйн довели его до каюты, прежде чем он потерял сознание. Но все, что они узнали от него за то время, которое он находился в сознании, это то, что у него разрывается от боли голова и что он не сможет этого выдержать. Стоя над его безжизненным телом, они хмуро поглядели друг на друга.

— Шестеро больных, — подвел итог Али, — и шесть все еще на ногах. Как ты себя чувствуешь?

— Устал, и больше ничего. Не понимаю, почему они так долго находятся в этом бессознательном состоянии. Им не стало хуже, у них не повышается температура, как будто они в летаргическом сне.

— Как Танг? — спросил из коридора Рип.

— Обычное состояние, — ответил Али. — Он спит. Ты чувствуешь боль, дружище?

— Здоров, как ЭВМ, — покачал головой Рип. — Не понимаю, почему заболел Танг, даже не выходявший из корабля, а мы все здоровы?

— Если бы мы это знали, — скривился Дэйн, — то, может быть, узнали бы и все остальное.

Глаза Али сузились. Он пристально смотрел на бесчувственного связиста.

— Я думаю, что мы просолились, — медленно сказал он.

— Что? — переспросил Дэйн.

— Послушайте, только мы трое, да еще и Уикс, пили этот сарголийский напиток, верно? И мы...

— Здоровы, как венерианские индюки, — согласился Рип. В сознании Дэйна мелькнул просвет.

— Ты думаешь... — начал он.

— Так оно и есть! — выпалил Рип.

— Возможно, что так оно и есть, — согласился Али. — Помните, как переселенцы из Комблайне сберегли свой скот? Они подмешивали в местную траву факсел и кормили ею коров. В результате, когда коров выгоняли в сухой сезон на пастбище, местные травы им не вредили. И, может, в напитках была “наша соль”? Соль в смеси с травой факсел делал на какое-то время скот больным, но зато потом у него вырабатывался иммунитет. Теперь на Комблайне никто не покупает корову, не евщую соль.

— Звучит логично, — согласился Рип. — Но как нам доказать это?

Лицо Али потемнело.

— Методом исключения, — мрачно сказал он. — Если все остальные заболеют, а мы останемся здоровыми, то это и будет доказательством.

— Но мы должны что-то делать, — возразил Шэннон.

— Как? — поднял брови Али. — Нет ли у тебя пары литров этого сарголийского напитка? Мы не знаем, что в нем было, и вообще не уверены, что именно в нем причина.

Все здоровые члены команды знали основы медицины и умели оказывать первую медицинскую помощь, но проведение лабораторных экспериментов требовало гораздо больше знаний и опыта. Если бы Тау был на ногах, он, возможно, и ухватился бы за эту ниточку и навел бы порядок в хаосе, охватившем “Королеву”. Но хотя они и сообщили свои предположения капитану, Джелико был бессилен что-либо предпринять. Даже если эти четверо, попробовавшие напиток дружбы, действительно приобрели иммунитет к болезни, воцарившейся на корабле, то почему это произошло, выяснить было невозможно.

Корабельное время продолжало идти, и они не удивились, когда Стин Вилкокс ушел со своего кресла возле компьютера — его увели в каюту, что стало уже привычной процедурой. Лишь Джелико сопротивлялся болезни вместе с четырьмя младшими членами экипажа, ухаживая вместе с ними за беспомощными больными, в положении которых не было никаких изменений. Проходили часы и дни, а им не становилось ни хуже, ни лучше. Но каждое мгновение приближало их к большей опасности. Рано или поздно они должны были совершить переход из гиперпространства в обычный космос, а такой прыжок был под

силу лишь опытному штурману. По мере приближения к этому моменту круглое лицо Рипа худело.

Джелико все еще оставался на ногах, но если капитан заболевает, вся ответственность ляжет на плечи Шэннона. Малейшая ошибка может привести всех к гибели. Дэйн и Али освободили Рипа от всех обязанностей и теперь он все время проводил в кресле Стин Вилкокса перед компьютером. Рип вновь и вновь перечитывал записи о прокладке курса, которые сделал штурман, а капитан Джелико, с темными кругами вокруг глаз, проверял и перепроверял вычисления. Когда наступил роковой момент выхода, Али и Уикс находились в инженерной секции. Уикс был готов следить за приборами инженера, до которых не дотрагивался помощник инженера, а Дэйн, убедившись, что больные спокойно лежат в своих койках, занял место связиста Танга.

Хриплый голос Рипа называл числа. Хотя Дэйн и знал основы теории гиперпространства, он быстро перестал понимать последовательность действий Шэннона, но Джелико повторял эти числа и его руки летали над пультом управления.

— Подготовить двигатель к прыжку, — ушла хрипая команда капитана в инженерную секцию, где Али занял место Штоца.

— Двигатель готов! — донесся из глубины голос помощника штурмана.

— Восемь — пять — девять... — это был голос Джелико.

Дэйн вдруг обнаружил, что больше не может ждать. Он закрыл глаза и приготовился к шоку, которым сопровождался переход. Закружилась голова, и он вынырнул в обычном пространстве: Дэйн открыл глаза и увидел, что по-прежнему сидит в кресле связиста. Струйки пота сбегали по коричневому лицу Шэннона, и на его рубашке между лопатками темнело пятно. Мгновение он не решался поднять голову и взглянуть на экран, который показывал им, что переход удался, но когда он сделал это, то увидел знакомые очертания созвездий. Итак, получилось — они не слишком уклонились от курса, намеченного Вилкоксом. Они в пределах Солнечной системы, а переход из гиперпространства позади. Рип глубоко вздохнул и опустил голову на руки.

С чувством тревоги Дэйн отстегнул привязной ремень и поторопился к нему. Когда он дотронулся до плеча Рипа, помощник штурмана устало поднял голову. Неужели Рип тоже заболел? Но тот открыл усталые глаза.

— У тебя болит голова? — тряс его Дэйн.

— Голова? Нет... — с трудом проговорил Рип. — Очень хочу спать, только спать...

Казалось, он не испытывал боли. Дэйн подхватил Рипа и довел его до каюты, надеясь, что это всего лишь усталость, а не болезнь. Корабль управлялся автопилотом, пока Джелико прокладывал дальнейший курс. Дэйн опустил Рипа на койку и стащил с него рубашку. Красивое лицо спящего помощника штурмана выглядело бледным и усталым. Он свернулся в клубок, словно ребенок, но кожа его оставалась чистой. Это был настоящий сон, а не чума. Дэйн отправился обратно в штурманскую. Он не был штурманом, но понимал, что у капитана должен быть помощник, и хотел предложить ему свою помощь, пока Шэннон спит.

Джелико сгорбился перед малым компьютером. Лицо его напоминало череп, туго обтянутый кожей. Скулы остро выступали, глаза западали, а нос заострился.

— Шэннон заболел? — Голос капитана был слаб, но головы он не повернул.

— Он просто устал, сэр, — поторопился объяснить Дэйн. — На нем нет следов болезни.

— Когда он проснется, скажите ему, что я ввел координаты, — пробормотал капитан. — Он сумеет проложить курс...

— Но, сэр... — возразил Дэйн, но внезапно остановился, так как капитан схватился руками за голову.

Когда Дэйн бросился вперед, чтобы поддержать капитана, тот рванул воротник рубашки и обнажил грудь. В объяснениях не было необходимости — красные пятна на коже капитана объясняли все. Джелико держался на ногах, собрав все силы и преодолевая приступы боли. Дэйн подхватил его и оттащил от компьютера, надеясь, что капитан не потеряет сознания и сумеет с его помощью добраться до своей каюты. Они действительно проделали это путешествие и были встречены хриплыми криками хубата. Дэйн яростно хлопнул по клетке, раскачав ее, и тем самым заставил замолчать любимца капитана, который злое ще смотрел, как Дэйн укладывает капитана в постель.

Уходя из каюты, Дэйн с тоской подумал, что теперь на ногах остались лишь четверо. Если Рип не заболел, они смогут приземлиться. Дэйн похолодел, представив себе, что Рип вышел из строя и ему придется сажать "Королеву". Но куда сажать? Земной карантин находился на Луне, в Луна-сити... Но стоит ли им сообщать о себе и описывать, что происходит на корабле? Ведь их могут объявить зачумленным кораблем, тогда они погибнут. Дэйн медленно спустился в кают-компанию и застал там Али и Уикса. Они смотрели на него.

— Заболел старик, — сообщил он.

— Рип? — коротко спросил Али.

— Спит, устал. Капитан сидел в кресле пилота, не уступая болезни.

— Итак, нас осталось трое, — подвел итог Али. — Где мы сядем? В Луна-сити?

— Если нам разрешат. — Дэйн ожидал самого плохого.

— Но они должны разрешить! — воскликнул Уикс. — Мы не можем вечно оставаться здесь.

— Хотел ли старик садиться на Луну? — спросил Али после долгого молчания.

— Я не знаю, — ответил Дэйн. — Ему стало плохо, и я отвел его в каюту.

— Хорошо бы узнать. — Помощник инженера встал, его движения утратили обычную грациозность, всегда отличавшую его. Когда он направился к приборам, остальные двое последовали за ним.

Тонкие пальцы Али заматались среди рычагов и кнопок, а в маленьком окошке компьютера замелькали цифры. Дэйн взял книгу программ, справился по ней и заметил:

— Не Луна.

— Не Луна? — переспросил Али.

— Нет. Но я не понимаю всего. Это должно быть где-то в поясе астероидов.

Али скривил губы в подобие улыбки.

— Похоже на старика. Он сохранил разум, несмотря на болезнь.

— Но зачем нам идти к астероидам? — недоуменно спросил Уикс. — Врачи на Луне смогут нам помочь...

— Если сумеют распознать болезнь, — ответил Али. — А что говорит Кодекс?

Уикс опустил в кресло, будто силы оставили его.

— Они не сделают этого! — возразил он, но глаза его говорили обратное.

— Нужно смотреть фактам в лицо, парни, — сурово сказал Али. — Мы пришли с отдаленной планеты, и мы — зачумленный корабль.

Он мог бы и не говорить этого. Все и так понимали опасность своего положения.

— Однако никто не умер, — возразил Уикс, стремясь найти выход из сети, накрывшей их.

— Но никто и не выздоровел, — уточнил Али, погасив и этот огонек надежды. — Мы не знаем, что это за болезнь, как она передается. Не знаем ничего. Если мы доложим обо всем, вы знаете, что за этим последует.

В деталях они не были уверены, но в целом — да!

— Вот я и говорю, — продолжал Али, — что старик был прав,

прокладывая отдаленный курс. Если мы останемся там, пока не выясним, в чем дело, у нас будет хоть маленький шанс.

В конце концов они решили не менять курса, проложенного капитаном. Он уведет их на окраину Солнечной системы, но даст шанс решить проблему, прежде чем они должны будут представить свой доклад Центру. А пока они станут ухаживать за больными, пусть Рип спит. Они продолжали наблюдать друг за другом, ожидая, что в любую минуту кто-нибудь из них заболевает. Тем не менее, вопреки всякой логике, они оставались здоровыми. Время подтвердило, что их предположение правильно — они приобрели иммунитет против вируса, охватившего корабль.

Рип проспал двадцать четыре часа, затем страшно голодный появился в кают-компании, чтобы поесть и узнать новости. Он не согласился с пессимистическими взглядами на будущее. Наоборот, он считал, что, поскольку их иммунитет доказан, они могут представить доклад медицинской комиссии Луны и был готов изменить курс корабля. Только объединенные доводы остальных заставили его неохотно подчиниться.

Как они должны были быть благодарны капитану и его проницательности и предусмотрительности, они поняли на следующий день. Али сидел в кресле связиста, пытаясь поймать земные новости, когда вспыхнул красный сигнал. Все они направились в рубку. Раздались кодовые сигналы. Али включил полную громкость и они услышали:

“Повторяю, повторяю, повторяю. Вольный торговец “Королева Солнца”, земной регистр 65-724810-Джи-Кей, объявлен зачумленным кораблем. Он возвращается с зараженной планеты. Предупреждаю, предупреждаю, предупреждаю. Всем докладывать на Лунную станцию о его появлении...”

Это сообщение повторили трижды. Четверо в штурманской рубке хмуро смотрели друг на друга.

— Но откуда они узнали? — прервал молчание Дэйн. — Мы же не докладывали...

— “Интерсолар”! — быстро нашелся Али. — У корабля компании были те же трудности, он и сообщил компании. Они включили нас в свой доклад Центру, будучи уверенными, что мы тоже заражены.

— Тут что-то не так. — Глаза Рипа превратились в узкие щелочки. — Рассмотрим факты. Корабль изыскателей исследовал Саргол. Они пробыли на планете три-четыре месяца. Потом решили, что можно продать торговые права на эту планету. Их купил Кам. Он дважды посещал Саргол до гибели на Лимбо. И никто ни на корабле изыскателей, ни у Кама не заболел.

— Но мы-то заразились, — возразил Уикс.

— Да, а корабль “Интерсолара” смог предвидеть это и доложил о нас, прежде чем мы вышли из гиперпространства. Похоже, они ожидали, что мы станем зачумленным кораблем.

— Нас заразили? — нахмурился Али. — Но как? Ни один член экипажа корабля “Интерсолара” не был на борту, да и сарголийцы тоже, за исключением того парня, от которого мы узнали об их интересе к кошачьей мяте.

Рип пожал плечами.

— Хотел бы я знать, как они сделали это с нами... — начал он, но тут его прервал Дэйн:

— Они не могли знать о нашем иммунитете и должны были ожидать, что корабль навсегда останется в гиперпространстве. Некому было бы совершить переход.

— Верно. Но на тот случай, если кто-нибудь останется на ногах и приведет корабль домой, они подготовились. Если же никто не устоит, корабль никогда не вернется. Через год корабль “Интерсолара” сядет на планету и затем потребует, чтобы были посланы изыскатели. Те не найдут никаких следов инфекции. Все в порядке, все довольны. Кому какое дело до какого-то вольного торговца “Королева Солнца”, который выбыл из игры? “Интерсолар” вполне законно потребует права на торговлю с Сарголом и им не о чем беспокоиться. Мы в ловушке, как в сарголийской сети, и петля уже у нас на шее

— Что же нам делать? — спросил Уикс.

— Будем держаться курса старика, останемся на астероидах, пока не разберемся, в чем дело. Но если “Интерсолар” подбросил нам что-нибудь, следы этого должны остаться. Если бы мы их нашли, что ж, у нас было бы с чего начинать.

— Мура заболел первым, за ним — Кости. Ничего общего, — в сотый раз произнес Дэйн.

— Нет. — Али встал с места. — Но я хочу тщательно обыскать каюту Муры, затем Кости. Осмотрю все, оставлю лишь стены. Пойдете со мной?

— Дуй, парень, мы за тобой! — ответил на это Рип уже у прохода. — Осмотрим все вплоть до голых стен.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 10

АВАРИЙНАЯ СТАНЦИЯ

Поскольку Мура находился в корабельном лазарете, осмотр его каюты оказался сравнительно простым делом. Но хотя Рип и Дэйн прощупали каждый дюйм каюты, они не нашли ничего необычного, ничего, связанного с Сарголом, за исключением, пожалуй, веточки красного дерева, лежавшей на рабочем столе стюарда. Очевидно, Мура собирался использовать ее в одном из своих миниатюрных ландшафтов, заключенных в пластмассовые шары. Дэйн повертел в руках веточку. Это была единственная связь с благоуханной планетой, и он догадывался, что какое-то значение она имеет. Но ведь Кости не проявил никакого интереса к этой древесине. А сам он, да и Уикс, по многу раз брали ее в руки до того, как попробовали напиток Грофта и приобрели иммунитет, так что причина не может заключаться только в дереве. Дэйн положил прутик обратно и задернул защитные занавески над крошечными инструментами. Только много дней спустя он понял, как близок был в тот момент к разгадке.

После двухчасового осмотра каждой вещи стюарда, ползанья на четвереньках под столом они не обнаружили решительно ничего. Рип сел на край обшарпанной койки.

— Остается сад. Френк проводил там много времени, да и в кладовой тоже вместе с камбузом и кают-компанией.

Этим ограничивался мир стюарда. Дэйн и Рип обыскивали кладовую, камбуз и кают-компанию, но трогать сад — означало подвергнуть опасности снабжение корабля воздухом. Это опасно, и поэтому они в замешательстве остановились.

— Это лучшее место для того, чтобы спрятать что-то! — первым заговорил Дэйн.

Рип прикусил нижнюю губу. Найти что-либо в гидропонном саду можно было лишь после посадки в порту и удаления всех растений.

— Черт возьми! — губы Рипа сжались. — Но как им удалось это сделать?

Дэйн тоже не понимал этого. Никто, кроме экипажа “Королевы”, не был на борту с момента посадки на Саргол, исключая юного сарголийца. Неужели этот мальчишка принес что-нибудь? Но он ни на минуту не оставался один на корабле — с ним был Мура и он сам, Дэйн. Мальчишка ни к чему не притраги-

вался, Дэйн это помнил, как и то, что юнец пробыл в саду всего несколько минут. И это тоже было до праздника.

Рип встал.

— Мы не можем разрушить сад в пространстве, — спокойно сказал он.

Ответ у Дэйна был уже готов:

— Значит, нужно садиться.

— Ты же слышал предупреждение. Если мы только попробуем...

— А как насчет аварийной станции?

Рип продолжал стоять неподвижно, ухватившись руками за пряжки на своем поясе. Затем без лишних слов он вышел из помещения и направился к лестнице, ведущей в каюту капитана, чтобы посмотреть записи Джелико. Это был весьма призрачный шанс, но все же лучше, чем ничего. Дэйн втиснулся за ним в маленькую каюту и обнаружил, что Рип разбирает штурманские записи. Среди астероидов действительно располагались аварийные станции — пункты помощи изыскателям и небольшим торговым кораблям. В случае необходимости там можно было произвести ремонт и получить продовольствие. Большие компании сооружали свои собственные станции, существовало и несколько станций для Патруля.

— Патрульные станции не подходят...

Рип улыбнулся, вставив микрофильм в гнездо райдера на столе капитана. В клетке над головой хубат внимательно смотрел на него — впервые, насколько мог помнить Дэйн, чудище не проявило негодования, не кричало и не плевалось.

— Патрульная станция А — станция А-54, — заговорил ридер и Рип переключил запись. — ... А — станция компании "Комбайн", — новое переключение и щелчок. — Патрульная станция А-55, — переключение и щелчок. — "Интерсолар"... — Рука Рипа замерла, голос ридера продолжал читать координаты. Рип схватил ручку и принялся записывать координаты.

— Сравни это с цифрами нашего курса.

— Но ведь это станция "Интерсолара", — начал было Дэйн и вдруг засмеялся, когда до него дошел смысл происходящего — они не смогут посадить "Королеву" на патрульные станции обычного типа, но на станции компании находятся лишь два или три человека, которые никого не ожидают, кроме своих. Вот их то они и заставят помочь "Королеву"!

— Могут возникнуть осложнения, — продолжал Дэйн, но не потому, что сожалел о том, что им предстояло сделать. Нет, если только "Интерсолар" действительно ответственна за бедствия "Королевы", он будет только рад случаю, который подставит под

его кулак ухмыляющееся лицо какого-нибудь служащего “Интерсолара”.

— Посмотрим, когда придет время, — ответил Рип, направляясь в штурманскую рубку со своими записями.

Он тщательно набрал комбинацию цифр на пульте вычислителя с целью сравнения их с курсом, намеченным капитаном перед болезнью.

— Отлично, — прокомментировал он полученный результат. — Мы проделаем этот путь, почти не затратив топлива.

— Какой путь? — спросил Али, вернувшийся из каюты Кости. — Ничего... — ответил он на невысказанный вопрос товарищей и вернулся к своему первому вопросу: — Какой путь?

Дэйн быстро пересказал ему их подозрения о том, что источник инфекции находится в саду и что они должны вынести все из той секции, используя запасные материалы, которые найдут на А-станции “Интерсолара”.

— Звучит заманчиво. Но знаете ли вы, как они поступают с пиратами? — спросил помощник инженера.

Космический Кодекс Дэйн знал отлично и не нуждался в напоминаниях.

— Любой корабль, нуждающийся в помощи, — автоматически процитировал он, — может получить ее на ближайшей А-станции, заплатив по окончании рейса.

— Имеется в виду любая патрульная станция, а станция компании — частная собственность.

— Но, — торжествуя замечил Дэйн, — в законе об этом ничего не сказано. Там не делается различия между А-станциями патруля и компаний.

— Он прав, — согласился Рип, — закон был сформулирован, когда существовали только патрульные А-станции. Компании соорудили свои станции позже, чтобы избежать налогов, помните? По закону все верно.

— Пока дежурный на станции не даст сигнал тревоги, — поправил Али. — Не смотри на меня так, Рип. Я ничего не имею против, но все же хочу, чтобы вы оказались готовы обнаружить за своим хвостом патрульный крейсер, стреляющий в нас, как в бандитов. Если вы хотите ограбить станцию “Интерсолара”, я целиком за это. У нас есть точные координаты?

Рип взглянул на цифры в окошке компьютера.

— Вот они. Мы достигнем ее через пять часов корабельного времени. Как долго может продлиться переоборудование сада?

— Откуда мне знать? — раздраженно ответил Али. — Я могу снабжать каюты кислородом в течение двух часов. Все зависит от нашей быстроты. Ничего нельзя сказать, пока мы не начнем.

— Он направился в коридор и добавил через плечо: — Нам

придется отвечать на вопросы по передатчику. Вы подумали об этом?

— Зачем отвечать? — спросил Рип. — Может быть, именно необходимость в ремонте передатчика и привела нас сюда. Они не могут проверить причину нашего молчания, и у нас будет преимущество.

Но Али не расстался с обычным для себя пессимистическим взглядом на будущее.

— Ладно. Мы приземляемся, бластеры в руки, и берем все, что нам нужно. А дежурные дают коротенькое сообщение патрулю. Ну, что ж, жизнь коротка, зато интересна. Все видеозкраны будут полны картинками, где нас обстреливают ракетами. Всего лишь небольшое коротенькое развлечение, чтобы разнообразить скучное путешествие...

— Но мы не будем брать бластеры, — возразил Дэйн, — мы не будем вооружаться.

Али взглянул на Дэйна и Рипа и, к их удивлению, не стал отвергать эту мысль.

— Парализующие пистолеты, — сказал помощник штурмана после паузы. — Мы подготовимся к тому моменту, когда они узнают, кто мы такие. Мы не сможем за несколько минут переоборудовать сад и снабдить всех кислородом. Если бы мы могли работать в космических скафандрах, работа шла бы быстрее и мы могли бы начать работы еще до посадки. Но, к сожалению, это невозможно. И все зависит от дежурного по станции — будут у нас неприятности или нет.

— Мы сможем надеть скафандры перед посадкой, — добавил Али, оценивая ситуацию, сделанную Рипом. — Если мы появимся в скафандрах, это подкрепит наш рассказ о бедных космонавтах, нуждающихся в помощи.

“С парализующими пистолетами или без них, — думал Дэйн, — весь их план — план отчаяния. Все зависит от того, как быстро смогут работать вольные торговцы после посадки”.

— Прежде всего надо разбить их передатчик, — продолжал развивать свою мысль Али. — После этого нам не нужно будет опасаться, что кто-то вызовет патруль.

Рип потянулся. Впервые за много часов его лицо приобрело обычное добродушное выражение.

— Прекрасный сюжет для видео. Али, ты сможешь кратко рассказать нам о всех повадках пиратов? Ничего более невероятного в моей карьере не встречалось. — Он бросил взгляд на пульт управления и протянул руку к переключателю, расположенному в стороне от остальных. — Пора приобретать нужную окраску, — заметил он.

Дэйн понял, что Рип сменил сигнал бедствия на носу ко-

рабля. Когда “Королева” сядет на А-станцию, у нее на носу будет пылать тревожный сигнал, который зажигался лишь тогда, когда корабль не надеялся достичь порта. Они избегали зажигать этот сигнал смерти, однако для них, для “Королевы”, он не являлся сигналом смерти. Работая все вместе, они перетаскивали все скафандры в шлюзовую камеру и подготовили их к работе. Затем Дэйн и Уикс принялись за свои ежедневные обязанности по уходу за больными, а Рип и Али готовились к посадке. В состоянии больных больших изменений не было. В каюте Джелико даже хубат, казалось, подвергся влиянию болезни своего хозяина, так как не встретил Дэйна своим обычным припадком гнева, а остался спокойно сидеть на полу клетки, спрятав когти на верхушках крыльев и злорадно осматривая помещение маленькими глазками. Он даже не плевался, когда Дэйн проходил мимо него, чтобы влить в рот своему пациенту жидкую пищу.

Что касается Синдбада, то тот занял каюту Дэйна и отказывался покидать ее, защищаясь когтями и зубами, когда Дэйн пытался перенести его в каюту Ван Райка и поместить в его же собственный гамак. После этого помощник суперкарга не пытался выселить кота — было приятно видеть толстое серое туловище, свернувшееся на койке, которую ему так мало теперь приходилось использовать.

Выполнив свои обязанности по уходу за больными, Дэйн отправился в сад. Он кое-что знал об этом земном сердце корабля. В годы учения ему приходилось знакомиться со всем, что так или иначе касалось космической торговли. Но снабжение всегда было неограниченным и он учил этот предмет ровно настолько, чтобы удовлетворительно сдать экзамен. Теперь ему предстояло гораздо более серьезное испытание. Дэйн медленно шел по коридору между рядами зеленых растений со всей Галактики, способных возобновлять запас кислорода в воздухе и снабжать экипаж овощами и фруктами. От них шел сильный запах свежести. Но как могут они сказать, что здесь было всегда, а что было принесено с Саргола? И могут ли они вообще быть уверены, что тут есть что-нибудь с Саргола?

Дэйн стоял и смотрел на все оттенки зеленого цвета — от зелени, возвращенной земным Солнцем, до зелени, выросшей на десятках других планет. Он искал чужое растение, отличное от других. Только Мура, который знал сад, как свою каюту, мог бы различить эти растения.

Вдруг он вздрогнул, заметив слабое колебание среди растений, — дрожание ствола, колебание листьев. Какое-то чувствительное растение среагировало на его приближение. Кружевное, похожее на папоротник, растение свернуло в шары свои листья. Ему не нужно было стоять, нарушая покой сада.

Но какая теперь разница, если через несколько часов это изобилие обречено на гибель, и они будут зависеть от количества кислорода в резервуарах! Плохо... Мура и Тау столько времени отдавали саду, выращивая и наблюдая за многочисленными растениями.

Когда Дэйн закрыл за собой дверь, он услышал слабый вздох, шелест, прозвучавший среди листьев. Воображение — ценное чувство торговца, когда оно придерживается в должных границах, — подсказало ему, что растения обсуждают... Рассердившись на себя за сентиментальность, Дэйн отправился в штурманскую рубку.

У Рипа там были свои проблемы. Посадить “Королеву” на посадочное поле А-станции без регулирующего радарного луча с нее — если бы они вступили в контакт с А-станцией, им пришлось бы отвечать на вопросы, — задача затруднила бы и опытного пилота. Однако в кресле капитана сидел теперь Рип, и его опытные руки летали над клавишами пультов управления. Авнизу, в инженерной секции, место Штоца занял Али, готовый выполнить любой приказ.

Конечно, Дэйн знал, что они на несколько лет больше провели в космосе. Тем не менее он удивился, как легко и просто приняли они на себя ответственность за корабль.

Он сам не смог бы так, он все время помнил о глупой ошибке, допущенной на Сарголе. Резко прозвучал сигнальный звонок, на пульте управления вспыхнула красная лампа. До сих пор корабль управлялся автоматически, а теперь начиналась работа Рипа.

Дэйн направился к пульту связи, к молчащему передатчику, который через мгновение начал выплевывать слова, переводя их с космического кода:

— Назовите себя — назовите себя — аварийная станция “И-С” вызывает корабль — назовите себя — назовите себя...

Таковыми требовательными были эти слова, что пальцы Дэйна невольно схватились за ключ, чтобы ответить, но он вспомнил, что этого не следует делать и отдернул руку.

— Назовите себя, назовите себя... — лишенный выражения голос транслятора звучал у них в ушах.

Руки Рипа летали над пультом управления с грацией дирижера, руководящего большим оркестром. “Королева”, дрожа и вибрируя каждой деталью, шла на посадку. Дэйн следил за видеозэкраном. Вот и астероид А-станция — унылое вращающееся пятно, плывущее в пространстве.

— ... назовите себя, назовите себя... — голос становился все громче.

Сжав губы, Рип производил вычисления, и Дэйн понял, что

хотя капитан и был искусным пилотом, но и ученик не уступал ему.

Наступила внезапная тишина — голос транслятора замолчал. Дежурный на станции внизу понял, что корабль с огнем бедствия на носу не может отвечать. Теперь Дэйн уже не смотрел на экран, и его внимание поглотили руки Рипа. Он знал, что Рип использует все свои знания и опыт, чтобы точно вывести их на посадочное поле А-станции. Возможно, это и не была такая гладкая посадка, которую совершил бы Джелико, но тем не менее они сели. Руки Рипа остановились, и темное пятно вновь образовалось у него на рубашке. Он неподвижно сидел в своем кресле.

— Все, — долетел до них голос Али. — Все спокойно.

Дэйн отстегнул привязные ремни и встал, ожидая приказа Шэннона. Им предстояло выполнить план Рипа. Что-то заставило его отдать должное мастерству пилота, и он тронул Рипа за плечо.

— Отличная посадка, братец! На все четыре точки.

Рип с улыбкой взглянул на него.

— Не забудь сообщить об этом центру, когда будет рассматриваться мой послужной список.

Дэйн тоже улыбнулся.

— Жаль, что никто не снимал эту посадку на видео...

— Может, это и лучше для начинающих пиратов.

Очевидно, их разговор услышал по корабельному интеркому Али и теперь прозвучала его расхолаживающая реплика, напоминающая им, что они произвели эту посадку очень паршиво.

— Выступаем?

— Вначале осмотримся, — ответил Рип в микрофон.

Дэйн взглянул на видеоскрин. Прямо напротив них у высокой зазубренной стены скал возвышалась А-станция. Три четверти ее строений были закрыты защитным куполом, из которого вырывался яркий луч света, освещающий приземлившуюся "Королеву". Они бы не застали врасплох дежурных станции. Они обошли корабль, проверив состояние всех больных. Али подготовил запасные резервуары с кислородом — как только они начнут переоборудовать сад, им придется работать очень быстро.

— Надеюсь, у вас готова правдоподобная история, — сказал он, когда все собрались в шлюзовой камере и принялись надевать скафандры, необходимые в безвоздушном пространстве астероида.

— У нас ядовитый сад, — сказал Дэйн.

— Один взгляд на растения, которые мы уничтожаем, выдаст нашу ложь. Они не поверят в эту историю.

Дэйн почувствовал раздражение — неужели Али принимает его за тупицу?

— Если ты взглянешь на них теперь, то и ты мне поверишь, — проворчал он.

— А что ты с ними сделал? — с искренним интересом спросил Али.

— Вылил полный бидон нагретого спирта из товарного склада. Все растения погибли, и от них остались одни клочки.

— Добрый старый спирт, — вздохнул Рип. — Мы пьем его, мы обтираемся им, а теперь он убивает для нас сад. Ладно, Уикс, — обратился он к маленькому человечку, — слушай приемник, а мы включим радио в своих скафандрах. Заберемся в них и посмотрим, сколько слез прольет “И-С” над нашим печальным рассказом.

Они надели неуклюжие и громоздкие скафандры и прошли в шлюзовую камеру, а Уикс закрыл за ними дверь и открыл наружный выход. Они посмотрели на поверхность астероида, освещенную лучом из купола.

— Никто не спешит на помощь с медицинскими сумками. — прозвучал в наушниках голос Рипа. — Какое-то затишье...

Затишье... Быть может, дежурные “И-С” узнали “Королеву” и готовят хороший прием остаткам ее экипажа? Дэйн сошел по трапу вслед за Рипом. Теперь их освещал бесстрастный проектор с купола А-станции.

Глава 11

ОТЧАЯННЫЕ МЕРЫ

Измеряемое во времени и в пространстве, это путешествие в громоздких скафандрах по пустынной поверхности астероида могло показаться коротким, но измеренное биением сердца Дэйна оно было очень долгим. У входа в защитный купол не было никаких признаков жизни, никто не спешил им навстречу.

— Может, они нас не заметили? — прозвучал в наушниках бесплотный голос Али.

— Возможно, это и к лучшему, — ответил Дэйн.

Рип был уже у входа в шлюзовую камеру и его бронированные руки протянулись к контрольной кнопке, когда радио в их шлемах повторило знакомое требование:

— Назовите себя!

Резкость этого требования доказывала, что лучшей политикой в этих обстоятельствах будет ответ.

— Шэннон, помощник штурмана с “Полярной звезды”, —

ответил готовый к этому вопросу Рип. — Мы просим помощи у А-станции...

Но получают ли они ее? Дэйн в этом сомневался. Прозвучал громкий щелчок, и металлическая дверь приоткрылась. Значит, те, кто находился внутри, открыли замок. Дэйн поторопился за Рипом. Все трое прошли в шлюзовую камеру, и дверь за ними закрылась. Они стояли в камере и ждали, когда можно будет снять скафандры и пройти дальше. Их шансы на успех были довольно велики, так как это оказалась небольшая станция, могущая вместить максимум четырех человек. Экипаж “Королевы” был достаточно хорошо знаком с устройством подобных станций, чтобы знать, куда направляться. Али прошел в рубку связи, где собирался предупредить отправку сигнала тревоги. Рип и Дэйн брали на себя подавление сопротивления в главной секции, но они все еще надеялись на счастливый исход. Может быть, их рассказу поверят и они избегнут конфликта с “Интерсоларом”.

Прибор показал нормальное давление, и они поспешно растегнули клапаны своих скафандров. Сложив громоздкую одежду у стены, нажали затвор двери и вошли на территорию станции “Интерсолара”. У них было преимущество как у вольных торговцев — они не носили обязательной формы, и, следовательно, герб компании или название корабля не могли выдать землян. Значит, они — с “Полярной звезды”, а не с печально известной “Королевы Солнца”, но каждый из них, проходя во внутренние помещения станции, нацупывал рукоятку парализующего пистолета. Хотя это оружие и считалось безвредным, оно на короткое время действовало очень эффективно. А поскольку друзья ожидали любых осложнений, у них должно было быть хоть какое-то оружие для отражения нападения людей “Интерсолара”.

Служащий компании в распахнутой на груди потрепанной одежде, обнажавшей толстое горло, стоял в ожидании. Его седая голова, грубое, тяжелое лицо с мощными челюстями явно не знали бритвы в течение нескольких дней. По виду он служил младшим офицером на каком-нибудь корабле, исполняя последние несколько лет чисто номинальные обязанности на А-станции. Здесь он уже не придерживался строгих норм поведения, существовавших на кораблях, но он окончательно не оступел от этой спокойной жизни. Его взгляд свидетельствовал о хитрости и проницательности.

— В чем дело? — спросил он, даже не поприветствовав. — Вы при приземлении не назвались.

— Вышел из строя передатчик, — коротко ответил Рип. — Нам нужно восстанавливать сад.

— Впервые слышу, чтобы одновременно вышли из строя и передатчик, и сад, — заметил он, сжимая что-то в руке.

Разглядев это что-то, Дэйн внутренне весь сжался — человек напротив него сжимал рукоятку бластера. Возможно, это было обычным оружием дежурных на отдаленных станциях, но Дэйн мало верил в это. Вполне вероятно, что и остальные члены экипажа А-станции начеку.

— Передатчик скоро будет исправлен, — с готовностью ответил Рип, — наши техники работают над ним, но с садом дела плохи. Нам придется полностью заменить растения, мы дадим долговую расписку и расплатимся на Земле.

Дежурный продолжал придерживать дверь, ведущую внутрь станции.

— Это частная собственность — собственность компании “Интерсолар”. Обратитесь на патрульную станцию, вольных торговцев обслуживают они.

— Когда мы обнаружили повреждение, мы пошли к ближайшей А-станции, — терпеливо продолжал разъяснять Рип. — Так гласит закон, и вы это знаете. Вы должны снабдить нас всем необходимым и получить долговое обязательство...

— Откуда мне знать, что ваше обязательство стоит той пленки, на которой оно будет написано? — спросил дежурный.

— Ладно, — пожал плечами Рип, — если вы не верите, мы расплатимся корабельным грузом.

— Но не здесь, — покачал головой дежурный, — сначала я проверю по радиосвязи вашу платежеспособность.

“Вот и все, — с горечью подумал Дэйн, — удача покинула нас. Дежурный решил поступить так, что они не могли протестовать. Именно так и должен поступать дежурный на А-станции. Если мы действительно те, за которых себя выдаем, дежурные станции должны были бы передать наши обязательства в штаб-квартиру “Интерсолара” и получить оттуда разрешение на выдачу нам оборудования для замены гидропонного сада”.

Но Рип внешне проявил полную покорность.

— Ну, что ж, где ваш передатчик? Раз уж вы так настаиваете, я напишу обязательство.

Успокоила ли их готовность согласиться на предложенные условия или нет, но дежурный слегка расслабился, давая им возможность оглядеться. Потом он пригласил их войти:

— Сюда.

Они пошли по узкому коридору. Рип следовал за ним, Дэйн замыкал шествие.

— Здесь одиноко, — заметил Рип. — Думаю, ваши парни соскучились по полетам.

— Мы не любители звезд, — буркнул дежурный, — а за

деньги стоит поскучать три месяца. Нас отправят на Землю раньше, чем мы начнем разговаривать с привидениями.

— А сколько же времени вы здесь уже находитесь? — как ни в чем не бывало спросил Рип.

Но дежурный уклонился от прямого ответа.

— Достаточно, чтобы хотеть сбежать отсюда, но недостаточно, чтобы помогать вам переоборудовать вашу телегу, — коротко ответил он. — Всю перестройку произведете сами, у вас для этого достаточно рук на корабле...

— Мы далеки от мысли просить “Интерсолар” выполнить какую-либо работу, — засмеялся Рип. — Мы кое-что знаем о людях компании...

Но дежурный не обратил внимания на насмешку. Он отворил дверь, и они очутились в рубке связи, где перед передатчиком развалился другой человек в форме компании.

— Эти вольные торговцы хотят передать по радио свое платежное обязательство, — сказал их проводник связисту, который, заинтересовавшись, внимательно оглядел их и протянул Рипу диктофон.

— Можете приступать, — сказал он.

Али стоял, прислонившись к стене, а Дэйн задержался у входа. Оба внимательно следили за левой рукой Рипа, которой тот должен был подать сигнал. Их пальцы находились в дюйме от рукояток парализующих пистолетов. Рип правой рукой подхватил аппарат, а связист обернулся к пульта, чтобы отрегулировать приборы и вызвать штаб-квартиру “Интерсолара”. Указательным пальцем левой руки Рип покрутил вокруг большого пальца. Али даже не выгасил пистолет из-за пояса. Он просто наклонился, и невидимый парализующий луч устремился к сидящему связисту. В то же самое время Дэйн уложил дежурного, встретившего их. Тот успел издать удивленный возглас и потянулся к бластеру, но ноги его подогнулись и он рухнул на пол. Связист растянулся на пульте, будто его во время вахты сморил сон.

Рип пересек комнату и отломил переключатель, дававший возможность вести передачу, а Али с Дэйном быстро и аккуратно связали лежавших сотрудников “Интерсолара” их же поясами.

— Здесь должно быть минимум три человека, — сказал Рип, выглядывая за дверь. — Надо всех взять под контроль, прежде чем мы начнем работу.

Однако обыскивать многоярусное сооружение под защитным куполом оказалось не так-то просто. Несколько этажей находилось под поверхностью астероида. Противник, предупрежденный о нападении, мог легко скрыться от отряда с “Королевы”, подсматривая за вольными торговцами и строя им

ловушки. В конце концов, боясь потерять время, они ограничились тем, что закрыли все двери, ведущие к нижним этажам, и подготовились к разгрузке кладовой, которую обнаружили во время поисков. Оборудование для сада состояло из баков с морской водорослью, которые могли действовать немедленно, в то время как новые растения в саду росли бы очень медленно, несмотря на применение современных стимуляторов роста. Дэйн вызвался остаться на А-станции и подвести эти контейнеры, а остальные должны были в это время снять на корабле оборудование сада и подготовить его к замене.

Но когда Али и Рип ушли, молодой помощник суперкарго почувствовал себя как дичь на охоте. Он снимал запечатанные баки со стеллажей, ставил их на маленькую ручную тележку и перевозил к шлюзовой камере, беря за раз по два бака. Движение воздуха в коридорах постоянно рождало глухие звуки, и Дэйн постоянно вслушивался в них, стараясь услышать звук шагов или шуршание одежды. Время от времени он замирал, прислушиваясь, уверенный, что его ушей достиг слабый намек на чье-то присутствие. Он перетащил уже дюжину контейнеров, когда услышал сигнал вызова в наушниках шлемофона. У него не заняло много времени подтащить баки к самой двери и, надев скафандр, открыть камеру. Рип посмотрел на линию контейнеров и покачал головой.

— Нам столько не нужно. Нет, оставь их здесь, — сказал он Дэйну, который собрался тащить баки обратно. — Есть более важная работа, — и он пошел по коридору, ведущему в рубку связи.

Оба сотрудника "Интерсолара" пришли в себя. Связист, казалось, философски отнесся к случившемуся. Он спокойно лежал на спине, задумчиво глядя в потолок. Зато другой, который их встретил, ползком перемещался по комнате и почти достиг двери. Рип был вынужден остановить его ногой. Схватив его за одежду, Шэннон потащил его обратно, а беспомощный человек ругал их такими словами, каких Дэйн никогда раньше и не слышал. Рип подождал, пока тот выдохнется, потом неторопливо сказал:

— О, да, вы, несомненно, правы, но время идет и мне хотелось бы получить ответ на некоторые вопросы. Во-первых, когда вы ждете смену?

Это опять привело дежурного в ярость, вызвав очередной приступ ругани, после чего тот отказался отвечать. Но его товарищ-связист отнесся к этому иначе.

— Кончай орать! — посоветовал он дежурному. — Они не сделали нам ничего плохого. Думаю, что и не сделают, — сказал он, обращаясь к Рипу. — Прав я или нет?

— Что бы вы о нас ни думали, — ответил Рип, — мы не пираты.

— Нет, вы с зачумленного корабля, — спокойно ответил связист. — “Королева Солнца”, да?

— Вы получили предупреждение?

— Конечно. У вас в самом деле на борту чума? — так же спокойно продолжал связист.

Казалось, это его нисколько не встревожило, но его напарник вдруг откатился на максимально возможное расстояние, а его лицо выразило целую смесь чувств, самым главным из которых был страх.

— Да, есть, и попала она не сама — подбросили. Можете сообщить своим боссам, что мы об этом знаем. Думаю, что теперь вы ответите на все вопросы. Когда смена?

— Вскоре после того, как вы покинете нас, — холодно ответил связист. — У нас ведь остается это, — он указал подбородком на передатчик.

— С некоторыми изменениями, — поправил его Рип.

Передатчик находился в сейфе, который оказалось очень трудно вскрыть. Однако они сумели это сделать и сильными ударами разрушили его содержимое. Связист следил за этим, сопровождая каждый удар выражениями, которыми недавно пользовался его напарник. Но когда Рип кончил, он опять вернулся к своему обычному спокойствию.

— А сейчас, — сказал Рип, направляя на него парализатор, — небольшой отдых, а когда проснетесь, все случившееся будет казаться вам дурным сном. — Он усыпил обоих и помог Дэйну развязать их.

Прежде чем уйти, Рип записал долговое обязательство о выплате стоимости взятого ими оборудования и сломанного передатчика. Они не хотели воровать. У них, согласно закону, оставались какие-то остатки прав. Одевшись, они пересекли вздыбленную поверхность и добрались до корабля. У опор корабля лежала куча замерзших растений — результат многих лет сбора.

— Нашли что-нибудь? — спросил Дэйн, когда они на пути к трапу огибали эту массу.

— Пожалуй, ничего, — донесся голос Рипа в шлемофоне. — Я хочу, чтобы это имели возможность осмотреть Френк или Крейг. Поэтому мы перед уничтожением засняли все растения. Может быть, они поймут, в чем дело, когда...

Он замолчал, произнеся это “когда”, но оно звучало у всех в ушах. Очень важное “когда”. Когда врач или стюард будут в состоянии посмотреть запись? Или это “когда” следует заменить злобещим “если”?

Они занялись подготовкой к старту. Дэйн размышлял над тем, какой курс сейчас выберет Рип. Будут ли они оставаться на постоянной орбите, пока не решат проблему? Или Шэннон наметил какую-то другую цель? До старта ему было некогда спросить об этом, а как только они стартовали, он задал этот вопрос. Лицо Рипа было очень серьезным.

— Если говорить откровенно, — начал он, немного поколебавшись, — я не знаю. Если бы можно было спросить капитана...

— Кстати, — вступил в разговор Али, — Синдбад вернулся в сад. А еще утром его нельзя было заставить туда войти. Что-то в этом есть.

Да, у них было над чем подумать. Кот, проявлявший отвращение к больным и к саду, теперь согласился туда заходить, как будто какое-то зло, скрывавшееся в саду, теперь исчезло вместе с растениями. Они пока не решили эту задачу, но у них в руках был еще один ключ к ее решению. Теперь забота о больных отнимала много времени, так как Рип настоял, чтобы кто-нибудь постоянно дежурил у пульта связи, слушая новости, которые могут касаться "Королевы". Они хорошо сделали, заставив молчать А-станцию, так как прошло целых шесть часов, пока известие об их налете достигло передвижного патрульного поста.

— Я же говорил вам, что мы пираты, — засмеялся Али, слушая сообщение о их внезапном нападении на А-станцию. — Хотя я что-то не припомню бластеров, о которых они сейчас рассказывают. Судя по их рассказу, произошла настоящая битва.

— Компания хочет поставить нас вне закона, — нахмурился Рип, не разделяя общего веселья по поводу неправдоподобного рассказа. — Я вижу, что они ничего не сказали о нашем долгом обязательстве, которое мы им оставили.

— А ты надеялся на это? — цинично усмехнулся Али. — "Интерсолар" считает, что с нами покончено. Зачем же оставлять нам хоть какую-то лазейку? Мы отрезали все концы, совершив посадку на астероиде, не забывайте этого, друзья.

Уикс выглядел испуганным.

— Но я думал, что мы поступаем законно, — обратился он к Рипу. — А если патруль объявит нас вне закона...

— Они не могут сделать нам хуже, чем сделали, объявив "Королеву" зачумленным кораблем, — объяснил Али. — Итак, что же нам делать?

— Надо найти причину болезни, — решительно сказал Дэйн.

— Как? — спросил Али. — Используя магию из собраний сочинений нашего Крэйга?

— Не знаю как, но это наш единственный шанс, — вынужден был ответить Дэйн.

Рип устало потер глаза.

— Не думайте, что я не согласен, но с чего начать? Мы обыскали каюты Мура и Кости, мы разрушили сад.

— Записи сада на пленке вы просмотрели? — поинтересовался Дэйн.

Не говоря ни слова, Али встал и вышел из кают-компания. Он вернулся с большим роликом микрофильма, вставил его в большой проектор, сфокусировал изображение на стене и нажал на пуск. Они сосредоточенно смотрели на изображение. Запись оказалась отличной. Казалось, можно заглянуть туда. Зелень растений была как живая, и Дэйну почудилось, что можно сорвать листок. Дюйм за дюймом осматривали они растения, отыскивая что-нибудь, что не имело право находиться здесь. В полном молчании они ряд за рядом внимательно осматривали все растения, напрягая все свои познания в ботанике, чтобы заметить что-нибудь особенное, но всем им не хватало знания сада.

— Подождите! — прозвучал голос Уикса. — В левом углу, смотрите! — Он указал на изображение, привлечшее его внимание.

Али остановил проекцию. Пять или шесть небольших растений одного вида росли у стены. Теперь все увидели, что именно заметил Уикс, — изорванные листья, обломанные стебли. Дэйн присвистнул. Только один ряд растений был так искорежен. Остальные растения на этой грядке не были повреждены.

— Вредитель! — воскликнул Рип.

— Но Синдбад... — начал Дэйн, но потом вспомнил о странном поведении кота после старта с Саргола.

Синдбад большей частью спал и не охотился, как обычно, очищая корабль от всех форм чужой флоры и фауны, тайком проникшей на борт вместе с грузом. Он почему-то не нападал на тех, кто повредил растения, или, если и делал это, то не представлял, по своему обычаю, тела вредителей на рассмотрение экипажу.

— Похоже, мы наконец-то что-то нашли, — заметил Али и все с облегчением вздохнули.

СТРАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ХУБАТА

— Прекрасно, можно думать, что теперь мы знаем немного больше, — добавил, немного погодя, Али. — Что же нам теперь делать? Мы не можем долго оставаться в космосе, у нас слишком мало горючего и продовольствия.

А Рип уже принял решение.

— Мы не останемся в космосе, — начал он, как человек, уже наметивший цель.

— Луна? — с сомнением спросил Уикс.

— Нет. После такого предупреждения... Земля!

Все глядели на Рипа, разинув рот. Смелость и опасность его предложения ошеломляли. С тех пор, как начались регулярные полеты в космос, никакой корабль не приземлялся на родную планету непосредственно после возвращения — все обязательно проходили карантин на Луне. Это было не только рискованно, это было настолько неслыханно, что в первую минуту они даже не поняли Рипа.

— Если мы попытаемся сесть в Террапорте, — заговорил первым Дэйн, — они нас расстреляют...

— Ваша беда в том, — улыбнулся Рип, — что вы представляете Землю только как Террапорт.

— Ну что ж, если посадочное поле для патрулей в Стелле может принимать... — с сомнением согласился Уикс. — Но у нас тем более нет права там садиться...

— Разве у нас был порт на Сарголе, на Лимбо, на пятидесяти других планетах, записанных в нашем вахтенном журнале? — спросил Рип.

— Ладно. Допустим, нам повезло и мы сели никем не замеченные. А что дальше? — высказал новое возражение Али.

— Мы закроем корабль и найдем вредителя, затем поставим на ноги врача и взлетим со здоровым экипажем.

Уверенность Рипа оказалась заразной. Дэйн уже поверил, что это возможно.

— А подумали ли вы, — резко сказал Али, — что произойдет, если "Королева" действительно зачумленный корабль?

— Но я же сказал, что мы закроем корабль, герметически закроем, — возразил Шэннон. — И там, где мы приземлимся, у нас не будет посетителей, некому будет переносить инфекцию.

— Где же это место? — спросил Али, который знал пустыни Марса лучше, чем зеленую планету, где родился его отец.

— Прямо в центре Большого Ожога!

Дэйн, родившийся и выросший на Земле, первым понял, что

имел в виду Рип и что это означало для них. Да, Рип знал, что в этом месте "Королева" будет совершенно защищена от преследования. Выживет ли экипаж — это другой вопрос. Даже если они и приземлятся там, возникнет много других опасностей. Большой Ожог — это страшный рубец, оставленный последней атомной войной, район Земли, отравленный радиацией и занимавший сотни квадратных миль земли, незаселенных в течение жизни многих поколений. Первоначально выжившие после войны избегали всего изуродованного континента. Прошло два столетия, прежде чем люди стали возвращаться на некогда безопасную территорию, поселившись далеко на западе и на юге. И хотя прошли многие годы, избегать Большой Ожог стало привычкой. Он был символом того, о чем не хотел вспоминать ни один человек.

Но у Али оставался еще один вопрос:

— Сумеет ли мы сделать это?

— Пока не попытаемся — не узнаем, — ответил Рип.

— Нас будут подстерегать патрули, — вступил в разговор Уикс. Выросший на Венере, он больше уважал законы и порядки на звездных маршрутах, чем опасности Большого Ожога.

— Они будут нас ждать на обычных линиях, — ответил Рип.

— Они не ожидают, что корабль будет садиться на территорию, удаленную от всяких портов. И зачем бы им нас там ждать? С тех пор, как основан космический транспорт и Террапорт, все приземляются только там. Мы схитрим. — И, беря большую часть ответственности за предстоящее на себя, добавил: — Я верю, что мы сделаем это. А здесь нам оставаться нельзя. Нас не ждет здесь ничего хорошего! Только жаждающая крови "Интерсолар" и получившие предупреждение патрули!

Никто из слушателей не возразил. Дэйн воспрянул духом — в конце концов, они так мало знают о Большом Ожоге, что он вполне может послужить им надежной защитой. После обсуждения все согласились попытаться главным образом потому, что не видели другого выхода, кроме как обратиться к властям и быть расстрелянными, как зачумленный корабль. Их решение было подкреплено сообщением, полученным по радио, которое принял Али.

— Привет, пираты! — провозгласил он.

— Что это означает? — поинтересовался Дэйн, разогревающий суп для капитана Джелико.

— Так нас называют. Наше нападение на А-станцию вошло в историю и в записи патрульных. Объявлен розыск.

Дэйн почувствовал, как холодок пробежал у него по спине. Теперь они — желанная охотничья добыча для всей системы. Любой патрульный корабль имеет право расстрелять их без

вопросов и предупреждений. Конечно, они учитывали такую возможность, когда принимали решение садиться на астероидах, но осознать, что это стало реальностью, трудно. Это как раз тот случай, когда знание хуже ожидания. Он попытался успокоиться и сказал:

— Будем надеяться, что план Рипа удастся осуществить.

— Нам ничего другого и не остается. Но что вы, Торсон, знаете о Большом Ожоге? Таков ли он, как о нем рассказывают?

— Точно это никому не известно, его никогда не исследовали. Вернее, те, кто пытался исследовать, никогда не возвращались. Насколько я знаю, там до сих пор никого нет.

— Он все еще "горячий"?

— Может быть, частично. Но весь ли — мы не знаем.

С кастрюлей супа Дэйн направился в каюту капитана. Он был так занят размышлениями о будущем, что вначале не обратил внимания на то, что происходит в маленьком помещении. Дэйн усадил капитана и принялся ложкой вливать ему в рот суп. В это время тонкий писк привлек его внимание к столу капитана. Из-за полуоткрытого отделения микрофильмов выступило что-то длинное и темное, слабо извиваясь в воздухе. Дэйн опустил капитана на койку и хотел посмотреть, что же это такое. В это время хубат прервал свое неестественное спокойствие последних дней разрывающим уши криком ярости. Дэйн хлопнул по дну клетки — именно так успокаивал его хозяин, но на этот раз результат был поразительным.

Клетка раскачивалась взад и вперед на пружине, крепившейся к потолку, а хубат в ужасе бился о проволочные стенки. Вероятно, удары распатали прутья стенки, они поддались и хубат с глухим звуком шлепнулся на пол. Его крики прервались так же внезапно, как и начались, и он поспешил на своих паучьих лапках к отделению микрофильмов, передвигаясь с целеустремленной быстротой и не обращая внимания на Дэйна. Когти хубата растопырились, и он с легкостью вытащил из отделения создание такое же невероятное, как и он сам. О внешности этого упирающегося создания Дэйн получил самое смутное представление.

В борьбе они покатались по поверхности стола и упали на пол. Здесь жертва освободилась от охотника и с фантастической скоростью вылетела в коридор. И прежде чем Дэйн успел пошевелиться, хубат тоже оказался в коридоре. Выглянув, Дэйн успел заметить, как хубат спускается по лестнице, цепляясь когтями. Дэйн последовал за ним. На нижнем этаже не было видно убегающего животного, но Дэйн и не пытался вернуть в клетку голубого охотника, боясь его спугнуть. Он не успел разглядеть существо, убегающее от хубата, но понял, что тому не-

чего делать на "Королеве". Возможно, это и была причина болезни. Если хубат приведет его к этому животному...

Дэйн оставался на месте, пока хубат не спустился на нижний уровень, потом осторожно последовал за ним. Он был уверен, что из-за своеобразного строения туловища тот не может оглядываться — для этого ему нужно было повернуться всем телом, но Дэйн не хотел делать что-либо, что могло бы его спугнуть, или заставить его отказаться от методичных поисков добычи.

Хубат достиг следующего уровня и уселся по-жабьи, сжавшись в голубой комок и, очевидно, размышляя. Дэйн прижался к стене, надеясь, что никто не попадется навстречу и не испугает хубата. Затем, когда Дэйн уже начал думать, что охотник потерял след, тот встал и с прежней скоростью направился по следу. Он двигался к саду. Дэйн знал, что дверь в сад закрыта, и не понимал, как вредитель мог сквозь нее проникнуть.

— Что за?... — Али, спускавшийся по лестнице, остановился, увидев предостерегающий жест Дэйна.

— Хубат, — шепотом ответил помощник суперкарго, — он вырвался из клетки и проследил какое-то животное от каюты капитана до сада.

— Хубат!.. — начал Али, но закрыл рот и бесшумно присоединился к Дэйну.

Коридор корабля кончался входом в сад. Дэйн был прав — они нашли хубата, сидевшего перед закрытой дверью и царапающего когтями металлическую дверь, не пускающую его в сад.

— Что же это может быть? — произнес Дэйн.

Сад, лишенный растительности и содержавший теперь лишь резервуары с водорослями, не давал много возможностей для укрытия. Следовало впустить туда хубата и ждать. Когда они подошли, хубат издал свой воинственный клич, оплевал их башмаки и принялся вновь царапать когтями металл. Он не собирался убегать, за что Дэйн был ему так благодарен. Хубат как бы просил их впустить его в сад. При скрипе открываемой двери он встрепенулся и протиснулся сквозь щель, которую Дэйн считал слишком узкой для его тела. Оба торговца зашли следом и плотно прикрыли дверь. Воздух не был таким свежим, как раньше. Кроме баков с водорослями в помещении ничего не было. Хубат, сторбившись и превратившись в голубой комок, неподвижно сидел в середине прохода между баками.

Затаив дыхание, Дэйн прислушался. Действия хубата определенно свидетельствовали, что чужак находится здесь, но как же он сюда попал? И если он в саду, то хорошо скрыт. Он подумал, сколько же им придется ждать. В этот момент животное опять начало действовать. Оно вытянуло передние когтистые

лапы и начало ударять клешнями друг о друга, производя странные звуки, вызывающие вибрацию воздуха. Взад-вперед, взад-вперед двигались клешни. Их движения гипнотизировали, но результат всех этих действий оказался для людей совершенно неожиданным. Квикс-хубат знал, что все он делает правильно. Али так крепко сжал пальцами руку Дэйна, как будто они тоже стали клешнями хубата.

Что-то неясно очерченное двигалось возле бака и теперь было гораздо ближе к самозабвенному музыканту. Магией своих странных движений и звуков голубой хубат манил к себе добычу. Скрип-скрип — немзыкальная симфония продолжалась с монотонной регулярностью. Тень вновь приблизилась еще на один бак. Хубат, казалось, был сам очарован своей музыкой, впал в летаргию от ее магии.

Наконец чуждое существо стало полностью видно. Оно прижалось к ближайшему баку, готовое броситься наутек, но в то же время магически увлеченное странными звуками. Дэйн моргнул — ему казалось, что глаза его подводят. Он уже видел полупрозрачные тела обитателей Лимбо, изучал коллекцию снимков чужой жизни капитана Джелико, но это создание было так же невероятно, как и голубая пернатая жаба, выманивавшая его из убежища. Оно двигалось на двух нитеобразных ногах с четырьмя узловыми суставами, едва скрепленными, казалось, кости. Выпяченный живот был заключен в роговую оболочку, подобную хитиновому панцирю жука, и кончался острым концом. Две пары маленьких лап кренились к меньшей верхней части туловища и были вооружены колючими шипами. Голова, постоянно поворачивающаяся вперед и назад на покрытых броней плечах, была длинной и узкой, половину ее длины занимала пасть. Над ней находились углубления, в которых, вероятно, помещались глаза, но их никто не видел. Существо оказалось бледно-зеленого цвета или бледно-серого, и это слегка удивило Дэйна. Ему показалось, что в каюте капитана оно смотрелось гораздо темнее. В высоту оно было около восемнадцати дюймов.

Голова существа продолжала быстро поворачиваться. Оно замерло у стенки ближайшего бака так близко, что почти слилось с ней, и, когда не двигалось, его было очень трудно различить. Хубат, казалось, не обращал на него никакого внимания. Он впал в легкую дремоту, которая являлась результатом собственных действий. Ритм его музыки не менялся. Кошмарное создание проползло последний фут, отделявший его от музыканта, и остановилось перед хубатом. Его передние лапы вытянулись, но тот не дремал и, очевидно, ждал этого момента. Одна из его иглообразных клешней открылась и закрылась, отрезав голову

чужака. Прежде чем люди смогли помешать, квикс-хубат моментально с яростью разорвал свою добычу на куски.

— Смотри! — крикнул Дэйн.

Хубат подтянул к себе тело чужака, и там, где пепельное туловище коснулось оперенной шкуры квикса, оно тотчас становилось голубым.

— Хамелеон! — Али опустился на одно колено, чтобы лучше рассмотреть его, и Дэйн присоединился к нему.

Одна из тонких верхних конечностей лежала там, куда ее отбросил квикс. Из верхнего иглообразного конца вытекала какая-то жидкость. Яд? Дэйн огляделся в поисках чего-либо, чем можно было бы захватить все еще двигавшуюся лапу, но прежде чем он нашел, конечность схватил квикс. В конце концов, им пришлось полностью отдать хубату его добычу. Как только хубат съел все, он, сторбившись, впал в обычную неподвижность. Дэйн принес клетку и с помощью Али осторожно вернул туда хубата. От чужака осталось лишь несколько пятен на полу сада, и Али аккуратно сгреб их, чтобы впоследствии исследовать в лаборатории.

Часом позже четыре человека, составляющие теперь экипаж “Королевы Солнца”, собрались на совещание в кают-компании. На столе перед ними спал в своей клетке квикс.

— Их должно быть несколько, — сказал Уикс. — Но как мы будем их ловить? С помощью Синдбада?

Дэйн отрицательно покачал головой. Когда хубат был водворен в клетку, а следы чужака были убраны с пола, Дэйн принес в сад кота и заставил его принюхаться. В результате кот чуть не сошел с ума и вырвался из рук Дэйна, оставив на них глубокие царапины. Было ясно, что корабельный кот не желал знакомиться ни с живыми, ни с мертвыми вредителями. Он убежал в каюту Дэйна и отказался покинуть койку, дико глядя на тех, кто заглядывал из коридора.

— Квикс поймал одного, — сказал Рип, — но будет ли он охотиться дальше. Тем более мы не знаем, сколько этих хамелеонов на борту. А кот нам не помощник. Это ясно.

— Ничего другого не остается, только квикс может нам помочь. Сейчас он спит, и от него тоже помощи не жди. — Дэйн взглянул на клетку с хубатом. Но тот словно впал в летаргический сон.

— Главное, мы не знаем, где искать этих чудовищ. Возможно, они уже оккупировали весь корабль, возможно, их следует искать только в саду. — Рип на секунду замолчал, а потом продолжил: — Я думаю, что хамелеонов полно в грузовых отсеках, ведь туда мы грузили эти красные бревна!

— Но как все точно выяснить? — откликнулся Дэйн.

— Давайте-ка попробуем вот что, — в разговор вступил Джаспар Уикс, — если квикс нам помог, может быть, поможет еще раз.

— Прекрасная идея! — воскликнул Али. — Я вас понял. — Он схватил клетку с квиксом и ринулся к выходу из каюты. Все последовали за ним.

Шли молча, потом прибавили шаг, почти побежали к трюмам. Молча стали открывать двери.

— Посмотрите-ка на квикса!

Все последовали совету Уикса. Хубат уже не находился в летаргии. Он встал и прижался к прутьям клетки, издавая вопли гнева. А когда Али начал спускаться по лестнице, квикс принялся биться в клетке, стремясь вырваться на свободу. Воющий и упирающийся Синдбад отказывался идти дальше.

— Выпусти его! — крикнул Рип Али.

Выпущенный из клетки, хубат двинулся вперед к большому грузовому трюму и остановился, ожидая, когда ему откроют дверь.

Глава 13

ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАРТЫ

На запертой двери грузового трюма висела пломба, повешенная Ван Райком еще до старта с Саргола. На взгляд Дэйна, она не была повреждена. По всей видимости, ее не открывали с тех пор, как они улетели с самой благоуханной планеты. Тем не менее хубат ясно показывал, что вредители там есть. Через минуту Дэйн совершил поступок, который, если он не оправдается, навсегда занесет его в черный список космической службы. Он сорвал пломбу, которую нельзя было трогать до приземления.

С помощью Али он отодвинул тяжеленную дверь, и они заглянули в грузовой трюм, полный красного дерева с Саргола. Красное дерево! Увидев его, Дэйн был готов убить себя за глупость. Кроме камней корос в крепком сейфе, только эта древесина попала к ним на борт с Саргола. Что, если вредителей не подбросили, а как обитатели Саргола попали на корабль вместе с грузом?

Люди оставались у входа, чтобы предоставить хубату свободу на время охоты. Синдбад съежился, выражая воплями свое отрицательное отношение к происходящему. Они почувствовали запах, резкий и незнакомый. Когда дерево грузили, этого запаха не чувствовали. Он не казался неприятным, а скорее нео-

бычным, и он или еще что-то подействовал на квикса. Голубой охотник, цепляясь когтями, вскарабкался наверх ближайшего бревна и уселся там, осматривая, очевидно, территорию предстоящей охоты. Затем, ударив клешнями друг о друга, он начал свою музыку, извлекавшую ранее противника из убежища. Этот звук подействовал и на Синдбада — Дэйн понял, что кот перестал вырываться и больше не пытается убежать. Он просунул голову в открытую дверь и уставился на квикса круглыми глазами. Скрип-скрип — монотонный звук бил по ушам, дергал за нервы.

— Ш-ш-ш-ш... — Али понизил голос до шепота и указал рукой на что-то справа на уровне пола.

Дэйн заметил какое-то движение вдоль бревна. Безбилетный вредитель оказался такого же яркого цвета, как и древесина, и различить его, пока он не двигался, было невозможно. Это объясняло, каким образом они проникли на корабль. Но это — только первый. За ним последовали второй и третий. Зверьки застыли, пытаясь, очевидно, сопротивляться гипнотизирующей музыке хубата. Квикс, казалось, был так поглощен своим занятием, что ничего не замечал вокруг.

— Слева один на самом конце бревна, — прошептал Рип Уиксу. — Может, его накрыть сетью?

Маленький механик пропустил сеть сквозь свою мозолистую ладонь, продвинулся вперед и встал рядом с Али, не отрывавшим глаз с выступающих красных наплеков на красной древесине.

— Два... три... четыре... пять... — считал Али, но Дэйн не видел их в таком количестве.

Он был уверен, что видит четырех и то только потому, что уловил их движение. Существа окружили хубата, а двое из них вскарабкались на бревно, навстречу своей гибели. Уикс опустился на колено, готовый бросить сеть, но в этот момент на Дэйна снизошло вдохновение. Он выхватил парализующий пистолет, поставил переключатель на широкое действие и захватил лучом сразу трех существ. Рип, поняв, что делает Дэйн, положил руку Уиксу на плечо, удерживая его. Одно из существ дернулось, соскользнуло вниз с бревна на узкую полосу пола между бревнами. Тут оно и осталось лежать неподвижно — ярко-алое пятно на сером фоне.

Уикс набросил на него сеть и подтянул его к себе. Алый цвет животного быстро сменился серым и, наконец, совершенно слился с серым металлом, на котором лежал. Совершенная маскировка! Если бы животного не оказалось в сети, его можно было бы потерять — настолько оно слилось с полом.

Остальные двое не переставали цепляться за бревна, хотя и

попали под луч, и люди не могли их извлечь. Оставались другие, не пораженные лучом и готовые обратиться в бегство. Уикс подтащил сеть с пленником еще ближе и посмотрел вопросительно на Шэннона.

— Глубокое охлаждение, — распорядился временный командир “Королевы Солнца”, — потом разберемся.

Конечно, глубокое охлаждение совместно с парализующим лучом сохранит животное, пока у них не появится возможность изучить его. Когда Уикс, выполняя распоряжение, проходил мимо кота, тот так старался избежать этого, что встал на задние лапы и отступал до тех пор, пока, мяукая, не перевернулся. Стало совершенно очевидно, что Синдбад не захотел иметь ничего общего с чужаками.

Хубат продолжал свой концерт. Подкрадывающиеся зверьки сидели уже близко и так осмелели, что быстрыми прыжками еще ближе придвинулись к нему. Дэйн недоумевал, как хубат собирается справиться сразу с четверыми, которых он, наконец, обнаружил, кроме тех двух, подвергшихся действию парализующего пистолета и лежавших неподвижно.

— Их нужно остановить лучом, — произнес Рип.

Но, очевидно, всем стало интересно посмотреть, как квикс справится с четверыми. И хотя Рип сказал, что их нужно остановить, приказа все-таки он не отдал. Наверное, ему тоже было интересно. Первая красная выпуклость оказалась уже в футе от квикса, а ее товарищи замерли, как бы давая возможность одному сразиться с врагом. По всей видимости, хубат не видел его, но, когда зверь прыгнул, квикс оказался готов к встрече. Его клещи, прекратив стук, сомкнулись вокруг тонкой талии вредителя и разрубили его надвое. На этот раз хубат не пытался разорвать жертву на части и съесть ее. Наоборот, он тут же неподвижно замер, как на фотографии. Тяжелая нижняя часть животного скатилась на пол по бревну и посерела. Никто из его товарищей не заинтересовался его судьбой. Двое, испытывавшие действие луча, лежали неподвижно, остальные же глядели на хубата.

Но Рип больше не был намерен терять время.

— Лучом их! — рявкнул он.

Все трое направили свои парализующие пистолеты на чудищ-врагов, стараясь не задеть лучом хубата. Квикс закрыл глаза, но казалось, что луч его не задел. Теперь все зверьки казались совершенно беспомощными, и трое людей приблизились к бревнам, однако защитная окраска так скрывала зверьков, что их удалось обнаружить, только ощупав бревно. Надев перчатки, Али вытащил маленьких чудовищ из убежища одно за другим и поместил в клетку хубата, чтобы затем перенести

в холодильник. Квикса они решили оставить в грузовом трюме, чтобы он мог подстеречь тех, кто оказался слишком осторожным и не вылез при первых звуках его музыки. Хубат стал их единственной защитой от этих тварей и оставить его в самом центре их обитания было самой мудрой политикой.

Заморозив пойманных зверьков, друзья устроили совещание.

— Значит, это не чума, — с облегчением заметил Уикс.

— Доказательств еще нет, — оборвал его Али. — Мы должны в этом убедиться.

— Но как это сделать? — начал Дэйн и тут увидел, что Али принес из лаборатории врача ланцет и верхнюю часть туловища животного, убитого хубатом в грузовом отсеке.

Передние лапы чудища, оканчивающиеся иглообразными шипами, были вытянуты в предсмертной агонии. Туловище оказалось белого цвета, будто повторив цвет холста, на котором оно лежало. Али отделил коготь от тела. Коготь источал водянистую жидкость, такую же, как и в саду.

— Есть идея, — медленно произнес Али, глядя на уродливое создание. — Мы не заболели, так как эти существа избегали нас. Если бы они задели нас когтями, мы бы тоже заболели. Вспомните следы на горле и на спине остальных. Вероятно, это следы ядовитых когтей, если это только яд.

Дэйн понял, к чему он клонит. Рипом и Али нельзя рисковать, они должны привести корабль на Землю, но суперкарго на корабле не нужен, когда нет торговли. Следовательно, он обязан проверить мысль Али. Но пока он размышлял, другой стал действовать. Уикс протянул руку и взял у Али пинцет. Потом, прежде чем кто-либо пошевелился, он вонзил его в тыльную сторону своей ладони.

— Не надо! — воскликнули Дэйн и Али, но они не успели его задержать.

Дело сделано. Уикс испуганно глядел на капли крови, стекающие с хирургически чистого лезвия. Но когда он заговорил, его голос казался совершенно естественным.

— Какой первый признак? Головная боль?

Только Али не был внешне тронут действиями Уикса.

— Теперь мы будем уверены, идет ли зараза от этих чудовищ, — сказал он с поразившим Дэйна бессердечием.

Уикс кивнул.

— Я убежден, что это они виноваты, — резко ответил он, — я в этом уверен. Как долго я продержусь?

— Мы не знаем, — устало заметил Рип и встал. — А тем временем продолжим наш путь домой.

— Домой... — повторил Уикс.

Для него Земля не была домом, он родился в полярных областях Венеры, но для каждого жителя Солнечной системы, вне зависимости от того, где он родился, Земля все-таки оставалась домом.

Огромная рука Рипа легла на плечо Уикса.

— Ты остаешься здесь с Торсоном.

— Нет. — Уикс отрицательно покачал головой. — Пока не потеряю сознания, буду в инженерной секции. Может, болезнь на мне не скажется.

И поскольку он сам решил так поступить, они не имели права отстранять его от работы, и к тому же их оставалось так мало, а впереди были такие утомительные часы. Дэйн еще раз посетил грузовой трюм, но встреченный гневным криком квикса понял, что тот снова на страже. Хубат, сторбясь, сидел сверху бревна, и Дэйн не стал ему мешать. Даже если еще и оставались вредители, кроме спрятанных в холодильник, с квиксом на вражеской территории им нечего бояться.

Рип прокладывал курс на Землю. Зачумленный корабль надо было спрятать на родной планете, пока они не найдут средства от болезни. Шэннон работал в штурманской рубке, поочередно занимая то кресло штурмана, то кресло пилота. На нем лежала ответственность за доставку корабля в такой район пространства, где их не мог ждать Патруль. Дэйн дежурил в рубке связиста, слушая, не произойдет ли что-нибудь в эфире. Но по радио звучала лишь автоматически повторяющаяся запись, которая перечисляла их преступления. Как можно было заключить, Патруль не знал о их местонахождении, но, с другой стороны, он мог находиться в любом месте Галактики и их просто заманивали в ловушку. Но выбора не оставалось.

Корабельный интерком донес из инженерной секции голос Али:

— Уикс заболел!

— Что с ним? — рявкнул в микрофон Рип.

— Он потерял сознание. У него сильно болит голова, а рука распухла...

— Он дал нам доказательство. Может ли он что-либо рассказать?

— Мне уже лучше, — раздался бесплотный голос Уикса, — я переношу болезнь не так плохо, как остальные. Я останусь в секции.

Рип покачал головой, но, не обладая подлинными правами капитана, не смел приказать Уиксу уйти в каюту. Кроме того, у него оказалось множество других забот, и чем дальше, тем их становилось больше. Как долго происходила посадка на родную планету, Дэйн никогда потом не мог сказать. Он чувствовал, что

прошли часы. Он устало сидел в кресле связиста с прижатыми к ушам ларингофонами, не имея сил поднять руку, а временами все застилал туман. В один из таких моментов они и приземлились. Дэйн смутно разглядел Рипа, лежащего в изнеможении на приборной доске, затем его снова поглотила тьма. Придя в себя, он увидел, что рубка слегка наклонена, а Рип все еще лежит на приборной доске, тяжело дыша.

Дэйн взглянул на видеозэкран. На какое-то время он решил, что еще спит. Затем, пока затуманенный мозг искал объяснение тому, что он увидел, Дэйн решил, что Рип ошибся. Это не мог быть центр Большого Ожога, они находятся вообще вне пределов этого гиблого места. По всей вероятности, "Королева" приземлилась в национальном парке или в заповеднике. Эта пышная масса растений, эти яркие цветы, эти сверкающие яркой расцветкой птицы — все это не могло находиться среди чудовищных разрушений, оставленных последней попыткой человека навязать свою волю другим людям. Что ж, они пытались, но удача отвернулась от них. Сколько же времени пройдет, пока их здесь разыщут люди закона? Смогут ли они хотя бы собраться с мыслями?

Дэйн включил приемник и сразу же сорвал наушники. Он знал треск статического электричества, слышал многочисленные странные звуки, раздающиеся на межзвездных трассах, но услышанный сплошной парализующий гул был чем-то совершенно новым и тревожным. И поскольку звуки были абсолютно неизвестными, он не мог определить их источник. Дэйн снова взглянул на экран, на этот раз более внимательно. Листва, растущая в изобилии, оказалась зеленой. Это была обычная земная листва, несомненно зеленая, но... Что это за красный цветок, поймавший на лету и проглотивший маленькое летающее создание? Он пытался вспомнить сведения по биологии. То, что он увидел, было неестественным, неземным!

Дэйн выдвинул объектив на носу "Королевы", чтобы лучше рассмотреть все вокруг. Корабль стоял несколько наклонно. Очевидно, их посадка не оказалась гладкой и часть объективов смотрело в небо. Но когда Дэйн взглянул через объективы, направленные на Землю, он увидел достаточно, чтобы понять, что корабль сел где угодно, но только не на Землю. Подсознательно он ожидал, что Большой Ожог окажется бесплодной землей — застывшие голые скалы и озерки застывшего кварца, выброшенного из-под земли мощными ядерными взрывами. Так случилось на Лимбо, другой сожженной планете, где нашлись следы их предшественников в Галактике — загадочных и давно исчезнувших Предтеч. Там они вели жестокую аннигиляционную войну.

Но, очевидно, в Большом Ожоге все по-другому. Здесь не было лишенных жизни скал. Наоборот, казалось, что здесь слишком много жизни. В ограниченном поле зрения Дэйн видел кишачие жизнью джунгли. Это удивительное открытие заставило его забыть об их положении. Он все еще таращился в изумлении на экран, когда Рип зашевелился, поднял голову и открыл затуманенные глаза.

— Удалось? — спросил он.

— Ты посадил нас, — ответил Дэйн, отрывая глаза от удивительной картины, — но куда — не знаю.

— Если приборы не врут, мы должны быть возле сердца Большого Ожога.

— В самом сердце?

— Как оно выглядит? — Рип слишком устал, чтобы встать с места и подойти к экрану. — Сожжено, как на Лимбо?

— Вовсе нет. Рип, приходилось ли тебе видеть помидор размером с дыню? — Дэйн сфокусировал объектив на этом растении. — Да, это похоже на помидор.

— Дэйн, что с тобой? — В голосе Рипа послышалось беспокойство.

Дэйн уступил место Рипу, но сам не отошел от экрана. Конечно, это был их старый земной знакомый помидор, но размером с дыню. Он свисал с дерева в десять футов высотой. Рип быстро сел в кресло связиста и тоже удивился при виде этой странной картины, но сразу спросил:

— Где же мы?

— Ты же сам сказал, что это должен быть Большой Ожог!

— Но... — Рип медленно покачал головой, как бы отгоняя от себя то, что видел. — Большой Ожог — это голые скалы. Я видел снимки...

— Только внешний периметр, — поправил Дэйн, уже решивший для себя эту задачу. — Мы же находимся там, где уже давно никто не был. Великий Дух Космоса, что же здесь произошло?

У Рипа было достаточно специальных знаний, чтобы ответить на этот вопрос. Он вновь подошел к пульту управления и нажал одну из кнопок. Каюту мгновенно наполнил громкий гул. Дэйн знал, что это означает, и объяснений Рипа не потребовалось.

— Так вот оно что! Тут вся местность крайне радиоактивна.

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Этот гул, а также шкала счетчика радиоактивности предупреждали, что они так же надежно защищены и отрезаны от внешнего изобилия, как если бы смотрели на все это с поверхности Саргола или Марса. Выход из-под действия защитных экранов "Королевы" в эту прекрасную зеленую страну означал бы для них такую же верную смерть, как если бы снаружи с ракетами наготове их поджидал патрульный крейсер. Спасения от этой радиации не было — она проникала через воздух, которым бы они дышали, через кожу. А дикая местность цвела и манила к себе.

— Мутации, — пробормотал Рип. — Клянусь Великим Космосом, Тау сошел бы с ума, увидев все это.

Произнесенное имя врача напомнило им, зачем они приземлились. Дэйн прислонился к наклоненной стене рубки.

— Нам нужен врач...

Рип кивнул, не отрывая глаз от экрана.

— Можно ли защитить один из флиттеров? — продолжал спрашивать помощник суперкарго.

— А это мысль! Али знает как... — Рип потянулся к микрофону интеркома. — Инженерная секция!

— Вы живы? — послышался голос Али. — Долго же вы не отзывались. Где мы? То, что мы стали кривобокими после ученической посадки, я вижу.

— В Большом Ожоге. Иди сюда. Хотя подожди, как Уикс?

— У него сильная головная боль, но он в сознании. Похоже, что иммунитет все-таки действует. Я отправил его в каюту, дав успокоительные таблетки. Итак, у нас получилось.

Поскольку Али должен был присоединиться к ним, Рип только произнес в микрофон:

— Некоторым образом...

Стук башмаков на лестнице предшествовал появлению Али в штурманской рубке. Ему дали возможность посмотреть на местность снаружи и изучить показания приборов, потом Рип повторил вопрос Дэйна:

— Можно ли защитить один из флиттеров так, чтобы он мог взлететь? Я не сумею снова поднять и приземлить "Королеву".

— Я убежден, что ты не сможешь, — ответил помощник инженера. — Возможно, нам удалось бы взлететь, но сесть мы уже никуда не сумели бы — не хватит горючего. Флиттер? Ну, что ж, у нас есть защитные экраны. Но это будет нелегкая ра-

бота. Во всяком случае, мы стараемся... — Он нахмурился, обдумывая полученное задание.

С короткими перерывами на торопливую еду и уход за больными Рип и Дэйн превратились в руки, направляемые мозгом и знаниями Али. Они работали без отдыха. Выспавшись, Уикс уже испытывал меньшие боли и, несмотря на слабость, пытался им помогать.

Флиттер — летательный аппарат, предназначенный для исследовательских работ на чужих планетах и способный нести троих человек, — сначала был освобожден от всего менее необходимого, так что остались лишь кресло пилота и двигатель. Затем они принялись устанавливать защитные экраны из плит особого сплава, не пропускающего радиацию. Неоднократно они хвалили предусмотрительность Штоца, который всегда запасал множество различных материалов и инструментов. Тем не менее многого не хватало, и Али отчаянно импровизировал, превращая разнообразное оборудование в единое целое. Когда они закончили, Али все еще не был удовлетворен.

— Он полетит, — признал Али, — и лучше мы все равно бы не смогли сделать. Но многое зависит от того, сколько времени ему придется лететь над “горячей” местностью. Куда же его направить?

Рип изучил карту Земли — маленькую карту, найденную среди записей, которые хранились для развлечения экипажа.

— Большой Ожог занимает три четверти этого континента. Нет смысла лететь на север — опустошенная местность тянется до полярных районов. Остается запад — там найдется несколько участков на берегу моря, где можно встретить людей. Итак, я беру флиттер, нахожу врача и привожу его на корабль...

— Не выйдет! — возразил Дэйн. — Ты останешься здесь. Если “Королеве” суждено еще раз взлететь, то только ты сумеешь ее поднять. То же самое касается и Али. Я же не могу участвовать в старте ни как пилот, ни как инженер. Уикс же болен. А это значит, что в поисках врача должен участвовать я.

Все были вынуждены согласиться с ним.

“Дэйн, ты не герой, — думал Дэйн, бросая на следующее утро последний взгляд на свою каюту. — Просто так велит поступать здравый смысл”.

Маленькая каюта, почти без мебели и с голыми стенами, казалась ему самым желанным и безопасным местом на свете.

Космический скафандр, достаточно тяжелый и неуклюжий в условиях пониженной гравитации А-станции на астероиде, оказался вдвое тяжелее и неудобнее на Земле, но Дэйн с помощью Рипа облачился в него, а тем временем Али уложил во флиттер второй скафандр — для человека, которого обязался

привезти Дэйна. Прежде чем он надел шлем, Рип дал ему последний приказ вместе с неожиданным оружием. Увидев оружие, Дэйн осознал, каким отчаянным считает Рип их положение, ибо только смертельная опасность могла заставить помощника штурмана воспользоваться ключом капитана Джелико и открыть запечатанную кладовую оружия и извлечь его оттуда.

— Если понадобится — используешь, — мрачно произнес Рип.

Али, уложив скафандр, поднялся и вышел в коридор, а Дэйн занял его место, сев в кресло пилота. Внутренняя дверь шлюзовой камеры закрылась, и он остался один. С удручающей медлительностью внешняя стенка шлюзовой камеры начала расходиться. Руками в металлических перчатках, отчего они напоминали клешни, Дэйн расстегнул два предохранительных пояса, и флиттер начал опускаться наружу к сиянию начинающегося дня, к яркому солнцу, которое слепило даже сквозь защитные очки шлема. Несколько опасных мгновений флиттер раскачивался назад и вперед на пусковом механизме, счетчик радиации бешено взвыл, загорелся красный сигнал тревоги. Раздался скрежещущий звук, и флиттер замер у хвоста "Королевы".

Дэйн нажал рычаг и посмотрел, как вытягивается спусковой аппарат и закрывается вход в корабль. Затем он взялся за рычаги управления. Используя слишком много энергии, Дэйн резко взвился в воздух. Прошло некоторое время, прежде чем он приноровился к управлению флиттером. Тогда он выправил машину и повернул ее на запад. Солнце светило ему в спину, под ним раскинулось зеленое море джунглей, а впереди маячила слабая надежда на незараженную радиацией местность, где он сможет найти помощь.

Миля за милей проплывали под флиттером зеленые ландшафты джунглей, а красный сигнал на счетчике свидетельствовал о том, что земля непригодна для человека. Даже в скафандре, предохраняющем человека на чужих планетах, оставаться здесь долго было опасно, и Дэйн, надежно изолированный от радиации, сознавал эту опасность. Если зараженная территория тянется дольше, чем на тысячу миль, эта опасность будет не проблематичной, а станет свершившимся фактом.

Дэйн определил лишь общее направление полета, означенное по клочку карты, найденному Рипом. На западе, неизвестно как далеко, дугой тянулся берег моря, достаточно удаленный от отравленной земли, чтобы быть населенным. В течение нескольких поколений население Земли, сократившееся в результате ядерной войны и последующих полетов к планетам Со-

лечной системы, а затем и расселения по планетам других звезд, вновь начало увеличиваться. Люди возвращались из космоса, чтобы провести свою старость на родной планете и умереть здесь. Потомки далеко разлетевшихся колонистов, прилетая в гости на родную планету, ощущали зов древних инстинктов и тоже оставались. И теперь население земных поселков увеличивалось, а сами поселки начали наступление на незаселенные земли.

Вскоре после полудня Дэйн заметил, что зеленый ковер под флиттером начал редеть, появились лишённые растительности участки, которые постепенно сливались в большие складчатые пустыни. Взглянув одним глазом на счетчик, Дэйн отметил, что красная лампочка, горевшая непрерывно с момента вылета с корабля, теперь мигала. Земля внизу понемногу “охлаждалась” — возможно, он уже преодолел наиболее опасную часть путешествия, но насколько он и флиттер успели заразиться радиацией во время полета, Дэйн не знал. Али придумал способ защиты пустого скафандра, предназначенного для врача, но выдержит ли защита? В ближайшем будущем его ждало множество подобных вопросов. Мутировавшая растительность теперь превратилась в желтые клочья. Если люди и проникали в Большой Ожог на такую глубину, то у них не было никакого представления о том, что творится дальше.

Огонек счетчика все больше слабел, между вспышками уже были интервалы в несколько секунд. Дэйн пожалел, что у него нет с собой радионаушников. В центре Большого Ожога из-за гула радиации они оказались бесполезны, и он оставил их на корабле, а теперь с их помощью он сумел бы обнаружить на земле селение. Оставалось найти берег моря и лететь вдоль него. Дэйн не составлял планов на будущие переговоры, надеясь на импровизацию. Для него, как для вольного торговца, быстрые действия в неожиданных условиях являлись обязательным элементом жизни. В дальних углах Галактики, где звездные торговцы осуществляли свои операции, быстрота мышления и способность мгновенно менять планы были так же необходимы, как и искусство владения бластером. И очень часто язык вместе с мозгом не поспевали за руками.

Солнце теперь светило Дэйну прямо в лицо, и он увидел участки незараженной земли с обычной растительностью вместо “горячих” джунглей, оставшихся позади. Ночь ему предстояло провести на краю луга, где счетчик уже не показывал наличие радиации и где можно снять скафандр и заснуть под звездами, ощущая рукой прикосновение родной земли. Запах растительности сменил сухой воздух корабля и томные ароматы Саргола. Он лег на спину, прижавшись к земле, частью которой

он был, глядя на темную чашу неба. Было так трудно сопоставить эти далекие ледяные огоньки, которые складывались в знакомые созвездия, с солнцами, чьи лучи покрыли кожу космическим загаром.

Солнце Саргола, солнце, которое светило над мертвой Лимбо, солнце Накоса, его первого космического порта, — все они прибавили ему загара. Чужие солнца, красные, оранжевые, голубые, зеленые, белые, отсюда выглядели одинаково — искорками огня.

Завтра на рассвете он отправится дальше. Дэйн отвернулся от звезд, а под щекой оказалась трава, мягкая, зеленая. Однако он не имеет права на эту траву, пока не добьется успеха. Дэйн постарался изгнать мысль о завтрашнем дне из головы и подумать о чем-нибудь приятном. В конце концов, он уснул глубоко, без сновидений, как будто прикосновение к родной земле успокоило его напряженные нервы.

Проснулся он перед восходом солнца, окоченевший и продрогший. Серость предрассветного неба давала немного света. Пролетела какая-то птица. Значит, здесь есть птицы или далекие потомки птиц из “горячей” земли. Поют ли они, приветствуя рассвет? Дэйн проверил флиттер маленьким счетчиком и облегченно вздохнул, убедившись, что они под руководством Али хорошо защитили флиттер от радиации. Нужда в скафандре отпала на время, и теперь он смог свободно сидеть у рычагов управления. Как приятно освободиться от металлической тюрьмы!

Поднеся к губам тюбик, он ощутил во рту солоноватый вкус пищевого концентрата, и его настроение поднялось, пока флиттер взлетал. Настал день, когда он найдет то, зачем летит.

Спустя два часа после восхода солнца Дэйн нашел, что искал. Деревня, представляющая собой группу из пятидесяти домов, протянулась вдоль берега залива. Он скользнул вниз и приземлился в укромном месте между скалами, которые полностью закрыли флиттер. Дэйн был уверен в безопасности убежища.

Отлично, он пойдет в деревню. А что дальше? Врач... Незнакомец, появившийся на дороге в форме вольного торговца, вызовет подозрение. Надо выработать какой-то план. Дэйн снял верхнюю одежду. Надо бы поменять и космические башмаки, но, возможно, они придадут больше правдоподобия его рассказу. Он убрал бластер под одежду. Несколько разрывов на одежде, не сильный удар ножом, вызвавший небольшое кровотечение... Он не сумел осмотреть себя, чтобы решить, насколько эффектен его внешний вид, но пришел к выводу, что этого вполне достаточно.

Случай испытать это представился даже раньше, чем он ожидал. К счастью, Дэйн находился в укрытии, иначе на него

наткнулся бы мальчик, который, посвистывая, шел по дороге с удочкой через плечо и с корзиной в руке. Дэйн придал своему лицу выражение, которое, по его мнению, должно было обозначать боль, и двинулся вперед, чтобы неожиданно встретиться с мальчиком.

— Помогите! — сильное волнение, которое он испытывал, придало убедительность его стону.

Удочка и корзина полетели на землю, а мальчик после минутного колебания бросился вперед.

— Что случилось? — Его глаза остановились на космических башмаках, и он добавил “сэр” в знак уважения к этой героической профессии.

— Спасательная шлюпка... — Дэйн махнул в сторону моря. — Врач... Мне нужен врач.

— Да, сэр. — Единый земной язык хорошо звучал в устах мальчика. — Мне вам помочь или вы можете идти сами?

Дэйн кивнул и не слишком сильно оперся на плечо своего спутника.

— Мой отец врач, сэр. Мы живем под этим склоном в третьем доме, и отец пока не ушел. Он собирался в инспекторскую поездку на север.

Дэйн почувствовал отвращение к взятой на себя роли. Увидев врача, он должен будет его похитить, чтобы спасти “Королеву”, но он раньше не предполагал, что придется похищать семейного человека. Только сознание необходимости своего поступка, а также твердое решение не подвергать врача лишней опасности помогло ему продолжить исполнение задуманного плана. Оказавшись в начале деревни, Дэйн увидел, что она совершенно пуста. Но поскольку в его роль не входили недоуменные вопросы, он решил ничего не спрашивать. Выручил его юный проводник, дав этому разъяснение.

— Большинство вышло в море. Идет красная рыба...

Дэйн понял. С давних времен красная рыба была желанным украшением стола землян. Если в окрестностях появляется косяк этой рыбы, то нет ничего удивительного, что большая часть населения поселка отправилась в море.

— Сюда, сэр, — пригласил мальчик к дому справа. — Вы из торговой службы?

Дэйн обрадовался, что его одежда может точно указать род его занятий.

“Было бы хорошо, — с горечью подумал он, — прикрепить знак “Интерсолара”, это бы совсем запутало дело”.

Однако он ответил, причем ответил гордо:

— Да.

Мальчик покраснел от возбуждения.

— Я хочу учиться на врача для службы в торговом флоте и в прошлом месяце сдал главный экзамен. Но я еще не проходил психологической проверки.

Картины прошлого замелькали в сознании Дэйна. Не так давно на психологическом экзамене машина-психолог, фактически машина по распределению, решила его судьбу, предназначив его для “Королевы Солнца”, на корабль, где его способности, знания и возможности будут приносить наибольшую пользу Службе. Тогда он пожалел об этом назначении, даже стыдился того, что станет вольным торговцем, в то время как Артур Сэндз и другие одноклассники получили назначения в большие компании. Теперь же он понял, что не променял бы самый маленький винтик с “Королевы” на новейший корабль “Интерсолара” или “Комбайна”. А этот мальчик из далекой деревни напоминал самого Дэйна пятью годами раньше. Только они никогда не знали своего дома, попав в школу из одного из многочисленных детских приютов.

— Желаю удачи! — сказал Дэйн, и краска на лице мальчика стала еще ярче.

— Спасибо, сэр! Сюда, пожалуйста, кабинет отца за этой дверью.

Дэйн позволил ввести себя в кабинет и сел в кресло, а мальчик отправился искать отца. Рука его нащупала бластер. Придется ему выполнить это задание, на которое напросился сам, отступления нет. Но рот его скривился, когда он вытащил бластер и направил на дверь. Вдруг у него в голове мелькнула другая мысль: а что, если рассказать о другом тяжело раненном человеке, оставшемся среди обломков корабля! И он снова спрятал оружие, надеясь, что его не видно под одеждой.

— Сын сказал мне...

Дэйн поднял голову. В кабинет вошел человек средних лет. Приятное лицо и глаза, устремленные на Дэйна. Врач мог бы быть братом Тау. Быстро пройдя через комнату, он остановился перед Дэйном и протянул руки, чтобы отбросить обрывки окровавленной одежды, но Дэйн отвел его руки.

— Мой товарищ... — сказал он. — Он там, среди обломков...

— Дэйн указал на юг. — Нуждается в помощи.

Врач нахмурился.

— Большинство людей в море. Джордж, — обратился он к вошедшему вслед за ним мальчику, — приведи Лекса и Хартога. А теперь, — он попробовал усадить Дэйна в кресло, так как тот встал, — позвольте мне взглянуть...

Дэйн покачал головой.

— Некогда, сэр. Мой товарищ тяжело ранен. Вы сможете пойти со мной?

— Конечно. — Врач взял медицинскую сумку. — Вы способны сами идти?

— Да. — Дэйн был возбужден, так как исполнялся его замысел.

Среди скал он достанет бластер и заставит врача сесть во флиттер.

“Нам все-таки везет”, — подумал Дэйн.

Глава 15

ВРАЧ ХОВАН СООБЩАЕТ

К счастью, дорога из разбросанного по берегу поселка сильно извивалась и вскоре их уже невозможно было увидеть из домов. Дэйн немного задержался, как будто дорога утомила его. Врач обернулся, чтобы помочь, и увидел направленный на него бластер.

— Что?! — Рот его раскрылся и нижняя челюсть отвисла.

— Вы пойдете впереди меня, — спокойно сказал Дэйн. — За скалами нас ожидает флиттер.

— Вероятно, я не должен задавать вопросов?

— Можете, но не сейчас. Некогда. Пошли!

Врач, больше не удивляясь, повиновался. Только когда они приблизились к флиттеру и доктор увидел космический скафандр, его глаза широко раскрылись, и он воскликнул:

— Большой Ожог!

— Да. И мы в отчаянном положении...

— Или вы действительно в отчаянном положении, или вы сошли с ума. — Врач поглядел на Дэйна, покачав головой. — Что у вас, зачумленный корабль?

Дэйн сжал губы. Его пленник оказался слишком пронизательным. Но он ничего не ответил и указал жестом на скафандр, уложенный Али на сиденье.

— Надевайте его, и побыстрее!

Врач потер рукой подбородок.

— Да, я думаю, что вы в отчаянном положении, раз уж вынуждены столь мелодраматично размахивать этой штукой, — он указал на бластер.

— Я не хочу вас убивать. Но бластер...

— Да, это будет очень больно, я знаю, молодой человек. — Он пожал плечами, положил медицинскую сумку и принялся надевать скафандр. — Я не хочу заставлять вас грузить меня силой в ваш корабль. Ладно уж.

Сдавшись, он сел так, как показал ему Дэйн. Торговец

принял дополнительные меры предосторожности, привязав заключенные в металл скафандра руки врача к телу. Затем он сам надел скафандр. Теперь они могли объясняться только с помощью взглядов через стекла шлемов. Дэйн нажал рычаг управления, и флиттер поднялся в воздух как раз перед появлением небольшого отряда из трех человек — мальчик и двое жителей поселка, вызванных им, пришли слишком поздно. Флиттер спиралью поднимался в сверкающее солнечное небо, и Дэйн подумал, сколько пройдет времени, прежде чем сообщение об этом новом нарушении закона достигнет ближайшего полицейского или патрульного поста. Но хватит ли у полицейского крейсера смелости последовать за ним в Большой Ожог? Дэйн надеялся, что радиация заставит полицейских повернуть назад.

Управлять флиттером не было надобности — память машины приведет ее прямо к “Королеве”. Дэйн взглянул на своего молчащего спутника. О чем он размышляет? Врач воспринял свое похищение с таким послушанием, что это начало беспокоить Дэйна. Ждет ли похищенный погони? Может, исследование Большого Ожога продвинулось дальше, чем это официально сообщалось?

Уменьшив скорость флиттера, так как они преодолевали скалистую гряду, Дэйн с радостью заметил, что земля под ними превратилась в безжизненную пустыню, которая ограничивала зараженную зону. Закованная в металл фигура рядом с ним не шевелилась. Но вот врач повернул голову в шлеме — казалось, он внимательно изучает местность внизу. Вспыхнула лампочка счетчика радиации, и Дэйн понял, что им, возможно, придется ночевать в зараженной местности. Попадались участки с мутировавшей под влиянием радиации растительностью, и что-то в позе врача свидетельствовало, что это для него было новостью. В полдень участки этой растительности слились в сплошные джунгли. Лампочка счетчика теперь горела непрерывно. Когда приблизился вечер, темнота не наступила — деревья, вьющиеся растения и ветви излучали свой собственный бледный и злоеющий свет, свидетельствующий о радиоактивности.

Иногда этот свет сгущался и протягивал жадные пальцы к пролетавшему над ним флиттеру. Время подходило к полуночи, когда Дэйн увидел сквозь бледный, голубоватый ореол красную точку, которая обещала ему конец пути и отдых, хотя обычно этот свет вызывал противоположные чувства. “Королева” приземлилась с красными сигналами тревоги и после посадки их забыли выключить. Теперь они, как маяк, звали флиттер к месту стоянки. Дэйн посадил флиттер на оплавленную землю в том месте, откуда он взлетал. Его прибытие заметили, и наверху, в

стене корабля, открылся люк. Ленты подъемного механизма опустились и защелкнулись на флиттере магнитными присосками. Потом они начали втягиваться в корабль, поднимая флиттер.

Когда внешний люк шлюзовой камеры закрылся, Дэйн отвязал своего спутника. Врач встал и с небольшой тревогой огляделся. Открылся внутренний люк, и Дэйн жестом пригласил пленника в небольшое помещение, которое должно было служить обеззараживающим карантинном. Сняв скафандры, они прошли через другой люк в главный коридор "Королевы", где их ожидали Рип и Али. При виде врача их встревоженные лица прояснились.

— Итак, это зачумленный корабль? — первым заговорил врач.

— Нет, сэр, — покачал головой Рип. — И только вы можете помочь нам доказать это.

Врач прислонился к стене, и лицо его ничего не выражало.

— Вы выбрали несколько странный способ для просьбы о помощи.

— У нас не было другого выхода. Буду откровенен, — добавил Рип, — нас разыскивает Патруль.

Глаза врача переходили с одного осунувшегося лица на другое.

— Вы не похожи на отпетых преступников, — заключил он. — Это весь ваш экипаж?

— Остальные больны. Именно из-за них... Если вы только захотите... — Широкие плечи Рипа опустились.

— Мне не приходится выбирать, не так ли? Если на борту больные, я должен действовать в соответствии с клятвой медика и независимо от того, ищет вас Патруль или нет. Чем они больны?

Они провели его в лабораторию Тау и рассказали свою историю. Выражение недоверия у врача сменилось тревожной заинтересованностью, и он захотел вначале осмотреть пациентов, а потом зверьков, хранившихся в холодильнике. Где-то в середине этих осмотров Дэйн, поддавшись усталости, охватившей его после напряжения последних дней, добрался до своей койки и согнал с нее Синдбада, который, как только Дэйн лег, вскочил обратно и лег рядом с ним. Когда Дэйн проснулся, отдохнувший телом и душой, "Королева" тоже была иной. Это был корабль, в котором поселилась надежда.

— Хован установил причину болезни! — восторженно сообщил ему Рип. — Это несомненно яд с клешней маленьких дьяволов, что-то вроде наркотика, вызывающего глубокий сон. Врач как раз работает над этим.

— Отлично! — Дэйн отбросил всю остальную информацию, которая в других условиях заинтересовала бы его, и задал вопрос, казавшийся ему самым важным: — Он может поставить на ноги наших людей?

— Пока неизвестно. — Лицо Рипа слегка омрачилось. — Он пробует разные средства.

— И неизвестно, как долго это будет продолжаться, — добавил Али.

“Время, — впервые за последние дни Дэйн вспомнил об этом, — время!” В его мозгу всплыло воспоминание о деле, забытом за последние тревожные недели — о контракте со жрецами. Даже если им удастся избавиться от обвинений, если все члены экипажа поправятся, он был уверен, что им не удастся в срок вернуться на Саргол с обещанным грузом, плата за который уже была на борту “Королевы”. Они нарушат свое обещание и не смогут восстановить торговые права на эту планету, если их вообще не занесут в “черные списки” Торговой Палаты. “Интерсолар” немедленно воспользуется их затруднениями, даже если компания и не виновата в их несчастьях, хотя на борту “Королевы” все были убеждены в обратном.

— Мы нарушим контракт, — громко сказал он, и это сразу убавило уверенности у Рипа и Али.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Рип у Али.

Помощник инженера отрицательно покачал головой.

— У нас хватит горячего, чтобы подняться и опуститься где-нибудь, например, в Террапорте. Однако на более далекое расстояние полет без дозаправки невозможен. Нет, придется оставить всякую мысль о полете на Саргол. Заправиться нам не даст Патруль. Торсон прав, мы нарушим контракт.

Рип опустился в кресло.

— Что ж, выходит. “Интерсолар” возьмет над нами верх?

— Остается лишь одна возможность, — проговорил Дэйн. — Мы можем представить нарушенный контракт на рассмотрение Службы. Но прежде надо избавиться от преследования и обвинений Патруля. А как это сделать?

— Хован на нашей стороне. Он согласился лечить наших больных и поддерживать нас. Он мог бы поручиться перед медицинской комиссией, что у нас на борту нет инфекции.

— Как это сделать, если мы лишены всех прав? — спросил Али. — Мы здесь окружены, и клятва Хована не поможет. Он врач из отдаленного поселка. Я не хочу сказать, что он плохой специалист, но у него нет достаточного авторитета. И для защиты от “Интерсолара” и Патруля нам понадобится что-то большее, чем слово одного врача...

Рип перевел взгляд с пессимистически настроенного Али на Дэйна, и его вопрос прозвучал как утверждение:

— Ты знаешь, что нам делать?

— Я кое-что вспомнил, — поправил его Дэйн. — Вспомнил прием, который использовал Ван Райк на Лимбо, когда Патруль пытался лишить нас прав на эту планету после ареста банды.

— Он грозил, — нетерпеливо сказал Али, — поговорить с ребятами из телевидения и радио, рассказать им о кораблях, пойманных установкой Предтечь, и о лежащих на планете со-кровищах. Но какое это имеет значение для нас сейчас? Мы отдали свои права на Лимбо за монополию Кама на Саргол, и это не принесло нам ничего хорошего.

— Ван угрожал распространить сведения при помощи радио и телевидения о Лимбо и тем самым затруднить положение властей. Но при этом действовал Ван совершенно законно. Мы же вне закона, но обращение к публике может нам помочь. Многие ли из землян знают об этом неписаном законе войны против зачумленных кораблей? Кто, кроме космонавтов, знает о положении тех, кого бросают на Солнце или сжигают, не давая возможности доказать, что на борту нет опасной болезни? Если мы громко обратимся ко всему населению Земли, может быть, нас и услышат...

— Выступим, конечно, прямо с радиостанции Террапорта? — насмешливо спросил Али.

— А почему бы и нет?

В каюте наступило молчание, все задумались. Молчание вновь прервал Дэйн.

— Мы ведь приземлились здесь, а ведь этого никто никогда не делал.

Рип чертил коричневыми пальцами на поверхности стола только одному ему известную кривую. Али уставился на противоположную стену, будто бы это был механизм, который ему предстояло наладить.

— Это, разумеется, будет трудная работа, — спокойно заметил Али. — Ребята, а может, мы слишком долго болтались в космосе и “шепчущие” заговорили нас? Рип, ты сможешь посадить корабль достаточно близко от радиостанции?

— Можно попробовать. Как бы при этом не разбить нашу старушку. Перед ангарами компаний в Террапорте есть такая площадка. Обычно она свободна, а мы, снижаясь, дадим предупредительный сигнал. Но все же это самое последнее средство.

Дэйн увидел, что после этого обескураживающего замечания Рип отправился прямо в каюту капитана и выбрал микрофильм, содержащий сведения о Террапорте и инструкции о посадке в этой столице международных линий. Приземление там без

предупреждения обеспечит им широкую известность, а если им удастся и выступить по радиостанции Террапорта, их услышат не только на Земле, но и во всей Солнечной системе. Новости из Террапорта передавались по всем каналам каждый час днем и ночью, и ни один телезритель не мог их избежать. Но прежде нужно посоветоваться с Хованом. Захочет ли он поддерживать их своими профессиональными знаниями и авторитетом? Или способ, которым его заставили посетить корабль, теперь будет действовать против них? Они решили, чтобы Рип задал врачу несколько вопросов.

— Итак, вы посадите корабль в центре Террапорта? А затем вы хотите, чтобы я убедил всех в том, что корабль не заразен? Не слишком ли вы многого желаете? — Это было первое замечание врача, когда временный капитан “Королевы” разъяснил ему сложившееся положение.

— Я понимаю, как это выглядит с вашей стороны, сэр. Мы похитили вас и силой заставили лететь, но мы не можем заставить вас говорить, если вы откажетесь.

— Не сможете? — поднял брови врач. — А как насчет вашего юного хулигана с бластером? Его аргументы были достаточно убедительны. С другой стороны, у меня есть сын, который мечтает о звездах. Если я передам вас Патрулю, он будет упрекать меня. Хотя вас и разыскивает Патруль, вы не кажетесь мне законченными уловниками. Видимо, вы оказались в критическом положении и действовали так, как вам показалось лучше. Ладно, я пойду с вами. Если повезет, то до посадки в Террапорте кто-нибудь из больных будет уже на ногах...

Они считали, что местонахождение “Королевы” не обнаружено. Вряд ли кто-либо отважится преследовать похитителя врача в Большом Ожоге. И, естественно, они надеялись, что их заметят слишком поздно или примут за обычный корабль, направляющийся на посадку. Это вполне вероятно, и Рип с Али проводили время за проверкой механизмов и подготовкой к старту, в то время как Дэйн с выздоравливающим Уиксом помогали Ховану в его попытках поставить на ноги больных. Дэйн трижды посетил грузовой трюм и убедился, что квикс больше не поймал ни одного вредителя. После этого Дэйн посадил разгневанное голубое существо в клетку и пошел в каюту.

В это время Али сказал по интеркому, что сейчас по радио будет важное сообщение.

— Подключи к радиостанции интерком, — сказал Рип.

Али подключил интерком и сделал это очень вовремя.

“... Повторяем. Передается важное сообщение, передается важное сообщение, — послышался голос из интеркома. — Каждый, кто знает об исчезнувшем корабле “Королева Солнца”,

обязан сообщить об этом ближайшему полицейскому или патрульному пункту. Люди с корабля, несомненно, вооружены и весьма опасны. Помогите их отыскать, сообщите любые сведения в Террапорт или в ближайший патрульный пункт”.

— Звучит грозно, — заметил Дэйн, выслушав сообщение. — Достаточно для того, чтобы нас сразу начали обстреливать...

— Что ж, если мы сядем быстро, — отметил Рип, — они не смогут стрелять, иначе им придется вместе с нами уничтожить половину Террапорта. Не думаю, чтобы они на это пошли.

Дэйн надеялся, что Рип прав. Если только Шэннон сумеет точно посадить корабль! Он не мог оценить действий Рипа и даже не всегда понимал, что тот делает, но он знал достаточно, чтобы оставаться на своем месте, не задавая вопросов, и с пересохшим горлом и сильно бьющимся сердцем ждать результата. Наступил момент, когда Рип взглянул на него и странно высоким голосом сказал:

— Ну, Дэйн, молись, мы садимся!

Дэйн услышал в наушниках громкие голоса и, оглушенный, уже хотел сорвать с себя наушники. Рип собирался сесть как можно ближе к Центру связи. Он держал палец на кнопке предупредительного сигнала, чтобы нажать ее в самый последний момент. Садясь без предупреждения, они могли лишь уповать на то, что место посадки окажется незанятым.

Дэйн считал секунды. Две, три, четыре, пять... Еще немного, и они будут слишком низко, и их не смогут перехватить. Позади оказалось последнее мгновение, когда корабль еще был уязвим для стрельбы. Дэйн с облегчением вздохнул. Еще один шанс спастись. В наушниках звучало множество недоуменных вопросов, приказов и распоряжений.

“Пусть болтают, — подумал Дэйн, — скоро они поймут, что все это значит”.

Глава 16

СХВАТКА В ТЕЛЕСТУДИИ

Очень уверенно, несмотря на охватившее его напряжение, Рип произвел образцовую посадку, такую посадку, которая, учитывая обстоятельства, должна была принести ему громкую славу среди опытных пилотов межзвездного пространства. Но Дэйн сознавал, что, если они потерпят неудачу, эта посадка приведет Рипа лишь к долгим годам работы в лунных шахтах. Сотрясение от посадки поглотилось предохранительными ремнями посадочных кресел, и они мгновенно оказались на ногах, готовые к действию.

Последующая операция была спланирована заранее. Дэйн взглянул на экран — “Королеву” окружали здания Террапорта. Любая попытка нападения на их корабль очень опасна для этих сооружений. Рип посадил корабль не на обычное поле, а на площадку между распределительным центром и телевизионной башней. Обычно это место пустовало и использовалось лишь для посадки правительственных флиттеров.

«Насколько пострадала эта площадка от пламени сажившейся “Королевы Солнца”!» — подумал Дэйн.

Как слаженный механизм, четверо членов экипажа приступили к действию. Али и Уикс ждали у внутреннего люка. Здесь же был и врач Хован. Помощник суперкарго облачился в громоздкий космический скафандр, еще два таких костюма были приготовлены для Рипа и Али, которые поспешно надевали их. Скафандры могли послужить защитой от бластера или парализующего пистолета. Затем вместе с Хованом, бросавшимся в глаза обычным костюмом, они забрались в один из корабельных краулеров. Уикс привел в действие внешний люк, и спусковой механизм с головокружительной быстротой опустил краулер к основанию корабля на оплавленную площадку.

— Двигай к башне, — прозвучал в наушниках голос Рипа.

Дэйн взялся за рычаги управления, а Али в это же время отцепил зажимы спускового механизма, который связывал их с кораблем. Сквозь стекла шлемов они могли видеть необычное оживление в порту. Муравейник, в который сунули и дважды повернули палку, не мог сравниться с Террапортом после необычной посадки “Королевы”.

— Патрульный мобиль с юго-востока, — довольно спокойно предупредил Али. — Похоже, у них на носу портативный огнемёт.

— Вижу, — ответил Дэйн и изменил направление движения так, чтобы между ними и мобилем все время было здание таможни, после чего выжал предельную скорость из неповоротливой машины.

— Над нами полицейский катер, — вступил в разговор Рип.

Им не удалось избежать стычки. В то же время Дэйн чувствовал уверенность, что преследователи не станут нападать на них открыто, поскольку в их группе отчетливо выделялся незащищенный Хован. Но такое настроение, как оказалось, было слишком оптимистичным. Приглушенное восклицание Рипа заставило его повернуться и посмотреть на врача. Он успел увидеть, как Хован безвольно упал вперед и вывалился бы из краулера, если бы его не подхватил Шэннон. Дэйн достаточно уже успел познакомиться с действием парализующих лучей, чтобы понять, что случилось.

Полицейский катер использовал наиболее безвредное оружие, и только космические скафандры, приспособленные для работы в космосе и на чужих планетах, спасли трех торговцев от той же участи. Дэйн подозревал, что и его собственная реакция замедлилась, хотя он и не подвергся полностью действию лучей. И пока Рип удерживал потерявшего сознание врача на сиденье, Торсон продолжал вести краулер к башне, где находились системы телевидения.

— Нас догоняет патрульный мобиль!

Дэйн был раздражен этим предупреждением Рипа, поскольку и сам заметил этот черно-серебристый наземный вездеход и отлично сознавал угрозу, исходящую от оружия, установленного на носу мобиля и направленного на краулер торговцев. Тогда он решил идти напролом, как это сделал Рип во время посадки.

— Спрячьте Хована за борт, — громко приказал он. — Я взломаю дверь башни.

Последующее поспешное движение доказало, что бесчувственное тело врача надежно укрыто за корпусом машины. К счастью, краулер приспособили для использования на планетах, не имеющих дорог. Дэйн был уверен, что у машины хватит скорости и массы, чтобы прорваться в здание, даже взломав дверь. Обескураженные их маневром, полицейские не стреляли, и Дэйн поблагодарил их за несколько минут отсрочки. Гусеницы машины гремели на ступенях, ведущих к входу в башню. Прошло еще несколько секунд, и они очутились перед дверью.

Тяжелый нос машины ударил по двери, и силой удара их подбросило на сиденьях. Покрытая гравированной бронзой тяжелая дверь не выдержала такого удара. Ее створки распахнулись, и торговцы оказались в просторном нижнем зале телебашни.

— Несите Хована в лифт. Берегите его, — приказал Дэйн. — Я постараюсь задержать их.

Он чувствовал, что каждую секунду его тело может прожечь луч полицейского бластера и даже космический скафандр его не защитит. В дальнем конце зала были видны служащие и посетители. Они разбегались, напуганные ворвавшимся краулером. Среди них появились две закованные в железо фигуры торговцев, поддерживавших бесчувственное тело врача. Используя вспомогательные антигравы своих поясов, они одной рукой поддерживали Хована, а другой сжимали парализующие пистолеты. Друзья без колебаний пустили в ход оружие и поливали лучами помещение до тех пор, пока все законные обитатели башни не оказались на полу в глубоком сне.

Увидев, что Рип и Али оказались хозяевами положения, Дэйн вернулся к своим заботам. Он пустил краулер задним хо-

дом и принялся маневрировать с той легкостью, которая появилась у него в результате практики на бездорожье Лимбо. Захлопнув таким образом дверь, он развернул машину и прижал ее к двери изнутри. Он надеялся этим сберечь несколько драгоценных мгновений. Ведь придется пустить на полную мощь огнемёт, чтобы прорваться в зал.

Выбравшись из машины, он обнаружил, что трое с "Королевы" исчезли, а все их возможные противники лежат на полу. Вероятно, трое воспользовались лифтом и поднялись на этаж, где располагалась студия. Дэйн поспешил вслед за ними, держа в руках свое наиболее убедительное доказательство — импровизированную клетку, в которой находился вредитель, пойманный в грузовом отсеке. Это доказательство вместе с выступлением Хована по телевидению должно было убедить всех, что они не зачумленные.

Дэйн добежал до входа в лифт и увидел, что кабины лифта нет. Сообразят ли Рип и Али, что он ждет внизу лифт?

— Рип, верни лифт, — сказал он в микрофон, установленный в шлеме скафандра.

— Успокойся, лифт возвращается, — прозвучал в наушниках холодный голос Али. — Не забудь захватить главный экспонат.

Дэйн не ответил, его мысли были заняты другим. На бронзовой двери, от которой он только что отошел, появилась яркая-красная точка раскаленного металла — они пустили в ход огнемёт. Дверь недолго продержится, и скоро полицейские будут в зале. Этот лифт... Боясь потерять равновесие в своем неуклюжем костюме, Дэйн не заглядывал в шахту лифта, но когда его нервы были уже на пределе, появилась кабина лифта. Дэйн сделал два шага и, все еще держа в руках клетку, оказался в относительной безопасности. Нервная попытка нажать кнопку подъема толстым пальцем перчатки не удалась. Вторично он нажал слишком сильно и понесся вверх с такой скоростью, которая возмутила даже его привычные к ускорениям внутренности. Он потерял равновесие и прибыл наверх, лежа на полу кабины лифта.

Однако Дэйн не утратил предусмотрительности и, прежде чем выйти из кабины, привел кнопку подъема в такое положение, чтобы лифт, поднявшись вверх, там и остался. Это не только оторвало преследователей от торговцев, но и мешало тем подняться быстро на этаж. Своих Дэйн обнаружил в крутом центральном зале телевизионной секции. Он узнал помещение, которое тысячу раз видел позади диктора, читающего последние новости. В одном углу Рип, который уже снял скафандр, наклонился над бесчувственным врачом, а Али с угрюмой усмешкой разговаривал с человеком в форме связиста.

— Все в порядке? — спросил Рип, отрываясь от своего бесполезного занятия.

Дэйн поставил клетку и начал снимать свой скафандр.

— Когда я уходил, они начали прожигать входную дверь.

— Вам не удастся уйти отсюда... — начал связист.

Али улыбнулся, но в этой улыбке не было веселья.

— Послушай, друг мой, к чему ты это говоришь? Это не особенно оригинально. И запомни мои слова: мы сумели войти сюда, мы приземлились в Террапорте без разрешения, нас преследует Патруль. Уж не считаешь ли ты, что один человек сможет удержать нас от того, что мы задумали? И не оглядывайся в поисках подкрепления — в этих комнатах мы усыпили всех. Ты можешь включить все каналы радио и телевидения для передачи непредвиденного сообщения или нам заставлять тебя это сделать? Мы — вольные торговцы! — Связист на глазах терял свою самоуверенность, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Я вижу, — продолжал Али, — ты понимаешь, что это значит. Я знаю по меньшей мере пятьдесят способов заставить тебя сделать это, и десять из них не оставят никакого следа на коже. А теперь приступай!

— Вы за это заплатите! — выкрикнул связист.

— Совершенно верно, но вначале мы выступим перед всеми. Может, в будущем, когда другой корабль окажется в нашем положении, его судьба будет лучшей. Ступай на свое место. И мы все время будем следить за тобой, помни об этом. Если ты не выпустишь нас в эфир, мы тут же узнаем об этом. Рип, как Хован?

— Он получил полную дозу, я не могу привести его в себя.

Было ли это концом их самоуверенных действий? Пусть они выступят, пусть покажут клетку с вредителем, но если их утверждение не будет подкреплено профессиональным мнением врача, им никто не поверит. Ну что ж, везение должно когда-нибудь кончиться. Но что-то в душе Дэйна мешало ему смириться с поражением. Он подошел к врачу, лежащему на кушетке. Казалось, Хован был погружен в глубокий сон, но на самом деле его сознание было погашено действием парализующих лучей. Сам он, вероятно, посоветовал бы им, как вывести человека из такого положения, но себе он помочь не мог. Через несколько часов он придет в себя? Через сколько?! Задолго до этого они будут арестованы полицией или Патрулем.

— Хован в обмороке, — констатировал Дэйн, кладя конец всем надеждам.

Но Али казался озабоченным еще чем-то. Он стоял возле врача со странным выражением на своем красивом лице, как будто пытался вспомнить что-то глубоко зажатое в памяти.

— Где тут у вас АДИОС? — обратился он к связисту.

— Кажется... — изобразил удивление связист.

Али сделал резкий жест.

— Пошли! — крикнул он и пошел вместе со связистом в другую комнату.

Дэйн посмотрел на Рипа в поисках объяснений.

— Во имя Большой Галактики, что это такое?

— Я не инженер. Возможно, это какое-то приспособление, которое поможет нам выйти отсюда.

— Вроде пары крылышек? — съязвил настроенный саркастически Дэйн.

Его преследовали воспоминания о раскаленном круте на двери, находившейся на двенадцать этажей ниже их. Терпение полицейских не увеличивается от преодоления препятствий, которое торговцы нагромоздили у них на пути. Если они доберутся до людей с “Королевы Солнца” раньше, чем они успеют выступить перед всем человечеством, не стоит ожидать ничего хорошего.

В дверях появился Али. Дэйн и Рип перенесли врача в соседнюю маленькую комнатку, где Али и связист установили небольшое легкое кресло, которое их неискушенному взгляду показалось комбинацией каких-то полос и брусков. Подчиняясь указаниям Али, они усадили врача в это кресло и закрепили в нем его тело, в то время как Хован продолжал спокойно спать.

“Не понимаю, что происходит”, — подумал Дэйн.

Рип и Дэйн отступили в сторону, а связист под внимательным наблюдением Али подрегулировал установку и наконец тронул несколько переключателей. Дэйн обнаружил, что не может внимательно следить за тем, что происходило дальше. Он считал, что привык ко всему — к опасности гиперпространства, к ускорениям и к антигравитации, но созерцание этого раскачивающегося безвольного тела и качающегося кресла лишало его равновесия и казалось в высшей степени опасным. Но когда сквозь гудение удивительной машины донесся слабый стон, все поняли, что помощник инженера нашел решение этой проблемы и врач проснулся. Когда они отвязали Хована, глаза того были затуманены и он пошатывался. В течение нескольких минут врач, казалось, не признавал окружающее и не мог понять, как попал сюда.

Полиция, вероятно, уже давно ворвалась в холл нижнего этажа и сейчас, должно быть, разыскивает лифт, чтобы добраться до этажа, где размещалась студия. Али заставил связиста проверить работу всех устройств, обеспечивающих выход в эфир, но успеют ли они выступить по телевидению, никто из них не знал. Время бежало слишком быстро.

Поддерживая шатавшегося Хована, они вернулись в студию, и связист под наблюдением Али сел за пульт управления. Дэйн поставил клетку с вредителем на стол диктора и ждал, когда за него сядет или Рип, или Али, но Рип сказал:

— Ты умеешь говорить лучше нас. Пора использовать это твое умение.

Такого же мнения придерживался и Али. Конечно, помощник суперкарга должен быть самым умелым оратором на корабле, но ведь это касалось прежде всего торговых сделок.

“И как же я могу стоять здесь и говорить от имени всего экипажа “Королевы Солнца”? — подумал Дэйн. — Ведь я позже всех вошел в состав экипажа, да еще и самый молодой по возрасту...”

Рот у Дэйна пересох, нервы напряглись, но на его лице и на поведении это не отразилось. Привычка не показывать своих переживаний, которую он вырабатывал под руководством Ван Райка после окончания школы, сыграла свою роль. Никто не заметил его нерешительности; с которой он подошел к месту диктора.

Дэйн сел на это место и поставил рядом клетку с вредителем. Али щелкнул пальцами, и раздался далекий звук, показывающий, что передача началась. Хотя Дэйн и не заметил никаких отклонений, он интуитивно понял, что комната и все, что в ней находилось, появились на экранах телевизоров. Сейчас вместо обычных новостей телезрители станут свидетелями мелодрамы, так похожей на их любимые космические приключения. Теперь не хватает только вторжения полиции, чтобы сходство стало полным.

Али направил на него указательный палец, и Дэйн подался вперед. Он видел перед собой лишь занавес на противоположной стене, но знал, что на самом деле перед ним море лиц, от которых зависит судьба “Королевы” и ее экипажа.

Когда он начал говорить, его голос обрел спокойствие, как будто он решал в присутствии Ван Райка очередную задачу размещения груза в трюме.

— Люди Земли!..

Марсиане, жители Венеры, колонисты на астероидах — все они оставались землянами, и он обращался к ним, своим братьям.

— Люди Земли, мы просим вас о справедливости! — слова у Дэйна вылетали почему-то легко, а слово “справедливость” он произнес с чувством уверенности.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ

— ... Тем из вас, кто никогда не странствовал меж звезд, наш случай может показаться невероятным. — Слова лились легко, и Дэйн произносил их уверенно, стараясь внушить зрителям доверие, заставляя их понять, что значит быть вне закона. — Нас преследует Патруль, и мы поставлены вне закона, как зачумленный корабль, — откровенно сказал он. — Но вот наша история...

Дэйн даже не ожидал, что сможет говорить так гладко. Он быстро рассказал о Сарголе и о вредителях, которые проникли к ним на корабль с этой планеты. В этот момент он протянул руку в перчатке и извлек из клетки извивающееся создание, щелкающее своими челюстями и клешнями. Дэйн подержал его над столом, чтобы все видели, как оно меняет цвет, и поняли, почему его сразу не обнаружили на корабле. Дэйн продолжал рассказывать, как постепенно выходили из строя члены экипажа и об их вынужденном нападении на А-станцию компании "Интерсолар".

— Потребуйте, чтобы и "Интерсолар" сказал правду, — обратился он к аудитории за стенами студии. — Мы не пираты. Они обязаны предъявить нашу расписку, которую мы оставили на станции...

Затем Дэйн описал странную охоту, когда они во главе с хубатом обнаружили и изолировали угрозу, и их посадку в центре Большого Ожога. Он рассказал о своем полете за медицинской помощью и о похищении Хована. В этот момент он повернулся к врачу.

— Вот врач Хован. Он согласился выступить и подтвердить, что я говорю правду. "Королева Солнца" не имеет никакой болезни, а члены экипажа отравлены ядом этого животного и их можно вылечить...

В течение следующих нескольких секунд он не знал, сможет ли врач выступить. Хован выглядел совершенно больным. Было похоже, что он все еще не может прийти в себя после решительных средств, которые вызвали его пробуждение.

Но Хован нашел скрытые источники необходимой энергии. И его появление стало именно таким, на какое друзья рассчитывали. Он все время использовал постоянные медицинские термины. Но от такого описания того, что он обнаружил на корабле, и средств, которые он использовал для прекращения действия яда, их шансы лишь увеличивались, подумал Дэйн. Когда врач закончил, Дэйн добавил несколько заключительных слов:

— Мы нарушили закон, — откровенно признался он. — Но мы сделали это для самозащиты. И все, что мы просим сейчас, это беспристрастного расследования и права защищать себя — такое же, какое имеете вы перед земным судом... — но закончить он не успел, его прервали.

Из динамика над ним послышался резкий голос:

— Сдавайтесь! Это Патруль. Сдавайтесь! Или будете нести ответственность!..

Слабый звон, который сопровождал выход передачи в эфир, прекратился. Связист с довольной улыбкой отвернулся от пульта управления:

— Они разомкнули цепь, передача окончена.

Дэйн взглянул на клетку, в которой теперь сидел невидимый вредитель. Он сделал все, что мог, они сделали все, что могли...

Он не ощущал ничего, кроме чувства огромной усталости, беспредельной слабости, не столько физической, сколько моральной.

Рип нарушил тишину вопросом, обращенным к радисту:

— Вы можете связаться с теми, внизу?

— Захотели вступить в переговоры? — Лицо его прояснилось. — Да, здесь есть интерком, и я могу включить его.

Рип встал. Он расстегнул пояс, поддерживающий оружие, и положил его на стол, обезоружив тем самым себя. Не говоря ни слова, Али и Дэйн последовали его примеру. Игра была закончена, и продолжать борьбу дальше не имело смысла. Тогда временный капитан “Королевы” отдал последний приказ:

— Передайте им, что мы спускаемся вниз безоружными. Мы сдаемся. — Он помолчал и взглянул на Хована. — Вам лучше остаться здесь. Если что-то произойдет, лучше не вмешиваться в это.

Хован кивнул в ответ, и трое с “Королевы” вышли из помещения. Дэйн, вспомнив о том, что он сделал с лифтом, предложил:

— Мы можем подождать и здесь.

— Какая разница, где мы с ними встретимся? — пожал плечами Али, зевнул, и глаза его потемнели. — Не думаю, чтобы они дали нам возможность спокойно выспаться. Как ты считаешь? — обратился он к Рипу. — Насколько успешно мы все это проделали?

Однако Рип воздержался от оценки происшедшего.

— Мы использовали наш единственный шанс. Теперь слово за ними... — И он указал на стену, на бесконечный населенный мир за этой стеной.

— Я вижу, что мы оставили это чудище Ховану? — криво улыбнулся Али.

— Он хотел проделать с ним какие-то опыты, — ответил Дэйн. — Думаю, он заработал это...

— А теперь сюда направляются те, которые осуществят то, что заработали мы, — прервал его Рип, услышав шум лифта.

— Может, стоит укрыться? — Движение бровей Али подчеркнуло его слова. — Представители закона и порядка могут начать разговор с бластера.

Но Рип не шелохнулся, неотрывно глядя на дверь лифта. Али и Дэйн подошли к нему и образовали единую группу. Что бы ни случилось, люди “Королевы” встретят это вместе.

Али был прав — четверо появившихся держали бластеры наготове. Двое из них были в серебристо-черной форме Патруля, а двое других — в зеленой форме земной полиции. Все они выглядели как люди, с которыми шутки плохи. Стало ясно, что они готовы не давать поставленным вне закона никаких шансов. Несмотря на то что люди “Королевы” не оказывали сопротивления, на них надели наручники. Короткий обыск показал, что они безоружны, и им приказали пройти в кабину лифта. Сопровождали их двое полицейских. Остальные, по-видимому, отправились осматривать телестудию. Полицейские не разговаривали. За все время они обменялись между собой лишь несколькими словами и кратко приказали пленникам двигаться вперед. Вскоре оказались в нижнем холле. Перед ними были остатки краулера и дверь с прожженной большой дырой.

— Отличная работа! — прокомментировал Али. — Им пришлось повозиться!..

— Вперед! — Тяжелая рука толкнула его в спину.

— Держи руки при себе! — повернувшись, проговорил Али, и его глаза колочеч сверкнули. — Мы еще не заключенные на лунных шахтах!

— Вы вне закона! — Полицейский был откровенно враждебен.

Дэйн похолодел. Впервые он по-настоящему понял всю сложность их положения. Люди, поставленные вне закона, могли быть расстреляны без предупреждения и без суда первым встречным. Если это положение будет распространено на весь экипаж “Королевы”, у них практически нет никаких шансов. Увидев, что помощник инженера больше не возражает, он понял, что и у Али те же соображения. Теперь все зависело от того, какое впечатление на слушателей произвело его выступление. Если общественное мнение на их стороне, они смогут защищаться законным путем. В любом случае лунные шахты были для них лучшим исходом.

Их вывели наружу на ослепительный солнечный свет. Здесь стояла “Королева”, и ее борта, поврежденные метеоритами, от-

ражали свет родного Солнца. А вокруг на безопасном расстоянии расположился целый армейский корпус. Власти хотели быть уверенными, что бунтовщики больше не смогут скрыться. Дэйн решил, что сейчас их погрузят в мобиль или в катер и увезут, но их провели через ряды огнеметов на открытую площадку, где их стало видно с корабля. Офицер патруля, на эмблеме которого, в виде скрещенных мечей, ослепительно отражалось солнце, стоял у громкоговорителя. Убедившись, что трое пленников доставлены, он поднял микрофон и заговорил. Его голос полетел над полем и, несомненно, достиг ушей Уикса в закрытом корабле.

— Через пять минут вы должны открыть люк. Ваши люди схвачены. Через пять минут открывайте люк и сдавайтесь!

Али рассмеялся.

— Интересно, как они собираются проникнуть в корабль? — произнес он, ни к кому не обращаясь, но явно рассчитывая на внимание окружающих полицейских. — Им потребуется что-то другое, помимо огнеметов, если старушка не откликнется на это предложение.

Дэйн про себя согласился с ним. Он надеялся, что Уикс решит не открывать люк корабля. В конце концов, хуже, чем теперь, не будет. Никакое оружие, стянутое сюда, и никакой инструмент не могли нарушить защиту “Королевы”, а на корабле достаточно запасов продовольствия, чтобы Уикс смог продержаться не одну неделю. Поскольку Тау уже приходил в себя, он, возможно, за это время выздоровеет и поставит на ноги всю команду “Королевы”. Все зависело от решения, которое примет Уикс.

Как долго продолжалось бы затишье, никто не знал, ибо в этот момент на сцене появилось еще одно действующее лицо. Через ряды осаждающих пробился Хован, сопровождаемый патрульными. Что-то в его поведении свидетельствовало, что он готов на бой. Разговор у микрофона был слышен по всему полю, чего, вероятно, совсем не хотели патрульные.

— На борту корабля больные! — прогремел голос Хована. — Я требую разрешения вернуться к своим обязанностям!

— Когда они сдадутся, они немедленно получают необходимую медицинскую помощь, — ответил офицер, но его ответ не произвел впечатления на врача из далекого поселка, в лице которого “Королева” получила большую поддержку, чем даже могла рассчитывать.

— “Pro bono publico!” — произнес свой девиз медицинской службы Хован. — Для общественного блага!

— Зачумленный корабль... — начал было офицер, но Хован насмешливо прервал его:

— Ерунда! — его голос гремел над полем. — На борту нет

чумы, и я могу это доказать перед Советом медицины. И если вы оставите этих людей без необходимой медицинской помощи, я обвиню вас перед Советом!

Дэйн глубоко вздохнул — Хован был на их стороне. Не будучи членом экипажа “Королевы” и имея достаточно оснований быть недовольным людьми “Королевы”, он тем не менее всем своим профессиональным авторитетом заступался за них. Офицер Патруля, не готовый к такому повороту дела, после некоторого раздумья ответил:

— Если вы согласны отправиться на борт корабля, идите!

Хован отобрал у него микрофон.

— Уикс! — нетерпеливо сказал он. — Я иду! Иду на борт один.

Все глаза обратились к кораблю. Какое-то мгновение казалось, что Уикс не поверил врачу, но вот на носу корабля открылся один из спасательных люков, которые используются лишь в самых крайних случаях, и оттуда звено за звеном стала спускаться пластмассовая висячая лестница. Боковым зрением Дэйн заметил какое-то движение слева от себя. Наручники мешали ему, он повернулся всем телом и увидел полицейского, который направлял ствол станкового пулемета на открытый люк. Прыгнув, он ударил полицейского плечом, сбил его, и они оба покатались по бетонной площадке. Рип крикнул, и чья-то рука схватила беспомощного Дэйна. Он встал на ноги, ощущая во рту соленый привкус крови, текущей по губам, разбитым сильным ударом полицейского. Он сплонул красную слюну и гневно посмотрел на окружающих.

— Почему вы не бьете его ногами? — презрительно спросил Али. — Ведь у него закованы руки, это будет веселая шутка.

— Что случилось? — спросил пробравшийся через кольцо полицейский офицер.

Полицейский поднял пулемет, сбитый Дэйном.

— Ваш парень выбрал себе цель в открытом люке, — ответил Али. — Это ваш обычный прием, сэр?

Офицер ответил сердитым взглядом и приказал полицейскому убраться. Дэйн с прояснившимся взглядом следил за “Королевой”. Хован взбирался по лестнице и был уже на расстоянии протянутой руки от открытого люка. Тот факт, что врач оказался на лестнице, а потом и на корабле, подействовал на них ободряюще, но друзьям не позволили долго радоваться их маленькой победе.

Их увели с поля, посадили в мобиль и увезли в город, находившийся в нескольких милях. Они были в заключении у патруля, а не у земной полиции. Дэйн не знал, хорошо это или нет. Как вольный торговец он испытывал невольное уважение к организации, за действиями которой мог наблюдать Лимбо.

Немного позднее с них сняли наручники, и они очутились в небольшой комнате с голыми стенами и единственной скамьей, на которую с облегчением опустились. Дэйн увидел предостерегающий жест Али — они находились под невидимым наблюдением. Очевидно, их разговоры подслушивались.

— Им есть о чем подумать, — заметил помощник инженера, прислоняясь к стене. — Мы либо отпетые преступники, либо герои.

— Если мы герои, — насмешливо спросил Дэйн, — то почему же нас заперли здесь? Мне больше нравится земной комфорт, начинающийся с еды...

— Ни отпечатков пальцев, ни психологических тестов, — бормотал Рип. — Нас не пропустили через проверочную систему.

— Но мы, несомненно, не забыты. Вытри лицо, ребенок, — обратился Али к Дэйну, — ты все еще капаешь.

Помощник суперкарга провел рукой по подбородку, и она стала липкой и красной, но зубы, к счастью, уцелели.

— Видимо, Хован мало рассказал им, — заметил Камил. — Тебе нужна медицинская помощь.

Дэйн слегка прикоснулся ко рту. Ему не так уж была и нужна эта помощь, но он предположил, что Али говорит для тех, кто в настоящий момент за ними наблюдает.

— Кстати, о Ховане. Интересно, что стало с теми вредителями, которых он хотел изучить? Выйдя из башни, он не захватил с собой клетку, — сказал Рип.

— Если вредитель спрячется в этом здании, у них будет немало проблем. — Дэйн позволил себе подбросить кое-что своим тюремщикам для размышления. — Он практически невидим и ядовит. И, возможно, способен размножаться. Мы же о них почти ничего не знаем...

— Интересно! — рассмеялся Али. — Только представьте себе добрую сотню таких созданий, бегающих по телецентру. И единственный на Земле квик принадлежит капитану Джелико!.. Он сможет поставить любые условия. Весь город будет полон спящими, пока они смогут договориться.

Заставили ли эти слова патрульных поторопиться в телебашню на поиски клетки с вредителем? Мысль об этом была приятна для космонавтов.

Через час их покормили. В стене на уровне пола раскрылась щель, и через нее продвинули три подноса. Рип сморщил нос.

— Теперь я понял! Нас считают зачумленными и держат в изоляции под наблюдением — не упадем ли мы, покрывшись красными пятнами.

Али снял крышку с подноса, потом неожиданно встал и поклонился пустой стене.

— Большое спасибо! — заявил он. — Не может быть ничего лучшего — еда командного состава. У нас сохранятся самые лучшие воспоминания об этом, и мы высоко оценим вашу заботу, когда нас об этом спросят.

Пища действительно была отличной. Из-за разбитых губ Дэйну приходилось есть осторожно, но будущее представлялось ему в розовом цвете. То обстоятельство, что их не подвергли процедурам, обычным при обращении с преступниками, уже стало многообещающим. Патруль не был уверен в том, кто же они.

— Нас накормили, — сказал Али, доедая последний кусок со своего подноса. — Теперь нас, вероятно, уложат спать, а мне понадобится несколько суток, чтобы выспаться.

Но их намеки не поняли, и они продолжали сидеть на скамье. Время шло. По расчетам Дэйна сейчас уже наступала ночь, но искусственный свет продолжал освещать комнату без окон. Что обнаружил Хован на корабле? Осталась ли “Королева” неприступной или ее уже заняли полицейские и патрульные? Дэйн очень устал. Казалось, что ему под веки насыпали горячий песок, все тело болело. В конце концов, он погрузился в дремоту, из которой его вывела судорога шеи. Рип откровенно спал, опираясь плечами и головой о спину Али, который сидел с закрытыми глазами. Хотя помощник суперкарга был уверен, что Али устал не меньше своих товарищей, он понял, что Али чего-то ждет. Дэйн снова задремал. Ему чудилось, что он вновь идет по рифам сарголийского моря, но оружия у него не было, а поверхность воды скрывала горпов. Когда он споткнулся о щель в омываемом волнами рифе, из воды вынырнуло паукообразное чудовище, а он беззащитен. Он даже убежать не мог, его не слушались ноги...

— Проснись! — Али тряс его за плечи. — Уже не заболел ли ты лунатизмом?

— Горп... — Дэйн пришел в себя и смутился, не желая признаваться Али в кошмарах.

— Здесь нет горпов. Ничего, кроме...

Слова Камила прервались скрежетом открываемой двери. Но не патрульный в серебристо-черном мундире пришел звать их на суд. В проеме стоял Ван Райк, благожелательно улыбаясь не вполне проснувшимся пленникам.

— Ну-ну, вот и они, наши заблудшие.

Его мурлыкающий голос показался Дэйну самой прекрасной музыкой.

СДЕЛКА ЗАКЛЮЧЕНА

— ...Так мы приземлились, сэр, — закончил констатирующим голосом свой доклад Рип, как если бы он докладывал об обычном грузовом рейсе “Террапорт — Луна-сити”, который прошел без происшествий.

Весь экипаж “Королевы Солнца”, за исключением Тау, собрался в одной из комнат огромной штаб-квартиры патруля. Помещение напоминало комфортабельный конференц-зал, и Дэйн подумал, что сейчас их положение несколько отличается от положения преступников, объявленных вне закона. Но он был также уверен, что, если бы им вздумалось покинуть это здание, их попытка не привела бы к успеху. Ван Райк флегматично расположился в кресле, похлопывая себя по животу. Он сидел так же пассивно, как и капитан, пока Рип не дошел в своем рассказе до их ареста. Хотя остальные слушатели проявляли явный интерес к их истории, старшие офицеры его не выказывали и не делали никаких замечаний. Теперь Джелико повернулся к суперкарго.

— Что вы скажете, Ван?

— Ну что ж, что сделано, то сделано...

Приподнятое настроение Дэйна пропало, словно унесенное ветром, — суперкарго не одобрял их действий. Значит, они знали какой-то другой выход, но младшие члены экипажа из-за неопытности не смогли его найти.

— Если бы мы стартовали сегодня, то не нарушили бы наш торговый контракт.

Дэйн вздрогнул. Вот оно что! Это обстоятельство они совершенно упустили из виду в последние дни. Не было никакой возможности стартовать сегодня, да и вообще в ближайшие дни, даже если дело будет решено в их пользу. Итак, они нарушили контракт, а Торговая служба этого не прощает. Можно бороться против Патруля, вольные торговцы всегда соперничали с патрульными, но никто не может противостоять Торговой службе и оставаться в космосе. Капитан Джелико выглядел весьма мрачно после напоминания Ван Райка.

— “Интерсолар” готов занять наше место. Хотел бы я знать, почему они были так уверены, что у нас на борту чума?

— Я могу предложить пять гипотез, — фыркнул Ван Райк.

— Во-первых, они могли знать о существовании этих зверьков и, увидев, что мы грузим на борт красное дерево, сумели легко предсказать результат. Во-вторых, они могли сами прихватить этот яд на Сарголе... Но мы ничего не можем доказать! Все идет

к тому, что они перехватят у нас контракт с сарголийцами. Но если... — Он неожиданно замолчал, уставившись на стену между Рипом и Дэйном, и его помощник понял, что у Вана возникла какая-то новая мысль.

К идеям суперкарго все относились с большим уважением, и капитан не тревожил суперкарго лишними вопросами. Первым заговорил Рип.

— Знаете ли вы, что они собираются с нами делать? — обратился он к капитану.

На лице Джелико появилась сардоническая улыбка.

— По-моему, они сейчас составят полный список ваших преступлений и, может быть, используют для этого большой компьютер. Пока ярлык на вас не навесили. Мы передали все ваши автоматические регистрационные записи — им достаточно пицци для размышлений.

Дэйн подумал: “Что же можно извлечь из этих записей за последние недели?” Ван Райк встал и подошел к двери. Она открылась так быстро, что Дэйн убедился, что за ними постоянно наблюдают.

— Торговое дело — дело святое и связано с торговым контрактом, — убедительно проворчал суперкарго. — Проводите меня к закрытому передатчику.

Контракт не был так же священен для Патруля, как для торговцев, но и у Торговой службы тоже была своя власть. И так Ван Райк — невольный свидетель проделок трех беспокойных членов экипажа “Королевы” — не был официально обвинен в преступлении, его проводили к передатчику. Но дверь за ним закрылась, и это послужило им предупреждением, что они не свободны. Джелико откинулся в кресле и потянулся. За долгие годы совместной работы он убедился, что суперкарго разбирается не только в торговых и погрузочных делах и способен разрешить такие запутанные проблемы, которые не поддаются прямым и решительным действиям капитана. Прямые действия привели их к теперешнему положению — настала пора Ван Райка, а уж он-то не упустит ни одной возможности.

Но они недолго оставались одни. Дверь открылась, и вошли несколько старших офицеров Патруля. Никто из вольных торговцев не встал. Принадлежа к другой службе, они считали себя равными вошедшим и предметом их гордости было то, что интересы галактической цивилизации, представляемые черно-серебристыми патрульными на дальних форпостах звездных трасс, совпадали с интересами торговцев. Они вместе завоевывали Вселенную.

Рупу, Али, Дэйну и Уиксу пришлось ответить на целый ряд вопросов. Они подробно рассказали о своем посещении А-стан-

ции и о приземлении в Большой Ожог, а также о похищении Хована. Дэйн упрямо доказывал свою правоту. Как в таких же обстоятельствах поступили бы их командиры, старшие офицеры, сидящие здесь? А они каждый раз делали заключение, что его участие в этих событиях является незаконным. Конечно, закон и порядок должны существовать, они должны защищать человека на освоенных планетах и в изученных системах. Он не может отрицать, что был рад встретить на Лимбо патрульных, которые бластерами проложили себе дорогу в тайную штаб-квартиру бандитов, овладевших этой сожженной планетой. Он никогда не относился к патрулю с презрением, но, подобно всем вольным торговцам, он был убежден, что слишком часто законы, проводившиеся в жизнь Патрулем, служат богатству и власти больших компаний. Если это нужно компании, законы нарушаются, и Патруль поступает несправедливо, особенно в отдаленных районах, куда не достигает власть Центра.

Вот и теперь он был убежден, что "Интерсолар" употребил все свое влияние против людей с "Королевы", а влияние у "И-С" было огромное. В конце разговора их заявления были зачитаны, и Дэйн приложил свои пальцы в знак точности записи.

"Были ли это просто заявления или же это показания на допросе, — подумал Дэйн, — но своим рассказом они проложили себе дорогу на лунные шахты".

Во всяком случае, никто не собирался их выпускать. Когда Уикс приложил палец к концу записи, взял слово капитан Джелико. Он посмотрел на часы.

— Сейчас десять часов, — заметил он, — моим людям необходим отдых, и все мы хотим есть. Что вы на это скажете?

— Вы остаетесь в карантине, капитан, — ответил один из старших патрульных. — Вашему кораблю не разрешается взлет, но вы будете удобно размещены...

Через множество пустых залов их провели в другую часть огромной штаб-квартиры Патруля. Здесь не было окон, но зато стояли койки, и было особое помещение вроде кают-компаний. Али, Дэйн и Рип больше нуждались во сне, чем в пище. Последнее, что запомнил помощник суперкарго, был капитан, серьезно беседовавший со Стивом Вилкоксом. Оба при этом потягивали из чашек настоящий земной кофе. Но, проспав двенадцать часов, они уже не были так довольны своим положением. К ним никто не приходил, и Ван Райк тоже не возвращался, хотя этот факт и внушал экипажу определенные надежды. Значит, суперкарго где-то борется за их интересы и весь огромный запас знаний, все свое умение обходить острые углы и распутывать сложные и запутанные проблемы Ван Райк использует, чтобы вырвать для них всевозможные уступки.

Пришел врач Тау, принес с собой хубата. Оба выглядели усталыми, но торжествующими, и сообщение Тау ободрило приунывших было торговцев.

— Мы вколотили это в их глотки, — объявил Тау. — Они были вынуждены признать, что это отравление, а не чума. Кстати, — он оглянулся сначала на Джелико, а потом осмотрелся по сторонам, — а где Ван? Нам предлагают продать этих козлят, которые спят в глубоком охлаждении. Лаборатория Террапорта желала бы их изучить. Я сказал, чтобы они обратились к Вану. Он сможет извлечь из этого выгоду. Где же он?

— Он улаживает дело с нашим контрактом, — ответил капитан. — Что нового слышно о нашем положении?

— Что ж, им пришлось опять дать предупреждение о зачумленном корабле. Да, еще новость. Более двадцати телевизионщиков ожидают Патруль, пытаясь извлечь кого-нибудь из нас и доставить в студию. Кажется, эти дети, — он ткнул пальцем в троих помощников, — кое-чего добились. Их выступление стало самой большой сенсацией в Системе. Все интересуются их судьбами. Я уже дважды был на телестанции, они показывали и хубата.

Подошедший врач Хован кивнул.

— И меня приглашали на передачи, которые будут идти три недели, — весело усмехнулся он. — Хотят, чтобы я выступил в передаче “Герои звездных дорог” и в двух развлекательных программах. А что касается вас, юный преступник, — обратился он к Дэйну, — из-за вас воют все телестудии и радиостанции. Говорят, вы здорово выступили. — Последнюю фразу он произнес как обвинение, и Дэйн смутился. — Все-таки вы кое-чего добились своими сумасшедшими трюками. Кстати, капитан, три человека хотят купить вашего квика. Думаю, они собираются показывать его как охотника на этих вредителей. Так что будьте готовы.

Дэйн представил себе передачу, где в главных ролях появляются он и хубат, и содрогнулся. Все, чего Дэйн теперь хотел, так это улететь с Земли на какую-нибудь спокойную и мирную планету, где все проблемы решаются при помощи бластера и парализующего пистолета и где неизвестно телевидение.

Услышав, что снаружи их ожидают, люди с “Королевы” более терпеливо переносили свое заключение в карантинной секции. Но время шло; и их беспокойство снова вернулось. Теперь они стали уверены, что наказание, наложенное на них Патрулем или земной полицией, не будет слишком строгим, но нарушенный контракт — это другое и гораздо более серьезное дело, которое может привести их к изгнанию из космоса быстрее, чем любое нарушение закона. Джелико расхаживал по комнате, Танг и

Уикс сражались в трехмерные шахматы, а Штоц устало смотрел на стену, очевидно, полностью погруженный в свои невеселые мысли. Так проходило время, и каждый уходящий час напоминал им о нарушении контракта с сарголийцами. В беспокойном ожидании начался второй день, и тут появился Ван Райк.

Суперкарго выглядел очень усталым, но не озабоченным. Наоборот, он появился, бурча нечто, что, по его мнению, было популярной мелодией. Джелико ничего не спросил, только посмотрел на своего офицера и вопросительно поднял брови, но остальные окружили вошедшего. Стало ясно, что Ван Райк доволен собой, а это означало, что он каким-то фантастическим способом отвел угрозу от “Королевы Солнца” и теперь полностью контролирует положение. Он остановился в дверях и с напускной строгостью посмотрел на Али, Дэйна и Рипа.

— Вы нехорошие мальчики, — сказал он, покачав головой и сделав ударение не прилагательным. — Вы заслуживаете понижения на десять рангов.

“Это опустило бы нас на самое дно, — быстро сообразил Дэйна, — и даже ниже”.

Хотя он и не понимал, что может быть ниже должности помощника, но его, однако, такая перспектива не обескураживала. По сравнению с лунными шахтами такое название ровным счетом ничего не значило, а Дэйна знал, что Ван Райк сначала всегда излагает самые плохие новости.

— Вас оштрафуют на сумму, равную плате за рейс, — продолжал суперкарго, но капитан прервал его:

— С Центром все улажено?

Когда суперкарго кивнул, Джелико добавил:

— Штраф выплатит корабль.

— Я им так и сказал, — согласился Ван Райк. — “Королеве” в течение десяти лет запрещается приземляться в Террапорте.

— Ничего страшного. Другие вольные торговцы, случается, по двадцать пять лет не навещают родную планету.

Наказание было настолько легче того, которого все ожидали, что друзья встретили сообщение со вздохом облегчения.

— Мы лишаемся контракта с Сарголом.

Вот это было хуже. Но они и ждали этого в те часы, когда находились в карантине, и понимали, что уже не успеют к сроку на благоуханную планету.

— Контракт у “Интерсолара”? — задал главный вопрос Вилкокс.

Ван Райк улыбнулся, как будто оставил под конец самое веселое.

— Нет, у “Комбайна”.

— У “Комбайна”? — повторил капитан, а за ним и все остальные.

Всем казалось, что в этом деле главный соперник “Интерсолар”.

— Мы заключили с “Комбайном” сделку, — сообщил им Ван Райк. — Я не хотел, чтобы “Интерсолар” наживался на нашей неудаче, и поэтому пошел к Виккерсу из “Комбайна” и обрисовал ему ситуацию... Он понял, что у нас хорошие отношения с сарголийцами, а у “Интерсолара” их нет. А он давно ждал случая наступить на хвост “Интерсолару”. Погрузка уже идет полным ходом, а завтра новейший крейсер стартует на Саргол. Он поспеет вовремя.

Да, большой крейсер, один из тех, которыми располагали всемогущие компании, мог совершить рейс на Саргол и прибыл бы туда даже с запасом времени. Штоц кивком одобрил это решение.

— Я отправлюсь с ними...

Это решение всех ошеломило. Ван Райк оставляет “Королеву” — это также немыслимо, как и представить, что капитан Джелико уходит в отставку и становится фермером.

— Только на один рейс, — поспешил разъяснить Ван Райк. — Я облегчу им контакт со жрецами и присмотрю, чтобы снова не вмешался “Интерсолар”.

— Вы считаете, что “Комбайн” действительно перекупил у вас контракт, а не просто отобрал? — перебил его Джелико. — Каковы условия сделки?

Ван Райк улыбнулся еще шире.

— Они покупают не только контракт, но и наши хорошие отношения с сарголийцами.

— И что же мы получаем взамен? — от имени всех спросил Вилкокс.

— Двадцать пять тысяч кредиток и контракт на перевозку почты между отдаленными планетами Ксечо и Трестолд. Они слишком далеки от Земли для регулярного сообщения. Патруль проводит нас и проследит, чтобы мы принялись за работу, как и подобает вольным торговцам. Нам предстоит два года спокойных рейсов за постоянную плату. А потом, когда власти забудут о нас, мы сможем вернуться к обычной торговле.

— А какова оплата?

— Почта первого и второго разрядов.

— Когда мы стартуем?

— Оплата стандартная, оплачивается отдельно каждый рейс, ее гарантирует сам Центр, — начал он отвечать на многочисленные вопросы. — Почта включает и правительственную корреспонденцию. Работу начинаете сразу по прибытии на

Ксечо и замените там корабль компании “Комбайн”, который сейчас занимается этими перевозками.

— А вы в это время отправитесь на Саргол? — спросил Джелико.

— Да, я отправлюсь на Саргол. Но у меня есть замена. — Он положил руку на плечо Дэйна. — Судя по тем штучкам, что откалывали эти юноши, мы можем доверять им несколько больше, чем раньше. В конце концов, работа суперкарга при перевозке почты не очень сложна, а погрузку и выгрузку Торсону можно доверить, это-то он знает. — И, оставив Дэйна в недоумении, то ли похвалив его, то ли поругав, Ван Райк продолжил: — Я присоединюсь к вам после второго рейса. “Комбайн” доставит меня на Тресголд. В ближайшее время нам не о чем беспокоиться, в почтовых рейсах ничего не происходит.

— Он посмотрел на троих младших членов экипажа. — Немного поскучаете, но это вам только пойдет на пользу. Как следует выполняйте свою работу, и понижение вас в должности будет отменено. Ну, а теперь я иду на крейсер “Комбайна”, — он направился к двери. — Думаю, вы не очень-то хотите встретиться с ребятами с телевидения? — Увидев их реакцию, он рассмеялся. — Ну, а Патруль очень не хочет этого, не хочет, чтобы разглажольствовали о “жестокости официальных лиц”, так что через час можете отправляться. “Королева” уже на стартовой площадке. Вас туда доставят на скутере. Полное обслуживание — в Луна-сити. Там корабль отремонтируют для полетов в глубокий космос. Вообще, чем скорее вы уберетесь отсюда, тем лучше и для Патруля, и для вас. Пусть Центр забудет о “Королеве Солнца” и ее сумасшедшем экипаже. Ведь вы на самом деле нарушили кучу законов, но не будем об этом.

Капитан Джелико встал.

— Вряд ли они больше нас хотят, чтобы мы улетели отсюда. Вы отлично закончили это дельце, Ван. Мы легко отделались.

Ван Райк поднял глаза к потолку.

— О, вы еще не знаете, насколько легко! Наше счастье, что “Комбайн” стремится вставить палки в колеса “Интерсолару”. Мы воспользовались этим. Дайте здешним акулам возможность вцепиться друг другу в глотки, и они позабудут обо всем. Этот способ простой, но действенный. Ну, а мы отправляемся в спокойную и мирную безвестность. Благодаря духу Вольной торговли, никакие трудности и заботы не ожидают нас в этих тихих и безопасных почтовых районах.

**ПЛАНЕТА
КОЛДОВСТВА
КНИГА III**

ПЛАНЕТА КОЛДОВСТВА

КНИГА VIII

ГЛАВА 1

Поговорим о жаре на Эхо или лучше не надо? Эта пропитанная водой планета обладает наиболее непривлекательными свойствами паровой бани. Здесь можно только мечтать о прохладе, зеленом цвете и желать побольше земли, чем эта скупая ниточка островов.

Стоявший над разбивающимися о мыс волнами, молодой человек носил фуражку с крылышками космонавта и знаками отличия суперкарго. Кроме очень коротких шортов, на нем ничего не было. Изучая через солнцезащитные очки предательски менявшее свое сияние море, он с отсутствующим видом провел ладонью по своей голой груди. Ладонь стала совершенно мокрой. Можно было бы искупаться, но он не хотел потерять большую часть своей кожи. В этой жидкости существовали организмы, облизывающиеся каждый раз, когда думали о землянах.

Дэйн Торсон облизал губы и, чувствуя на языке вкус соли, побрел по песку космодрома к стоянке «Королевы Солнца». День казался ему очень длинным, с бесчисленным решением запутанных задач, с постоянным бегом тяжелой рысцой между кораблем и складами товаров, где трудились такелажники. Они двигались так медленно, как это только возможно для человеческих существ. А может, это только казалось удрученному суперкарго с вольного торгового корабля. Капитан Джелико уже давно нашел убежище в своей каюте, сохраняя тем самым остатки хорошего настроения. Дэйн такого удовольствия не мог себе позволить.

«Королева Солнца» переоборудовалась в почтовый корабль по жесткому графику, и резервов времени на ремонт приборов, учитывающих влажность и корректирующих работу ремонтных роботов, не было. «Королева» должна быть готова к старту, когда корабль «Комбайна», курсировавший до этого по своему марш-

руту, совершит посадку и официально отсалюует «Королеву». К счастью, значительную часть работы уже выполнили.

Перед тем как расписаться в книге такелажников и явиться с докладом к капитану, Дэйн произвел последний осмотр. Кондиционированный воздух внутри «Королевы» освежил его, пока он поднимался в свою каюту. Воздух в корабле был технически чистым, но неприятно спертым, и все же дышать им сегодня было легко. Дэйн прошел прямо в душевую. По крайней мере, в воде, очищенной от местных кожных паразитов, недостатка не было. Вода оказалась прохладной и сняла усталость с его молодого худощавого тела. Он успел залезть в свой самый легкий комбинезон, когда запищал зуммер на стене. Посетитель! Только бы не мастер такелажников!

Дэйн прошел на вызов, еле волоча ноги. Команду «Королевы» в этот момент составляли всего четверо, включая и Дэйна, поэтому мальчишески пришлось стать ему самому. Капитан Джелико был в своем помещении двумя этажами выше. Вроч Тау, вероятно, проверял запасы, а Синдбад, корабельный кот, спал в какой-нибудь пустой каюте. Дэйн одернул куртку и настороженно подошел к верхушке трапа.

Посетитель имел довольно впечатляющий вид. Этот спокойный человек был очень высок, причем его рост подчеркивался сильной худощавостью, узостью талии, бедер и длиной рук и ног. Главным предметом его одеяния являлись универсальные для жителей этой планеты шорты, однако, будучи, согласно моде, шафранно-желтыми, они казались более яркими из-за черноты кожи. Хотя, в общем, посетитель был похож на тех земных негров, которых видел Дэйн, его цвет кожи не казался таким же, как у них, темно-коричневым. Его кожа была действительно черной с почти синеватым отливом. Вместо рубашки и куртки его впалая грудь была перетянута двумя широкими ремнями. В их пересечении висел большой медальон, испускавший при дыхании алмазные отблески. На поясе он носил не обычный парализующий пистолет, а оружие, более напоминающее бластер патрульного. Там же был длинный нож в отделанных драгоценными камнями ножнах. На первый взгляд, он казался образцом варварской силы, прирученной и приспособленной к цивилизованной деятельности. Он отсалютовал Дэйну ладонью и произнес на основном галактическом языке с едва заметным акцентом:

— Я — Кэрт Азаки. Думаю, капитан Джелико ожидает меня.

— Да, — Дэйн весь подобрался — так это, значит, лесничий с легендарной Хатки, планеты-сестры Эхо.

Его собеседник поднимался по трапу, не пропуская ни одной детали интерьера корабля, мимо которых он проходил. На его

лице все еще сохранилось выражение вежливого интереса, когда его провожатый постучал в обшитую панелями дверь каюты Джелико, а ужасный вопль хубата квика, капитанского любимца, заглушил немедленный ответ. Тут же последовал удар по клетке этой помеси краба, попугая и жабы с голубым оперением, который обычно возвещал о присутствии его хозяина в каюте. Так как сердечное приветствие капитана относилось только к гостю, Дэйн с сожалением спустился в кают-компанию и принялся неумело готовить ужин. Да и много ли надо уметь, чтобы запахнуть в автоматическую кухню концентраты.

— Составить компанию? — поинтересовался Тау, появляясь по другую сторону кухонного комбайна, и помешал кофейную гущу. — Разве обязательно сопровождать еду музыкой, особенно так неудачно выбранной?

Дэйн покраснел, закончив свистеть на середине ноты. «Граница Земли» была старой и очень избитой песней, и он не знал, почему всегда бессознательно ее насвистывает.

— Главный лесничий с Хатки только что поднялся на борт, — намеренно небрежно сообщил он, занимаясь будто бы чтением наклеек. Так готовить было проще, чем рыбу или другие блюда.

— Хатка! — выпрямился Тау. — Эта планета стоит посещения.

— Но не на деньги свободного торговца, — прокомментировал Дэйн.

— Вы всегда можете надеяться на объявление большой забастовки, парень. Но почему бы нам не поднять корабль отсюда?

— Почему? Вы же не охотник. Отчего же вам пришло в голову податься туда?

— Мне нет дела до заповедников для охоты, хотя и их стоит посмотреть. Интересны сами люди...

— Но они с Земли или, по крайней мере, земного происхождения, не так ли?

— Верно. — Тау медленно цедил кофе. — Но бывают разные поселенцы, сынок. Многое зависит от того, когда и почему они покинули Землю, кем они были, а также от того, что случилось с ними после приземления здесь.

— Хаткинцы действительно отличаются чем-то особым?

— Да, у них удивительная история. Эта колония основана людьми, бежавшими из заключения, причем одной расы. Они улетели с Земли под конец второй атомной войны. Помнишь, это была расовая война? Это делало ее вдвойне уродливой. — Рот Тау скривился от отвращения. — Как будто цвет человеческой кожи создает различие в том, что под ней находится! Одна сторона в этой войне пыталась восторжествовать над Африкой.

Она согнала большинство туземцев в гигантский концентрационный лагерь и широко применяла геноцид, но сама была разбита. В результате разгрома выжившие в лагере с помощью войск другой стороны подняли восстание. Они захватили скрытую в центре лагеря экспериментальную станцию и на построенных там двух кораблях прорвались в космическое пространство. Путешествие должно было быть кошмарным, но они добрались сюда и совершили посадку на Хатке. У них не было энергетических ресурсов, чтобы снова подняться, и к тому же большинство из них умерли.

Но мы, люди, вне зависимости от расы, весьма жизнеспособны. Беглецы обнаружили, что климат их нового мира не очень отличается от африканского. Это наибольшая удача, которая могла выпасть один раз из тысячи. Так что та горсточка, которая выжила, сейчас процветает. Но белым специалистам, которых они похитили для управления кораблями, жилось неважно. Жители установили цветовой барьер — чем светлее кожа, тем ниже социальное происхождение. При таком отборе, при размножении, теперешние хаткинцы стали чрезвычайно черными.

Чтобы выжить, они вернулись к примитивной жизни. Затем, примерно двести лет назад, задолго до того, как их обнаружили разведчики планет, что-то случилось. Либо произошла мутация, либо, как это иногда бывает, возникла линия людей с выдающимися талантами — несколько изолированных групп — и удивительно регулярно повторяющимися рожденьями в пяти семейных кланах. Был короткий период ожесточенной борьбы, пока они не поняли бессмысленность гражданской войны и не образовали олигархию, возглавляемую родовой организацией. Под руководством этих пяти семей возникла новая цивилизация, и, когда прибыли разведчики, то встретили уже не дикарей.

Примерно семьдесят пять лет назад торговые права купил «Комбайн». Затем компания и пять семейств объединились и создали охотничий заповедник для всей Галактики. Известно, что каждый хороший стрелок с двадцати пяти планет хочет похвалиться, что он охотился на Хатке. И если он может показать голову края на стене или носит браслет из его хвостов, то может гордо выступать среди других охотников. Каникулы, проведенные на Хатке, как легендарны, так и модны. И очень-очень выгодны для местных жителей и для «Комбайна», занимающегося перевозкой путешественников.

— Я слышал, там встречаются и браконьеры, — заметил Дэйн.

— Да, они есть. Вы знаете, какую прибыль приносит на рынке шкура глепа. Если экспорт жестко контролируется, то

неизбежно появляются браконьеры и контрабандисты. Но Патруль не интересуется Хаткой, местные жители сами расследуют эти преступления. Лично я предпочту с радостью быть приговоренным к девяти годам каторги на лунных коях тому, что делают хатканцы с пойманными браконьерами.

— Следовательно, эти слухи распространяются успешно?

Кофе полился через край кружки Тау, а Дэйн уронил пакет с мясными концентратами, который уже поднес к кухонному комбайну. Главный лесничий Азаки появился в дверях кают-компания так неожиданно, словно был телепортирован в эту точку.

Врач встал и вежливо улыбнулся посетителю.

— Правильно ли я предположил, что те истории, которые я слышал, распространяются преднамеренно, чтобы служить предупреждением?

— Мне говорили, что вы врач, сведущий в «магии». Действительно, вы проявляете свойственную колдунам быстроту мышления. Этот слух верен. — Признаки хорошего настроения у главного лесничего исчезли, и он отрезал: — Браконьеры на Хатке приветствовали бы Патруль вместо нашего гостеприимства.

Он вошел в столовую. Капитан Джелико шел позади него, и Дэйн предложил им два выдвижных сиденья. Дэйн держал кружку у кофейника, когда капитан представил его:

— Торсон, исполняет обязанности нашего суперкарга.

Хатканец приветствовал Дэйна плавным кивком головы, а затем удивленно посмотрел на пол. Помахивая хвостом и громко мурлыча, Синдбад выражал гостю свою необычайно горячую симпатию. Лесничий опустился на одно колено и подставил руку для изучающего обнюхивания Синдбада. Потом кот боднул головой эту черную ладонь и игриво прикоснулся к ней лапой со спрятанными когтями.

— Земная кошка! Ведь она львиной породы?

— Весьма отдаленное сходство, — пояснил капитан. — К Синдбаду нужно добавить слишком много плоти, чтобы выдвинуть его в класс львов.

— Мы знаем только старые сказки, — слова Азаки прозвучали почти задумчиво, в то время как кот прыгнул ему на колени и провел когтями по замку его нагрудных ремней. — Но мне не верится, что львы были так дружны с моими предками.

Дэйн хотел убрать кота, но хатканец поднялся вместе с Синдбадом, все еще громко мурлыкающим и отдыхающим на его локте. С мягкостью, сменившей выражение высокомерия на его лице, лесничий улыбался.

— Не привозите его на Хатку, или вы не получите его об-

ратно. Мои соотечественники просто не позволят его увезти. — Он нежно погладил Синдбаду подбородок, и кот вытянул шею, полузакрыв от удовольствия желтые глаза. — А тебе, значит, это приятно, маленький лев?

— Торсон! — Капитан повернулся к Дэйну. — Рапорт на моем столе был последним от «Комбайна»?

— Да, — ответил Дэйн, — и нет оснований считать, что «Ровер» приземлится здесь раньше указанной даты.

— Видите, капитан, судьба нам покровительствует. — Азаки сел, все еще держа кота. — У вас есть два десятка дней. Четыре дня пути на моем крейсере, четыре — возвращение сюда, а остальные — на изучение заповедника. Мы не можем рассчитывать на большее везение, так как я не знаю, когда вновь пересекутся наши пути. При нормальном ходе событий я не появлюсь на Эхо еще целый год, а возможно, и больше. Кроме того... — Он поколебался, а затем обратился к Тау: — Капитан Джелико сообщил мне, что вы изучали искусство магии во многих мирах.

— Это так.

— Верите ли вы тогда, что магия — реальная сила? Или считаете, что это только суеверие примитивных народов, придумывающих демонов, чтобы завывать молитвы, когда на них падает черная тень?

— Кое-что из той магии, что я видел, просто фокусы, кое-что основано на внутреннем знании людей и их судеб. Это знание проницательный лекарь-колдун может использовать себе на пользу. Все же всегда остается, — Тау опустил кружку, — небольшое количество случаев, для которых мы пока не можем найти какого-либо логического объяснения...

— А я верю, — прервал его Азаки, — что также верно и то, что раса от рождения предрасположена к магии. И поэтому любой человек такой расы может быть особенно подвержен действию магии...

Это было больше похоже на утверждение, чем на вопрос, но Тау ответил:

— Совершенно верно. Дамориец, например, может быть, «знает» до смерти. Я был свидетелем такого случая. Но на землянина или другого инопланетянина то же самое внушение не окажет никакого влияния.

— Те, кто заселил Хатку, привезли магию с собой, — сказал Азаки, и пальцы главного лесничего все еще успокаивающе двигались по челюсти и горлу Синдбада, но голос его стал холоден. Он казался наиболее холодным предметом в тесном пространстве кают-компаний.

— Да, — согласился Тау, — ее сильно развитую форму.

— Возможно, даже более сильно развитую, чем вы, врач, можете себе представить. — Это было сказано с оттенком ледяной ярости. — Думаю, что ее теперешняя форма, ее проявление — смерть от зверя, не являющегося зверем, — могли бы заслужить вашего детального изучения.

— Почему? — резко спросил Тау.

— Потому что это убивающая магия и она успешно используется для устрашения важнейших людей нашего мира. Людей, в которых мы очень нуждаемся. Если в направленной против нас темной силе есть слабое место, мы должны узнать это, и поскорее.

— Нас пригласили посетить Хатку, — объяснил остальное Джелико. — Там мы в качестве личных гостей главного лесничего Азаки должны будем обследовать новую охотничью область.

Дэйн с трудом подавил вздох огромного изумления. Права на посещение Хатки тщательно охранялись, они были слишком важны для ее собственников, чтобы ими пренебрегать. Все они жили на доходы от годовой ренты, но лесничий, благодаря своему положению, могли приглашать из других миров ученых или людей, занимающих такое же положение, как и они. Но чтобы такая возможность была предоставлена вольным торговцам — это почти невероятно. Удивление Дэйна легко было заметить, и это удивление разделял и Тау. Это вызвало улыбку главного лесничего.

— В течение длительного времени капитан Джелико и я обменивались данными по биологии чужих форм жизни. Его искусство их фотографировать, его знания ксенобиолога широко известны, и у меня есть для него разрешение посетить новый заповедник Зобору, который официально еще не открыт. Что касается вас, Тау, то мы нуждаемся в вашей помощи или, по крайней мере, в вашем диагнозе. Таким образом, один эксперт появляется официально, другой — не столь официально. И чтобы запутать наших возможных противников, — он посмотрел на Дэйна, — почему бы не пригласить и этого молодого человека?

Глаза Дэйна обратились на капитана. Джелико всегда был справедлив, и его команда принималась за дело по одному его слову, даже если они стояли под дождем торкнанских дротиков и им приказали наступать. Но с другой стороны, Дэйн никогда не искал покровительства. Самое большое, на что он надеялся, — это возможность выполнять свои обязанности без недружелюбных комментариев по поводу их исполнения. У него не было основания надеяться, что Джелико захочет принять это предложение.

— Торсон, у вас приближается двухнедельный отпуск. Если вы хотите провести его на Хатке... — Джелико усмехнулся. — Думаю, что хотите. Когда мы должны быть на корабле, сэр? — обратился он к Азаки.

— Вы говорили, что обязаны дождаться возвращения остальных членов экипажа. Поэтому, скажем, завтра во второй половине дня. — Главный лесничий встал и опустил на пол Синдбада, хотя кот выражал протест отрывистым мяуканьем. — Милый лев, — высокий хатканец говорил с котом, как с равным, — твои джунгли здесь, а мои находятся в другом месте. Но если ты когда-нибудь устанешь от путешествий по звездам, для тебя всегда найдется место в моем доме.

Когда главный лесничий закрыл за собой дверь, Синдбад не попытался следовать за ним, хотя издал короткий крик протеста и печали.

— Итак, он надеется получить помощь в борьбе с неприятностями, — сказал Тау. — Отлично, я попытаюсь изгнать этих духов. Из-за этого стоит посетить Хатку!

Дэйн вспомнил о раскаленном мареве космопорта на Эхо, о море, в котором нельзя купаться, и сравнил это с зеленым охотничьим раем на соседней планете этой системы.

— Да, вы правы! — повторил он в унисон с Тау и взял наугад порцию из кухонной машины.

— Не слишком веселитесь! — предостерег его Тау. — Я скажу, что жаркое, которое оказалось слишком горячим для этого лесничего, может и нам обжечь пальцы, и причем очень скоро. Когда мы приземлимся на Хатке, надо быть очень осторожным, внимательно смотреть по сторонам и готовиться к самому худшему.

ГЛАВА 2

Свет играл на гребнях гор, поднимавшихся над ними. Внизу виднелось русло реки, которая казалась отсюда только серебряной нитью. Под их ногами ощущалась платформа из каменных глыб, сделанная руками человека и возвышающаяся над горой и джунглями. Она была построена, чтобы удерживать дворец из вздымающихся желто-белых стен и криволинейных чаш куполов; дворец, который был наполовину крепостью, наполовину передовым постом.

Дэйн положит руки на парапет. В сиянии фиолетового огня, расщепляющего небо, речной обрыв мерцал и потрескивал. Все это происходило настолько далеко от песчаных островов Эхо, что человеку трудно было это вообразить.

— Дух демона готовится к битве, — кивнул Азаки в направлении отдаленного потрескивания.

— Предполагаете, что они точат свои клыки? — засмеялся капитан Джелико. — Меня не беспокоит встреча с духом, который хвастается, точа зубы.

— Не беспокоит? — переспросил Азаки. — Но подумайте о следопытах, которые, выследив его, находят смерть. Отыскание кладбища грасов сделало бы любого человека таким богатым, каким ему и не снилось.

— Насколько правдива эта легенда? — спросил Тау.

— Кто может сказать? — пожал плечами главный лесничий. — Здесь многое правдиво. Я провожу свою жизнь в лесах с тех пор, как начал ходить. Слушал разговоры следопытов, охотников, лесничих при дворе моего отца и в полевых лагерях с тех пор, как начал понимать слова. С того времени еще ни один человек не сообщил о находке трупа граса, который бы умер естественной смертью. Стервятники поедают их мясо, но ведь клыки и кости можно было бы встретить и через многие годы. Я своими глазами видел, как умирающего граса поддерживали двое других и они увели его по направлению к большим болотам. Возможно, это только потому, что погибающее животное в свой смертный час стремится к воде и, может, в сердце этой трясины лежит кладбище грасов. Но ни один человек не нашел останков граса, умершего естественной смертью, и ни один не вернулся после исследования больших болот...

Внизу сверкало буйное переплетение джунглей, освещенное отраженным от горных пиков светом, а сверху были совершенно голые скалы. И между ними этот форт, удерживаемый людьми, посягнувшими и на высоты, и на глубины. Дикая и необузданная жизнь Хатки окружала инопланетян с тех пор, как они сюда прибыли. В Хатки чувствовалось что-то неприрученное — буйная планета привлекала и в то же время отталкивала.

— Далеко ли отсюда до Зобору?

В ответ на вопрос капитана главный лесничий указал куда-то на север.

— Около ста лиг. Это первый заповедник, который мы подготовили за последние десять лет, и хотим сделать его наилучшим для охотников с Д-образным кольцом. Вот почему там теперь работают приручающие команды.

— Приручающие команды? — удивленно переспросил Дэйн. Главный лесничий охотно начал рассказывать об этом проекте.

— Зобору — заповедник не для убийства. Животные узнают это через некоторое время, но мы не можем ждать несколько лет. Поэтому мы приручаем животных, подкармливая их. — Он

засмеялся, вспомнив, очевидно, какой-то случай. — Иногда, видимо, мы слишком нетерпеливы... Большинство наших посетителей, желающих получить Д-образное кольцо, хотят сделать снимки грасов, амплетов, скальных обезьян, львов...

— Львов? — удивился Дэйв.

— Не земных львов, нет. Но мой народ нашел после приземления на Хатки нескольких животных, которые напоминали им тех, которых они знали на Земле. Поэтому им дали те же названия. Хаткинский лев покрыт шерстью, он охотник и хороший боец, но он не из семейства кошачьих. Тем не менее он нравится, он популярен, как хороший актер, поэтому мы заманиваем скрывающихся львов в Д-образное кольцо, снабжая их свежим мясом. Лев прыгает на движущееся за флиттером аппетитно пахнущее мясо, веревка отрезается и лев получает обед. Львы не глупы. Через некоторое время они начинают связывать звук рассекающего воздух флиттера с пищей. Поэтому они приходят на банкет, и люди на флиттерах могут сделать снимки на Д-образные кольца без затруднений. Однако при такой дрессировке нужно быть аккуратным. Один лесной сторож в заповеднике Комог стал слишком предприимчивым. Сначала он просто доставлял мясо для львов. Затем, чтобы увидеть, сможет ли он заставить львов подношью забыть о присутствии людей, стал оставлять мясо во флиттере, поощряя львов прыгать туда за обедом. Хотя сторож был в безопасности, все это срабатывало слишком уж хорошо. Примерно через месяц один клиент и сопровождающий его охотник следовали во флиттере через Комог. В одном месте они зависли невысоко над поверхностью, чтобы сделать хороший снимок ледяной крысы, всплывающей из реки. Неожиданно позади них раздалось рычание, и они обнаружили, что делают флиттер с львицей, раздраженной присутствием людей и отсутствием на борту мяса. К счастью, у них оказались спасо-пояса, но они были вынуждены посадить флиттер и убираться, ожидая, пока львица не уйдет. Она же в возбуждении серьезно попортила машину. Поэтому теперь наши сторожа ничего не вытворяют при приучении. Завтра... нет, — поправился Азаки, — послезавтра я смогу показать вам, как происходит эта процедура.

— А завтра? — спросил капитан.

— Завтра мои люди будут заниматься охотничьей магией. — Голос Азаки ничего не выражал.

— Будет ли присутствовать там ваш главный лекарь-колдун? — спросил Тау.

— Ламбрило? Да.

Казалось, главный лесничий не был склонен что-либо добавить, но Тау настаивал на своем.

— Его должность наследственная?

— Да. Но какое это имеет значение? — впервые в голосе Азаки появился оттенок подавляемого нетерпения.

— Возможно, огромное значение, — ответил Тау. — Наследственная должность может иметь два вида условий. Одно касается воздействия и влияния на ее носителя, другое — воздействия на общественность. Ваш Ламбрило может глубоко верить в свои силы и быть очень влиятельным человеком. Почти наверняка ваши люди безоговорочно принимают его за создателя чудес?

— Да, принимают. — Голос Азаки снова был безжизненным.

— Но Ламбрило не делает чего-то, что вы считаете необходимым?

— Да, врач, это так. Ламбрило не занимает соответствующего места в схеме этого мира.

— Является ли он членом одной из ваших пяти семей?

— Нет, его клан маленький и всегда держится в отдалении. С самого начала здесь те, кто говорил с богами и демонами, людьми не командовали.

— Отделение церкви от государства, — задумчиво прокомментировал Тау. — В нашем земном прошлом все же были времена, когда церковь и государство составляли одно целое. Хочет ли этого Ламбрило?

Азаки поднял глаза к вершинам гор на севере, где ждала его любимая работа.

— Я не знаю, чего хочет Ламбрило, не будем строить предположений на этот счет. Вот что я вам скажу! Охотничья магия является частью нашей жизни, и она в своей сути имеет некоторые из тех необъяснимых явлений, существование которых вы признаете. Я использую силы, которые не могу ни объяснить, ни понять, как часть своей работы. И в джунглях, и в степи инопланетянин, если он не вооружен, должен охранять свою жизнь спасо-поясом. Но я и некоторые из моих людей можем ходить невооруженными, хотя мы подчиняемся правилам охотничьей магии. Но только Ламбрило умеет нечто такое, чего не делали его предки. И он хвастается, что может делать еще больше. Поэтому у него растет число последователей из тех, кто верит, и из тех, кто боится.

— Вы не хотите, чтобы мы с ним встретились?

Большие руки главного лесничего ухватились за край парашюта, как будто в них таилась сила, способная сокрушить твердый камень.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели, не является ли все это просто фокусами. Против фокусов я могу бороться, для этого есть со-

ответствующие средства. Но если Ламбрило действительно контролирует силы, для которых нет названия, то, вероятно, мы должны заключить нелегкий мир или оказаться побежденными. А я, инопланетянин, происхожу из рода воинов, мы нелегко переносим горечь поражения.

— Этому я верю, — спокойно ответил Тау. — Будьте уверены, если в магии этого человека имеются трюки и я смогу их разгадать, секрет будет ваш.

— Будем надеяться, что так и будет.

Подсознательно Дэйн всегда связывал занятие магией с темнотой и ночью, но когда на следующее утро он стал членом группы, спустившейся на вторую террасу, огражденную стеной, солнце оказалось уже высоко и сильно пекло. На террасе нестройными рядами собрались охотники, следопыты, сторожа, а также другие помощники главного лесничего. Слышался низкий звук, который больше походил на биение воздуха вокруг них. Звук входил в человеческую кровь, подчиняя ее своему ритму. Дэйн проследил звук до его источника — четыре больших барабана, стоящие на уровне груди перед людьми, которые осторожно стучали по ним кончиками всех десяти пальцев. Ожерелья из зубов и когтей вокруг темных шей, юбочки из полосатых шкур, пересекающие ремни из яркого пятнистого или полосатого меха не соответствовали очень эффектному и современному оружию, а также остальным приспособлениям, укрепленным на ремнях.

Для главного лесничего поставили закругленное кресло, для капитана Желико — другое. Дэйн и Тау уселись на менее комфортабельные сиденья на ступеньках террасы. Пальцы людей, стучавших в барабаны, увеличили скорость, их звук стал напоминать жужжание пчел, бормотание грома в горах, правда, еще отдаленного. Какая-то птица закричала в одном из внутренних дворики дворца, где не разрешалось бывать женщинам. Та-та-та... — слышался звук барабанов. Головы сидящих на корточках людей медленно раскачивались из стороны в сторону. Тау сомкнул руку на запястьи Дэйна. Тот взглянул на врача и был поражен, увидев его горящие глаза. Тау следил за сборищем с бдительностью Синдбада, приближающегося к добыче.

— Рассчитайте пространство для складирования в отсеке номер один.

Эта отданная шепотом удивительная команда заставила Дэйна подчиниться. Отсек номер один... Там три отделения... Теперь пространство для складирования было... Тут ему стало ясно, что на какое-то время он избежал сети, сотканной барабанной дробью, жужжанием голосов и движениями голов. Он облизнул губы — так вот как это работает... Он слышал, как Тау

достаточно часто говорил о самогипнозе, но впервые ему стал ясен смысл этого.

Неизвестно откуда появились два человека. На них не было ничего, кроме очень коротких юбочек из хвостиков, черных хвостиков с пушистыми белыми кончиками, которые раскачивались при движении. Их головы и плечи скрывались под великолепно забальзамированными головами животных. В полураскрытых пастьях виднелись двойные ряды кривых клыков. Черно-белая полосатая шерсть и заостренные уши оказались не волчьими, не кошачьими, а жуткой комбинацией тех и других. Дэйн пробормотал про себя торговые формулы и попытался думать о соотношении самантийской денежной системы с галактическими кредитами. Только на этот раз защита не сработала. Между двумя шаркающими танцорами что-то брело на четырех ногах.

Волко-кошачье существо имело более чем простую голову. Она держалась на грациозном теле со свободнодвигающимися конечностями целых восьми футов в длину. На голове с иглообразными ушами горели красные глаза самоуверенного убийцы. Существо шло без принуждения с ленивым высокомерием. Его хвост с белой кисточкой раскачивался в такт движению. Достигнув середины террасы, оно, как бы отвечая на вызов, вскинуло голову и заговорило, но слова, вылетающие из этих кривых челюстей, Дэйн не мог понять, хотя они, вне сомнения, имели смысл для людей, раскачивающихся в такт гипнотическому ритму.

— Великолепно! — воскликнул Тау с искренним восхищением, причем его глаза были почти такими же, как и глаза говорящего зверя. Он наклонился вперед, обхватив руками колени.

Теперь животное тоже танцевало, и его лапы следовали темпу замаскированных провожатых. Это, должно быть, был человек в звериной шкуре, но Дэйн с трудом мог поверить этому, иллюзия оказалась слишком реальной. Его руки скользнули к ножу за поясом. Из-за уважения к местным обычаям они не взяли парализующие пистолеты, но нож на ремне служил тут необходимым предметом одежды. Дэйн незаметно выгнул лезвие и, расположив его против ладони, болезненно укололся. Это был еще один способ Тау для разрушения чар. Но белое-черное существо продолжало танцевать. Оно пело высоким голосом, и Дэйн заметил, что присутствующие вблизи кресел, в которых сидели Азаки и капитан, теперь следили за глазами главного лесничего и космонавта. Он почувствовал, как напрягся возле него Тау.

— Приближается опасность, — еле слышно предупредил Тау.

Дэйн заставил себя смотреть в сторону от качающейся волка-кошки, следя за лицами, украдкой бросавшими взгляды на Азаки и его гостей. Землянин знал, что между лесничим и его людьми существует вассальная зависимость. Но предположим, что между Ламбрило и Азаки начнется открытая вражда — чью сторону примут эти люди? Он увидел, как рука капитана Джелико скользнула вдоль колена, и его пальцы оказались в таком положении, которое позволяло быстро схватить нож... А рука главного лесничего, до этого вяло висевшая вдоль тела, неожиданно сжалась в кулак.

— Ладно! — Тау произнес это слово так, что оно прозвучало, как свист.

Врач встал, теперь он двигался быстро и уверенно. Пройдя между креслами, он встал прямо напротив танцующей кошки-собаки-волка. Однако Тау не смотрел на это жуткое существо и его сопровождающих. Вместо этого его руки высоко поднялись к небу, как будто там врач собирался кого-то приветствовать или отразить нападение, и он закричал:

— Годи! Годи! Элдама! Годи!

На террасе все, как один, повернулись, глядя вверх на Тау. Дэйн вскочил на ноги, держа нож, как шпагу, так как неожиданно увидел огромное животное, очень похожее на земного слона. Он знал, что такие существа жили когда-то на земле.

Как будто лезвие его ножа могло защитить от той огромной массы, которая двигалась в медленном великолепии к ним. Но Дэйн об этом не думал. Серо-черный хобот поднимался кверху между огромными бивнями, уши свисали, в то время как тяжелые ноги крушили вулканическую почву. Тау двинулся вперед, явно приветствуя исполинское животное. Хобот поднялся к небу, будто салютуя человеку, которого он мог бы сокрушить одной ногой.

— Годи, элдама! — во второй раз обратился Тау к огромному животному, похожему на слона.

И снова хобот поднялся в молчаливом приветствии одного хозяина земли другому, которого он осознавал как равного. Возможно, прошли тысячи лет с тех пор, как впервые стали вот так человек и это животное, и тогда между ними была схватка на смерть. Но теперь мир и ощущение силы, текущего от одного к другому, стали другими. Дэйн чувствовал это и видел, что люди на террасе тоже отступают перед невидимой связью между врачом и слоном, которого он столь явно вызвал.

Затем поднятые руки Тау соединились, издав резкий хлопок, и люди от удивления затаили дыхание. Там, где только что находился огромный слон, не было ничего, кроме скал, освещенных солнцем. Когда Тау повернулся, чтобы посмотреть на

кошку-собаку, этого существа тоже больше не существовало. Теперь оно приняло вид не животного, а человека — маленького, скачущего человека, изо рта которого вырывалось рычание. Его сопровождающие отскочили, оставив космонавта и колдуна наедине друг с другом.

— Магия Ламбрило велика, — спокойно сказал Тау. — Я приветствую Ламбрило с Хатки, — и его рука с открытой ладонью воспроизвела приветствие мира.

Рычание колдуна смолкло, он овладел своими чувствами. Колдун стоял голый, но в нем ощущалось внутреннее достоинство, сила и гордость, перед которыми даже главный лесничий, физически куда более сильный, стушевался.

— Ты, чужеземец, тоже владеешь магией? — спросил колдун. — Где гуляет эта твоя длиннозубая тень?

— Там, где когда-то жили люди Хатки, Ламбрило! Там, где люди твоей крови очень-очень давно охотились на тех, чья тень была создана мною, и делали их своей добычей.

— Так что она может? Предъявить нам долг крови, чужестранец?

— Так говоришь ты, а не я. Ты показал нам одно чудовище, я показал другое. Кто может сказать, которое из них сильнее, когда спор идет о тенях?

Бесшумно ступая голыми ногами по террасе, Ламбрило продвинулся вперед. Теперь он находился на расстоянии вытянутой руки от врача.

— Ты вызвал меня на состязание, — сказал колдун.

Дэйн удивился, так как было непонятно, вопрос это или утверждение.

— Почему я должен тебя вызывать, Ламбрило? У каждой расы своя магия, и я пришел не для сражения. — И глаза Тау встретились с глазами хатканца.

— Ты вызвал меня. — Ламбрило повернулся, но затем посмотрел назад через плечо. — Сила, которой ты владеешь, может стать сломанной палкой, чужестранец. Вспомни мои слова, когда тени станут вещественными, а вещество — похожим на одну из теней!

ГЛАВА 3

— Вы действительно сильный человек?

Отвечая на эти слова Азаки, Тау покачал головой.

— Не в такой степени. Ваш Ламбрило сильный колдун, хотя я и остановил его. И вы ощутили результаты.

— Не отрицаю. То, что мы видели, не ходило по этому миру.

Тау подтянул лямку заплочного вещмешка на плече.

— Когда-то люди вашей расы, от которых произошли вы, охотились на слонов, брали их бивни для своих сокровищ, ели мясо, но они и погибали под ударами их ног, когда им не везло или когда они были неосторожны. Это внутри вас, и память об этом может снова проснуться. И тогда вы можете увидеть его, увидеть таким — вожаком стада, который не боится ничего, кроме копий и хитростей маленьких слабых людей. Ламбрило просто пробуждает наши умы и вы видите то, что он хочет, чтобы вы видели.

— Как он это делает? — резко спросил Азаки. — То, из-за чего мы видим не Ламбрило, а льва, это магия?

— Он сопровождает свои заклинания звуками барабанов, танцами, и, как я предполагаю, таким образом его разум навязывает нам свою волю. Но, создав у вас нужную ему иллюзию, он не может удержать ее, если из древней родовой памяти поднимается другая иллюзия. Я просто использовал методы Ламбрило, чтобы доказать то, что когда-то хорошо знали ваши предки.

— И, сделав так, вы нажили себе врага, — сказал Азаки, стоя перед полкой с очень современным оружием. Наконец он сделал свой выбор и взял серебряную трубку со стволом, закругляющимся к плечу, чем обеспечивалось плотное прилегание. — Ламбрило этого не забудет.

— Да, — Тау коротко усмехнулся, — но я просто сделал то, что вы желали, разве не так? Я сфокусировал не себе его враждебность, враждебность опасного человека, и теперь вы надеетесь, что я буду вынужден в целях самозащиты убрать его с вашей дороги.

Хатканец медленно повернулся, держа оружие поперек плеча.

— Я не отрицаю этого, космонавт.

— Тогда дело здесь на самом деле серьезное...

— Оно настолько серьезно, — прервал его Азаки, обращаясь не только к Тау, но и к другим землянам, — что то, что происходит сейчас, может означать конец той Хатки, которую я знаю. Ламбрило — наиболее опасная фигура из всех тех, с которыми я сталкивался здесь в своей охотничьей жизни. Или мы вырвем его клыки, или все, над чем я здесь трудился, будет смято. Чтобы предотвратить это, я готов воспользоваться любым оружием.

— И теперь я — ваше оружие, и вы надеетесь, что я буду столь же полезен, как и игольчатое ружье, которое вы держите. — Тау снова засмеялся, но смех его был невеселым. — Будем надеяться, что я докажу свою эффективность.

Джелико выдвинулся из тени. Весь этот разговор происходил

сразу после рассвета, и сумрак исчезающей ночи все еще держался в углах арсенала. Он направился прямо к оружейным полкам и выбрал для себя короткоствольный бластер. Только когда его приклад оказался в его руке, капитан посмотрел на Азаки.

— Мы приехали погостить, Азаки. Мы ели хлеб и соль под твоей крышей.

— Они из моего тела и из моей крови, — мрачно ответил хатканец. — Если понадобится, я спущусь в темноту Сабры перед вами, если силы смерти против вас. Я буду впереди, между вами и тьмой, капитан. Но помните также: то, что я теперь делаю, для меня важнее жизни любого человека. Ламбрило и стоящие за ним должны быть уничтожены. И в моем приглашении не было обмана.

Они стояли лицом к лицу, равные по росту, по авторитету и по тому неопределенному, что делало их обоих хозяевами в своих столь различных мирах. Затем рука Джелико опустилась, и кончик его пальца скользнул по рукоятке ножа.

— Обмана не было, — уступил он. — Я знал, что необходимость в нас велика, когда вы пришли на «Королеву».

Так как капитан и Тау нашли, казалось, ситуацию приемлемой, Дэйн приготовился следовать за ними, хотя ничего не понимал. И с этой минуты у него не осталось выбора. Предстояло посещение заповедника Зобору.

Азаки, один из его охотников-пилотов и трое с «Королевы» прошли к флиттеру и, поднявшись на нем над краем гор, находившихся за укрепленным двориком, помчались на север. На востоке поднималось солнце, подобно пылающему шару. Внизу виднелась голая местность — скалы, вершины и розовые тени, укрывающие расщелины. Но все это быстро оказалось позади, и они очутились над морем зелени, в которой можно было различить множество оттенков зеленого с желтым, синим и даже красным цветом, врезавшимся в общий зеленый ковер вершин деревьев. Другая цепь возвышенностей и за ней открытая земля, болотистые низины с высокой травой, уже выжженной до желтизны палящим солнцем... Тут текла река — буйный, извивающийся поток, временами поворачивающий почти в обратную сторону. Попадалось много разломов земли, созданных доисторическими вулканическими силами. Азаки указал на восток на черную заплату, расширяющуюся в обширный клин.

— Болото Мигра. Оно еще не исследовано.

— Вы же можете скартографировать его с воадуха... — начал Тау.

Главный лесничий нахмурился.

— При такой попытке было потеряно четыре флиттера. Пересекают гребень этой последней горы на востоке, и сообщения

перестают приходить. Тут какой-то вид воздействия, которого мы еще не понимаем. Мигра является местом смерти. Позднее мы сможем путешествовать вдоль его края, и тогда вы сами увидите. А теперь...

Он заговорил с пилотом флиттера на своем языке, и тот направил машину вверх под таким углом, как будто они хотели подняться на самую высочайшую вершину, которую они видели в этой горной стране. И наконец перед ними появилась обширная травянистая местность с пятнами небольших лесных массивов.

— Зобору? — одобрительно кивнул Джелико.

— Зобору, — подтвердил Азаки. — Мы движемся к северному концу заповедника, я хочу показать вам гнездо фасталов. Сейчас у них сезон высиживания, и это зрелище надолго запоминается. Но сначала мы отправимся на восток — я должен попутно проверить два лесничества.

После посещения второго лесничества флиттер полетел еще дальше на восток, снова поднимаясь над цепью возвышенностей. Решено было осмотреть одно из вновь открытых чудес — кратерное озеро, о котором сообщили работники второго лесничества. Подлетев к озеру, флиттер спланировал вниз поперек зеркала воды, светящейся глубоким изумрудным цветом. Вода заполняла кратер от одной скалистой стены до другой, не оставляя места для пляжа у подножия отвесных утесов. Когда машина начала подниматься, чтобы они смогли яснее осмотреть противоположную стену, Дэйн насторожился.

Одной из его обязанностей на «Королеве» было пилотирование флиттера при путешествиях на планетах, и, хотя этим утром они были пассажирами и летели с хатканским пилотом, он все же подсознательно следил за каждым изменением в управлении. И теперь он почувствовал, что медленная реакция флиттера на сигнал к подъему требует корректив со стороны пилота, и инстинктивно протянул руку для регулирования рычага мощности. Они поднялись немного выше опасной скалистой стены, но машина реагировала неважно. Дэйну не надо было следить за быстро двигающимися руками пилота, чтобы понять, что они в опасности. И его легкое беспокойство перешло в нечто другое, когда нос машины снова наклонился вниз. Капитан Джелико беспокойно пошевелился, и Дэйн понял, что тот тоже встревожен.

Пилот перевел регулятор мощности на приборной доске в верхнее положение, но флиттер на это не среагировал. Он продолжал снижаться, как будто нос флиттера был перегружен или притягивался, словно магнитом, скалами внизу. Отчаянные попытки пилота приостановить падение не давали результата.

Они приближались к земле, и все, что пилот мог сделать, это на время оттянуть неизбежный удар. Хатканец, чтобы избежать падения на скалы, лежащие внизу, повернул машину к северу. Здесь подножие горы охватывал длинный рукав Мигры. В то время, как пилот продолжал бороться с силой, тащившей их вниз, главный лесничий говорил что-то в микрофон передатчика. Маленькая машина теперь была уже ниже края вулканической вершины, являвшейся вместилищем озера, и гора лежала между ними и заповедником. Азаки издал приглушенное восклицание, стукнул рукой по передатчику и заговорил в микрофон более резким тоном, но он, очевидно, не добился желаемого ответа, так как быстро огляделся и рявкнул приказ:

— Пристегнитесь!

Все застегнули широкие плетеные ремни, предназначенные для смягчения удара при падении. Дэйн увидел, как пилот нажал кнопку, освобождающую амортизирующие подушки. Несмотря на громко бьющееся сердце, он частью своего сознания отметил искусство хатканца, удерживающего флиттер на курсе, приводившем их на относительно ровный участок из песка и гравия. Дэйн поднял голову из-под сложенных рук и огляделся. Главный лесничий хлопотал над пилотом, лежавшим без сознания на приборной доске. Капитан Джелико и Тау уже поднялись и возились с пряжками своих защитных ремней. Но один взгляд на переднюю часть флиттера сказал Дэйну, что машина не способна подняться в воздух без серьезного ремонта. Ее нос задрался вверх и назад, полностью закрывая обзор спереди. Однако пилот совершил удивительно отличную посадку для данной местности. Через десять минут, когда пилот пришел в себя, они провели военный совет, предварительно перевязав рану на голове пилота.

— Связи не было, и я никому не смог сообщить о случившемся. — Азаки без прикрас обрисовал создавшееся положение.

— Наши исследовательские партии еще не нанесли на карту эту часть лесничества, так как из-за болот у нее плохая репутация.

Джелико, смирившись с положением, смерил взглядом горы на западе.

— Посмотрим, как нам перебраться.

— Не здесь, — поправил его главный лесничий. — Тут, в районе кратерного озера, нет прохода. Мы должны пройти к югу вдоль края горной области, пока не найдем подходящую дорогу в район заповедника.

— Вы, кажется, убеждены в том, что мы погибнем, если останемся здесь, — констатировал Тау. — Почему?

— Потому, что начинаю верить, что любой флиттер, который попытается добраться до нас, может попасть в такую же аварию.

К тому же они не имеют пеленга. Пройдет по меньшей мере день или два, прежде чем нас начнут считать пропавшими. А затем нужно будет организовать прочесывание всей северной части заповедника, а людей для этого недостаточно. Я могу привести вам, врач, еще множество доводов.

— Одним из которых может быть диверсия? — спросил Джелико.

— Возможно, — пожал плечами Азаки, — меня не любят в некоторых лесничествах, но в этом месте может быть что-то фатальное для флиттеров, как и над Мигрой. Мы считали, что район кратерного озера свободен от влияния болота, но, может быть, это и не так.

«Но вы, в отличие от нас, не против путешествия по этому району, это ясно», — подумал Дэйн, не сказав этого вслух.

Было ли это еще одной попыткой втянуть их в личные неприятности главного лесничего? Хотя оставить всех без транспорта в этой дикой местности и вывести из строя флиттер — слишком решительный шаг для главного лесничего.

Азаки начал сгружать с флиттера аварийные запасы и их вещевые мешки. Однако когда пилот, пошатываясь, вытащил спасо-пояса, а Джелико начал распутывать их, главный лесничий с сомнением покачал головой.

— Без энергетического луча, который отрезан горами, боюсь, это не будет работать.

Джелико набросил один из поясов на искореженный нос флиттера и нажал на его кнопку острием игольчатого ружья. Затем он бросил в свисающий пояс камень. Сбив с пояса широкую защитную ленту, камень вместе с ней упал на землю. Защитное поле, которое должно было отбросить камень, не сработало.

— О, прекрасно! — воскликнул Тау и открыл свой вещевой мешок, чтобы упаковать концентраты, после чего криво усмехнулся. — Мы не получили лицензии на право охоты в заповеднике, сэр. Заплатите ли вы наши штрафы, если мы будем вынуждены сделать отверстие в каком-нибудь животном, которое будет оспаривать наше право на жизнь?

К удивлению Дэйна, главный лесничий рассмеялся.

— Мы теперь вне заповедника, врач Тау, и можно предположить, что мы уже сегодня до наступления темноты поохотимся в пещерах.

— Львы? — спросил Джелико.

Вспомнив черно-белую бестию, показанную им Ламбрило, Дэйн не обрадовался такой возможности. Они располагали — его взгляд проверил оружие, переходя от человека к человеку, — игольчатым ружьем Азаки, другим таким же на плече у пилота,

капитан и Тау были вооружены бластерами, а у него самого были лучевое ружье и силовое лезвие. Эти последние считались легким оружием, но были достаточно мощными для того, чтобы даже у львов притупить охотничий энтузиазм.

— Львы, грасы, скальные обезьяны, — перечислял Азаки, закрепляя клапан своего вещмешка, — все они охотники или убийцы. Грасы достаточно велики и значительны, чтобы не иметь врагов, и достаточно умны, так как высылают разведчиков. Львы охотятся с большим искусством... Скальные обезьяны опасны, но, к счастью, не могут соблюдать тишину, когда чуют добычу, и этим предупреждают об опасности.

Через некоторое время, когда они уже поднимались по склону, Дэйн оглянулся назад на оставшийся внизу флиттер и понял, что, вероятно, Азаки был прав, что им лучше попытаться выбраться отсюда самим, чем ждать помощи.

— Даже оставляя в стороне возможность новой неприятности, когда мы снова направимся на запад, — Джелико опустил бинокль, и он свободно закачался на шнурке, висевшем у него на шее, — если мы не случайно потерпели аварию, — его рот сжался так, что старый шрам от бластера на его коже натянулся и стал ясно виден до самой челюсти, — то кое-кому придется ответить на множество вопросов — и очень скоро!

— Главному лесничему, сэр?

— Не знаю. Я еще не знаю! — проворчал капитан и, поправив вещмешок, пошел вперед.

Если раньше им удача изменяла, то теперь им она улыбнулась. Азаки перед заходом солнца обнаружил пещеру, расположенную вблизи горного потока. Лесничий понюхал воздух перед этим темным отверстием, а его спутник, сбросив снаряжение, на короточках пополз вперед. Голова его поднялась, и он, раздувая ноздри, тоже изучал запахи из пещеры.

Запахи? Это было, скорее, зловоние, и достаточно густое, чтобы вывернуть наизнанку желудок любому инопланетянину. Но охотник поглядел через плечо и успокаивающе кивнул.

— Лев. Не старый. Его здесь нет, по крайней мере, пять дней.

— Неплохо. Даже старый запах льва будет удерживать на расстоянии скальных обезьян. Мы тут немного почистим и тогда сможем отдохнуть в безопасности. — Таков был комментарий его начальника.

Очистка не составила трудов. Хрупкая подстилка из сухого папоротника и травы быстро сгорела, огнем и дымом освободив пещеру. Когда они выпребли ветками золу, Азаки и Нумани принесли охапки листьев, размяли их и разбросали по полу. От листьев распространялся ароматный запах, заглушающий большую часть воню. Дэйн направился к ручью, чтобы запол-

нить канистры, и по дороге наткнулся на маленький прудик, дно которого оказалось покрыто слоем гладкого желтого песка. Хорошо зная об опасных ловушках, в которые можно попасть в чужом мире, он тщательно обследовал прудик, взболтав его палкой. Не видя ни водяных насекомых, ни опасных рыб, он снял ботинки, закатил бродки и перешел его вброд. Вода была прохладной и освежающей, хотя он и не отважился бы пить ее без добавки дезинфекторов. Затем, наполнив канистры и связав их ремнями, Дэйн надел ботинки и направился к пещере, где его ждал Тау с дезинфицирующими таблетками.

Через полчаса Дэйн, скрестив ноги, сидел у огня, поворачивая над ним шампур с тремя небольшими птичками, принесенными Азаки. Ближайшую к огню ногу начало жечь, и он снял ботинок. Пальцы на ноге, сведенные судорогой, опухли и раздулись чуть ли не вдвое. От неожиданности он широко раскрытыми глазами уставился на эти пальцы — опухшие, красные и зудящие при прикосновении. Нумани — пилот — присел перед ним на корточки, внимательно осмотрел его ногу и приказал снять другой ботинок.

— Что это? — спросил Дэйн, обнаруживая, что снять второй ботинок все равно, что перенести пытку.

Нумани срезал с палки небольшие лучинки не толще иглы.

— Песчаный червь... Откладывает яйца в тело. Надо выжечь их, или вашей ноге будет плохо.

— «Выжечь их»! — повторил Дэйн и проглотил слюну, наблюдая за тем, как Нумани сует лучинки в огонь.

— Выжечь их, — твердо повторил хатканец, — выжечь вечером. Как можно скорее. Не выжечь — очень плохо.

Полный сожаления, утрумо глядя на свои больные ноги, Дэйн приготовился оплатить последствия первой стычки с неприятными сюрпризами, приготовленными для них Хаткой. Действия Нумани, орудовавшего горящими лучинками возле ног Дэйна, переносить было тяжело, но Дэйн вытерпел все, не опозорив свой народ перед хатканцами. Последние отнеслись к этому, как к простому дорожному инциденту. Тау наложил мазь, облегчающую дальнейшие страдания, и землянин получил время подумать о собственной глупости и о том, что он теперь может быть тормозом для отряда.

— Страшно...

Дэйн оторвался от созерцания собственного несчастья и увидел, что врач стоит на коленях перед рядом канистр. В руках он держал пузырек с дезинфектором воды, повернув его к огню таким образом, чтобы лучше рассмотреть содержимое.

— В чем дело?

— Мы, должно быть, очень сильно грохнулись. Некоторые

из таблеток превратились в порошок! Приходится приблизительно определять порцию, которую нужно добавлять в воду. — Кончиком ножа Тау выскреб небольшое количество раскрошившихся таблеток для каждой из канистр. — Вроде бы так. Но если вода будет иметь горьковатый привкус, пусть это вас не беспокоит.

«Горькая вода, — подумал Дэйн, пытаясь согнуть свои распухшие пальцы, — это, вероятно, наименьшая из неприятностей сегодняшнего дня. Но завтра на рассвете, — решил Дэйн, — я пойду, чего бы это ни стоило».

Утром, вскоре после рассвета, они отправились в путь, предполагая проделать большой путь до наступления жаркого времени дня, когда придется отдыхать. Дорога оказалась трудной, и, хотя ноги Дэйна еще были чувствительны к прикосновениям, он все же мог ковылять в хвосте процессии, а Нумани позади него выполнял функцию замыкающего. Вскоре начались джунгли, и они взялись за ножи, расчищая себе дорогу. Дэйн работал наравне с остальными и был доволен тем, что скорость их продвижения в этой зеленой массе замедлилась до такой степени, что он мог выдержать этот темп.

Но песчаные черви были не единственной неприятностью, которую можно было ожидать от Хатки. Через час капитан Джелико стоял, обливаясь потом, и ругался на туземных языках пяти различных планет, пока Тау и Нумани слаженно работали над ним ножами. Но они не свеживали космонавта, а вытаскивали из него древесные шишy. Капитану не повезло: он остушился и при падении попал в не очень дружелюбные объятия куста.

Прежде чем сесть на упавшее дерево, Дэйн обследовал его, ища признаки мелкой дикой жизни, потом положил на ствол одеяло. Эти деревья были не вздымающимися гигантами настоящих лесов, а, скорее, переросшими кустами, которые, будучи переплетены лианами, образовали живые стены. Бриллиантовые вспышки цветов казались яркими пятнами, и сопутствующие им насекомые тоже были пестрыми, яркими. Дэйн попытался определить, насколько эффективны прививки, сделанные ему для иммунитета, и решил, что надо надеяться на лучшее. В то же время он удивлялся, почему так много желающих посетить Хатку и платящих астрономические суммы за эту привилегию. Хотя наверняка, сообразил он, роскошные сафари, устраиваемые для богатых клиентов, происходят в совершенно других условиях, чем их собственный поход.

Как может лесничий находить дорогу через все это? Да еще при компасе, вытворяющем жуткие трюки. Однако Джелико, зная, что компас вышел из строя, следовал за Азаки без вопро-

сов. Значит, и он должен доверять лесничему. Но все же Дэйну хотелось, чтобы они снова поскорее оказались на открытых горных склонах. Время не имело значения в этом лесном мраке; но пока они пробивались через джунгли, солнце успело миновать зенит, так что к скалам им удалось выбраться только во второй половине дня. Под свисающими ветвями одного из крайних деревьев они остановились на отдых.

— Поразительно! — Джелико с перевязанной рукой и в повязке поперек груди спустился со скалы; откуда обозревал в бинокль окрестности. — Мы прошли по прямой через джунгли, и это на протяжении всех десяти миль нашего маршрута. Я думал, что при отказавших компасах это вряд ли возможно. Но теперь я верю всему, что слышал о способностях ваших людей не терять направления в таких местах, сэр!

— Капитан, — рассмеялся Азаки, — я не ставлю под сомнение вашу способность перелетать от одного мира к другому или ваши знания о торговле с людьми и с негуманоидами. Каждому свое. На Хатке каждый мальчик, прежде чем стать мужчиной, должен научиться ориентироваться в джунглях без помощи всяких инструментов, только по окружающему его лесу. — Он потрогал пальцем подбородок. — Наши предки на протяжении многих поколений развивали у себя инстинкт отыскания дома. Те, у которых он отсутствовал, обычно не доживали до того, чтобы стать отцами. И теперь мы, переселенцы, имеем внутри себя нечто лучшее, чем компас. Мы как собаки, которые могут бежать за добычей по следу, не видя ее.

— Теперь мы снова начнем подниматься? — Тау критически осматривал предстоящую дорогу.

— Не сейчас. В это время солнце так накаляет камни, что можно обжечься, прислонившись к скале. Надо подождать...

Ожидание для хатканцев стало лишней возможностью поспать. Расположившись на своих легких одеялах, они вскоре заснули. Однако трое космонавтов были беспокойны. Дэйн собирался снять ботинки, но опасался, что не сможет потом их надеть. Джелико, судя по позе, чувствовал себя тоже не лучшим образом. Тау сидел спокойно и смотрел, как казалось Дэйну, в никуда, если только не на скалу, торчащую из склона, как палец, указывающий в небо.

— Какого цвета эта скала? — вдруг спросил он.

Удивленный, Дэйн взглянул на каменный палец более внимательно. Для него была скала такого же цвета, как и другие скалы, — черного. Но при определенном освещении она, казалось, имела какой-то коричневый оттенок.

— Черная или, может быть, темно-коричневая.

После этого Тау посмотрел на Джелико.

— Я согласен с этим, — крикнул капитан.

Тау сложил руки козырьком над глазами, и его губы задвигались, как будто он считал. Затем он убрал руки и опять установился на склон.

— Только чёрная или коричневая? — снова спросил он.

— Да, — ответил Джелико, держа большую руку на коленях, наклонясь вперед к упомянутой скале, как будто ожидал нападения чего-то поразительного.

— Странно, — сказал сам себе Тау и затем громко добавил: — Вы, конечно, правы. Видимо, это солнце шутит с моими глазами.

Дэйн продолжал следить за скалой-пальцем. Возможно, сильный солнечный свет может шутить, но он все же не видел ничего странного в этой грубой глыбе. И так как капитан не задавал Тау никаких вопросов, то и он не стал этого делать. Через полчаса врач с капитаном успокоились и, поддавшись действию жары и собственной усталости, задремали. Дэйн продолжал сидеть, бездумно уставившись на скалу-палец. Боль в его ногах усилилась, и, кроме этого, ничто не занимало его. Но вдруг он заметил какое-то движение вверх по склону.

Было ли это то же, что раньше увидел Тау? Такое же быстрое движение у каменного столба? Но если это так, то к чему вопрос о цвете? Вот опять! И теперь, сосредоточив все свое внимание на подозрительном месте, землянин выделил очертания головы, настолько гротескной, что она скорее походила на колдовское творение Ламбрило. Если бы Дэйн не видел в книгах капитана Джелико нечто подобное, то он решил бы, что у него с глазами что-то происходит. Эта голова по форме напоминала пулю, украшенную выступающими шипообразными ушами, верхушка которых, с пучками волос, сильно выступала вверх. Над впалыми щеками глубоко сидели круглые глаза. Рот напоминал свиное рыло, из которого высывался розовый язык. Окраска этой фантастической головы очень походила по цвету на саму скалу.

Это была, вне сомнений, скальная обезьяна, которая следила за их маленьким лагерем. Дэйн слышал истории об этих полуразумных животных — самых разумных из всех туземных существ Хатки. Во всех историях говорилось об их исключительно агрессивном поведении. Дэйн испугался — эта обезьяна могла быть передовым разведчиком целой стаи, а стая скальных обезьян, если она появляется неожиданно, — опасный враг.

Азаки зашевелился и сел, а эта круглая голова наверху повернулась, следя за каждым движением главного лесничего.

— Выше... у скалы-пальца... справа... — сказал Дэйн почти шепотом.

Мускулы на плечах хатканца напряглись, и Дэйн понял, что Азаки услышал его и понял. Только если Азаки и заметил скальную обезьяну, то ничем не выдал этого. Он легко поднялся на ноги и при этом незаметно дотронулся до Нумани, после чего тренированный хатканец мгновенно проснулся. Дэйн скользнул рукой вдоль ствола дерева и коснулся Джелико, серые глаза которого моментально открылись. Азаки нагнулся за своим игольчатым ружьем, а затем повернулся и выстрелил. Это был самый быстрый выстрел из всех, которые когда-либо видел Дэйн. Фантастическая голова, в какой-то степени непристойная в своем сходстве с человеческой, от этого выстрела вскинулась, и мертвая обезьяна, безвольно кувыркаясь, упала со скалы.

Хотя скальная обезьяна и не успела крикнуть, сверху раздался крик — кашляющее, горловое слезывание, и по крутому склону запрыгал круглый белый шар. Докатившись до мертвой обезьяны, он взлетел в воздух и, упав через несколько футов на землю, развалился.

— Назад! — одной рукой Азаки послал Джелико, своего ближайшего соседа, обратно в джунгли, а затем полил остатки шара потоком игольчатых лучей.

Послышался резкий звук, и красные пылинки, яркие, как литая медь, поднялись в воздух на крыльях, машущих слишком быстро, чтобы быть видимыми. Это оказались огненные осы. Соломки гнезда горели без остатка, но никакой игольчатый луч не мог остановить вышедшую из гнезда ядовитую армию, жаждущую добраться до любого теплокровного существа. Люди, натирая влажной землей свои тела, забились в кусты, стараясь спрятаться в густой растительности. Как будто горячий огонь, куда худший, чем при пытке лучинками, перенесенной Дэйном прошлой ночью, вонзился в его плечи. Он перекатился на спину, извиваясь всем телом, чтобы убить огненных ос и охладить землей ужаленные места. Крики боли сообщили ему, что он был не единственным страдальцем. Все копали руками влажную землю и натирали ею лица и головы.

— Обезьяны!

Этот предостерегающий крик привел в чувство людей, катающихся от боли по земле. Верные своей природе, скальные обезьяны спускались по склону, выкашливая свой вызов, объявляя этим о своей атаке. И только это предупреждение помогло спастись их предполагаемым жертвам.

Обезьяны приближались неуклюжим бегом в полувыпрямленном положении. Первые две особи, громадины ростом почти в шесть футов, упали под огнем игольчатого ружья Азаки, но третья, отклонившись влево, избежала их участи и очутилась прямо перед Дэйном. Тот выхватил свое силовое лезвие. Свиное

рыло обезьяны широко открылось, показывая зеленоватые клыки. От ужасного зловония, исходящего от тела животного, Дэйн чуть не задохнулся. Когтистая лапа нетерпеливо паразитировала его, скользнув по покрытому грязью телу, как раз тогда, когда он поднял силовое лезвие. Вонючее дыхание коснулось его лица. Дэйн отступил, когда тяжелое тело обезьяны, разрубленное пополам силовым лезвием, навалилось на него.

Откатившись от разрубленного тела и кое-как встав на ноги, Дэйн с ужасом и отвращением увидел, что челюсти чудовища все еще продолжают скрежетать, а лапы двигаться, как бы пытаясь схватить его. Рев бластеров — двух бластеров — заглушил крики обезьян и людей. Дэйн поднял лучевое ружье, уперся спиной в ствол дерева и приготовился к сражению. Завидя бегущее с воплем вниз по склону проворное животное, он открыл огонь. Вскоре ни одной из нападавших обезьян не осталось на ногах, хотя некоторые из них все еще ползли вперед, стараясь добраться до людей.

Дэйн смахнул осу со своей ноги. Он был рад опоре в виде дерева за спиной, так как вид разрубленной обезьяны, запах ее крови, в которой он вымазался по шею, вызывали у него тошноту. Справившись с ней, он выпрямился. К своему удовлетворению, Дэйн увидел, что все остальные находятся на ногах и, очевидно, не ранены, но Тау, бросив взгляд на Дэйна, открыл от изумления рот и направился к нему.

— Дэйн, что они с тобой сделали?

Его младший товарищ несколько истерически рассмеялся.

— Не моя... — сказал он и, вытерев пучком травы свои окровавленные бороды, вышел на освещенное солнцем место.

Нумани привел их к небольшому горному потоку. Чуть ниже миниатюрного водопада нашлось место, где быстрое течение не давало укрытия песчаным червям. Быстро раздевшись, они вымылись сами и выстирали свою грязную одежду, после чего Тау помог им вытащить жала огненных ос. Он мало что мог сделать, чтобы облегчить боль и предотвратить опухание, пока Азаки не принес местное тростниковоподобное растение. Будучи разделенным на части, оно давало липкую розовую жидкость, похожую на смолу-камедь. Втерев это туземное лекарство себе в кожу и заклеив пластырем раны, они почувствовали себя лучше. Затем измазанные и обклеенные, они, отойдя от потока, нашли для себя расщелину между двумя наклонными скалами, пригодную для ночлега. Здесь, конечно, было не так уютно, как в пещере, но все же оно могло служить укрытием.

— А денежные мешки с других планет платят целые состояния за такое времяпрепровождение, — с горечью конста-

тировал Тау, стараясь устроиться так, чтобы искусанные части тела не касались скалы под ним.

— Бряд ли за это, — откликнулся Джелико, и Дэйн увидел, что Нумани улыбается только одной стороной рта, другая щека хатканца вадулась и стала розовой.

— Мы не всегда встречаем в один день и обезьян, и огненных ос, — сказал главный лесничий. — К тому же в заповедниках гости носят спасо-пояса.

— Не думаю, — фыркнул Джелико, — что ваши клиенты захотели бы повторить свой визит, окажись они на нашем месте. Что мы встретим завтра? Стадо грасов, бегущее в панике, или что-то более миниатюрное, но более убийственное?

Нумани встал и отошел немного в сторону. Он смотрел вниз по склону, и Дэйн заметил, что его ноздри раздуваются так же, как это уже случилось при исследовании пещеры.

— Там что-то есть, — медленно сказал он. — Что-то очень большое. Или...

Азаки сделал большой шаг вперед и, оказавшись рядом с ним, резко кивнул головой. Нумани заскользил по склону.

— Что это? — спросил Джелико.

— Тут может быть несколько вариантов, в том числе и такие, которых, надеюсь, мы не встретим, — несколько уклончиво ответил главный лесничий. — Я пока поохочусь на лаббу, у ручья есть свежий след.

Через полчаса Азаки вернулся с добычей, перекинутой через плечо. Он сдирал с нее шкуру, когда вернулся Нумани.

— Ну что?

— Западня, — сообщил охотник.

— Браконьеры? — поинтересовался Джелико.

Нумани кивнул. Азаки продолжал работу, со сноровкой специалиста разделявая добычу. В его глазах появился блеск. Затем он посмотрел на тени, простиравшиеся позади скал.

— Я бы тоже посмотрел, — сказал он Нумани.

Джелико также встал, и заинтересованный Дэйн последовал за ним. Через пять минут каждому из них не понадобилась особая острота чувств, чтобы унюхать впереди источник вони. В душном воздухе запах гниения стал почти осязаемым и становился все сильнее по мере их продвижения. Когда они подошли к краю западни, Дэйн, едва взглянув вниз, поспешил отойти назад. Тут был такой же кошмар, как и на поле битвы со скальными обезьянами. Но капитан и два хатканца стояли спокойно, оценивая добычу, оставленную скрывшимися браконьерами.

— Глем, грас, худра, — комментировал Джелико, — клыки и шкуры, полный набор товара для торговли.

Азаки с мрачным выражением лица отошел от западни.

— Однодневные телята, старики, самцы — все подряд. Они бессмысленно убивают всех, в том числе и тех, кто им не нужен.

— След, — Нумани указал на восток, — ведет в болота Мигра.

— В болото?! — Азаки был поражен. — Они, наверное, сошли с ума!

— Или знают о нем больше, чем ваши люди, — поправил его Джелико.

— Но если браконьеры действительно ушли в Мигру, то мы можем последовать за ними, — сказал Азаки.

«Но не сейчас», — запротестовал про себя Дэйн.

Ведь главный лесничий сам назвал именно это болото местом неисследованных смертельных ловушек, и, конечно же, как надеялся Дэйн, он не поведет их туда вслед за нарушителями закона.

ГЛАВА 4

Дэйн проснулся среди ночи и, усевшись, уставился широко открытыми глазами в темноту. Центром их лагеря, окруженного скалами, была пригоршня пылающих углей. Он нагнулся к ним, едва понимая, зачем это делает. Его руки дрожали, по коже, мокрой от испарины, бегали мурашки. Хотя Дэйн уже полностью проснулся, он не мог вспомнить кошмар, от которого только что очнулся. Однако у него осталось гнетущее впечатление опасности, источник которой он не мог определить. Что подкрадывалось к нему из темноты? Слушало, шпионило, ждало?

Дэйн наполовину поднялся на ноги, когда заметил силуэт,двигающийся в тусклом свете костра. Вглядевшись, он узнал Тау. Врач обратился к нему с отрезвляющей настойчивостью:

— Плохой сон, да?

Дэйн ответил ему кивком почти против своей воли.

— Что ж, ты не один. Помните что-нибудь из него?

Стараясь восстановить хоть что-нибудь в памяти, Дэйн посмотрел в окружающую темноту. Казалось, страх, заставивший его проснуться, теперь воплотился и скрывается там. Он потер смыкавшиеся глаза.

— Нет, не помню.

— И я не помню, — заметил Тау. — Но эти сны, очевидно, были кем-то внушены.

— Ну, думаю, после вчерашнего можно было ожидать ночных кошмаров, — предложил Дэйн логическое объяснение случившемуся.

Но в то же самое время что-то глубоко внутри него протестовало против каждого собственного слова. У него и прежде случались кошмары, но ни один из них не оставлял такого осадка, настолько плохого, что Дэйну больше не захотелось этой ночью ложиться спать. Дойдя до груды дров, он подбросил в огонь несколько поленьев и уселся вместе с Тау у костра.

— Здесь что-то другое... — начал Тау, но затем замолчал.

Молодой человек не стал нарушать молчания. Он был слишком занят собой, борясь с желанием вскочить и послать огненный луч в темноту, где, как он чувствовал, что-то таится. Что-то прячущееся, крадущееся и ожидающее своего часа, что-то такое, что надо было уничтожить, пока не поздно. Несмотря на все старания, Дэйн все же задремал и проспал до утра. Утром, чувствуя себя неотдохнувшим, он так и не смог, к своему разочарованию, объяснить себе свой ночной страх перед окружающей местностью.

Азаки, как выяснилось, и не думал вести их следом за браконьерами в топи болота Мигра. Вместо этого главный лесничий намеревался поскорее добраться до заповедника, находящегося в противоположном от болота направлении. Там он собирался быстро собрать карательную команду, которая и займется нарушителями закона. Поэтому они начали подъем вверх, который уводил их от влажной духоты низин к раскаленным скалам наверху. Солнце было ярким, слишком ярким, и почти не давало тени. Дэйн шел, изредка останавливаясь, чтобы сделать глоток воды из фляжки, и никак не мог избавиться от чувства, что на него направлен чей-то взгляд, что за ним следит кто-то чужой. Но кто? Скальные обезьяны? Но как ни хитры были эти существа, все же следить в полной тишине в течение длительного времени они не в состоянии. Может, лев?

Азаки и Нумани шли сзади и, сменяя друг друга, охраняли их маленький отряд. Дэйн заметил, что каждый из них был настороже, однако шли они как люди, хорошо отдохнувшие и выпавшиеся, чего нельзя было сказать о Дэйне.

Они упорно продолжали подниматься вверх по склону. В этой местности ручьев не встречалось и пополнить запасы воды им было негде, но, имея опыт путешествий по диким местам, они тратили лишь глоток воды, пройдя значительное расстояние.

— Стоп!

Они застыли, взяв оружие наизготовку. Скальная обезьяна, огромное тело которой ясно виднелось, прыгала, кашляя и ворча. Азаки выстрелил с бедра, и обезьяна завопила, заскребла лапами грудь и бросилась на них. Нумани еще одним выстрелом свалил чудовище, и все напряженно застыли, ожидая атаки стаи

зверей, которая должна была последовать за неудачным нападением их разведчика. Но ничего не произошло — ни звука, ни движения.

От того, что последовало за этим, всех моментально обдало холодом.

Разрубленное тело обезьяны снова начало двигаться, собралось вместе и поползло по направлению к ним. Любое животное, получив такие раны, не могло бы оставаться в живых. Дэйн знал, что это невозможно. Но все же чудовище двигалось вперед, его голова с невидящими глазами смотрела прямо на солнце. И оно ползло, ползло прямо к людям, которых не могло видеть.

— Демон! — закричал Нумани и, выронив игольчатое ружье, отпрянул обратно к скалам.

Пока существо приближалось, на глазах путешественников произошло невозможное — пылающие раны на его теле закрылись, голова выпрямилась и из свиного рыла потекла слюна. Желико подхватил брошенное Нумани игольчатое ружье и прицелился. Со спокойствием, которому позавидовал Дэйн, капитан выстрелил, и обезьяна, разорванная на клочки, вторично упала. Нумани застонал, а Дэйн попытался сдержать испуганный, протестующий крик. Мертвое существо ожило и во второй раз. Сначала ползком, потом кое-как встав на ноги, оно, залечив раны, пошло прямо на них. Азаки с бледно-зеленым лицом медленно отступал назад так, словно каждый шаг был для него пыткой и давался с трудом. Он выронил свое игольчатое ружье и схватил камень величиной с собственную голову. Подняв этот импровизированный снаряд над головой и размахнувшись так, что мускулы на его руках выступили, словно канаты, он швырнул камень в чудовище. Дэйн увидел, что камень попал в цель, и скальная обезьяна упала в третий раз. Когда одна из когтистых лап начала двигаться, Нумани сломался. Он закричал от ужаса и побежал. Под его удаляющиеся крики существо, голова которого как кровавая маска болталась из стороны в сторону, поднялось, шатаясь, и сделало несколько шагов. Охваченный ужасом Дэйн, если бы ноги подчинялись ему, последовал бы за Нумани. Из последних сил он поднял лучемет и прицелился в неуклюжее животное.

Но вдруг Тау пошел вперед. Лицо врача исказилось, и тот же ужас, что и у остальных, застыл в глазах. Он наткнулся на канистру, но это не остановило движения врача вперед к чудовищу. На земле между врачом и обезьяной появилось пятно тени, сгустилось и стало вещественным. Перед скалистой обезьяной, низко согнувшись, с ногами, готовыми к смертельному прыжку, сузив зеленые глаза, сосредоточенные на жертве, стоял черный леопард. Движения его тела вперед и назад усилились,

и он прыгнул вперед, сбив обезьяну с ног. Спутанный клубок слившихся в борьбе тел покатылся поперек склона — и исчез!

Руки Азаки дрожали, когда он отнял их от просветлевшего лица. Джелико механически вставлял запасную обойму в игольчатое ружье. Тау вдруг закачался, и Дэйи прыгнул вперед, чтобы поддержать его. Только на мгновение врач повис на руках у Дэйи, а затем все же заставил себя стоять прямо.

— Магия? — спросил Джелико, и его голос в наступившей тишине звучал так же спокойно, как и всегда.

— Массовая галлюцинация, — ответил Тау, — но очень сильная.

— Как... — Азаки сглотнул и начал снова: — Как это было сделано?

— Не обычными методами, — покачал головой врач, — это точно. Не было никаких попыток гипнотического внушения — ни барабанов, ни пения, и все же это подействовало на нас всех, включая и меня. Я этого не понимаю!

Дэйи с трудом верил этому. Джелико прошел туда, куда покатылся клубок борющихся бестий, но следов сражения не нашел. И Дэйи понял, что они должны принять объяснение Тау, как единственно возможное и разумное. Черты Азаки внезапно изменились столь сильной яростью, что Дэйи понял, насколько внешним и непрочным было влияние с таким трудом выстроенного здания цивилизации Хатки на главного лесничего.

— Ламбрило! — Азаки сделал из этого имени проклятие, затем, заметным усилием взяв под контроль свои эмоции, подошел к Тау и остановился перед ним с почти угрожающим видом.

— Как? — потребовал он во второй раз.

— Не знаю.

— Он снова попытается?

— Вероятно, но вряд ли то же самое...

Но Азаки уже оценил положение.

— Мы не будем знать, — прошептал он, — что реально, а что нет.

— Это так, — согласился Тау и предостерег: — Но того, кто верит, нереальное может убивать так же верно, как и реальное.

— Это я хорошо знаю, такое уже случалось в прошлом много раз. Здесь нет барабанов, нет пения — ничего нет, что могло бы ослабить разум человека и что он обычно использует при вызывании демонов. Итак, без Ламбрило, без его колдовских методов как можно заставить нас видеть то, чего нет?

— Это мы должны понять, и как можно скорее. Иначе мы потеряемся среди реального и нереального.

— Но вы же владеете силой, вы можете защитить нас! — запротестовал Азаки.

Тау провел рукой по лицу, тонкие и подвижные черты которого еще не приобрели нормального цвета. Он продолжал опираться на руку Дэйна, поддерживающего его.

— Человек может сделать только то, что в его силах. Сражаться с Ламбрило на его собственной территории для меня слишком утомительно, и я не могу слишком часто это делать.

— Но разве он так же не истощается?

— Сомневаюсь... — Тау устоял на голую землю позади хатканца, где исчезли леопард и скальная обезьяна. — Видите ли, эта магия — хитрая вещь. Он строится и питается на собственном воображении человека и его внутренних страхах. Поэтому для Ламбрило нет надобности очень стараться. Он просто позволяет нам самим понимать из подсознания то, что потом нападет на нас.

— Наркотики? — спросил Джелико.

Тау выпрямился, освобождаясь от поддержки Дэйна. Его рука потянулась к пакету первой помощи, который был его особой заботой. Он с удивлением осмотрел его и затем резко выпрямился.

— Капитан, мы дезинфицировали у вас уколы от шипов... Торсон, ваша кожная мазь... Но я не использовал чего-либо...

— Вы, Крайг, забыли, что мы все имели царапины после сражения с обезьянами.

Тау сел на землю и с лихорадочной поспешностью стал распаковывать свои медикаменты. Он достал контейнеры с лекарствами, и осторожно исследовал содержимое на цвет, вкус и запах. Когда все это было сделано, он покачал головой.

— Если здесь что-то и подмешано, то без лабораторных исследований и анализов я не смогу этого обнаружить. И я не верю, что Ламбрило сумел бы так хитро скрыть следы своей работы. Или он бывал вне планеты и имел дело с инопланетянами?

— Из-за его положения ему запрещены межпланетные путешествия и посторонние контакты. Не думаю, врач, что он выбрал ваши лекарства для своих целей. Слишком мало шансов, чтобы таким способом добиться успеха. Хотя при путешествиях бывает часто необходима первая помощь, он не мог быть уверенным, что она нам понадобится и мы воспользуемся лекарствами.

— А Ламбрило уверен. Он угрожал нам чем-то вроде того, что произошло, — напомнил Джелико.

— Значит, это должно быть что-то, что мы все используем, от чего мы зависим.

— Вода? — Дэйн держал свою фляжку, готовый глотнуть, когда это возможное объяснение пришло ему в голову. Он осторожно понюхал находившуюся во фляжке воду, но не смог

обнаружить какого-либо запаха. Но он хорошо помнил, что удивляло Тау во время их первого привала по поводу рассыпавшихся в порошок дезинфицирующих таблеток.

— Вот именно! — Тау вытащил пузырек с порошком и зернистыми кусками. Насыпав немного порошка на ладонь, он понюхал его и попробовал кончиком языка. — Дезинфектор и еще что-то, — сообщил он. — Это может быть какой-нибудь из известных наркотиков или какое-то местное наркотическое вещество, которое нам неизвестно.

— Правильно. Мы здесь нашли наркотики, — хмуро кивнул Азаки на зеленую чащу джунглей. — Итак, наша вода отравлена!

— Вы не всегда дезинфицируете? — спросил Тау главного лесничего. — Я уверен, что в течение веков, прошедших с момента приземления ваших предков на Хатку, вы должны были приспособиться к местной воде, иначе вы не смогли бы выжить. Мы должны использовать дезинфектор, но должны ли это делать вы?

— Да, мы пьем из источников на другой стороне гор, — сказал Азаки, потрусил свою фляжку и, услышав на дне бульканье, нахмурился еще сильнее. — Но здесь, вблизи болота Мигра, мы так не делаем.

— Как вы думаете, не в буквальном ли смысле слова мы теперь отравлены? — прямо задал Джелико интересующий всех вопрос.

— Никто из нас не пил слишком много, — задумчиво заметил Тау, — и я не верю, что Ламбрило задумал прямое убийство. Сколько же будет действовать наркотик, я не могу сказать.

— Если мы увидели одну скальную обезьяну, — удивился Дэйн, — то почему не увидели других? И почему здесь и теперь?

— А вот почему, — и Тау указал на скалу впереди.

Дэйн сначала ничего примечательного не увидел, а затем обнаружил скалу-палец. По очертаниям она была похожа на то скальное образование, из-за которого вчера перед ними появилась скальная обезьяна. Азаки что-то воскликнул на своем языке и хлопнул рукой по стволу игольчатого ружья.

— Мы увидели ее, вспомнили вчерашнее и поэтому на нас снова напала обезьяна! Если бы вчера нас атаковали грас или лев, то сегодня мы столкнулись бы с ними!

Капитан Джелико издал саркастический смешок.

— Достаточно умно. Он просто предоставил нам возможность в подходящем месте выбирать себе галлюцинацию, которая должна потом повториться. Не знаю, как много скал той же формы, что и эта, имеется в горах? И как долго из-за каждой такой скалы, встреченной нами, будет выскакивать скальная

обезьяна?

— Кто знает? Но пока мы пьем эту воду, у нас будут продолжаться неприятности, с уверенностью обещаю вам это, — ответил Тау и поставил пузырек с дезинфектором в медицинский ящик. — Главной проблемой теперь стало то, как долго мы сможем обойтись без воды?

— Может, и станет проблемой, — мягко сказал Азаки, — но на Хатке воду можно найти не только в ручьях.

— Фрукты? — спросил Тау.

— Нет, деревья. Ламбрило не охотник и поэтому не может знать, где и когда сработает его магия, если авария флиттера не подстроена. Это львиная страна, и между ручьями здесь большие расстояния. Но над нами джунгли, а там есть деревья с водой, которой, думаю, мы можем пользоваться без опасений. Но сначала мне нужно найти Нумани и доказать ему, что скальная обезьяна — галлюцинация, а не демон. — Он повернулся и чуть ли не бегом направился вниз по склону, куда скрылся Нумани.

— Что это за вода в деревьях? — обратился Дэйи к капитану Джелико.

— Здесь есть не слишком распространенные деревья с утолщенным стволом. Они, чтобы не погибнуть во время сухого сезона, в течение всего дождливого периода запасают воду. Так как недавно закончился сезон дождей, то мы можем, если удастся, найти хотя бы одно такое дерево. Как насчет этого, Тау? Сможем ли мы пить ее без дезинфектора?

— Вероятно. Тут надо выбирать из двух зол. Если мы и заболеем, то у нас есть лекарства. Лично я предпочитаю бороться с болезнью, чем пить воду с одурманивающим наркотиком... А пока мы можем немного пройти без воды...

— Мне бы хотелось немного поговорить с Ламбрило, — мягко заметил Джелико, но тон его никого не обманул.

— Я тоже собираюсь это сделать, когда мы снова встретимся! — поддержал его Тау.

Дэйи закрыл пробкой свою фляжку. У него стало вдвое суше во рту с тех пор, как он узнал, что вода во фляжке отравлена и ее нельзя пить.

— Каковы наши шансы? — спросил он.

— Не знаю. То, что произошло, это только игрушки, — ответил Тау, запечатывая аптечку. — Хорошо бы найти одно из этих деревьев до захода солнца. Что-то у меня нет желания увидеть сегодня еще одну скалу-палец.

— Но почему леопард? — задумчиво спросил Джелико. — Еще один случай использования внушения для борьбы с галлюцинацией? Но здесь не было Ламбрило и его внушения, ко-

торое можно было подавить. — Тау подпер рукой подбородок.

— Право, не знаю, сэр. Возможно, я смог бы заставить обезьяну исчезнуть без противодействующей проекции, но я так не думаю. С этими галлюцинациями лучше всего бороться, противопоставляя одно видение другому в пользу последнему. Я даже не могу вам сказать, почему выбрал именно леопарда. Просто он пришел мне в голову как наиболее ловкий и сильный зверь из тех, которых я вспомнил в этот момент.

— Вам лучше иметь в запасе побольше таких зверей, — сказал Джелико, демонстрируя свой мрачный юмор. — Если нужно, то я могу добавить вам еще несколько. Но я разделяю вашу надежду, что мы больше не увидим скал, напоминающих палец. А вот и Азаки возвращается со своим сбежавшим парнем.

Главный лесничий шел, поддерживая Нумани, который, казалось, еще не совсем пришел в себя. Тау поспешно встал, надо было торопиться. Ведь могло оказаться, что поиски водяного дерева затянутся, и, возможно, надолго.

ГЛАВА 5

Они вернулись в джунгли, оставив позади себя оказавшийся таким предательским склон. Но на протяжении оставшихся до темноты светлых часов стало ясно, что Азаки был слишком оптимистичен в надежде быстро найти водяное дерево. Они шли теперь по узкому языку земли, ограниченному с одной стороны лесом, а с другой стороны — болотом. От Нумани, все еще находившимся в состоянии шока, было мало толку. Космонавты, не знакомые с местностью, не осмеливались отходить от хатканцев. Поэтому они жевали одни только концентраты и не смели пить. Дэйну очень хотелось опорожнить фляжку. Вода, столь доступная, стала непрерывной пыткой. Теперь, когда они были далеко от склона и от опасности, все стало спокойнее. Только осторожность, которую вбили в каждого свободного торговца, была тормозом для его жажды.

Джелико провел тыльной стороной ладони по потрескавшимся губам.

— Предположим, мы бросим жребий, и кто-то из нас выпьет, а один или двое — нет. Можем ли мы делать так до тех пор, пока не окажемся за горами?

— Я бы не хотел пробовать этот вариант, пока у нас есть другие шансы. Трудно сказать, как долго действует наркотик. Я даже не уверен, долго ли я смогу в таких условиях распознавать галлюцинации, — обескураживающе ответил Тау.

Если кто-нибудь из них спал этой ночью, то только урывками. Чувство опасности, как и прошлой ночью, охватило их и не давало спать. Неопределенный усиливающийся страх крепко оседлал их. И раньше в джунглях все время слышны были звуки — крики невидимых птиц и зверей, иногда шум падающего дерева, но то, что вскоре после восхода солнца заставило их очнуться от ночных кошмаров, не было ни криком птицы, ни шумом падающего дерева. Трубный рев и треск ломаемой растительности возвещали о реальной опасности. Взгляд Азаки с тревогой обратился на север, хотя там ничего не было видно, кроме нетронутой стены джунглей.

— Грасы! Бегущие грасы! — вскричал Нумани, присоединяясь к своему начальнику.

Джелико поднялся на ноги с такой стремительностью и с таким выражением лица, что Дэйн сразу понял, насколько серьезно их положение. Капитан повернулся к своим людям с коротким приказом:

— Поднимайтесь! Мы должны обратно подняться на склон. Быстрее на гору! — крикнул он главному лесничему.

Азаки все еще прислушивался и, казалось, не только ушами, но и всем телом. Три оленеподобных животных, за которыми они раньше охотились ради еды, выскочили из джунглей и промчались мимо людей, как будто последние стали невидимками. Следом за ними появился лев, и его черно-белое тело четко обозначилось в утреннем свете. Он зарычал, показав клыки, и исчез одним огромным прыжком. Пробежали еще оленеподобные животные, сопровождаемые какими-то небольшими существами, промелькнувшими слишком быстро для их точного определения. Следом за ними двигалась ярость безрассудного разрушения, сопровождающая прохождение через джунгли самых крупных млекопитающих на Хатке.

Они начали подниматься по склону, когда Нумани предостерегающе вскрикнул. Белый самец граса, с трудом различимый в утреннем свете, направился к ним. У Дэйна осталось мимолетное впечатление изогнутых бивней, влажно-красного открытого рта, достаточно широкого, чтобы проглотить целую голову, лохматых ног,двигающихся с невероятной скоростью. Азаки выстрелил в приближающегося граса из игольчатого ружья. Смертельно раненное животное зарычало, но продолжало двигаться к ним, пока не упало замертво не более чем в двух ярдах от главного лесничего.

Дэйн с тревогой смотрел на мертвого самца, но на этот раз никакого чуда не произошло. Грасы не были галлюцинацией. Но от этого не стало легче. Злобность скальных обезьян, хитрость местного хатканского льва бледнели перед буйством раз-

яренного стада грасов. Из джунглей выскочил еще один раздраженный самец и направился прямо к ним. Позади него из джунглей высунулась третья клыкастая голова, и ее глаза искали врага.

— Вот как! — холодно заметил Джелико, прицеливаясь из бластера в приближающегося граса.

Второй самец почти по-собачьи залайл, когда заряд из бластера Джелико попал ему в голову. Ослепленное животное повернуло в сторону и побежало вверх на гору. Третьего граса встретил выстрелом из игольчатого ружья Нумани. Главный лесничий выскочил из-за приютившей его скалы и, подбежав к капитану, вытащил его на открытое место.

— Надо уходить! Здесь мы их атаки не выдержим!

Джелико согласился с этим.

— Пойдемте! — рывкнул он Тау и Дэйну.

Они побежали вдоль склона, но перед ними оказались скалы, на которые в обычных условиях было бы трудно подняться. Упали еще два граса — один замертво, другой — тяжело раненный. Позади них из джунглей показывались все новые белые головы. Трудно было сказать, какая первоначальная причина вызвала паническое бегство животных, но теперь страх и гнев грасов сосредоточились на людях. Несмотря на все их попытки найти место для подъема, люди оказались в западне, зажатые между джунглями внизу, где пробиралась основная масса грасов, и крутой стеной. Если бы было время, люди могли бы, наверное, забраться на эту стену, но теперь они не могли позволить себе такую попытку.

Выступ, по которому они бежали, повернул к юго-востоку и вскоре кончился. Подойдя к его краю, они взглянули вниз. Перед ними расстилалась равнина, покрытая желто-серой грязью, усыпанная кое-где группами деревьев. Везде разбросаны островки, покрытые перепутанной массой из кустарников, тростника и травы. Вся растительность на этой равнине была белевого цвета и выглядела больной. Это было болото Мигра.

— Прекрасно! — Тау осмотрелся. — Что теперь мы будем делать? Полетим по воздуху? А что используем вместо крыльев и двигателей?

— Мы должны спуститься туда! — закричал Азаки и показал вниз игольчатым ружьем.

— Я покажу вам, что надо делать, — выступил вперед Нумани. — Надо добраться до островков, покрытых растительностью.

Он отдал свое ружье Джелико и встал над выступом. Раскачавшись, он оттолкнулся и прыгнул. Приземлившись почти в середине ближайшего к ним островка из тростника, хатканец на

коленях, используя руки и ноги, перебрался на следующий клочок твердой почвы.

— Теперь вы, Торсон, — повернулся к Дэйну Джелико.

Младший космонавт засунул лучевой пистолет в кобуру, осторожно подошел к краю скалы и приготовился как можно лучше повторить прыжок Нумани. Однако его прыжок оказался не таким удачным. До островка достали только его руки, а остальная часть тела мягко вошла во что-то, оказавшееся тиной, покрытой темной коркой сухого вещества. Он неистово хватался за хрупкие стебли, за грубую траву, которая резала ему руки, как нож. Стояло ужасное зловоние. Но страх оказаться в ловушке придавал ему силы, и он быстрыми рывками стал подтягивать свое тело к островку. Прилагая отчаянные усилия и двигаясь как червяк, он все же сумел вырваться на островок. Тут почва держала его, не тонула под его весом, и он обессиленно опустил лицо вниз на землю.

Но времени для отдыха не осталось. Он должен был перебраться на следующий островок, чтобы освободить это ненадежное место для приземления других людей, находящихся наверху. Приподнявшись, Дэйн оценил расстояние тренированным глазом космонавта и прыгнул на холмик, который уже покинул Нумани. Хатканец уже был на полпути к следующему островку, к которому вела, прихотливо извиваясь, перепутанная масса уродливой растительности. Когда Дэйн добрался до третьего из крошечных островков, позади раздался грохот и рев. Он оглянулся и увидел трассы огня бластера на вершине скалы, где оборонялись двое оставшихся там людей. Тау стоял на коленях на одном из островков, а позади него тонул в болоте грас — на поверхности оставались только голова и передние конечности. Наверху игольчатое ружье и бластер снова выстрелили, и затем Джелико начал раскачиваться над краем скалы, готовясь к прыжку. Тау энергично замахал рукой, и Дэйн прыгнул на следующий островок, достигнув его только благодаря удаче.

Он прыгал и прыгал, не думая ни о чем, кроме необходимости приземлиться на каком-нибудь клочке твердой почвы. Его последний прыжок оказался слишком недалеким, и он по колено ушел в ужасно пахнущую трясину, так что его бриджи запятылись желтой пеной. Только сейчас Дэйн ощутил коварную тягу бездонной трясины. Прочная ветвь хлестнула его по плечу, и он схватил ее. С помощью Нумани Дэйн выбрался из трясины и сел, бледный и дрожащий, на спутанные ветви кустарника. Хатканец же перенес свое внимание на Тау, пробиравшегося к ним. Более удачливый или умелый, чем Дэйн, врач совершил последний прыжок без промаха и оказался рядом с ним. Но он тоже тяжело дышал, когда опустился на землю рядом с Дэйном.

Все вместе они стали следить за продвижением капитана Джелико.

Оказавшись в безопасности на втором от берега островке, Джелико остановился, внимательно осмотрелся кругом и выстрелил из игольчатого ружья, оставленного ему Нумани. На скале атаковавший Азаки самец, раненный этим выстрелом, вскинул от боли лохматую голову. Главный лесничий быстро отбежал в сторону, и раненное животное, пометавшись по выступу, упало со скалы вниз, присоединившись к своему уже погрузившемуся в трясину товарищу. Хатканец сначала бросил ружье, а затем сам прыгнул на первый островок. Еще один грас был ранен. К счастью, он развернулся и обратил свои могучие клыки против тех, кто следовал за ним, оставив людей в покое. Джелико уверенно продвигался к ним, а Азаки отставал от него только на одну кочку. Тау облегченно вздохнул.

— Когда-нибудь все это станет еще одной легендой, и о нас будут думать, как о лжецах, когда мы станем ее рассказывать, — заметил он. — Если мы, конечно, останемся в живых. Куда же мы теперь двинемся? Если бы я выбирал, то назад!

Когда Дэйн, поднявшись на ноги, осмотрел их маленькое убежище, он полностью согласился с этим. Весь островок, покрытый мертвой и умирающей растительностью, представлял собой треугольник, направленный острием на восток прямо в болото.

— Они ведь, кажется, не скоро оставят нас в покое? — спросил Джелико, глядя назад, на берег, где находились грасы.

На скале, с которой они спрыгнули, раненный самец-грас все еще сдерживал выпады своих товарищей. Остальные бродили по краю болота, роя землю копытами, взрыхляя ее бивнями и угрожая каждому, кто попытается вернуться на патрулируемую ими полосу.

— Да, не скоро, — хмуро подтвердил Азаки. — Потревожьте граса, и он будет преследовать несколько дней. Убейте любого из стада, и у вас останется мало шансов уйти от них на своих ногах.

К счастью для преследуемых грасами людей, болото являлось надежной защитой. Два чудовища, упавшие со скалы, уже прекратили бороться и лишь жалобно на высокой ноте стонали. Несколько их сородичей сгруппировались на берегу и умоляюще их звали. Главный лесничий прицелился из игольчатого ружья и двумя выстрелами освободил животных от страданий, но блеск этих выстрелов довел находившихся на берегу грасов до высшей степени ярости.

— Назад пути нет, — сказал Азаки, — по крайней мере, в течение нескольких дней.

Тау прихлопнул черное четырехкрылое насекомое с раскрытыми челюстями, севшее ему на плечо.

— Мы не можем ждать здесь, пока они о нас забудут, — сказал он. — Ведь без воды мы не сможем обойтись, да и местная фауна готова попробовать нас на вкус.

Нумани побродил по островку и доложил:

— К востоку больше сухой земли. Возможно, там мы сможем перебраться через болото.

Но Дэйн сомневался в этом. Он боялся снова прыгать с островка на островок, и, казалось, Тау разделяет его страхи.

— Думаю, вы не пожалеете еще нескольких выстрелов для наших друзей на берегу? — обратился он к Азаки.

Главный лесничий покачал головой.

— У нас недостаточно зарядов, чтобы взяться за все стадо. Они могут скрыться из виду, но остаться в чащи поблизости отсюда. И это будет означать для нас смерть. Поэтому мы должны перебраться через болото.

Если их прежний маршрут Дэйн рассматривал как пытку, то этот оказался еще хуже. Их продвижение стало неуверенным, а падения — частыми. Уже через четверть часа все они были покрыты ужасно пахнувшей грязью и тиной, которая, попадая на воздух, окаменевала. Хотя это было и очень болезненно, но все же защищало их тела от насекомых, которых на болоте предостаточно. И, несмотря на все их попытки найти другую дорогу, единственно пригодная тропа вела их в глубь болота, прямо в центр неисследованных трясин. Наконец, Азаки объявил о необходимости сделать привал и провести совещание для обсуждения дальнейшей дороги. Казалось, что для этого было бы хорошо найти такой островок, с которого они могли видеть хотя бы берег.

— Нам нужна вода, — резко проговорил Тау, стирая с лица маску из травы и зеленой грязи.

— Мне кажется, что впереди почва поднимается, — сказал Азаки, устало опираясь игольчатым ружьем на поверхность островка. — Думаю, что мы вскоре сможем выбраться на более твердую землю.

Джелико, подтянувшись, забрался на молодое деревце, согнувшееся под его тяжестью, и внимательно изучал лежащую впереди местность.

— Насчет этого вы правы, — сказал он главному лесничему.

— Примерно в полумиле от нас растительность имеет натурально зеленый цвет. — Он взглянул на заходящее солнце. — И примерно за час светлого времени можно было бы попытаться добраться туда. Но мне бы не хотелось совершать этот переход в темноте.

Только надежда добраться засветло до зелени поддерживала их слабеющие силы. Захватив с собой связки, сделанные из пучков травы, чтобы в случае необходимости подкладывать их, они снова начали прыгать с островка на островок, держа направление на замеченную Джелико зелень. Когда они добрались до нее, то совершенно обессилели. Дэйн, вскарабкавшись на последнюю кочку, попытался подняться на ноги, но зашатался и снова опустился на землю. Он настолько выдохся, что даже не пошевелился при возбужденном крике Нумани. Он не двигался до тех пор, пока подошедший Азаки не наклонился над ним с открытой канистрой в руках. Лишь тогда Дэйн поднялся.

— Пейте! — настаивал хатканец. — Она свежая, мы нашли водяное дерево.

Жидкость была вроде свежая, но все же имела особый привкус. Дэйн его не замечал, пока не сделал основательный глоток. Но в данный момент он не мог думать ни о чем, кроме глотка воды, пригодной для питья. Чахлая, ненатурального цвета растительность болота сменилась здесь более нормальной, похожей на растительность покрытых джунглями низин.

«Перебрались ли мы через все болото, — вяло спрашивал себя Дэйн, — или это только большой остров в середине вонючих трясин?»

Дэйн снова выпил воды, чувствуя, как возвращаются силы к нему. Он подполз к месту, где лежали его товарищи по кораблю, но прошло еще некоторое время, прежде чем его стало интересовать что-то другое, кроме того, что он может пить, если только этого пожелает. Вдруг он увидел, что Джелико поднялся на ноги и повернул голову на восток. Тау тоже сел, как будто его поднял сигнал тревоги на «Королеве». Хатканцы, вероятно, ушли обратно к водяному дереву. Но все трое космонавтов слышали этот звук, далекий пульсирующий ритм, сопровождаемый вибрацией. Джелико посмотрел на Тау.

— Барабаны?

— Может быть, — ответил врач, закручивая крышку своей фляжки. — Ясно только, что здесь поблизости люди. Но хотел бы я знать, кто они такие.

Они не были уверены в отношении барабанов, но в отношении луча, посланного неизвестно кем и перерезавшего неподалеку от них ствол с такой же легкостью, с какой нож разрубает сырую глину, никто не мог ошибиться. Это явно выстрел из бластера, и притом из определенного типа бластера — бластера Патруля. Тау и Джелико бросились ничком на землю рядом с Дэйном, и все трое вжались в нее, будто хотели просочиться под ее поверхность. Из кустарника донесся тихий зов Азаки. Джелико пополз на этот зов, а за ним, извиваясь как червяки,

последовали остальные космонавты. В укрытии они нашли главного лесничего, проверявшего свое игольчатое ружье.

— Здесь лагерь браконьеров, — хмуро объяснил он. — И они знают о нас.

— Закономерный конец этого гнусного дня, — бесстрастно заметил Тау. — Можно было предполагать, что нас ожидает что-то в этом роде. — Он попытался соскрести корку из засохшего ила, покрывавшую его подбородок. — Но разве браконьеры используют барабаны?

Главный лесничий нахмурился.

— Именно поэтому Нумани пошел на разведку. Надо все хорошенько узнать.

ГЛАВА 6

Пока они ждали возвращения Нумани, сгустилась тьма, но попыток нападения со стороны обладателя бластера больше не было. Вероятно, он хотел только удержать их там, где они теперь находились. Над болотом двигались, как жуткие привидения, небольшие облачка тумана. Яркие пятнышки насекомых, снабженных собственными осветительными системами, мигали искорками или безмятежно плыли по обычным своим маршрутам. Ночные чудеса этих мест были далеки от убогой реальности дня. Они сжевали свой рацион, бережно сделали по глотку воды и, прислушиваясь к любому раздававшемуся звуку, старались быть готовыми ко всему.

Все это время низкий монотонный звук, который мог быть, а мог и не быть барабанным боем, оставался основным фоном ночных шумов. Время от времени прерывался всплеском, бормотанием или криком какого-нибудь болотного существа. Находившийся около Дэйна Джелико вдруг напрягся и поднял бластер. Кто-то, мягко ступая, пробирался к ним через кусты. Это, как оказалось, был Нумани.

— Инопланетники, — доложил он, задыхаясь, Азаки, — и нарушители закона. Они поют охотничью песню — завтра они пойдут убивать.

— Нарушители закона? — переспросил Азаки.

— У них нет значков хозяина, которому они служат, но каждый, кого я видел, носит браслет из трех, пяти или десяти хвостов. Так что это действительно следопыты или охотники, и притом из лучших.

— У них есть шалаши?

— Нет. Здесь у них, во внутренних дворах, нет жителей, — сказал Нумани, используя, против обыкновения, такой веж-

ливый термин для обозначения женщин своей расы. — Я сказал бы, что они пришли сюда только на время охоты. И на ботинках одного из них я видел корку соли.

— Корку соли? — заскрипел зубами Азаки, даже немного привстав. — Вот какой тип приманки они используют! Для этого здесь должна быть соляная трясина.

— Сколько там инопланетников? — прервал их Джелико.

— Трое охотников и еще один, отличающийся от них.

— Как отличающийся? — спросил Азаки.

— Он носит какую-то странную форму, а на голове у него круглый шлем, какой обычно бывает на инопланетниках с космических кораблей.

— Космонавт! — засмеялся Азаки. — А почему бы и нет? Они же должны каким-то образом вывозить добытые шкуры.

— Вы что же, хотите сказать, что кто-то способен посадить корабль в такую трясину? — удивленно спросил Джелико. — Но это невозможно! Он просто будет похоронен здесь навсегда.

— Но, капитан, в каком типе космопорта нуждается свободный торговец? — спросил Азаки. — Разве вы не сажали свой корабль на планетах, где нет вообще ничего из приемных устройств, ни зарядных станций, вообще ничего из элементарных удобств, свойственных космодрому. Например, такому, какой принадлежит на Эхо «Комбайну»?

— Конечно, сажал. Но для этого необходим достаточно ровный и твердый участок, желательно свободный от растительности, чтобы хвостовой огонь не привел к пожару. Здесь же вы после посадки не сможете даже вытянуть хвост из болота.

— Из этого можно сделать вывод, что неподалеку отсюда есть какое-то место, где приземлился их корабль, — ответил Азаки. — К нему наверняка ведет хорошо протоптанный след, и это может сослужить нам неплохую службу.

— Но они знают, что мы здесь, — заметил Тау, — и могут замаскировать его.

Теперь рассмеялся Нумани.

— Человек из космоса, не бывает столь хорошо замаскированного следа, чтобы лесничий из заповедника не мог его учуять. Да и любой охотник, если он ветеран с пятью или даже двумя хвостами, может это сделать.

Дэйн внезапно потерял интерес к аргументам Нумани. Все это время он находился с краю их группы и смотрел на пятна призрачного света, возникавшие в тумане над зарослями болотной травы. В течение нескольких последних минут эти кусочки света образовали растущий массив, висевший над болотом в нескольких футах от них, и его туманные очертания прини-

мали теперь более конкретные формы. Он глядел, не будучи в состоянии поверить в то, что ему чудилось в этих неопределенных, туманных очертаниях. Это напоминало ему скальную обезьяну, но у видения, повернутого к нему профилем, не было ни выступающих над головой ушей, ни свиного рыла.

Все больше и больше клочков болотной люминесценции собирались в этой прозрачной фигуре и вливалось в нее. Но то, что теперь балансировало и как бы прогуливалось по предательской поверхности болота, — не животное. Это — человек или его подобие, маленький и тощий человек, тот, кого они уже однажды видели на террасе форта Азаки. Видение, медленно формируясь, вскоре стало почти законченным. Оно стояло со склоненной головой, как бы прислушиваясь.

— Ламбрило! — вскричал Дэйн, узнавая в этом существе колдуна и в то же время понимая, что тот не может стоять здесь и подслушивать их.

Но как бы для того, чтобы еще больше потрясти его, голова повернулась, реагируя на его крик. Только то, что можно было принять за лицо, оказалось белым пространством, не имеющим ни глаз, ни других человеческих черт. И в какой-то степени это делало его еще более угрожающим, заставляя Дэйна, вопреки доводам разума, подозревать, что существо шпионит за ними.

— Демон! — закричал Нумани.

Перекрывая этот неожиданный крик, нарушивший охватившую их моментом раньше оцепенелость, прозвучало требование Азаки:

— Что это там стоит? Скажи нам, врач!

— Кнут, чтобы выпнать нас из этого места, и вы знаете это так же хорошо, как и я. Если Нумани сумеет выследить их, то и они, видимо, помогут нам ответить на другой вопрос. Если и есть на Хатке беспокоящая вас язва, то Ламбрило, вне сомнений, очень близок к ее корню.

— Нумани! — голос главного лесничего прозвучал как удар плети. — Забудешь ли ты снова, что ты мужчина? Побезжишь ли ты и сейчас с плачем искать убежища, зная, что это всего лишь галлюцинация? Ведь как говорит этот врач-инопланетник, это всего лишь хитрость Ламбрило, которая должна отдать нас в руки наших врагов.

Туманное видение на болоте двинулось по направлению к ним. Оно делало шаг, за ним другой по поверхности трясины, которая наверняка бы не выдержала веса человека, и таким образом постепенно приближалась к кустарнику, где, скрываясь, лежали беглецы.

— Тау, можете вы справиться с этим? — спросил Джелико

обычным резким голосом, каким всегда говорил на борту «Королевы».

— Я лучше попробую добраться до источника этого, — ответил врач со зловещими нотками в голосе. — И мне хотелось бы посмотреть на их лагерь...

— Отлично! — сказал Азаки и пополз в глубь кустарника, а остальные последовали за ним.

Привидение, которое только внешне было похоже на человека, достигло островка и теперь стояло, повернув к ним свою голову без лица. Каким бы жутким оно ни было, когда первый шок от его появления прошел и космонавты поняли, что это такое, они смогли преодолеть страх перед ним, чего не смогли сделать при встрече с фантомом скальной обезьяны.

— Если эта штука послана, чтобы прогнать нас, — отважился сказать Дэйн, — то не сыграть ли нам в их игру, направившись сейчас не вперед, а назад, в глубь страны?

— Думаю, не стоит, — ответил главный лесничий, продолжая ползти вперед. — Сейчас они не ожидают, что, находясь в своем уме, мы нападём на них. Мы сможем вызвать среди них панику, а с охваченными паникой людьми легко справиться. На этот раз Ламбрило перехитрил сам себя. Если бы перед этим не было истории со скальной обезьяной, то сейчас он бы мог обратить нас в паническое бегство.

Хотя белое привидение продолжало двигаться в глубь острова, оно не меняло направления, чтобы теперь направиться туда, где они находились сейчас. Что бы это ни было, оно явно не обладало разумом.

Послышался шорох, тихий, едва различимый, и затем Дэйн услышал голос Нумани:

— Тот, кого поставили сторожить дорогу к лагерю, теперь этого уже не делает. Мы можем не опасаться поднятия тревоги с его стороны. И теперь у нас есть еще один бластер.

По мере их продвижения в глубь острова, а затем и болота тьма становилась гуще. Дэйн ориентировался только по шуму, который производили менее опытные Джелико и Тау. Они добрались до маленькой расщелины, покрытой тростником и грязью, посередине которой была большая лужа. Хатканцы проползли еще немного вперед. Бой барабанов становился все громче. Теперь впереди в темноте стали видны отблески, возможно, от пламени костра. Дэйн прополз вперед и наконец нашел удобное место, с которого просматривался лагерь браконьеров.

В середине лагеря были сооружены три хижины, состоящие в основном из крыши, сделанной из веток и травы. В двух из них находились тюки со шкурами, закатанные в пластиковые меш-

ки и готовые к транспортировке. Перед третьей хижинкой сидели, развалившись, четверо инопланетников. И Нумани был совершенно прав — один из них носил форму космонавта. Справа от огня был кружок туземцев, и несколько в стороне сидел еще один человек, бывший в барабан. Но колдуна нигде не видно. Дэйн, вспомнив о туманной фигуре на краю болота, невольно задрожал. Он поверил объяснению Тау, что галлюцинация в горах вызвана наркотиком, но как мог отсутствующий человек сформировать из тумана фигуру и послать ее охотиться за своими врагами, оставалось для него сверхъестественной загадкой.

— Ламбрило здесь нет, — сказал Нумани, думая, наверное, о том же, что и Дэйн.

Дэйн почувствовал в темноте движение около себя.

— В третьей хижине есть дальнodelствующее устройство связи, — сообщил свои наблюдения Тау.

— Вижу, — ответил Джелико. — Сможете ли вы, сэр, с его помощью связаться через горы со своими людьми? — обратился он к Азаки.

— Не знаю. Но если Ламбрило здесь нет, то как он может заставить свое изображение прогуливаться тут этой ночью? — нетерпеливо спросил главный лесничий.

— Мы это увидим. Если сейчас Ламбрило не здесь, то он вскоре появится, — пообещал Тау голосом, в котором сквозила уверенность. — Эти инопланетники пока еще не вмешиваются в происходящее. Но так как это гуляющее привидение послано, видимо, для того, чтобы запугать нас, то они наверняка ждут нашего появления.

— Если у них есть часовые, то я заставляю их замолчать, — пообещал Нумани.

— У вас есть план? — спросил Азаки, чья голова и плечи на мгновение показались в свете костра.

— Вы хотите Ламбрило? — сказал Тау. — Очень хорошо, сэр. Думаю, что смогу отдать его вам и на деле разоблачить его чудеса перед нашими хатканцами. Но только не при свободных в своих действиях инопланетниках.

Дэйн про себя решил, что это не так-то просто будет сделать. Каждый из браконьеров вооружен бластером новейшего типа, предназначенным для Патруля. Какая-то часть его сознания размышляла о том, какой будет реакция на получение такой информации официальными инстанциями. Свободные торговцы и сотрудники Патруля встречались, когда нарушались законы на окраинах Галактики, но каждый понимал, что другой играет при этом важную роль, и, если дело доходило до открытого столкновения между законом и его нарушителями, свобод-

ные торговцы оказывались на стороне Патруля. Команда «Королевы» в недавнем прошлом имела одно такое соприкосновение.

— Почему бы нам не сделать то, что они ожидают, и даже больше? — спросил Джелико. — Они считают, что мы в панике побежим к их лагерю, спасаясь от этого привидения. Предположим, что мы действительно побежим — после того, как Нумани удалит часовых, — и побежим так хорошо, что проскочим мимо них? Я хочу заполучить это устройство связи.

— Вы же знаете, что они просто сожгут нас огнем бластеров, как только мы приблизимся к их лагерю.

— Вы задели гордость Ламбрило, и он, если я только верно сужу о его характере, не будет удовлетворен простым уничтожением, — ответил капитану Тау. — Кроме того, он, вероятно, захочет захватить заложников, особенно главного лесничего. Нет, если бы они хотели застрелить нас, то сделали бы это на островках, по которым мы пробирались сюда. И тогда бы не потребовалось это привидение.

— В ваших словах есть резон, — прокомментировал сказанное Азаки. — Это правда, что этим нарушителям закона очень хотелось бы захватить меня. Я из Хагавая, и мы настаиваем на применении самых суровых мер против таких, как они. Но я не вижу, каким способом мы можем захватить лагерь?

— Мы не пойдем в лагерь с фронта, как они этого ожидают, а нападём с севера и сначала займемся инопланетниками... Думаю, что для этого хватит трех человек... Они сумеют причинить достаточно беспокойства, чтобы прикрыть действия двух других...

— У этого инопланетника, который носит форму космонавта, оружия не видно, хотя остальные держат его наготове. Считаю, что вы правы, думая, что они ждут сигнала от своих часовых, тех, которых мы не видим. Предположим, капитан, что вы и я сыграем роль напуганных до безумия людей, бегущих от демонов. Нумани будет прикрывать вас с тыла, а двое ваших людей...

— Предоставьте мне Ламбрило, — заговорил Тау. — Я хочу выманить его из укрытия. Думаю, что тогда смогу с ним справиться. А вы, Дэйн, возьмите на себя барабан

— Барабан? — удивился Дэйн, и сама мысль о необходимости захватить этот примитивный инструмент для них, обладающих бластерами, была просто поразительной.

— И когда вы это сделаете, я хочу, чтобы вы начали выбивать на нем «Границу Земли». Вы, наверное, сможете это сделать?

— Я не понимаю... — начал Дэйн, но затем проглотил остатки протеста.

Он понял, что Тау и не собирается объяснять, зачем ему

нужно, чтобы популярная песня звездных дорог зазвучала в лагере браконьеров. За последние несколько лет, которые он провел среди вольных торговцев, ему давали несколько странных заданий, но впервые ему приказывали работать музыкантом.

Медленно тянулись минуты в ожидании возвращения Нумани, который отправился нейтрализовать часовых. Эти люди в лагере, вне всяких сомнений, именно сейчас ожидали их появления. Держа в руке лучевой пистолет, Дэйн прикидывал расстояние, отделявшее его от барабанщика.

— Сделано, — раздался в темноте позади них шепот Нумани.

Джелико и главный лесничий двинулись налево, а Тау направо. Дэйн, держась возле врача, последовал за ними.

— Когда они начнут, — губы Тау были около уха Дэйна, — бросайтесь к этому барабану. Я не хочу думать о том, каким образом вы завладеете им, но, захватив, удерживайте во что бы то ни стало.

— Да, слушаюсь!

Раздался воющий крик с севера, крик безумного страха. Певцы остановились на середине, барабанщик сделал паузу и опустил руки. Дэйн стремительно бросился к этому человеку. Огненный луч из пистолета Дэйна попал ему в голову, и хатканец, так и не успевший подняться с колен, замертво рухнул. Схватив барабан, космонавт прижал его к груди, продолжая целиться поверх барабана из пистолета в изумленных туземцев.

На другой стороне лагеря творилось что-то ужасное — крики, резкое подвигивание игольчатых ружей, шипение огня бластеров доносились оттуда. Продолжая угрожать пистолетом обалдевшим туземцам, Дэйн немного отступил и, опустившись на одно колено, поставил барабан на землю. Держа оружие наизготовку, он начал выстукивать левой рукой на барабанах, но не тихо, как хатканский барабанщик, а твердыми, энергичными ударами, перекрывавшими шум сражения. Он не забыл «Границу Земли» и выбивал ее такт с такой силой, что знакомое «да-да-да-да» громко гудело, разносясь далеко вокруг лагеря. Казалось, появление Дэйна парализовало хатканских преступников. Они устали на него побелевшими глазами, еще более заметными на черных лицах. Их рты были немного приоткрыты, как это бывает, когда происходит что-то неожиданное. Дэйн не отважился оглянуться и посмотреть, как идет сражение на другой стороне лагеря, но он увидел Тау.

Врач вошел в свет костра не обычным размашистым шагом вперевалку, как ходили все космонавты, а семеня, танцующим шагом, и он пел под удары барабана. Дэйн не мог разобрать слова, но знал, что они согласуются с ритмом «Границы Земли»,

образуя связь между слушателями и певцом, такую же связь, какая была между Ламбрило и хатканцами на горной террасе. Тау подчинил себе туземцев. Дэйн, убедившись, что все они попали под влияние врача, положил оружие поперек колена, барабана пальцами правой руки в более низком тоне.

«Да-да-да-да»... Безобидный ритм начала песни, который Дэйн повторял про себя, постепенно исчез, и он уловил угрожающий тон слов, который произносил Тау. Врач дважды обошел выбранный им для себя круг. Затем он остановился, снял с пояса ближайшего хатканца охотничий нож и показал им на восток в темноту. Раньше Дэйн не поверил бы, что Тау может изображать то, что делал сейчас. В свете костра врач как бы сражался с невидимым противником. Он увертывался, ударял, поворачивался, атаковал и все это в такт ударам барабана, в который Дэйн не знал, как теперь и бить. Тау проделывал все это так, чтобы было очень легко представить себе другого, сражавшегося против него. И когда нож врача опустился после энергичного удара, означавшего конец этой атаки, Дэйн глуповато уставился на землю, почти ожидая, что увидит лежащее тело.

Тау повернулся на восток и церемонно отсалютовал ножом своему невидимому противнику. Затем он положил нож на землю и застыл, глядя в слабо светящуюся темноту.

— Ламбрило! — Его уверенный голос поднялся над звоном барабана. — Ламбрило, я иду!

ГЛАВА 7

Смутно сознавая, что шум на другом конце лагеря стихает, Дэйн приглушил звук своего барабана. Поверх него он смог увидеть, как раскачиваются и кланяются хатканские нарушители закона, продолжая следовать ритмам его ударов. Так же, как и они, он чувствовал власть голоса Тау. Но что может появиться в ответ — этот призрачный фантом, который был создан, чтобы запугать их и привести их сюда? Или все же человек, его создатель?

Дэйну казалось, что красноватый свет костра начинает тускнеть, хотя в действительности пламя, поднимавшееся над дровами, и не начинало гаснуть. Не ослабевал и густой едкий запах горения. Что из того, что затем последовало, было реальным, а что продуктом его расстроенного воображения, впоследствии Дэйн был не в состоянии сказать. Вряд ли в действительности можно было спросить всех, кто присутствовал при этом, видел ли каждый человек — хатканец или инопланетянин — только

то, что показывал ему его набор эмоций и воспоминаний. Или же все видели одно и то же?

Что-то скользнуло с востока, что-то, что было не столь ощутимо, как то призрачное существо, рожденное в тумане болота. Скорее, это была невидимая угроза для находившихся у огня, который как бы символизировал сейчас человеческую дружбу, безопасность и был как бы оружием против темных сил этой опасной ночи. Была ли эта угроза только мысленной? Или Ламбрило все же имел какие-то средства для осуществления мести? Это невидимое оружие было холодным, оно угнетало их мозг, отнимало силы и делало слабыми. Оно как бы старалось превратить их в глину, из которой потом можно сформировать все что угодно. Одиночество, темнота, все, что противостояло жизни, теплу и действительности, — все это собиралось вместе и надвигалось на них из ночи.

Но голова Тау была высоко поднята. Он успешно противостоял этой невидимой угрозе. Между его крепко расставленными ногами ярко светился холодным светом охотничий нож.

— Ламбрило! — Голос Тау поднялся, как бы отбрасывая эту невидимую угрозу, затем он снова запел, и ритм непонятных слов несколько опередил ритм барабана.

Дэйн заставил себя продолжать бить в барабан, как бы наперекор тому, что надвигалось из темноты, угрожая отнять у них силы и разум. Его руки продолжали опускаться и подниматься.

— Ламбрило! Я — Тау, с другой звезды, с другого мира, где другое небо, приказываю тебе выйти и выставить свою мощь против моей!

Это требование было произнесено тоном, в котором звучала резкость приказа. В ответ появилась новая мощная волна невидимой угрозы. Казалось, она может уничтожить их всех. Волна угрозы накатывалась, как волна сильного прилива разбушевавшегося океана, бьющегося о берег. На этот раз Дэйну показалось, что он различает какую-то темную массу. Прежде чем он успел разглядеть что-нибудь определенное, Дэйн отвел глаза и сконцентрировался на движениях своих барабанищих рук. Он отказывался верить, что такие мощные силы приведены в действие лишь затем, чтобы уничтожить их. Он не раз слышал, как Тау рассказывал про такие вещи, но услышанные в знакомой обстановке на борту «Королевы» подобные приключения так и оставались только рассказами.

Здесь же, несомненно, таилась настоящая опасность. Однако Тау, когда над ним во всей своей мощи проходила волна угрозы, продолжал, не склоняясь, стоять как ни в чем не бывало.

И вот, скрываясь под гребнем этой невидимой разрушительной волны, появился тот, кто был причиной всего этого. Это

было не привидение, созданное из болотного тумана, а живой человек. Он шел спокойно с пустыми руками, как и Тау, и никто не заметил у него оружия. У костра люди застонали и повалились на землю, слабо стуча руками о почву. Но когда Ламбрило вышел из темноты, один из туземцев встал на четвереньки и начал двигаться маленькими мучительными толчками. Он пополз по направлению к Тау, его голова раскачивалась на плечах, как голова мертвой скальной обезьяны. Дэйн перехватил барабан одной рукой, а другой нащупал свой лучевой пистолет. Он попытался выкрикнуть предупреждение, но понял, что не может издать и звука.

Одна из рук Тау поднялась по направлению к приближающемуся туземцу и сделала круговое движение. Ползущий человек, глаза которого закатились и стали видны одни белки, последовал за этим жестом и обошел врача. Он направился к Ламбрило, хныча как собака, которой не дали выполнить приказ хозяина.

— Вот так, Ламбрило! — сказал Тау. — Это только между тобой и мной. Или ты не хочешь показать свою мощь? Разве Ламбрило так слаб, что должен посылать другого выполнять твою волю?

Снова подняв две руки, врач резко опустил их и коснулся земли. Когда он опять выпрямился, в руке у него был зажат нож, который он затем бросил впереди себя. Вдруг дым от костра вытянулся по направлению к Ламбрило, закрутился вокруг него и затем исчез. Но там, где раньше стоял человек, теперь слонялась черная бестия. Ее рычащая морда олицетворяла ненависть и жажду крови, хвост с белой кисточкой яростно хлестал по бокам. Но Тау встретил эту трансформацию смехом, который прозвучал как удар кнута.

— Мы — оба мужчины, ты, Ламбрило, и я. Так встречай меня как мужчина и оставь эти трюки для тех, у кого нет ясного зрения. Ребенок играет как ребенок... — Голос Тау громыхал, но сам он исчез.

Высокое полосатое существо — чудовищная горилла — стояло теперь перед хатканским львом. Но это продолжалось лишь одно мгновение, а затем космонавт стал снова самим собой.

— Время игр кончилось, человек с Хатки. Ты пытался охотиться за нами, желал нашей смерти, не так ли? Так пусть теперь смерть будет уделом проигравшего.

Лев исчез, и перед ним снова появился Ламбрило. Он стоял в готовности, как человек перед смертельной схваткой, знающий, что пощады не будет. Для глаз Дэйна хатканец не сделал ни одного движения, однако костер вспыхнул, будто в него подбросили свежую пищу. Языки пламени оторвались от дров

и, как красивые и опасные птицы, взлетели в воздух. Они ринулись на Тау, окружили его, начиная с земли под его ногами и смыкались над его головой. Они соединились и завертелись все быстрее и быстрее, пока Дэйн, с удивлением следивший за этим, не увидел как бы сплошное пятно света, скрывавшее Тау в огненной сердцевине. Его собственные запястья сильно болели от длительного битья в барабан. Он поднял руку, пытаясь защитить глаза от слепящего света.

Ламбрило запел, и тяжелый ливень слов обрушился на них. Дэйн застыл — его руки предали его, попав под власть ритма этой чужой песни! Он немедленно поднял обе руки и опустил вниз на барабан в беспорядочной серии ударов, не имевших отношения ни к песне, нужной Тау, ни к песне, которую теперь пел Ламбрило, — тхумп-тхумп-тхумп-тхумп... Дэйн выбивал это неистово, колотя в барабан так, как будто хотел вбить свои кулаки в тело хатканского колдуна. Стол огня закачался, завертелся, словно на него подул ветер, и исчез. Тау, целый и невидимый, спокойно улыбался.

— Огонь бессилен! — констатировал врач, указав рукой на Ламбрило и спросил: — Попытайтесь ли вы, знахарь, иметь дело с землей, водой, а также с воздухом? Ну что же, зовите сюда ваше наводнение, ваш смерч, вызывайте землетрясение. Ничто из этого меня не тронет.

Из ночи позади Ламбрило начали появляться какие-то призрачные существа: некоторые чудовищные, некоторые человекоподобные. Дэйну казалось, что кого-то он узнает, другие были ему неизвестны. Люди, носившие форму космонавтов или одежду других миров, плача, смеясь, проклиная и угрожая, шли вместе с монстрами к находившимся у костра людям. Дэйн понял, что все то, что теперь наступает на них, Ламбрило извлек из памяти Тау.

Он закрыл глаза, борясь против насильственного вторжения чужого прошлого, но перед этим успел заметить, каким напряженным, так утончившимся, что под тонкой кожей проступили кости, стало лицо у Тау. Врач криво улыбнулся, узнавая каждое свое воспоминание, принимая на себя содержащуюся в них боль и отсылая их обратно нетронутыми.

— Это также не имеет больше силы, чем человек из тьмы.

Дэйн открыл глаза. Толпящиеся вокруг них призраки постепенно угасали и таяли, теряя вещественность. Ламбрило согнулся и закусил губу. На его лице можно было легко прочитать обуревавшую его ненависть.

— Я не глина, чтобы формироваться под твоими руками, Ламбрило. И теперь, думаю, пришло время действовать мне.

Тау снова поднял руки, держа их в отдалении от тела с ла-

доньями, повернутыми к земле. И одновременно с этим по обеим сторонам космонавта начали собираться две черные тени. Они росли, тянулись вверх, как могут подниматься растения из садовой почвы. Вскоре по обеим сторонам врача стояли два черно-белых льва. Высоко подняв руки и напряженно выпрямившись, стоял Тау перед Ламбрило, который с ужасом опознал в этих львах свой собственный вид магии.

«Лев» Ламбрило, которого они видели раньше, был больше живого, более разумный, более опасный, чем настоящий зверь, которому он подражал. Такими же были и эти. И оба, подняв свои головы, уставились в лицо врача.

— Хорошей вам охоты, братья в меху, — сказал Тау медленно, почти небрежно. — Позвольте тому, за кем вы будете охотиться, посоревноваться с вами в беге.

— Остановите это! — Из темноты выпрыгнул человек и встал позади колдуна. В свете костра обозначились его инопланетная одежда и бластер, направленный на ближайшего из львов Тау.

Луч его бластера ударил точно, но не только не убил льва, но даже не опалил шерсти на шкуре чудесного животного. Тогда прицел бластера перешел с чудовища на врача, но Дэйн успел выстрелить первым. Раздался стон инопланетянина, и бластер выпал из его сильно обожженной руки. Раненый, ругаясь, от боли завертелся на одном месте.

Тау плавно взмахнул руками. Большие головы животных послушно повернулись, и их красные глаза уставились на Ламбрило. Колдун напрягся и, глядя в их глаза, ненавидящим голосом закричал врачу:

— Я не стану беглецом, которого преследуют охотники, дьявол!

— А я уверен, будешь, Ламбрило. Теперь ты должен отведать страх, такой страх, чтобы он переполнил тебя и затмил твой разум, сделав тебя животным. Раньше ты посылал такой страх на других людей, на тех, кто стоял на твоем пути, кто сомневался в твоем могуществе. Ты охотился за ними, чтобы убрать со своей дороги. Не думаешь ли ты, что теперь они ждут тебя в темноте, готовые приветствовать тебя, колдун? Ведь то, что они когда-то пережили, тебе вскоре тоже придется пережить. Этой ночью ты извлек из моей памяти и показал мне то, что было в моем прошлом, мои слабости, о чем я сожалею или печалюсь... А теперь твой черед, теперь ты в течение оставшихся часов будешь вспоминать свое прошлое, и я не завидую тебе. Теперь же беги, Ламбрило!

Говоря это, Тау, сопровождаемый двумя черно-белыми львами, почти вплотную приблизился к колдуну, нагнулся и схватил горсть земли. Плюнув на нее трижды, он бросил ее в

Ламбрило, попав как раз чуть повыше сердца. Колдун зашатался, как будто этот небольшой ком земли нанес ему смертельный удар. Затем хатканец сломался окончательно. С причитаниями он повернулся и побежал, продираясь сквозь кусты, как человек, который бежит без надежды на спасение, ничего не видя перед собой. Два чудовища бесшумно поскакали за ним, и все вскоре исчезли.

Тау закачался и положил руки на голову. Дэйн отбросил барабан и привстал, готовый прийти на помощь, но врач еще не закончил. Он повернулся к распростертым на земле туземцам и резко хлопнул в ладони.

— Вы люди и, следовательно, должны действовать как мужчины. Того, что было, больше не будет. Встаньте свободными, так как темная сила, так долго властвовавшая над вами, последовала туда, откуда нет возврата. Страх теперь не будет больше есть из ваших мисок, не будет пить из ваших чашек, не будет лежать на циновках для сна около вас.

— Тау! — закричал Джелико, перекрывая крики поднимающихся с земли хатканцев.

Но все же Дэйн успел подбежать и подхватить врача, прежде чем тот ударился о землю. Тело врача всей тяжестью навалилось на него, и он осторожно сел, держа голову Тау на своем плече. В эти страшные мгновенья Дэйну казалось, что он держит уже мертвеца, что один из хатканских преступников, мстя за своего предводителя, все же успел нанести врачу смертельную рану. Но тут Тау вздохнул, и затем дыхание его стало глубоким и спокойным.

— Он спит! — обрадованно взглянул Дэйн на капитана.

Джелико стал на колени, и его рука легла на грудь врача, проверяя, как бьется сердце. Затем он осторожно коснулся утомленного и грязного лица Тау.

— Сейчас это самое лучшее для него, — сказал он. — Он сделал свое дело.

Потребовалось некоторое время, чтобы подвести итоги их победы. Двое инопланетян были мертвы. Еще один вместе с космонавтом был захвачен в плен, а Нумани добавил к ним человека, которого ранил Дэйн, чтобы спасти Тау. Когда младший космонавт, устроив на отдых спящего врача, присоединился к остальным, то увидел, что Азаки и Джелико уже вели импровизированное следствие. Ошеломленные туземцы были умело связаны между собой Нумани, а неподалеку от них допрашивали инопланетян.

— Человек из «Интерсолара», так? — обратился Джелико к раненному инопланетянину, поглаживая покрытый грязью подбородок. — Пытались влезть сюда и перехватить договор у

«Комбайна»? Не так ли? Лучше бы вы сами все рассказали, все равно ваше центральное правление откажется от вас, вы должны это понимать. Ведь они не поддерживают тех, кто терпит неудачу в таких делах.

— Я хочу получить медицинскую помощь, — огрызнулся тот, баюкая у груди свою обожженную руку. — Или вы думаете, что потом отделаетесь от меня, передав этим дикарям?

— Зная, что вы хотели застрелить его, — ответил капитал с улыбкой, похожей на гримасу акулы, — наш врач может и не захотеть латать ваши пальцы. Ведь если вы хватаете ими то, что не надо, то их, естественно, легко обжечь. По крайней мере, наш врач, пока не отдохнет, не собирается заниматься вами. Поэтому я сам окажу вам первую помощь, и, пока я буду это делать, мы поговорим. Итак, «Интерсолар» занялся браконьерской торговлей? Эта новость, видимо, понравится «Комбайну», и они смогут использовать вас и ваши сведения надлежащим образом.

Ответ инопланетянина был возбужденным и невразумительным, но форменная одежда, которую он носил, сама по себе стала уже достаточным объяснением. Дэйн, совершенно измотанный, вытянул свое измученное тело на груди винтовок и потерял интерес к происходящему.

Двумя днями позже они стояли на той же террасе, где Ламбрило демонстрировал свою магию и где он потерпел свое первое поражение. Но на этот раз дело было не утром, а днем, и солнце светило так ярко и празднично, что было трудно поверить в фантастическое приключение на просторах болот, где люди сражались с оружием в руках против всяческих чудовищ и людей.

Трое с «Королевы» отошли от парапета, чтобы встретить главного лесничего, спускавшегося по ступеньках.

— Только что вернулся посланный мною человек. Ламбрило действительно бежал так, будто за ним охотились, и его путь видели многие, хотя и не узнали тех, кто за ним охотился. Он нашел свой конец около большой реки и теперь мертв.

— Но это почти в пятидесяти милях от болот на этой стороне гор! — удивился Джелико.

— За ним охотились, и он бежал, как вы и обещали, — сказал Азаки, обращаясь к Тау. — Вы продемонстрировали действительно сильную магию, человек с другой планеты!

Врач медленно покачал головой.

— Я только обратил его методы против него самого. Так как он сам верил в свою силу, то эта сила, отраженная мной, сломала его. Если бы я вступил в борьбу с тем, кто сам не верит... — Он

пожал плечами. — Наша первая встреча во многом предрешала дальнейшее. После нее он стал бояться, что я сравняюсь с ним, и эта неуверенность пробила брешь в его броне.

— Ради Земли, почему вы захотели, чтобы я выбивал на барабанах именно «Границу Земли»? — спросил у врача Дэйна.

— Во-первых, — рассмеялся Тау, — эта проклятая мелодия, благодаря вам, преследовала меня так долго, что я знал ее в совершенстве. Ее ритм, вероятно, единственный, который вы можете выстукивать, даже не сознавая этого. И во-вторых, ее чужеземная мелодия была частью нашей задачи — противодействовать туземной хатканской музыке Ламбрило, которая, несомненно, являлась важным элементом его магии. Он должен был продолжать считать, что мы не знаем правды относительно отравленной воды, в которую добавлен наркотик, и поэтому подготовлены к любой фантазии, которую он захочет создать. Когда они увидели нас на болоте, то сочли, что нас лучше захватить. Ламбрило всегда имел дело только с хатканцами, знал их реакции, знал, как все это использовать. Но мы не хатканцы, и поэтому он потерпел поражение.

Азаки улыбнулся.

— То, что хорошо для Хатки, плохо для Ламбрило и тех, кто его использовал, чтобы творить зло. Оставшийся в живых браконьер и хатканские преступники предстанут перед нашим правосудием, и я не думаю, что они получают удовольствие от этой встречи. А остальные двое — космонавт и агент «Интерсолара» — будут переправлены на Эхо к администрации «Комбайна». Думаю, что эти администраторы встретят известие о вторжении другой компании на свою территорию без особой радости.

— В таких делах доброта и «Комбайн» далеко стоят друг от друга, — проворчал Джелико. — Но мы, наверное, тоже полетим на Эхо на том же корабле, что и наши пленники.

— Но, друзья мои, вы еще не видели заповедники! — воскликнул Азаки. — Уверяю вас, что на этот раз не будет неприятностей. Ведь до вашего возвращения на Эхо есть еще несколько дней.

Капитан «Королевы Солнца» поднял руку.

— Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем осмотр заповедника Зобору! Но в будущем году. А теперь наш отпуск кончился, и «Королева» ждет нас на Эхо. И позвольте мне также прислать вам несколько рекламных проспектов о новейших типах флиттеров, гарантированных от аварий.

— Да, гарантированных, — бесхитростно добавил Тау, — не разбивающихся, не теряющих курса и не прерывающих прекрасных экскурсий другими способами.

Главный лесничий откинул голову, и его громкий хохот звонким эхом отразился от окружающих их скал.

— Отлично, капитан! Ваши почтовые рейсы через определенные промежутки времени будут приводить вас на Эхо. А я тем временем изучу рекламные проспекты, касающиеся ваших неповреждающихся флиттеров. Но вы обязательно должны посетить Зобору, и, пожалуйста, поверьте — все будет великолепно. Я заверяю вас, врач Тау!

— Обязательно! — прошептал Тау, а Дэйну послышалось: — Спокойствие глубокого космоса является для нас сейчас намного более восхитительным, чем все заповедники Хатки!

ПРОШТЕМПЕЛЁВАННО ЗВЁЗДАМИ

КНИГА IV

Глава I

ГРУБОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Он полз на четвереньках через мир пара, сквозь жидкую грязь, грозившую поглотить его. Он не мог дышать... но должен был идти... бежать... выбраться. Его длинное костлявое тело лежало на кровати, широко раскинув руки. Его пальцы слабо цеплялись за смятое покрывало, а голова медленно поворачивалась. Взгляд не мог оторваться от конца узкой койки. Влажная жара, клейкая грязь держали его... но он должен, должен идти. Это необходимо — он должен! Он тяжело дышал, все тело дрожало и сотрясалось. Он пытался приподняться. Он увидел... глаза передали это сообщение мозгу... он увидел, что не ползет по парящему болоту. С трудом приподняв голову, он взглянул на стены, которые поднимались и опускались в такт его дыханию.

«Дэйн Торсон, помощник суперкарго, вольный торговец «Королевы Солнца», земной регистр 65-72-49-10-ДЖИ-КЕЙ», — он прочел эти слова, как будто они были огненной надписью на стене. И они имели смысл? Он... он Дэйн Торсон. А «Королева Солнца»?

С выдохом, похожим на вскрик, он оттолкнулся и сел. Теперь он не лежал на кровати, а сидел на ней, и, хотя крепко держался, кровать под ним как будто поднималась и опускалась. Но установление собственной личности как будто сняло какой-то барьер. Он может думать. Голова кружится, вот-вот опять пропадет сознание, но он может заставить себя рассортировать события недавнего прошлого или хотя бы его части. Он, Дэйн Торсон, — исполняющий обязанности суперкарго «Королевы», потому что Ван Райк, его начальник, улетел и присоединится к ним только в конце пути. А это — «Королева Солнца», вольный торговец... Но, осторожно поворачивая голову, он уже знал, что это неправда. Это не знакомая каюта на борту корабля, это —

комната. Он заставил себя всматриваться в окружающее в поисках помощи ослабевшей памяти. Кровать, на которой он сидит, два опускающихся сиденья у стены, окон нет, две двери, обе закрытые... Слабый свет исходит от лампы на потолке. Голая комната, похожая на камеру. Камера... Что-то начало проявляться.

Их задержал Патруль. Это камера... Нет! Они сели на Ксечо и готовы были лететь на Трюс в свой первый почтовый рейс.

Лететь! Это слово как будто ударило его током. Дэйн попытался встать и чуть не упал, но удержался за стену. Его желудок выворачивало наизнанку. Ухватившись за ближайшую дверь, Дэйн открыл ее своим весом и увидел, что какой-то милосердный инстинкт привел его в туалет. Его вырвало. Все еще содрогаясь от спазм, он ухитрился пустить воду, плеснуть себе в лицо и на верхнюю часть туловища. И тут он впервые заметил, что на нем нет форменной куртки, хотя брюки и космические башмаки остались. Вода и, как ни странно, рвота еще дальше увели его от мира тумана. Он вернулся в комнату. Последнее ясное воспоминание... Какое?

Сообщение... Что за сообщение? Надо взять посылку. На мгновение перед Дэйном ярко вспыхнула картина — контора суперкарго на «Королеве», у двери стоит Тан Я. инженер-связист. Сообщение пришло перед самым стартом... Перед самым стартом! «Королева» готова к взлету.

Дэйна охватила паника. Он не знал, что случилось. Сообщение... и он должен был покинуть корабль... Но где же он? И что еще важнее... с каких пор? Потому что у «Королевы» график, тем более строгий, что она теперь почтовый корабль. Давно ли он здесь? Они не могли улететь без него! Как, почему и где?

Дэйн вытер ладонью пот с лица. Странно, он покрыт потом и в то же время внутри у него мертвящий холод. Где-то тут одежда... Он вернулся к кровати и начал рыться в лежащих на ней тряпках. Это не его. Не скромная коричневая одежда космонавта, а кричащее, хотя и поблекшее, платье со сложной вышивкой. Но из-за холода он решился одеться. Потом направился к другой двери, той, которая должна вывести его отсюда... где бы он ни был. «Королева» должна взлететь, а он не на борту.

Ноги по-прежнему подгибались, но Дэйн заставлял себя идти. Дверь от слабого толчка поддалась, и он оказался в коридоре с длинными рядами других закрытых дверей. В дальнем конце — арка, а за ней шум и движение. Дэйн направился туда, по-прежнему пытаясь вспомнить побольше. Сообщение о посылке... Он должен был немедленно покинуть «Королеву». Здесь он остановился и посмотрел вниз на свое тело под незастегнутой

курткой, слишком маленькой и короткой для него. Пояс... Да, на месте... однако... Он проверил все карманы одной рукой. Пусто, ничего, за исключением жетона. Но никто не может использовать его личный жетон, он настроен исключительно на организм Дэйна. Стоит кому-нибудь взять этот жетон, и через несколько минут вся его информация будет стерта. Итак, его ограбили. Но почему комната? Если его ударили, то почему не оставили на месте?

Он осторожно оцупал голову — никаких шишек или синяков. Конечно, и нервный удар может свалить человека, а если ему в лицо прыснули усыпляющим газом... Но почему комната? Не время разгадывать загадки. «Королева» и старт — он должен быть на «Королеве»! А где он? Много ли у него времени? Но если он не вернулся, корабль, конечно, не стартовал. Его должны искать. Экипаж «Королевы» связан слишком крепкой дружбой, чтобы оставить товарища на чужой планете, не попытавшись отыскать его.

Двигаться стало легче, в голове прояснилось. Дэйн поплотнее запахнул куртку, хотя застегнуть ее не смог. Дойдя до арки, он выглянул. Большое помещение оказалось знакомым. Половина его было занята киосками с циферблатами для быстрого набора заказа. В другой части помещения находился робот-регистратор, пункт приема телеграмм, экран новостей. Это... это... Он не мог вспомнить названия, но это была одна из маленьких припортовых гостиниц, предназначенных главным образом для членов экипажей, ожидающих старта. Только вчера он обедал за тем маленьким столиком с Рипом Шэнноном и Али Камиллом...

Вчера ли?

«Королева» и время взлета... Снова паническая спешка охватила его. По крайней мере, он недалеко от порта, хотя на этой планете, где сухая почва проглядывала узкими островами среди мелких парящих морей, было трудно уйти далеко от него, оставаясь все на том же клочке суши. Но все это сейчас не имело значения. Он должен вернуться на «Королеву». Эта задача занимала теперь все внимание Дэйна. Он сделал один осторожный шаг, а потом другой, направляясь к ближайшей двери. Видели ли его люди в киосках? Может, они захотят остановить его? Может быть, они поймут, что ему необходима помощь? Но ему нужно на «Королеву».

Дэйн не знал, привлек ли он чье-то внимание. Вид свободного скуттера у самого выхода наполнил его счастьем. Падая на сиденье, он вытащил жетон, сунул его в щель и нажал кнопку «ход». И тут же посмотрел на посадочную площадку. Один, два, три корабля! И последней в ряду стояла «Королева»! Он успеет. Скуттер неся на предельной скорости, хотя сам Дэйн не по-

мнил, как включил ее. Как будто машина сама ощутила его страх и нетерпение.

Грузовой люк закрыт. Конечно, он же сам закрыл его. Трап еще опущен. Стремглав выскочив из скуттера, Дэйн ухватился за поручни и собрался уже подняться, но снова вернулись слабость и головокружение. А трап начал подниматься — корабль готовился к старту. Дэйн сделал конвульсивное движение и поднялся к люку. Добраться до своей каюты и привязаться он не успеет. Куда же идти? Ближе всего каюта Ван Райка, вверх по лестнице. Собственное тело превратилось во врага, которого нужно было одолеть. Дэйн смутно осознавал свою схватку с лестницей и так же смутно помнил, как почти упал в раскрытую дверь каюты, добрался до койки, опустил на нее и тут же потерял сознание.

На этот раз не было никакого сновидения о ползании по парящему болоту, только тяжелое давление на грудь и хрипящее дыхание в подбородок. Дэйн открыл глаза и встретился с вопросительным кошачьим взглядом. Синдбад, корабельный кот, снова уткнулся в него носом и впился когтями. Синдбад... Значит, он на «Королеве», и они в космосе. Огромное облегчение охватило Дэйна, и тут он впервые смог подумать о чем-то другом, кроме необходимости вовремя добраться до «Королевы». Итак, он отправился за посылкой. Где-то его ударили и ограбили. Но после того, как он взял посылку, или до того? Новая тревога... Если он дал расписку, значит, он, а точнее, «Королева», отвечает за утрату. Чем быстрее он доложит капитану Джелико, тем лучше.

— Да, — сказал он вслух, отталкивая Синдбада и садясь, — надо увидеть старика.

Первое пробуждение в гостинице оказалось жестоким, но и это оказалось почти таким же. Ухватившись за край койки, Дэйн закрыл глаза. Он был не уверен, что сможет передвигаться. На стене укреплен коммуникатор, необходимо добраться до него и позвать на помощь.

Яд? Неужели они... Эти загадочные они... или он... тот, кто организовал нападение, отравил его? Однажды с Дэйном уже случалось такое после удачной охоты на горпов на планете Саргол. Он должен был выпить церемониальный напиток и дорого заплатил за это позже. Тау... врач Тау...

Дэйн, стиснув зубы, ухватился за висевшую на стене связку микрофильмов Ван Райка и подтянулся. Ему удалось снять микрофон, но он не был уверен, что нажал кнопку лазарета, — все расплывалось перед глазами. Дэйн боялся снова лечь в кровать. Чувство тошноты несколько ослабело. Может, надо идти... доложить капитану... Он услышал предостерегающее

ворчание Синдбада, когда его нога коснулась чего-то мягкого. Большой кот, чье достоинство было оскорблено прикосновением к хвосту, когтями впился в башмак Дэйна.

— Прости, — прошептал Дэйн, пытаясь обойти кота и прорваться к двери, к колодцу лестницы. — Капитан... должен доложить...

— Что за?..

Дэйн не наступил на голову поднимавшегося, но был близок к этому. Как и в случае с Синдбадом, он попытался избежать столкновения и отшатнулся так далеко, что упал бы, если бы встречный не подхватил его. Красивое лицо Али Камила качнулось назад, потом вперед. Рука помощника инженера крепко держала его.

— Должен... доложить... Джелико...

— Во имя пяти имен Стейфол! — Лицо Камила прояснилось, потом снова расплылось.

— Джелико... — повторил Дэйн, зная, что говорит, но не слыша собственного голоса и не будучи в состоянии высвободиться из железной хватки Али.

— Пошли вниз.

Не вниз, вверх. Он должен увидеть Джелико... Он на лестнице. Али должен понять, но они спускаются, спускаются... Дэйн потряс головой, чтобы прояснилось сознание, но ему стало еще хуже. Дэйн не осмелился идти и впился глазами в лестницу — единственную точку опоры во вращающемся мире. Его поддерживали. Он слышал голоса, но не понимал, о чем говорят.

— Доложить... — хриплым шепотом произнес он из последних сил.

С ним двое — Али и еще кто-то. Дэйн не смел повернуть голову, чтобы взглянуть на второго. Когда Дэйна вносили в каюту, он висел между ними. На какое-то время туман рассеялся. Он по-прежнему висел между поддерживающими его людьми, но сейчас Дэйн уже мог рассмотреть кое-что, будто шок от того, что он увидел перед собой на койке, вырвало его из беспамятства.

Спящий лежал неподвижно, ремни не были расстегнуты, словно он еще не пришел в себя после старта. Одежда, голова, лицо... Дэйн вырвался из поддерживающих его рук. Должно быть, их изумление было не меньшим. Дэйн, спотыкаясь, сделал шаг-другой к койке и устоял на лежащего. У того были закрыты глаза — очевидно, он спал или был без сознания. Держась одной рукой, чтобы не потерять равновесие, Дэйн вытянул другую. Он хотел коснуться спящего и убедиться, что тот действительно лежит здесь, что глаза его не обманывают. Лицо

лежащего на его койке он не раз видел в зеркале. Он смотрел... на самого себя!

Но, может быть, это тело и это лицо лишь видение, порождение его болезни? Палец уперся в плоть. Дэйн повернулся. Али был здесь, а с ним и Френк Мура, кок-стюард. Оба смотрели на человека на койке.

— Нет! — Дэйн задыхался. — Я... Я, это я! Я — Дэйн Торсон. — И он повторил ту формулу, которая вывела его из кошмара в гостинице. — Я — Дэйн Торсон, помощник суперкарго, вольный торговец «Королевы Солнца», земной регистр 65-72-49-10-ДЖИ-КЕЙ.

Его личный жетон! У него есть доказательство. Он сунул руку в карман, извлек жетон, показал всем и понял, что он действительно Дэйн Торсон. И если он Дэйн Торсон, то кто же тогда...

— Что происходит?..

Тау! Врач Тау! Дэйн с облегчением обернулся, все еще держа за койку. Тау узнает его. Ведь он с Крэйгом Тау был в такой переделке на Хатке.

— Я — Дэйн и могу доказать это. Вы — Крэйг Тау, мы были на Хатке, где вы с помощью магии заставили Ламбрило поранить себя. И... и... — Он протянул дрожащую руку с жетоном Камилу. — Вы — Али Камил, мы нашли вас в лабиринте на Лимбо. А вы — Френк Мура, вы вывели нас из этого лабиринта.

Он доказал. Никто, кроме Дэйна Торсона, не мог знать этого. Они поверят ему. Но кто же... на его койке, в его куртке? Вот заплатка, которую он сам посадил торо-волной три дня назад, он, Дэйн Торсон.

— Я — Дэйн Торсон. — Теперь у него дрожали не только руки, он весь дрожал и был готов снова потерять сознание. — Может, это все просто безумный сон?

— Спокойно! Держи его, Камил! — Тау был рядом, и тут же Дэйн оказался в туалете, его сильно стошнило. — Удержите? — Голос Тау доносился как бы издалека. — Неужели укол. Он...

— Отравлен, я думаю, — услышал Дэйн собственные слова, но разве он произнес это вслух? И в этот момент свет померк.

Третье пробуждение оказалось легче. В этот раз не тяжесть Синдбада и не его шершавый язык привели Дэйна в себя. Он ощутил облегчение, как будто сбросил с себя какую-то тяжесть, и долго лежал довольный, пока не начало тревожить воспоминание. Что-то... что-то он должен доложить капитану. Мысли текли неторопливо. Он открыл глаза и немного повернул голову — он в лазарете. Хотя раньше он не лежал здесь, каюта была ему знакома. Дэйн зашевелился и тут же увидел врача.

— Снова с нами? Посмотрим... — Тау быстро и уверенно

осмотрел его. — Отлично, хотя по правилам вы должны были умереть.

— Умереть? — нахмурился Дэйи. — А человек на моей койке?

— Умер. Мне кажется, вы оправились. — Тау подошел к настенному коммуникатору. — Лазарет вызывает капитана.

Капитан... Доложить капитану! Дэйи попытался встать, но Тау уже нажал кнопку, и койка под Дэйиом превратилась в кресло. Небольшое головокружение тут же прошло.

— Человек... как...

— Сердечный приступ от ускорения. Ему нельзя было покидать планету, — ответил Тау.

— Его... его лицо...

Тау что-то взял с ближайшей полки. Он смотрел на Дэйи, держа пластомаску. Вместо глаз дыры, а в остальном впечатление, будто смотришь в зеркало. А полоска, покрытая светлыми волосами, как у Дэйи, завершала сходство.

— Кто он? — В маске было какое-то очарование, и Дэйи с трудом отвел взгляд, будто в руках врача была часть его самого.

— Мы надеялись... надеемся, что вы знаете, — ответил Тау, — но она нужна капитану.

И, как бы в подтверждение этого, появился капитан Джелико. Как обычно, его загорелое лицо со шрамом от бластера не выражало никаких чувств. Он перевел взгляд с маски на Дэйи и обратно.

— Великолепная работа, — заметил он, — и трудная.

— И не на Ксечо выполненная, добавил бы я, — сказал Тау и, к облегчению Дэйи, убрал маску. — Ее делал специалист.

Капитан подошел к Дэйиу и протянул руку. На его ладони лежала объемная фотография. Мужчина, лицо не загорелое, как у космонавтов, а бледное. Землянин или потомок землян-колонистов. В глазах странная неподвижность, волосы редкие, песчано-коричневые, брови тонкие. На щеках веснушки. Он был совершенно незнаком Дэйиу.

— Кто? — спросил Дэйи.

— Человек под ней, — указал Джелико на маску. — Вы его знаете?

— Никогда не видел.

— У него были ваши вещи, подложный жетон и эта маска. Он должен был на борту корабля выдать себя за вас. А где были вы?

Дэйи кратко рассказал о событиях после пробуждения в гостинице, добавив сообщение об исчезнувшей посылке... если она вообще исчезла.

— Информировать почтовую полицию? — предложил он.

— Это не грабеж. — Джелико взглянул на фото, будто хотел

получить разгадку. — Слишком тщательная подготовка. Я думаю, кому-то нужно было проникнуть на корабль.

— Суперкарго, сэр, — подхватил Дэйн, — имеет доступ к...

— Разумное предположение, — резко кивнул Джелико. — Перечень грузов... Что у нас достойно такого сложного плана?

Дэйн, впервые наделенный полной ответственностью за груз, помнил все. Он мысленно пробежал по нему. Ничего... ничего важного. Но маска означает время для подготовки, тщательное и длительное планирование. Он повернулся к Тау.

— Меня отравили?

— Да. Если бы не сдвиг в обмене веществ после того церемониального напитка на Сарголе... — Он покачал головой. — Хотели они убить вас или просто вывести надолго из строя, но вы получили смертельную дозу.

— Значит, он должен был стать мной. Надолго? — Дэйн задал вопрос самому себе, но ответил капитан.

— Не дольше, чем до Трюса. Во-первых, если он не был исключительно осведомленным, то не смог бы долго обманывать товарищей по команде, которые вас знали. Для этого нужно знать мельчайшие подробности, а вы слишком недолго находились в их руках. Вы отсутствовали не более одного ксечинского цин-цикла. А полный съем памяти требует гораздо большего времени. Изображать больного он не смог бы, Тау раскусил бы его. Конечно, ему необходимо было показать, что не уверен в работе, что должен проверить все записи и тому подобное. Перелет на Трюс недолог. До Трюса он смог бы продержаться, но не дольше. Во-вторых, могут быть две причины, по которым он оказался на борту, — либо ему нужно было что-то провезти без досмотра, либо самому незаметно добраться до Трюса. Помешала случайность! На вас яд не подействовал из-за саргонского напитка, а сам он не был готов к космическому путешествию.

— Он что-нибудь принес с собой? — спросил Дэйн.

— Беда в том, что мы не проверяли при посадке. Мы не знаем, принес ли он что-нибудь. В каюте ничего нет, а трюмы запечатаны.

— Закрыты? А сейф? — возразил Дэйн. — Я не закрывал его, пока не была получена посылка.

Джелико подошел к коммуникатору.

— Шэннон! — от вызова помощника штурмана у Дэйна зазвенело в ушах. — Быстро к сейфу! Проверьте, полностью ли он заперт!

Дэйн попытался размышлять: если трюмы закрыты, где можно что-нибудь спрятать на «Королеве»?

УТРАЧЕННАЯ И НАЙДЕННАЯ ПАМЯТЬ

— Два трюма закрыты полностью, сейф наполовину, — донесся из коммуникатора голос Рипа.

Капитан взглянул на Дэйна, и тот кивнул.

— Как я и оставил. Надо проверить сейф. Неизвестный не мог открыть нижние трюмы, где находился их груз, но сейф для особо ценных грузов... Поскольку незнакомец был намерен, очевидно, лететь с ними и не ограничиться разовым вторжением на «Королеву», а в каюте Дэйна ничего не нашли, то, если он принес что-то с собой на борт, им нужно как можно скорее найти это что-то.

— Вы не в состоянии... — начал Тау, но Дэйн уже сидел.

— Позже мы все можем оказаться не в состоянии, — угрюмо возразил он.

Однажды «Королева» увезла почти смертоносный груз, и память об этом экипаж сохранит навсегда. Лес, взятый на Сарголе, скрывал в себе зверька, способного принимать любой цвет. В когтях этого зверька таился наркотик, поразивший экипаж как чума.

Дэйн был уверен, что осмотр комнаты-сейфа сразу покажет, есть ли на борту незаконный груз, — благодаря длительной и упорной тренировке суперкарга держал в голове весь огромный перечень грузов. Его должны пустить туда, безопасность «Королевы» превыше всего. Тау поддерживал Дэйна, а капитан спускался впереди, время от времени тоже помогая Торсону. К тому времени, когда они добрались до сейфа, Дэйн все еще нуждался в такой поддержке. Он долго не решался оторваться от Тау, сердце его бешено колотилось, и он тяжело дышал. Ему снова вспомнились слова Тау о том, как он был близок к смерти. Наконец Дэйн протянул руку к замку.

Трюс — окраинная планета, слабо заселенная. Почта, которую они везли в ее единственный порт, была невелика — микрозписи с агротехнической информацией, личные письма поселенцам и мешок официальных бумаг посту Патруля. Особо ценных материалов было немного, и главные среди них — эмбриобоксы. Поскольку ввоз домашних животных на большинство планет находился под строжайшим контролем, каждая такая перевозка требовала особых мер безопасности. У экологической службы были строгие правила относительно того, что можно и что нельзя перевозить. Слишком часто в прошлом естественное равновесие на планетах бессмысленно нарушалось ввозом организмов, у которых не оказывалось местных врагов.

Развитие таких организмов быстро выходило из-под контроля и превращалось из средства извлечения прибыли, как надеялись ввозившие, в страшную угрозу.

После тщательной проверки колонистам разрешалось ввозить зародыши, и на «Королеве» находилось пятьдесят зародышей латмеров в запечатанных контейнерах. Зародыши были получены в лаборатории и стоили гораздо больше, чем их вес в кредитах, — на Трюсе оказался подходящий климат, а мясо латмеров считалось роскошью в обширном секторе Галактики. Птицы за год достигали полного роста, а цыплята считались особым деликатесом. Если колонистам удавалось вырастить достаточное количество латмеров, у них появлялась собственная прочная статья в галактической торговле.

Для Дэйна это было главным сокровищем, перевозимым «Королевой». Но контейнеры были тщательно закрыты, дважды опечатаны и упакованы так же, как он их и оставил. Их никто не трогал. Несколько других мешков и ящичков также казались нетронутыми, и Дэйну пришлось наконец признать, что он не обнаружил следов вмешательства. Но когда Тау помог ему выйти из сейфа, Дэйн тщательно опечатал сейф, что он должен был сделать еще перед взлетом «Королевы». Первоначальная проблема оставалась нерешенной. Зачем на борту оказался мертвец в маске? Пока они не выйдут из гиперпространства, а это произойдет лишь в системе Трюса, они не будут иметь никакой возможности связаться с Патрулем или с другими представителями власти.

Тау тщательно осмотрел тело, прежде чем его поместили в глубокий холод. Помимо того, что неизвестный умер от сердечного приступа, вызванного ускорением при взлете, осмотр ничего не дал. Неизвестный был земного происхождения без заметных отклонений, вызванных мутацией. В эти годы космических полетов он мог быть какого угодно возраста и со множества планет, обитатели которых сходны с землянами. Раньше никто из экипажа «Королевы» его не видел. Несмотря на все усилия, Тау не удалось выделить и определить яд, введенный Дэйну.

Личный жетон Дэйна был искусно подделан. Джелико вертел его в руках, как бы надеясь увидеть ключ ко всему происшествию.

— Такой тщательный план означает большое дело. Вы говорите, что вызов за посылкой пришел с пункта связи посадочного поля? — спросил капитан.

— По обычному каналу. У меня не было оснований сомневаться.

— Там свободный доступ, — заметил штурман Стив Вилкоккс.

— Отправить сообщение мог любой. А в самом тексте ничего не показалось необычным?

— Ничего. — Дэйн подавил вздох.

Конечно, он только заместитель Ван Райка (как Дэйн теперь хотел, чтобы обычно всеведущий суперкарго оказался рядом с ним, а сам он мог бы вернуться к менее ответственной роли помощника), но Дэйн знал, что находится у них в трюме, и сам укладывал большую часть груза на специальные стеллажи. Самые большие предметы — это эмбриобоксы и клетка с бречами. Клетка с бречами! Это единственный предмет, о котором он не вспомнил главным образом потому, что бречи живые, и потому их разместили в отделении гидропоники и переданы в ведение Муры.

— А бречи? — спросил Дэйн.

У Тау ответ был готов.

— Там ничего. Я осматривал их. У самки вот-вот появятся щенки, но только после приземления. В клетке ничего нельзя спрятать.

Бреч — самое большое сухопутное животное на Ксечо, но на самом деле они невелики. Их там много. Взрослый самец доходил Дэйну до колен, самка — чуть больше. Забавные и привлекательные существа, покрытые мелкой растительностью, именно растительностью, а не шерстью и не подшерстком, кремового цвета со слегка розовым оттенком у самок. Самцы потемнее. У них, кроме того, складки кожи под горлом. Раздуваясь, они становились алыми. Длинные головы с узкими, заостренными рылами увенчаны на конце маленьким острым рогом. Этим рогом бречи легко открывали раковины моллюсков — свою любимую пищу. Уши обрамлены подобием перьев. Бречи легко приручаются. Их строго охраняют на Ксечо, после того как первые колонисты начали незаконную торговлю их шкурами. Отобранные пары вывозятся только с разрешения специалистов по ксенобиологии, как и эта пара, предназначенная для лаборатории на Трюсе. По какой-то причине они являются загадкой для биологов, и на многих планетах ученые тщательно их изучают.

— Все, — спустя короткое время сказал Дэйн. Он мысленно пробежал весь перечень грузов — ничего особенного. И все-таки этот мертвец свидетельствовал о тщательно разработанном плане.

— Итак... — Вилкокс как будто решал одно из своих любимых уравнений, наслаждаясь его сложностью. — Если не груз, то сам человек. Ему нужно было тайно пробраться на Трюс. Маскировка помогла бы ему проникнуть в оба порта, либо только в один. Он рисковал тем, что мы его раскроем и посадим под арест.

Кроме того, на нем убийство, если собирались избавиться от вас навсегда. — Вилкокс кивнул Дэйну. — А это дорогая плата. Что происходит на Трыусе?

Они хорошо знали, что внутренняя политика на многих планетах — опасная штука, и вольные торговцы старались не принимать ничьей стороны. В каждого из них вросло убеждение, что корабль — это их планета, и только ему все они принадлежат — в начале, в конце и навсегда. Иногда трудно было согласовать это с различными симпатиями и антипатиями, но все твердо знали, что от этого зависит их жизнь, и так же твердо придерживались такого поведения. До сих пор Дэйн никогда не сталкивался с выбором между безопасностью корабля и собственными эмоциями. Он знал, что в этом ему повезло, и надеялся, что это везение будет продолжаться. Дэйн не знал, приходилось ли его товарищам сталкиваться с такой дилеммой, прошлое до его появления на «Королеве» принадлежало только им.

— Ничего, насколько мне известно, — заметил Джелико, все еще рассматривая жетон. — Если бы что-то происходило, нас бы предупредили в общем порядке. Эти рейсы обслуживал «Комбайн».

— Может быть, «Интерсолар»? — предположил Али.

«Интерсолар» — «И-С»... В прошлом их «Королева» дважды сталкивалась с этой компанией, и оба раза вольный торговец выигрывал бой. Пигмей успешно противостоял гиганту звездных трасс компании с их огромными торговыми империями, с их флотами, с тысячами, даже миллионами служащих, разбросанных вдоль галактических торговых путей — это монополии, боровшиеся друг с другом за контроль над торговлей с новыми планетами. Вольные торговцы, как нищие на пиру, подхватывали крохи выгоды, которые гиганты презрительно пропускали или считали нецелесообразным разрабатывать.

«Королева Солнца» получила контракт на вывоз камней корос с Саргола. Ее капитан даже сражался на дуэли с человеком «И-С» за это право. Именно «И-С» объявила «Королеву» зачумленным кораблем, когда удивительный зверек, проникший на борт, вывел из строя почти весь экипаж. И лишь проявленная младшими членами экипажа твердость характера и решимость — они сумели обратиться на Землю за помощью — спасли корабль и жизнь всего экипажа. И контрабандную торговлю именно «Интерсолара» они разрушили на Хатке, когда капитан Джелико, врач Тау и Дэйн прибыли туда по приглашению капитана рейнджеров в отпуск.

Конечно, люди «И-С» не имели оснований любить «Королеву», и во всех своих неприятностях экипаж «Королевы» был склонен прежде всего винить их. Дэйн сделал глубокий вдох.

Может быть, «И-С»? У компании есть возможности для осуществления такого плана. Во время пребывания «Королевы» на Ксечо там не оказалось кораблей «Интерсолара», Ксечо — территория «Комбайна», но это ничего не значило. Нужный человек мог быть прислан на нейтральном корабле из другой системы. И если это часть заговора «И-С»...

— Может, — ответил Джелико, — но я в этом сомневаюсь. Конечно, они не испытывают к нам теплых чувств, но мы для них — мелкая мошка. Увидев возможность подорвать нам двигатель без особого труда, они ею воспользуются, но разрабатывать такой сложный план — нет. Мы перевозим почту, значит, всякое происшествие повлечет за собой расследование Патруля. Я не отвергаю участие «И-С», но не они самые вероятные злоумышленники. «Комбайн» не сообщал о политических волнениях на Трюсе...

— Есть способ кое-что узнать, — с отсутствующим видом заметил Тау, постукивая пальцами по краю полки, и Дэйн обнаружил, что следит за ним.

Хобби Тау была магия или, точнее, те необъяснимые способности, которые первобытные, а иногда и далеко не первобытные люди использовали во множестве миров для достижения своих целей. Тау использовал свои знания, чтобы отвести от них опасность на Хатке. И именно постукивание пальцами использовалось для создания силы, сломившей волю колдуна-знахаря. Только тогда по приказу Тау постукивал пальцами Дэйн. Сейчас как будто та же мысль возникла и у Тау. Дэйн не обладал телепатическими способностями, но, по словам Тау, прекрасно справился на Хатке.

— В полном сознании вы не сможете вспомнить, что происходило после того, как вы покинули корабль, и до пробуждения в гостинице, — продолжал врач.

— Необходимо глубокое зондирование? — догадался Дэйн.

— А подействует? — спросил Джелико.

— Нельзя сказать, пока не попробуем. У Дэйна против гипнотехники блок. Но мертвец носил его куртку, а это значит, что они встречались. Если Дэйн согласен, то глубокое зондирование может дать ответ на некоторые вопросы.

Дэйну хотелось изо всех сил крикнуть «Нет». У впечатлительного человека глубокое зондирование вызывает в памяти всю его жизнь, начиная с раннего детства. Но команду интересуется лишь ближайшее прошлое. Дэйн увидел смысл в предложении Тау.

— Мы исследуем только тот период, когда вы оставили корабль. — Тау, по-видимому, понимал состояние Дэйна. — Зондирование может и не получиться, вы не очень подходящий

объект для этого. К тому же мы понятия не имеем, как изменился после яда ваш организм.

Дэйн почувствовал, как его охватывает тот же холод, с каким он боролся после пробуждения в гостинице. Может, Тау считает, что пострадал его разум? Но он отлично помнит весь груз и записи подтверждают точность его памяти. Его память не удержала лишь то время, которое и хочет восстановить Тау. Дэйн вздрогнул — он совсем не желал знать, повредил ли яд его умственные способности. Только если он не согласится, в будущем его могут ожидать еще большие трудности.

— Хорошо, — сказал Дэйн и тут же пожалел о своем согласии.

Поскольку корабль летел в гиперпространстве, на вахте был только Рип. Капитан и Вилкокс присутствовали при подготовке к зондированию. Дэйн точно не знал, как оно действует, хотя всем известно, что оно способно вывернуть человека наизнанку. Джелико приготовился записывать то, что станет рассказывать Дэйн, и Тау сделал укол. Дэйн услышал негромкое бормотание, а потом...

Он опускался по трапу, слегка встревоженный и недовольный тем, что его в самую последнюю минуту вызвали за посылкой. К счастью, поблизости стоял полевой скуттер. Дэйн сел в него, опустил свой жетон и тронулся к выходу.

— «Денеб», — он вслух повторил название, смутно припомнив небольшое кафе у самого порта.

По крайней мере, близко. Запись-расписка у него в руках, достаточно голоса капитана и прикосновения его пальцев и расписка станет законной. Скуттер доставил его к выходу, и Дэйн посмотрел вдоль улицы в поисках нужного места. Ксечо — перекресток дорог, и здесь часто останавливаются корабли. Потому-то здесь и есть гостиницы, рестораны, кафе и другие заведения для космонавтов, хотя этот район невелик и не может идти ни в какое сравнение с портами других миров. Он состоит из одной улицы — тесного ряда одноэтажных хмурых зданий.

Стоял очень жаркий, как обычно, полдень, а Дэйн пошел в мундире, что добавляло неудобств. Нужно как можно скорее покончить с этим делом. Он поискал вывеску. Горящие по ночам яркие надписи теперь отсутствовали. Вскоре Дэйн увидел то, что искал, — небольшое кафе, зажатое между рестораном и гостиницей, в котором он обедал накануне. На улице почти никого — большинство людей спасалось от жары. По дороге Дэйну попалось лишь два космонавта, и он в них не всматривался.

Войдя в «Денеб», он как будто шагнул из раскаленной печи в холодный полумрак. Какое облегчение очутиться здесь после жестокого полудня Ксечо! «Денеб» оказался не кафе, а скорее

пивнушкой, и Дэйн почувствовал беспокойство. Трудно представить, что человек, желающий вручить особо ценную посылку, ждал бы в таком месте. Впрочем, это первый почтовый рейс Дэйна и откуда он мог знать, что такое нормальная почтовая процедура? «Королева» отвечает лишь за благополучную доставку груза, а если его сомнения не развеются, ему достаточно на обратном пути зайти в порт и дополнительно застраховать посылку.

У дальней стены выстроился ряд автоматов с циферблатами набора напитков и разрешенных наркотиков. Впрочем, Дэйн не сомневался, что, зная код, можно получить и кое-что запретное. В помещении было тихо. У дальнего автомата сидел опьяневший космонавт, рассматривавший пустой стакан. Ни следа владельца... Маленький прилавок у двери пуст. Дэйн в нетерпении ждал. Не этот же выпивоха посылал за ним... Наконец он постучал по прилавку.

— Спокойнее, спокойнее... — послышались слова на базовом языке, но с каким-то присвистыванием.

Занавес за прилавком отдернулся, и вошла женщина. Она казалась достаточно гуманоидной, чтобы ее так назвать, хотя ее бледную кожу покрывали крошечные чешуйки, а свисавшая на плечи растительность лишь походила на волосы. Черты лица очень походили на человеческие. Одетая она была по последней земной моде — в узкие брюки из металлической ткани, пушистую кофту без рукавов и полумаску из серебряной проволоки закрывала глаза и лоб. Одежда совершенно не соответствовала такой грязной дыре.

— Что вы желаете? — снова послышались свистящие звуки.

— Вызывали почтовый корабль «Королева Солнца», джентельфем, для доставки ценной посылки?

— Ваш жетон, джентельхомо.

Дэйн протянул жетон, и она склонила голову, как будто сложная маска мешала ей смотреть.

— Да, есть посылка.

— Отправитель вы?

— Пожалуйста, сюда. — Она не ответила на вопрос, поманив за собой Дэйна и приподняв занавес.

Там оказался очень узкий коридор, и Дэйн при ходьбе задевал плечами стены. Затем вторая дверь отошла в сторону. Помещение, в котором он очутился, оказалось полной противоположностью первому. Стены были забраны пластцитами, сливающимися друг с другом и дающими бесконечную вереницу чужих ландшафтов. В ноздри Дэйну ударило зловоние, от которого его замутило. Он не видел источника этой ужасной вони, она просто существовала в этой роскошно меблированной ком-

нате, где во всем чувствовалась бездна вкуса, подкрепленная бездной кредиток.

В кресле развалился мужчина. Он не встал при появлении Дэйна, а приветствовал его только взглядом. Женщина не обратила на мужчину никакого внимания. Она быстро прошла мимо Дэйна к противоположной стене и взяла ящичек из тусклого металла, куб с размером граней в две ладони.

— Возьмите, — сказала она.

— Кто подпишет? — Дэйн перевел взгляд с женщины на мужчину, который смотрел на него так пристально, что Дэйн почувствовал беспокойство.

Мужчина ничего не ответил, хотя наступила небольшая пауза, как будто женщина ждала приказа. Потом она сказала:

— Если это необходимо. — Дэйн извлек аппарат и направил его на ящичек.

— Что вы делаете? — вскрикнула женщина с такой тревогой, будто он собирался разбить ящичек.

— Делаю официальную запись, — пояснил Дэйн.

Она крепко держала ящичек, расставив пальцы, чтобы закрыть как можно большую его поверхность.

— Если хотите отправить, то придется действовать по правилам, — продолжал Дэйн.

Она снова как будто подождала знака от мужчины, но тот не шевелился и не отрывал взгляда от Дэйна. Наконец с видимой неохотой женщина поставила ящичек на край небольшого стола и отступила назад, готовая снова схватить его. Дэйн сделал снимок посылки и протянул микрофон для записи голоса.

— Подтвердите, что вы посылаете это с условием особой сохранности, джентельфем, и назовите свое имя, дату и потом прижмите палец вот здесь.

— Хорошо, раз таковы правила, я сделаю это. — Но она снова взяла ящичек и прижала его к себе, а потом потянулась за микрофоном.

Но ее рука, протянутая к микрофону, не закончив движения, скользнула по запястью Дэйна и необыкновенно длинный ноготь царапнул его тело. Дэйн был слишком поражен, чтобы пошевелиться, и тут же его руки и ноги онемели, а запись упала на пол. У Дэйна хватило сил, чтобы повернуться к двери, но он не сделал ни шага. Последнее ясное воспоминание — он опускается на колени и улавливает все тот же неподвижный взгляд мужчины в кресле, который так и не пошевелился. И сразу же вслед за этим Дэйн увидел, что ползет по болоту и жидкой грязи, и просыпается в гостинице, чтобы вслед за этим добраться до «Королевы».

Очнувшись, он увидел лазарет и склонившегося над ним с иглой в руке Тау. На этот раз Дэйн отчетливо помнил все, что вызвало в его памяти глубокое зондирование.

Глава 3

НЕПРИЯТНОСТИ С ГРУЗОМ

— Запись, — вслух выразил Дэйн первую же мысль.

— Это не единственная вещь, которую неизвестный не принес с собой, — ответил Джелико.

— Ящичек?

— Его здесь нет. Возможно, он служил только приманкой.

Дэйн почему-то не поверил в это. Действия женщины, насколько он помнил, говорили о другом. А может, она просто должна была отвлечь его внимание, чтобы он не подозревал о готовящемся нападении? Дэйн понял, что собравшиеся в лазарете знали все подробности его воспоминаний. Зондирование не только записывалось, но и транслировалось, пока он был без сознания.

— Как я попал из «Денеба» в гостиницу? — удивлялся Дэйн.

Было что-то еще, какое-то раздражающее воспоминание о мелькнувшем лице, но Дэйн не был уверен. Видел ли он, падая, другого человека? Он не уверен.

— Вас могли перенести как пьяного, — заметил Али, — это для порта обычная картина. И я понял, что вы, уходя, никого не расспрашивали.

— Мне нужно было вернуться на корабль, — ответил Дэйн, думая о ящичке, который казался таким важным для женщины и был таким небольшим, что его можно легко спрятать, но они обыскали сейф, каюту... — Ящичек...

Капитан Джелико встал.

— Примерно вот такого размера, — показал он руками в воздухе.

Дэйн утвердительно кивнул.

— Хорошо, мы поищем.

Дэйн хотел принять участие в поисках, но его приковала к постели собственная слабость — действие второго укола, сделанного Тау, кончилось, и Дэйн почувствовал такую сонливость, что не смог с ней бороться. Он знал, что поиск, организованный капитаном, дойдет до самой обшивки «Королевы».

Очнувшись и чувствуя себя гораздо лучше, Дэйн узнал, что поиск не увенчался успехом. У них на руках был мертвец в глубоком охлаждении и больше ничего, если не считать записи

зондирования, которую снова и снова просматривал капитан Джелико в поисках мельчайших деталей. К перечню можно было добавить лишь одно предположение, что человек, видевший уход Дэйна, может, был все еще в «Денебе».

— Если они видели Дэйна раньше, то для них это было неожиданностью, — размышлял капитан, — но уже слишком поздно менять план. А мы ничего не можем предпринять, пока не доберемся до патрульного поста на Трюсе. Готов поклясться, что там, где мы искали, нет никакого ящичка.

— Эта женщина, — сказал связист Тан Я, прихлебывая земной кофе в кают-компании, — чужак. Любопытно... — Из внутреннего кармана он извлек блокнот, резкими, уверенными движениями сделал набросок и показал его Дэйну. — Похожа?

Дэйн изумился. Как и все члены экипажа, Тан Я имел хобби, скрашивающее скуку дальних перелетов, но Дэйн считал, что его хобби — сооружение миниатюрных электронных приборчиков и игрушек, и не знал, что связист-марсианин еще и художник. Дэйн рассматривал рисунок, сопоставляя его со своими воспоминаниями.

— Лицо... уже у подбородка, глаза... чуть более раскосые, а может, они показались такими из-за маски.

Тан Я взял блокнот, немного подправил рисунок, и лицо изменилось.

— Да! — воскликнул Дэйн, удивляясь полученному изображению.

Связист показал рисунок капитану, и тот долго рассматривал его, потом передал Тау, а врач, в свою очередь, Стиву Вилкоксу. Штурман поднес рисунок ближе к свету.

— Ситлит...

Дэйну это слово ничего не сказала, но капитан чуть не выхватил блокнот у своего заместителя и снова стал его разглядывать.

— Вы уверены?

— Ситлит, — убежденно повторил Вилкоккс, — но... не подходит.

— Да, — гневно согласился капитан.

— А кто этот Ситлит? — спросил Тау. — Или что?

— И кто, и что, — ответил Вилкоккс. — Гуманоидные, но чуждые в десятой степени.

Дэйн с удивлением взглянул на рисунок, лежащий перед капитаном. Чуждые в десятой степени! Ксенобиология входила в курс подготовки суперкарга, поскольку от ксенобиологических знаний часто зависел успех торговли с чужаками. Изучение чужих обычаев, желаний и личностных факторов никогда не прекращалось, но Дэйн не знал, что чуждые до такой степени

существа могут так походить на человека. Это все равно, что представить себе земную змею в человеческом образе.

— Но она... она говорила разумно. И... очень похожа на человека, — возразил Дэйн.

— И она отравила вас, — сухо заметил штурман. — И она не смазывала ноготь ядом. У нее в пальце ядовитая железа! Не знаю, как она могла оказаться столь похожей на человека. Но Ситлит на Ксечо! Их считают привязанными к родной планете. Открытое пространство вызывает у них такой ужас, что любая попытка увезти их в космос кончается смертью — они ругаются до смерти. Мир у них в инфракрасном свете, поэтому мы их нечасто навещаем. В лаборатории на Барбароссе я видел одного в глубоком охлаждении. Детеныша... Его ядовитые мешочки были пусты. Он пробрался на патрульный корабль и там спрятался, а когда его обнаружили после старта... — Вилкокс пожал плечами, — все было кончено. Но у вас взрослая особь, действующая в чужом мире, а я готов поклясться, что это невозможно.

— Нет ничего невозможного, — возразил на это Тау.

И он был прав, все космонавты знали это. Невероятное, невозможное на одной планете может оказаться самым обычным на другой. Ночные кошмары Земли являются частыми и достойными гражданами других планет, хотя, может быть, и не по земным стандартам. Обычай, настолько странный, что кажется невозможным, где-нибудь могут оказаться обязательными. Поэтому космонавты, а особенно вольные торговцы, навещающие малоизвестные и недавно открытые планеты, верили, что возможно все, каким бы невероятным оно не казалось.

Джелико снова взял рисунок.

— Его можно зафиксировать? — спросил он Тана Я.

— Нажмите в середине, и рисунок сохранится, пока вы сами не захотите стереть его.

— Итак, у нас есть мертвец, маска, чужак, который должен находиться во многих парсеках отсюда на своей родной планете, исчезнувший ящичек чудом выжившего помощника суперкарга, — и никаких объяснений. — Вилкокс поставил пустую кружку на стол. — Если перед посадкой мы не найдем его...

— Есть еще кое-что. — В дверях стоял Френк Мура, произнесший фразу своим обычным спокойным тоном, но что-то в его голосе сразу привлекло общее внимание. — Есть два пропавших бреча.

— Что? — вскочил Джелико.

Он увлекался ксенобиологией и поэтому вел наблюдения за животными с Ксечо, иногда даже беря их в свою каюту. Квикс, уродливый хубат, чья клетка висела в каюте капитана, невероятная помесь попугая, краба и жабы, отчаянно протестовал и

обычная мера успокоения — капитан сильно хлопал по клетке — не действовала. Поэтому Джелико на время визита бречей приходилось переселять квивкса.

— Но клетка заперта, — добавил капитан.

Мура протянул руку, на которой лежала тонкая проволока; изогнутая на одном конце.

— Вот что было в клетке, — сказал он.

— Клянусь семью именами Трутеска! — Али взял кусочек проволоки и повертел между пальцами. — Настоящая отмычка!

— Проволоку выломали из сетки внутри клетки, — добавил Мура.

Теперь все смотрели на него. Изнутри клетки? Но это значит... это значит, что это сделали бречи. Но бречи — животные, и к тому же не самые умные. Насколько Дэйн помнил, они по шкале обучения стояли ниже Синдбада, который сидел сейчас в углу кают-компаний и изобретательно умывал свою морду.

— Дайте взглянуть! — Джелико взял проволоку и рассмотрел ее с той тщательностью, что и рисунок перед этим. — Обломана... Да, это отмычка.

— Бречи исчезли, — повторил Мура.

В трюме, подумал Дэйн, они быть не могут, трюмы опечатаны. Остаются машинное отделение, лазарет, их личные каюты, контрольная секция и несколько других мест, ни в одном из которых негде было укрыться двум сбежавшим животным. Предстоял новый поиск. Животные испуганы, к тому же самка беременна, ее нельзя тревожить. Джелико отобрал в поисковую группу только тех, ко имел дело с бречами — незнакомцы могли обратить животных в отчаянное бегство... Он приказал Штоцу вместе с Кости, Уиксом и Али, который обязан был немедленно вернуться в каюту, осмотреть машинное отделение, убедиться в том, что бречей в нем нет, и оставаться там. Вилкоккс и Тан Я должны были присоединиться к Шэннону в контрольной секции, обыскать ее и закрыться. Таким образом, непосредственный поиск осуществляли Тау, Дэйн, Мура и капитан. Именно они заботились о живом грузе и кормили его. В качестве добавочной предосторожности Синдбада заперли в камбузе.

Когда машинная и контрольные секции доложили, что там бречей нет, начался поиск. Дэйн спустился к трюмам, но печати оказались нетронутыми, и, стало быть, никто не пробирался туда. Дэйна беспокоила мысль об отмычке. Как бречи сделали ее? И они ли? Ни один член экипажа не станет так шутить, это бессмысленно. А неизвестный мертв и лежит в глубоком холоде. Воображение Дэйна подсказывало ужасное объяснение, и он, против воли, все время оглядывался на дверь холодильника. Она, конечно, тоже была опечатана. Дэйн с облегчением поду-

мал, что уж такие дикие предположения действительно невозможны, мертвые не оживают.

Оставались каюты. Сначала осмотрели каюты инженерной секции. Они не были роскошно меблированы, а их теснота означала, что живущий здесь должен быть педантичным и аккуратным. Никаких ящиков и кладовок... Дэйн осмотрел все возможные укрытия, а их было очень немного. Открывал двери каждого душа. Ничего.

Следующий уровень — каюта и контора Ван Райка. Дэйн вошел и осмотрелся. И здесь ничего. Не в первый раз он пожалел, что обитатель этой каюты не находится на борту. Ван Райк им просто необходим. Многолетний опыт суперкарго, знание всех лабиринтов торговли и обычаев чужаков — вот что необходимо для решения задачи. Печать на сейфе напротив каюты суперкарго тоже не тронута, она в том же виде, как Дэйн и оставил ее.

Следующий уровень — каюты помощников, каюта Рипа, гидросад и камбуз — секция Муры. Свою территорию Мура обследует сам, Дэйну оставалось лишь осмотреть каюту Рипа и свою собственную. Вначале он занялся каютой Рипа, а потом своей. Когда Дэйн открыл дверь собственной каюты, лишь несколько миллиметров спасли его. Парализующий луч ударил над ухом, и Дэйн отлетел в коридор. Он умудрился захлопнуть дверь и прислонился к стене, стараясь унять головокружение. Кто-то внутри, вооруженный станнером, пытался остановить его. Но кто? Может, есть еще один неизвестный, помимо умершего? Это единственно возможное объяснение. Дэйн добрался до ближайшего коммуникатора и нажал красный сигнал тревоги.

— Что?.. — послышался голос Вилкокса, но он звучал очень слабо, как будто выстрел оглушил Дэйна.

— Кто-то... в моей каюте... станнер... — предупредил Дэйн и стал следить за дверью, хотя и не представлял, как он, безоружный, может помешать противнику выйти.

Но если находящийся в каюте понимал свое преимущество, то он все-таки не пытался его использовать. Дэйн попробовал вспомнить, где же можно спрятаться. Во флиттере? Но ускорение взлета плюс переход в гиперпространство без всяких приспособлений вывели бы из строя большинство людей. Конечно, может, это и не человек?

Послышался шум — это спускается Джелико. В тот же момент из гидросада появился Мура. За капитаном следовал Тау, и он немедленно направился к Дэйну.

— Задел меня станнером, — пояснил Дэйн.

— Все еще там? — взглянул Джелико на каюту.

— Да.

— Ладно. Тау, усыпляющий газ через вентиляционную трубу.

Тау прижал Дэйна ближе к стене, приказал не шевелиться и вернулся в свою лабораторию на следующем уровне. Вскоре он появился с небольшим контейнером и длинной трубой, которые протянул капитану.

— Все готово.

— Вы видели, кто это? — спросил Тау, когда капитан зашел в каюту Рипа и начал проталкивать трубу через вентиляционную решетку.

— Нет, все произошло слишком быстро. После того, как он задел меня, я не смог смотреть прямо. Но где можно спрятаться? Во флиттере?

— Во время старта? Возможно, если он очень крепок. Но переход в гипер... сомневаюсь. Разве что на койке Шэйннона?.. Тот был на вахте, а мертвец лежал в вашей каюте.

Сквозь открытую дверь им стало видно, как Джелико, стоя на койке Рипа, осторожно просовывает трубу, чтобы она достигла решетки в каюте Дэйна. Точными движениями он так ввел конец трубы, чтобы газ пошел в закрытое помещение.

— Готов. — Крепче взял контейнер одной рукой, другой он взял протянутую Тау маску, которая должна была защитить его от случайных паров газа.

Ожидание показалось Дэйну бесконечным. Он весь дрожал от последствий удара станнера. Наконец капитан вытащил трубу и прыгнул с койки.

— Если он вообще дышит, — с угрюмым удовлетворением сказал он, — то сейчас уже готов.

Это утверждение показалось Дэйну странным, как будто капитан разделял его чудовищное предположение об ожившем мертвце. Дэйн первый добрался до двери. Изнутри она оказалась незапертой и легко поддалась, так что все смогли заглянуть, держа приготовленные Тау маски, а врач насосом убирал газ из каюты.

Дэйн так ожидал увидеть человека, что в первые две-три секунды растерялся. На полу, все еще сжимая лапой станнер, лежал самец-бреч, а на койке свернулась самка. Оба были без сознания.

— Бречи! — Дэйн опустился на колено и коснулся перистого меха самца, прежде чем поверил в очевидное.

В помещении больше никого не было. Животное воспользовалось станнером, как загнанный в угол человек. Дэйн взглянул на капитана и впервые за время службы на «Королеве»

увидел на лице Джелико изумление. Тау наклонился над самкой и быстро осмотрел ее.

— Начинается. Пропустите... — Подняв животное, он перешагнул через неподвижного самца.

— Но как же?... — Дэйн перевел взгляд с капитана на Муру, потом на самца. — Он... он использовал станнер. Но...

— Ученый бреч? — предположил Мура. — Умеет пользоваться оружием в таких обстоятельствах?

— Возможно. — Джелико задумался. — Не знаю, Френк, можно ли сделать такую клетку, чтобы нельзя было открыть изнутри.

— Навесить цепь, установить сигнал тревоги... — перечислил Мура возможные варианты, нагнувшись и всматриваясь в спящее животное.

Дэйн подобрал станнер и засунул его в ящик.

— Животное, — констатировал Мура. — Готов поклясться, что это животное... было животным. Я видел бречей. Эти ничем не отличаются от остальных. Когда я наполнял их кормушку...

— Он замолчал и нахмурился.

— Что случилось, когда вы наполняли кормушку? — спросил капитан.

— Вот этот, самец, следил, как я открывал клетку. Потом протянул лапу и оцупал замок. Я подумал, что он хочет еще листьев рентона, и положил ему. Но теперь мне кажется, что он исследовал замок.

— Что ж, давайте перенесем его в клетку, — сказал Джелико. — И используйте цепь и сигнал тревоги, Мура. В качестве дополнительной предосторожности надо установить видеоэкран. Я хочу иметь запись того, что он будет делать, когда проснется.

Мура поднял бреча и понес его в клетку. Джелико и Дэйн смотрели, как он принял все меры предосторожности, а потом позвали Тан Я, установившего видеофон. Теперь за животным стало возможным следить, как будто это были подозреваемые в преступлении, заключенные в камеру.

— Кто отправитель этого груза? — обернулся Джелико к Дэйну.

— Лаборатория Норкас. Все бумаги в порядке. Их отправляют на Трюс людям Симплекса — очередной проект, разрешенный Советом.

— Не мутанты?

— Нет, сэр. Самые обычные животные. Эту клетку устанавливал техник Норкаса, он же привез пищу и указания для Муры по кормежке животных.

— Он устанавливал клетку... — задумчиво повторил Дже-

лико, поднял руку и провел ею по стене над клеткой. — Он сам выбрал это место?

Дэйн постарался вспомнить. Техник явился на борт с двумя людьми, несшими за ним клетку. Сам ли он выбрал это место? На этот вопрос ответил Мура.

— Нет, сэр. Я попросил, чтобы легче было присматривать за животными. Но я не понимаю... Самка... ей еще месяц... Детеныши должны были родиться на Трюсе.

Капитан Джелико стукнул по переборке за клеткой, будто испытывая ее прочность.

— Внизу сейф, — сказал он.

Но Дэйн не видел связи между этим и странным поведением пары бречей, а Джелико не стал объяснять. Нагнувшись, он попросил Муру объяснить устройство запора. Потом Мура начал устанавливать видеозэкран, причем, к удивлению Дэйна, капитан приказал замаскировать его от обитателей клетки. Проснувшись, бречи не будут знать, что находятся под наблюдением, как будто они действительно подозреваемы в преступлении.

Организовав все по своему усмотрению и оставшись довольным, Джелико, наконец, отдал приказ оставить животных и всем держаться как можно дальше от них. Дэйн, бросив взгляд на мирно спящее животное — он все еще не мог поверить, что именно бреч чуть не убил его из станнера, — вернулся к себе в каюту, растянулся на койке и тщетно пытался понять, что же произошло. На «Королеве» и раньше случались кризисные ситуации, но никогда не было такой цепочки необъяснимых происшествий. Животные, действующие так, будто они обладают разумом человека, мертвец с его лицом и чужая женщина — все это фантастично, как телефильм.

Установлено видео; что надеется увидеть капитан? А может, прав Мура, предположив, что бреч приучен нападать на человека? Возможно ли это?

Дэйн скатился с койки и принялся пересматривать документы. Все так, как он помнил, — два бреча, самец и самка, отправленные лабораторией Норкас, находящейся на Ксечо, в адрес агротехнической станции Симплекс на Трюсе. Все разрешения получены и, если документы не подделаны, все в порядке. Тем не менее он переснял все документы. Не успел он закончить эту работу, как ожил коммуникатор.

— Экран, — послышался голос Джелико, и Дэйн включил маленький телеэкран.

БЕСПОКОЙНЫЙ ПОЛЕТ

На экране появился коридор и клетка бречей. Самец стоял, поворачивая голову, будто отыскивая что-то. Потом, проявив более сильные эмоции, чем можно было бы ожидать от известного своим дружелюбием животного, он бросился к дверце клетки, ухватил прут лапами и принялся яростно трясти. Однако этот приступ ярости длился недолго. Через несколько секунд бреч сел, рассматривая непреодолимый барьер.

«Похоже на размышление, на паузу для планирования, — подумал Дэйн, — это невозможно».

Бреч снова приблизился к дверце, вытянул лапу как можно дальше и принялся ощупывать замок и новое крепление. И в этот момент Дэйн снова вернулся к своему предложению, первоначально отброшенному им после того, как он еще раз просмотрел документы. Дэйн видел на экране действия, которыми руководил разум. Бреч подавил первую реакцию страха или гнева и теперь исследовал возможности своего освобождения. Мутант? Но если это так, то работники Норакса нарушили свои обязательства, а у них слишком хорошая репутация. К тому же из этого следует, что техники знали об особых свойствах животных, что тоже невероятно. Оставалась лишь одна возможность — вопреки документам, эти животные не от Норакса. Они — часть тщательно подготовленного плана, наряду с появлением незнакомца. Бречи и неизвестный — нужно ли рассматривать и эту ситуацию?

Ощупав лапами крепления, бреч сел неподвижно, глядя на дверцу, отрезавшую его от свободы. Затем, как будто приняв решение, он решительно вернулся в глубину клетки и, используя рог на носу, поднял часть мягкого настила пола. Это похожее на подушку покрытие должно было предохранять животных от последствий ускорения и перехода в гиперпространство. Бреч обнажил место, где был выломан один прут. Отмычка! Вот откуда взялась отмычка! Дэйн смотрел как околдованный. Бреч хочет попытаться вторично? Очевидно, так. Животное напряглось и просунуло носовой рог в образовавшееся отверстие. Он работал напряженно и сосредоточенно, с решительностью, которую Дэйн раньше относил совсем к другой форме жизни.

Наконец бреч выломал длинный кусок проволоки. Случайно это или бреч понял, что теперь замок находится дальше, чем предыдущий, и теперь понадобится более длинная проволока? Снова приблизившись к дверце, бреч просунул проволоку, вставил ее в замок и тут же бросил, отпрыгнул и затряс головой

от тревоги и боли. Дэйн знал, что он получил слабый электроудар — дополнительная предосторожность, чтобы помешать подобным действиям. Бреч опять сел, тряся лапой. Затем, прижав ее к груди, высунул бледный язык и принялся облизывать согнутые пальцы, хотя Дэйну было известно, что напряжение было слабым и служило лишь предупреждением. Теперь они видели достаточно, чтобы понять, что имеют дело не с обычными бречами.

— Капитан! — послышался в коммуникаторе голос Тау. — Пройдите в лазарет.

Что еще? Дэйн встал. Тау вызывал капитана, но если какие-то сложности возникли у самки, ответственность за это лежит на нем. Она ведь часть груза, а груз — его обязанность. Он тоже должен идти. Когда Дэйн вошел в лазарет, капитан уже был там, но ни он, ни врач не оглянулись на вошедшего. Они смотрели на импровизированное логово, где неподвижно лежала самка. На какое-то мгновение Дэйн с беспокойством подумал, что она умерла. Два маленьких пушистых комочка подняли головы. Глаза их были закрыты, но носы подергивались, как будто они принюхивались к какому-то запаху. Дэйн видел щенков бречей в лаборатории на Ксечо, когда договаривался о перевозке этой пары, но те были постарше. А в этих маленьких бречах было что-то странное.

— Мутанты? — задал вопрос Джелико то ли себе, то ли Тау. — Они... Ну, может, после рождения они...

— Посмотрите. — Тау повернулся не к щенкам, а к прибору в углу логова, на шкале которого дрожала стрелка. Радиация. — Я не стал бы утверждать, что они мутанты, но ясно, что они в чем-то отличаются от матери. Черепная коробка у них больше, а для новорожденных они удивительно подвижны и настороженны. Я не ветеринар и обладаю только общими знаниями, но сказал бы, что они слишком развиты для преждевременно родившихся.

Радиация! Дэйн почувствовал, что его охватывает какое-то предчувствие. Он знал, что их ожидает катастрофа. Не глядя на новорожденных щенят, он спросил Тау:

— Его можно переносить? — и указал на прибор.

— Зачем?

Но капитан, очевидно, уловил мысль Дэйна.

— Если даже он и стационарный, то нам нужен переносной.

— Капитан положил руку на прибор, а Тау смотрел на них, как будто они заболели космической лихорадкой.

Джелико подошел к коммуникатору.

— Тан Я, принесите переносной дозиметр.

Тут Тау понял.

— Радиация на корабле... но...

Никаких «но». Если догадка Дэйна оправдается, все звенья загадки становятся на свое место. Незвестный принес на борт источник радиации и так тщательно спрятал его в сейфе, что они не смогли его обнаружить. А клетка бречей, как уже говорил Джелико, стоит как раз над сейфом.

— Представляет ли это опасность для экипажа? — спросил капитан у Тау.

— Нет, я проверял. Впрочем, может, бречей следует изолировать?

— А эмбрионы латмеров? — рассуждения Дэйна снова шли строго логическим путем, и, не дожидаясь ответа Тау, он уже был на пути к сейфу.

Когда Дэйн сломал на сейфе печать, которую до этого считал такой надежной защитой, подошел капитан. За ним появились Тау, Шэйннон и Тан Я. Последний нес прибор, который исследователи брали на планеты. Тау забрал у него дозиметр и приготовил его к работе. Ту же качнулась стрелка, как и у дозиметра в лазарете. Они вошли в трюм, и тут же дозиметр показал, что источник радиации действительно находится вблизи эмбриобоксов, но не среди них и не за ними. Дэйн передвинул неиспользованный стеной стеллаж и, как по лестнице, поднялся к потолку. Джелико протянул ему дозиметр. Стрелка указала на потолок. В этом месте Дэйн увидел царапину.

— Здесь, — сказал он, передал дозиметр и снял с пояса нож.

Не пытаясь сберечь потолок, он принялся отделять плиту, которая, очевидно, уже один раз приподнималась. Он ковырял ножом, пока плита не отпала. Под ней оказалось углубление, а в нем ящичек.

— Не трогайте! — предупредил Тау. — Подождите, пока принесут перчатки.

Рип исчез, а Дэйн стал внимательно разглядывать углубление. Ящичек не лежал на какой-нибудь полке, а каким-то образом был прикреплен к обшивке корабля. Без дозиметра они никогда бы не нашли его. Хотя плиту снимали поспешно, сделано это было с успехом. Вернулся Рип, держа в руках неуклюжие, но с хорошей изоляцией перчатки, снятые с космического скафандра. Дэйн надел их и коснулся ящичка, который, казалось, был приварен к обшивке. Некоторое время Дэйн дергал ящичек, но потом решил, что здесь, видимо, потребуется резак. Но когда он дернул в последний раз, то ящичек отделился от обшивки, и Дэйн вынул его из углубления, держа подальше от себя.

— Займитесь этим со Штоцем, — сказал капитан Тан Я. — Мы не знаем, что это такое, так что будьте осторожны.

Дэйн положил ящичек на стол подальше от груза, снял перчатки и передал их Тану. Связист унес ящичек в мастерскую Штоца. Дэйн больше не думал о ящичке, его беспокоило состояние эмбрионов. Если сквозь переборку радиация оказала такое действие на бречей, что же тогда будет с их более ценным грузом? Капитан тоже одновременно с Дэйном подумал об этом.

— Сканирование или осмотр? — Капитан, нахмурившись, обошел запечатанные контейнеры.

— И то, и другое, — быстро ответил Тау. — У меня записаны правильные данные. Мы легко сравним.

— Целили ли в латмеров, в бречей или это просто случайность? — спросил Дэйн, хотя и знал, что этот вопрос останется без ответа.

— Это не случайность. — Капитан говорил убедительно. — Если бы дело было только в перевозке этой штуки, ее легче всего спрятать в вашей каюте. Нет, его поместили здесь не случайно, и я склоняюсь к мысли, что цель — латмеры.

Джелико ожидал худшего. У них есть контракт на перевозку почты, но если в первом же рейсе груз будет поврежден, то «Королеву» занесут в черный список. Если они обнаружили ящичек слишком поздно, то что будет, если подвергнутые радиации латмеры попадут к поселенцам, дорого заплатившим за них? Дэйн раздумывал, разбирая свои документы. Их ожидало мрачное будущее. Возможно, им придется возместить стоимость груза, а это весь их заработок за год и даже больше. И «Королева» не готова к таким тратам. Если они возьмут деньги в долг, это автоматически прекращает действие их почтового контракта. В результате пойдут перевозочные рейсы — рискованные и плохо вознаграждаемые, пока они не выплатят весь долг.

«И-С»? Это первое, что приходит в голову. Но «Королева» так ничтожна по сравнению с «Интерсоларом». Конечно, они дважды помешали «И-С», но чтобы компания пошла на такие расходы с целью отомстить вольному торговцу... Нет, с этим Дэйн не мог согласиться. Ему казалось, что разгадка находится на Трюсе. Человек, надевший маску с его лицом, должен был высадиться там же. И ящичек... А может быть, капитан ошибся и ящичек поместили там случайно. Теперь остается лишь ждать сообщения Тау о состоянии зародышей. Но врач не торопился. Он закрылся в своей лаборатории, а экипаж в беспокойстве ждал приговора.

Штоц, всегда медлительный и спокойный, доложил первый.

— Ящичек вскрыть простыми способами нельзя. Но именно он — источник устойчивой радиации.

Но когда Штоц попросил разрешения попытаться вскрыть ящичек с помощью экзотических методов, капитан отказал. Али

надел скафандр, пробрался в самый хвост корабля и прижал ящичек к обшивке. Инженеры решили, что там он принесет меньше всего вреда. Когда в коммуникаторе послышался голос Тау, это был не ответ, а просьба принести некоторые ксенобиологические записи из собрания капитана и прибор для их прочтения. Дэйн передал все это и сумел бросить лишь беглый взгляд в приоткрытую дверь, которую Тау запер перед самым его носом.

Приближалось время выхода из гиперпространства, когда Мура позвал капитана взглянуть на самца бреча. Дэйн пошел за ними.

Животное, ранее проявлявшее такую решительность и разумное желание освободиться, теперь свернулось в клубок в дальнем конце клетки. Нетронутые пища и вода стояли в кормушке. Тело животного перестало блестеть. Когда Мура заговорил с бречем и просунул в клетку грудку листьев рентона, он не пошевелился.

— Тау нужно взглянуть на него, — сказал Джелико...

А Мура уже открывал замок. Он приоткрыл дверь и просунул руку, чтобы коснуться животного. И тут бреч ожил. Мелькнул носовой рог, и Мура с криком отдернул окровавленную руку. Бреч выскочил из клетки с такой скоростью, какую Дэйн даже не мог предположить. Он кинулся за животным и убедился, что оно при помощи лап и рога безуспешно пытается открыть дверь лазарета. Бреч был так поглощен своим занятием, что, казалось, не заметил появления Дэйна. Вдруг он повернулся и ударил Дэйна рогом по рукам точно так, как поразил Муру. Бреч встал на задние лапы, прижавшись к двери спиной, глаза его покраснели и приобрели дикое выражение. Он начал издавать звуки — низкие, ворчливые и очень похожие, как подумал Дэйн, на слова неизвестного языка.

— Самка... — Поддерживая раненную руку, подошел Мура.

— Он хочет попасть к самке.

В этот момент дверь распахнулась и показался Тау. Бреч проскользнул мимо него, прежде чем Тау понял, что происходит. Когда Джелико и Дэйн вбежали в лазарет, они увидели бреча, мелькнувшего у импровизированного логова. Низкие звуки голоса бреча стали мягче. Животное втиснуло треть своего небольшого тела в логово, перегнулось через край и, вытянув передние лапы, пыталось обнять свою самку.

— Нужно убрать его... — начал капитан, но Тау покачал головой.

— Пусть останутся одни. Она тоже вела себя очень беспокойно. Теперь успокоится. Мы не можем потерять и ее...

— А кого еще? — спросил Джелико. — Детеньшей?

— Нет, латмеров. Смотрите. — Он показал налево, где стоял прибор с экранами. Врач включил его, и на экране появилась яркая картина. — Таково нынешнее состояние зародышей. Понимаете?

Капитан оперся на стол и наклонился к экрану. На нем было видно существо, похожее на ящерицу, свернувшееся в тугой клубок, в котором трудно было различить лапы, длинную шею, маленькую головку и другие части тела.

— Это не латмер!

— Это несовременный латмер. А теперь посмотрите сюда... — Тау включил аппарат для прочтения записей, и все увидели изображение ящероподобного существа с длинной шеей, маленькой головой, крыльями, как у летучей мыши, длинным хвостом и слабыми на вид лапами, как будто средством передвижения этому существу служили не лапы, а крылья.

— Это предок латмера, — пояснил Тау, — и никто не знает, сколько тысяч лет назад он жил. Он вымер примерно тогда, когда наши предки перешли к прямохождению и начали использовать обломки камней в качестве оружия. У нас не зародыши латмеров, у нас что-то очень древнее. Специалисты не смогли бы датировать его.

— Но как это? — Дэйн был изумлен. Согласно его документам, зародыши принадлежали к совершенно нормальной породе, выведенной недавно и дававшей гарантированный приплод. — Как они могли вдруг превратиться в этих... в этих драконов?

— Регресс! — Джелико переводил взгляд с одного изображения на другое.

— Да, но как? — ответил Тау.

— И поражены все? — Дэйн задал самый важный для себя вопрос.

— Нужно посмотреть, — ответил Тау, — но ничего хорошего обещать не могу.

— Не понимаю. — Дэйн посмотрел на бречей. — Вы говорите, зародыши регрессировали, но ведь интеллект бречей усилился...

— Вот именно, — выпрямился Джелико. — Если радиация так подействовала на эмбрионы, то почему на бречей она подействовала в обратном направлении?

— Может быть несколько причин. Зародыши еще неполностью сформировались, а бречи, когда подверглись облучению, были взрослыми животными.

«Может, бречи когда-то представляли высший тип жизни? — подумал Дэйн. — Может, они тоже регрессировали и вернулись на стадию разумных существ?»

Тау провел рукой по коротким волосам.

— Мы можем получить с полдюжины предположений, но ни одно не удастся доказать без соответствующего оборудования. Придется поиски ответа предоставить ученым, когда приземлимся.

Джелико с отсутствующим видом потер на шее шрам от бластера.

— Мы можем оказаться в таком положении, когда нельзя будет ждать мнения специалистов. Ведь поселенцы вложили все свои сбережения в эти зародыши. Торсон, оговорен ли срок доставки груза?

— Договорились, что доставим, когда будет возможна перевозка, — быстро ответил Дэйн.

— Значит, гарантированной даты прибытия нет. Возможно, они сочтут, что зародыши придут к ним следующим рейсом.

— Мы не сумеем спрятать эти ящики, — возразил Тау.

— Да, не сумеем. Там существует обычай являться на борт сразу после посадки корабля. В то же время ситуация такова, что я хочу обратиться к Торговому суду, прежде чем делать какое-либо заявление.

— Вы считаете, тут сознательный саботаж... «И-С», сэр? — спросил Дэйн.

— Как ни странно, нет. Если бы «И-С» оказалась в состоянии мимоходом уничтожить нас, они бы сделали это. Но здесь все слишком тщательно спланировано. Думаю, причина на Трюсе. Я хотел бы знать больше, гораздо больше, прежде чем мы еще глубже влезем в это дело. Если мы покажемся на планете без зародышей и без бречей, к нам могут проявить необычный интерес, а могут и не проявить. Так мы сможем узнать, что за этим стоит, кто будет слишком громко протестовать, если на борту не окажется груза.

— Но не за борт же груз! — возразил Дэйн.

— Конечно, не в космос. Но Трюс мало населен. Существует лишь один главный космопорт и наш груз ожидают там. Если мы ляжем на обычную орбиту, нас ни в чем не заподозрят. Поэтому мы погрузим зародышей и бречей в шлюпку и спустим в необитаемом районе. Если удастся связаться с Ван Райком, он укажет друзей в суде. Во всяком случае, я хочу, чтобы вначале было произведено расследование.

Дэйн заметил, что капитан не упомянул о Патруле, значит, он не хочет вмешательства формального закона, пока не получит достаточно защиты. Но защиты от кого? Если потребуется, они все пройдут глубокое зондирование и докажут свою невиновность. Может, Джелико считает, что дело настолько сложное, что даже зондирование им не поможет?

— Кто поведет шлюпку? — спросил Тау.

Вначале Джелико взглянул на Дэйна.

— Если кто-то ждет вашего двойника, то они станут действовать по намеченному плану, как только вы выйдете из «Королевы» после посадки. У нас на борту мертвец. Он на некоторое время может послужить нам тем, кем собирался быть — Дэйном Торсоном. И мы можем отпустить двух помощников — Шэннона для пилотирования, хотя шлюпка оборудована автоматикой, так что курс вам не придется прокладывать, и Камила, чтобы присматривать за этим адским ящиком. Я хочу, чтобы и он оказался вне корабля, прежде чем мы сядем в порту. Вилкоккс укажет место, где вы будете вдали от всех поселений. Возьмете с собой маяк и настроите его на волну «Королевы». Подождете несколько дней, а потом включите его. Мы свяжемся с вами, как только сможем. — Он снова обратился к Тау: — Как эмбрионы? Скоро ли рождение?

— Определить невозможно.

— Тогда чем скорее мы избавимся от них, тем лучше. Мура, достаньте Е-рационы и то, что едят бречи. — Джелико повернулся к Дэйну. — В шлюпке будет тесно, но полет недолог.

Дэйн собрал свои вещи, надеясь, что делает правильный выбор и берет то, что ему действительно необходимо. На Трюсе земной климат, но планета еще не обжита, поселки колонистов медленно распространяются от космопорта. Дэйн захватил смену одежды, навесил на пояс разнообразные инструменты, которые берут с собой разведчики, и взял запасные заряды для станнера. Собравшись, он подумал о бречах. Разум? Они регрессировали к высшей форме разума? Но это значит, что бречи вовсе не животные. Однажды экипаж «Королевы» уже сталкивался с древними Предтечами, когда купил торговые права на Лимбо.

Лимбо, хотя и частично сожженный в галактической войне — ее следы снова и снова находят земные исследователи в своих путешествиях, — хранил в себе тайну, созданную давно исчезнувшими хозяевами. Сила, запрятанная глубоко под поверхность планеты, уходила в глубины космоса и притягивала любой корабль, вошедший в пределы ее досягаемости, так что пустынная поверхность планеты за столетия покрылась множеством обломков. Хотя современные пираты обнаружили установку Предтечь и приспособили ее для своих целей, она работала задолго до их появления. Ни одного следа не осталось от тех, кто создал ее, то ли как наступательное, то ли как оборонительное оружие. И никогда не было найдено ни могилы, ни корабля с замерзшими трупами — ничего, что позволило бы судить, на кого были похожи Предтечи. Оставалось лишь гадать, гуманоидные ли они или совсем чуждые человеку. Может,

если бречи раньше были разумны, на борту «Королевы» находится сейчас разгадка тайны Предтечь?

Если это так — мысли Дэйна устремились в другом направлении, — тогда ущерб, причиненный зародышам, не имеет значения. А бречи становятся бесценным сокровищем, и ученые отдадут за них все. Но Дэйн не мог поверить, что именно бречи были целью человека, пронесшего ящичек на борт «Королевы». Он мог стремиться уничтожить зародыши латмеров, а воздействие на бречей произошло потому, что их клетка оказалась прямо над ящичком.

Глава 5

ВРЕМЕННОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Они вышли из гиперпространства и легли на орбиту вокруг Трюса, после чего закончили все приготовления к самостоятельному полету. Дэйн получил инструкции по уходу за бречами. Эмбриобоксы перенесли на шлюпку. Их исследовал Тау и обнаружил, что зародыши поражены радиацией. Ящичек, причинивший эти беспокойства, поместили в изоляцию, которую Штоц считал надежной, и был поставлен как можно дальше от груза и экипажа. В шлюпку были встроены предохранительные устройства, поскольку она была рассчитана на перевозку даже раненных пассажиров. В ней существовали и приборы радиационного контроля. Автоматика посадит их в самом лучшем месте, какое сумеет выбрать локатор.

И вот уже они лежат в гамаках, готовые к старту. Обитую мягкими прокладками, клетку бречей втиснули в узкий проход.

Самых бречей не было видно. Тау доверху наполнил логово мягкими прокладками, оставив лишь отверстия для дыхания. Устраивая детенышей поудобнее, он с удивлением отметил, что они развиваются необычайно быстро. Их родители лежали в обнимку, а детеныши свернулись в другом углу.

Дэйн настолько забегался, занятый подготовкой к полету, что до того, как устроился в гамаке шлюпки, мог думать только о ближайших делах. Теперь же он вновь удивился решению Джелико убрать груз с корабля. Почему капитан не хотел просто приземлиться, доложить о случившемся и предоставить властям разбираться в загадке? Будто он предвидел опасности, неясные для остальных членов экипажа. Но вера в Джелико — прочная традиция на «Королеве». Если бы здесь был Ван Райк! Дэйн много бы дал, чтобы узнать, что стал бы делать его начальник.

В общих чертах Трюс противоположен Ксечо. На Ксечо обширные моря изредка уступали место островам, на Трюсе же в основном существовали материки, отделенные друг от друга узкими морями, которые были едва шире рек. Климат Трюса тоже отличался от палящей жары предыдущего порта посадки «Королевы». Он был гораздо холоднее, с коротким летом и продолжительной зимой, во время которой лед и снег с полюса с угрюмой регулярностью надвигались на поселения.

Когда шлюпка села, ее маленький экипаж остался уверен только в одном — курс, который Вилкокс ввел в автопилот, привел их на тот же континент, на котором приземлилась и «Королева».

Однако они и понятия не имели, далеко ли они от порта. На Ксечо преобладали яркие цвета — желтый, красный и различные смеси и оттенки этих двух основных цветов. Здесь тоже все цветное, но совсем другое. Торговцы отстегнули крепления и надели термокостюмы. Хотя был полдень, но температура казалась гораздо ниже той, которую принято считать нормальной. Шэннон открыл люк, и они вышли через узкое отверстие на свет.

Они высадились на плато, поросшем жесткой травой, в это время года уже серой и увядшей, собравшейся к носу шлюпки, когда та срезала верхний слой почвы. Ниже виднелось озеро с зеленой, как изумруд в оправе скал, водой. С противоположной стороны над озером стояла стена ледника. Огромный кусок льда оторвался с резким треском и упал в озеро. Лед был голубым, и с его поверхности тут и там поднимались морозно-белые пики, как будто ледник покрылся застывшими волнами. Сначала на них обрушился цвет, а потом тишина. Даже в гиперпространстве слышалась вибрация частей корабля, низкое гудение, к которому они привыкли и которое даже действовало на них успокаивающе. Здесь, если не считать треска ломающегося льда, ничего не слышно. Ветра нет, и Дэйн, глядя на поверхность ледника, обрадовался, что им не нужно выдерживать жестокие холодные порывы.

Торговцы приземлились на слишком открытом месте. Когда поднимется ветер, станет холодно, да и с воздуха они хорошо заметны. Джелико не давал им приказа держаться в укрытии, но здравый смысл советовал не привлекать внимания. Они отошли от берега озера, чтобы посмотреть поверхность, южнее открытого места. Там оказался обрыв, а за ним более пологий спуск, покрытый спутанной сухой травой, за которой кустарник постепенно уступал место деревьям. В отличие от травы, погибшей на холоде, деревья и кусты были покрыты густой листвою, но растительность казалась очень темной. На расстоянии

Дэйн не мог точно определить ее цвет — синий, зеленый, серый или смесь всех этих цветов.

— Можно спустить туда шлюпку? — спросил Дэйн.

— Она не флиттер, — оглянулся Рип. — Но для особых случаев у нее есть резервная мощность в двигателях. Думаю, что это можно сделать. Как, Али?

Камил пожал плечами.

— Можем попробовать, — последовал его лишенный энтузиазма ответ. — Но чем больше мы облегчим ее, тем лучше. Вы поднимите ее в воздух, а мы поищем пониже посадочную площадку.

Поверхность утеса оказалась неровной и спускаться стало труднее. Последовавший вслед за Али Дэйн обнаружил, что здесь гораздо теплее. Возможно, утес прикрывает это место от ледяного дыхания глетчера. Это тоже в их пользу. Дэйн был уверен, что бречи долго не проживут на холоде, ведь они родом с гораздо более теплого Ксечо. Они добрались до подножия утеса и двинулись к кустам, ища открытое место, куда Рип мог бы посадить шлюпку. Дэйну показалось, что кустарник, росший прямо перед ним, непроходим. Теперь он был достаточно близко, чтобы разглядеть, что листва темная, зелено-синяя. Преобладал один, то другой цвет. Листья толстые, мясистые, местами покрытые серыми волосками, которые также росли по их краям.

Не пытаясь углубиться в гущу кустов, Али повернул налево, а Дэйн направо. Рип на вершине утеса ждал условного сигнала. Тишина становилась все более угнетающей. У них на «Королеве» было весьма мало времени для подготовки, а информационные катушки о Трюсе, конечно, предназначались для обычных вольных торговцев и содержали лишь сведения о космопорте и поселках, которые им приходилось посещать по делам. О дикой растительности никаких сведений не предлагалось. Но жизнь не могла ограничиваться только растительностью, однако они не увидели ни птиц, ни других летающих существ, ни животных. Может, они испугались шлюпки и спрятались? Дэйн надеялся увидеть хоть единственный след, хоть какое-то доказательство, что они не в пустыне.

Прозвучал свист Али, нарушивший становившуюся все более зловещей тишину. Дэйн обернулся и увидел, как Али машет Рипу, который тут же исчез из виду. Дэйн не сразу повернул назад. Необходимость убедиться в существовании жизни заставила его пройти еще немного дальше. И он обнаружил участок скалы с несомненными следами костра. Кругом были поставлены камни, а между ними находились угли и полусторевшие поленья. Камни немного занесло песком, следовательно, костер

разводили некоторое время назад. Но кто? Жители какого-нибудь поселка? Исследовательский отряд? Возможно даже, как и во многих отдаленных мирах, преступники, зашедшие в ненаселенные места. Дэйн прошел немного дальше и увидел проход, вырубленный в растительности. В одном месте на замерзшей глине сохранился след краулера. След уходил к деревьям. Если им позже понадобится дорога, то они смогут воспользоваться этим следом. Но сейчас...

Дэйн снова услышал свист и, повернувшись, успел увидеть, как шлюпка соскользнула с утеса и устремилась в направлении Али. Не в первый раз Дэйн восхитился пилотским мастерством Рипа. Они не смогли скрыть следов своего приземления — шлюпка проделала борозду в растительности и уперлась носом в деревья. Но растительность обладала необычайной эластичностью, и там, где стебли не были сломаны, они медленно поднимались и частично закрывали след. Дэйн не смог объяснить, почему он все время думает об опасности. Все это дело казалось таким странным и угрожающим и Дэйн знал, что капитан хотел выиграть время.

Они не стали тревожить бречей в клетке-логове, но Али надел скафандр и, неуклюже передвигаясь в нем, взял ящичек и пошел в лес. Вернувшись, он записал, где закопан ящичек. Они не были уверены, что наскоро изготовленная оболочка не пропускает радиацию и что она не отразится на окружающей среде.

— По правилам следовало бы выбросить его в космос! — заявил Рип, когда они сидели, прислонившись спиной к шлюпке, и потягивали содержимое своих Е-рационов.

— Если выбросишь — назад не вернешь, — ответил Али. — После доклада капитана многие захотят ознакомиться с ним.

— А бречи? — Дэйн прислушивался к их разговору, думая о своем. — Нужно ли использовать ящичек или другое устройство, чтобы вернуть их в стадию разума? Кодекс запрещает вмешательство. Как он будет действовать в этом случае?

Али выдавил последний глоток и свернул пустой тубик.

— Задача для законников. У вас станция на планете без разумной жизни. Вы обнаруживаете, что можете породить местную разумную жизнь, но при этом теряете свой контакт. Что вы будете делать?

— Думаете, за этим стоит «Комбайн»? — спросил Дэйн. — Стоит ли Ксечо конфликта с Советом?

— Ксечо — перекресток, путевая станция, — ответил Рип. — Сам по себе он не важен, но очень важен его порт. «Комбайну» конечно же хочется удержать его. Но я не знаю, как быть, бречи считались безвредными, а вели себя очень враждебно...

— Допустим, вы неожиданно очнетесь и обнаружите, что вы

в плену у чужаков и должны защищать свою жену и детей... — заметил Али. — Как вы поведете себя?

— Как бреч, — согласился Дэйн. — Следовательно, мы трое должны постараться войти в контакт с бречем и показать ему, что мы друзья.

— Если сможем. Но мне не нравится этот груз с зародышами, — отметил Али. — Думаю, лучше убрать его из шлюпки. Все равно зародыши теперь ни к чему не пригодны. И еще... Самка бреча родила раньше срока. Предположим, радиация действует на зародышей аналогично, ускоряет их развитие. Штоц не смог приостановить его при помощи холода.

— Если они вылупятся здесь, холод прикончит их, — сказал Дэйн, соглашаясь, впрочем, с мыслью помощника инженера о необходимости убрать опасный груз из шлюпки.

Было очень трудно вытаскивать контейнеры через узкий люк, тащить к деревьям и нагромождать вокруг них камни. Почва была покрыта опавшими листьями. Значит, листва здесь опадает. Они частично закопали ящики, чтобы какое-нибудь местное животное не добралось до них, хотя Дэйн не мог себе представить, чтобы когти или клыки смогли взломать оболочку. Они закончили к наступлению темноты. Усталые, побрели к шлюпке, мечтая побыстрее лечь в гамаки. Но Дэйн сначала отправился к клетке с бречами, приподнял крышку и отвел ее в сторону.

Поднялась голова и уставилась на него немигающими глазами. Судя по габаритам, это был один из детенышей, однако он не был беспомощным щенком. В этом взгляде светился разум, а фантастический рост детенышей изумил Дэйна. В обычных условиях в возрасте около года маленький бреч должен быть чуть меньше родителей. Объяснить этот рост можно было только воздействием радиации. Дэйн так удивился, что оказался не готов к следующему движению детеныша. Животное ухватило передними лапами за край клетки и выскочило с такой скоростью, какой Дэйн раньше не видел.

— Рип, люк! — воскликнул он.

Шэннон вовремя захлопнул люк, чуть не придавив длинный нос животного. Прежде чем он успел протянуть руку, детеныш бросился к ближайшему гамаку и свернулся в нем, поглядывая на людей. Верхняя губа над рогом приподнялась, обнажая хорошо развитые зубы. Дэйн быстро опустил крышку, так как из клетки поднялись еще три головы и несколько лап уцепились за край.

Дэйн приблизился к щенку в гамаке.

— Спокойно, я тебя не обижу, — негромко и успокаивающе проговорил он.

Детеныш издал высокий, резкий звук и попытался рогом ударить Дэйна по руке, но Али зашел сзади и гамаком спутал животное, хотя тот яростно отбивался и издавал гневные и яростные крики, на которые ему отвечали из клетки. В конце концов втроем им удалось вернуть детеныша в клетку, причем при этом Дэйн поранился.

— Их нужно покормить, — сказал он, — а подать туда пищу мы не можем.

— Объясните им это, — предложил Али. — Но я не думаю...

— Ладно, попробую, — прервал его Дэйн.

Можно было только догадываться, насколько разумны бречи. Дэйн не был специалистом по дикой жизни, но нельзя же допустить, чтобы животные продолжали оставаться без пищи и воды. Однако стало ясно, что, если он снова откроет клетку, ему не избежать схватки. Дэйн заклеил укус на руке пластырем, принес контейнер с водой и мешок, в который Мура положил запас пищи для бречей. Налив воды в маленькую чашку, он поставил ее на пол, потом в другую чашку положил немного смеси из сушеных насекомых, улиток и увядших протеиновых листьев, поставив все это так, чтобы животные могли увидеть и учуять пищу. Все четыре головы повернулись к нему. Дэйну лишь оставалось испытать простейшую торговую процедуру. Одной рукой он коснулся чашек и подтолкнул их к клетке.

— Люк закрыт? — спросил он, не отрывая взгляда от бречей.

— Да, — заверил его Рип.

— Хорошо. Отойдите, будет лучше, если они вас не увидят.

— Как? Пройти сквозь стены? — поинтересовался Али, но Дэйн услышал топот космических ботинок и понял, что его товарищи отошли от клетки подальше. — Вы ведь не собираетесь их выпускать? — чуть погодя спросил Али.

— Если мы хотим, чтобы они поели, придется их выпустить. Но они должны быть достаточно голодными, чтобы интересоваться только пищей.

Дэйн, передвигаясь медленнее и стараясь производить как можно меньше шума, открыл клетку. Он ожидал, что, как только щель будет достаточно широка, все четыре детеныша выскочат с той же скоростью, что и один из них накануне. Двигаясь так же осторожно, Дэйн полностью откинул крышку и отошел. Бречи продолжали смотреть на него. Затем детеныш, который выскочил перед этим, сделал движение. Тут же лапа взрослого ударила его по носу над рогом, вызвав негодующий крик. Первым из клетки выбрался самец, подошел к чашкам и коснулся носом сначала пищи, потом воды. Затем, посмотрев на семью, он издал серию негромких звуков. Детеныши выбрались быстро, а самка двигалась медленнее. Самец вернулся и что-то подбад-

ривающе проворчал. Время от времени он поворачивал голову к Дэйну. Детеныши не ждали родителей. Они занялись пищей, изредка отрываясь от нее, чтобы глотнуть воды. Один из них опустил в пищу лапу и облизал ее.

Лапу? Дэйн не решался приблизиться, но ему показалось, что форма лап у детенышей несколько иная, чем у взрослых, — больше похожа на руку. Когда самка подошла к пище, самец испустил несколько резких звуков, и детеныши, продолжая жевать, отодвинулись, причем один из них протестующе взвизнул. Пока самка ела, сначала осторожно, а затем с большим интересом, самец стоял рядом на страже. Лишь когда они наелись, он прикончил оставшееся.

«Что теперь? — подумал Дэйн. — Придется вернуть их в клетку, хотя это будет нелегко. Насколько они разумны? И, если разумны, насколько чужды нам их мыслительные процессы? Разум не всегда означает коммуникабельность. Хорошо бы договориться! Обращаться с ними как с животными невозможно, тогда постоянно жди побега и постоянно карауль».

Он попытался повторить звуки, которыми самец подбадривал самку. Головы всех бречей повернулись в его направлении. Дэйн овладел их вниманием, но была во взглядах животных какая-то напряженность, говорившая о возможном сопротивлении. Продолжая издавать звуки, Дэйн тронулся с места, не приближаясь к бречам. Не поворачиваясь к ним спиной, он прошел вдоль стенки шлюпки, отодвигая гамаки, пока не оказался по другую сторону клетки. Дэйн поднял крышку. Все бречи немедленно прижались к палубе, самец издал низкий звук, а самка встала перед детенышами, которые, в свою очередь, заверещали. Дэйн наклонился и провел рукой вдоль крышки. Он надеялся, что прокладки снять будет нетрудно, но крепление не поддавалось.

Некоторое время самец продолжал рычать. Видя, что Дэйн продолжает работать, он приподнялся, чтобы лучше разглядеть, что делает человек. И вдруг он прыгнул на клетку так, что его рог оказался рядом с руками Дэйна. Дэйн от удивления отпрянул, а бреч ударил рогом по креплению и разорвал его. Раскачиваясь на краю клетки, бреч занялся следующим креплением. Дэйн снял крышку и отошел, не зная, как понять действия бреча, хотя они и казались многообещающими.

Бреч продолжал раскачиваться на краю клетки, переводя взгляд с крышки на Дэйна. Дэйн решился двинуться с места и обогнул клетку, по-прежнему стараясь, чтобы между ним и бречем было достаточное расстояние. Потом он начал снимать прокладку, а бреч продолжал следить за ним. Тут подошла самка. Вытянув передние лапы, она подхватила последний кусок

прокладки, вырвала его из рук Дэйна и потащила по полу, после чего позвала детенышей, которые, к радости Дэйна, послушались. Последним подошел самец и лег рядом с семьей. Дэйн отошел в сторону.

— Это означает, что они согласны остаться, если мы не закроем их в клетку? — спросил Али.

— Будем надеяться. Но люк нужно держать закрытым, снаружи слишком холодно.

Дэйн рискнул отодвинуть к бречам остатки прокладки. Неожиданно он почувствовал страшную усталость. Больше он ни на что не был способен. Попытка объяснить с бречами оказалась не менее утомительной, чем происшествие на Ксечо. Дэйну хотелось лечь и уснуть. Он надеялся, что хотя бы в ближайшем будущем никаких осложнений не произойдет.

Глава 6

ЧУДОВИЩЕ ИЗ ПРОШЛОГО

— Вставай!

Дэйна вырвали из сна. Гамак дрожал от толчков Рипа, а Шэннон готов был продолжать дергать, если Дэйн не проснется. Он ошеломленно сел и пару секунд не мог сообразить, где находится. Это не его каюта на «Королеве». За Рипом он увидел находившегося уже у люка Али в термокостюме.

— Что?..

— Возможны осложнения, — ответил Али. — Видите?

Али принял меры предосторожности, когда они прятали ящичек и контейнеры с эмбрионами, установив сигнал тревоги. Теперь один из сигналов вспыхнул предупреждающим красным светом. Дэйн проснулся окончательно.

— Который? — спросил он, считая, что это наверняка ящичек, и, выпрыгнув из гамака, потянулся за своим термокостюмом.

— Зародыши! Быстрее! — удивил его Али.

Они вышли в раннее утро и пронзительный холод. Дэйн натянул капюшон и засунул руки в перчатки, свисавшие на концах рукавов, не забыв закрыть люк и оставить бречей в теплой каюте. Листва была покрыта инеем, отчего растительность стала серебристой. Их дыхание образовывало маленькие облачка пара.

— Слушайте! — Рип вытянул руку, преграждая путь.

Они шли по тропе, которую проложили вчера, перетаскивая ящички. Послышался треск, как будто кто-то очень большой

пробирался сквозь кусты, а потом фыркание. Дэйн извлек станнер, поставил его на полную мощность и увидел, что товарищи сделали то же самое. Растительность скрывала прячущееся существо, и они могли судить о нем только по доносившимся до них звукам. Существо удалилось, а они простояли несколько минут, прислушиваясь, пока не убедились, что неизвестный ушел в лес.

Дэйн был уверен, что оно бродило вокруг ящиков с контейнерами. Возможно, его привлек запах. Лучше всего проверить, велик ли ущерб. Латмеры стали бесполезны для переселенцев — это несомненно, но груз не может быть уничтожен без приказа, а такого приказа у Дэйна не было. Поэтому он должен защищать ящики.

Немного пройдя по своему вчерашнему следу, они встретили следы неизвестного существа. На полузамерзшем насте виднелись такие большие отпечатки, что, когда Дэйн наклонился, измеряя их, отпечатки оказались больше, чем он смог растянуть пальцы, и, скорее всего, походили на круглые дыры. Станнер, поставленный на полную мощность, свалит почти любое существо, но на некоторых планетах существовали такие чудовища, чья нервная система реагировала на луч станнера не больше, чем на удар прутика. Тогда единственное средство — бластер, но бластера у них нет.

Друзья шли медленно, прислушивались, а треск становился все менее слышимым — существо удалялось от них. Придя на место, они увидели множество доказательств силы существа — камни, нагроможденные, чтобы скрыть контейнеры, были разбросаны, разбиты, а сами контейнеры раскиданы, хотя они должны были бы противостоять любым толчкам во время космического полета. Контейнеры оказались измятыми, а два из них были раскрыты, как будто это тубики с Е-рационом. И как тубики с Е-рационом, они были совершенно пусты. Дэйн откинул их в сторону и увидел третий контейнер, разбитый, но не опустошенный. Он не ошибся — содержимое контейнера двигалось. Но ведь еще не время для зародышей! Как и у бречей, их рождение опережало план.

Дэйн увидел, как внутри движется чудовище. Еще несколько минут, и оно несомненно погибнет. Но чувство долга возражало — груз должен оставаться нетронутым. И, может быть, если им займутся специалисты в лаборатории, это поможет доказать их невиновность. Но это чешуйчатое полузмеиное существо невозможно держать в шлюпке. А скоро ли Джелико пришлет им инструкции?

Дэйн наклонился к разбитому контейнеру. Конечно, существо скоро замерзнет, ведь рептилии особенно чувствительны к

холоду. Может быть, его можно заморозить и хранить, как тело незнакомца, на «Королеве»?

То, что казалось слабым подергиванием, становилось сильнее, а не слабее. Если существо ощущало холод, то он стимулировал его к большим усилиям, вместо того, чтобы вызывать оцепенение и смерть. Через щель в крышке, недостаточно широкую для существа, просунулась чешуйчатая лапа, большие когти цеплялись за мерзлую землю. Дэйн вдвое уменьшил мощность станнера и облучил контейнер. Лапа разжалась и расслабилась, а контейнер перестал раскачиваться.

— Еще двое хотят наружу. — Али, осматривающий контейнеры, указал на два из них, стоящие в стороне.

Эти контейнеры не были затронуты неизвестным животным, но прежде чем люди тронулись с места, крышки контейнеров откинулись и из них начали выползать существа. Рип оглушил их лучом станнера, и драконьи головы на длинных шеях свесились с краев контейнеров.

— Как остальные? — сказал Дэйн и начал проверку. — Никаких следов жизни, крышки хорошо закрыты.

— Что делать? Дать луч на полную мощность и прикончить их? — спросил Али.

Возможно, это было самое разумное решение, но ведь это груз, а он может еще понадобиться. Дэйн так и сказал и увидел, что Рип медленно кивнул головой в знак согласия.

— Они будут нужны лаборатории. При осмотре может что-то выясниться и о радиации. Но куда их деть?

— Да, куда? — повторил Али. — В шлюпку? Тогда нам самим лучше переселиться, наша шлюпка превратилась в зоопарк. И это, — он сморщил нос, — не лучшие соседи. Запах не очень свежий...

Острый запах неподвижных рептилий делал их наименее желательным предметом, который можно сунуть себе под кровать. Но снаружи они не выживут, разве что удастся построить утепленное помещение... Дэйн вслух выразил свои мысли.

— У нас есть клетка бречей, — заметил Рип. — Может, бречей удастся перевести в запасной гамак? А контейнеры можно сложить в клетку и приспособить обогреватель.

Али подобрал один из разбитых контейнеров.

— Обещать ничего не могу, но попробовать можно. Мы не в состоянии жить в шлюпке вместе с этими существами. Достаточно одного запаха, чтобы выгнать нас. Долго ли они будут без сознания?

Дэйну не хотелось касаться этих существ, и он не мог ответить на этот вопрос. Оставалось лишь предложить, чтобы кто-то из них стоял на страже, пока остальные двое работают.

— Есть еще одна проблема, — сказал Рип, и его слова не прибавили им настроения. — Это существо, бродившее здесь. Может, ему не понравились псевдолатмеры? Если оно пришло на запах, то может заявиться и к шлюпке. А нужно ли это нам?

Дэйн подумал, что слова Рипа не лишены смысла. Сначала он склонялся к мысли, что контейнеры надо перетащить к шлюпке и поставить там обогреватель. Но необходимо ли это? Али высказал ту же мысль.

— Мы можем кое-что предпринять, — сказал он. — Штоц перед отлетом дал мне инструменты. Мы можем протянуть от шлюпки провод и установить силовое поле.

Дэйн был склонен доверять Али. Любой, прошедший обучение у Иоганна Штоца, знал свое дело, и экипаж торговцев не впервые импровизирует. Сама жизнь бродячих торговцев зачастую зависела от их сообразительности. И вот весь длинный день был отдан тяжелой работе... Али руководил и давал технические пояснения, а Рип и Дэйн работали по его указаниям. Они выправили три контейнера, покалеченные неизвестным существом, выбросили изменившиеся зародыши еще из трех контейнеров — приборы говорили, что эти зародыши погибли, — и зарыли их подальше от сооружаемого загона.

В конце концов, у них появилось неуклюжее сооружение, способное вместить трех спящих зародышей. Али включил силовое поле, предупредив, что тем самым они истощают запасы энергии шлюпки.

Бречи, казалось, вполне удовлетворились четвертым гаммаком в шлюпке. Большую часть времени дня они проспали, и Дэйн даже подумал, что в естественном состоянии это ночные существа. Нужно было проверить, закрыт ли люк. Вдруг бречам придет охота побродить. В загон они перенесли не все контейнеры, остальные просто переставили и укрыли еще большим количеством камней. Вдобавок Али свалил три больших дерева и подтащил их так, что ветви закрыли груды камней. Загон они расположили недалеко от шлюпки. При помощи пилы они уничтожили подлесок и прорубили от него дорогу к шлюпке.

Дэйн не знал, какую пищу едят мутанты-латмеры. Судя по зубам, это хищники. Он оставил Е-рацион, который они смогут съесть, когда очнутся от действия станнера. Если очнутся... Их длительный сон казался Дэйну злобещим, хотя и облегчал друзьям задачу. Али установил сигнал тревоги, который должен будет разбудить их, если ночью к загону кто-то приблизится. Они настолько устали, что не захотели есть и сразу попадали в гамаки. Дэйн предварительно проверил люк. Бречи зашевелились, но Дэйн оставил им пищу и воду. Он надеялся, что если бречи решат побродить, то не станут будить экипаж. Но что-то

его беспокоило, как начинающаяся зубная боль. Слишком уж спокойны были бречи целый день. Не составляют ли они собственные планы?

31 В. С.

Но даже если они справятся с замком люка, холод снаружи помешает им выйти. Он не верил, что они на самом деле уйдут. К тому же он так устал, что это беспокойство не помешало ему заснуть.

Холод, резкий, пронизывающий до костей холод. Они погружены в ледник и погружены глубоко. Он смотрит на изумрудное озеро. Он должен двигаться, разбить ледяные оковы, освободиться, иначе он соскользнет вместе со льдом и навсегда погрузится в зеленые глубины. Он должен освободиться... Дэйн сделал усилие. Лед подался и задрожал. Подался... Дэйн падал в озеро!

Удар о пол шлюпки разбудил Дэйна. Он по-прежнему дрожал от холода. Но это не сон! Холодный воздух охватывал его. Дэйн приподнялся и при тусклом свете контрольной лампы увидел приоткрытую крышку люка и услышал вой ветра снаружи. Бречи! Он захлопнул люк и повернулся к гамаку, где лежали бречи. Как он и ожидал, гамак оказался пустым, осталась лишь груда прокладок от клетки. Дэйн потратил несколько секунд и порывлся в прокладках в надежде обнаружить бречей. Он все еще держал в руках прокладки, когда громко прозвучал сигнал тревоги, установленный Али. Если поблизости бродит охотник, бречам угрожает не только холод. Дэйн натянул термокостюм, а Рип и Али поднялись из гамаков.

— Бречи исчезли, — сообщил им Дэйн, — и кто-то привел в действие сигнал тревоги. — Этого он мог и не говорить — сирена громко звучала в тесном помещении.

Дэйн прикрепил к поясу фонарь, оставив руки свободными. Прежде всего необходимо позаботиться о бречах. Как он и опасался, снаружи стало очень холодно. Судя по часам, скоро наступит утро. Луч фонаря освещал на инее следы, не очень ясные, но похожие на следы бречей. Дэйн надеялся, что густая стена растительности удержит бречей на тропе. Он услышал, как захлопнулся люк, и понял, что остальные идут за ним. Он старался идти быстро и бесшумно, насколько позволял слабый свет и пересеченная местность. К счастью, идти недалеко, если бречи останутся в пределах силового поля, установленного Али.

Впереди послышался гулкий топот, который они слышали ранее. Значит, охотник вернулся за эмбрионами. Дэйн остановился, будучи неуверен, что станнер подействует на чужую жизнь, и услышал резкий крик, полный страха. И хотя раньше он не слышал крика бречей, он был уверен, что это кричит один

из них. Дэйн включил фонарь на полную мощность и побежал. Магнитные подошвы гулко стучали по замерзшей почве. Через несколько секунд он оказался на поляне, где был устроен загон. Вокруг него слабо светилось силовое поле. У этой слабой защиты скорчились бречи. Один из детенышей лежал на земле, рядом с ним его братишка или сестренка, а двое взрослых стояли, обратившись рогами к врагу.

Их противник мог одним ударом одной из шести конечностей раздавить бречей. Он высоко вздымался, касаясь круглым брюхом земли. Четыре лапы удерживали это брюхо, а маленький торс с длинными передними лапами нависал над силовым экраном. Очевидно, животное ощущало этот экран, потому что не пыталось коснуться светящейся дымки. Необычность нападающего поразила Дэйна. Муравей? Жук? Ну нет, у него не было твердого панциря, как у насекомых. Напротив, круглое брюхо, спина и грудь покрыты длинной шерстью или волосами серо-черного цвета, спутанными и полными веток и листьев, так что сам он напоминал движущийся куст, если не обращать внимания на голову, на машущие передние лапы и весь ореол злобности. Верхние лапы кончались длинными, узкими когтями, которые постоянно открывались и закрывались.

Дэйн прицелился в круглую голову, большую часть которой занимали большие фасеточные глаза, что также усиливало сходство с насекомым. Голова качнулась, когда луч станнера ударил в нее. Существо оглянулось через плечо под таким углом, какой Дэйн считал невозможным для животного, обладающего скелетом. Щелкнули когти-челюсти, но Дэйн не отступал, продолжая направлять луч полной мощности в голову чудовища. Однако его действие не принесло результата. Может быть, мозг существа расположен в другой части тела? Али и Рип, видя, что нападение Дэйна не удалось, прицелились ниже — один в грудь, а другой в брюхо. Существо наполовину повернулось, пытаясь бежать, и рухнуло, лишь немного миновав ящики с зародышами и испуганных бречей.

Али отключил силовое поле и поспешил к бречам. Трое оказались невредимыми, но у детеныша, лежащего на земле, были разорваны плечо и бок. Он жалобно пищал, когда Дэйн наклонился над ним. Остальные бречи отступили, словно поняли, что Дэйн хочет помочь.

— Драконы исчезли! — воскликнул Али, заглянув в контейнеры. — Смотрите!

Под его толчком крышки распахнулись, как будто их никогда и не запирали. Однако Дэйн был готов поклясться, что раньше они были крепко заперты. Он осторожно поднял детеныша и понес к шлюпке, а остальные бречи поплелись за ним, обме-

ниваясь негромкими звуками. Чем больше Дэйн вслушивался в эти звуки, тем больше они напоминали ему слова.

— Если вы справитесь один, мы поищем драконов, — обратился к ним Рип.

— Справлюсь. — Дэйну хотелось побыстрее вернуть бречей в тепло и в безопасное место.

Он верил, что ни Али, ни Рип не допустят неосторожности по отношению к ошеломленному чудовищу. Следовало прежде всего позаботиться о раненном брече. Дэйн не знал, действуют ли человеческие лекарства на детеныша-бреча, но других у него не было. Он опрыскал раны антибиотиками, залепил тонким слоем пластыря и поместил маленькое тельце в гамак. Туда сразу же прыгнула мать детеныша, прижала его к себе и начала облизывать, пока глаза детеныша не закрылись. Очевидно, он уснул.

Самец и два других детеныша продолжали сидеть на полке, куда они забрались, чтобы следить за действиями Дэйна. Отложив в сторону аптечку, Дэйн взглянул на них. Очевидно, они могли говорить друг с другом. А смогут ли они общаться с ним? На шлюпке находилось одно устройство, входившее в обязательное оборудование, и Дэйн мог попытаться. Он извлек из запасника ящик и осторожно вынул его содержимое. Это были маленький микрофон, ларингофон, который нужно было крепить к горлу, и плоский диск. Второй микрофон и ларингофон он отложил в сторону, а диск положил перед самцом.

— Я Дэйн... — начал он с самого древнего способа, сообщив, что он друг.

Его надежды реализовались в серии писков, донесшихся из диска. Но перевел ли речевой транслятор смысл? Самец удивленно подскочил и чуть не свалился с полки, а один из детенышей заверещал, прыгнул в гамак и прижался к самке. Та выставила рог и испустила предупреждающее ворчание. Но самец не стал отступать. Он переводил взгляд с Дэйна на диск, пока не коснулся короткой антенны, и снова взглянул на ларингофон на горле Дэйна.

— Я друг... — снова попробовал Дэйн.

На этот раз бреч не испугался. Он положил переднюю лапу на диск и вопросительно взглянул на Дэйна. Вид у него был задумчивым.

— Мои руки пусты. Я друг... — Дэйн двигался медленно и осторожно, протянув руки ладонями вверх.

Бреч обнюхал его руки и фыркнул. Дэйн отвел руки, медленно встал, принес пищевую смесь и наполнил миску.

— Пища, — отчетливо произнес он и налил в чашку воду. — Вода, питье... — Он поставил все это перед бречем.

Самка издала какой-то звук, и самец подтолкнул к ней пищу. Она села в гамаке и стала понемногу брать лапой пищу и заталкивать раненному детенышу в пасть. Самец попил, а затем перетащил чашку с водой к гамаку, но сам не остался с семьей, наоборот, он снова прыгнул на полку с диском. Приблизив морду к диску, он испустил несколько щелкающих звуков. Он понял! Теперь, если надеть на него ларингофон... Будет ли транслятор работать в обоих направлениях? Но прежде чем Дэйн коснулся транслятора, открылся люк. Самец отскочил от диска и прыгнул в гамак, а Дэйн, раздраженно обернулся и увидел Рипа и Али.

По выражению их лиц он понял, что попытка общения с бречами отступает на второй план.

Глава 7

УБИЙСТВО, ВРОСШЕЕ В ЛЕД

— Каков размер существа, которое ты поразил станнером? — спросил Али, не снимая термокостюма и держа станнер наготове, как будто готовился к схватке.

— Выше любого из нас. — Более точного определения Дэйн не мог дать. Но какая разница? Ведь их станнеры справились с угрозой.

— А по-настоящему? — Рип сунул оружие в кобуру и теперь определял размеры руками, расставив их приблизительно на фут. — Оно должно быть не больше... Есть и другие отличия.

— Может быть, вы объясните, в чем дело? — Дэйн был не в настроении решать загадки.

— На Асгарде живет существо, — объяснил Али, — похожее на земного муравья, только оно больше размерами и обитает не колониями, а в одиночестве. Правда, у него нет шерсти и оно не способно разрезать человека когтями или растоптать его ногами. Поселенцы называют его муравин. Так вот, мы видели муравина с различными украшениями.

— Но... — хотел возразить Дэйн, когда Рип прервал его.

— Да, но и но! Мы оба уверены, что это муравин с признаками мутации, но ведь зародыши тоже изменились, как и бречи.

— Значит, ящичек... — Мысль Дэйна метнулась к опасному предмету, который они закопали. Изоляция, изготовленная Штоцем, должно быть, ненадежна, а радиация подействовала на существо, гнездившееся рядом с укрытием.

Рип как будто прочитал его мысли.

— Не ящичек... — сказал он. — Мы проверили, он не потревожен. К тому же за ночь существо не могло настолько из-

мениться. Мы прошли по следу. Оно было здесь до нашей посадки.

— У вас есть доказательства?

— Мы сами видели логово. — Лицо Али сморщилось от отвращения. — Нет, оно явно такого же размера и жило здесь задолго до нас. И все же это муравин.

— Разве можно быть в этом уверенным? Вы говорили, что существует поверхностное сходство между земным муравьем и муравинком. А разве не может здесь существовать животное или насекомое с такой же внешностью? Эти отличия... Вы сами говорили, что они есть.

— Разумно, — ответил Али. — Если бы не музей естественной истории на Асгарде и если бы мы не побывали там несколько рейсов назад, так как Ван Райк требовал, чтобы с фортианскими изделиями обращались особо, мы бы так и не узнали. Пока подписывали документы, мы побродили вокруг. Предок муравина вымер задолго до того, как появились первые колонисты, но захваченные наводнением или утонувшие в болоте сохранились. Большие, волосатые, они вполне могли бы быть любимыми братьями и сестрами нашего знакомого! Асгард же во многих парсеках отсюда. Как же объяснить появление здесь существа, вымершего пятьдесят тысяч лет назад?

— Ящичек... — Дэйн вернулся к единственному разумному объяснению, и ему оставалось сделать лишь один шаг. — Другой ящичек?

— И не только другой ящичек, — кивнул Рип, — но также ввоз другой формы жизни. Они не могут так повторяться на различных планетах. Итак, кто-то привез современного муравина, подверг его регрессивному воздействию и произвел это существо. Точно так же, как и драконы...

— Драконы! — Дэйн вспомнил об исчезнувшем грузе. — Он их съел?

— Нет... Малыш освободил их... — Слова прозвучали на высоких нотах с металлическим призвуком.

Дэйн уставился на товарищей — ни один из них не говорил этого. Они, в свою очередь, смотрели за его спину, как будто не в силах поверить своим глазам. Он повернулся. Самец-бреч снова сидел на полке и прижимал к горлу диск-транслятор.

— Малыш освободил их. — Это несомненно говорил бреч, и доносившиеся из диска слова имели смысл. — Он любопытен и решил, что несправедливо — эти существа и не дома. Когда он открыл клетку, они поранили его. Он позвал, и мы пришли к нему. Пришло большое существо, но драконы уже ушли в лес. Так было.

— Клянусь бронзовыми копытами Котора! — воскликнул Али. — Он говорит!

— При помощи транслятора. — Дэйн был почти так же изумлен, так как оставил ларингофон на некотором расстоянии, а бреч понял, как им пользоваться, и подражал в действиях Дэйну. Но какой гигантский взлет разума!

— Вы говорите... — Бреч указал на ларингофон и на диск. — Я слышу. Я говорю, вы слышите. Просто. Но большое существо не съело драконов. Они тоже большие... И слишком большие для клетки. Толкали стены, царапали двери... Малыш подумал, что им тесно, и открыл... Они улетели...

— Улетели? — переспросил Дэйн.

У драконов были кожистые придатки, которые в далеком будущем превратятся в крылья латмеров. Но чтобы они воспользовались ими для полетов!

— Мы должны вернуть их и, если они летают в лесу... — начал он, но тут бреч добавил:

— Они летают плохо, прыгают над землей, хоп, — и он свободной лапой показал неуклюжие прыжки.

— Они могут быть где угодно, — сказал Рип.

Бреч вопросительно взглянул на него, и Дэйн вспомнил, что бреч понимает лишь тогда, когда говорят в транслятор.

— Они могли уйти в любом направлении, — повторил он для бреча.

— Ищут воду... хотят пить... — ответил бреч. — Вода там...

— Он указал на юг, как будто видел там пруд, или озеро, или ручей сквозь стены шлюпки.

— Но озеро в том направлении. — Рип кивнул на северо-восток, где за плато лежало озеро.

— Направление на озеро, — перевел Дэйн.

— Нет, они пошли не туда, а сюда. — Бреч снова указал на юг.

— Ты их видишь? — спросил Али и, поняв, что только Дэйн может задать вопросы, добавил: — Спроси, почему он так уверен?

Но Дэйн уже начал сам. Если бы длиннорылая морда с такими чужими чертами могла выражать изумление, Дэйн решил бы, что видит это изумление. Бреч коснулся лапой своего лба и ответил:

— Драконы сильно хотят пить, и мы чувствуем... чувствуем, что они хотят...

— Телепатия! — почти выкрикнул Рип.

Но Дэйн не был в этом уверен.

— Вы чувствуете, что думают другие? — Он надеялся, что выразился ясно.

— Не что думают другие, а только что думают другие бречи иногда. Что другие чувствуют, то мы чувствуем. Если чувствуют сильно, мы знаем.

— Какое-то эмоциональное излучение, — подытожил Али.

— Малыш чувствовал, что драконы хотят выйти, и выпустил их, — продолжал бреч. — Драконы поранили малыша. Плохо...

— Холод, — заметил Рип. — Если они ищут воду на юге, холод прикончит их.

— Значит, нужно побыстрее отыскать драконов, — ответил Дэйн.

— Кто-то должен остаться у коммуникатора, — сказал Али.

— Останется пилот, — быстро сказал Дэйн, прежде чем Рип успел возразить. — Мы возьмем с собой переносной коммуникатор. Если захотите, можете связаться с нами.

Он ожидал услышать возражения Шэннона, но тот сразу же занялся подготовкой. Но заговорил бреч:

— Пойду. Чувствую драконов... Скажу, где они...

— Слишком холодно, — быстро возразил ему Дэйн.

Он может потерять часть груза, но бречи бесконечно важнее этих зародышей и ими нельзя рисковать. Рип поднял мешок.

— Может, поместить туда подогреватель и выложить стенки прокладками, — он кивнул в сторону снятых с клетки прокладок, — и нашему другу будет достаточно тепло. Его слова имеют смысл. Если он ответит вас к драконам, вы сэкономите уйму времени и энергии.

Дэйн взял у Рипа мешок. Он был водонепроницаемым и предназначался для перевозки продуктов на планетах с ядовитой атмосферой. Такие мешки входили в оборудование пилотки и оказались достаточно вместительными для бреча даже с обогревателем, о котором говорил Рип. Если бреч сказал правду, если он действительно улавливает эмоциональное излучение изменившихся птенцов латмеров, это сэкономит им много времени. А у Дэйна было все усиливающееся ощущение, что, чем скорее они покинут эту дикую местность, тем будет лучше.

Умелые руки Али быстро осуществили предложение Рипа. На дне мешка установили маленький обогреватель, стенки утеплили прокладками, оставив в середине пустое место, где мог поместиться бреч. Лямки мешка приладили на Дэйна, а Али должен был нести второй мешок с припасами. У каждого к капюшону термокостюма был присоединен коммуникатор, и вдобавок Дэйн взял с собой транслятор. Бреч вернулся к своей семье в гамак и по приглушенному бормотанию Дэйн понял, что он объясняет свое временное отсутствие. Дэйн не знал, возражали ли остальные, потому что бреч не взял с собой транслятор.

Когда они вышли в путь, была середина утра. Сначала они

подошли к клетке. Муравин, вернее, мутантный муравин, исчез. След показывал, что он скорее уполз, чем ушел.

— В том направлении его логово, — заметил Али. — Вероятно, холод ему тоже вредит.

— Если это муравин, вернувшийся к форме своих предков... — Дэйн все еще не мог примириться с этим.

— Тогда кто принес его сюда и зачем? — закончил за него Али. — Тут есть над чем подумать. Думаю, можно считать, что наш ящичек не первый и что они торопились переслать этот. Как будто кто-то их торопил. У «Комбайна» не было никаких неприятностей на этом почтовом маршруте и это означает, что предыдущие ящички были либо лучше изолированы, либо рядом с ними не оказывался живой груз. Поселенцы постоянно получают зародыши латмеров, да и других животных.

— Возможно, они — эти загадочные «они» — не пользуются обычным транспортом, — заметил Дэйн.

— Верно. Здесь только один главный порт, и на планете нет обширной радарной системы, в ней нет необходимости. Ничто не привлекает в этой планете внимания браконьеров, контрабандистов, преступников... Или что-то привлекает?

— Наркотики? — Дэйн дал первый пришедший в голову ответ, наиболее вероятный. Некоторые наркотики легко производятся на девственной почве, и маленький, легкий груз может принести фантастическую прибыль.

— Но зачем тогда ящичек? Может быть, он должен был бы пробуждать рост чего-то? Возможно, наркотики — это неплохой ответ на вопрос. Если это так, нам могут противостоять преступники, вооруженные бластерами. Но зачем ввозить муравина и превращать его в чудовище? И зачем появился на борту мертвец с вашим лицом?

— Впереди вода... — прозвенел в ушах Дэйна голос бреча.

— Ты чувствуешь драконов? — Дэйн вернулся к первоочередной задаче.

— Вода... Драконов нет. Но драконам нужна вода.

— Если он не чувствует их, — заметил Али, когда Дэйн передал ему эту информацию, — они, возможно, погибли.

Дэйн разделял пессимизм Али. Теперь они шли между деревьями, ступая по толстому слою опавших листьев. Кустарник, ранее стоявший стеной, исчез, и местность имела уклон вперед. Оглянувшись, Дэйн ясно увидел их следы. Им не придется связываться со шлюпкой, они смогут вернуться по следам. Вода, о которой говорил бреч, появилась неожиданно, слишком неожиданно для их безопасности. Они остановились на самом краю крутого ущелья, по дну которого тек ручей.

— Вытекает из озера, — сказал Али и, прищурившись, посмотрел вверх по течению.

У берегов ручей был затянут льдом, но на середине было быстрое течение. И никаких следов драконов.

— Ты их сейчас чувствуешь? — спросил Дэйн у бреча.

— Не здесь. Дальше... там...

— Где? — Дэйн пытался определить направление.

— За водой...

Если драконы пересекли речку, то действительно использовали крылья, другого пути нет. Дэйн не мог понять, как они выжили в таком холоде. Разве что они гораздо устойчивее к холоду, чем он полагал. Нужно найти такое место, где склоны ущелья не так круты и где ручей можно перейти вброд. Пока такого места не было видно. Они разделились. Али направился на северо-восток к озеру, а Дэйн на юго-восток. Но речка оставалась прежней, пока Дэйн не подошел к месту, где с его стороны в стене ущелья был пролом. Что-то вмерзло в лед, и вода ручья ударяла в этот предмет, поднимая фонтан брызг.

Краулер... Краулер, предназначенный для тяжелых работ! В кабине никого не было видно, да Дэйн и не ожидал увидеть водителя. Ясно, что краулер находится здесь уже длительное время. Но все же он спустился вниз, чтобы осмотреть машину. Не имея подходящего оборудования, машину не удастся вытащить из ручья. Возможно, когда вода разольется, она поднимет краулер, но вряд ли его можно будет использовать. Это не сельскохозяйственная машина с различными приспособлениями для работы в поле. Краулер оснащен буровой установкой, теперь покосившейся, и остатками ковша. Машина для геолого-разведчиков... В надежде найти указания на ближайший поселок, Дэйн осторожно подобрался к машине и заглянул в кабину.

Когда дверь, наконец, открылась, Дэйн об этом пожалел. В кабине были люди. Они лежали на полу один на другом. Оба сожжены бластером. В контрольную щель вложены жетоны, и Дэйн неохотно извлек их. Когда они вернутся в порт, возможно, удастся найти разгадку этих смертей... этого убийства. Он запер дверцу и завалил ее обломками льда. Перед уходом Дэйн открыл грузовой люк. Возможно, они смогут использовать припасы, хотя забрать их сейчас с собой он и не сможет. Но прежде всего Дэйну хотелось взглянуть на груз. Не в нем ли разгадка убийства? Может, грузовой отсек ограблен?

Его догадка оказалась верной. Отсек был пуст, только у разбитой двери застрял маленький кусочек породы. Как будто его не заметили, когда торопливо вытаскивали груз. Кусочек оказался небольшим, нести его было нетрудно, а если породу

держали под замком, значит, она достаточно ценна. Дэйн не знал, сколько времени машина была здесь, но, судя по замерзшему грунту, довольно долго. Снова поднявшись по склону ущелья, Дэйн немного прошёл по следу краулера. На коротком расстоянии след шел по берегу. Значит, спуск вниз не был попыткой пересечь речку, машиной с мертвым экипажем управляла атоматика. Та ли это машина, что оставила след на плато? Возможно.

— Вызываю Торсона! Вызываю Камила! Возвращайтесь в шлюпку! Немедленно! — Сигнал коммуникатора прозвучал так внезапно, что Дэйн вздрогнул.

Такие формальности не свойственны Рипу. Значит, эта формальность — предупреждение. Муравин? Или у них появились двуногие враги? Так думал Дэйн, торопливо идя назад и поглядывая вниз на краулера. Может, те, кто убил геологов, теперь обратили внимание на их шлюпку? Может, Рип в таком положении, что сумел их предупредить только таким набором слов? Бреч не издал ни звука. Если он и чувствовал впереди неприятности, как предсказал действия драконов, он об этом не говорил. Неожиданно еще одна мысль мелькнула у Дэйна, такая же поразительная, как и вызов со шлюпки. Когда они нашли бречей в загоне перед муравином, те находились внутри силового поля. Это-то поле и предотвратило нападение чудовища. Но драконы прошли сквозь поле. Конечно, поле было слабым, но Али испытал его и оно действовало. Как же они прошли сквозь поле?

— Когда малыш нашел клетку, вокруг нее была защита, — сказал Дэйн в транслятор, — но он нашел и открыл клетку с драконами...

Поймет ли его бреч? Что же произошло с полем? Неужели бречи сумели выключить его, а потом снова включили? Выключить поле можно, но включить его изнутри совершенно невозможно!

Ответ прозвучал неуверенно, как будто бречу тоже было трудно объяснить.

— Мы думаем... если неживое, мы думаем, что оно должно сделать... и оно делает...

Дэйн покачал головой. Если он правильно понял, у бречей есть контроль над неживой материей... Прошли же они через силовое поле! А драконы? Неужели они тоже смогли проделать это?

— Как драконы прошли через защиту?

— Малыш... когда они поранили его... открыл для них проход. Они хотели уйти, и поэтому он открыл... — ответил Бреч.

Все больше и больше прояснялось сознание в этих мут-

ровавших животных — нет, они не животные, — в этих существах. Нужно им дать соответствующий статус, кем бы они ни были на Ксечо. Какое волнение они вызовут среди ученых!

Дэйн увидел бегущего Али и остановился, поджидая его.

— Слушай, что я нашел! — Дэйн отодвинул в глубину сознания вопрос о бречах и быстро рассказал Камилу о брошенном краулере и о том, кто там находился.

— Вы думаете, у Рипа посетители? — быстро понял его Али.

— Хорошо, пойдем медленно и осторожно.

Они закрыли свои микрофоны пальцами, пока говорили друг с другом, так что в шлюпке их нельзя было услышать. Дэйн с радостью закрыл лицо прозрачной пластиной. Хотя на небе светило солнце, оно даже на открытом месте давало мало тепла, а когда они снова вошли в тень леса, даже иллюзия света и тепла исчезла. К шлюпке они приближались осторожно, но, увидев, что стояло рядом с ней, почувствовали себя уверенней. Это, несомненно, был разведочный флиттер «Королевы», и Дэйн почувствовал теплую волну облегчения. Итак, Джелико послал за ними. Может, они на грани разрешения всей загадки? Почувствовав уверенность, они заторопились к люку.

Внутри были Рип и Крэг Тау, а третьим оказался не капитан, как ожидал Дэйн, и вообще не член команды. Лишенное выражения лицо Рипа и напряженные черты Тау свидетельствовали о том, что их неприятности еще не кончились. Незнакомец был потомком землян, но ниже членов экипажа, шире в плечах и с длинными руками. Под теплой верхней одеждой виднелся зеленый мундир, на груди значок — два серебряных листа из одного стебля.

— Рейнджер Мешлер. Дэйн Торсон, исполняющий обязанности суперкарго. Али Камил, помощник инженера. — Врач Тау произвел формальное представление и добавил для своих товарищей: — Рейнджер Мешлер — старший в нашем регионе.

Дэйн начал действовать. Возможно, он ошибется в общей оценке положения, но один из первых уроков, которые усваивали вольные торговцы, заключался в том, чтобы вывести врага, или предполагаемого врага, из равновесия, нанести удар первым и, по возможности, неожиданно.

— Если вы представляете здесь закон, я должен сообщить об убийстве, точнее, о двух убийствах. — Он показал жетоны, найденные в краулере, и обломок камня, застрявший в грузовом отсеке. — У речки стоял краулер. Думаю, он там уже значительное время, но я не знаю местных условий, чтобы судить, как именно долго. В кабине два человека. Сожжены бластером. Замок грузового отсека выжжен, а это застряло в дверце. — Он

положил камень на полку. — А это идентификационные жетоны. — И положил их рядом с камнем.

Если он собирался перенести войну на территорию противника, то частично преуспел в этом — Мешлер смотрел на камень и жетоны, а потом перевел взгляд на Дэйна.

— Мы должны также сообщить, — прервал короткое молчание Али, — если это уже не сделал Шэннон, о присутствии здесь мутировавших животных.

Мешлер наконец ожил. Лицо его приобрело замкнутое выражение, и все следы удивления с его лица исчезли.

— Похоже, — голос его звучал холодно, как воздух снаружи, — вы сделали очень странные открытия. — Он говорил так, как будто считал их слова выдумкой.

Но у них есть доказательства.

Глава 8

НЕПРОИЗВОЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

— Каково положение, сэр? — сделав все возможное, чтобы вывести противника из равновесия и не обращая внимания на слова рейнджера, Дэйн повернулся к Тау. Он хотел знать, что их ожидает.

Но ответил Мешлер:

— Вы все арестованы!

Он произнес это весомо, как будто слова могли их обезоружить и уничтожить преимущество четырех против одного.

— Я экстренно препровожу вас в Трюкспорт, — продолжал он, — где ваш случай будет рассмотрен Патрулем.

— А обвинение? — Али не отошел от люка и одну руку держал сзади, на замке, как решил Дэйн. Стало ясно, что Али не считал, что преимущество на стороне Мешлера.

— Саботаж в доставке груза, вмешательство в почтовые перевозки, убийство... — Мешлер произносил каждое обвинение как судья, объявляющий приговор.

— Убийство? — Али выглядел удивленным. — Кого же мы убили?

— Неизвестного... — протянул Мешлер. Его прежняя жестокость несколько ослабла. Он прислонился к стене, держась одной рукой за гамак, в котором сидели бречи. — Вы видели его мертвым. — Он кивнул Дэйну: — У него было ваше лицо.

Мешлер бросил на Дэйна резкий внимательный взгляд, а тот, чтобы помочь ему, откинул капюшон. Вторично на непод-

вижном лице рейнджера Дэйна увидел нечто похожее на удивление. Тау издал звук, похожий на смех.

— Видите, рейнджер, наш рассказ правдив. А остальное мы можем показать, как показали человека с такой же внешностью, что и маска. У нас есть ящичек, вызвавший все неприятности, есть мутировавшие зародыши, бречи... Пусть ваши специалисты исследуют их и увидят, что мы говорим правду.

Что-то зашевелилось за спиной Дэйна. Он совсем забыл о брече в мешке. Ослабив лямки, он наклонил мешок, так что его обитатель смог выбраться и присоединиться к своей семье в гамаке. Мешлер молча наблюдал за этим. Но вот он достал из внутреннего кармана трехмерное цветное изображение. Держа его, он подошел к гамаку и несколько раз перевел взгляд с изображения на бречей и обратно.

— Есть отличия, — заметил он.

— Как мы и говорили. Вы слышали, как она говорила, — ответил Рип, и в его голосе звучало напряжение. По-видимому, перед приходом Дэйна и Али ему пришлось нелегко.

— А где этот загадочный ящичек? — рейнджер продолжал рассматривать бреча, и у него по-прежнему было скептическое выражение лица.

— Мы поместили его в защитную оболочку и закопали, — ответил Дэйна. — Но это все же не первый подобный груз здесь.

Теперь он полностью овладел вниманием Мешлера. Две льдинки, служившие рейнджеру глазами, были устремлены на Дэйна.

— У вас есть основания так считать? — спросил он.

Дэйна рассказал ему о муравине. Он не мог сказать, какое впечатление это произвело на Мешлера, но тот, по крайней мере, выслушал, не проявляя недоверия.

— Вы говорите, что нашли его логово? И он был под воздействием станнера, когда вы его в последний раз видели?

— Мы прошли до его логова по следу, — вмешался Али, — и когда он уходил от клетки, то следы вели туда же. Мы не пошли по ним вторично.

— Да, вы отправились за собственными чудовищами, хотели скрыть то, что произвели сами. — Мешлер не смягчился. — А эти чудовища, где они теперь?

— Мы проследили их до речки, — продолжал Али. — Бреч говорит, что они перелетели через речку, и мы искали возможность перебраться через нее, когда нас позвали назад.

— Бреч говорит! Откуда он знает? — вмешался в разговор врач Тау.

— Он говорит, что чувствует эмоции, — ответил Дэйна. —

Именно поэтому драконы ушли из загона. Один из детенышей «услышал» их гнев от того, что они заперты, и выпустил их. Они сначала ранили его, а потом ушли.

Он ожидал презрительного возражения рейнджера, но тот молча выслушал все, время от времени поглядывая на бречей.

— Итак, у нас несколько освободившихся чудовищ плюс этот муравин.

— И еще двое убитых, — снова вмешался Дэйн, — которые были мертвы задолго до нашего появления.

— Если они так давно мертвы, — ответил рейнджер, — то могут подождать еще немного. Сначала нужно заняться этими вашими «драконами». — Он убрал снимок, извлек небольшую трубку, которая с легким шуршанием развернулась в карту, миниатюрную, но весьма четкую и легко читаемую. — Озеро. Ваша речка вытекает отсюда?

— Мы так считаем, — ответил Дэйн.

— И ваши драконы пересекли ее? — Сразу за речкой начиналась бледно-зеленая поверхность, и Мешлер постучал по ней рукой. — Земля Картла. Туда направились ваши драконы.

— С таким же легким шелестом карта свернулась. — Нужно найти их прежде, чем они уйдут слишком далеко. Этот... это существо может выследить их? Вы уверены в этом?

— Он говорит, что может. Он привел нас к реке. — Дэйн не собирался давать возможность рейнджеру забрать бреча. В конце концов, что бы ни произошло, бреч оставался частью груза, за который Дэйн нес личную ответственность. Но Мешлер не трогал бреча.

— Вы арестованы. — Он осмотрел их одного за другим, как будто спрашивая, кто бросит ему вызов. — Если мы будем ждать отряда из Трюспорта, может оказаться слишком поздно. У меня есть обязанности. Если поселок Картла в опасности, мой долг быть там. Но эту опасность выпустили вы, поэтому у вас тоже есть долг...

— Мы этого не отрицаем, — ответил Тау. — Мы старались, как могли, чтобы не подвергнуть опасности порт.

— Старались? Выпустив драконов, которые нападут на поселок?

— Я не понимаю, как они выдерживают холод, — медленно сказал Дэйн, адресуя эти слова Тау. — Их выпустили ранним утром. Я думал, что они замерзнут. Рептилии не выдерживают холода...

— Латмеры — не рептилии, — поправил его Мешлер, — и они хорошо приспособлены к холоду. Их специально приучали к трюсовой зиме.

— Но я вам говорю, — гневно ответил Дэйн, — что это не

ваши латмеры, а их древние предки. Внешне они, несомненно, рептилии.

— Мы не можем точно сказать, кто они такие, — поправил его Тау, — пока не исследуем их в лаборатории.

— У нас нет времени спорить об их природе! — резко заявил Мешлер. — Нужно отыскать их, прежде чем они нанесут ущерб. И я должен отправить отчет. Вы остаетесь тут. — И он вышел, захлопнув за собой люк.

— Что происходит? — обратился Камил к Тау.

— Мы все сами хотели бы узнать подробности, — устало ответил Тау. — Когда мы селились, нас уже ожидали. Мы выглядели весьма подозрительно. К тому же нам пришлось сообщить о мертвце на борту...

— Но как... — начал Шэннон.

— Именно как... — ответил Тау. — У нас не было времени на доклад. Мы правдиво ответили на все вопросы, показали тело. Я сообщил врачу свое заключение. Им понадобились его документы. Когда мы сказали, что у него были ваши документы и показали маску, они не поверили и заявили, что такое невозможно организовать без вашего ведома, что во время полета замена обязательно обнаружилась бы, что, вероятно, близко к истине. Отсюда они перешли к причине появления этого человека на борту.

— И вы рассказали им о ящичке... — быстро подхватил Али.

— Пришлось. Лаборатории затребовали своих бречей, а поселенцы — зародышей. Мы могли бы сказать, что один груз придет позже, но не оба при таких обстоятельствах. Джелико требовал, чтобы нас заслушали на Торговом суде. Тем временем «Королеву» конфисковали, а экипаж арестовали. За вами послали Мешлера, а я с ним потому, что по торговым правилам должен быть врач.

— Вы думаете, за этим «И-С»? — спросил Рип.

— Нет. Просто невероятно, чтобы большая компания осуществляла такой сложный план против одного торговца. И мы не отбивали у них почтовый контракт, он уже несколько лет принадлежал «Комбайну». Нет, я думаю, что мы оказались просто под рукой и кто-то нас использовал. Может, то же самое произошло бы с кораблем «Комбайна», если бы он осуществлял этот рейс.

— Крэйг... — Дэйв слушал не очень внимательно, занятый собственными мыслями, — этот мертвец... может, его сознательно послали на смерть?

— Возможно. Но только зачем?

— И зачем, и как, и почему? — поднял руки Рип.

Тем временем Али взял обломок, принесенный Дэйном из краулера, поворачивал его и рассматривал.

— Трьюс — чисто сельскохозяйственная планета, не так ли? Единственное занятие — сельское хозяйство.

— Так указано в справочнике.

— Но мертвые геологи в краулере с ограбленным бункером? Где был этот обломок? — неожиданно спросил Али у Дэйна.

— Застрял в разбитой двери. Думаю, кто-то торопливо очищал бункер и не заметил этого обломка.

Рип через плечо Али взглянул на обломок.

— По-моему, самый обычный обломок скалы.

— Но вы не минералог. — Али взвесил камень в руке. — У меня инстинктивное чувство, что ответ у нас прямо перед носом, но мы его не видим.

Он все еще рассматривал камень, когда снова открылся люк и появился Мешлер.

— Вы, — он указал на Рипа, — останетесь здесь. Вас подберет сторожевой корабль из порта. Вы тоже. — На этот раз его палец указал на Али. — А вы, вы и этот... это существо, которое, как вы говорите, чувствует драконов, пойдете со мной. Мы полетим на флиттере.

Дэйну казалось, что Шэннон и Камил будут протестовать, но они взглянули на Тау, и, хотя выражение лица врача не изменилось, он каким-то странным образом приказал им не возражать Мешлеру. Дэйн вторично посадил бреча в мешок, и тот не возражал, как будто следил за их разговором и знал цель второй экспедиции. И рейнджер не стал требовать, чтобы Дэйн сдал свой станнер.

— Сначала мы направимся к Картлу, — ласково заявил Мешлер, знаком приказал Дэйну вместе с бречем сесть рядом с ним на первое сиденье. Тау сел сзади.

Мешлер оказался искусным пилотом, но, возможно, использование флиттеров было обычным для рейнджеров при исследовании диких территорий. Без всяких усилий Мешлер поднял флиттер, повернул нос машины на юго-восток и включил предельную скорость. Через несколько секунд внизу промелькнула речка и снова потянулась сплошная пелена мясистой листвы, как будто лес тоже был особой водой. Бреч спокойно сидел на коленях Дэйна, высунув голову из мешка. В кабине было достаточно тепло, так что никто не натягивал капюшон. Рогатый нос поворачивался из стороны в сторону, и Дэйну казалось, что бреч ловит запах. Неожиданно голова бреча повернулась направо, западнее их нынешнего курса. В капюшоне Дэйна прозвучал голос бреча.

— Драконы там...

Удивленный Мешлер оторвался от приборов.

— Откуда ты знаешь?

Дэйн повторил его вопрос.

— Драконы голодны... Охотятся...

Охотятся! Что ж, у голода, несомненно, есть эмоциональная сторона, а у хищника эта эмоция должна быть особенно сильной. Но флиттер ведет Мешлер. Повернет ли он или будет настаивать на первоначальном курсе? Прежде чем Дэйн вмешался, Мешлер повернул, и нос бреча, будто это действительно был индикатор, связанный с приборами, теперь указывал прямо вперед. Лес прервался, и показалась расчищенная земля с множеством пней.

— Земля Картла, — сообщил Мешлер.

Среди пней виднелись странные столбы. Они стояли не в ряд, как заготовка для ограды, а как-то разбросано. И почти все столбы были заняты неуклюжими длинношеими животными, которые клевались, толкались и кричали, когда другое животное подходило слишком близко. Латмеры!

— Их не охраняют? — удивился Дэйн, вспомнив муравина. Может, на Трюсе есть его местные предки?

Мешлер издал звук, похожий на смех.

— Они способны сами защищаться. Сейчас люди приходят на поля даже без станнеров. Впрочем, на краулер они не обращают внимания. Здесь найдется немного существ, способных справиться со стаей латмеров.

Бреч кивнул. Они пролетели над полем, где шла кровавая битва. Здесь столбов-насестов было меньше и все они опустели. На земле валялись разорванные тела, но два законных обитателя все еще отбивались от врагов смертоносными клювами. А враги... Сначала Дэйн не поверил своим глазам. Зародыши, которые он помнил, не превышали размерами взрослого бреча, а эти были больше латмеров. Быстрое нападение, уклоны, использование когтей, бьющие хвосты, машущие крылья, при помощи которых они приподнимались над землей и угрожали латмерам сверху, — все это могло принадлежать взрослым существам, давно привыкшим к таким набегам.

— Они... они выросли! — удивленно воскликнул Дэйн, будучи не в состоянии поверить, что за один-два дня произошли такие разительные перемены.

— Это ваши драконы? И вы хотите, чтобы я поверил, что они только что вылупились? — Мешлер имел право не верить, но именно эти существа Рип, Али и Дэйн перетаскивали в клетки. Правда, тогда они были гораздо меньше.

— Они самые...

Мешлер повернул флиттер, потому что они миновали сцену

свирепой битвы. Они опускались. Дэйн решил, что рейнджер пытается отпугнуть драконов от уцелевших латмеров, и подготовил свой станнер, но чтобы он смог его применить, они должны были подлететь гораздо ближе. Мешлер рылся в кармане своей форменной куртки. Потом он протянулся Дэйну яйцеобразный предмет.

— Нажмите кнопку наверху, — приказал он, — и бросьте, когда мы будем ближе всего.

Они снова удалились от места схватки. Дэйн открыл окно справа, передвинул в сторону мешок с бречем и наклонился, готовый бросить этот предмет. В третьем заходе Мешлер прижался к земле. Дэйн надеялся, что правильно рассчитал расстояние. Палец его коснулся кнопки, и он выпустил яйцо. Мешлер прибавил скорость, флиттер рвануло вверх и Дэйна прижало к сиденью. Когда скорость уменьшилась, они снова повернули и пошли на посадку. Приземляться среди пней на неровной поверхности, поросшей жустарником, было трудно. Они снова направились к разгромленным насестам. Но теперь вокруг расколотых столбов клубился зеленоватый пар. Он поднимался клубами и медленно рассеивался в высоте.

Ни одного из существ, только что сцепившихся в жестокой схватке, не стало видно. Мешлер сел в единственно возможном месте на некотором расстоянии от разграбленного насеста. Дэйн оставил бреча во флиттере и пошел вслед за Мешлером и Тау к полю битвы. Если драконы явились за пищей, возможно, сопротивление латмеров спасло весь выводок. Во всяком случае, это уже было не бессмысленное убийство со стороны драконов, а защита от доблести существ, которых нападающие явно недооценили. Драконы и два последних латмера лежали на том месте, где упали, но они не умерли. Зеленоватый пар произвел на них такое же действие, как станнер. Мешлер стоял над мутантами, изучая их.

— Вы говорите, это предки латмеров? — его голос звучал недоверчиво, и, если бы Дэйн сам не видел, как они выползали из эмбриобоксов, он не поверил бы тоже.

— Разве что перепутали груз, — заметил Тау, — но я считаю, что эту возможность следует исключить. Эмбриобоксы проверяли в порту Ксечо. Рутинная процедура, но эксперты ничего не пропустили бы.

Мешлер наклонился, поднял край крыла, обтянутого жесткой кожей, а потом уронил на чешуйчатое тело, которое подергивалось от дыхания.

— Если ваш ящичек может это сделать...

— Не наш ящичек, — поправил Дэйн. — И вспомните муравина... этот ящичек явно не первый.

— Доложить! — Мешлер как будто разговаривал сам с собой, — Немедленно... — Он извлек танглер — оружие, делавшее любого пленника абсолютно неподвижным, и, пользуясь им с большим искусством, привел в неподвижность лапы, крылья, головы и хвосты драконов.

Они перетащили драконов к флиттеру и засунули их в грузовой отсек. Мешлер покачал головой над останками латмеров. Он решил, что двое из них, боровшихся до конца, выживут, но остальные погибли. Сейчас следовало сообщить об этом злополучному хозяину.

— Он потребует возмещения убытков, — с удовлетворением заявил Мешлер. — И если обвинить вас в повреждении территории...

Дэйн не знал, что такое повреждение территории, но по тону Мешлера понял, что ничего хорошего это «Королеве» не принесет.

— Вина не наша, — ответил Тау.

— Не ваша? Вы не доставили груз в порт, это его часть, поэтому вы еще отвечаете за него. И если груз поврежден...

«Сложная проблема, — подумал Дэйн. — Мы отвечаем, несомненно, за повреждение груза, но отвечаем ли за ущерб, причиненный грузом?»

Он напряженно вспоминал инструкции, которые изучал в школе и во время службы на «Королеве». Случалось ли такое раньше? Он не мог вспомнить. Ван Райк знает, конечно, но он далеко, в другом секторе Галактики, и только Дух Космоса знает, когда он присоединится к ним.

— Двигаться кратчайшим путем. — И снова Мешлер разговаривал сам с собой.

Несколько минут спустя вместо того, чтобы снова продолжать путь на восток по-прежнему курсу, нос маленького корабля повернулся на запад. Мешлер издал восклицание и ударил кулаком по шкале. Маленькая стрелка дрогнула, но не повернулась. Мешлер принялся щелкать переключателем, нажимать кнопки, но курс не менялся.

— Что случилось? — Дэйн достаточно хорошо знал флиттер, чтобы понять, что машина движется по определенному курсу автоматически и рейнджер не может изменить этот курс.

Тау наклонился вперед, почти поравнявшись с Дэйном.

— Смотрите на индикатор! Мы на контрольном луче!

Красный огонек на приборном щитке свидетельствовал о том, что их влечет мощный луч.

— Не могу оторваться. — Мешлер опустил руки. — Флиттер не слушается управления.

— Но если никто не устанавливал курс... — Дэйн смотрел на шкалу.

Конечно, можно установить автоматический курс, но никто за них этого не делал, и, хотя все они были заняты перетаскиванием драконов, никто не мог незаметно подобраться к флиттеру.

— Контактный луч, — задумчиво сказал Мешлер. — Но это невозможно! В том направлении ничего нет. Быть может, несколько бродячих охотников... И экспериментальная станция Трости, но она к северу отсюда. И даже у них нет такого оборудования...

— У кого-то есть, — отозвался Тау. — И похоже, что в этой дикой местности есть больше, чем вы предполагаете, рейнджер Мешлер. А тщательно ли вы патрулируете?

Мешлер поднял голову, и щеки его покраснели.

— Перед нами целый дикий континент. Большая часть его нанесена на карту с воздуха. Что касается исследований местности, то у нас слишком мало людей и средств. И главная наша задача — защищать поселки. На Трюсе никогда раньше не было неприятностей.

— Если вы хотите сказать «до прибытия к вам «Королевы Солнца», — с горечью возразил Дэйн, — то не стоит. Не мы произвели на свет регрессированного муравина, не мы убили тех двоих в краулере и не мы втянули свой корабль в эту переделку. Если нас удерживает контрольный луч, значит, где-то есть установка. Так что в этой дикости вы не все знаете.

Но Мешлер, казалось, не слушал. Он включил коммуникатор, поднял микрофон и произнес серию звуков, должно быть, какой-то код. Трижды он повторил его, каждый раз ожидая ответа, а потом, пожав плечами, положил микрофон.

— Коммуникатор не в порядке? — спросил Тау.

— Похоже, — ответил Мешлер, а флиттер продолжал в сгущающихся сумерках лететь на запад, углубляясь в неизвестность.

Глава 9

ОХОТА НА ЛЮДЕЙ

Стемнело, но когда Дэйн хотел включить огни флиттера, Мешлер удержал его.

— Не нужно, нас не должны видеть, — объяснил он, и Дэйн устыдился своего инстинктивного, но неосторожного поступка.

— Куда мы летим? — спросил Тау.

— На юго-запад. По нашим сведениям тут ничего нет, — ответил Мешлер. — Разве я не говорил?

— А эта станция Трости, — настаивал Тау. — В чем заключаются ее эксперименты? Агротехника, ветеринария или общие исследования?

— Агротехника, но не только для Трюса. У них лицензия на экспорт. Но они тут ни при чем. — Я навещал их во время обходов. Мы далеко от них и к тому же у них нет установки, способной произвести такой луч.

— Трости, — задумчиво повторил Тау, — Трости...

— Веганец Трости. Организация основана по его завещанию, — объяснил Мешлер.

Веганец Трости! Дэйн вспомнил сотни слухов и в разной степени правдоподобных рассказов о веганце Трости. Он был одним из тех людей, кто, по выражению землян, обладал «золотым прикосновением». Каждое изобретение, которое он поддерживал, каждое исследование, которое он финансировал, оказывались успешными и в его казну стекались новые миллионы. Никто не знал, каким богатством обладает Трости. Время от времени он вкладывал астрономические суммы в исследовательские проекты. Если они удавались, а они обычно удавались, прибыль уходила планете, представившей базу для исследований. Конечно, были и другие слухи, всегда возникавшие в тени таких людей, что его «удачи» не всегда объяснялись известными предприятиями, что некоторые его проекты не подлежат оглашению, что он вел свои исследования на двух уровнях, один из которых был открыт и маскировал другой, и что цели другого были гораздо менее привлекательны для публики.

Но хотя такие слухи тоже превратились в легенду, ни разу не было получено доказательство их правдивости. А финансовая сторона предприятия Трости продолжала поражать воображение. Если он допускал ошибки или шел по другим дорогам, все это было забыто. Так жил веганец Трости, человек, о личности которого не было практически ничего известно. Почти с ненавистью он сторонился известности. Рассказывали, что часто он сам работал среди своих подчиненных, особенно в исследованиях, причем сами они об этом не знали. Когда он исчез, оказалось, что он установил такой плотный контроль в своей империи, что она продолжала действовать во имя знаний и общего блага, так что на многих планетах его считали героем, почти полубогом.

Оставалось неизвестным, как он исчез, несмотря на расследование Патруля. Просто его представители на многих планетах объявили, что его частный корабль пропустил все сроки

возвращения и они в соответствии с его волей ликвидируют его предприятия. Так и поступили, хотя внимание общественности, казалось, не давало возможности скрыть что-либо. Говорили, что он отправился в очередную экспедицию, что перестал регулярно посылать сигналы, как всегда делал. И вступило в действие его завещание. Никто не знал о его молодости. Прошрое его, как и конёп, было темным. Он кометой промелькнул по населенным Галактикам и изменил мир, в котором появился.

— Мы теряем высоту! — неожиданно воскликнул Мешлер.

— И еще... — Тау снова наклонился вперед, так что голова его и плечи оказались рядом с сидевшими впереди. — Видите? — Рука его была темной тенью в полумгле рубки, но в руке он держал небольшой прибор с освещенной шкалой, где стрелка отклонялась вправо. Прибор гудел, причем Дэйну показалось, что гудение становилось громче.

— Что?.. — начал Мешлер.

— Впереди радиация того же типа, но сильнее, чем из ящичка на «Королеве». Кажется, мы скоро получим ответ.

— Полушайте... — Лицо Мешлера казалось Дэйну неясным пятном в темноте, но в его голосе слышалась нотка, которой раньше не было. — Вы говорите, что эта радиация приводит живые существа к регрессу.

— Мы можем судить на основании зародышей и бречей, — сказал Тау.

— А может ли радиация подействовать на нас?

— Не знаю. Ящичек пронес на борт человек. Торсон видел его в руках женщины-чужака. Конечно, этот человек мог быть послан на смерть, но я так не думаю. Им нужно было, чтобы «Королева» доставила сюда груз, а регрессировавший экипаж не мог бы управлять кораблем. Мы не смогли бы выйти из гиперпространства. Но если радиация усилится... Впрочем, не знаю...

— И вы говорите, что впереди та же радиация?

— Да, если судить по показаниям прибора...

Если он хотел что-то добавить, то так и не смог — флиттер неожиданно пошел вниз. Мешлер с криком вцепился в управление — бесполезно. Он не мог поднять флиттер, не мог предотвратить его падение.

— Аварийные условия!

Дэйн скорее почувствовал, чем увидел, как пилот коснулся красной кнопки. Он сделал то же самое со своей стороны кабины. Сколько у них осталось времени? Достаточно ли? Планета была темной массой, и он не знал, быстро ли они к ней приближаются. Он почувствовал, как поднимается пена, вытекаая из специальной полости, и обвивает его тело. Она уже добралась

до горла и коснулась подбородка. Следуя инструкции об аварийной обстановке, он откинулся на сиденье и закрыл глаза, когда защитная масса сомкнулась над ним и бречем. Следовало бы предупредить бреча, но Дэйн забыл об этом. Совсем забыл о существе, так тихо оно сидело в мешке, а теперь стало поздно.

Расслабиться. Он боролся со своими нервами. Расслабиться, предоставить действовать защитному желе — напряженное тело хуже взаимодействует с пеной. Расслабиться. Он напряг свою волю. Удар. Несмотря на пену, Дэйн едва не потерял сознание. Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем он смог нащупать рычаг справа от себя. Ему пришлось преодолеть сопротивление желе, но наконец его пальцы сомкнулись на рычаге. С резким толчком открылась дверь, и пена хлынула в отверстие, вынося и его.

Теперь пена опадала. Большой ее пласт уже упал с головы и плеч. Он открыл глаза и тут же закрыл их, ослепленный сильным лучом фонаря и не способный понять, что происходит. Они ударились, а потом... Руки, вытащившие его из пены, действовали без нежности. По-видимому, владельцев этих рук интересовала лишь скорость. Его рывком поставили на ноги, и луч фонаря по-прежнему светил ему в глаза, так что он не смог разглядеть окружающих. Их было двое. Высвободив его, они искусно приложили танглер к его рукам и ногам, а затем замотали его от талии до плеч быстротвердеющей лентой. Потом Дэйна оттолкнули в сторону, так что он больно ударился о землю. От толчка он несколько раз перевернулся, и луч перестал светить в глаза. Он мог видеть, хотя люди, занявшиеся Тау, оставались смутными фигурами.

Дэйн не знал, сколько их. Часть была невидима, используя луч фонаря как укрытие. Работали они так эффективно, что можно было подумать, что к таким действиям их тщательно готовили. Все трое из флиттера находились под контролем. Но мешок с бречем не извлекли! Они не знают о существовании животного или не считают его важным?

Желе под действием воздуха быстро распадается, так что бреч скоро освободится, но он может испугаться аварии и пены, а Дэйн не знал, что можно ожидать от бреча. Тут он услышал гудение приближающегося краулера. В луче фонаря показался трос. Его прикрепили к носу флиттера, и разбитая машина со скрежетом двинулась. Куда ее тащат, Дэйн не видел. Его самого схватили за плечо и повели по неровной тропе. Он спотыкался и несколько раз упал бы, если бы невидимый сопровождающий не поддерживал. Наконец они оказались на поляне, где под нависшей скалой был разбит лагерь. Стояла полевая кухня, грудой было навалено различное оборудование. Ясно, что по-

хитители находятся здесь уже несколько дней и хорошо оснащены.

Диффузная лампа бросала рассеянный свет. Она еле светила, как будто обитатели лагеря экономили энергию. В ее свете Дэйн увидел троих людей, которые привели их сюда. На всех обычные охотничьи костюмы с поясами для инструментов, какие надевали на неисследованных планетах. Все — земляне или потомки землян, но тот, который встал при их появлении, не был землянином. Он принадлежал к неизвестной Дэйну расе. Очень высокий, так что ему приходилось наклонять голову и плечи, чтобы уместиться под выступом скалы. Кожа желтого цвета — не оранжево-желтого, как у некоторых землян, а более яркого оттенка. А глаза и зубы светились, точно покрыты каким-то флюоресцентным веществом. Волосы у него были редкими и росли клочьями с ровными промежутками между ними. Череп конусообразный, сужающийся к макушке, но тело, если не считать несоразмерных с торсом рук и ног, было похоже на тело землянина. Он тоже был одет в охотничий костюм.

Дэйн подумал, знает ли Тау с его большими знаниями чужих рас, что это за раса. Откуда бы чужак не происходил, было ясно, что он командовал в лагере. Он не говорил, но жестикнул, и троих пленников отвели к скале и заставили сесть. Чужак сел рядом с лампой. В руках его, с пальцами, будто лишенными костей, был коммуникатор, но он не начал в него говорить, а двумя пальцами начал выбивать дробь по микрофону. С пленниками никто не разговаривал, а Мешлер не задавал вопросов. Когда Дэйн взглянул на рейнджера, то увидел, что тот внимательно изучает сцену, как бы запоминая ее участников.

На незнакомцах охотничья одежда, да и оборудование, как у спортивных охотников на чужих планетах, но если они под таким предлогом очутились в этой части Трюса, то наверняка получили разрешение на это и с ними должен быть проводник, но никакого проводника не видно. Не было слышно и возвращения краулера, утачившего флиттер. Дэйн пришел к заключению, что отряд большой, но остальные постарались, чтобы их не видели. Послав свое кодированное сообщение, высокий чужак закутался в длинный плащ с капюшоном, отошел в сторону от лагеря и лег. За ним последовали двое землян, и ни один из них не взглянул на пленников. А третий остался у огня, держа в руках танглер.

Дэйн мало что смыслил в электронике, но в лагере ничто не напоминало ящичек с «Королевы» и ничто не свидетельствовало о том, что источник мощных сил, приведший сюда флиттер, находится здесь. Но по-прежнему не ясен ключ к разгадке. Дэйн устал, но неудобное положение не давало ему возможности ус-

нуть. Взглянув на Тау и Мешлера, он увидел, что они тоже не спят. Часовой у костра время от времени вставал и прохаживался, бросая быстрый взгляд на пленников и потом всматриваясь в темноту за пределами лагеря.

Он как раз занимался этим, когда Дэйн уловил движение по другую сторону лагеря. Кто-то осторожно двигался там, и это движущееся было слишком мало даже для ползущего человека. Бреч! Но Дэйн не мог сказать, почему он вдруг вспомнил о брече. Вероятно, существо искало бы спасения подальше от отряда, захватившего пленников. Часовой обернулся, и теперь Дэйн ничего не видел. Когда часовой вернулся к лампе, Дэйн вообще не был уверен, что он что-то видел, но он осторожно поглядывал в ту сторону, стараясь не поворачивать голову, чтобы не привлечь внимание часового. И тут же был вознагражден, увидев метнувшуюся от куста к груде ящиков фигурку. Безошибочно определил: это бреч со своей длинной, украшенной рогом мордой.

Дэйн не мог догадаться, что старается предпринять бреч. Разве что просто хочет держаться вблизи людей?.. Дэйн видел, как бреч пользовался станнером, но они безоружны, а во флиттере никакого оружия не осталось. Часовой снова отошел, и, как только он повернулся спиной, бреч выскочил на открытое место, беззвучный, как тень. Сделав быстрый бросок, бреч прижался к земле рядом с Тау, повернув голову под неудобным углом. Рог! Он использовал рог, чтобы развязать врача.

Полосы было нелегко разорвать, они очень эластичны и чрезвычайно прочны. Но Дэйн увидел движение головы бреча — тот разрезал узел. Тау поморщился, как будто ему было больно, но не пошевелился. Рука Тау чуть дернулась, и Дэйн испытал прилив возбуждения. Бречу каким-то образом удалось перерезать ленту. Тау освобожден, хотя по-прежнему не поднимается. Но вот Тау чуть отодвинулся от стены, и Дэйн понял, что бреч незаметно подбирается к нему. Он оказался прав — вскоре к нему прижалось теплое тело. Рог бреча дернул ленту, связывающую его руки, и вот он тоже свободен и, в свою очередь, отодвинулся от стены, давая возможность бречу подобраться к Мешлеру.

Часовой двинулся обратно, продолжая наблюдать и за пленниками и за внешней темнотой. Он был слишком насторожен, чтобы невооруженные пленники могли бы что-то предпринять. Но вот часовой в очередной раз встал и направился к спящим товарищам и растолкал одного из них. Тот взял у него танглер и занял место у лампы, а первый улегся на его место. И все это молча, будто они не умели говорить.

Бреч прижался к земле рядом с Мешлером, и Дэйн знал, что

тот тоже свободен. Бреч, используя людей и тени для укрытия, пробрался к груде ящиков, за которыми он уже скрывался на пути в лагерь. Часовой как раз отошел, и, когда он достиг самого отдаленного пункта, бреч двинулся. Дэйн не видел, что толкнул бреч, но этот предмет со звоном покатился к лампе. За несколько секунд до соприкосновения предмета с лампой Дэйн приготовился. От удара лампа перевернулась, и свет погас. Дэйн и остальные бросились вперед за пределы досягаемости танглера. Дэйн не пытался встать, он покатился и пополз, а звуки говорили ему, что товарищи рядом.

Он ожидал услышать крик часового, а послышался свист — выстрел из танглера, — но если кого-нибудь и задело, то не его. И вот он уже за пределами лагеря и на ногах. Ударившись о кого-то, он замахал руками и ощутил поверхность термокостюма. Кто-то поддержал его, и вдвоем они пробрались сквозь густой кустарник. Растительность отразит выстрел танглера, но у похитителей есть и более опасное оружие.

— Тау?

— Да! — Шепот слышался рядом.

— Мешлер?

— Не знаю, — прошептал Тау.

Треск, который они издавали, продираясь сквозь кусты, конечно, был слышен часовому. Чьи-то руки подхватили Дэйна, и он обернулся, готовый ударить.

— Тише! — Не узнать голос рейнджера было невозможно. — Не шумите!

Он потащил за собой Дэйна, который, в свою очередь, тянул Тау. Дэйн заключил, что Мешлер обладал исключительной способностью видеть в темноте. Больше они не спотыкались о кусты, а шли либо по извивающейся тропе, либо по незаросшему лесу. Продвигались они все время быстро. Дэйн недоумевал, почему не слышно тревоги в лагере, но вот вспыхнул свет — это вновь заработала диффузная лампа, но на этот раз на полную мощность. Но беглецы уже были защищены растительностью. Подошвы их космических башмаков застучали по более твердой почве и растительность исчезла, а с обеих сторон поднялись какие-то стены. Дэйн поднял голову. Вверху виднелась узкая полоска с двумя звездами. Что-то потерлось о его колено. Оторвавшись от товарищей, он наклонился и нащупал бреча. Тот дрожал, и Дэйн расстегнул термокостюм и посалил туда бреча.

— Что? — прошептал Мешлер.

— Бреч... Он замерз. — Дэйн подумал, сколько времени это существо находилось на холодном ночном воздухе.

— Он знает, где флиттер? — Шепот Мешлера звучал настойчиво.

Устраивая бреча, Дэйн обнаружил, что тот все еще носит транслятор. Отстегнув капюшон, он прошептал в микрофон:

— Летающая машина — где она?

— В дыре... В земле. — Бреч, к облегчению Дэйна, отвечал быстро, и Дэйн боялся, что тот потеряет сознание от холода.

— Где?

Бреч зашевелился, и Дэйн почувствовал, как голова бреча повернулась направо.

— Направо... Он говорит — в дыре... — доложил Дэйн Мешлеру.

Мешлер уверенно двинулся в том направлении, как будто ясно видел. Когда земляне начали спотыкаться и падать, он вернулся.

— Быстрее!

— Что хорошего в быстроте, если мы переломаем кости?

— Резонно, — присоединился к этому мнению Тау.

— Но местность открытая, — заметил Мешлер.

— В темноте может случиться что угодно, — настаивал Тау.

— В темноте? Вы хотите сказать, что вы не видите? — Голос Мешлера звучал удивленно.

— Не ночью.

— Я не знал. Подождите. — Еле различимая фигура коснулась рук Дэйна. — Привяжите к поясу. Я поведу.

Как только Дэйн ухватился за пояс и Тау положил ему руку на плечо, рейнджер пошел вперед так уверенно, как будто осмещал дорогу фонарем.

— Туда? — спросил он немного погодя.

— Туда? — повторил вопрос Дэйн для бреча.

— Да, скоро большая дыра.

Дэйн передал информацию, и вскоре они действительно подошли к большой дыре — глубокому провалу, ведущему в неизвестность.

— Видите что-нибудь? — спросил Дэйн.

— Флиттер разбит, — мрачно ответил Мешлер. — Но нам нужны припасы... если они остались и сохранились.

Пояс неожиданно повис в руке Дэйна, и он услышал, как Мешлер спускается к флиттеру.

Глава 10

ЛОВУШКА

Дэйн молча протестовал — не время исследовать обломки. Сзади ярко светила лампа. Должно быть, погоня уже в пути. И

кто управлял краулером, притаившим сюда флиттер? Эти враги тоже могли охотиться на них. Он вспомнил о способности бреча улавливать эмоции. Несомненно, бреч сможет обнаружить преследователей.

— Идут ли другие? — пробормотал он в транслятор, почувствовал, как зашевелился бреч, и понял, что он поворачивает свою длинную морду, как некий радар.

— Сзади, не везде...

Чтоб Мешлера сожгло бластером! Мешлер держит их в ловушке, пока осматривает бесполезные обломки. Те, кто их захватили, не оставили оружия. Или оставили? Может, они хотели придать больше правдоподобия картине катастрофы. Но для этого нужны еще тела... Холодок пробежал по спине Дэйна — тела под рукой, когда понадобятся, то будут готовы. Возможно, сначала врагам будет нужна информация, а уж потом они превратят живых пленников в мертвые тела.

И чем дольше они трое задержатся здесь... четверо, поправил себя Дэйн, — пока бреч оказался наиболее полезным членом группы, тем больше надежды у врага осуществить свой план.

— Надо убираться отсюда! — заявил он Тау. — Какой смысл бродить здесь? Нас немедленно схватят.

— Хотите уйти в одиночку? — спросил его Тау. — Очевидно, Мешлер обладает прекрасным ночным зрением. Если только эти бандиты не обладают таким же, Мешлер легко уйдет от них.

— Бандиты? — Дэйн понял, что это слово не должно удивлять его. Ясно, что они столкнулись с незаконной группой, действующей в укрытии, хотя обычно бандиты не вдаются в тщательное планирование. Их обычай — напасть и вовремя убраться. — Что им здесь нужно?

— Кто знает? Мешлер, во всяком случае, должен знать. Слушайте!

Они застыли, прижавшись плечом к плечу. Дэйн почувствовал, как напряглось тело бреча. Звук доносился снизу. Может, это Мешлер поднимается? Дэйн надеялся, что это так.

— Пошли! — Голос Мешлера прозвучал почти из-под ног Дэйна.

Дэйн отшатнулся и почувствовал, как натянулся пояс в его руке, и вот он, ведомый, как и раньше, с рукой Тау на плече, двинулся за рейнджером. Время от времени Мешлер шепотом указывал, куда ступить, но не говорил им, что нашел в обломках, хотя с его плеча свисал узел. Шли быстрее, чем Дэйн считал возможным, хотя тьма не давала возможности опеределить направление. Если они возвращались к шлюпке, их ждали несколько дней пути. Может, Мешлер и прав, отыскивая в обломках припасы. Время потеряло смысл. Время от времени Мешлер

останавливался, давая им возможность передохнуть. Дэйн и Тау несли по очереди мешок с бревном. Тот больше не дрожал от холода, и Дэйн надеялся, что тот не заболит от длительного пребывания на холоде.

Рассвет застал их в скалах, имевших самую причудливую форму от выветривания и холода. Большие обломки поддерживались коническими столбами, в камнях образовались щели и отверстия, некоторые из которых были с небольшой пещерой. Прекрасное место для длительного отдыха! И Мешлер явно не случайно пришел сюда. Дэйн не сознавал, насколько он устал, пока не упал в указанном Мешлером месте — узкой щели между скалами. Он никому не рекомендовал бы длительные переходы в космических башмаках, хотя и невозможно найти более прочную обувь. Массивные магнитные подошвы сжали ноги, будто стальные оковы.

— Расстегните обувь. — Тау наклонился и расстегнул свою. — Но совсем не снимайте... Вдруг понадобится быстро уходить.

Расстегнув зажимы, Дэйн почувствовал такое облегчение, что шумно вздохнул. Мешлер развязал мешок, который взял во флиттере, и достал оттуда один тюбик рациона. Дэйн мог бы один съесть содержимое тюбика, но здравый смысл говорил ему, что Мешлер прав. Рейнджер отметил четвертую часть рациона, высосал и протянул Тау, а тот выдавил вторую четверть в углубление скалы, и бревно, вытянув длинный бледный язык, в два счета расправился со своей порцией. Съев свою долю, Тау протянул Дэйну почти пустой тюбик, и тот ел как можно медленнее, надеясь хоть немного утолить голод. Конечно, Е-рацион высокопитателен, человек вполне может продержаться на той доле, которую получил Дэйн, но это все равно, что лизнуть еду на тарелке, тогда как хочется съесть все.

— Мы двинемся на север. Далеко ли до шлюпки или до поселка, о котором вы говорили? — спросил Дэйн, убедившись, что в тюбике ничего не осталось.

— Слишком далеко... оба они... чтобы добираться пешком, — раздался приглушенный ответ Мешлера. — Не хватит продовольствия и нет оружия.?

— Мне кажется, вы говорили, что здесь нет опасных животных, — возразил Дэйн, не желая соглашаться с мрачной оценкой их положения, данной рейнджером.

— Нас преследуют, — напомнил ему Тау. — Ну, если мы не можем идти на север, то что же делать?

— Краулер... — Мешлер завязал мешок. — И еще это... — Он протянул Тау предмет, в котором Дэйн узнал прибор, определявший радиацию в беспомощном флиттере.

— Работает ли он? — спросил Мешлер.

Тау осмотрел прибор и нажал кнопку на головной части. Немедленно стрелка ожила и указала на человека, который держал прибор.

— Работает. В каком направлении лагерь? Я так запутался, что не отличу север от юга.

— Там, — Мешлер уверенно показал налево.

— Тогда источник радиации не там.

— У бандитов не видно никакого оборудования, — заметил Дэйн.

— Ящичек был компактным. Возможно, там закопано нечто подобное. Но в этом направлении... Тау указал себе на плечо.

— Можно определить, как далеко? — спросил Мешлер.

— Нет, только луч оттуда сильнее.

Мешлер прислонился головой к скале.

— Даже до поселка Картла мы не доберемся пешком, — рассуждал он вслух. — Краулер медлителен и тяжел и его обычно не используют при поездках на далекие расстояния от лагеря.

— У геологов был краулер, — напомнил ему Дэйн.

— У них должен был быть и лагерь, — ответил Мешлер. — А лагерь под скалой... — Он вернулся к насущным проблемам и добавил: — Он тоже временный. Следовательно...

— Мы направимся прямо к ним в руки? — вспыхнул Дэйн. — Вы с ума сошли!

— Я тренированный рейнджер. — Мешлера раздражало нетерпение Дэйна. — Эти люди в охотничьих костюмах... думаю, совсем не охотники.

— У нас нет оружия, — напомнил ему Тау. — Или вы что-то нашли во флиттере?

— Нет. Думаю, на нас направили бы оружие, когда мы бы вернулись на сцену. Эти люди преследуют нас, да, но они ожидают, что мы двинемся на север. А если мы пойдем на юг и раздобудем краулер или... другой транспорт... у нас есть шанс. Иначе... — Он не закончил фразу, глаза его закрылись, и Дэйн понял, что ночь далась ему не совсем просто.

— Я дежурю первый? — взглянул Тау на Дэйна.

Дэйн хотел сказать, что нет, но не смог преодолеть пелену усталости, охватившей его тело.

— Вы — первый, — согласился он и тут же уснул, привалившись к камню.

Когда Тау разбудил его, бледное солнце зимы уже поднялось высоко и стало чуть теплее. Случайно или сознательно Мешлер выбрал хорошее убежище. Оно выходило на северо-запад — в направлении, откуда в первую очередь можно было ожидать преследователей. А преследователям пришлось бы преодолеть открытый крутой подъем... Достаточно скатить на них несколь-

ко камней... Но когда Дэйн выбрался из убежища, то обнаружил, что поблизости таких камней нет. Потянувшись и разминая руки и ноги, он продолжал держаться в тени. Какие-то летающие существа скользили в воздухе на распростертых крыльях, опускаясь к земле, на поверхности которой ничто не двигалось. Жаль, что нет бинокля, он остался во флиттере.

Очевидно, предложение Мешлера двинуться прямо в центр вражеской территории имеет смысл и для самого Дэйна, однако он в этом сомневался. Бреч выполз из пещеры, где спал в тепле, и сел рядом с Дэйном.

— Есть кто-нибудь внизу? — спросил Дэйн в микрофон.

— Никого. Охотники... — Бреч указал на одно из летающих существ. — Они голодны и ждут... Но не нас.

Дэйн почувствовал уверенность от слов бреча, но не настолько, чтобы перестать следить за местностью.

— Тут были... — продолжал бреч.

— Кто?

— Люди.

— Где? — изумился Дэйн.

— Не здесь, ниже, там... — Бреч снова указал вниз по склону.

— Откуда ты знаешь?

— Запах машины. — Дэйну показалось, что длинный нос дернулся от отвращения. — Но не сейчас... Когда-то...

— Оставайся здесь... Следи... — сказал Дэйн бречу.

Он не видел никаких следов машины, но если здесь проходил краулер, он должен был оставить след и по этому следу можно его найти. Это лучше, чем сомнительные показания прибора Тау. Спускаясь, Дэйн принимал все меры предосторожности, хотя, подумал он, с точки зрения Мешлера, он на каждом шагу делает грубые ошибки. Добравшись до указанного бречем места, Дэйн обнаружил, что бреч был прав. Виднелись глубокие следы краулера, а на скалу натекло масло, которое, должно быть, и привлекло внимание бреча.

След уходил на юг, но совсем не в том направлении, куда указывал прибор Тау. Но все же можно было полагать, что конечный пункт его пути и источник радиации находятся в одном месте. Дэйн немного прошел по следу. Едва он вернулся к пещере, как проснулся Мешлер, и Дэйн рассказал ему об открытии. Рейнджер тут же исчез, осторожно спускаясь вниз, но вскоре вернулся.

— Это не обычная дорога, — сказал он, доставая из мешка очередной тубик с рационом. — Машина только один раз прошла туда, да и то с трудом.

— Пятно масла? — спросил Дэйн.

— Это и еще один след с неровным краем. Машина требовала ремонта и, возможно, шла напрямик.

Мешлер снова аккуратно разделил содержимое тюбика на четыре части. Съев свою порцию, он выдавил следующую для бреча и протянул тюбик Дэйну. Тот прикончил свою часть и положил тюбик рядом с Тау.

— Больше ничего? — спросил Мешлер.

— Нет. Он согласен с этим, — указал Дэйн на бреча, обливающего морду длинным языком.

— Пойдем с наступлением темноты. — Мешлер поднял голову, как бреч, когда тот принюхивался. — Ночь будет ясная... полная луна.

«Особой разницы нет, — подумал Дэйн, — для Мешлера самая темная ночь светла».

Дэйн еще немного подремал, а затем его разбудил Тау. Они разделили еще один тюбик рациона, и Мешлер подал сигнал к выступлению. Солнце спускалось за горы, наполнили тени. Дэйн нес бреча в своем костюме, надеясь вовремя получить его предупреждение. Они пошли по следу, оставленному краулером. Прежде чем совсем стемнело, они подошли к месту, где вся поверхность земли оказалась изрытой. Здесь машина засела и с трудом высвободилась. По затоптанным следам было трудно определить, сколько пассажиров находилось в машине. Прибор Тау продолжал указывать в том же направлении, однако Тау сказал, что сила радиации не увеличивается. Около полуночи они получили предупреждение от бреча.

— Существа... — прозвучало в микрофоне. — Опасность...

— Люди? — быстро спросил Дэйн.

— Нет. Там драконы.

Дэйн передал это товарищам. Мешлер шел впереди. Он снова поднял голову, и Дэйну показалось, что тот принюхивается.

— Какая вонь!

Дэйн повернул голову и, подавившись, закашлялся. Страшное зловоние! Гораздо хуже, чем запах существ из эмбриобоксов или даже запах муравина... И такой густой, будто они стояли на краю выгребной ямы.

— Здесь силовое поле. — Тау протянул прибор, и они увидели мечущуюся стрелку.

Дэйн разглядел впереди слабо светящуюся стену. Перед ними находилась густая масса растительности, но между ними и растительностью находилось силовое поле, и Дэйн был необыкновенно рад этому — ему не хотелось углубляться в эту массу. Поведет ли их Мешлер туда или нет? А зловоние явно доносилось оттуда.

— Следы краулера поворачивают налево, — сказал Мешлер и пошел по ним.

Дэйн неохотно последовал за ним, а Тау последовал сзади. Теперь они шли по дороге, укатанной краулерами. Они двигались параллельно свечению, которое призрачным светом озаряло дорогу. Достаточно света для... Дэйн не сдержал восклицания, а Мешлер замер. Что-то двинулось за светящейся дымкой. Они увидели нечто неясное, но разглядели достаточно, чтобы обратиться в бегство. Лишь секунду они видели его, а потом оно исчезло. Теперь Дэйн не был уверен, на самом ли деле он что-то видел. Ни звука, ни движения...

Дэйн хотел спросить, что это, но Мешлер уже шел большими шагами, так что им пришлось идти за ним. Все молчали, даже бреч молчал.

Свечение поля повернуло направо. Мешлер снова остановился и протянул руку к барьеру, мимо которого они шли. Они стояли на вершине небольшого холма. Перед ними спуск делался круче, ведя куда-то вниз, откуда доносился шум реки. Через реку проложен мост, по обе стороны которого были поставлены неяркие диффузные лампы. Сверху часовых не было видно, что, впрочем, не означало, что их нет вообще.

— Там люди? — обратился Дэйн к бречу.

— Людей нет, — быстро ответил бреч.

— Придется проверить, — заметил Мешлер, когда Дэйн передал ему слова бреча. — Вероятно, это единственный путь через реку, иначе через нее не стали бы строить мост. Краулер может преодолеть значительную водную преграду.

Дэйн чувствовал себя очень уязвимым, спускаясь по склону к мосту, и с облегчением вошел в тень.

— Мы очень близко к источнику радиации, — сказал Тау, когда они снова двинулись по дороге. — Но он слева.

И как будто его слова были приказом. Дорога свернула налево. Они по-прежнему видели свечение, хотя уже на некотором отдалении, чему Дэйн был рад. Дорога теперь шла между двумя стенами кустарника, кое-где оставались корни и разбитые стволы. Пришлось идти медленнее и снова полагаться на ночное зрение Мешлера. Отсюда свечения не было видно, но воображение Дэйна продолжало рисовать то, что скрывалось за растительностью. Бреч снова заявил, что охраны нет, но Дэйн сомневался, и Тау поддержал его в этом. Землянам хотелось знать, что ждет их впереди.

— Машина... машина — да, люди — нет.

— То, что нужно, — заметил Мешлер, когда Дэйн пояснил сказанное бречем. — Возьмем краулер и уйдем.

Тау медленно поводил прибором из стороны в сторону.

— Если и есть какая-то сигнальная система, то радиация все забивает.

— А вдруг она есть? — настаивал Дэйн, и чувство того, что они в ловушке, было таким сильным, что Дэйн сказал об этом Мешлеру.

— Я пройду вперед, — ответил рейнджер, — ждите меня здесь.

Они видели, как он тенью мелькнул впереди, потом опустился на колени и, ощупывая дорогу руками, прополз по освещенному лампами участку. Не вставая, он тем же путем вернулся назад.

— Никаких сигналов.

— Откуда вы знаете?

— Свежие следы дамара. Он здесь прошел. Если какая-то система сигнализации существует, то она рассчитана на большее, чем дамар, существо.

Дэйн не знал, что такое дамар, вероятно, какое-то животное. Но Мешлер уверен в своих наблюдениях и бреч продолжает утверждать, что людей впереди нет. Дэйну пришлось сдаться. И вот он ползет на четвереньках между двойным рядом ламп, ожидая в любой момент услышать сигнал тревоги. Он был так уверен в этом, что не поверил, что они прошли. Дэйн продолжал ползти, пока не уткнулся в стоящего Мешлера.

— Вы в безопасности.

Звучало ли в голосе рейнджера презрение? Гордость Дэйна от этого не пострадала. В незнакомом мире прежде всего — безопасность, таково убеждение вольных торговцев, и они не боятся обвинения в трусости. Дэйн начал вставать, держа бреча, когда то, чего он боялся, произошло.

Вдруг в ночи прозвучал сигнал тревоги, и произошло нападение из засады.

Слева блеснул свет, и, когда Дэйн обернулся, готовый отступить, он увидел, что между ними и лампами, между ними и свободой, встала светящаяся стена. Они стояли в узком коридоре, с обеих сторон огражденном стенами силового поля, которое начало смыкаться, заставляя их двигаться направо, как будто они находились в сети и эту сеть кто-то начал вытягивать.

Глава 11 БЕЗОПАСНОСТЬ ИЛИ НЕТ

Их теснили на восток, назад к тому месту, где они видели чудовище. Оказаться там!.. Но противиться силовому полю не-

возможно. Противиться силовому полю! Бречи прошли сквозь слабое силовое поле, которое должно было удерживать драконов; но это было с л а б о е поле. Это же, судя по интенсивности свечения, гораздо мощнее. Единственный способ избавиться от него — отключить источник энергии, а поскольку источник находится по ту сторону, от этой мысли придется отказаться. Но Дэйн не мог забыть, что бречи по желанию смогли все же преодолеть силовое поле. Они отступали очень неохотно: перед безжалостным, хотя и медленным, давлением светящейся стены. И вот они остановились под деревьями.

— Значит, никаких сигналов тревоги? — Дэйн не мог удержаться, чтобы не сказать это. — Им не нужны сигналы. Мы сами привели в движение ловушку. Она действует автоматически, так что им можно не заботиться о неожиданных посетителях. Они тут же попадут в ловушку, а подобрать их можно позже.

— Если вообще подберут, — добавил Тау.

И Дэйн почувствовал холод, особенно вспомнив о чудовище. А бреч зашевелился в руках Дэйна, освободил голову и указал на светящуюся стену. Дэйн решил испытать способности бреча и сообщил свое мнение остальным.

— Экран для драконов был слаб, — ответил Тау, — а ведь этот в полную силу...

— И все же они вошли и выпустили драконов. — Мешлер встал на сторону Дэйна. — Думаете, он сможет это же сделать и для нас? Тогда действуйте! — Он схватил Дэйна за плечо и толкнул к полю.

— Эта штука, — заговорил Дэйн в транслятор, — она сильная, не похожа на ту, возле клетки. Можешь ты проделать в ней дыру и выпустить нас?

Бреч выпрыгнул из рук и направился к сиянию, идя нерешительно, поднимая и опуская нос, будто собирался прорвать рогом поле. На значительном расстоянии от барьера он остановился и снова начал водить головой справа налево, словно измеряя расстояние, чтобы проделать проход. Но вот он сел и произнес свой приговор:

— Сильная, очень сильная. Могу проделать небольшой проход — для себя, требуется очень большое усилие. Но вы слишком велики, я не смогу удержать проход.

Дэйн передал это остальным.

— Итак, — констатировал Мешлер, — и он может выйти, а мы нет.

— Есть еще способ, — предложил Дэйн. — Он может выйти и попробовать отключить источник энергии.

— Маловероятно, — с сомнением произнес Мешлер.

— И все же... — Тау опустил на колени и слабое свечение

поля превратило его в силуэт. — Это поле включается в одном месте. Выключить его несложно. Если бреч может выйти... Дэйн, можно объяснить ему, что он должен найти?

— Если бы был свет, я начертил бы...

Тау взглянул на Мешлера.

— Найдется что-нибудь в вашем вещмешке?

— Есть поясной фонарик.

Дэйн склонился рядом с Тау и начал ощупывать поверхность, пока не наткнулся на обломок скалы. Он вытащил его из почвы, и тот легко подался. Значит, почва не схвачена морозом...

— Ты можешь кое-что сделать для всех нас, — обратился он к бречу.

Бреч сел между Дэйном и Тау. Рукой в перчатке Дэйн разгладил поверхность почвы. Мешлер еще рылся в вещмешке, чтобы извлечь оттуда фонарик. Положив его рядом с рукой Дэйна, он снял с себя накидку и накрыл ею, как палаткой, участок земли. Дэйн сидел, вспоминая, как управляется силовое поле. Как говорил Тау, их устройство очень простое и легко выключается.

— Где-то... не очень далеко... — начал Дэйн, говоря медленно и отчетливо, — есть ящичек. Он выглядит так. — Он тщательно начертил прибор управления силовым полем. — Наверху у него три выступа... вот такие... — Он начертил и их. — Один выступ повернут вверх... вот так... — Он провел короткую линию у одного выступа. — Остальные два внизу. Если один опустить, остальные два поднимутся. Это откроет для нас стену. Я не знаю, где этот ящичек. Может быть, ты найдешь его, но, возможно, он охраняется людьми. Это наша единственная надежда на освобождение. Ты понял?

— Понял. А вы? — Смысл слов бреча был неясен попавшим в ловушку. Возможно, он понял это, потому что продолжил с тем же желанием произвести впечатление на Дэйна: — Я сделаю это — вы свободны. А что вы сделаете для меня?

Сделка? Дэйн изумился. Он забыл, что бречи — это груз, что у них нет причин поддерживать экипаж. Если подумать, он даже не спросил бреча, хочет ли тот помочь им. Они использовали его способности, как будто он — принадлежащее им животное. Дэйн объяснил Тау и Мешлеру, в чем дело.

— Конечно, — проговорил Тау, — почему он должен из-за нас рисковать.

— Он освободил нас в лагере, — вмешался Мешлер. — Если бы он не хотел помочь нам, зачем он тогда это сделал?

— Мы ему зачем-то нужны. — Дэйн подумал, что нашел верный ответ. — Мы защищали его в дикой местности.

— Тогда он сделает это снова, — произнес Мешлер почти с триумфом. — Мы все вместе застряли тут.

— Но условия не те же самые, — заметил Тау. — Там действительно была дикая местность, а здесь должно быть какое-то подобие лагеря. Он нуждается в нас меньше, чем мы в нем.

— Чего же вы хотите? — обратился к бречу Дэйн.

— Нет клетки... быть свободными со своими, — быстро ответил бреч.

Бречи по-прежнему оставались грузом, и Дэйн не имел права принимать такое решение. Но разумные существа не классифицируются как груз, они пассажиры. А пассажиры, если только они не совершили преступления на борту «Королевы», свободны в своих действиях. Но у него нет полномочий на заключение сделки, он не может давать обещания. Конечно, в торговых вопросах он умел самостоятельно принимать решения, но тоже в известных пределах, а наиболее сложными считались дела, связанные с поддержкой контактов с чужими расами. Любое принятое им сейчас решение может отразиться на его дальнейшей карьере. Возможно, Мешлер не понимает этого, но Тау должен понять все это.

— Если он разумен, — выпалил Мешлер, — то ему нечего делать в клетке. Скажите ему «да», и пусть он выпустит нас из этой ловушки.

Но так ли все просто? Предположим, Дэйн скажет «да», а потом законники будут говорить «нет». Все-таки бречи — груз. У них есть свой отправитель на Ксечо, а в порту их ждет получатель. Согласятся ли они с подобной сделкой?

— Чего вы ждете? — еще резче спросил Мешлер. — Если бреч может отключить поле, то пусть побыстрее займется этим. Вы понимаете, что может здесь произойти с нами?

Но Дэйн не собирался действовать безрассудно, в этом вопросе он оказался упрямым.

— Я согласился бы, — начал он, тщательно подбирая слова, чтобы бреч его понял, — но есть старшие, которые могут решить, что я ошибся. Я не могу обещать, что они этого не сделают.

Тау выключил фонарик, и поэтому Дэйн видел лишь нос бреча, устремленный в его направлении. Но вот послышался ответ бреча:

— Ты за нас. Будешь говорить за нас?

— Да. И весь наш экипаж.

— Нужно больше.

— Я не могу обещать свободу, если другие этого не разрешат. Это неправильно. Но я буду говорить за вас.

— Тогда я сделаю, что смогу. Если ящичек можно найти...

Бреч подошел к свечению, ткнулся в него носом, как будто

вынюхивал слабое место, потом остановился, опустил голову и застыл. Тау негромко вскрикнул и схватил Дэйна за руку, привлекая его внимание. На тускло освещенной шкале прибора стрелка поникла. Приглушенный возглас Мешлера заставил их снова посмотреть на барьер. Сияние не погасло, но бреч был наполовину в нем. Еще мгновение, и он уже по ту сторону преграды. Бреч повернулся, посмотрел на них и двинулся в том направлении, куда они шли, когда ловушка захлопнулась.

— Будем держаться периметра и укроемся за этим, — кивнул Мешлер на кусты.

Что он еще хотел сказать, так и осталось непонятным — послышался резкий крик, такой безумный вой, которого Дэйн никогда не слышал. Он зажал руками уши и скорчился, как будто крик физически ударил его. Крик раздался вторично. При слабом освещении поля Дэйн увидел, что не он один защищается от акустического удара.

— Что... что это? — спросил он.

Как рейнджер, Мешлер должен был знать источник крика.

— Не знаю... — У Мешлера был вид потрясенного человека.

— Силовое поле — не только ловушка, — пояснил Тау, — но, вероятно, и клетка. Не хотел бы я встретиться с обитателями этой клетки.

«Было бы лучше, — подумал Дэйн, — чтобы хозяева клетки пришли и взяли их в плен. Нам нельзя уходить слишком далеко от барьера. Если бречу удастся отключить поле, то действовать нужно быстро! Но этого же нужно ожидать и от тех, с кем мы заключены в эту клетку. А у нас нет даже оружия».

— Огонь... факел... — сказал Тау.

Послышался треск, и Дэйн увидел, как Тау выломал из кустарника большую ветку.

— Зажигалка есть? — спросил Тау у Мешлера.

— Зеленая... не загорится, — ответил Мешлер, но все же порывлся в мешке. — Держите ветку подальше от себя.

Дэйн не видел, что извлек Мешлер из мешка.

— Это пропитано протогорючим, — продолжал рейнджер. — Одна искра — и все вспыхнет. Вы правы, огонь отпугнет большинство зверей, но мы не знаем, кто тут бродит. Какое-то воздействие сможет оказать и фонарик.

— Бреч пошел туда, — указал Дэйн, — если мы пойдем вдоль поля...

— Так же хорошо, как и любое другое направление, — согласился Мешлер.

Держась под защитой кустарника, они шли медленно и осторожно. Криков больше не стало слышно, но Дэйн в любое мгновение ждал встречи с ночным ужасом. Вскоре следы кра-

улера свернули в сторону светильников. В этом месте они задержались, им не хотелось порывать последнюю связь со свободой. Тау первым нарушил молчание:

— Лагерь должен быть там.

Дэйн разглядел руку Тау. Тот указал на изгиб дороги.

— Там источник радиации, — продолжал врач.

— Не понимаю, — медленно произнес Дэйн, — как все это существует без ведома правительства.

Он ждал ответа, может быть, и резкого, и, когда Мешлер промолчал, у Дэйна возникли подозрения.

— Вы что-то знаете? — Тау облек мысли Дэйна в слова. — Тут правительственный проект? А если так...

— Если так, то вы должны вывести нас отсюда! — воскликнул Дэйн.

Они не видели лица Мешлера, но что-то в его молчании внушало им тревогу.

— Мы ждем, — сказал Тау.

Тау! Тау способен добиться правды! Личные интересы врача лежат в сфере туземной «магии», которая во многих случаях сводится к контролю за мыслями. Он знаком с телепатами, а также с шарлатанами, способными провести самых искушенных экспертов на многих планетах. На Хатке он создал собственную иллюзию, чтобы нанести поражение человеку, верившему в собственное колдовское искусство. Дэйн не мог объяснить увиденное, но это спасло его и капитана Джелико, а может, и всю команду, и даже всю планету. Если кто-то на «Королеве» мог заставить Мешлера заговорить, то только Тау.

— Это запретная территория.

— Но вы же привели нас сюда, — заметил Тау. — Вам приказали это сделать?

— Нет! — быстро ответил Мешлер. — Я говорю вам правду. Мы бы не добрались пешком. Единственная возможность выжить — добраться до экспериментальной станции.

— До станции Трости?

Но ведь она, по словам Мешлера, на северо-западе отсюда. Дэйн предоставил все вопросы задавать Тау.

— Это их вторая станция, не главная. И это совершенно секретно. Мы только знаем, что она существует.

— Но не знаете, что тут делается? — спросил Тау. — Может, вы решили заодно кое-что выяснить? Если да, то по чьему приказу?

— Совет, по-видимому, знает, но мое управление...

— Значит, ваше управление тоже решило узнать? Интересно, — задумчиво заметил Тау, — только ли в ведомственных спорах тут дело? Не удивительно, что после нашей посадки

начались неприятности. Кто-то... да, кто-то важный узнал, что мы отправили тот груз, который он ждал, на шлюпке. Кто это?

— Не знаю, — хриплым голосом ответил Мешлер, либо напряженно размышляя и не желая делиться своими мыслями, либо действительно пребывая в недоумении.

— А охотничий отряд? А контрольный луч?

— Да! И об этих я знаю не больше вас. — В его взрывчатом ответе сквозили энергия и жар. — Я только уверен, что это совершенно секретный район.

— Но все же вы позволили послать бреча выключить поле, — настаивал Тау. — Одно из двух: либо вы знаете, что это ему не удастся, либо у вас есть подозрения...

Но врач так и не закончил фразу. За ними в кустах послышался треск и донеслось то же зловоние, от которого они чуть не задохнулись раньше. Очевидно, существо, которое они видели одно мгновение, приближалось к ним.

— Назад! — Мешлер схватил Дэйна за руку и потянул.

Они снова зависели от ночного зрения Мешлера и пошли как можно быстрее, но в сторону от дороги. Свободной рукой Дэйн отводил от лица ветки кустов и деревьев. Ему царапало щеки, рвало термостомом, но вот они вышли на открытое место, где от луны стало светлее. Поверхность земли была достаточно ровной, чтобы бежать.

— Направо! — приказал Мешлер.

Дэйн повиновался, но только потому, что тоже увидел что-то черное, высоко приподнятое над землей. Это была явно не растительность, а какая-то платформа. А за ними так близко, что у них заложило уши, послышался ужасный рев. Мешлер добежал до ближайшего столба платформы, подпрыгнул и ухватился за что-то, чего Дэйн не видел. Он быстро вскарабкался наверх, и что-то упало с платформы рядом с Дэйном. Тау подхватил предмет.

— Лестница! — выкрикнул он, уже поднимаясь.

Дэйн следовал за ним по пятам. И вот Тау уже на платформе. Дэйна рывком вытащили наверх, и рейнджер выдернул лестницу наверх. Дэйн подполз к краю платформы и взглянул туда, откуда они пришли, увидев большое темное пятно. С высоты было трудно его разглядеть, но оно оказалось в несколько раз больше Дэйна. Выбравшись из растительности, оно поднялось на задние лапы, а передние нелепо свисали. Дэйн не мог разглядеть голову этого существа и был рад этому, потому что общие очертания животного свидетельствовали о том, что это ночной кошмар, а зловоние так ударило в лицо, что Дэйна чуть не вырвало.

Время от времени чудовище вставало на четвереньки, будто

руководствовало не зрением, а обонянием, и вот оно подошло к столбам платформы. Смогут ли они сопротивляться, если оно поднимется к ним наверх? Дэйн не видел когтей либо клыков, но чувствовал, что даже для вооруженного человека это серьезный противник. Он не решался взглянуть, что делается под платформой, но чувствовал, как чудовище бьет столбы. От ударов и толчков платформа дрожала. Под ними прозвучал ужасный крик, платформа снова вздрогнула, но не от звука, а от тяжелых ударов о столбы основания. Удар, толчок, удар! Чудовище упорствовало. Выдержит ли платформа эти удары? Они в ловушке, но все же платформа является хоть каким-то убежищем.

— Смотрите! — Тау слегка потянул Дэйна за руку. Врач тоже лежал, как и Дэйн, будто считал, что так безопаснее. Смотреть? Но куда? Им на выручку спускаются патрульные, спускаются на выручку на гравитационных поясах? Произошло столько невероятных событий, что Дэйн ничему не удивился бы. Но он увидел лишь бело-зеленое свечение там, откуда только что поднималось чудовище.

Глава 12

СКРЫТАЯ БАЗА

Платформа под ними дрожала, и Дэйн еще раз подумал, долго ли она выдержит. Светящееся зеленоватое пятно тем временем выплыло на открытое пространство. Плывет — так лучше всего описать его продвижение. Очертания у него были неопределенными, будто оно состояло из полужидкого вещества. Чем ближе оно подплывало, тем меньше оно напоминало живое существо. Другой запах, не менее отвратительный, смешался со зловонием первого пришельца.

И удары о столбы прекратились. Снова послышался крик. Чудовища с платформы не стало видно, но Дэйн догадался, что оно не радо появлению нового существа. Плывущая масса слегка осветила местность. Она, как определил Дэйн, размерами превышала флиттер. Приближаясь к платформе, она начала выбрасывать длинные щупальца, более белые и яркие, чем тело, и все они устремились к чудовищу, но ни одно не удерживалось, втягиваясь обратно в массу.

Снова чудовище закричало, но не начинало схватку с вновь прибывшим и не убегало, будто оно колебалось, не зная, что и выбрать. По открытой местности пятно перемещалось быстро и все больше и больше щупалец устремлялось вперед. Они ста-

новились тоньше, но по-прежнему надолго не удерживались. Чудовище закричало в третий раз и, по-видимому, приняло решение. Оно мгновенно прыгнуло вперед, ударив приближающуюся к нему массу. Не менее трех щупалец отлетело, задвигалось самостоятельно, образовав небольшую массу, похожую на родительскую. Чудовище не обратило на это внимания. Масса изменила курс и замедлила передвижение. Чудовище снова бросилось в атаку и оторвало часть массы, и новые оторванные части собрались в небольшую массу, которая тоже покатилась навстречу чудовищу.

Теперь перед чудовищем было три противника, хотя два маленьких не казались опасными. Еще дважды ударило чудовище, с яростью разрывая противника, но каждый раз создавало лишь новых, хоть и меньших по размеру врагов.

— Они его окружают! — воскликнул Мешлер. — Оно думает, что рвет противника на части, а на самом деле окружает себя врагами.

Он был прав — вместо трех пятен сейчас стало восемнадцать. Чудовище уже не нападало с прежней скоростью. Либо оно устало, либо стало осторожнее и, возможно, начало сознавать, что все его усилия делают положение еще более опасным. Родительская масса вдвое уменьшалась в размерах, но по мере того, как она уменьшилась, росли ее потомки. Самые большие из них в свою очередь начали отращивать щупальца, и все эти щупальца устремились к чудовищу.

Но вот в этой схватке, странной схватке, наступила пауза. Чудовище присело и застыло, по-прежнему глядя на первую массу. Другие массы тоже остановились, но их щупальца непрерывно двигались, становясь все тоньше и тоньше. В их движении чувствовалась цель, которую они вскоре обнаружили. Два щупальца меньших масс соприкоснулись и соединились. Вместо двух щупалец стало одно, более тонкое и близкое к поверхности. Точно так же соединились и другие щупальца. И вот кольцо вокруг чудовища сомкнулось, остался лишь один выход, где его поджидала родительская масса. Возможно, ее инертность должна была подстегнуть жертву.

Дэйн не знал, что послужило сигналом к следующему этапу схватки, но два свободных конца ленты соединились с родительской массой и сама лента прильнула к спине чудовища и потащила его, упирающегося и отбивающегося, вперед, а родительская масса обрушилась на пленника. Почти полностью опутанное чудовище не сдавалось. Катящийся шар постоянно менял форму, в нем происходила смертельная борьба, но постепенно она стихала, и вот остался только сплошной шар, внутри которого не было никакого движения.

— Переваривает, — нарушил молчание Тау.

— Что это? — повернулся Дэйн к Мешлеру, который должен был знать местную фауну.

— Не знаю, — ошеломленный Мешлер по-прежнему смотрел на шар. — Оно не местное.

— Значит, три, если считать и съеденного, — отметил Дэйн. — Муравин и эти два. Муравин тоже не с этой планеты, может, и эти тоже.

— Но ввозить животных без разрешения противозаконно. — Мешлер как будто с трудом поворачивал голову. — Люди Трости не стали бы...

— Кто говорит, что их ввезли? Во всяком случае, в такой форме? — спросил Тау. — Если у них есть ящичек, то это тоже, возможно, регрессировавшие формы. Конечно, у людей Трости отличная репутация. Вы-то, Мешлер, уверены, что это люди Трости?

— Это совершенно запретная территория, отданная Трости, — медленно проговорил Мешлер.

— Иногда приказы можно использовать как прикрытие, — заметил Тау, выразив то, что вольные торговцы уже давно знали.

— Зачем кому-то нужны чудовища? — Дэйн взглянул на массу и отвернулся, так как ему не хотелось вспоминать подробности схватки, хотя никакой симпатии к чудовищу он не испытывал.

— Может, не чудовища ради чудовищ, — пояснил Тау. — Возможно, это какой-то эксперимент. Подобную радиацию можно использовать и иначе. Допустим, такой ящичек скрытно поместить на территории поселка. Долго ли продержатся переселенцы, если их скот начнет мутировать? Прекрасный способ очистить территорию. Или, если радиация так же действует на людей...

Тау выразил собственные страхи Дэйна, но Мешлера больше интересовала не первая часть рассуждений Тау.

— Зачем им избавляться от переселенцев?

— Вы больше меня знаете о своей планете, спросите себя. А вот я думаю, сможет ли шар подняться сюда. — Тау посмотрел в сторону массы. — И скоро ли она снова проголодается?

Дэйн вспомнил, что в его родном мире существовали рептилии, которые, проглотив пищу, спали много лет. Конечно, на этом основании нельзя судить о чужой фауне, но у них есть надежда. Он обернулся, чтобы посмотреть на образующее барьер свечение. Отсюда его было видно и сразу можно было определить, добился ли бреч успеха.

— Никакой причины... — Мешлер по-прежнему не мог по-

нять, как поселенцы стали целью такого эксперимента. — Для этого нет никакой причины. К тому же такой эксперимент должен быть известен Совету.

— Ну, хорошо. Нужно выбраться отсюда, и вы сможете доложить Совету, — ответил Тау. — Поле еще стоит? — спросил он у Дэйна.

— Да, — ответил тот.

Свечение не менялось. Скоро ли можно будет считать, что бреч не справился? И скоро ли масса развернется и снова проголодается? Сможет ли она подняться к ним на платформу? Догадаться он не мог, но предательское воображение подсказывало ему, что все возможно. Дэйн решил сосредоточиться на самом главном. Где ближайшая точка поля? По-видимому, на севере.

— Вопрос в том, оставаться ли нам здесь или попытаться подойти до поля раньше, чем наш посетитель очнется от послеобеденного транса, — сказал Тау. — Много ли еще сюрпризов таится в растительности?

И тут сияние силового поля мигнуло. Неужели бреч сумел? Дэйн удержался от возгласа, ибо поле еще сохранялось. И тут же оно мигнуло вторично и исчезло.

— Оно выключено!

— Быстрее! — Тау наклонился и подобрал что-то, положенное Мешлером рядом с его мешком.

Это был факел, сделанный из ветки. Тау взвесил его в руке, будто собирался использовать, как дубинку, и засунул за пояс. Дэйн тщательно выбирал путь к свободе. Местность относительно ровная, и они смогут идти быстро. Он бросил последний взгляд на массу. Та лежала неподвижно, так что ее можно было принять за камень.

Дэйн пинком сбросил лестницу, услышал, как ее конец ударился о землю, и начал спускаться, при этом все время поглядывая на массу. Ему не хотелось поворачиваться к ней спиной. Между ними и открытой местностью лежала густая растительность, через которую их раньше провел Мешлер. Когда они бежали через нее, Тау достал факел.

— Дерево будет гореть? — спросил он, поравнявшись с Мешлером.

— Сейчас зима и листва высохла, а весной она опадает. Что вы хотите сделать?

— Поставить преграду, чтобы нас не поджидали другие сюрпризы.

Они снова взялись за руки, и Мешлер повел их через кусты. Когда впереди показалась открытая местность, Тау достал зажигалку и поднес ее к концу факела. Вспыхнуло яркое пламя.

Врач обернулся, взмахнул рукой и бросил факел в чашу, через которую они только что пробирались.

— Это же прекрасное предупреждение! — возразил Дэйн.

— Может быть, но также лучший ответ возможному преследователю. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из этого ужасного места шел по моему следу. А снова включить поле мы вряд ли сможем.

Теперь они бежали по открытой местности и вскоре наткнулись на дорогу, пробитую краулером. А позади вставала огненная стена.

— Куда теперь? — Дэйн ожидал, что Мешлер повернется спиной к освещенному лампами проходу, но тот двинулся в противоположном направлении.

— Нам по-прежнему нужен какой-либо транспорт, а если за нами начнется охота — то тем более. — Он указал на огонь, где отдельные деревья вспыхивали гигантскими свечками.

— Значит, пойдем и спросим... — стоял на своем Дэйн. — Это так же глупо, как подойти и пнуть ногой массу.

— Нет. — Мешлер, по крайней мере, сохранял осторожность. — Подождем. — Он осмотрелся и поправил мешок. — Это место подойдет.

След краулера шел между высокими откосами, и складки поверхности давали укрытие. Будь у них бластер, это было бы отличное место для засады. Может, Мешлер считает, что огонь привлечет внимание? И сюда явится на транспорте, которым они смогут завладеть? Но без оружия...

— Что вы сделаете? Выманите их? — спросил Дэйн.

Впервые он услышал хриплый звук. Неужели Мешлер смеется?

— Почти. Если нам повезет и кто-нибудь явится сюда посмотреть, что здесь случилось.

Он достал что-то из мешка, но что именно, Дэйн не видел. Похоже, Мешлер не собирался посвящать их в свои планы. Было бы разумным им с Тау убраться в укрытие и оставить Мешлера с его глупостями, но времени для принятия решения уже не осталось: Послышался характерный шум краулера. Дэйн и Тау быстро спрятались. Мешлер был по ту сторону дороги и так хорошо сливался с местностью, что Дэйн не представлял, где он лежит.

Краулер приближался на большой скорости. Машина выражала протест ревом и дребезжанием, и невозможно было разглядеть, что находилось внутри. Дэйн напряженно ждал действий Мешлера, а краулер между тем пронесся мимо. Дэйн облегченно вздохнул — видимо, рейнджер отказался от своего плана. Но вот темное пятно отделилось от противоположного откоса и оказалось на дороге. Дэйн не видел, что произошло

дальше. Ему показалось, что Мешлер что-то бросил в удаляющуюся машину. Еще один оборот гусениц, и тут краулер погрузился в пар.

Из кабины послышался кашель и непонятные землянам крики. Дверца распахнулась, из машины вывалился человек и покатился по дороге, за ним другой. В ночи блеснул выстрел из бластера. При свете его Дэйн увидел еще двух человек, выбросившихся из краулера и схватившихся за лица. Бластер выпал из рук стрелявшего и лежал на земле, посылая луч вдоль дороги. Этот луч давал возможность разглядеть происходящее.

Краулер с раскрытыми дверцами кабины продолжал движение, но люди, выпавшие из него, теперь лежали неподвижно. Двое пытались достать оружие, один даже расстегнул кобуру, прежде чем затих. Мешлер догнал краулер и ухватился за открытую дверцу. Машина остановилась. Бластер продолжал источать свой заряд, и поэтому земляне обошли его луч, присоединившись к Мешлеру. Тау задержался возле лежащих, но не осмотрел их, а только принялся и тут же торопливо быстрыми вздохами начал очищать свои легкие.

— Сонный газ, — сказал он Дэйну. — Значит, у него было оружие.

— И он использовал его великолепно! — вынужден был признать Дэйн.

Но если бы приехавшие в краулере смогли прицелиться по-настоящему? В Мешлера легко попасть. Дэйн опустился на колено, подобрал разряжавшийся бластер и выключил его. В темноте он перебирался от тела к телу, подбирая оружие. И все же Мешлер провел операцию блестяще, хотя и безжалостно. У них теперь есть краулер и четыре бластера, хотя один из них почти разрядился, есть транспорт и оружие. Но когда земляне приблизились к рейнджеру, тот, по-видимому, не был удовлетворен. Он лишь хмыкнул, как будто думал о чем-то другом, когда земляне поздравили его с успехом.

— Оттащите их с дороги, — попросил он и развернул краулер в обратную сторону. — Сложите их в укрытие, они еще долго просят.

— Но что вы собираетесь делать? — спросил Дэйн.

— Вы знаете скорость краулера? — В его голосе звучала презрительная нотка. — Конечно, мы можем отправиться на нем, но они легко нагонят нас задолго до того, как мы достигнем Картла. Нам нужен флиттер.

— Думаете, мы можем просто въехать в их лагерь и так же просто взять то, что нам нужно? — выпалил Дэйн.

— Попробуемся, — решительно ответил Мешлер, хотя его предложение было лишено здравого смысла. — Краулер вышел

с их людьми и вернулся. Кто знает, с чем он вернулся? А бластеры у нас есть.

Все это было по-своему логично. Земляне могли пригрозить Мешлеру бластерами, но тот, вероятно, знал, что они не станут этого делать. А краулер действительно не самый быстрый транспорт.

— Зажжем два молитвенных жезла перед Ксампремой, — заметил Тау. — Бей в барабаны и вызывай семь духов Альба Нута... — Он, вероятно, цитировал какое-то туземное заклинание.

Вдвоем они оттащили спящих с дороги, а тем временем Мешлер отвел краулер от места засады. По крайней мере, теперь у них есть бластеры, напомнил себе Дэйн, садясь в машину. И... бреч! В суматохе последних событий он совсем забыл о брече. Где же он? Краулер двигался по своему следу, достиг какого-то овального углубления. Посмотрев вниз, Дэйн замотал головой и потер глаза. Там что-то...

— Быстрее назад! — резко прозвучал приказ Тау, как будто им угрожала опасность.

Нос краулера качнулся, и Дэйна охватило странное ощущение, похожее на переход в гиперпространство. Но ведь они не на борту звездолета... Дэйн невольно закрыл глаза, чтобы избавиться от этого ощущения. Потом он открыл их и увидел, что краулер спускается по крутому склону. Теперь они могли видеть, что лежит впереди. Стояли невысокие диффузные лампы, не выступавшие над краем углубления. Лампы стали видны, когда краулер миновал полосу абсолютной тьмы.

— Искажающее поле, — пробормотал Тау. — И это место невозможно увидеть с флиттера.

Но Дэйна интересовало то, что было впереди. В свете ламп виднелись четыре купола — обычные пузырчатые постройки полевого лагеря. За ними стояли два низких здания, как будто вкопанных в землю. И транспортный парк... Краулер, рядом с ним флиттер, а дальше... Дэйн приглушенно вскрикнул — на ровной площадке, опираясь на ребра-распорки, стоял космический корабль. При свете диффузных ламп можно было разглядеть оплавленную и спекшуюся поверхность земли. Значит, корабль садился здесь не раз. Такую площадку можно создать только многими взлетами и посадками.

— Флиттер... — кивнул Мешлер, будто был уверен, что их удивительное везение продолжится.

В лагере царило оживление, люди спешили к другому краулеру. Дэйн отчетливо разглядел и длинный ствол диспантера, хотя было удивительно, как могло оказаться здесь это совершенно запрещенное для гражданского использования оружие.

Из низких зданий поднялся сверкающий стержень — антенна коммуникатора, и, судя по размеру, связь можно было установить не только с портом на севере, но и с космосом. Мешлер продолжал уверенно вести краулер. Придется проехать мимо другого краулера, чтобы подобраться поближе к флиттеру. Видимо, Мешлер считал, что их обман удастся.

Вторая машина, начавшая движение, при их появлении остановилась и люди из кабины что-то закричали. Мешлер махнул рукой, надеясь, вероятно, что этот неопределенный жест даст еще какой-то выигрыш во времени. Корпус краулера еще некоторое время будет их защищать, но как только они побегут к флиттеру...

Бластер Дэйна был наготове. Он измерил оставшееся расстояние, и тут Мешлер развернул краулер, который тем самым превращался в укрытие. Крики из второй машины стали настойчивее и громче, а затем бластер предупреждающе ударил в землю перед ними. Тау распахнул дверцу.

— Пошли! — и сам побежал к флиттеру.

Глава 13

УБЕЖИЩЕ В ДИКОСТИ

Дэйн прижался губами к микрофону.

— Бреч, во флиттер! — Он не знал, где тот, возможно, его совсем нет в лагере, но надо дать ему шанс. — Во флиттер, бреч!

— Быстрее! — Мешлер выталкивал Дэйна из кабины, но тот угрюмо втискивался в сиденье.

— Бреч, во флиттер! — повторил он, избегая толчка Мешлера.

Рейнджер проскочил мимо Дэйна и побежал вслед за Тау. На полпути он оебнулся и провел огненным лучом бластера, оставив дымящуюся линию, чтобы задержать преследователей.

— Бреч! — дальше Дэйн ждать не мог.

Он выскочил из кабины и зигзагами устремился к флиттеру, избегая лучей бластеров. Преследователи не собирались брать в плен — они хотели их убить. Прежде чем он добрался до открытой дверцы флиттера, там что-то мелькнуло, и Дэйн с радостью понял, что это бреч. Они кое-как уместились, но на этот раз Тау, добравшийся первым, сем за управление. Должно быть, он сразу включил полную скорость, потому что они поднялись с толчком, напоминавшим взлет космического корабля, и перегрузка прижала людей и бреча к сиденьям. Когда они разобра-

лись, что к чему, флиттер на огромной скорости неся прочь от лагеря.

— Думаю, мы выбрались! — сказал Тау, продолжая по спирали поднимать машину в небо. — Другого флиттера я не видел. Разве что они смогут приземлить нас контрольным лучом.

— Возможно. Вспомните, как они захватили нас в первый раз, — напомнил Дэйн, каждую секунду ожидая, что их потащит к земле.

«Почему Мешлер решил, что они смогут уйти? — изумившись, подумал Дэйн. — Ведь рейнджер не забыл...»

— На северо-восток, — сказал Мешлер, будто им нечего было больше бояться.

Тау послушно изменил курс. Бреч сидел рядом с Дэйном и тяжело дышал от усилий своего последнего броска. Дэйн укутал его краями своего термостюма.

— Контрольного луча нет... — Дэйн не мог понять, как им удалось уйти.

— Пока нет, — заметил Тау, и по выражению его лица было видно, что он ежесекундно ожидает мгновенной остановки полета.

Минуты проходили, а напряжение не спадало.

— Добраться до Картла, — Мешлер опять как бы разговаривал сам с собой, — а оттуда связаться по коммуникатору с портом...

— А что вы доложите? — спросил Дэйн. — И ваше начальство должно что-то знать.

— Знают ли? — задумчиво произнес Тау. — Ведь впервые посторонние оказались на запретной территории.

Мешлер покачал головой. Было ясно, что события прошедшей ночи потрясли его и его отношение к экипажу шлюпки изменилось. Увиденное убедило его в правоте экипажа «Королевы Солнца» и в том, что в этой дикой местности кроется нечто совершенно неизвестное Патрулю.

— Этот силовой барьер... — сказал он. — Можете ли вы установить, включен ли он снова?

— Нет, мой прибор улавливает радиацию, но не может установить ее источник.

— Можно попробовать узнать. — Дэйн, повернув голову, проговорил в транслятор. — Ящичек... Ты оставил рычажки так...

— Нет. Нельзя было.

— Почему?

— Люди ходили. Могли заметить. Повернул обратно — так. — Бреч повернул голову и взмахнул рогом. — Теперь снова работает.

Передав это сообщение, Дэйн услышал облегченный вздох Мешлера.

— К Картлу. — Рейнджер наклонился вперед, как будто силой воли хотел ускорить их полет. — Нужно предупредить Картла.

— Земляне поняли причину его беспокойства.

— Чудовище! — воскликнул Дэйн.

— Сколько их... — добавил Тау.

Смогут ли люди из лагеря загнать их обратно за силовое поле? Смогут ли справиться с этой массой, которая поглотила чудовище? И сколько их вырвалось на свободу? А может быть, их растили здесь специально? Муравин, может быть, тоже сбежал отсюда?

— Нужно предупредить южные поселки! — угрюмо сказал Мешлер. — И у нас нет представления, с кем мы столкнулись.

— Разве что вам ответят из порта, — заметил Тау. — В Картле есть коммуникатор?

— Они есть во всех поселках, — пояснил Мешлер.

Рассветало, но день еще не наступил. Облака скрывали зимнее солнце, пошел снег, намерзавший на поверхность флиттера. Видимость сократилась, и Тау указал на альтиметр.

— Мы снижаемся.

— Но курс прежний, — ответил Мешлер. — Продолжайте полет.

Сильный ветер налетал порывами и сбивал их с курса. Тау пришлось снова и снова возвращать машину на прежнее направление, как будто погода превратилась в направленное на них оружие. Но эта же погода может помешать и чудовищам уйти далеко от их загона. Тау следил за радаром и альтиметром, быстро поворачивая голову.

— Возможно, придется садиться, — предупредил он, — а иначе можно потерпеть крушение.

Дэйну никогда не приходилось встречать в воздухе такую бурю, и, когда ее ярость усилилась, он поверил, что очередной удар ветра может бросить их на землю. Смогут ли они сесть? Невозможно определить, над какой местностью они пролетают. Тау боролся с порывами ветра и следил за радаром, который стал их единственным проводником. По крайней мере, они не в гористой местности и далеко уклонились от курса, указанного Мешлером. Вместо того чтобы лететь на северо-запад, они были сильно снесены на юг. На максимальной скорости и на той высоте, которую смог набрать Тау, они летели единственным курсом, который допускала буря, — на юг.

Но вот мокрый снег прекратился, оставив ледяные следы на

стекле кабины. Они летели вслепую, руководствуясь лишь показаниями приборов.

— Надо садиться, пока можно, — сказал Тау. — Если снова начнется буран, мы не сможем сесть. Флиттер слишком обледенел, чтобы продолжать полет.

— Хорошо, попробуйте, — неохотно согласился Мешлер.

Плечи Дэйна болели от напряжения. Ему хотелось самому сесть за управление. Тау тоже может управлять флиттером, это умеет каждый из экипажа «Королевы», но ждать вот так, доверив свою судьбу другим рукам... Пришлось напрягаться, чтобы сидеть спокойно. Тау следил за радаром в поисках ровной площадки, но парить на сильном ветру стало невозможно. Угрюмое выражение лица Тау свидетельствовало, что он ожидает самого худшего. Они продолжали парить, и флиттер чуть не перевернулся от порыва ветра. К счастью, второго порыва не последовало. Мешлер склонился вперед, чуть не прижимаясь носом к экрану радара, как будто это могло изменить показания прибора.

— Давай! — выкрикнул он приказ.

Они сядились. Огромным усилием воли Дэйн заставил себя не смотреть на приборы. Он пристегнулся и увидел, что Мешлер вторично за короткое время их знакомства нажал кнопку, выпускающую спасательную пену. Но пена не успела подняться на достаточную высоту, точнее, их чуть не выбросило из сидений. От удара большая часть ледяного панциря, закрывавшего стекло кабины, отвалилась.

Перед ними виднелась густая стена растительности, такая близкая, что ветви чуть не касались стекла кабины. Дэйн открыл дверь, чтобы выпустить пену, и в них ударил ледяной дождь. Он пересадил бреча на соседнее место, натянул капюшон и вышел посмотреть, куда это их занесло. Мгновение он стоял, застыв на месте не столько от ветра и дождя, сколько от сознания того, насколько близки они были к гибели. Сразу за хвостом флиттера начинался обрыв. Они сели на вершине хребта, выступавшего из густой растительности. Этот островок безопасности оказался таким маленьким, что Дэйн снова и снова моргал глазами, не в силах поверить, что они все-таки сели.

Мешлер и Тау тоже начали обходить флиттер, вначале перебравшись через груды пены у двери. Пену прибило дождем, но она не совсем растворилась, а, наоборот, начала замерзать. Лицо Тау слегка позеленело, а Мешлер медленно качал головой.

— Клянусь законами Леджестера! — воскликнул он. — Никогда не видел подобной удачи. На ширину руки по обе стороны... — Он качал головой, глядя на флиттер, как будто

ожидал, что в любое мгновение тот превратится в ревущего муравина или нечто подобное.

— Говорят, если человеку суждено утонуть, то ему не страшен бластер. — Голос Тау звучал как бы издалека. — По-видимому, нам еще рано умирать. Ну, — обернулся он к Мешлеру, — у вас есть хоть какое-то представление о том, где мы?

— Далеко от курса к юго-западу. И большего сказать не могу. Придется подождать лучшей погоды, прежде чем взлетим снова. А когда это будет... — Он пожал плечами.

— Если взлетим, — поправил Дэйн.

Он осторожно присел и заглянул под днище флиттера. Тот уже примерз к груде снега, смешанного с остатками пены. Прежде чем взлететь, придется освободить машину. Он сообщил об этом, и остальные тоже убедились в этом.

— По крайней мере, он теперь на якоре. И чем быстрее примерзнем, тем меньше вероятности, что его снесет туда. — Тау указал на обрыв. — Переждем бурю, а потом высвободим флиттер и полетим. А сейчас лучше забраться внутрь.

Он был прав — холод проникал даже сквозь термокостюм. Отряхнув снег, они снова забрались во флиттер, который злоепоще покачивался под порывами ветра. Неужели сильный порыв может их снести с якоря? Мешлер разделил еще один тубик рациона. Дэйн, обследовав багажник, обнаружил, что их дела не так уж плохи, даже если кончатся запасы из мешка Мешлера. В багажнике флиттера оказался ящик с Е-рационом, бинокль и несколько запасных зарядов для бластера.

— Нам повезло, — заметил он, перетаскивая найденное в кабину. — А что с коммуникатором? Можно ли связаться с поселком и, передав информацию, попросить связать нас с портом?

По возвращении в кабину Мешлер занял кресло пилота. Отбросив капюшон, он расстегнул термокостюм.

— Буря заглушит любую передачу. Но как только она окончится... А пока можно поспать.

Разумное предложение. Как только упомянули о сне, Дэйн понял, что он смертельно хочет спать. Прошло не менее двадцати четырех часов с тех пор, как они отдыхали в убежище среди скал. Но смогут ли они заснуть? Флиттер дрожал под ударами ветра, и в любое мгновение их может сбросить с обрыва. Но он уснул, как и остальные.

Проснувшись, Дэйн в течение нескольких минут не мог сообразить, где он. Флиттер больше не дрожал на ветру и дождь больше не стучал по его корпусу. Дэйн выбрался из сонной теплоты, пройдя мимо бреча. Тот чуть фыркнул. Дэйн пробрался к окну, но ничего не увидел — все оно было затянуто

морозом. Но снаружи замерзшее окно было ярко освещено солнцем. Буря закончилась и пора было действовать. Движение Дэйна качнуло переднее сиденье. Тау поднял голову, закашлялся и огляделся.

— Что... — начал он, но потом, видимо, понял, где он.

— Солнце вышло... Может быть... — И Дэйн указал на окно.

Тау повернулся и взялся за ручку дверцы. Она сопротивлялась, скованная морозом, но потом поддалась. Тау открыл ее, и им в глаза ударило солнце. Снаружи по-прежнему очень холодно. Тау выставил длинные ноги, ступил на землю и заскользил, отчаянно цепляясь за дверцу. Ударившись о дверцу, он все же удержался, лежа у двери. Потом с трудом повернулся к двери, а лицо у него было такое, будто рядом выстрелили из бластера. Тау, не имея, по-видимому, другой возможности двигаться, подтянулся на руках и забрался в кабину, захлопнув за собой дверцу.

— Лед, — сообщил он. — Тут не только идти, но и стоять невозможно.

Мешлер распахнул дверцу со своей стороны и уставился на поверхность земли внизу.

— Здесь то же самое.

— Надо высвободить флиттер перед взлетом, — сказал Дэйн.

— Может, бластером с минимальным зарядом?

— Нужно будет привязаться, — заметил Тау. — Есть какой-нибудь шнур?

Дэйн осторожно отодвинул бреча и открыл бункер, который обследовал накануне. Он не помнил, чтобы ему попадалось что-нибудь подобное, но нужно было еще раз проверить. Ничего не было.

— Что это? — Мешлер повернулся на своем сиденье и указал на сверток над головой Дэйна.

Дэйн потянул за конец и вытащил многократно свернутую защитную пласт-палатку. Вероятно, ею нужно было закрывать флиттер в дождь. Флиттер с «Королевы» не был оборудован таким приспособлением.

— Разрезать на полоски, связать, и у нас будет веревка. — Мешлер достал длинный острый нож.

Работа оказалась трудной — пластик с трудом поддавался ножу. Мешлер терпеливо пилил, пока не получились три полоски для веревки. Он с трудом связал эти куски и получил грубую веревку. Не предлагая никому быть добровольцем, он привязал веревку к поясу, застегнул термокостюм и попросил, чтобы Дэйн с Тау покрепче держали свободный конец веревки.

— Постараюсь недолго... с помощью вот этого... — В руке он держал бластер.

Он снова открыл дверцу и выскользнул. Хотя он и держался одной рукой за дверь, было ясно, что он с трудом удерживает равновесие. Дэйн и Тау напряглись — веревка натянулась у них в руках. Мешлер попытался шагнуть, потерял опору и исчез из виду. Веревка дергалась и извивалась, но двое в кабине держали ее крепко. Много ли времени понадобится рейнджеру, чтобы растопить лед? У Дэйна заболели руки. Запястье побелело, и то место, где в руку врезалась веревка, онемело.

И вот, когда ему показалось, что он останется калекой, в проеме показалась рука, ухватила за край, и Мешлер, подтянувшись, свалился в кресло, а Дэйн тем временем перегнулся через него и закрыл дверцу. Мешлер встряхнулся, сбросил перчатки и сел. Он нажал кнопку взлета, и Дэйна отбросило назад на бреча, который взвизгнул и попытался отползти. Они поднимались, хотя могли это только чувствовать — в замерзшие окна ничего не было видно.

— Нас отнесло на юг, — сказал Мешлер, — поэтому мы направимся на север, хотя я и не знаю, далеко ли мы ушли на запад.

— А коммуникатор? — спросил Тау.

Мешлер извлек микрофон.

— Вызываю Картла, Картла, Картла! — Он как будто распевал это название.

Они ждали ответа, но вместо него послышалась мешанина резких звуков, почти непереносимых для уха.

— Помехи. — Мешлер снял палец с кнопки вызова. — Не пробиться.

— Это нормально? — спросил Тау.

— Откуда мне знать? — нетерпеливо ответил рейнджер, глаза у которого ввалились и лицо осунулось, как будто с момента их первой встречи прошли месяцы. — Для меня эта местность новая, но помехи слишком громкие и настойчивые. Я склонен считать их искусственными.

— Возможно, они ждут от нас предупреждения, — предположил Тау. — Что ж, поскольку мы не можем связаться, полетим сами.

— Надо лететь на север, так как их отнесло на юг и на восток...

А Мешлер считал, что они слишком забрались на запад. Но откуда он может это знать? Направляющего луча нет. Если бы удалось связаться с поселком, его передачу можно было бы использовать и для определения направления, а так как у них только догадки рейнджера, а местность внизу дикая и неисследованная. И, вероятно, в ней есть и другие сюрпризы, помимо лагеря. Но, по крайней мере, буря кончилась и окна кабины медленно оттаивали. Мешлер нащел небольшой видеоскрин,

пригодный для такой погоды, и они смогли взглянуть на местность внизу.

Судя по солнцу, было раннее утро. Значит, они проспали всю ночь и часть предыдущего дня. Такая потеря времени беспокоила Мешлера, хотя лагерь и поселок Картла разделяло большое расстояние и освободившиеся чудовища вряд ли сумеют так быстро преодолеть его. Не видно было никаких машин в воздухе, ни следов краулера внизу. Лесистая местность, пересеченная двумя реками, кое-где голые скальные выступы — дикая местность без всяких следов присутствия людей.

Глава 14

ПОСЕЛОК КАРТЛА

Время от времени Мешлер включал коммуникатор, но встречал только помехи. Неожиданно он указал на затянутую льдом реку.

— Викорокс!

— Вы видели ее раньше? — спросил Тау.

«Видимо, Тау тоже сомневается в маршруте», — подумал Дэйн.

— В прошлом году сюда добралась экспедиция. — Мешлер облегченно откинулся в кресле пилота — его тоже беспокоил курс. — Нам нужно только следовать вдоль реки до впадения притока — Корокса, а там развернуться на восток. Там начинается территория Картла.

Флиттер пошел вдоль реки. Внизу по-прежнему не было видно никаких следов людей.

— Значит, местность южнее вся дикая, — заметил Тау.

— Трудно расчищать землю, технику ввозить дорого. Мы не можем ввозить топливо, техников, обслуживающих машины, запасные части, а лошади, буюкорны с Астры и другие тягловые животные здесь не приживаются. На станции пытались вывести породу, которая не нуждалась бы в постоянном присмотре. Местные насекомые — мухи торк — жальт в глаза, и пока нам не удалось выработать у ввозимых животных иммунитет. А местных животных нельзя использовать для тяжелых работ. В результате поселки сообща приобрели технику и перемещали ее с места на место. В сухие сезоны пытаются использовать огонь, но его нужно контролировать, а это требует большого количества людей.

— Значит, поселки не очень продвинулись со времени прибытия первого корабля, — заметил Тау.

Дэйн видел, как сжались челюсти рейнджера, будто Мешлер сдерживал себя.

— Трьус делает достаточно, чтобы поддерживать автономию, — наконец сказал он, — но новых поселений не заводим. — Он помолчал, взглянул на Тау, и Дэйн увидел на его лице тень беспокойства. — Вы думаете, автономия под угрозой?

— Возможно, — ответил Тау. — Предположим, хотя бы часть того, что вы с трудом завоевали, будет потеряна. Сможете ли вы тогда претендовать на автономию?

Дэйн все понял. Любая планета, на которой началось заселение, должна идти вперед, ежегодно увеличивать свои поселения, начинать экспорт, иначе Отдел Иммиграции может объявить ее в продажу. Тогда, если сами поселенцы не смогут заплатить, они потеряют все завоеванное.

— Но почему? — спросил Мешлер. — Мы сельскохозяйственная планета, любой на нашем месте встретился бы с такими же трудностями. Тут ничто не привлекает чужаков — нет минералов, достойных эксплуатации.

— А как же камень в бункере краулера? — спросил Дэйн. — Они нашли кое-что ценное, причем достаточно ценное, чтобы положить себе в багажник. Их убили, а руду забрали... Возможно, на Трьусе есть кое-что, чего вы не знаете, Мешлер.

Рейнджер покачал головой.

— Во время второго облета проводилась и геологоразведка. Обычное содержание железа, меди и других металлов, но ничего пригодного для вывоза. Мы кое-что используем сами. К тому же геологов могли убить и не из-за руды. Они кое-что увидели, а груз взяли для отвода глаз. Вы говорите, тут бродил муравин. Возможно, геологи наткнулись на отряд, охотившийся на муравина.

— Вполне вероятно, — согласился Тау. — В то же время я бы предложил тщательную геологоразведку... если у вас останется для этого время.

— Лагерь сооружен давно, — отметил Дэйн, — а давно ли здесь люди Трости?

— Восемь лет.

— А создавались ли за это время новые поселки? — Тау дал ключ Дэйну, который тот искал ошупью.

— Картла... Сейчас посмотрим. У Картла был сбор для расчистки в двадцать четвертом. А сейчас двадцать девятый. У него самый южный поселок.

— Значит, пять лет. А другие поселки на восток, на запад, на север?

— На севере слишком холодно для латмеров. Там проводились только эксперименты станцией к северу от порта, — быстро

ответил Мешлер. — На востоке — Хантрон. Он расчищен в двадцать пятом, а на западе — Лансфельд, в двадцать шестом.

— Значит, три года с последней расчистки, — отметил Тау. — А сколько в предыдущие годы?

Но Мешлер, встревоженный вопросом, сам продолжал список:

— До двадцать четвертого у нас была одна, иногда три-четыре расчистки в год. В двадцать третьем пришли четыре корабля с иммигрантами. С тех пор приходил только один корабль, а его пассажиры — главным образом техники и члены их семей. Все они осели в порту. Прибытия прекратились.

— И никто этого не заметил? — спросил Дэйв.

— Если и заметили, то разговоров не было. Жители поселков замкнуты и редко приходят в порт, раз-два в году, чтобы получить груз с корабля. Жители поселков используют самовосстанавливающихся роботов для мелких полевых работ, но эти роботы не пригодны для расчистки. С началом торговли латмерами стало легче. Птиц не нужно специально кормить, им необходимо только предоставить расчищенный участок и засеять одно-два поля зерном смеси, чтобы иметь запас корма на зиму. Им нравятся местные насекомые и ягоды, они жиреют на местной пище. Покупатели считают, что от этого они приобретают особый вкус и птицы поэтому высоко ценятся. Вообще латмеры почти не нуждаются в присмотре, нужно лишь огородить поля и приставить роботов. Но весной, когда их отлавливают для продажи, нужно много людей. Птиц ловят, грузят в корзины и везут в порт.

— Значит, ваша планета производит только один продукт?

Снова Мешлер проявил беспокойство, как будто раньше никогда не думал об этом.

— Нет... Впрочем, видимо, да. Все больше и больше выращивают латмеров, потому что только их и можно экспортировать. Мир, производящий один продукт и ни одного нового поселка... — Стало еще заметнее угрюмое выражение его лица.

— Я — рейнджер. В мои задачи входит только патрулирование, составление карт, охрана поселков. Но Совет... Кто-то ведь должен был понять, что происходит!

— Несомненно, — согласился Тау. — Остается проверить, не заинтересован ли кто-нибудь в том, чтобы ваша планета развивалась именно в этом направлении. Вы видели, как драконы прикончили латмеров... А ведь они развивались из зародышей современных латмеров. Представьте себе, что эти чудовища, скрывающиеся за силовым полем, или муравин будут выпущены на поля с насестами. Или один из ящичков будет разме-

щен в отдаленном районе и его радиация поразит там всех птиц...

— Чем скорее мы доберемся до Картла и до коммуникатора, тем лучше! — заявил Мешлер, и тревога в его голосе соответствовала тревожному выражению его лица.

Вскоре они увидели слияние реки с притоком, и Мешлер повернул флиттер вдоль протока, местами затянутого льдом. Немного позже они пролетели над расчищенным полем со столбами-насестами, но без латмеров. И снежный покров стал чистым и лишенным следов. Первое поле сменилось вторым, тоже лишенным жизни. Мешлер развернул флиттер и пролетел над полем.

— Не понимаю... Здесь главное поле для выведения птенцов.

Он снова нажал кнопку вызова и попытался связаться с поселком, но помехи продолжались. Рейнджер поднял флиттер выше и повел его на максимальной скорости. Еще два поля... На втором оказалось множество птиц, черная копошащаяся масса. Когда по полю пронеслась тень флиттера, птицы, казалось, обезумели от страха и заметались, давя птенцов. Но вот они оказались позади.

— Вероятно, такое скопление птиц ненормально? — предположил Тау.

— Да, — коротко согласился Мешлер.

Еще несколько полей, тщательно расчищенных... Сквозь снег пробивались стебли какого-то растения. Река делала изгиб, и в этом месте располагался поселок. Это оказалась группа домов, расположенных квадратом, и в середине помещена башня связи. На ней был прикреплен знак Картла, который ставился на всех произведенных здесь продуктах. Дома были сложены из каменных плит, но крыши были глиняными. Поверх плит, как стало известно Дэйну из информационных лент, насыпана плодородная почва и посажены кусты. Весной они расцветают, а потом их семена тщательно собирают и затем измельчают. Полученный порошок служит жителям поселков заменителем дорогого кофе. Для планеты, лишенной естественных опасностей, поселок слишком походил на крепость. Все его дома были окружены сплошной стеной и две двери открывались только внутрь двора.

У входа в поселок виднелась ровная площадка, на которой стоял краулер и небольшой скуттер, который, по мнению Дэйна, не годился для этой малонаселенной местности. Здесь Мешлер и посадил флиттер. Не успел затихнуть двигатель, как рейнджер выскочил из машины. Сложив ладони в рупор, он громко закричал:

— Эй, в доме!

Казалось, поселок Картла так же лишен жизни, как и два первых поля латмеров. Потом послышался слабый голос:

— Назовите себя!

Мешлер отбросил капюшон, чтобы стало видно его лицо.

— Вим Мешлер, рейнджер. Вы меня знаете.

Ответа не последовало. Они ждали, и Дэйн затаил дыхание. Потом тяжелая дверь чуть-чуть приоткрылась.

— Идите сюда, и побыстрее!

Дэйн невольно оглянулся. Похоже, что крепость в осаде. Но кто осаждает? Кроме латмеров, они не видели ничего живого, но поведение жителей свидетельствовало о том, что не все в порядке. Они протиснулись в узкую щель. Человек, ждавший здесь, захлопнул за ними дверь так быстро, как будто за ними по пятам шла смерть, и задвинул тяжелый брус.

Хозяин был высокого роста, в меховой куртке, наброшенной на плечи, так что пустые рукава болтались по бокам. Он не был похож на Мешлера. Смуглый, почти как Рип, с густыми курчавыми волосами. Одет в куртку из шкуры латмера, но кое-где мех вытерся от долгой носки. На широком поясе висели два обязательных ножа — один для еды и общего пользования, а другой, в украшенных ножнах, — знак взрослости, используемый только в редких случаях в схватках чести. Брюки и обувь тоже были меховыми, и весь он казался таким же пушистым, как и латмеры. Но было кое-что и новое. В руках он держал старое пулевое ружье. Такое оружие Дэйн видел только в музеях на земле. Его использовали на примитивных планетах, куда слишком дорого было ввозить заряды бластеров и поселенцы изготавливали оружие из местных материалов.

— Мешлер! — Человек протянул руку, и они пожали друг другу локти в обычном приветствии.

— Что происходит? — спросил Мешлер, не называя хозяйина.

— Может, вы нам объясните? — резко сказал тот. — Попробуйте объяснить вдове Джейкора. Он добрался сюда вчера вечером... И смог только пробормотать только что-то о чудовищах и людях. Он осматривал дальние поля, когда они изувечили его.

— Изувечили?

— Да! Никогда не видел таких ран! И мы закрылись, обнаружив, что коммуникатор не работает... Помехи! Кейси повел флиттер в порт, но это было до того, как мы поняли, что не вернулась Ангрия с детьми. Я попытался связаться с ними по коммуникатору Ванатара. Бесполезно... Индитра и Форман в большом хоппере двинулись туда.

Он говорил быстро, захлебываясь, как будто стремился выговориться, но Мешлер прервал его:

— Не все сразу... А Ванатар... он, наконец, основал свой поселок?

— Да, они позвали нас по коммуникатору на сбор для расчистки. У меня снова начался припадок, но Ангрия, Лабла, Дронер и дети, а также Сингри, Ререал, Кэри, Лантгар — все полетели в большом флиттере. Кейси должен был облететь восточные поля, Джейкор — западные, а Индитра и Форман строили мастерскую. Что я скажу Кэри? Джейкор мертв! Мы всегда слушали новости из порта. Вчера сообщили о каких-то задержанных торговцах... и вдруг бах — помехи! С тех пор мы больше не смогли связаться с портом. Кейси вернулся вовремя, а Джейкор опоздал. Потом мы увидели его краулер. Тот шел неровно, как будто им никто не управлял. Так почти что и было. Джейкор, умирающий, находился на сиденье водителя. Он что-то сказал о людях и чудовищах из леса... и умер! Мы не смогли связаться, поэтому Кейси сказал, что полетит в порт, а Индитра и Форман привели в действие хоппер и отправились к Ванатару, чтобы посмотреть, что там с женщинами и детьми. Со своими припадками я ни на что не гожусь. Вот снова! — Он начал сильно дрожать.

— Лихорадка-вол! — Тау подхватил его.

— Не совсем, — ответил Мешлер. — Похоже, но лекарство не действует. Пока еще не нашли средство. Может, вы что-нибудь сделаете?

От дрожи человек начал раскачиваться, и голова у него откинулась. Он упал бы, если бы его не поддерживали.

— В постель и тепло укрыть, — сказал Тау. — Тепло поможет.

Полуведа-полунеся хозяина, они прошли в дверь, которую поторопился открыть Дэйн. Стало ясно, что сам поселенец тоже лечился теплом. В соседней комнате жарко пылал огонь в камине и перед ними стояла койка с грудой одеял. Они опустили хозяина на койку, и Тау закутал его в одеяла, а Мешлер направился к висевшему над огнем котлу. Принюхавшись, он взял со стола чашку и ложку с длинной ручкой, которой набрал в чашку горячей жидкости.

— Экзамское пиво, — объяснил он. — Это согреет ему внутренности.

Тау приподнял хозяина и с помощью Мешлера напоил его. Когда больного опустили на койку, он, видимо, потерял сознание. Дэйн опустил бреча, который свернулся у огня и испустил вздох облегчения и удовольствия. Дэйн удивился, как тот смог так долго выносить холод.

— Он здесь один? — Тау кивнул в сторону неожиданного пациента.

— По его словам, да. Это Картла. Он чуть не сошел с ума от

своих припадков и от того, что не может помочь женщинам. В таком холоде он сразу бы потерял сознание.

— Этот Ванатар... Значит, есть еще один поселок? — спросил Дэйн.

— Ванатар уже два года говорит об этом, но я не думал, что он готов. Должно быть, он поспешно принял решение. Впрочем, я здесь давно не был. Посмотрим...

Он подошел к левой стене. Дэйн последовал за ним и увидел карту. Расчищенные и засеянные поля были раскрашены желтой краской, нерасчищенная земля — серой. К западу виднелись районы, покрашенные лишь желтой краской и отдельными пятнами.

— Ванатар осматривал эту местность более пяти лет назад. — Мешлер указал на этот район. — Она лежит юго-восточнее отсюда. — Он выглядел смущенным. — Я не больше вас знаю, что происходит в порту. Важно то, что здесь. Надо позаботиться о людях Ванатара. Вы пробовали свой прибор?

Тау снял с плеча приборчик и нажал кнопку. Дэйн видел, как метнулась стрелка, вначале указывая на север, затем на юг, и продолжала метаться, как будто ее привлекали два источника.

— Что это означает? — спросил Мешлер.

Тау выключил прибор, внимательно осмотрел его, снова включил, держа под другим углом. Стрелка продолжала двигаться в тех же направлениях, будто указывала на два источника в противоположных сторонах.

— Значит, два источника, — ответил Тау.

— Их ящичек и ящичек у шлюпки? — предположил Дэйн.

Неужели радиация на юге стимулировала радиацию ящичка у шлюпки? Как это отразится на шлюпке? Но ведь Али и Рип имели приказ доставить ящичек в порт. Так, значит, они все еще там, в дикой местности?

— Может оно привлечь этих существ сюда? — спросил Мешлер и еще раз осмотрел участок Ванатара на карте.

— Кто знает? Но источник сильный, — ответил Тау.

— В этом что-то есть. — Дэйн пытался припомнить слышанный на «Королеве» разговор.

Системы связи — обязанность Тан Я, и Дэйн знал лишь общие условия приема и передачи, но однажды Тан Я говорил с Ван Райком и сказал что-то о помехах со стороны разбойничьего корабля и о том, как пробиться через помехи. Нужно пультирующее устройство, которое может преодолеть помехи. Здесь есть коммуникатор и должен найтись кто-то, кто поймет, как это сделать.

— Что? — нетерпеливо спросил Мешлер.

— Я слышал однажды... Кто здесь занимается коммуникатором?

— Главным образом, Картла. После прибытия он был в порту техником, а когда кое-что заработал, переселился сюда. Но коммуникатор не в порядке... или... Посмотрим. — Он быстро пересек комнату и направился к панели коммуникатора, почти такой же сложной, как и на «Королеве». Треск слышался по-прежнему. — Все еще помехи.

— Насколько он болен? — взглянул Дэйн на Тау. — Может он прийти в себя и начать заниматься коммуникатором?

— Если это припадок лихорадки-вол, то он придет в себя через четыре-пять часов, будет очень слаб, но с ясной головой. Но я не знаю, так ли протекают его припадки.

— Он ничего не сможет сделать с коммуникатором, — возразил Мешлер. — Думаете, он не пытался?

— Он испробовал только прямую связь, — ответил Дэйн, — но есть и пульсирующая передача. И если в порту кто-то слушает внимательно...

— Рассказ Тан Я об Эргарде! — подхватил Тау. — В этом что-то есть. Но все же придется ждать, пока он придет в себя.

Мешлер перевел взгляд с одного торговца на другого.

— Возможно, вы знаете, о чем говорите. Не вижу никакой альтернативы, даже не уверен, что смогу связаться с Ванатаром.

Глава 15

ПОПЫТКА СПАСЕНИЯ

Наконец у них настоящая пища. Дэйн сидел за столом перед тарелкой с мясом латмера, приправленного местными овощами и фруктами. Насколько это вкуснее Е-рациона! Уже наступила ночь, и Тау внимательно наблюдал за Картлом, который что-то неразборчиво бормотал. Ушедшие к Ванатару не вернулись. Коммуникатор был включен на умеренную громкость, но оттуда доносился только треск.

— Далеко ли мы от шлюпки? — Дэйн допил горячий напиток, опустил кружку и взглянул на Мешлера.

Тот отошел от стола к карте, долго изучал ее и даже провел пальцем по линии, а потом вернулся к столу.

— В двух часах лета на нормальной скорости, — ответил он. — Но ваших людей там нет, их должны были подобрать вскоре после нашего отлета. И они взяли с собой ящичек.

— А как же показания прибора? — спросил Тау. — Если

ящичек забрали в порт, показания стали бы другими. Что вы задумали? — спросил он у Дэйна.

— Если бы мы отнесли ящичек на юг, он, может быть, отвлек бы чудовищ? — Дэйн хватался за любую, самую слабую надежду. Тау покачал головой.

— Мы недостаточно знаем о его действии. Дэйн, дайте еще напитка!

Картла зашевелился, стараясь избавиться от многочисленных одеял, которыми укутал его Тау. Дэйн подошел к кипящему котлу, набрал с полкружки ароматного напитка и отнес врачу.

— Спокойнее. — Тау перешел на базовый язык и поддержал Картла за плечи.

Он поднес кружку к губам Картла, и тот жадно отпил. Потом он сел с помощью Тау, отбросив в сторону одеяла. Он уже больше не дрожал, и на его лице светился разум и целеустремленность.

— Надолго я отключился? — спросил он.

— Около трех часов, — ответил Тау.

— Ангрия, дети, все остальные? — Должно быть, он прочел ответ на лице Тау и рука его потянулась к украшенному ножу. — Значит... — но закончить ему не дали.

— Слушайте, — придвинулся к нему Дэйн, не зная, на что способен Картла под воздействием тревоги за судьбу своей семьи, но чувствуя, что нужно немедленно установить, сможет ли тот что-нибудь сделать с аппаратом связи. — Все еще продолжают помехи, но мы сможем пробиться и попросить помощи из порта.

Картла нахмурился, не глядя на Дэйна. Вытащив нож чести, он слегка провел пальцем по лезвию, как бы проверяя остроту.

— Помехи... — С отсутствующим видом повторил он, а потом повернулся к Мешлеру: — Вы прилетели на флиттере. Дайте его мне, у меня прошел приступ.

— Надолго ли? — спросил Тау. — Холод вызовет новый приступ. А если вы полетите и потеряете сознание? Чем вы поможете остальным? Выслушайте Торсона. Возможно, вы не слышали, что он вам сказал, но мы знаем, что в аналогичной ситуации средство помогало. Вы подготовленный связист и сможете помочь своим.

— Ну, что? — обратился Картл к Дэйну, но так нетерпеливо, будто не ожидал услышать ничего разумного.

— Я не связист и не знаю ваших тремингов, но однажды за вольным торговцем погнался пират и забивал его связью. — И Дэйн передал рассказ Тан Я.

Нож, который в начале рассказа Дэйна двигался взад-вперед, застыл на месте.

— Пульсирующее противовмешательство, — сказал Картла.
— И какой код?

— Ничего сложного. Назвать себя и позвать помощь.

Картла вернул нож в ножны.

— Да. И если Кейси не добрался... — Он встал, пошатнулся, но отвел руку Тау, который хотел поддержать его, и пошел к коммуникатору.

Он прикоснулся к переключателю, и треск усилился. Картла внимательно вслушивался, а губы его шевелились, как будто он что-то считал. Придвинув себе стул, он почти упал на него, продолжая внимательно слушать. Потом он достал из-под стола ящик с инструментами, вскрыл панель и начал работать, вначале медленно, почти ощупью, а затем все быстрее и увереннее. Но вот он откинулся назад, опустил руки и плечи, как будто работа отняла у него все силы.

— Готово. Но будет ли работать? — Казалось, он спрашивает сам у себя.

Бреч лежал на полу у камина, но вдруг он сел. Он как будто прислушивался, и Дэйн теперь следил скорее за бречем, чем за Картлом, который включил передатчик и отбивал ключом рваный ритм. Дэйн сел на койку, оставленную Картлом.

— Что? — проговорил Дэйн в микрофон.

— Идут, — ответил бреч.

— Мы должны их бояться? — быстро спросил Дэйн.

— Страх есть... Он с теми, кто идет... И там раненые...

— Далеко?

Бреч медленно повел головой справа налево, как будто его нос был локатором.

— Идут быстро, но еще не здесь. — Ответ казался уклончивым. — Страх, сильный страх. Все им охвачены.

Дэйн встал.

— Бреч говорит, что кто-то приближается. Он также сказал, что они ранены и боятся.

Картла, должно быть, услышал, несмотря на громкий треск коммуникатора, и тут же повернулся к Дэйну.

— Когда?

— Бреч говорит, что они быстро приближаются.

Картла был уже на ногах. Он не надел меховую куртку, но схватил оружие. Меншлер с бластером был уже у двери. Они побежали к воротам крепости. Впереди мчался Картла, а остальные догнали его, только когда он прислонился к стене здания, откуда была видна местность за стеной. Ярко светила луна, и сверкал снег. И вот они услышали... Ветер уже не мог заглушить гудение мотора флиттера. Картла испустил крик облегчения и нажал кнопку, включающую свет. Посадочная пло-

щадка ярко осветилась. Мешлер поднял руку, как будто собирался выключить огни, но не стал.

Флиттер приближался без огней. Темный и зловещий, он появился под луной. Он оказался больше, чем тот, который они увели из лагеря, и почти вдвое больше флиттера с «Королевы Солнца». С круглым корпусом он, очевидно, предназначался для перевозки грузов. Двери кабины и грузовой люк распахнулись, и оттуда торопливо выбрались несколько человек. Одни из них падали, а другие помогали им подняться. Не закрывая дверей флиттера, они быстро побежали к воротам, будто за ними гналось одно из чудовищ.

Женщины... три, четыре, пять, шесть. Дети... А за ними мужчины. Двое перевязанных, которые помогали третьему, который шел с трудом.

Картла распахнул ворота и подбежал к одной из женщин, которая вела под руки еще двух. Он обнял ее, а остальные окружили их и что-то кричали на диалекте, непонятном землянам. Тау, миновав женщин, подбежал к раненым, Дэйн и Мешлер отставали от него на какое-то мгновение. С их помощью врач привел раненых в комнату, которую они только что покинули.

Немного спустя им все рассказали. Тут были женщины из поселка Картла, трое из группы Ванатара и дети из обеих групп. Раненые были из поселка Картла, а один — самый тяжелый — из поселка Ванатара.

Все началось без предупреждения. Как и предполагал Картла, они разошлись по полям, присматривая за роботами, производящими расчистку, а женщины разводили костры, чтобы готовить пищу. Их рассказы об увиденном так различались, что Дэйн пришел к заключению, что на них напали разные виды чудовищ, все абсолютно не знакомые поселенцам, что еще больше усилило их ужас. Они сумели частично восстановить защиту роботов и защиту, которая прикрывала их отступление. Поселенцы разбились на несколько групп. Те, что добрались до Картла, оказались вблизи от стоянки машин и сумели пробиться к нему. Но и тут им не удалось легко уйти, потому что чудовища составляли только первую волну атакующих. За ними шли люди, вооруженные бластерами. Судя по рассказам спасшихся, эти люди бластерами подгоняли чудовищ и одновременно защищались от них.

Над машинным парком повис флиттер пришельцев, а за ним, как на цепи, подтянулись и чудовища. Началась схватка. Два флиттера были безнадежно разбиты, так что план поселенцев эвакуировать всех к Картлу оказался невыполнимым.

— У Ванатара на краулере был смонтирован огнемёт, —

рассказывал человек с рукой на перевязи, — он рассчитывал использовать его против густой растительности. Мы с Яшти добрались до краулера, а затем и до их флиттера. А потом появился флиттер Картла, так что мы смогли посадить женщин и детей. С раненной рукой от меня было мало толку, а Яшти получил сильный удар по голове. Но вдвоем мы сошли за одного пилота. Асмудал оказался тяжело ранен, и его тоже уложили во флиттер. Талмор велел нам улетать, пока в воздухе чисто. Они хотели удержать парк. Может, под защитой огнемета им удастся подняться выше по холму, но даже если у них это получится, они долго не продержатся. У них есть роботы и небольшой огнемет, но это все.

— Сколько их осталось в живых? — спросил Мешлер.

— Не знаю, — покачал головой человек. — Наша группа была самой большой, все женщины и дети. Я видел троих... по крайней мере, трое выбрались из этого дьявольского наваждения. А двоих сожгли в парке, прежде чем мы достали флиттер.

— Этот холм... — прервал его Мешлер. — Как он расположен относительно парка?

На мгновение человек закрыл глаза, будто пытаясь мысленно нарисовать картину, а потом ответил:

— К югу от поля и чуть на восток. Это большой скальный выступ. Ванатар хотел разместить на нем дополнительные наесты и не дал снести его. Там лучше всего защищаться.

— Можно посадить рядом флиттер?

Человек покачал головой.

— Только на открытой местности, а там придется сражаться с этими существами, если они не добрались до скалы...

— Смогут ли ваши люди подняться во флиттер, если мы зависнем над ними? — настаивал Мешлер.

— Не знаю.

Рейнджер предлагал очень сложную операцию. Дэйн однажды видел подобное на тренировке, но люди «Королевы» никогда не пользовались этим на практике. А подготовлены ли к этому поселенцы?

Его сомнения выразил второй раненый.

— У вас есть флиттер? Понадобятся пояса и веревки. И нужно будет низко зависнуть. К тому же у тех бластеры, и, если вы зависнете недостаточно низко, они легко перережут лучами бластеров веревки.

— Можем зависнуть низко, — уверенно проговорил Мешлер.

Дэйн считал его предложение малоосуществимым. Он осмотрел комнату. Тау возился с тяжелораненым, и его место было здесь. Трое прилетевших во флиттере не были в состоянии

возвращаться, а у Картла снова может начаться приступ. Значит, остается он с Мешлером.

Рейнджер не вызывал добровольцев и всем, кроме Тау, дал работу по подготовке оборудования. Им удалось приготовить пояса, веревку и неуклюжую лебедку. Все это заняло во флиттере так много места, что Дэйн не понимал, как им удастся разместить за один раз больше двух-трех поселенцев. К тому же приходилось пользоваться тихоходным грузовым флиттером; иначе вообще не удалось бы поднять оборудование. А Картла предупредил, что если они перегрузят машину, то она разобьется. Но на рассвете они вылетели — Мешлер на месте пилота, Дэйн и бреч, который в последнюю минуту присоединился к их компании.

— Плохо. — Дэйн старался убедить бреча остаться. — Нас там ждет опасность.

— Пришел с вами, всегда пойду с вами и вернусь с вами, — ответил бреч, как будто только с Дэйном надеялся вернуться к своей семье.

Зная, как им помогли его способности в прошлом, Дэйн не стал настаивать. Руководствуясь указаниями поселенцев, Мешлер повел флиттер с максимальной для такой неуклюжей машины скоростью. Поселок Картла готовился к осаде, а сам Картла вернулся к коммуникатору, хотя, казалось, не верил в эксперимент. Бури не было, но день стоял пасмурный, и солнце лишь бледным пятном виднелось сквозь тучи. У них, кроме двух бластеров, не оказалось оружия. Дэйн пытался не думать о том, что произойдет с ними, если врагам удастся захватить огнемёт и они направят его против флиттера.

Когда они оказались над полями, которые расчищали люди Ванатара, были видны лишь следы прерванной работы. Стоявший флиттер лежал на обломках двух краулеров. Из обломков по ним выстрелили из бластеров. Был ли это друг, принявший их за врагов, или враг, определивший, что это спасательная машина поселенцев? Во всяком случае, стреляли из ручного оружия, которому не хватило мощности, чтобы достать флиттер, хотя он и снижался. Мешлер развернул машину в сторону от парка. Флиттер, не предназначенный для маневрирования, требовал его полного внимания. Но направление им указал бреч!

— Много страха... боль... там, — он указал носом.

Дэйн передал это Мешлеру, и тот повел машину в указанном направлении. Они увидели скалу, походившую скорее на искусственное сооружение, чем на естественный выход породы, хотя никакого рисунка на камнях не просматривалось. Мешлер подвел флиттер поближе. На полпути к скале на плохо расчи-

ценном поле виднелся перевернутый краулер. Из него торчал ствол огнемёта и оттуда, где ствол касался земли, шла полоса дымящейся почвы. Очевидно, машина перевернулась с работающим огнемётом и тот продолжал жечь землю, пока не разрядился.

Но он сделал свое дело. Перед краулером лежали три полу-сожженных чудовищных туловища, но гораздо больше чудовищ бродило среди скал; они не торопились нападать и, главным образом, потому, что на скале три робота, вооруженных ножами для расчистки, яростно и угрожающе размахивали руками. Еще два робота были повреждены — один кружился на месте, волоча за собой поврежденную руку, а второй стоял неподвижно, очевидно, вследствие выхода из строя двигательных центров.

Роботы тоже внесли свой вклад, разрезав четырех чудовищ. Но роботы действуют, пока у них есть заряд. В тот момент, когда флиттер приближался к скале, двое оставшихся часовых замедлили движение, а один полностью остановился с поднятой рукой. Мешлер сражался с флиттером. Как и предупреждал Картла, неуклюжий грузовик не обладал нужной маневренностью, к которой привык рейнджер, и ему приходилось бороться с незнакомой машиной, чтобы она оставалась на нужной высоте. Люди внизу узнали, должно быть, флиттер и замахали руками из-за камней.

Дэйн пинком распахнул дверцу и приготовился выбросить пояс, но флиттер отказывался парить и оборудование в кабине раскачивалось. Сработает ли крюк? Дэйн старался об этом не думать, все равно нужно попытаться. Он следил, как опускается пояс, выпуская веревку. Пояс достиг цели, потому что веревку снизу дернули.

— Следи, чтобы все шло хорошо, — сказал Дэйн бречу. — Я должен заняться этим.

Бреч подошел к люку и высунул голову наружу, упираясь лапами в пол.

— Они надевают на человека... Он ранен...

Сначала отправляют раненых... Дэйн думал, что они догадуются отправить наверх хоть одного человека, способного ему помочь. А если пояс не выдержит... Он включил лебедку, наскоро сооруженную Картлом и одним из поселенцев. Веревка натянулась, и мотор взвыл от напряжения. Груз начал подниматься медленно, очень медленно, но Дэйн мог только следить, чтобы мотор продолжал работать, а веревка наматываться. Ожидание казалось бесконечным, но вот бреч доложил:

— Один здесь... Но он не может забраться сам...

— Иди сюда, — быстро принял решение Дэйн. — Следи, если веревка провиснет — позовешь.

Он протиснулся мимо бреча, который послушно направился к лебедке. Человек, беспомощный и неподвижный, висел под самым люком. Дэйн осторожно поднял его и опустил на пол кабины, а потом вытер пот со лба, хотя было совсем не жарко. Отцепив пояс, он снова выбросил его. Осматривать первого прибывшего не было времени. Мешлер даже не оглянулся — он так сосредоточенно управлял флиттером, как будто стал его частью. Снова веревку дернули. На этот раз поднятый человек оказался в сознании и смог сам забраться в машину.

— Сколько вас еще? — спросил Дэйн, отстегивая пояс.

— Десять человек, — ответил поселенец.

Десять человек! А есть ли у них для этого время? Дэйн снова выбросил пояс, попросил поселенца следить за лебедкой и пошел к Мешлеру.

— Их двенадцать. Мы не сможем забрать их всех сразу.

— Мы можем не успеть выполнить второй полет, — ответил Мешлер, не отрывая глаз от приборов.

Это очевидно, но также ясно, что с перегруженным флиттером им не удастся улететь. Пока враги проявляют себя только выстрелами из бластеров, а чудовища продолжают бродить перед роботами. Неожиданно флиттер дернулся, будто потянули за невидимую веревку. Парение прекратилось, и они двинулись над скалой.

— Контрольный луч! — неожиданно воскликнул Мешлер. — Слабый, но на этой машине с ним нельзя бороться.

Контрольный луч! Их снова тащили куда-то, как на первом флиттере. Еще одно крушение?

— Что за?.. — воскликнул второй раненый. — Мы уходим от них!

Дэйн вернулся к люку. К счастью, пояс еще не надели на следующего.

— Смотрите!

Флиттер нырнул, свисавший пояс ударился о скалу и неожиданно зацепился за поднятую руку неподвижно стоявшего робота. Несмотря на все усилия Мешлера, нос флиттера резко пошел вниз, и они полетели к земле.

Глава 16

ПРИМАНКА ДЛЯ ЗАСАДЫ

Дэйна отбросило назад неожиданным наклоном палубы, и он ударился о лебедку. Возможно, капюшон термокостюма спас ему жизнь, но на какое-то время он все же утратил интерес к про-

исходящему. Очнулся он от боли, заполнившей голову и вцепившейся в шею и плечи. Боль так заполнила его мир, что он лишь смутно ощутил звук, громкий и резкий, пробивающийся через красный туман боли. Его подняли, и боль так усилилась, что он закричал. Дэйна тащили грубо и поспешно, но он не потерял сознания. Его не положили, а скорее бросили, чуть приподняв голову, и оставили одного. Медленно, с трудом он открыл глаза и осмотрелся. К нему устремились обломки крушения, уходя за пределы видимости, так как он не мог поднять голову. Память вернулась, и Дэйн узнал флиттер, ударившийся, очевидно, хвостом. В поле его зрения находился также машущий руками робот.

— Мешлер? — произнес он хрипло имя рейнджера.

На него глянуло совершенно незнакомое лицо. Незнакомец смотрел на Дэйна, но не делал попыток осмотреть его рану.

— Этот еще жив, — доложил он кому-то.

— Тем лучше. Если немного отползет, будет лучше и убедительнее. А остальные?

— Один мертв, другой еще дышит. А как пилот?

— Цел. Ноги у него связаны. Вытащи его наполовину из обломков, и все будет готово. А теперь позовем этих разгребателей грязи...

Дэйн временами переставал слышать, как будто отдельные слова теряли смысл.

— Эй, вы, в скалах!

Громкий выкрик болью отозвался в черепе.

— Слушайте! — прогремел тот же голос.

— Слушаем, — донеслось более слабо.

— Можем сделать предложение.

— Слушаем, — донесся первый ответ.

— Соглашайтесь, — вмешался другой голос, нетерпеливый.

— У нас нет времени, эти все спутали.

— Мы идем без бластеров к той скале...

— Согласны.

Человек, стоявший возле Дэйна, отошел. Когда он проходил возле робота, машина отклонилась. Она была запрограммирована таким образом, чтобы не принести вреда человеку. К первому человеку присоединился второй. Они стояли спиной к дереву, но он мог их видеть. Туман рассеялся, но боль оставалась. Из-за камней появились два человека в одежде поселенцев. Они шли осторожно и остановились на большом расстоянии от врагов.

— Что вам нужно? — спросил один из них.

— Всего лишь... улететь с планеты. У нас есть корабль, но до него нужно добраться. Нам нужен транспорт... флиттер...

— Да? Но у нас нет флиттера, — возразил поселенец, — а из камня мы его не сделаем.

— Нам нужно перемирие, — ответил первый. — Мы отзовем зверей и пошлем их в другом направлении. К северу есть передатчик, и, если мы включим свой, они двинутся туда. Мы обратимся по коммуникатору за помощью. Прилетевшие увидят крушение и сядут рядом. Мы захватим флиттер. О, без бластеров, только с танглерами. А когда мы удалимся, вы свободны. Нам нужен только флиттер. Если бы этот не разбился, мы взяли бы его. Оставайтесь на месте тихо и мирно, не пытайтесь хитрить, пока мы не заполучим флиттер.

Поселенец повернулся к товарищу. Дэйн видел, как движутся губы, но слов он не слышал.

— А они? — Поселенец указал на Дэйна и на обломки.

— Останутся здесь до прилета флиттера. После этого сможете забрать их. И чтобы показать наши добрые намерения, мы отзовем зверей. Вы согласны?

— Надо поговорить... — Делегаты поселенцев отступили, не поворачиваясь спинами к врагам, и исчезли за камнями.

Их противники тоже отошли, хотя и не принимали мер предосторожности. Дэйн понял условия перемирия, но лично для него они мало что значили, однако смутное чувство тревоги пробудилось. Ясно, что поселенцы не верят этим людям, но согласятся ли они? Если согласятся... Приманка! Объяснение прозвучало в мозгу как сигнал тревоги. Обрывки в разговоре приобретали смысл. Он и остальные, выжившие в катастрофе, — наживка. Флиттер сядет, чтобы оказать помощь. Если зверей отзовут и никаких признаков активности врага не будет видно, приманка может сработать. Если люди за камнями не попытаются предупредить вновь прибывших, ловушка захлопнется.

Но отступят ли враги, получив транспорт? Дэйн, борясь с головной болью, пытался думать ясно. Если поселенцы поверят, они просто глупцы. С другой стороны, они плохо вооружены, а роботы постепенно выходят из строя. Один из оставшихся сделал еще два взмаха руками и застыл с поднятыми руками, как будто пытаясь оттолкнуть врага. Без бластеров, без роботов они станут легкой добычей чудовищ. А поселенцы в отчаянном положении могут пойти на сделку, считая, что хуже им от этого не будет. И стремление предупредить придало Дэйну силы. Он попытался шевельнуться, вначале одной рукой. Она слегка поднялась и повисла, как будто это была чужая рука. Он направил свою волю на пальцы. Они онемели и почти потеряли чувствительность, но все же шевельнулись.

Ему нужно не просто шевельнуть рукой. Он сосредоточил свои усилия на том, чтобы сесть, но когда он приподнял голову,

она так закружилась, что он чуть не потерял сознание. Он полежал, набираясь сил, а потом попробовал двинуть другой рукой и одной ногой, потом другой ногой. Похоже, кости не сломаны. И онемение прошло. Видимо, он просто сильно ударился головой.

— Думаешь, они согласятся?

Дэйн застыл, услышав совсем близко голос.

— У них нет выбора. После того, как роботы остановятся, звери набросятся на них. Они не дураки. Пусть немного поговорят, и мы предъявим им ультиматум — теперь или никогда.

— Долго ли нам ждать флиттер?

— Что ж, первые убрались, а вторые прилетели, уже готовые подобрать оставшихся. Видимо, они знали, что их ждет, так что кто-то поднял тревогу. И Дексти получил сообщение из порта. Похоже, вольным торговцам удалось убедить командование Патруля.

— Я думал, Спьюмен там справится...

— Он все делал хорошо до последнего груза. Гротлер не мог нагрузить больше, чем даже если бы и хотел. Для него хорошо, что он не пережил полет. Дексти разорвал бы его на части и скормил бы зверям. Операция еще может закончиться благополучно, но Спьюмен больше не может прикрываться Трости. Один человек, только один человек сгруппил — и вся работа многих лет идет насмарку!

— Гротлер, вероятно, заболел. Ведь он умер при взлете?

— Будем надеяться, что эта часть рассказа правдива. Если ему помогли убраться из нашей вселенной, тогда дело плохо. Нет, Дексти прав — обрубить концы, убраться отсюда и пусть эти птицеводы возятся с нашими крошками. Поселенцы будут так заняты этим, что нам удастся запутать следы.

— Думаешь, это погубит всю операцию Трости?

— Кто знает, что сумеет обнаружить Патруль? Мы, может быть, справились бы с Гротлером и вольными торговцами, если бы этот рейнджер не стал бы вмешиваться и вынюхивать, если бы они не сняли силовое поле и не выпустили бы наших крошек. После этого нам ничего не оставалось, как только контролировать их, а мы не смогли, потому что на севере действует сильный источник.

— Гротлера?

— А чей же еще? Спьюмен передал, что торговцы увезли источник на шлюпе в дикую местность, чтобы там какой-нибудь специалист взглянул на него. Клянусь четырнадцатью рогами Маблана, все идет не так, как нужно! Мы пытались убрать чудищ и что получилось? Напали на этих...

— Дексти сказал, что их нужно уничтожить. Пусть рейнджеры думают, что это сделали звери.

— Знаю, знаю. Что же произошло? Часть из них ушла. Нам пришлось задержаться, и мы потеряли флиттер. Не поедешь же на краулере, если эти чудища легко растопчут его, как тюбик Е-рациона...

— Значит, мы ждем другой флиттер?

— А ты можешь придумать другой выход? Эйлик убрал помехи, и мы послали призыв о помощи на волне порта, специально сделав его слабым. Между нами и портом четыре или пять крупных поселков, может отозваться любой из них. Таков обычай поселенцев. Мы получим флиттер, включим источник на полную мощность и теперь, когда роботы уже остановились, желание Дексти все же исполнится — в живых никто не останется.

Хотя кое-что оставалось еще неясным, общая картина отвратительного замысла стала ясна Дэйну впервые, после того как он увидел мертвеца на своей койке. Как он и опасался, эти незнакомцы не собираются выполнять условия договора. Как же предупредить людей за камнями?

— Эй... вы, там... — окликнули на этот раз первыми поселенцы.

Дэйн попытался подчинить тело своей воле. Если бы только он мог крикнуть! Но когда он попытался это сделать, из горла вырвался лишь хрип. Один из незнакомцев, проходя мимо, пнул вытянутую ногу Дэйна. Боль огнем пробежала по телу, и Дэйн подумал, что потеряет сознание. Придя немного в себя, он снова увидел разговаривающих незнакомцев и поселенцев.

— Мы согласны. Отзовите зверей, и мы позволим вам взять флиттер... если он придет.

— Придет... — ответил незнакомец. — Мы послали на север сигнал тревоги. Вы не предупреждаете их, мы отзываем зверей. Ну, а если предупреждаете, мы пускаем зверей обратно, а они сначала займутся этими... — Он указал на обломки, среди которых лежал Дэйн.

Но где же бреч? Снова Дэйн почти забыл о чужаке, и, поскольку незнакомцы не упоминали существо с Ксечо, бреч, вероятно, погиб в обломках флиттера. Печальный конец для необычного товарища в этой неожиданной катастрофе. Капюшон лежал над головой Дэйна, и, когда он попытался повернуть голову, чтобы посмотреть, цел ли микрофон, ему в шею впился какой-то острый предмет. Как будто коммутатор разбит. Даже если бреч и жив, позвать его невозможно. Но когда вернулись из-за камней незнакомцы и остановились рядом с ним, у Дэйна было над чем подумать. Оба незнакомца были землянами или

потомками землян-колонистов, насколько он мог судить. На них были термокостюмы, на головы наброшены капюшоны. Один из них присел рядом с Дэйном.

— Слышал наш разговор. — Это был не вопрос, а утверждение. — Ладно, не вздумай предупредить их. Мы выпустим наших крошек и, как ты думаешь, кем они займутся в первую очередь?

Дэйн не ответил, и человек казался удовлетворенным тем, что напустил страху на беспомощного пленника.

— Мы о вас позаботимся, — добавил он. — Если бы не вы, проклятые торговцы...

— Пошли, — опустил ему на плечо руку товарищ. — Бесплезно говорить ему об этом... Виноват Гротлер, а не они. Гротлер... и то, что вы не смогли всего предвидеть. Во всяком случае, с ним покончено.

Они исчезли из поля зрения Дэйна, и он остался лежать, глядя на обломки флиттера, на неподвижного робота, на камни, а в ушах продолжало звучать: «С ним покончено...» Было впечатление, будто его неожиданно стегнули хлыстом по спине. И так, они считают, что с ним покончено, что все, что осталось от него, лежит тут, как приманка в ловушке, как добыча для одного из этих чудовищ! Если бы только он мог оглянуться... Что они сказали раньше? Мешлер в порядке, только связан танглером и высовывается из-под обломков, играя роль другой жертвы крушения. Но на этот раз нет бреча, который освободил бы его. То, что нужно сделать, Дэйн должен сделать сам. Снова медленно, с бесконечной осторожностью попытался он шевельнуть конечностями. На этот раз они были более послушны. Боль в голове уменьшилась, и головокружения больше не было. Он попытался взглянуть на небо, определить время. Облака держались с утра. Сколько осталось до темноты, сказать было трудно. Но, конечно, бандиты осветят обломки, чтобы привлечь внимание тех, кто придет на помощь. Они не оставят свою приманку в темноте. Сколько будет света?

Дэйн внимательно прислушался. Он слышал звон оставшихся двух роботов, чьи-то голоса в отдалении, но слова были непонятны. О, Дух Космоса — вода! Как ему хочется пить! Сначала это была неосознанная потребность, но когда он подумал об этом, жажда чуть не свела его с ума. Дэйн всегда считал себя выносливым — вольные торговцы славятся своей способностью выживать в особо трудных условиях. На Земле его учили особой технике — выживание не в припасах, а во внутренней силе человека. Дэйн не очень хорошо освоил эту науку и сомневался в своих способностях, но иного выхода у него не было. Он начал действовать так, как учили инструкторы, часто при-

ходившие в отчаяние от его неспособности. Власть мозга над телом...

Жажда... Он хочет пить. Он как будто лежит в воде и впитывает ее всеми порами своего тела. Вода! На мгновение он позволил себе думать о воде, о сухости во рту, о пепельной пустоте в горле. Потом он с тщательностью применил нужную технику — или то, что инструкторы считали нужной техникой. Ладони Дэйна были прижаты к земле. Он осторожно оперся на них, немного приподнялся и обнаружил, что слабость почти исчезла. Он может встать. Сможет ли он бороться с безумием? Будут ли враги грубо обращаться с ним на виду у тех, за камнями. Ведь они заключили сделку, хотя и не намерены выполнять ее условия. Предположим, он встанет, и они обрушатся на него. Те, за камнями, поймут, что с ними обойдутся не лучше. Его сознательно пнули, хотя со стороны он мог казаться лишенным сознания. Итак...

Дэйн перенес тяжесть тела на одну сторону. А куда он двинется? Если к камням — его тут же остановят. А если ближе к обломкам? Нужно попробовать... Он изо всех сил оттолкнулся, перевернулся и застыл, а боль и тошнота снова обрушились на него, но теперь он снова видел обломки. Недалеко от него лежал лицом вниз человек. Это был тяжелораненый, который был первым поднят на борт флиттера. Он явно мертв. Немного дальше лежал Мешлер. Рейнджер смотрел на Дэйна. Вот он слегка шевельнулся, высовываясь из-под двери люка, а над ним под угрожающим углом возвышалась лебедка.

— Этот двинулся!

Дэйн не видел говорящего, но тот был близко.

— Воды!.. — Дэйн решил, что пора начинать игру. — Воды!..

— Голос у него был хриплым, почти шепот.

— Он хочет пить.

— Ну, дай ему. Те не должны догадываться.

Дэйн обрадовался. Он правильно оценил положение. Рывок за плечо перевернул его на спину, и он увидел горлышко бутылки. Из нее хлынула благословенная влага, полилась по щекам и подбородку. Потом горлышко засунули в рот, и он начал пить. Когда горлышко выдернули, послышался приказ:

— Оттащи его отсюда! Он слишком близко к камням. Когда стемнеет; кто-нибудь захочет унести его.

Дэйна подхватили под мышки, слегка приподняли и потащили. Он прилагал страшные усилия воли, чтобы не потерять сознание от боли, которую ему причиняли толчки о землю. Когда его отпустили, он ударился о землю головой и плечами. Теперь Мешлер оказался совсем рядом.

— Прекрасно! — послышался голос.

Дэйн полуоткрыл глаза. Теперь он не играл роль, а жил в ней. Он смутно видел стоящего рядом человека. Человека? Нет, это был чужак, такой же, как и тот в лагере, если не тот же самый. Он говорил на базовом языке. По крайней мере, это слово было произнесено на базовом языке звездных линий, но с сильным акцентом.

— Да, хорошо сработано, Джулио. Такой вид разобьет сердце любому спасательному отряду. Несомненно, он попытается подползти к своему товарищу, чтобы освободить его, что он и делал, но упал. Люди в этих диких мирах слишком заняты мыслями о долге друг перед другом. Если бы не эта их слабость, нам бы не выпутаться.

Чужак поднял голову, на которой был не капюшон, а нечто, напоминающее шлем, из которого торчала антенна, и посмотрел на север. Неужели они ждут, что помощь придет так быстро? Насколько Дэйн мог судить, они на расстоянии многих часов пути от ближайшего поселка, а из Каргла никто больше не по-явится.

— Надо зажечь лампы. Бури нет, но ночь темная.

Тьма действительно сгущалась. Теперь Дэйну было видно почти все вокруг. Другого человека, поднятого на борт вторым, он не видел. Должно быть, он лежал по ту сторону обломков. Мешлер был неподвижен, хотя время от времени бросал на Дэйна пристальные взгляды. Незнакомцы возились с двумя диффузными лампами, устанавливая их так, чтобы они бросали свет на сцену крушения, а остальное оставляли в тени. Почему они больше не используют контрольный луч? Дэйн сам тут же нашел ответ. Они уже пытались это сделать и все кончилось крушением, а им нужен исправный флиттер.

Чужак в последний раз осмотрел сцену. Остальные укрылись в тени, вооружившись танглерами. Чужак снова остановился возле Дэйна и рейнджера.

— Молитесь своим богам, — сказал он, — чтобы вам не пришлось долго ждать. Мы сейчас еще сдерживаем зверей, но у нас нет нужного оборудования и сколько мы сможем их сдерживать — неизвестно. Игра случая, в которой больше всего проиграете вы и те, за камнями. Их последний робот останавливается. Сколько времени они могут с двумя бластерами и несколькими станнерами обороняться от тех, кто там бродит?

Чужак обвел рукой местность, и Дэйн понял все, и он увидел кошмарных чудовищ. Большинство из них он даже не смог бы описать, но увидел он достаточно для того, чтобы понять, какое будущее их ожидает.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ К КРЫСИНОЙ НОРЕ

— Мы надеемся на слабость вашего племени, — продолжал чужак. — У вас эмоции перевешивают разум. Увидев человека в беде, вы бросаетесь на помощь. А у нас подготовлено жалостливое зрелище.

Дэйн почувствовал в этом высказывании черный юмор, как будто чужак находил эту слабость забавной для своей роли. Но понимает ли он, что сцена слишком хорошо поставлена? Любой человек с нормальной подозрительностью, отвечающий на призыв о помощи, будет с осторожностью приближаться к хорошо освещенной и организованной сцене катастрофы. Предположим, Картла прорвался пульсирующей передачей сквозь помехи... Но не следует слишком надеяться на это, надо думать только о предстоящем. Если те, кто ответит на призыв о помощи — если они вообще ответят, — ничего не заподозрят... Чужак отошел.

— У них может получиться, — прохрипел Мешлер, будто горло у него пересохло, а слова вырывались с болью. — С воздуха все выглядит естественно. А если мы попытаемся предупредить их...

— В любом случае нам не на что надеяться, — ответил Дэйн. — Я слышал их разговор. — Дэйн не думал, что Мешлер надеялся на слова бандитов.

Диффузные лампы были зажжены таким образом, чтобы навести на мысль — по крайней мере, один человек уцелел после катастрофы и теперь пытается привлечь внимание спасателей. Свет был направлен с таким искусством, что Дэйн и Мешлер оказались четко видимыми. Любое их движение будет тотчас замечено из засады. Но ожидавшие там вооружены танглерами, а не бластерами. Может, у них не хватает зарядов для бластеров? А сколько чудовищ осталось? Роботы остановились, и когда чудовищ высвободят...

Дэйн отчаянно боролся со своим воображением и заставлял себя думать только о ближайшем будущем. Что они вдвоем могут предпринять? И он ничего не мог придумать. Хочется пить. Вода... Не думать о воде, которая сейчас так же далека, как и «Королева». «Королева», шлюпка, что там? Очевидно, ящик на месте, где они его закопали, иначе он не мог бы привлекать чудовищ. Значит, его радиация пробивает оболочку, изготовленную Штоцем.

Дэйн так задумался, что в первое мгновение не заметил холодного прикосновения металла к руке, лежащей на земле. Но

наконец давление металла привлекло его внимание. Он не осмелился даже взглянуть и не только потому, что боялся возобновления головокружения. Если его догадка правильна, нельзя ни в коем случае привлечь к себе внимание врагов. Он осторожно шевельнул рукой, слегка ее приподняв. Немедленно предмет, которым толкали руку, оказался просунутым между ладонью и землей — сначала ствол, а потом и рукоятка.

Станнер! Бреч! Он, должно быть, скрывался в обломках, а теперь снабжает его оружием. Конечно, эта штука гораздо хуже бластера, но лучше танглера, которым вооружены сидящие в засаде. А впрочем, он не знает, заряжен ли станнер. Снова толчок в руку, и Дэйн ощутил прикосновение ствола второго станнера. Но ствол легко прижали и тут же убрали, как будто бреч только хотел сообщить, что есть ещё оружие. Дэйн вспомнил происшествие на «Королеве» — бреч знал, как обращаться со станнером. Если бы только связаться с бречем и велеть ему обойти флиттер и выстрелить из станнера по тем, кто в засаде. Но, к сожалению, это невозможно. Он попытался нащупать лапу, державшую оружие, но уже ничего не было. Если бы не первый станнер, он мог бы подумать, что ему все привидилось.

Темнота быстро сгущалась, диффузные лампы горели все ярче. Чудовища, бродившие вокруг, действовали на нервы. Что толку от станнера в такой обстановке! Не надо думать об этом. Достанет ли он до сидящих в засаде? Дэйн чуть повернул голову, полузакрыв глаза и глядя из-под век. Предположим, прилетят спасатели... Уложит ли он хоть одного бандита, прежде чем те применят танглеры? И посмеет ли он это сделать? Ведь ответом может быть залп бластеров из тьмы, где скрываются другие враги. Сколько здесь бандитов? Чужак, по-видимому, их командир, и еще шестеро, как минимум, а может, и больше. Дикий, безумный план, но ничего другого Дэйн не мог придумать. Острота ожидания длится недолго, потом ожидание становится скучным. Дэйн испытывал такое состояние и раньше, но никогда не был так беспомощен.

Ночь не молчала. Существа, бродившие вокруг, издавали зловеющие звуки. Слышать их было хуже, чем видеть. Но вот сквозь рычанье, фыркание пробился другой звук — равномерное гудение флиттера. Дэйн, вытянув голову, пытался разглядеть носовые огни, но флиттер приближался, вероятно, с севера, а он смотрел на юг.

— Идут, — выдохнул Мешлер, пытаясь выбраться из-под обломков, которые крепко держали его. — Вы можете что-нибудь предпринять, чтобы предупредить их?

— Вы думаете, я не сделал бы, если бы мог? — ответил Дэйн.

Не имело смысла двигаться и показывать свое оружие, пока его нельзя по-настоящему пустить в ход.

К удивлению Дэйна, звук флиттера замер вдали. Он понял, что пилот осторожен и собирается перед посадкой осмотреть сцену. Удержит ли его осторожность? Со страшным чувством слушал Дэйн, как звуки удаляются и замирают. Не послужит ли это для врагов сигналом спустить зверей, поскольку их ловушка не сработала? Но, очевидно, предводитель бандитов был терпелив и уверен в своем плане и знании человеческих слабостей. Люди в засаде не двигались. И вот в ночи вновь послышался гул мотора флиттера.

На этот раз машина приближалась с юга, и Дэйн увидел носовые огни, зеленые, как глаза ночного хищника. Машина летела низко, направляясь точно на обломки. И вот флиттер начал садиться. Дэйн посмотрел на единственного видимого ему бандита. Тот стоял с танглером в руке и напряженно выжидал. Дэйн ничего не видел за крутом света, однако не сомневался, что и остальные бандиты готовы к нападению, как только флиттер коснется земли. Но они не нападут, пока все не выйдут из флиттера, иначе пилот может взлететь, оставив их с пустыми руками.

Дальше события развивались так, будто какой-то телепат подслушал мысли Дэйна. Флиттер не коснулся земли, а распахнулся люк и оттуда выскочил человек. Он побежал, но не прямо к обломкам, а зигзагами, как будто знал о засаде. И в тот же момент Дэйн решил двинуться. Он откатился в сторону, захватив бандитов врасплох. А может, их ошеломила неожиданность — выпустив одного человека, флиттер тут же взлетел и повис над облаками.

Дэйн выстрелил, прикрывая телом свои действия, и, хотя у него не было времени прицелиться, рука человека с танглером повисла и оружие выпало. Он не убил бандита, но на несколько часов превратил его в однорукого. Бегущий добрался до Мешлера, укрылся за обломками и выстрелил из своего станнера. Он прицелился лучше — его луч ударил в голову бандита, пытавшегося достать оружие, и тот упал. Жидкие, застывающие нити тайглера другого бандита взлетели в воздух. Бандит образовал в воздухе сеть. Эти нити автоматически отыщат ближайшего человека. К несчастью для бандита, в попытках добраться до вновь прибывшего он слишком высунулся из укрытия. Дэйн и человек из флиттера одновременно выстрелили по руке, державшей танглер, и он исчез. Танглер продолжал испускать липкие нити, но теперь они падали прямо на стрелявшего. Они быстро нашли цель, и сам стрелявший оказался опутанным с ног до головы.

— Ты ранен? — Голос Рипа привел Дэйна в изумление.

— Ушиб голову. Но они готовы спустить на нас чудовищ. А за камнями поселенцы.

— У них теперь другие заботы, — ответил Рип. — А что касается чудовищ... — Держа в одной руке станнер, он другой неуклюже вытащил из термокостюма ящичек, нажал на кнопку и спросил: — Где чудовища?

— В последний раз я видел их в том направлении, — показал Дэйн и прислонился к обломкам, так как мир по-прежнему пытался опрокинуться и приходилось с этим бороться.

— Хорошо.

Прежде чем Дэйн успел возразить, Рип встал и, отведя руку назад, далеко забросил ящичек. Дэйн ощутил странный холодок и боль в глазах усилилась.

— Ультразвук, — коротко объяснил Рип. — Он настроен на частоту муравина. Будем надеяться, что он подействует и на остальных.

Он упал на землю рядом с Дэйном и Мешлером, и тут же на том уровне, где только что была его голова, сверкнул луч блас-тера, их обдало жаром. Но второго выстрела не последовало. Наоборот, в ночи началось смятение — крики, выстрелы, но не в их направлении.

— Подействовало, — послышался голос Рипа. — Теперь они о нас забудут.

— Что?.. — начал Дэйн, но Рип не дал ему закончить вопрос, быстро объяснив положение дел, как будто чувствовал необходимость успокоить товарищей.

— Знаешь, мы не сразу прилетели сюда. Высадили на гравитационных поясах несколько патрульных, двоих рейнджеров и отряд патрульных полицейских. Пока они занимали позицию, мы отвлекали внимание. Они уже начали действовать, а ультразвук заставил чудовищ убраться отсюда...

— Этот ящичек с «Королевы»... Они говорят, что он увлекает зверей на север... — сказал Дэйн.

— Да, их там встретят. Ну, а вы?

Рип приподнял обломок, под которым лежал Мешлер. Обнаружились нити танглера, связывавшие руки и ноги рейнджера. Теперь их легко можно было растворить. Мешлер выполз из-под обломков со стоном от боли в затекших руках и ногах. Флиттер, паривший вверх, сел поблизости и из него выскочило еще несколько человек.

— Капитан Джелико! — узнал первого Дэйн.

Второй оказался в мундире патрульного, но с нашивками медицинской службы. В руках у него была медицинская сумка.

— Что с вами, Торсон? — Капитан опустился на колени рядом с Дэйном.

— Осторожней! — Дэйн схватил капитана за рукав и попытался уложить его. — У них бластеры.

— Их бластеры заняты другим делом, — ответил капитан. — Посмотрим, что с вами.

Несмотря на протесты, Дэйн был вынужден лежать, пока его осматривал врач.

— Череп цел, но сотрясение сильное, — сказал врач, сделав укол. — И много порезов. Понюхайте!

Он сунул под нос Дэйну ампулу. Резкий запах ударил в нос Дэйну, прочистил голову и боль отступила. Врач отошел к камням, где были раненные, и Дэйн остался лежать, отдыхая. Капитан куда-то исчез, но Рип оставался рядом.

— Откуда появился капитан?

— Слишком долго рассказывать, — ответил Рип. — Картла пробился со своим сообщением. А мы готовы были двинуться на юг. От него мы услышали достаточно, чтобы понять, что это ловушка. Так что старик был готов.

— Картла говорил, что до них дошел слух, будто бы экипаж в тюрьме по обвинению в саботаже.

— Началось именно так, но потом добавилось слишком уж много даже для толстобрюхих чинов портовой полиции. Они начали прислушиваться к нам, задавать вопросы и на каждый было по несколько ответов. Патруль арестовал нескольких местных чиновников и подверг их допросу. Это был серьезный шаг, кое-кто из офицеров мог лишиться мундиров и космических прав, если бы подозрение не подтвердилось. Но это только начало. Дело касается не только Трюса, и, если бы Патруль кое-чего не заподозрил, нас бы так легко не выслушали. Все это связано с организацией Трости.

— Торсон, — неожиданно прервал Рипа появившийся капитан, — сколько человек вы здесь видели?

— Шесть или семь, большинство земляне или потомки землян. Но их предводитель из чужаков. Им был нужен флиттер, чтобы вернуться в лагерь. Они собирались улететь с планеты...

Но капитан, казалось, не слушал его. Он расстегнул термокостюм и извлек микрофон, очень похожий на тот, что был у Дэйна. Бреч! Почему он все время забывает о нем, дважды спасшем их жизнь, даже трижды, если считать и силовое поле? Как будто это воспоминание сознательно отодвигалось в глубь памяти. И вот из-за обломков появилось существо с Ксечо. Он хромал, прижимая одну лапу к животу и держа в ней станнер. А из флиттера выпрыгнул второй бреч и побежал навстречу первому. Они коснулись носами и повернулись к землянам.

Капитан Джелико оттянул перчатку, под которой оказался портативный коммуникатор, используемый разведчиками.

— Финнерстон, только что поднялся небольшой летательный аппарат. Он направляется на юг. Бречи докладывают, что на борту один из бандитов. Я считаю, что это их предводитель, он хочет добраться до своего командного поста. Перехватите его.

Ответом послужил подтверждающий щелчок. Дэйн сел, опасаясь, что голова его сейчас снова закружится, но, благодаря стараниям врача, оказался способным двигаться. Рип помог ему встать.

— Он направляется в лагерь...

— Лагерь? Что за лагерь? — спросил Джелико.

Дэйн рассказал об искажающем поле, покрывавшем лагерь бандитов. Джелико тут же оттянул комбинезон и прикусил нижнюю губу. Его выражение — скорее, не выражение, а неподвижность лица — предшествовало, как знал Дэйн, активным действиям.

— У них флиттер, отобранный у поселенцев, — сказал Дэйн, — а нужен был еще один. Для этого они и устроили эту ловушку. В лагере у них космический корабль, готовый к старту.

Капитан Джелико неожиданно ожил.

— Финнерстон, на базе к югу ожидает готовый к старту космический корабль. У вас патрулируется этот район?

Послышался неразборчивый ответ. Капитан нахмурился, держа коммуникатор возле уха.

— Ультразвук, — прошептал Рип Дэйну. — И от него помехи. Вряд ли теперь можно связаться с портом. Если не сообщить...

— Точно! — неизвестно, отвечал ли капитан Рипу или своему собеседнику в коммуникатор.

— Мешлер знает расположение лагеря, — сказал Дэйн, но, оглянувшись, не увидел Мешлера.

— У нас есть приборы, но здесь они не работают из-за ультразвука. Идемте.

Джелико пошел к флиттеру, за ним последовали бречи, а далее шли Дэйн и Рип. Уже у люка капитан взглянул на Дэйна.

— Вы на положении больного, Торсон.

Дэйн покачал головой, но тут же пожалел об этом из-за волны боли.

— Я был там...

Но эта просьба прозвучала неубедительно. Мешлер послужил бы лучшим проводником, но Дэйн до конца хотел быть свидетелем, и, когда появились трое патрульных и один полицейский, выяснилось, что Мешлер ушел к парку в поисках машин. Так Дэйн получил разрешение на полет. Образовалась

смешанная экспедиция. Бречи втиснулись в дальний конец флиттера. Кроме того, полетели трое патрульных, их командир Финнерстон, полицейский, два рейнджера плюс Джелико, Рип и Дэйв. Капитан сел в кресло пилота, Финнерстон — рядом с ним, а остальные теснились сзади. Летели они не на грузовом флиттере, а в машине, предназначенной для перевозки войск, так что, по крайней мере, все сидели.

Капитан поднял машину в воздух и, не поворачивая головы, спросил:

— Куда?

— На юго-восток, сэр.

Финнерстон обернулся и оценивающе посмотрел на Дэйва.

— Там ничего нет... Мы прочесывали эту территорию.

— Они в углублении, накрытом искажающим полем, — ответил Дэйв. — Сверху ничего не видно.

— Искажающее поле! — голос Финнерстона звучал недоверчиво. — Но в таких размерах! Нет, это невозможно!

— Из того, что я видел и слышал, — холодно возразил Джелико, — люди Трости делают много невозможного. Ученым будет любопытно познакомиться с их идеями. Искажающее поле, а? Как же вы их нашли?

— Мы шли по следу краулера...

— Это нам кое-что дает... если бы мы подлетали днем. Но времени нет. Мне не нравится этот улетающий. Он предупредит и корабль стартует. Тогда, — обратился он к Финнерстону, — вам достанутся только обрывки. Вероятно, очень немногое. То, что они не в состоянии увезти с собой, они уничтожат. А этого им нельзя позволить. Как только выйдем за пределы ультразвука, нужно будет немедленно связаться с портом. Может, нам помогут оттуда. «Королева» недостаточно вооружена, чтобы перехватить корабль в космосе. А ваш катер?

— Можно попробовать, — ответил Финнерстон, но в его голосе не было уверенности.

Дэйв подумал, что с теми усовершенствованиями, которыми располагали бандиты, неуверенность Финнерстона была вполне оправданной. Финнерстон, все время проверявший коммуникатор, наконец начал кодированную передачу, повторил ее еще несколько раз и получил подтверждение приема. Опустив микрофон, он сказал:

— Катер немедленно вылетает и начинает патрулирование. Может, успеем... Там расширили зону радаров, и все, что взлетает с континента, теперь видно.

— Время, — сказал Джелико. — Что ж, надо постараться задержать их. Но бесполезно строить планы, пока не увидим базу.

ДОБЫЧА ПОБЕДИТЕЛЯМ

— Что происходит? — спросил Дэйн у Рипа.

— Пока еще мы не знаем всего; — объяснил тот, — но организация Трости здесь и, очевидно, на других планетах была занята двойной работой. На поверхности было все, что обычно им приписывалось и на чем и основана их репутация, а под поверхностью... Что ж, теперь Патруль уверен, что организация Трости незримо управляла, по крайней мере, четырьмя планетами в разных районах Галактики и готовила обширную сеть...

— Но кто они? И Трости... Он погиб или же нет?

— Это еще одна загадка, хотя есть два объяснения. Согласно одному, он все еще жив и по-прежнему тайно руководит организацией, вернее, ее умами, набранными из разных рас. Другое объяснение: Трости всегда был лишь маской организации, которая превратила его в романтическую фигуру, чтобы отвлечь внимание. Во всяком случае, организация Трости — это особое теневое правительство, что, впрочем, Патруль уже некоторое время подозревал. Но лишь их ошибка на «Королеве» приоткрыла их планы и позволила Закону ухватиться за конец ниточки.

— Я знаю, что у них тут незаконная станция с регрессированными животными, — сказал Дэйн. — Но это все?

— Это только начало. Потом они обнаружили еще кое-что.

— Камень!

— Руда, — поправил Рип. — И очень интересная руда. Она усиливает, причем очень значительно, телепатические способности. Эта руда встречается на нескольких планетах, но свойства ее они открыли, только когда построили вызывающие регресс машины. Тут они и обнаружили это свойство как побочный эффект. По-видимому, здесь велась только часть экспериментов. Им был нужен Трюс. Поселки стали угрозой для их деятельности. Отсюда появились чудовища, которых предполагалось выпускать постепенно, чтобы отпугнуть поселенцев.

— А Патруль знал это и ничего не предпринимал?

— Патруль только подозревал, а потом появились мы. Человек Трости в порту хотел заставить нас молчать, но так как убить он нас не мог, замысел его не удался. Капитан обратился к Совету Торговли, и, поскольку Патруль проявил заинтересованность, нас выслушали. И хотя люди Трости подчинили себе Совет, властью над Патрулем они не обладали. И когда капитан сделал заявление, все взорвалось, как воздушный шарик. Это стало концом для них. Вероятно, они это знали и хо-

тели, по крайней мере, выиграть время, чтобы вывезти с планеты наиболее важное... Если бы не выпустили чудовищ.

— Это сделали мы, вернее, это сделал бреч, — и Дэйн кратко рассказал о том, как было снято защитное поле, и о подслушанном разговоре бандитов. — А эти геологи... — вдруг вспомнил он. — Если это не люди Трости, как же они узнали о руде?

— Мы считаем, что у них был какой-то прибор, с помощью которого они обнаружили необычную радиацию и решили, что нашли что-то интересное. Они взяли образцы, но из жилы, которую уже нанесли на карту люди Трости. Их убили, а руду отобрали. И это было сделано быстро, но неаккуратно. Должен сказать, что в последнее время люди Трости стали допускать ошибки. Например, посылка ящичка на «Королеве».

— Да, если у них уже был здесь такой прибор, зачем надо было посылать на «Королеве» второй?

— Одна из небольших загадок. Возможно, наш ящичек из другой их лаборатории и его прислали сюда для проверки. Может, в той лаборатории нельзя было провести испытания. Им не повезло, поскольку у нас на борту оказались бречи и зародыши, а их человек умер. Если бы ему удалось незамеченным добраться до порта, ему оставалось лишь только снять маску и исчезнуть. Впрочем, со временем Патруль во всем этом разберется, но мы вряд ли узнаем — все станет делом абсолютно секретным.

— Трости... Трудно поверить, что Трости.

— Эти слова повторят на многих планетах Галактики, — вмешался в разговор один из патрульных. — Беда в том, что на многих планетах они считаются благотворителями. Нам нужны твердые доказательства, что их благотворительность была лишь маской. И к тому же они привлекут лучших юристов и будут сражаться в суде. Мы надеемся, что Трюкс даст нам нужные доказательства, достаточные, чтобы уничтожить их организацию здесь и подобрать ключи к остальным.

— Если мы прилетим вовремя, — заметил Дэйн. — Самые важные материалы они могут увезти, а остальное уничтожить.

У него снова начала болеть голова. По-видимому, перестало действовать средство, которое дал врач Патруля. Дэйн понимал, как необходимо выиграть время, но ведь они понятия не имели, каким оружием располагают бандиты за искажающим полем. У них есть контрольный луч, способный посадить любой вражеский флиттер. И не только посадить, но и уничтожить. Достаточно предводителю бандитов отдать приказ, и они погибнут еще до начала схватки. Есть немало других видов оружия, способных достать их в небе простым нажатием кнопки. К несчастью, память нашептывала Дэйну о множестве таких воз-

возможностей. И опять, видимо, мысли его были ясны для товарищей, как будто они были написаны на лбу.

— Если они готовятся к старту, они не смогут использовать контрольный луч, — задумчиво заметил Рип. — Это мешает им самим взлететь, собьет с курса...

— Даже без контрольного луча у них есть чем защищаться, — уныло ответил Дэйи, прислонился ноющей головой к стенке и закрыл глаза.

— Глотни...

Ему сунули что-то в руки, и он увидел, что держит тюбик с Е-рационом. Крышка была снята, и доносился ароматный запах. Дэйи понял, что очень хочет есть. Слегка дрожащими руками он поднес тюбик ко рту и выдавил пасту, теплую, расширяющую внутри приятное тепло.

«Как давно они в последний раз ели в Картла», — подумал он.

Е-рацион, хоть его и нельзя было жевать, да и вкус его мог бы быть лучше, хорошо утолял голод. И на этот раз не нужно было довольствоваться четвертью тюбика. Дэйи в одиночку прикончил весь тюбик. Вокруг него все тоже ели.

— Бречи? — вспомнил он, начав есть.

— Получили свою порцию. — Рип кивком указал на угол кабины.

Свет был тусклым, но Дэйи различил тюбики рациона, торчащие из пастей бречей.

— Что с ними будет? — спросил он, сделав последний глоток.

— Детеныши в лаборатории, — ответил Рип, — но самка настояла на том, чтобы отправиться с нами. Вокруг них большая суeta. Если бречи представляют собой деградировавшую разумную жизнь, у Ксечо возникают проблемы. И похоже, что это так. Нужно будет сделать все возможное, чтобы вернуть их к разумной жизни. Уже у всех, кто с ними связан, сейчас болит голова.

— Они телепаты?

— Мы еще не знаем, кто они. Лаборатория прервала все свои эксперименты и занялась только ими. Поскольку вызывающая регресс машина каким-то образом связана с телепатической рудой, возможно, под ее действием усиливаются телепатические способности. И это только одна причина для головной боли...

— Ха! — вмешался офицер Патруля, подняв руку, на запястье которой был прибор, похожий на прибор Тау, но более компактный. — Радиация нужного типа, два градуса к западу...

— Далеко? — спросил Джелико, изменяя курс.

— Две единицы.

Дэйн видел, как капитан слегка кивнул. Чуть погодя Джелико сообщил:

— Бречи говорят, что под нами движутся две наземные машины.

— Неужели они все еще собирают людей?

«Собирают своих», — подумал Дэйн, представив себе, что флиттер должен действовать против вооруженной базы, знающей о противнике. Но, переводя взгляд от одного лица к другому, он не видел тревоги, как будто проходил обычный полет. Хотя есть больше не хотелось, голова по-прежнему болела, и Дэйн чувствовал сильную усталость. Как давно он нормально не спал... Он старался вспомнить события последних дней, которые теперь казались месяцами. Джелико не стал бы рисковать, если бы ситуация давала ему возможность выбора.

— Осталась одна единица.

— Радар ничего не показывает, — ответил Джелико, — сильные помехи.

Дэйн повернул голову, пытаясь взглянуть в окно, но с его места невозможно было увидеть поверхность земли, даже если бы был день, а не раннее утро.

— Контактного луча нет. — Джелико то ли сообщил, то ли подумал вслух.

— Я еще кое-что уловил — возможно, ваше искажающее поле. — Финнерстон оглянулся на Дэйна.

— Торсон, что там внизу? — спросил капитан, и Дэйн оторвался от своих мыслей, так как сейчас ему нужно было оправдать его включение в отряд.

— Посадочная площадка к югу. — Он закрыл глаза, вспоминая, что видел за время короткой схватки в лагере. — Три пузырчатых строения вместе — к северу, за ними еще два, полузакопанные в землю. За пузырями парк машин. Все.

— Возможно, они ждут своих людей в захваченном флиттере, — сказал Джелико, — а те приближались бы без колебаний. Попробуем. И, возможно, встретим залп бластеров, если у бандитов есть какой-то опознавательный код.

Дэйн подумал, что хорошо бы забраться в какую-нибудь защитную камеру на следующие несколько минут. Но офицер Патруля не возражал против безумного плана капитана Джелико.

— Смотрите! — Финнерстон смотрел вниз в окно кабины, но другим не было видно то, что привлекло его внимание.

— Вниз! — Руки Джелико устремились к приборам. — Это, должно быть, искажающее поле.

Дэйн увидел, как все вокруг зашевелилось. Патрульный у люка приготовился его открыть. Флиттер начал спуск. Снаружи

было странно светло, причем это свечение неожиданно усилилось. Должно быть, они миновали зону искажения и теперь спускаются в ярко освещенный лагерь.

— Действуй! — отдал приказ Финнерстон за мгновение до того, как флиттер коснулся земли.

Патрульный распахнул люк и точным тренированным движением выпрыгнул. Остальные устремились за ним в заранее определенной последовательности. Портовые полицейские и рейнджеры действовали менее проворно. Финнерстон уже исчез, и, прежде чем Дэйн и Рип собрались, бречи с удивительной быстротой выпрыгнули в люк. Рип прыгнул, а Дэйн со своей замедленной реакцией выбрался последним, держа в руках станнер. Джелико, по-видимому, находился по другую сторону флиттера.

Коснувшись башмаками земли, отчего боль в голове усилилась, Дэйн осмотрелся. Было светло, но, благодаря какому-то везению, они приземлились в стороне от активных действий. Космический корабль стоял на площадке, нацелившись носом к звездам. Оба его грузовых люка были открыты и работали подъемные краны. Цепочка роботов двигалась от двух заглубленных в землю зданий, и каждый из них нес ящик или канистру, на вид не тяжелые. Привычным взглядом окинув груз, Дэйн понял, что берут с собой легкое, только то, что можно легко уложить в трюм. Остальное, вероятно, намеревались уничтожить.

Поблизости от корабля стоял краулер с двумя закрытыми клетками на борту. В нем вроде бы никого. Трап, ведущий в помещение команды, опущен, но находился под охраной — наверху стояли двое в мундирах, вооруженные бластерами, и пристально смотрели вниз. Приглядевшись повнимательней, Дэйн увидел таких же караульных у грузовых люков, которые следили за роботами. А пока как будто никто не обратил внимания на приземлившийся флиттер и его экипаж. Они стояли с пустыми руками и смотрели на охраняемые трап и грузовые люки.

— Нет места, — негромко прокомментировал Финнерстон, — собираются оставить подчиненных. Согласны ли те?

— Они безоружны, сэр, — доложил один из патрульных.

К лязгу роботов и общему гулу погрузки добавился новый шум, однако он донесся не от группы, неподвижно стоявшей в некотором отдалении от корабля. В круг яркого света въехали еще два краулера. В первом — только три человека, держащие ящики и тюки, защищая их своими телами от толчков неровностей на местности. Во втором краулере стоял большой ящик. Когда краулеры проезжали мимо ожидающих, из толпы послы-

шались крики и толпа качнулась вперед. Линия огня — выстрел из бластера — оставила на земле дымящийся след. Люди отшатнулись. Краулеры не остановились, и их пассажиры даже не взглянули на остающихся. Машины остановились, одна у трапа, а другая у грузового люка.

Роботы застыли, и только двое из них еще действовали, осторожно переноса ящик из второго краулера. В это время люди из первого краулера начали подниматься по трапу, с той же осторожностью неся груз.

— Скоро старт, — сказал Джелико, — надо действовать.

Но и другим тоже пришла в голову эта же мысль. Пока люди под укрытием флиггера изучали сцену перед собой, бречи перешли к действиям. Самец у подножья трапа встал на задние лапы, держа в передних станнер, и луч скользнул вдоль трапа. Охранники так внимательно следили за людьми, что вообще не заметили бреча, а последний человек, несущий ящик, споткнулся и упал, скользя по трапу. Луч частично задел одного из охранников, и из рук того выпал бластер. Второй охранник выстрелил, но не в бреча, а в тех, от кого ждал враждебных действий. Луч бластера врезался в толпу, и там закричали.

Стражники у люков тоже начали стрелять, но тут же упали от выстрелов из станнеров бречей. Упал и второй охранник на трапе, но из его бластера по-прежнему вырывался смертоносный луч.

— Пошли! — раздалась команда. Патрульные и полицейские бросились к кораблю.

Для взлета трапы нужно убрать, а люки закрыть. Один из бречей попытался добраться до бластера, испускающего пламя, но не смог. Из люка ударил луч бластера, и бреч, не пострадавший от него, был вынужден прижаться к земле. Нападающие держали под прицелом люки, не давая их закрыть. Дэйн бежал за капитаном и Рипом, которые далеко опередили его, но ни один из трех торговцев не направлялся к схватке у люков. Напротив, их целью был третий краулер, тот самый, с двумя клетками. Рип первым добежал до него, вскочил в кабину и включил двигатель. Капитан последовал за ним и приготовился защищать свою находку, а защищать было от кого. Несколько человек, переживших залп бластеров, обрушились на землян.

Джелико уложил двоих, а Дэйн — третьего, нажав спуск немеющими пальцами. Рип развернул краулер в нужном направлении. Теперь Дэйн понял, что тот собирается сделать. Вес краулера, если его поднять на въездную рампу, прикует корабль к поверхности. Взлета не будет — система безопасности корабля

не позволит этого. Из корабля по-прежнему стреляли, и капитан был настороже, следя за люком, а Рип нацелил нос тяжелой машины прямо на люк. Дэйн видел, как Рип взмахнул рукой, используя тяжелую рукоять станнера как молот, разбил приборы управления и теперь никто не сможет свернуть машину с курса.

Рип выпрыгнул с одной стороны, Джелико — с другой, а краулер с грохотом продолжал движение. Машина поднялась на рампу и задержалась, взгрызаясь гусеницами в землю. Теперь якорь торговцев удержит корабль и, если вовремя подойдет помощь из порта, можно будет использовать газовые бомбы. Оставив корабль на «якоре», нападающие занялись людьми, рассеянными залпом бластеров, но Дэйн пошел за Джелико и Финнерстоном, осматривающих базу. Большая часть ее была основательно уничтожена. В одном из заглубленных зданий взорвали бомбу, а остальное торопливо разграбили. Хорошо оборудованная станция связи уцелела, и один из полицейских уже вызывал помощь.

— Беда в том, — заметил Финнерстон, — что если они действительно заботятся о сохранении тайны, то уничтожат все в корабле. — Он взглянул на корабль. — К тому времени, как к нам подойдет помощь, там ничего не останется.

— Провести переговоры? — предложил Джелико.

— Тем самым только дадим им время избавиться от всего подозрительного. Если бы это была местная операция, можно было бы попытаться, но тут слишком многое поставлено на карту. У них на борту информация, угрожающая десяткам планет, и о многом мы, возможно, и не подозреваем. Эта информация важнее всего.

— Может, эти? — спросил Дэйн, указывая на пленных. — У них теперь нет причин поддерживать экипаж корабля. Они могут подсказать, что находится на борту.

Офицер, должно быть, уже подумал об этом и тут же начал допрос. Большинство угрюмых пленников отказывались отвечать, но пятый из допрашиваемых сообщил им важные сведения. Остальные пленники служили охранниками или простыми рабочими, пятый же, которого оглушил бреч, принадлежал к более высокому рангу. Когда его проводили мимо остальных пленных, они начали дружно проклинать его. Стоя перед Финнерстоном, пленник постепенно приходил в себя. Выстрел из станнера, близкая смерть соратников, гнев остальных бандитов — все это сломило его. Офицер Патруля узнал то, что ему было нужно. По указанию пленника в развалинах отыскали газовые бомбы и тут же бросили их в открытые люки. Бомбы разорвались, выпуская усыпляющий газ. Солдаты в

масках поднялись на борт, начали выносить пленников, связывая их тангрером, и вместе с ними то, что бандиты намеревались вывезти с планеты.

Спустя три дня экипаж «Королевы Солнца» впервые после вылета шлюпки собрался вместе в порту. Правительство поселенцев было глубоко потрясено. Руководство взял на себя Патруль, были вызваны специалисты с других планет для изучения лаборатории Трости и материалов, захваченных на корабле. Дэйн сидел, держа в руке чашку с кофе. Головная боль у него прошла после того, как он проспал двадцать часов подряд, и теперь он внимательно слушал капитана.

— ...как только очистят корабль, он будет считаться контрабандой, захваченной в ходе операции, и его продадут с аукциона. Никому на планете корабль не нужен, никто не знает, что с ним делать. Мы, по-видимому, единственные претенденты, потому что Патруль вряд ли возьмет на себя хлопоты по переправке корабля на другую планету, чтобы продать его. Финнерстон заверил, что, если мы предъявим претензии на него, корабль будет наш.

— У нас есть корабль — и хороший, — возразил Штоц.

— Наш корабль связан почтовым контрактом, — ответил Джелико. — Деньги за это идут, но небольшие, и нам нужно набрать кое-какую сумму до окончания контракта...

И капитан предложил сделать решающий шаг к превращению «Королевы Солнца» в компанию двух кораблей. Мало кто из вольных торговцев располагал такими возможностями.

— Нам не понадобится выходить на втором корабле в глубокий космос, будем использовать его в этой системе. Трюс — аграрная планета. Если она сможет давать больше продукции, то вскоре она будет готова и к регулярной межзвездной торговле. Теперь посмотрите на это. Вот система Трюса. Захваченные нами карты показывают, что руды — бандиты называли ее эксперитом — гораздо больше на Ригинии — следующей внешней планете системы. Но условия на планете позволяют жить на ее поверхности только под особыми куполами. А шахтеры должны есть и отправлять руду на Трюс для дальнейшей отправки во внешний космос. Торговля между этими планетами все время будет возрастать, и поскольку мы приложили руку к разоблачению Трости, то вполне можем получить преимущественное право на торговлю. А это очень выгодно.

— А экипаж? — спросил Вилкокс.

Джелико провел пальцем по шраму на щеке.

— Почтовые рейсы не трудны...

«Не трудны?» — подумал Дэйн, но вслух ничего не сказал.

— На некоторое время мы разделимся. В первый раз на новом корабле пойдет Вилкокс, главным инженером — Камил, а главным механиком — Уикс. Стюардом найдем кого-нибудь. Поскольку Ван Райк скоро появится на «Королеве», Торсон пойдет суперкарго. В следующий раз штурманом пойдет Шэннон. Мы все время будем обмениваться экипажами. Конечно, людей мало, но для полетов внутри системы хватит. Согласны?

Дэйн переводил взгляд с одного лица на другое. Он ясно видел преимущества предложения капитана. О предстоящих же трудностях можно было только догадываться, но, когда подошла его очередь, он добавил к согласию остальных свое «да».

Они разделили свой экипаж на два корабля, надеются на лучшее и готовятся к худшему, как обычно приходится вольным торговцам. А что их может ожидать? Бесполезно напрягать воображение. «Королева Солнца» много вынесла в прошлом, и ее новая сестра должна будет научиться тому же.

СОДЕРЖАНИЕ

Саргассы в космосе	3
Зачумленный корабль	151
Планета колдовства	281
Проштемпелевано звездами	341

Андрэ Нортон

КОРОЛЕВА СОЛНЦА

Романы

Ответственный за выпуск *И. А. Лазарев*

Художник *А. В. Вальдман*

Редактор *И. В. Омельк*

Технический редактор *Л. В. Гришина*

Корректор *К. И. Каревская*

Сдано в набор 10.05.91. Подписано к печати 04.12.91. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага книжно-журнальная офсетная. Печать офсетная. Усл. печ.

л. 29,80. Уч.-изд. л. 30,42. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3182.

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука»

199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 лин., 12.

МП «Центрополиграф» 127018, Москва, Октябрьская ул., 18.

фантастические романы

**Саргассы
в космосе**

•
**зачумленный
корабль**

•
**планета
колдовства**

•
**проштемпелевано
звездами**